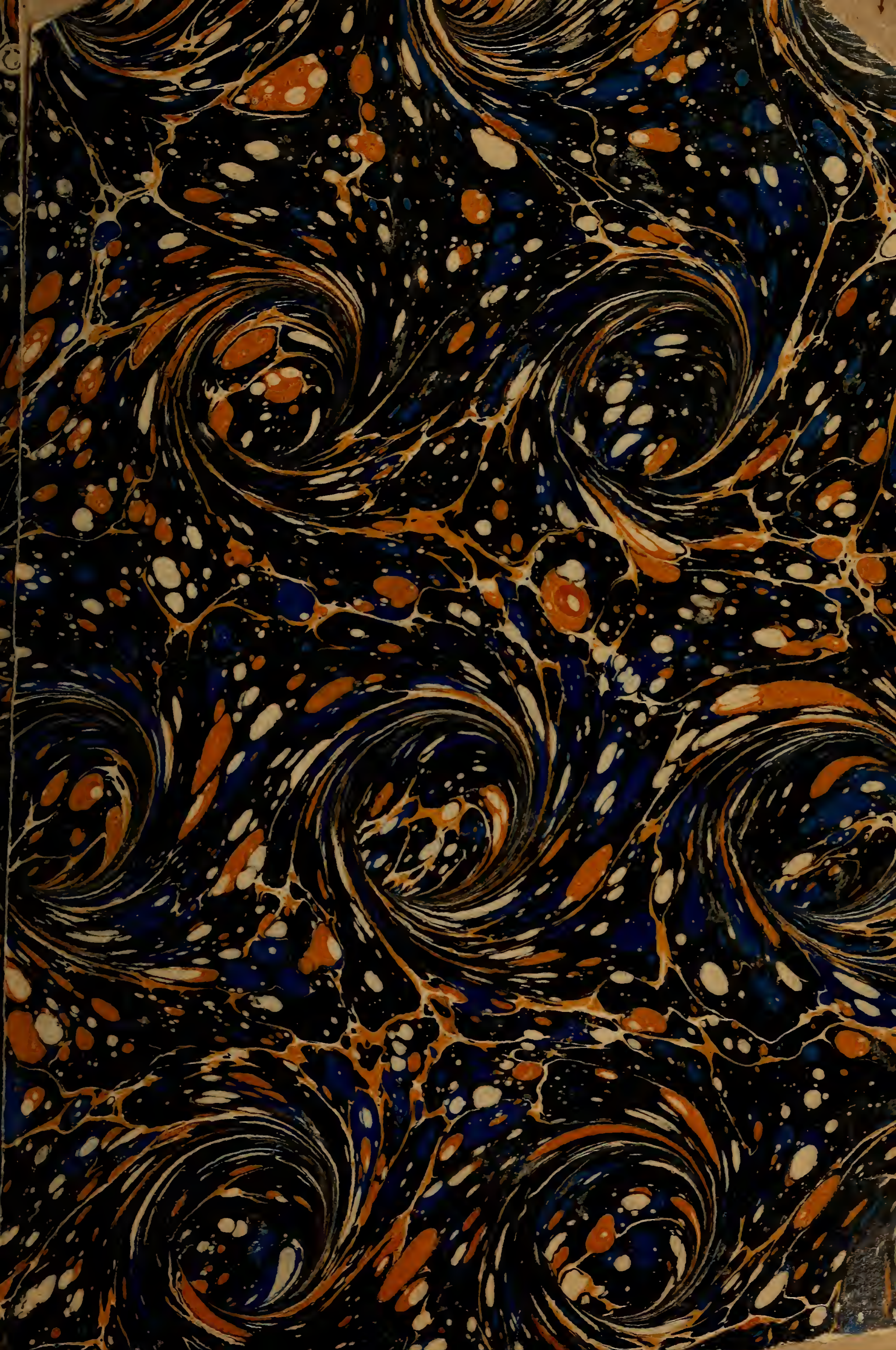
PG
1464
.M5

Class PG1464
Book .C5



ПѢВАННІЯ

ЦЕРНОГОРСКА И ХЕРЦЕГОВАЧКА

САБРАНА

ЧУБРОМЪ ЧОЙКОВИЋЕМЪ
ЦЕРНОГОРЦЕМЪ.

pseud of Milutinović

ПА

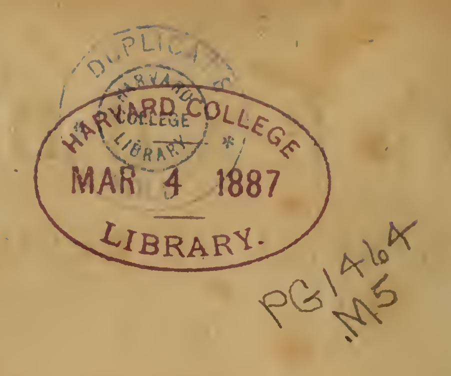
И ЊИМЪ ИЗДАНА ИСТИМЪ.

Volkslieder der Montenegriner und Herzegowinaer Serben.

У ЛАЙПЦИГУ

ПЕЧАТАНО КОДЪ БЕРН. ТАУХНИЦА ЮНІОРА.

1837.



Чамуняо, кои непѣвао,
А шко пѣво, Богъ веселіо га! ипроч.

WILLIAM H. FLOYD
COLLECTION.
NO......................

До тры коледке.

1.

А. Чувайсе, радуйсе.

Градъ градила бѣла Вила
Ни на небу ни на земльи,
Нег' на грани одъ облака;
На граду є трое врата,
Єдно врата одъ скерлета,
Друго врата одъ бисера,
Треће врата сухог' злата.
Што су врата одъ скерлета,
На та Вила шћеръ удава,
Што л' су врата одъ бисера,
На та Вила жени сына;
Што ли врата сухог' злата,
На та Війла сѣди сама,
Вила гледа у облаке,
Ђесе муня зъ громомъ игра,
Мила сестра су два брата,
А невѣста съ два ђевера:
Муня грома надиграла,
Мила сестра оба брата,
И невѣста два ђевера,
А то мило Вили было.

2.

Б. Дійка є врлости мазда.

Ловъ ловіо Бан'-Секуле
И планиномъ и горицомъ,
Намѣра га наніела
На юначко разбоиште,
На вучіе віялиште,
И вилинѣ игралиште;
Ту уфати Секулъ Вилу,
Богомъ куми бѣла Вило:
„Богомъ брате Бан'-Секула!
Неводи ме уйку своме,
Своме Уйку Угрин'-Янку,
Тры ћу теби казат' быля;
Да си честанъ у дружины,
Да ти люби роди сына,
Да ти сабля сѣче Турке."
Ал' іой вели Бан'-Секула:
„Муч' нелудуй бѣла Било!
Быо Секулъ юнакъ собомъ
Бы'ће частанъ у дружину;
Была здраво глава моя,
Роди'ће ми люби сына,
А и оштра сабля моя,
Здраво моя десна рука
Сѣћи'ће ми сабля Турке."
Пакъ одведе бѣлу Вилу,
Дарива є уйку своме,
А онъ нѣму крило златно,
Крило златно и перятно.

3.

В. Умѣт', имѣт'.

Саблю паше старъ Новаче
По Мисиру біеломе,
Низско сабю припасао,
А срете га Турско момче,
Тер' Новаку бесѣдило:
„Окле теби сабля моя?!
Сабля моя Баба мога?"
А Новакъ му бесѣђаше:

,,Ніе ово сабля твоя,
Нег' є ово сабля моя!
И оштра є и ево є,
А ясамъ є саковао
У Николе Куюнціе;
Ако ли ми невѣруєшъ,
Извешѣу ти тры свѣдока,
Радоицу и Груицу,
И Николу Куюнцію,
Што є саблю саковао."
Сви Новака Турцы чуше,
Па будали вѣровали,
И саблю му оставили.
Удри тко ѣе, неста веѣе...!
Скочи коло да скочимо!
Ко ли море, ко л' неморе!
А я знадемъ ко неморе:
Тко се скоро ожені̂о,
Сваког' добра пожеліо,
Лепе душе ђевоячке!...!
Коловођо дико наша!
До тебе є лепа снаша,
Што т' є коло-задремало.
Што скакало постустало?...
Окомъ трени коломъ крени,
Нек' є коло сво весело.

4.

(слѣдую Даворіе)
Свѣръ.

(Цʼрногорска пѣсна кад'се наново заратише съ Турцима Црногорцы 1711^а^ года, кад' имъ є дошао Милорадовиѣъ посланъ одъ Руссіе съ грамматомъ диверсіе ради противъ Турака.)

Кадъ Руссія съ Туркомъ заратила,
Петаръ первый Императоръ Русскій
Оправіо посланника свога
Михаила Милорадовиѣа
Одъ старине изъ Херцеговине,
Да понесе Црнойгоры кньиге
Петровиѣу Даннилу Владицы,
И главаромъ одъ Горице цʼрне;
У кньизи ихъ мило поздравяше,
И овако ньима говораше:
,,Ево има доба неколико,
Да воюємъ и да боя біемъ
Съ Єретикомъ Кралѣмъ одъ Швеціе
За обрану Краля Полячкога,
Кога бранихъ одъ Краля Швецкога,
Ал' онъ мене учини невѣру,
И приступи душманину своме,
Душманину и своме и моме;
По я іоште имамъ издайника,
Проклетога Мазепу Ивана,
Воеводу одъ Руссіе мале,
Као Србы Бранковиѣа Вука!
Ни то мени досадило ніе,
Ни ратнике мое утрудило,
Съ Богомъ Шведе єсмо рашѣерали
Подъ Полтавомъ страшно побѣдили,
А Мазепа жива уфатили,
И Полячког' повратили Краля,
Дасе кае што є учиніо;
Него ми є Турчинъ заратіо,
И сву силу на ме обратіо,
Да освети Краля одъ Швеціе,
А мен' каже вѣрна слуга моя,
Вѣрный Саво Владиславѣвиѣу
Одъ Попова изъ Херцеговине,
Да вы славныи Црногорцы вольный
Съ Турцы мира нигда неимате,
И да мене помоѣи можете,
Пакъ ев' шилѣмъ посланника мога,
И уздамсе у вышнѣга Бога,
И у мышцу Србскога народа,
Особито славна Црногорца,
Да ѣе мени быти у помоѣи,
Да Христанскій Народъ избавимо,
И Славенско име прославимо,
Да сломимо ярма Агарянска,
Благочестя уздигнемо храме,
Оперемо нанешенне сраме
Одъ Турчина општег' душманина.
Выcте съ Русс'ма єдинога рода,
Исте вѣре, Славенска єзыка,
Быт' сродніи веѣ' неймамо куда,
Кад' к'о Русси єсте и юнацы,
Но скочите ка'сте Црногорцы,

Покликните окружне Християне
Све юнаке на старе налике,
Пакъ на Турску землю навалите;
Наша войска већ' є ударила
Турке біе нигда непрестае."
Тай Посланникъ на Цстинѣ дође,
Владыка га жельно дочекао,
Црногорце на зборъ сакупіо,
Ову ньима ріечъ говоріо:
,,Ево браћо кньига одъ Руссіе!
Ево кньига, ев' и посланниче
Одъ славнога Царя Христянскога!
Кньига пише и посланникъ каже,
Да є Турчинъ Цару заратіо;
Но сад' браћо ако Бога знате
Сви будимо справны и готовы!"
— — — — — — — — — —
Црногорцы кад' то разумѣше,
Сви кликнуше а єдиногласно:
,,Фала да є Богу великоме,
Тесмо кньиге ове видіели
Одъ нашега Цара Славенскога,
Славенскога пакъ и Ришћанкога,
За коєга друго незнавасмо,
Н'ако негђе да є у свіету,
Ђе онъ за насъ ни чути неможе,
А кад' чуо и за наске знаде,
Ево наше саблѣ при поясу,
Ево наше пушке у рукама,
Сад' и вазда справны и готовы
Сви єднако срца веселога,
Овчасћемо удрити на Турке,
И што брже то є нама драже,
Што ли пређе то є нама слађе!"
Владыка є ово саслушао,
Цара кньиге преписати дао,
Пакъ преписе быо одправіо
Уза свое кньиге на све стране
У сву Босну и Херцеговину,
У сва Брда и у Зетту плодну,
Да Христяны подигну оружье,
Съ Црномъ горомъ дасе пріудруже;
Иза тога призива главаре,
На главары войску подигнули,
И на Турску землю ударили,
Опалише села и вароше
Око бѣла Оногошта града,
Око Спужа, око Подгорице,
И около града Жаблячкога;
Затворише у градове Турке,
А Христяне себе сприлюбише.
Да ти бѣше видіети побре
Какос' она войска умложава!
Како трче Брђаны юнацы,
Херцеговцы и младый Зећаны,
Подъ баряке Цара Руссинскога,
Тесе друже съ войскомъ Црногорскомъ
Небы река, драгій побратиме,
Дасе иде съ Турцим' боя бити,
Но на игру хладно вино пити,
И веселе пѣсне попевати.
Но веселѣ ово нетраяло,
Н'ако само два мѣсеца данахъ,
Негосе є брзо превратило,
На Србальску жалость и несрећу;
Єрбо худы гласи допадоше,
Дасе Петре съ Турцим' умиріо
Не по вольи него по невольи,
Што га бѣху Турцы опколѣли
Близу Прута студене ріеке,
Тер' му помоћъ дођи немогаше,
Ни остало што є войсцы нужно.
Ове гласе када разумѣше
И владыка и сви Црногорцы,
Уплакасе мало и велико,
Свакъ жаляше Ришћанскога Цара;
Михаило пође у Руссію,
А остави у ратъ Црногорце,
Како тадеръ тако и досадеръ,
Вино пію съ Турцимасе бію,
И браниће с', докъ ихъ єдног' трае,
Одъ свакога, толи одъ Турчина;
Ніе сѣнка вольность Црногорска!
Нейма тога, изванъ самог' Бога,
Црногорце ткобы уярміо,
Н'ако бы ихъ найпре погубіо,
Но и то бы іошъ мучніе было.

5.

Два Херака.

(Одъ Петра Мркаића, родомъ Херцеговца, изъ мѣста Петровића у Банянима.)

Кад' є Мостаръ куга поморила,
Уморила и старо и младо,
Раздвоила и мило и драго,
У Мостару нико неостаде,
Него само удовица Мара,
И у Маре два нејака сына;
Ліепо имъ име изабрала,
Єдномъ Милошъ а другомъ Милинко,
Ранила ихъ тугомъ и невольомъ,
Све преслицомъ и куђельомъ туђомъ,
Пакъ удрише хрђаве године,
Ока вина по жутъ цекинъ была,
Ока брашна по два гроша здрава,
Веђ' ихъ майка чим' хранити нейма,
А жао іой дѣцу изгубити;
Кад'се ядна на невольи нађе,
Па Милоша Цару даровала,
А Милинка одъ Беча Ћесару.
То вріеме задуго небыло,
Мало ври'ме двадесетъ годинахъ,
Ал' зарати Царе и Ћесаре,
Те су двіе силне войске дигли,
Предъ своіомъ є самъ Отмановиђу,
А пред' другомъ одъ Беча Ћесаре;
Дви'се силне войске састадоше,
Таборъ чине єдна према другой,
Те чекаю дас' ударе войске,
Ал' изъ войске излази ћесарске
Добаръ юнакъ, и на мейданъ зове,
Млогіи нѣму Турцы излажаху,
И свакога юнакъ посіече;
То є цару люто жао было,
Што учини кауръ мейданція,
Одъ войске му посіече главе,
Па пуштао по войсцы телала:
,Ніе л' майка родила юнака?
Да изгуби силна каурина!
Што м' изси'че найболѣ юнаке,
У ньихсамсе найвише уздао;
Честита ћу нѣга учинити."
Ко чуяше нечуосе чини,
Ко виђаше преда се гледаше
Како трава расте на огойке,
К'о біеле у дѣвице дойке,
Ал' негледа діете Милошу,
Него Цару 'вако говораше:
,,Я ћу поћи мой милосный Цару,
Те ћу посѣћ' царе мейданцію,
Што є теби Турке изгубіо,
По избору ђе є юнакъ болый,
Несуманькай што си обећао!"
Тако нѣму царе бесѣдіо:
,,Айде Мійле мое дийте драго,
Изгуби га па немысли храномъ,
Ты немысли храномъ ни госпоством."
Оде Милошъ на мейданъ кауру,
Састашесе брате на мейдану,
Састашесе два добра юнака,
Руке шире у лицасе любе,
Єданъ другомъ животъ опростіо,
Пакъ оскочи єданъ о' другога,
На бойнасе копя ударише,
Оба бойна копя саломише,
Єданъ другомъ одолѣт' неморе;
Па бацише у травицу копля,
За бриткесе сабѣ прифатише,
Тесе гоне саблям' по мейдану,
Обе британе сабѣ саломише,
Єданъ другомъ ране незададе
Бацише ихъ у зелену траву;
Па сподбише перне буздохане,
Буздованим' изломише држке,
Бацише ихъ у зелену траву,
Садъ осташе оба безъ оружя;
О добріехъ коня одсѣдоше,
На прсисе оны ударише,
Коликосе лахко састадоше,
Ломе имсе токе на прсима,
Поліеће иза капе перѣ,
Одпадаю копче са чакширахъ
Одъ велика зора юначкога;
Носишесе одъ ютра до подне,
Єданъ другом' одолѣт' неморе,
Оба, брате, крвы запѣнила
Одъ грднога труда и умора,
Пакъ оскочи єданъ о другога,
Те сѣдоше починут' юнацы,

Ма говори діете Милошу:
,,Младъ делія ако знашъ за Бога!
Кажи ми се ко си и окле си,
Кога ли си рода юначкога,
Нека знадемъ одъ ког' ћ' умріети?"
Ал' делія нѣму бесѣдила:
,,Кад' ме питашъ казаћу ти право!
Я самъ Србинъ одъ Херцеговине,
Изъ Мостара біелога града,
А на дому неймадемъ никога
До старице остарале майке,
И Милоша брата единога;
И нѣг' майка цару даровала,
Мене, брате, одъ Беча Ћесару,
Кад'су были хрђаве године,
Те насъ ніе хранит' могла майка."
Кад' то чуо діете Милошу,
Скочис' брате, од' землѣ нагорѣ:
,,А ты ли си мой брате Милинко,
Ево теби твог' брата Милоша!"
Руке шире у лицасе любе,
А питаю за юначко здравѣ,
Ал' Милинко бесѣди Милошу:
,,Ел' нам', брате, у животу майка?"
,,Богъ ме іоште мой милосный брате!
Скоросамъ я майку походіо,
Кад'самъ цару на войску пошао —."
Стадошесе браћа разговарат':
,,Сад' штоћемо брате од' живота?
Кад' е нама Богъ и срећа дала
На мейдану те неизгинусмо,
Кое бысмо добро учинили,
Накомъ себе споменъ оставили?"
Ал' Милинко Милу бесѣдіо:
,,Лахко брате врло добро мое!
Иди проси у Отмановића,
Ты у Цара испросити морешъ,
А я идемъ у мога Ћесара,
Мећу собомъ вѣру да уфате,
Тврда мира за ньина живота,
Да негину на правди юнацы,
И рођена на мейдану браћа,
Да неплачу майке и любовце,
Ни сестрице безъ браће остаю;
То е брате нама задужбина,
А и споменъ докленъ е свіета,
И докленъ е цара и Ћесара."
А то гледа царе и Ћесаре,
И ньихове двіе силне войске,
Тесе чуде и вако говоре:
,,Милый Боже чуда и зламеня!
Ко е ніе нигда было пріе!
Састашесе двіе мейданціе,
Што имаше код' себе оруж'я,
Што имаше свесу изломили,
Па юнацыс' на прси удрише,
Носишесе од' ютра до подне,
Еданъ другомъ одолѣт' неморре,
Па сѣдоше тер' одпочинуше;
Кад' юнацы починуше трудны,
Пакъ одъ землѣ обадва скочише,
Руке шире у лицасе любе,
И сад' сѣде, ладно пію вино,
То е богме велико чудество,
Ил' чудество, или е херацтво."
Ал'се отле браћа растадоше,
Оде Милошъ у Отмановића,
А Милинко у свога Ћесара,
Мећу ньима вѣру уфатише,
Да ни і' нигда рата мећу ньима,
Док'су, брате, оба цара жива,
И обадва брата мейданціе.
Мило было Цару и Ћесару,
Ђесе оны оба погодише,
Безъ икаква боя жестокога,
И рођена ђес' нађоше браћа,
Те два цара оны помирише.
Кад'се саста царе и Ћесаре,
Осташесе оны разговарат':
,,Садъ штаћемо съ ова оба брата?"
А и браћу преда се дозивлю,
Милостивый Ћесаръ бесѣдіо:
,,Шта просите наша ђецо драга?
Акоћесте са мномъ оба поћи,
Да'ћу вама благо и господство."
Ал' имъ вели Отмановић' Царе:
,,Шта просите наша ђецо драга?
Ако ћете са мномъ оба поћи,
Ево вама блага и господства,
А и землѣ колико ви драго!"
Оба имъ се славно преклонише,
И еднако оба бесѣдише:

,,Фала вама оба цара наша!
Фала вама, но и фала Богу,
Кад'се браћа родна састадосмо
На мейдану по дуѓу земану;
Мы у васке ништа нежелимо,
Већ' идемо своіой старой майцы,
Походит' ѥ и овеселити,
Да насъ майка стара непроклинѣ."
Кад' то чуо милосный Ћесаре,
Овако є Цару бесѣдіо:
,,Сад' одоше оба съ тобомъ Царе!
Ты дай землю, я имъ даемъ благо,
Нек'се знаде когасу служили."
Царь Милошу Мостаръ подписао,
А Милинку Фочу даровао,
Па Ћесаръ имъ даровао благо
Свакояко и безъ броя свега,
Ка'но Ћесаръ и юначка майка.
Здраво браћа у Мостаръ дођоше,
Они нашли у животу майку,
Тер' ихъ, брате, грли и целива,
И миломе Богу зафальива,
Кад' є она дѣцу саставила,
И ту свою желю испунила;
Пакъ обадва сына оженила,
Милоша є Мостаркомъ женила
Одъ юначкогъ рода и племена,
А Милинка Фочанкомъ ђевойкомъ,
Но и нѣга од' рода доброга;
Дійванъ породъ сынцы изродили,
И данасъ га има по свіету,
Одъ Милоша Милорадовићи,
Од Милинка Владиславѣвићи,
Тер'се оны славе по свіету,
И поносе родомъ и юнаштвомъ;
Етаквіисе хилядили Србы! —

6.

Турство.
(Ова ми є одъ слѣпца Гаша Ришнянина, у Котору преписана.)

Пію вино два Краљића брата
У Прилипу граду біеломе,
Єдно Марко а друго Андрія;
Пію вино разговараюсе,
Ал' Андрія Марку бесѣдіо:
,,Краљићъ Марко мой рођенный брате!
Війно писмо и братски живѣсмо,
Іошъ незнасмо ко є юнакъ больій,
Ходи Марко дасе обидемо!"
Али мудро Марко одговара:
,,Драгій брате Кралѣвићъ Андрія!
Нейма майка до мене и тебе,
Одъ Бога є велика грехота,
А одъ людихъ зазоръ и срамота,
Дасе колю два брата рођена;
Нег' пођимо зеленой планины,
Коіомъ нейма нiђе воде хладне,
Да идемо одъ ютра до подне,
Ко бы више жеђу претрпіо,
Одиста бы больій юнакъ быо."
Андрія є Марка послушао,
Добріесе коняхъ приватише,
Отидоше зеленомъ планиномъ,
Кад' є мало подне превратило,
Андрія є Марку говоріо:
,,Краљићъ Марко мой по Богу брате!
Помози ми вранца освоити,
Да му точимъ исподъ грла крвце,
Єръ ме тешка жеђа пристигнула."
Ал' говори Сабля-Краљић-Марко:
,,Не, Андрія, Богъ те неубіо!
Дослесмосе звали Кралѣвићи,
Посленћемо Попиконѣвићи,
Него пођи мало понапрiедъ,!
Наћи хоћешъ одъ вина механу,
У механи Мару крчмарицу,
То є брате мене посестрима;
Пићешъ вина колико ти драго,
Нећешъ дати паре ни динара."
Андрія є Марка послушао,
Паксе свога вранца приватіо,
А отиде мало напріеда,
Кад' наблизу одъ меяне дође,
Угледа га Маре крчмарица;
У нѣ бѣше тридесетъ хайдукахъ,
А хайдукахъ біесниxъ Туракахъ,
Па Турцима млада говораше:
,,Чуєте ли тридесетъ Туракахъ!
Ев' одовуд' єдно момче младо,

На главн му перѣ позлаћено,
Дайте мене перѣ старѣшинство,
Чиниђу ви да га изгубите."
Пакъ Марица на ноге скочила,
Свое русе коссе расплѣеће,
Завіясе у марами црной,
Предъ Андріомъ надво излазила,
Пакъ му люби коня у копито,
Сузе рони овако говори:
,,Благо мене незнана деліо!
Кадсамъ данасъ вићела юнака,
Ево има деветъ один' данахъ,
Незнамъ ядна што є мушка глава...
Айде са мномъ у механи винской,
Даћу теби одъ ябане вино,
И сувише да ми любишъ лице! —"
Младо момче паксе слакомило,
Те съ Марицомъ у механи пође,
Дочека га тридесетъ Туракахъ,
Па му дали тридесть хошђелдіяхъ,
Све тридесетъ Андрія попіо,
Харамбаши сѣде узъ колѣно.
Іошъ му дае Харамбаша вина,
Кад' Андрію вино пристигнуло,
Харамбаши паде на колѣна,
Арамбаша окомъ намигнуо,
Те му Турцы главу посѣкоше;
Чека Марко три біела дана,
Ни Андріе, ни Андрійна гласа,
Паксе Марко тешко ражлютіо,
А одъ землѣ на ноге скочіо,
И свога се Шарца прифатіо,
Иде Марко право путь механе,
Вићела га млада крчмарица,
Па Турцима млада говораше:
,,Ево Турцы друго момче младо,
И онъ има перѣ позлаћено,
Дайте мене перѣ старѣшинство,
Чиниђу ви да га изгубите."
Пакъ є млада скочила на ноге,
Те пред' Марка на друмъ исходила,
Да му люби Шарца у копита.
Ево муке и тешке неволѣ
Мрке волѣ Шарацъ к'о и Марко,
Тере іойсе ни гледат' недава,
Ногам' біе, а зубима колѣ;
То кад' виђе Кралѣвићу Марко,
Іошсе Марко яду домысліо,
Да і' Андрія нѣму погинуо;
Па кад' Марко пред' механу дође,
Веже Шарца на врата механе,
У механи Марко ускочіо,
А за собомъ врата притворіо;
Дочека га тридесетъ Туракахъ,
Да му даду тридесть чашахъ вина!
Марко вино ни гледати неће,
Него свою саблю извадіо,
Пунну софру меса напуніо;
Кад' исѣче тридесетъ хайдукахъ,
Онъ уфати свою посестриму,
Па ханџаръ іой очи извадіо,
Біеле іой руке посѣкао,
А на прси дойке прорезао,
Прозъ дойке іой руке промакао,
У муке є душу испуштила.
Тадаръ Марко крозъ механу пројe,
Те Андрійну главу дофатіо,
Метнуо є у бисаге Шарцу,
Отходіо зеленомъ планиномъ,
Одъ неволѣ попіева Марко:
,,А да ти се брате подигнути,
Какосамъ те дивно осветіо!
За єднога тридесть и єднога!"
Здраво Марко у Прилипа дође,
А нека га весела му майка! —

7.

Я к ш и ћ и.

(И ова ми є одъ истога Мркаића.)

Милый Боже чуда преко чуда!
Али грми, ал'се земля хори,
Ал' пуцаю на мору лубарде?...
Ни ти грми, нит'се земля хори,
Него, брате, удариіше Турцы,
Поробише стойна Біограда,
До Небойше до Якшића куле,
И Якшића кулу похараше;
Іошъ є̂, брате, огнѣмъ сажегоше,
Старицу му майку потурише,

Анђелію сестру заробише,
Уфати є Ага Хасан-Ага,
Па є баци за се на ђогата,
Ш' ньоме бѣжи у гору зелену,
А кад' уморъ коню додіяо,
Сяха Турчинъ у гори зеленой,
Пушта коня на роснату траву;
Трудно Турс заспало у трави,
А код' нѣга ліепа ђевойка
Люто цвили и сузе пролѣва.
Ал'се друмомъ юнакъ заподеде,
Добаръ юнакъ на коню витезу,
Гледа нѣга на дурбинъ дѣвойка;
А то, брате, ніе юнакъ добаръ,
Но діете одъ десетъ годинахъ,
Гологлаво на босу коньицу,
Те га ћера боса по камену,
Іошъ є коня ликомъ зауздао;
Край ђевойке близу находіо,
Па дѣвойцы божю помоћъ дава:
,,Божя помоћъ млада Госпоице!"
А ђевойка рода госпоскога,
Испредъ нѣга на ноге скочила:
,,Здраво бьо лудо и неяко!
Я ніесамъ млада госпоица,
Него ядна турска робиньица;
Него лудо ако Бога знадешъ
Кажи мисе ко 'си и окле'си?
Што ли гонишъ боса по камену,
Што л' си ликомъ коня зауздало?
Што л' гологлавъ идешъ безъ капице?"
Было лудо, ма говори мудро:
,,Кад' ме питашъ казаћу ти право,
Я самъ оздо башъ одъ Біограда,
Біоградъ нам' поробише Турцы,
Што бы мушка подъ мачъ оборише,
Што бы женска Турцы заробише,
Іошъ Біоградъ огнѣмъ изгорѣше,
А я єдва живъ изнес'о главу,
Пак' я бѣжимъ стойномъ Дубравнику."
То кад' чула ліепа ђевойка:
,,Богомъ брате лудо и неяко!
Сяши коня нек' ти опочине,
Докъ ти єдну ситну книгу дадемъ,
Тамо су ми два брата рођена,
Была су ми браћа у Млецыма,
Скоро ми є одъ нъи кньига дошла,
Да су дошли стойну Дубравнику."
Лудо бѣше, за Бога хаяше,
Сяа съ коня пушта га на траву,
Докъ ђевойка ситну кньигу пише;
А да видишъ велике жалости,
Кньиге ніе, а дивита ніе,
Чимъ ће млада кньигу написати,
Кад'се ядна на невольи нађе,
Біело є нагрдила лице,
Изъ образа крвы уфатила,
Ижъ нѣдара яглукъ извадила,
Крвцомъ кньигу по яглуку пише;
Милый Боже и више жалости!...
Сави кньигу печатъ ударила,
Па є дава побратиму луду,
И уза ню два дуката жута:
,,Най то теби неякъ побратиме!
Предъ тобомъ ћешъ Сараево наћи,
Купи капу а подкуй коньица."
Ал' діете бесѣди дѣвойцы:
,,О Бога ти моя посестримо!
Како ћу ти познат' браћу твою?"
,,Лахко, рече, драгій побратиме!
Оба су ми брата єдноликa,
А на ньма єдно одіело,
А оба имъ коня доратаста,
Гриве су имъ увіяте златомъ,
Седамдесетъ и тры плетенице,
Што є ньима сестра увіяла,
Кад' є ньима конѣ подизала;
Кудгођъ иду, нийсс' нерастаю,
Конѣ яшу добре упоредо,
Коньма имсе гриве міешаю,
Онъ удара єданъ у другога,
Якшићъ Митре и Якшићъ Шћепане."
Оде дійте Дубровнику сійђе,
Како сійђе два Якшића нађе,
Даде кньигу Якшићу Стѣпану,
Кньигу чита и сузе пролѣва,
А пита га брате Димитріе:
,,Окленъ кньига огнѣмъ изгорѣла?
Єли брате кньига одъ мейдана?
Одъ каквога голема юнака?"
,,Камо срећа да є одъ мейдана!

Нег' одъ нашег' двора біелога,
Дворе су намъ изгорѣли Турцы,
Поніели благо свеколико,
Милу су намъ сестру заробили,
А старицу майку потурили
Яданъ брате за нашег' живота,
Болѣ брате да ніесмо живы!"
Ал' му вели брате Димитріе:
,,Па штоћемо сада одъ живота?"
Вели Шћепо: ,,Добро ако Богъ да!
Ет' имамо іоште доста блага;
Айде брате бійлу Біограду,
Гради дворе разговарай майку,
А я идемъ у землю Турћію,
Тражит' нашу сестру Анђелію,
Ол' ѐ наћи, ол' никад' недоћи."
Митаръ му є братацъ говоріо:
,,Немой брате врло добро мое!
Нег' ты хайде къ Біограду бійлу,
Школу брате ніесу учіо,
Те ты брате єзыкъ неумієшъ,
А я знадемъ дванаесъ єзыкахъ."
Лахкосусе браћа погодила,
И ту сусе упутъ опростила,
Првый путсе оба растанула;
Оде Шћепанъ бійлу Біограду,
Митаръ оде у землю Турћію,
Тражи сестру за девстъ годинахъ,
Никако є нијe ненашао,
Но да видишъ юначке неволѣ!
Нестало му за хашлука блага,
Те є Митаръ оголіо люто,
А добаръ му Доратъ обосіо,
Те га за што подковати нейма,
Но боса га гони по камeню;
У далеку землю запануо,
Преко мора у землю Харапску,
Туђа земля, самъ незна ни пута,
А неймаде драга пріятеля,
Кои бы га на конакъ прійміо,
Боже милый озбиляке неволѣ!
Мысли юнакъ штоће одъ живота,
Нег' у себи добро Бога моли,
Намѣра га тако наніела,
На студено зелено єзеро,
На єзеру тридесть ђевоякахъ,
Мію лице а біеле платно;
Ньима Митаръ турски селамъ дава,
Дѣвойке му ліепъ одазваше:
,,Алейћ' селамъ, Царевъ Сехратлія!"
Ал' имъ Митаръ бесѣди овако:
,,О ђевойке! добре среће были!
Додайте ми дас' напіемъ воде,
Злоћудъ ми є Доратъ одъ мейдана,
Кадс' узяше сяхатисе неда,
Кадсе сяще недас' узяхати."
Ма ђевойке Митру бесиђаху:
,,О Бога ни, Царевъ Сехратлія!
Грехота є тебе преварити,
Искакавъ си ставанъ и прикладанъ,
Како да си рода госпоскога;
Ова вода ніе за юнака,
Него труе конѣ и юнаке,
Грехота є тебе отровати,
Него хайде понапріедъ мало
До нашега града біелога,
Ефтино є ракія и війно,
Тры су оке а за пару вина,
А ракіе по динарићъ ока,
Ту є добро коню и юнаку."
Ал' є ньима Митаръ бесѣдіо:
,,Ой бора ми ліепе ђевойке!
Ясамъ юнакъ издалека путникъ,
Нестало ми за хашлука блага,
Неймамъ за што ни подковат' Дора,
А некмоли дас' напіемъ вина."
Но да видишъ среће у юнака!
Овако му беседе ђевойке:
,,Айде брате нашем' граду бійлу,
Има у насъ у граду Госпоя,
Коя чини млоге задушбине,
Мукте пои конѣ и юнаке,
Мукте пію ништа неплаћаю,
Но за здравлѣ браћи намѣнюе;
Каже, има на свом' виласту,
Она има два рођена брата,
Якшићъ Митре и Якшићъ Стѣпане,
Кад' Біоградъ Турцы поробише,
Ню зароби Ага Хасанага,
И узе ѐ себи за любовцу."
А кад' чуо Якшићъ Димитріе,
У юнаку срце поиграло,

Богомъ сестри лієпе Ђевойке:
„Градъ є великъ, а куħа̂ є млого,
Одкудħу му погодити дворе?“
„Лахко, реку, драгій побратиме!
У граду су найвышіи дворовы,
А на дворим' о злата ябука,
И на вратим' двіє халке златне,
Владаоцъ є одъ све наше земљѢ.“
Кад' то чуо Якшиħъ Димитріе.
Ћера полѢмъ коня исподъ града,
Одъ радости пѢва иза гласа,
Чула нѢга изъ двора сестрица,
Позна брата по грлу юначком',
Пакъ є брже дурбинъ дофатила,
Позна брата и подъ ньим' Дората,
И Дорату грыву изброила,
Седамдесетъ и тры плстенице,
Што є нѢму златомъ увіяла,
Кад' є браħи конѢ подизала;
Боса трчи кули низъ скалине,
Кад' истрча низь мермер-авлію,
У то доба Митаръ у авлію,
Кад' є сестра брата угледала
ОбѢсисе брату око грла:
„Благо мени Митре добро мое!“
Онъ є рукомъ одъ себ' отурує:
„Ход' отоле Турска Було млада,
Ће си, бона, Митра угледала?
Я ніесамъ Якшиħъ Димитріе,
Негосамъ я царева делія!“
Али му є Анђа бесѢдила:
„Небой мисе брате добро мое!
Іошсамъ брате права вѢра Српска!“
А кад' ѐ є Митре разуміо,
Руке шире у лицесе любе,
Вели Митаръ: „Дай ми сестро пива!
Богъ месамъ ти и гладанъ и жеданъ,
А сувише труданъ и уморанъ.“
Него брату сестра бесѢдила:
„Ођe брате ніе за те пива,
Отишо є Ага у планину
Ловъ ловити съ тры хиляде войске,
Дошлису му хрти и огары,
Садъ ħе Ага исъ планине доħи;
Знашъ ли брате врло добро мое!
Када тебе у двору застане,
Ніє никад' вѢре у Турчина;
Него хайде у пяну механу,
Напійс' вина и поткуй Дорина,
И нештеди вина одъ Дорина,
За што га є сестра научила,
Кріюħ' поит' виномъ и ракіомъ,
Валяħе намъ коньицъ у потребы.“
А када ѐ Митаръ саслушао,
Сестрицы є тако бесѢдіо:
„Неймамъ секо паре ни динара!
Ни моста чимъ потковат' Дора,
А некмоли дас' напіемъ вина.“
То кад' чула млада Анђелія
Улеħесе у біеле дворе,
Насула му пуне шпаге блага,
Оде Митаръ у пяну механу;
Истомъ Митаръ дође у механу,
Ал' ето ти Аге исъ планине,
А кад' га є Анђа угледала,
Нутодера Српкинѣ хитлене!
Коя бѢше одъ рода юначка,
Улеħела у біеле дворе,
Свою русу косу одрезала,
А біело лице нагрдила,
И ођело са себе скинула,
Па обукла старе подерине;
Срете Агу у мермер-авлію
Све плачуħи и сузе ронеħи,
А када ѐ Ага угледао,
Млого мусе ядно учинило,
Єръ є Анђу добро миловао:
„Што є Анђо ако Бога знадешъ?
Што си мисе тако изгрдила?
Да є Богъ д'о и сви божіи свецы,
Да є наша земля поробљѢна,
Дас' Кауры сву опалили,
Небы мени више яда было,
Нег' што сисе тако нагрдила.“
Али му є Анђа бесѢдила:
„Непитай ме драгій Господаре!
Данасъ ми є ядна кньига дошла,
Оба су ми брата погинула,
СинѢ ихъ є море утопило,
Сад'самъ тужна сестра брезъ заклетве,
Богъ зна хоħу л' останути жива
А за браħомъ, жестокомъ жалости.“

У томъ Анђа Агу преварила.
Па да видишъ Аге Хасанаге,
Турчинъ бѣше ал' добро збораше:
,,Муч' небойсе моя драга любо!
Ты ихъ съ плачемъ подићи неморешъ,
Ни за душу то имъ неваляде,
Ет' у мене благо неброено,
Те ты браћи гради задушбине,
Ладне чесме и дуђе путове,
А и ваше по закону цркве,
То ће ньима валяти за душу."
Тіемъ Ага разговори любу,
Па улѣгли у біеле дворе,
А скочисе млада Анђелія,
Приправи му господску вечеру,
Што у двору найболѣ имала,
А навали вино и ракію,
И у пійње былѣ свакояко,
Дас' успава за деветъ данака;
Труданъ Ага леже у постелю,
Заспао є к'о и небы шјео,
Ал' неспава млада Анђелія,
Већ' насула двое хегбе блага,
Што два коня носити могаху,
Све Млечића златнога цекина,
Па се метну мушко одіело,
И оружѣ што има найболѣ,
Пакъ отиде коньма у подруме,
Тер' извади изъ подрума ђога,
Што га бѣше Ага куповао
Преко мора у Анадолію
О Турака за осмакъ дуката (варићакъ),
Обједе га што найболѣ могла,
А добави Митра изъ механе,
Пакъ отоле съ братомъ побѣгнула,
Тры конака за ноћъ учинише;
А кад' свану и огрія сунце,
Ал'се Митаръ тешко препануо,
У незнану землю запануо,
У незнану па незнаде пута,
Нит' имаде драга пріятеля,
Коибы га на конакъ прійміо,
Него, брата сестра разговара:
,,Та небойсе врло добро мое!
Богће нама помоћ' акобогда!"
У рјечи кою бесѣђаху,
Ал' ето ти съ пріедъ Арапина,
Іошсе грђе Митаръ препануо,
Мнядіяше да су га претекли,
Па Дорату притеже дизгине,
А нагони калпакъ на обрве,
За бриткусе саблю прифаташе.
Біеліемъ пошкрипива зубомъ,
У Харапа мрко погледує,
Шћаше нѣму да одвали главу,
Ма га моли сестра Анђелія:
,,Немой брате ако Бога знадешъ!
Да ако є издалека путникъ,
Па на двору има кога свога,
Ялли сестру, ялли стару майку,
Бога моле да имъ здраво дође."
Нешће Митаръ сестрину пореће,
Ал' га Митаръ све мрко погледа,
Єрсе бои каке прієваре,
Преко срца Турскій селамъ дава:
,,Селамъ Алейкъ црный Харапине!"
Ал' му Харапъ складно одговара:
,,Я ніесамъ рода Харапскога,
Нег'самъ брате рода Србальскога,
Одъ Србына родомъ и племеномъ,
Паксамъ свое лице изгубіо
Одъ велике туге и жалости,
И одъ дальна и дугога пута:
Имадіяхъ брата и сестрицу,
Кад' Београдъ Турцы сажегоше,
Наше дворе бѣле изгорѣше,
Анђелію сестру заробише,
А старицу майку потурише;
Нама хаберъ у Дубравникъ дође,
Братъ ме посла градити дворове,
А онъ оде тражит' милу сестру;
Градигъ дворе за годину данахъ,
И старицу разговарагъ майку,
Деветъ годинъ да я браћу тражимъ,
Нит' имъ знадемъ смрти ни живота,
Съ тогай ми є лице потавнѣло,
Одъ Срба самъ Арапъ постануо."
А кад' га є Митаръ разуміо:
,,Ты л' си Шћепо врло добро мое!?"
Руке шире у лицасе любе,
И грлесе тесе целиваю,
Сва трысусе брата састанула,

А съ нам' дружбо свака срећа добра!
Срећа добра и помоћъ одъ Бога!
Боже якій на свему ти фала!
Иза таке дугачке жалости,
Настаде имъ велико веселѣ,
Отолесе сватры подигоше,
Пѣвајући конѣ играјући,
Здраво дошли стойну Біограду,
Іошсу нашли у животу майку,
Сви ѥ грле, те ѥ целивају;
Майка ђецу дивно благосиля,
Немогла имъ наудити сила,
Када су іой желю испунила,
Вратиласе майцы за живота
За живота свога и нѣзина;
Пакъ ми здраво Србы витезовы,
Душмани имъ найзад' под' ногама,
И то было, кад'се захоћело.
Аминъ Боже! свесе съ тобомъ може.

8.

Царевъ-лазъ (крчевина царева.)
(Црногорска є, ма незнамъ кимъ є спѣванна.)

Кличе Вила одъ Кома планине,
Дозиваше на полѣ Цетинѣ,
На Цетинѣ на средъ Горе црне,
По имену и по презимену
Петровића Даннила Владыку:
,,О Владыко Црногорска главо!
Ето на те иде силна войска
Одъ онога Отмановић' Цара,
И ево є она приступила
До біеле варошъ Подгорице;
Єрсе силанъ царе разсрдіо,
Што си твою войску подизао,
И на Турску землю нападао,
Да поможешъ цару Русинскоме,
Коиносе съ Турцим' умиріо
По несрећи што мусе згодила,
Близу Прута ріеке студене;
На нѣга ти узданице нейма,
По сакупи твое Црногорце,
Бранитесе, непредайтесе,
Богће вама быти на помоћи!"
Тад' Владыка Вили говоріо:
,,Кажи мене одъ планине Вило,
Мошъ ли знати колико є войске,
Одъ кое ли землѣ и краине,
На коюће страну окренути,
И кад' хоће на насъ ударити?"
Одговара Вила планинкиня:
,,Има войске педесетъ хилядахъ,
Два діела одъ Урумеліе,
Трећій діелъ одъ све Арбаніе,
А пред' ньоме Паша Сераскире
Одъ Стамбола одъ царева стола,
Онће на васъ брзо ударити,
Чекайте га на воду Влахиню,
Ту ће войска конакъ учинити;
Ако вама Богъ и срећа даде,
Да вы ону войску заћерате
У Криничке шуме и клисуре,
Ђе неймаде пута нинаквога,
Н'ако тврђа и драча бодляча,
Бы'ће ваша слава и побѣда."
Кад' Владыка Вилу разуміо,
Онъ сакупи одъ землѣ главаре,
Съ главарима віећъ учиніо,
И овако ріечъ говоріо:
,,Црногорцы моя браћо драга!
Што скоріе войске подигните,
Нека войска дође на Цетинѣ,
Да будемо справны и готовы,
Да юначки Турке дочекамо,
Ради свете Вѣре православне,
Рад' слободе миле и предраге
Да мы нашу крвцу проліемо,
Да у ропство Турско непанемо;
Єръ є болѣ браћо погинути,
Но слободу свою изгубити,
И Ришћанску вѣру испустити."
Ту главары ріечъ разумѣше,
На Цетинѣ войске доведоше,
Па Владыка кад' видіо войску,
Онъ улѣзе у цркве біеле,
Божествену служи летурђію,
Послѣ службе воду осветіо,
Све войнике водомь окропіо,

И часніемъ крстомк прекрстіо;
Па крстъ узе у руку біелу,
Съ главарима войску подигнуо
До Маршулѣ до воде студене;
Ту на трое раздіели войску,
Єдну дае Ђурашковић' Янку,
Другу дае Миђуновић' Вуку,
Да запану оны у потаю,
Янко съ десна при горы Пржнику,
Миђуновићъ одъ стране ліеве
При врхъ Враня зелене планине.
А трећу є войску оставіо
На средину да дочека Турке,
И ту войску бѣше наредіо
Све по реду племе до племена,
А пред' ньима племенске главаре,
Воеводе, Кнезе, и Сердаре,
И деліе младе баряктаре.
Ту стадоше тры біела дана,
А кад' трећій око подне было,
Али ето иде Турска войска,
Па кад' дође на воду Влахиню
Ту коньицы конѣ одсѣдоше,
И на траву конѣ попеняше,
Сви пѣшацы у хладъ починуше,
Око себе страже поставише;
То видѣла владичина стража,
Све владицы право кажевала,
Кад' владыка стражу разуміо,
Диже войску пошто сунце зађе
Близу Турске нотньо приступіо;
Пређе нег' є зора забѣлѣла
Ударише младый Црногорцы,
Прве страже огнѣмъ оборише,
Па на друге юришъ учинише,
На табора Турска насрнуше,
Кад'се Турцы бою ненадали;
Да ти бѣше видіети побре
Тешке муке што нападе Турке!
Оставише конѣ повезане,
Прахъ, олово, и другу захиру,
И оружя више половину,
Плећи даше а бѣжати сташе,
Но имъ лоша срећа прискочила,
Єръ ихъ ћера Владычина войска,
А дочека Миђуновић' Вуче,
Недаде имъ бѣгат' на трагове;
Пакъ ев' муке іошъ и грђе Туркомъ,
У та доба ударіо Янко
Съ десне стране одъ горе Пржника,
Живимъ огнѣмъ Турке ућераше
Међу густе шуме и клисуре,
Густе шуме брже оптекоше,
И у ньима Турке затворише,
Ту стояше докъ Турцы несташе
И то мѣсто Царевъ лазъ назваше.
То є было кадсе и чинило,
И да си ми здраво побратиме,
Богъ ти дао здравѣ и веселѣ,
И витез'ма кои то чинише,
Вѣчну радость и райско населѣ.

9.

Све-Ослободъ.

(Одъ Мата Радова Мартиновића Баице.)

Саборъ чини Хаџи-попе Іове,
Па саборъ є Зетту окупіо,
Па пошто є Зетту окупіо,
Овако имъ попе бесѣдіо:
„О Зећаны ядна браћо драга!
Што хоћемо одъ живота свога?
Неимамо цркве ни закона,
По погибе Лазаръ у Косово,
А клетыизи прискочише Турцы,
Развалише цркве и олтаре,
Оградише све Турске мунаре;
До я велимъ браћо моя драга!
Окупимо мы мало пешкеша,
Да идемо Скадру крвавоме,
Да молимо Пашу поганскога,
Да ни даде Турску буйрунтію,
Цркве мало да бы оградили,
Да бы свою вѣру придржали."
Све Зећани кабулъ учинише,
И за Пашу пешкешъ приправише,
Право пошли Скадру біеломе,

Те предъ Пашомъ жалбу учинише;
А пошто є Паша разуміо,
Пешкешъ прійма буруптію пише,
Да бы мало цркве оградили,
Да законе свое придержаю.
Сви отол'се натрагъ повратише,
Дозиваше камене майсторе,
Оны мало цркве оградише,
И камене платише майсторе,
На своє ихъ доме одправише,
Ма говори Хаџи-попе Іове:
,,О Зећани моя браћо драга!
Ево бѢлу оградисмо цркву,
Што є файде, ђе є ограђена,
Она ніе боля но пећина,
Како ніе освештана црква;
Нег' да опетъ пешкеше куппимо,
Да идемо Скадру крвавоме,
У нашега Паше опакога,
Да бысмо га юште умолѢли,
Еіа бы ни хатаръ учиніо,
Ея бы ни како допуштіо,
Да идемо малой горы црной
На Цетинѣ владицы Даннилу,
А да бысмо и нѢг' умолѢли,
Да бы доша' да ни свешта цркву."
Сви Зећаны на то пристадоше,
Те за Пашу пешкешъ окупише,
Паксе диже Хаџи-попе Іове,
Съ собомъ узе тры четиры друга,
Пође опетъ Скадру проклетоме;
Ту предъ Пашу оны излазаху,
Предъ ньим' плачу и молесе люто,
Пешкешъ прійма бурунтію пише,
Бурунтію тако напраляше,
У ню добро поздрави владыку:
,,Чуй владыко црный калуђере!
Я ти Паша тврду вѢру давамъ,
Дођ' владыко Зетты земльи равной,
Да у Зетту свешташъ цркву малу,
Ево ти є даємъ на поклону,
Зетту равну и Брда остала,
Да имъ чинишъ црковне потребе,
Да ти даю штосе погодите."
Отоленсе натрагъ повратише,
И дођоше здраво на дворове,
Зеђанима право кажеваху,
Па узеше лагахну ђемію,
Те иђаху блатомъ широкіемъ,
Докъ дођоше на ріеку малу,
А съ ріеке на Цетинѣ равно,
На Цетинѣ владицы Даннилу,
Те му десну полюбили руку,
На руке му буйрунтію даю;
Кад' є виђе владыка Даннило,
Овако имъ бесѣди владыка:
,,Попе Іове, ядовна ти майка!
Ніе вѣра тврда у Оммера,
Ма ћу поћи да нећу ни доћи
Ради вѣре и закона свога,
Докъ у ютру зорица осване."
Пакъ є свое слуге дозивао,
Овако є ньима бесѣдіо:
,,Хазрте ми добра коня мога!
Е ћу ходит' путъ ріеке мале
Са ріеке Зетты землыи равной,
А Богъ знаде хоћу л' отле доћи."
Слуге су му коня опремиле,
Отале є путъ ріеке пош'о,
А съ ріеке Зетти землыи равной
У попа є конакъ учиніо;
Съ утра дансе Зетта окупила,
Зетта равна и земля остала,
И гиздава варошъ Подгорица,
Свакъ да гледа владыку Даннила.
Владыка имъ освештае цркву,
Ал' ев' побре жалостива гласа!
Клетый Турцы уфате владыку,
Свезаше му руке наопако,
Па га воде варош' Подгорицы,
Ту му руке мало попуштаю,
У руке му стржевъ колацъ даю
На кои га мысле ударити.
То кад' виђе Зетта земля равна,
Зетта равна и Брда остала,
И гиздава варошъ Подгорица,
Заплакасе мало и велико,
Пашу моле и куме га люто:
,,Немой Пашо за Бога єднога!
Немой Пашо изгубит' владыку,
Немой Зетту землю отровати,
Е ти родит' нигда ништа неће

А сувише изгубиħешъ вѣру;
Но ходи га врзи на одкупе,
Узми блага колико ти драго.
Пoштосе є нѣму досадило,
Ево га є врга' на откупе,
Тры хилядe жутога дуката;
Двіе дае Владыка Даниле,
Ону треħу Зетта земля равна,
А кад' виђе Владыка Даниле,
Е га стави пашче на откупе,
Онъ на прави листъ кньиге біеле,
Пакъ є шилѣ малой горы црной,
Црногорцим' своіой драгой браħи:
„Одкупте ме нeдржите овђе,
Продаите крсте и кандила,
И путыре одъ сухога злата,
Све црковно дайте за ме благо,
А да бы ме само избавили,
Изъ неволѣ и синџира Турска."
То кад' чуше браħа Црногорцы,
Одъ маха су благо саставили,
Ш' ньиме иду на ріеку малу,
Ту нађоше Владыку Даннила,
Дошли Турцы, довели га жива;
Састашесе туна са Турцима
Благо даше владыку пріймише,
Вратишесе здраво на Цетинѣ,
Владыка є дивно дочекао
У Манастыръ браħу Црногорце,
„Благго нама наше судце ярко!
Када ни те среħа изніела,
Ка оħасмо живѣти безъ тебе?"
А владыка ньима одговара:
„Ками ви є благго Црногорцы!
Єданъ вама, а девстъ су мене,
Тексе клетыи умложише Турцы
У яднойзи црной горы малой'
Лађайтесе неуздайтес' у ме;
Ако мене послушат' неħете,
Я ви данасъ вѣру тврду даемъ,
Веħ' ме овди виђети неħете!"
Сви му оны тврду вѣру даю,
Да те оны послушат' владыку,
„Ну ни кажи милій Господару,
Како бысмо саде учинѣли?"
„Я ħу вама казат' браħо драга,
Казаħу вамъ, што видите самы;
Евосусе умножили Турцы
А у нашой малой горы црной,
Николико неħе быти доба,
А луду ħе дѣцу турчит' вашу,
Ђе гледате вашіемъ' очима,
Да имъ ништа помоħи неħете;
Него, ядна браħо Црногорцы!
Међу собомъ уфатите вѣру
За слободу крвцу пролѣвати,
За слободу и за вѣру нашу,
Дас' бранимо одъ невѣре Турске;
Ма покольмо Црномъ горомъ Турке,
Коисусе мећ' насъ уселили
На срамоту и на пріевару,
Бранимосе! неиздаимосе!
И Богъ ħе ни помоħ' акобогда,
Я нежалимъ првый погинути
Ради вѣре и закона свога
Рад' слободе отечества мога."
Црногорцы вѣру нѣму даю,
Вѣру даю, и даю билѣгу,
Бѣлега є Мратинске покладе,
Таде съ Турцим' да заметну кавгу.
Мало пpође дођоше покладе,
Небы кавге ни свађе никакве,
То кад' видѣ владыка Даннило,
Побоясе да га преварише,
Тере свою слугу дозиваше,
Одасла га къ войводи Батричу:
„Дођ' Батричу съ браħомъ своіомъ драгомъ,
Е имамо нешто разговора!"
Онъ дозива Марка и Милоша,
И Ивана и брата Томаша,
Сви петь поше къ владицы Даннилу;
Ліепо ихъ бане дочекива,
Пакъ имъ бане поученя дае,
Штосу наши старыи учинѣли,
И слободу какосу чували,
Докъ погибе Лазаръ у Косово;
Но кажте ми, о Мартиновиħи!
Камо ваше вѣре и бѣлеге?
А коесте са мномъ утврдили?...
До покладахъ клетву учинили,
До покладахъ заметнути кавгу,

Ев' покладе, небы другог' гласа,
Ао леле до жалосна гласа!..."
Таде скочи войвода Батричу,
Те му десну полюбіо руку,
А овако нѣму бесѣдіо:
„Чу ли мене милій Господаре!
Ясе боимъ и страхъ ме є люто,
Ере те ме издат' Црногорцы,
А давно быхъ заметнуо кавгу;
Но петь братахъ штосмо од' Мартина,
Сви имамо нашу дѣцу малу,
Мила су ни к'о цару царева,
А хоте ни потурчит' занаго,
Но те молимъ драгій Господару,
Нађ' имъ мѣсто па нежали наске."
Владыка имъ на то одговара:
„Слушай мене воевода Батро!
Црногорцы ако те издаду,
Быте оны де и моя глава."
На томсусе оны раздвоили,
И браћа су саветъ учинила,
Мало проће бадный вечеръ дође,
Стадошесе браћа на вечеру,
Наложише блажене палице,
Бадняковe пакъ и баднячице,
И уждише воштану свіећу,
Тесе милом' Богу помолише,
И великом' Ристову Рождеству,
Да имъ вазде буде на помоћи;
Іошъ донесе єдну чашу вина,
Напіяю сви у славу божу,
И у славу Риста спаситеља,
Тад' сѣдоше и повечераше,
Вина руйна іошсе напоише.
Пошто браћа слатко вечерала,
Овако имъ войвода зборіо:
„Садъ на ноге моя браћо драга!
Прифатите свіетло оружѣ,
Да идемо ђесмо углавили!"
Прифатише свіетло оруже,
На Иногоръ мало полѣ доше,
На біелу кулу Мустафића;
Ту біяху петь Туракахъ братахъ,
Петь Алийћахъ седамъ Мустафићахъ,
Ньихъ поклаше и тридесеть ш' ньима;
Пакъ отоле браћа Мартинићи
Здраво пошли на село Ябуку,
Нешто Турак' и ту изгубили,
Ал' имъ вичу двое дѣце Турско,
Оны вичу, да тес' покрстити,
Нешћеше ихъ браћу изгубити,
Но ихъ воде владыцы Даниилу,
Владыка ихъ оба покрстіо,
Іошъ далѣсе отле дигла браћа,
На Дубовикъ село излазила,
И ту неке изгубише Турке,
И ту вика єдно дійте лудо,
Дасе хоће покрстит' занаго
Те и нѣму животъ опростили,
Но и нѣга владицы довели,
Онъ га крсти кано и остале,
То све было докъ огрія сунце,
Єдну ноћцу и на Божићъ самій.
Тад'се браћа натрагъ повратила,
А низъ полѣ низъ Цетинѣ равно,
Шенлукъ чинећ' и веселѣ драго;
Гласъ допаде владыку Даннила,
Донесе га єдно момче младо:
„Муштулукъ ти драгій Господаре!
Погибоше Иногорскіи Турцы,
Ослободис' наша Црногора!"
Кад' є бане гласа разуміо,
Самсобомъ є бане бесѣдіо:
„Милій Боже на свему ти фала,
На веселѣ, што жуђехъ одавна!"
У ріечи, у коюсе нађе,
Онъ є свое слуге сазивао,
Жежіяху краташне машкуле,
Те чиняху радость и веселѣ,
По Косову какво было ніе;
А 'во иду петь Мартиновићахъ,
И ш' ньима є Бориславић' Вуче,
Крвавіехъ до раменахъ рукахъ;
Одъ веселя пакъ ихъ срета бане,
Ушетао у біеле цркве,
Те одстои божу летурђію,
Па изиде изъ біеле цркве,
Даѣ ньима пійћа и єстива,
Ліепо ихъ бане дочекива,
Іошъ лѣпше ихъ даромъ дариваше;
Батру дае коня исподъ себе,
А Ивану двіє пушке мале,

Дае Марку саблю на поясу,
И Томашу златну перяницу,
А Милошу сребрна ханџара,
Іошъ дарива Бориловић' Вука
И нѣм' дае двіе пушке мале,
У жежено злато облѣвене;
То све было кадсе и чинило,
Покойніемъ душевно спасенѣ,
А живіемъ здравѣ и поштенѣ.

10.

Тры сужня.

(Од' Вука Ђурова Радоньића, што є у кньизи Морскоме Офицеру Г. Бранѣвскимъ изображенъ.)

Уцмилѣше добры тры юнака
У біелу Скадру на Бояну,
Єдно соко Ліешо Пиперe,
Друго Солатъ одъ Васоевићахъ,
Треће Вуксанъ одъ Булатовићахъ,
Вуксанъ пита оба побратима:
„О Бога ви оба побратима!
Ев' доиста погинут' хоћемо,
Него што е ютросъ ком' найжаліе
Оставити на свое дворове?"
Вели соко Ліешъ одъ Пиперахъ:
„Мене браћо ютросъ найжаліе
На домъ баба и старицу майку,
Єръ неймаю до мене єднога,
Неима ихъ ко хранит' до смрти!"
Вели Солатъ одъ Васоевићахъ:
„А мени є браћо найжаліе
Оставити вѣрену любовцу,
Єре самсе скоро оженіо,
Іошъ ми нейма ни петнаесъ данахъ."
Вика Вуксанъ одъ Булатовићахъ:
„Луди ли 'сте до два побратима!
Я 'самъ мніо да 'сте и больизи,
А мене є браћо найжаліе,,
Ђе срамотно погинут' хоћемо.
Безъ икаке замѣне юначке."
У ріечи кою говорише,
Џелатъ Турскій надъ тавницу дође,
Пакъ ихъ Туре дозивати пође:
„Тко є 'вође Ліешо Пиперe,
Нек' излази момче пред' тавницу!
За нѣга є добра откупъ дошла,
Да онъ иде юнакъ на дворове."
Испануло предъ тавницу момче,
Џелатъ махну посѣче му главу;
Другій Џелатъ дозивати пође:
„Ко є Солатъ одъ Васоевићахъ,
Нек' изиде предъ тавницу амо,
За нѣга є добра откупъ дошла,
Да онъ иде двору біеломе."
Испануо юнакъ предъ тавницу,
Џелатъ махну осѣче му главу.
Али трећій џелатъ довикуе,
По имену Булата Вуксана,
Предъ тавницу Вуксанъ изишао,
Ма овако џелату зборіо:
„Аманъ мало Турачкій џелату!
Искрвави юначка ођелла,
За Пашу бы пуста требовала."
На тосе є џелатъ слакоміо,
На нѣгово юначко ођелло,
Вржe паллу на траву зелену,
Па юнаку попуштава руке,
Да му скине ліепо ођелло,
Ал'се юнакъ яданъ непуштава,
Него бритку саблю дофатіо,
Посіеца Турска тры џелата,
Па побѣже преко Скадра града,
Што среташе подъ саблю меташе,
Докле на мостъ одъ Бояне дође,
Ондеръ хоџу и кадію нађе,
Ал' му хоџа и кадія вика:
„Не напріедъ Булате Вуксане!
Ніе куђе бѣжати овамо!"
Соко Вуксанъ ньима проговара:
„Стани мало хоџо и кадіо!
Ако ніе куђ' бѣжати тамо,
Ніе сада куђе ни овамо!"
Хоџа одъ стра скочи у Бояну,
А кадію Булатъ погубіо,
И око нѣг' Турак' неколико,
Пакъ утече гори у планину,
Доке Вуксанъ у Црницу дође,
У Машана Боіовић' сердара,

Онъ га храни за петнаесъ данахъ,
Па га дома испрати у Ровца,
Здраво пође, весела му майка,
Весела му майка и любовца,
И по дому сва нѣгова ђеца!!!

11.

Ћуприлићъ.

(Незнамъ одъ кога є̑ имамъ.)

Гласъ допаде у Стамболу граду,
На дивану цара честитога,
Да є Турска войска погинула,
Кою бѣше царе оправіо,
Да похара Ломну гору црну;
А кад' царе гласе разуміо,
Онъ дозива Ћуприлићъ везира:
,,Ћуприлићу моя вѣрна слуго!
Я оправихъ серашћера мога,
И ш' ньим' войске педесетъ хилядахъ,
Да освети мою жалосъ тешку,
Кою су ми дали Црногорцы,
Што на мою землю удараше,
Да угоде цару Московскоме,
Кад' мы бѣсмо у ратъ съ Московима;
Пакъ ми сво допадоше гласи,
Да є моя войска погинула,
У некакве шуме и клисуре,
Погинула одъ Црногорацахъ,
Да гласника остануло ніе,
И овосу тешкіи яды мои,
Одъ коіехъ преболѣт' немогу,
Докле войску неосветимъ свою;
Него узми войске сто хилядахъ,
Ол' и више колико ти драго,
Иди слуго Црной горы ломной,
Да раскопашъ цркву на Цетинѣ,
И Манастырь кодъ біеле цркве,
Ђе доходе кньиге одъ Руссіе
За зло Турско и за пакосъ люту;
Пали редомъ села свеколика,
Роби робѣ сіец' мушке главе,
Неостави цркве ни олтара,
Што до землѣ раскопати нећешъ,
Да истражишъ Црногорска гнѣзда,
У коясе люте зміе легу."
Кад' Ћуприлићъ заповіедь пріими,
Онъ сакупи силовиту войску,
Сто и двадесть хилядахъ Туракахъ,
А кад' близу Црнегоре дође,
На границе Црногорске на'ђе,
Све прите̑кло дасе одъ нѣг' брани,
Ал'се нѣму одбранит' немогли,
И што могли неимали чиме,
Неимали праха ни олова;
Єданъ юнакъ а двадесть Туракахъ,
Єдна сабля одъ двадесть сабалахъ,
Єдна пушка на двадесть пушакахъ,
Него оны на трагъ побѣгоше
Међу тврде горе и планине,
Єдда бысе туђеръ одбранили.
Ондай клетыи Турцы одолѣше,
Попалише села и племена,
Раскопаше цркве и олтаре,
И Манастырь на полѣ Цетинѣ;
Што побѣже међу горе тврде,
То недаде къ себе приступити,
И остаде у горама живо,
Што л' у горе побѣћи немогло,
То побѣже у Боку Которску,
У државу дижда одъ Млетакахъ,
Имаюћи тврду узданицу,
Да ихъ Туркомъ нигда предат' нете̑,
Него да ће дужде помыслити
На велике служба Црногорске,
Што є имю одъ Црногорацахъ
У различне рате и боеве,
Супротъ силна Отмановић' цара,
Ђе су свою крвцу пролѣвали.
Ал'се оны тужны преварише,
Што имали лажну узданицу,
Луждъ за ньима Турке напустіо
По свой Боки и свему Приморю,
Пофаташе мало и велико;
Што л' у ропство водити нећеше,
Изсѣкоше мало и големо,
Пакъ отале саблѣ окренуше,
Съ допуштенѣмъ дужда одъ Млетакахъ,
Тер'се Турцы отле помакоше

Преко равне землѣ Арбаніє,
И узеше дужду пріятелю
Сву Морію међу море слано;
То му фала и то му исплата,
За нѣгово врло пріятельство,
Што имъ дужде бѣше учиніо,
Предававши тужне Црногорце
Да ихъ колю на землю нѣгову,
Хей лацманство далеко ти куħа! —

12.

Освета Кчева.

(Одъ Вукоте Милутиновъ Миħуновиħа изъ Велестова у Црнойгоры.)

Біела є дозивала Вила,
Изнад' Кчева Николи Томашу:
„Ал' небринешъ, ал' ништа нечуєшъ?
Ево на те войске су тры банде,
Одъ шве Босне и Херцеговине,
А пред' ньима Любовиħу Бего,
И хоħе ти съ ютра ударити,
Но покупи Озриниħе младе!“
Вили збори Никола Томашу:
„Мучи Вило грло ти замукло!
А ђе су ми мои Озриниħи?
'Да л' ніесу погинули лани
Одъ крвника Ħуприлиħъ везира.“
Па веħ' съ Виломъ више неговори,
Но направи листъ кньиге біеле,
А посла є селу Велестову,
Пріятелю Шоговиħъ Андріи:
„А ђе си ми главный пріятелю?!
Покупи ми твое Велестовце,
Хайде ш' ньима Кчеву каменоме,
Ево на насъ войска одъ Туракахъ,
Одъ шве Босне и Херцеговине,
А пред' ньима Любовиħу Бего;
Да чекамо на Трньинѣ Турке.“
Кад' Андріи ситна кньига дође,
Покупіо листомъ Велестовце,
Свега деветъ другахъ искупіо;
А кад' дође на главицу зборну,
Ту нађоше Николу Томаша,
Окупише свою сыратиню,
Свега на брой четиредесть другахъ;
Сретна имъ є ура прискочила
У до̑ Прендинъ тврдый отидоше,
Те Турцима добро западоше,
Изъ дружине стражу оставише,
А на име Вука одъ Ябукахъ;
Кад' на нѣга налѣгоше Турцы,
Некħе Вуче кажеват' дружины,
Но є танку пушку опаліо,
Те Мургиħа Зука удаpіо,
Четобашу одъ Клобука града;
Иза Вука обрнула рука,
Е! а Турц'ма велика нерука,
Велясе є заметнула кавга,
Веħ'се нежна ко біяше кога,
Докъ дођоше долу Кобилѣму;
Пала магла о землѣ до неба,
Ма се моли Никола Томашу:
„Да ми вѣтаръ одъ планине пухн
Да я виђу чія гине войска,
Чія гине, чія ли добива!“
Бога молѣ и умоліо га,
Пухну вѣтаръ те онъ видѣ войску,
А ево ти Шоговиħ' Андрія,
И ш' ньим' иду браħа Црногорцы,
Оны воде два брата Ченгиħа,
И Турчина Бега Любовиħа,
Осталіехъ стотину Туракахъ;
На благосе осѣкоше Турцы,
Доведу ихъ долу Прентиноме,
И божнасе одкупит' оħаху,
Но дођоше Чевске покайнице
А пред' ньима Крсте Мояшева,
А кад' виђе Бега Любовиħа,
Кад' га виђе пожна га ліепо,
Па своему брату говораше:
„Ой Андрія безъ тебе остала!
Куђ' ми водишъ Бега Любовиħа,
Кои ме є поробіо лани?“
У Андріе пуче срце живо,
Одъ пояса саблю извадіо,
Те бегову окинуо главу.
Кад' виђеше таде Црногорцы,
Свакій свога посѣче Турчина,
А сувише хиляда Туракахъ,

Потлѣ Бега су педестъ другахъ;
Ту погибе цвіетъ одъ Туракахъ,
Пое Томашъ изъ грла біела:
,,Милій Боже на свему ти фала!
Дивно ли 'смо браћу осветили!
Кад' ни овы погибоше Турцы,
Ход'мо браћо дасе умиримо,
Пребіяймо прве за потонѣ:
Два делійћа за попа Милійћа,
Два Ченгића за Мрвалѣвића,
Любовића, за Ђукановића,
А Муркића Зука одъ Клобука
За сокола Мандушића Вука;
А остале одъ краине Турке
Неймамо ихъ пребит' ни за кога,
Но проклете Босанске баліе,
Пребіяймо свакогʼ по за вепра;"
Ка' рекоше тако учинѣше,
И да си ми здраво побратиме.

13.

Ченгійћъ Синан-Бегъ.

(Незнамъ одъ кога є спѣвана; а о разбићу є Турака на 1764. годиште у Црнойгоры.)

Захвалисе Ченгић-Синан-Бего
Пред' господомъ одъ Херцеговине:
,,Ахъ! да бы ме була неродила,
Но влахиня, коя влахе рађа,
Ако войску сакупити нећу,
Да похарамъ село на Трньине,
На Трньине на край горе црне;
У нѣму ми чуданъ шићаръ кажу,
Бѣле овце конѣ и волове,
Што су оный клетыи Трньинары
Све изъ наше землѣ уграбили;
Опалићу кулу Роганову,
На коюсе Турске главе суше,
И у кою Турско робѣ воде,
Те ихъ нама даю на откупе;
Заробићу любу Рогановy,
Заробићу ол'ћу погинути,
Младу любу скоро доведену,
Єръ ми кажу кои є познаю,
Да є лѣвша одъ Виле біеле."
Но му старый вели Катлан-Ага,
Одъ Мостара града біелога:
,,Прођ'се тога Ченгійћ'-Синан-Бего!
Ніе ласно робит' Црногорце,
Ни палити села Црногорска,
Дасе она крвлю необлію;
Знашъ ли Бего што є скоро было?...
Кад' удрише наши Херцеговцы
На біелу кулу Роганову,
Нити оны роба заробише,
Ни біелу кулу опалише;
Но скочише младіи Црногорцы,
Разагнаше Турке на булюке,
Тридесть и шесть живихъ уфатише,
Све Беговахъ, Агахъ, и Спахіяхъ,
А сувише осталихъ Туракахъ;
Нешћеше ихъ пустит' на откупе
За Млетачке одъ злата дукате,
Већ' на Турску бруку и срамоту
Заискаше Мачванске вепрове;
Што искаше то имъ Турцы даше,
За вепрове Турке міеняше,
Па спомен'се Ченгійћ-Синан-Бего!
Штосе пређе могло догодити,
Тос' опета догодити може;
Но пројисе тога шићареня,
Да те люта змія неудари."
За то Бего необраћа главе,
Єръ га носи желя превелика
На ліепу Роганову любу,
Да є узме за любовцу драгу;
Пакъ искупи седамъ хиляд' войске,
На Терньине село ударіо,
Ал'се бране тридесть Трньинарахъ,
Коиносе дома намѣрише,
Жестокіемъ огнѣмъ исъ пушакахъ,
А кликую браћу Црногорце,
Изъ біеле куле Рогановe,
Ни приступит' до куле недаду;
То зачуше Чевяны юнацы,
И осталіи младіи краичницы,
Велестовцы, Цуце, и Бѣлице,
На юначке ноге поскочише,
И шарене пушке прифатише.

Пут Трньинах брзо потрчаше,
Кличе добар юнак из дружине:
„Стан' постани Турскій булюмбаша!
Єр да имаш крила соколова,
Небы тебе данас одніела.“
Кад' виђеше Турцы Црногорце,
Побѣгоше главом без обзира;
Но им лоша срећа прискочила,
Што их поточ скоро пристигнула,
Ћераше их ђором и планином,
До Прентина дола крвавога
Деведесет главах посѣкоше,
Па остале далѣ поћераше,
И на тврдый кланац наћераше,
Сто и тридест и два уватише,
Међу ньима Агах и Беговах
Седамдесет и четиры друга;
Све остале туђер изгубише,
А господу живе поведоше
На сред Кчева на гумно камено,
Хоћаху их пустит' на одкупе,
Но их женска глава укорила,
Вѣрна люба Кнеза Моисія
Баш од Кчева мѣста краичнога,
Она рече Коичићу Вуку,
Што држаше Ченгійћ' Синан-бега
Свезаніех рукаx наопако:
„Ој ђевере Коичићу Вуко!
Вы хоћасте браћу откупити
У клетога Ћуприлійћ' везира,
Но их нешће дати на откупе;
Сномени се Вуко удовицах,
Удовицах црних кукавицах,
Ономлани штосу остануле
Кукаюћи и сузе ронећи
Без мужевах... и без хранителях;
Ніе ли вы зазор и срамота,
Да пуштите Турке на откупе?
У юнаку пуче срце Вуку,
Сабльом махну Коичићу Вуко,
Одсіече Синан-бегу главу;
Сву господу тако погубише,
Тад' стадоше міеняти Турке
За юнаке младе Црногорце,
Кои бѣху скоро погинули
Од велике войске Ћуприлійћа;
Ту пребише драгій побратиме
Два Ченгійћа за попа Милійћа,
Любовића за Ђукановића,
А Мекића за Томановића,
Яглочића за Мићуновића,
Сіерчића за Мрвалѣвића,
Два Звѣздића за два Балетића;
А Диздара од Клобука Зука
За Сокола Мандушића Вука,
Іош остале бройти немогу,
Єр' бы пѣсна одвећ' дуга была.

14.

Богованѣ.

(Ким є спѣвана незнам, а о бою є Црногорацах с Турцима у години 1768-ой случившегасе.)

Кньигу пише дужде Млечанине
На хиляду и седме стотине
И шездесет и осме годинe,
Пошалѣ є Турскоме султану,
У Стамболу біеломе граду;
У Кньизи га мило поздравяше,
И овако нѣму говораше:
„Али незнаш честитый султану,
Ол' нехаеш ни обраћаш главе,
Штосе єдан чоек огласіо,
Под именом цара руссинскога,
Међу наше землѣ и државе,
У камену ломну гору црну;
За нѣга є народ пріонуо,
Кано дѣца за своега Отца,
— — — — — — — — — —
— — — — — — — — — —
Но сакупи силовиту войску,
Да мы црну гору похарамо,
И да оный народ погубимо,
Да од нѣга неостане трага;
Я ћу скупит' мое Далматине,
И Хрвате плаћене солдате,
Поставићу по границы войску,
Што утече испод саблѣ твое,
Неће утећ' испод меча мога.“

Кадъ султану она кньига дође,
Онъ сакупи силовиту войску
Одъ све Босне и Херцеговине,
Руменліе и Мацедоніе,
И одъ плодне землѣ Арбаніе,
Сакупіо пѣшца и коньика,
Сто и двадестъ хилядахъ войникахъ,
И предъ ньима два силна Везира,
Босанскога и Руменлійнскога,
И Мехмеда пашу Скадарскога;
Дође Везиръ одъ Уруменліе
Код' біеле варошъ Подгорице,
А Босанскій на полѣ Никшићско,
Мехмедъ паша код' села Плавнице
Башъ на према нахіе Црничке,
А Млечићи поставише войску,
По границы краемъ горе црне
Одъ Грахова и Херцеговине,
До државе, Барске и Скадарске;
Црногорцы кад' то угледаше,
Да су са свихъ странахъ опколѣны,
Вышнѣмусе Богу помолише,
Пакъ договоръ таквый учинише,
Да за животъ нитко непомышля,
Но да раде славно погинути
Ради вѣре и слободе драге,
Да ньихова небы погибіо (побѣжденѣ)
Злотворима радостъ доніела;
Дочекаше одъ Босне везира,
Подъ Острогомъ высокомъ планиномъ;
А везира одъ Уруменліе
Више равна поля Єдношкога,
Мехмед-пашу на краю Црмнице.
Туд'се войске боемъ ударише
Безъ престанка тры біела данка,
Но какоће побре дочекати,
Дочекати оли побѣдити
Десетъ хиляд' войске Црногорске,
А сто двадестъ хилядахъ Туракахъ;
Млога села Турцы опалише,
И немало робя заробише,
Па на Кчево таборъ учинише
Но имъ худа срећа прискочила;
Єрсе оны сакрити незнаду
За дрветомъ или за каменомъ,
Како штосе крію Црногорцы,
Него Бошнякъ гласовито виче:
„Стани мыша душо Црногорче!
На поляну дасе огледамо!
Куда бѣжишъ како мышъ у дуплю?“
Ал' изъ дупля танка пушка пуца,
Турчинъ пада одкуд'се ненада,
И бишесе за деветъ недѣляхъ,
Него тужны, брате, Црногорцы
Неимаду праха ни олова,
Али ево среће Црногорске,
Добре среће одъ Бога послане:
На данъ првый Ноемвра мѣсеца.
Пошто сунце на заходу зађе,
Паде страшна киша изъ облака,
Безъ престанка до сутрашнѣг' данка,
Ударише мунѣ и громовы
У средъ войске дужда Млетачкога,
Близу Будве града Приморскога;
И у таборъ другій громъ удріо,
Ударіо паше Скадарскога,
На дно равна поля Црмничкога,
Разагнаше войске обадвіе.
Ево друге среће Црногорске!
Те узеше одъ Турак' џепхану,
Што иђаше на Кчево крваво,
А у таборъ два силна везира;
Пакъ на Турке ш' ньоме ударише
Пређе зоре и біела дана,
Прве страже огнѣмъ оборише,
А на друге юришъ учинише,
Што испаде мртво и ранѣно,
То у таборъ огнѣмъ ућераше,
И на траг'се опетъ повратише.
Кадъ везиры оно видіеше
Џебхана имъ да є уграблѣна,
Да имаю Црногорцы праха,
А вріеме зимнѣ наступило,
Те у Црну гору ніе станя,
То л' у зимнѣ доба воеваня,
Повратише войску на трагове,
Оставише мѣста и путове,
Куда оны бѣху проходили
Свуда своіомъ крвлю облѣваху,
И Турскіемъ костим' оскверняху.
Вѣруй вѣры драгій Побратиме,
Да є ово истинито было,

И да си ми здраво и весело!
А Богъ воли, кои му се моли,
На нѣм', друже, Црногорцы служе! —

15.

Освета Црнегоре.
(Одъ Иліе Средановића съ Добра-села.)

Кньигу пише Никша Капетане,
А шилѣ є стойну Цариграду,
Башъ на име цару господару:
„Ђе си царе сунце огріяно!?
Црна ми є гора додіяла,
Роби буле а сіече Турке,
А одгони конѣ и волове,
Узе благо што имаше Турцы,
И біеле на булюке овце
Искрай мога Никшића крвава;
Но ако ми нећешъ послат' войску;
Да похарамъ ловну гору црну,
Да осветимъ жалостъ мою тешку,
Више стоят' у Никшиће нећу,
Него ћу ти Никша оставити."
А кад' цара кньига допанула,
Кад' ли виђе што му кньига пише,
Онъ дозива Ћуприлийћъ везира:
„Ћуприлићу вѣрна моя слуго!
Узми слуго силновиту войску,
Айде съ войскомъ Скадру біеломе,
Ту ћешъ наћи Агу Мустафагу,
Наћи ћешъ га на край горе црне,
Онъ ће твою войску разредити."
Везиръ га є ончасъ послушао,
Па му люби руке и скутове,
Па отиде предъ войскомъ царевомъ,
Ш' ньомъ обрну Скадру код' Бояне;
А кад' Скадру біеломе дође,
Ту находи Агу Мустафагу,
Ма га Турчинъ дочекива дивно,
Іошъ му лѣвше войску разређива;
Ћуприлића на Кчево крваво,
А Ченгийћа преко Граховога,
Сехратлію блатомъ на ріеку,
Турцы гору црну похараше,
Поробише мало и велико,
Но утече єданъ калуђере,
Онъ утече мору дебеломе,
Паксе моли Богу великоме,
Моли му се по закону своме;
Моли Бога и умоліо га,
Обрну га сунцу на истоку,
И додаде біеломе Бечу;
А кад' у Бечъ юнакъ долазаше,
Одъ Беча се врата затвараху,
Ма калуђеръ Богомъ братимяше:
„Богомъ брате одъ Беча стражару?
Отвори ми біелога Беча,
Да улѣземъ свіетлой кральицы,
Да іой мое покажемъ неволѣ."
Вѣранъ бѣше Бога вѣроваше,
Одъ града му врата отвараше,
Онъ улѣзе у біелу Бечу,
И приступи свіетлой кральицы,
Біелу іой полюбіо руку,
И дао іой кньиге на скутове;
Кад' кральица кньиге видіела,
Овако му млада проговара:
„Калуђере майка ти жалошна!
Єл' истина што ми кньиге кажу?"
„Истина є свіетла кральице,
Да є црна гора похарата."
А кад' ютро было освануло,
Она нѣму дае пратіоце,
Преведе га у земльи Полячкой
У Ивана краля Полячкога,
А кад' кралю дође на дворове;
Нѣга кралѣ дочекива дивно,
Онъ му бача кньиге на скутове,
А кад' виђе што му кньиге кажу,
Ал' га кралѣ брже одправіо,
И добре му даде пратіоце,
Преправи га у земльи Инглеской,
У силнога краля Инглешкога;
А кад' кралю дође на дворове,
Полюби му руке и скутове,
Па му кньигу на колѣно дае,
Каде кралѣ кньиге разгледао,
И кад' виђе што му оне кажу,
Калуђеру ріечъ проговара:
„Калуђере, моя зміо люта!

Єл' истина што ми кньиге кажу?"
,,Истина є, драгій Господаре!
Да є Црнагора похарата."
И онъ га є брзо отправіо,
И даде му добре пратіоце,
Препрати га у земльи Мошковской,
На дворове одъ Москве кральицы,
Кадъ кральицы дође на дворове,
Ньойзи люби руке и скутове,
А кньиге іой дае на колѣно,
Кньиге гледа сузе проліева:
,,Калуйере моя зміо люта!
Єл' истина што ми кньиге кажу?"
,,Истина є моя круно шяйна!
Црна ти є гора похарана,
И Турска є сила погазила,
Поробила робя неколико."
А кад' оно млада разумѣла,
Найвѣрнію слугу дозивала,
По имену Божа Дценерала:
,,Вѣрна слуго Дценерале Божо!
Ево су ми гласи допанули,
Црна ми є гора похарата,
Нег' окупи силновиту войску,
Силну войску стотину хилядахъ,
Да идемо стойну Біограду!"
Ню є спрешно слуга послушала,
И силну є войску подигнула,
Предъ ньоме є кральица Русинска,
Ма кад' доше у земльи Инглешкой,
И Инглежъ є силу подигнуо,
Кральицы є поша' у помоћи,
Пакъ минуше стойну Біограду;
А кад' доше у земльи Полячкой,
И Поляку є силу сакупіо
И онъ ньима пође у помоћи.
То зачула одъ Беча кральица,
И она є силу подигнула,
И она имъ пође у помоћи,
А кад' доше близу Біограда,
Біела є Вила дозивала
Изъ Лауре Турске Калауре,
Дозивала Стойну біеломе
По имену Мехмеда везира:
,,Зло ютро ти Мехмеде везире!
Ал' нечуєшъ, ал' ништа небринешъ?
Четиры су зміе околиле
Око твога стойна Біограда,
Обѣ ће ти очи извадити,
И узети стойна Біограда."
А кад' оно юнакъ разуміо,
Онъ на бедемъ излази одъ града,
Па погледа око града свога,
И видіе войску на четверо;
Ма ихъ везиръ Богомъ братимяше:
,,Богомъ сестро Русинска кральице,
Дай ми вѣру за неђелю данахъ,
Докъ одъ града покупимъ ключеве,
Ев' тебе ћу оставити Стойна."
Кад' є оно млада разумѣла,
Недаде му вѣру за неђелю,
Но є дае за петнаесъ данахъ;
Везиръ нек'ће купити ключеве,
Него піише біеле фермане,
Пакъ ихъ шилѣ цару честитоме:
,,Ђе си царе сунце огріяно?
Четиры су зміе око мене,
Е ма што е єдна змія люта,
Змія люта кральица Русинска,
Она води войске сто хилядахъ,
Али хоће узет' Біограда;
Єре носи одъ боя лубарде,
Ніе друга узеће ни града,
А кад' узме мене Біограда,
И тебе ће стойна Цариграда,
Но ми пошльи неброену войску."
А кад' цара кньига допанула,
Кньигу бачи купи силну войску,
И Босна є нѣму на помоћи.
Кад'се пуна напуни неђеля,
Ма кральица слугу отправила,
И овако слуги говорила:
,,Вѣрна слуго Польскій Александро!
Ходи пођи стойну Біограду,
Е да видишъ войску везирову,
Ал' одлази, ал' прилази войска
Хайде мудро, лудо непогини!"
Ню є слуга брзо послушала,
Ево пође біеломе Стойну,
И дивно є Турке уходіо,
Неодлази войска ни прилази,
Па овако съ Турцима говори:

„О за Бога браћо моя Турцы!
Каде ћемо удрити кауру?“
А нЂму су Турцы говорили:
„Пређе рока тры біели данка!“
Ев' онъ брже кодъ кральице дође,
Па кральицы право кажеваше:
„О кральице сунце огріявно!
Дивносамъ ти Турке уходіо,
Неодлази войска но прилази,
И хоте ти Турцы ударити
Пређе рока три біеле данка.“
То кральица када разумЂла,
На четверо войску разредила
Око свега стойна Біограда,
И Турчину млада ударила,
Живіемъ га огнЂмъ огорЂла,
И Турску є войску предобила,
На Рабу... є̂ воду нагонила,
Пакъ є тада запояла млада:
„Да тисе є, друже, нагледати!...?
Какосе є вода премостила
Одъ Туракахъ и Турскіехъ коняхъ,
И Турскіехъ капахъ и доламахъ.“
Свег' похара Стойна Біо...града,
И освети малу гору црну,
А поведе робЂ путъ Руссіе;
Она робя веће узе тада,
Нег' су Турцы игди и одкуда...!
А нека є, Богъ іой помагао!!!

16.

Зулумъ безъ Бая.
(Одъ Зая Гойкова БЂлопавлић.)

Четасе є мала подигнула
Одъ Пераста и Приморя славна,
А пре четомъ Пивлянине Баіо,
А за Баіомъ Вуіо барјактаре,
А за Вуіомъ Сердаръ Маркетане,
За Сердаромъ одъ Ліевна Лимо,
А за Лимомъ тридесетъ хайдукахъ;
Оде чета ломномъ горомъ црномъ,
Докле чета на Грахово дође,
Но ту чета трудна починула,
У то рече Сердаръ Маркетане:
„Ово ми є браћо постойбина!
Одовле ме ишћераше Турцы.“
И онъ грозне сузе пролЂваше.
Одонлесе кренуше хайдуцы,
Докъ дођоше у Ліевно равно,
Кад' ту дође одъ Ліевна Лимо,
Топле су га сузе пропануле,
А дружины своіой говоріо:
„Ово ми є браћо постойбина!
Одовле ме Турцы ишћераше.“
Ту га тЂше любивна дружина:
„Нека Лимо наше постойбине!
Но хайдемо у чету юначку,
Єда бы намъ Богъ и срећа дала,
Да мы ђегодъ задіемо Турке.“
Одонлесе кренуше юнацы,
Докъ дођоше у Пиву пространу,
Но ту рече Пивлянине Баіо;
„А за Бога любивна дружино!
Єл' оваке нђе постойбине
По краинахъ али по градовахъ?
Ово ми є постойбина была,
Постойбина моя и Вуіова,
Одовле насъ Турцы изагнаше,
Башъ проклетый Перастовић' Хамза.“
Топле хайдукъ сузе пролЂваше
ТЂшаху га любивна дружина,
И говори Вуіо Барјактаре:
„Хайде Баіо наша Четобашо!
Нека наше ове постойбине,
Но хайд' води любивну дружину,
Да идемо Турке да чекамо,
Да ако бы Богъ и срећа дала,
Те мы ђегођъ Турке дочекамо.“
Скочи хайдукъ одъ землЂ на ноге,
Пакъ отиде тамо пре дружиномъ,
Докле Баіо у Голію дође,
Ту дођоше на Кладу на воду,
Те хайдуцы трудны починули,
Воде пишше лЂба заложише,
Па поспаше кићенны юнацы,
Сви поспаше ка' дасе поклаше,
Но нехоће Пивлянине Баіо,
Самъ онъ оде зеленомъ планиномъ,
Докле нађе єданъ крдъ овацахъ,

И код' ньихсу тры дѣвойке младе,
Божю помоћъ Баio називаше:
,,Божя помоћъ лiепе ђевойке!
А тако ви, тры ђевойке младе
Ђе су вама овцэма овчары?"
Божу су му помоћъ прифатиле:
,,Богъ дай тебе незнана делiо!
Повео ихъ Перастовићъ Хамза
Прозъ планину да косе сiено,
Повео ихъ силомъ на срамоту,
И те бысмо яде опростили,
Но неможес' простити никако,
Текъ поведу на Яворѣ овце,
На Яворѣ на ту воду хладну,
Ту ће Хамза Перастовић' доћи,
Око нѣга неколико другахъ,
Да бираю прозъ овце яганьце,
И дебеле безплодкинѣ овце,
Башъ делiо силомъ на срамоту."
Таде Баio мало обратio,
Обратio паксе повратio:
,,А за бога тры ђевойке младе!
Бои ли се Перастовић' Хамза,
Већ', до Бога, бои ли се кога?"
Тако су му младе говориле:
,,Онъ никога небоис' до Бога!
А и бога мало ти познае,
Како Бая нейма никояко,
Заръ є Баio негђе погинуо."
Таде хитро Баio обратio,
Хитро Баio до дружине пође,
Онъ разбуди сву редомъ дружину,
Найпослiе Вуя Баряктара,
Скочи Вуio ка' дасе помами,
И дружини своiой говорio:
,,А тако ми любивна дружино!
Ясамъ Вуio грданъ санъ видio:
Садъ мы бѣсмо на Яворѣ равно,
Отуд' Хамза Перастовић' дође,
У руке му свилена баряка,
Дарива га Перастовић' мене;
Тек' ли Вую у руке допаде,
Проврже се црномъ манделиномъ.
А загнасе тридестъ соколовахъ,
Те пецива Хамзи поягмише;
И тако ми, моя дружбо драга!
Вы ћетесе данасъ осветити,
А Вуio ће яданъ погинути."
Кад' то чуо Пивлянине Баio,
И свое имъ Баio кажеваше,
Како су му зборилe ђевойке:
,,Но хайдемо любивна дружино!
Да чекамо Турке на Яворѣ."
Искочише тридесетъ хайдукахъ,
Отидоше на Яворѣ равно,
Западоше око друма пута,
Сву дружину Баio наређуе,
Сву дружину око друма пута,
Вуя нейма ниђе намѣстити,
Но врже га на сред' друма пута,
Да онъ чека силу одъ Турака,
А предъ ньиме букова омара
Мало было ништа нестаннуло,
Ал' ђе иде Хамза Перастовићъ,
И за ньиме дванаесъ Турака;
Но є силанъ яди га убили,
На Вранчића коня големога
На нѣга є ноге прекрстio,
Преко крила држи цевердана;
Єс' на Вуя туре нагазило,
У Вуя є лоша срећа была,
Првый га є Хамза угледао,
Па на нѣга спрета цевердара (пали)
Онъ є Вуя дивно погодio,
Десну му є ногу саломio;
Кад' виђоше тридесетъ хайдукахъ,
Како Хамза Перастовићъ гађа,
Па гађаше тридесетъ хайдукахъ,
Погодише дванаесъ Туракахъ,
Халакнуше Бога поменуше,
А пламенне ноже потргоше,
И дванаесъ главахъ посѣкоше,
Све оружѣ Турско поягмише,
Па оружѣ Турско дiеляху,
И ту Вую старешинство даю,
Хамзинога коня и оруже;
На коня су Вуя усадили,
Понесоше г' у Приморѣ копно,
Ал' му на путъ душа испанула,
Тек'се Хамзомъ єсте замѣнила,
Па покойну Богсе смиловао,
Што є прбый Хамзу незгледао,

Но раннѣнъ га едва погодіо,
Међу пуца ђе му душа куца.
Надгробно:
(„Свой тко животъ за обштинскій дае,
Онъ му текаръ у пѣснам' настае,
Богъ да прости Бая Пивлянина!
Осветіо Срба у Турчина.“

17.

Конацъ.

Турском' харачу у Пипере.

(Одъ Попа Іована Кнежевића войводе у Бѣлопавлићу.)

Кньигу пише Коскійћъ Ахмет-бего,
Одъ ліепе варошъ Подгорице,
Те ѥ шилѣ у ломне Пипере,
Свому Даю Шушовић' Пауну,
У кньизи га мило поздравяше:
„Міо Даіо Шушовић' Пауне!
Пошльи мене харачъ одъ Пиперахъ,
Ако ли ми харачъ послат' нећешъ,
Село ћу ти Црнце опалити,
Село Црнце и листомъ Пипере!“
Кад' Пауну кньига допанула,
Виђе Паунъ што му кньига пише,
Те онъ пише бегу сестричићу:
„Што ми бего за хараче пишешъ,
Да ти пошлѣмъ харачъ одъ Пиперахъ,
Послаћу ти студено каменѣ;
Што пріетишъ ћешъ ме похарати,
Небыло ти за очину душу,
Кадгођъ дођешъ вазда ти се надамъ.
Ахметъ-бегу када кньига дође
Купи Туре силовиту войску,
По ноћи є войску сакупіо,
А по ноћи у Спужъ допануо,
И по ноћи у лугъ запануо,
Да онъ чека Пауна уяка,
И Пипере свою уйчевину;
На ютросе подигнула стража,
Подигнула стража одъ Пиперахъ,
Стража мала два добры юнака,
Симо Никійнъ и Машо Вукотинъ,
На лутове трага уходили,
И Турскога трага опазили;
Отидоше казаше Пауну,
Да є ньима Турчинъ запануо,
Таде Паунъ ситну кньигу пише,
Те є шилѣ у Бѣлопавлиће,
У найближе село Мартиниће,
А на име своме пріятелю,
Пріятелю войводы Ђукану:
„Ай ђе си ми узданъ пріятелю!?
Скупи мене све Бѣлопавлиће,
Да си ш' ньима съ утра у лутове,
Ту су мени Турцы запанули.“
Кад' войводы кньига допанула,
Те онъ виђе што му Паунъ пише,
Па дозива свога сына бега:
„Трчи бего те купи Брђане,
Пауну су Турцы запанули!
Па Брђане водди у лутове,
Да Пиперу будешъ у индату.“
Оде Бего да купи Брђане,
У то доба Турцы ударише,
Ударише Турцы на Пипере;
Ево велѣ муке одъ Пиперахъ!
Инокосно бѣху дочекали,
Но упіе Шушовић' Пауне:
„Ай ђе си ми Войводићу Бего!
Ючесамъ ти оправіо гласе,
Е су мени Турцы запанули.“
У ту ріечъ што Паунъ викаше,
Дође Бего и Бѣлопавлићи,
Исъ пріеска удрише Турцима,
Те су добро Турке повратили,
До бѣла ихъ Спужа догонили,
Свасе Турска войска поломила,
Мало нешто у Спужъ замакнуло,
Ма ихъ Спужке буле дочекале,
Те говоре Коскійћъ Ахмет-бегу:
„Ђе хоћ' бего? Главе неуніо!
Ђе уведе у града Брђане,
Да ти робе буле и ђевойке,
Да ихъ любе теби на срамоту.“
У то бега изѣде срамота,
Свог' є на трагъ хата обрнуо:
„За мномъ Турцы ако Бога знате!
Да идемо опетъ на трагове,

Болѣ нам' є, Турцы, погинути,
Но упуштит' буле подъ Брђане!..."
Ріечь рече хата обрнуо,
Трчи Туре Куниной главицы,
А све зове Даицу Пауна:
„Стан' Даица єданъ Динсузине!
Да видимо чіи те быт' луговы!"
Ма се Паунъ намѣріо близу,
Брђанима те є бесѣдіо:
„О Брђаны моя браћо драга!
Я ве молимъ и богомъ ве кумимъ,
Да ми близу напуштимо Турке,
Немой кои пређе гађат' пушкомъ,
Докъ негађа Шушовићъ Пауне,
Я ћу гађат' Бега сестричића,
Што є ову сву войску скупіо,
Те онъ иште харачъ одъ Пиперахъ."
Послушаше Брђаны Пауна,
И поближе Турке напуштише,
Пушкомъ гађа Шушовићъ Пауне,
Онъ погоди Коскић' Ахмет-бега,
Подъ грроце ђе пуце запуча,
У то Брдске пушке припуцале,
Одъ Туракахъ яда наградише,
Опет' бѣже Подгорички Турцы,
Понесоше бега наопако
И ш' ньим' млоге мртве и раннѣне,
А неке су и ту оставили;
Одъ Брђанахъ нико непогибе,
И на томсе бою разметнуше,
Па Брђаны шенлукъ учинише,
Зафалише Богу и оружю,
Што хараче Турцы прекидоше;
Тако было какосе пѣвало.

18.

О Сербскоме Патріарху.
(Одъ Ђурише Піеровића Бѣлоша.)

Пешкешъ посла Мошковска Кральица
Пешкешъ посла у Стамболу граду,
А на руке Цару Ибрахиму,
Чуданъ пешкешъ! Одъ злата тевсію,
На тевсію преплетену змію,
А узъ нюсу тры турачке главе,
Све одъ суха немѣрена злата,
Свиленіемъ шаломъ замотане;
До ньихъ бѣше хоџа и кадія,
Кафеџія кои кафу вари,
Кафу вари и дружини дае;
Кад' є царе пешкешъ прифатіо,
А кад' видѣ силнога пешкеша,
Стаде мыслит' и размышлят' царе,
Какавъ бы іой пешкешъ повратіо,
Немогасе царе домыслити;
Него купи паше и везире,
И остале Турке и бегове,
Немогасе домышлит' ни єданъ,
Него паша Срколовићъ вика:
„О ты царе драгій господаре!
Залуд' купи паше и везире,
И остале Турке яньичаре,
Нико тисе домыслит' немога',
Какавъ бы іой пешкешъ повратіо;
Него царе кньигу напишите,
И шльите є у той Пећи доньой,
А на руке старцу Патріарху,
Нека дође у Стамболу граду,
Онъ ће тебе научити дивно."
Али царе ситне кньиге пише,
А шилѣ є у той Пећи доньой,
А на руке старцу Патріарху:
„Да си мене съ прешомъ у Стамбола!"
А кад' старцу ситна кньига дође,
И кад' виђе што му ситна пише,
Онъ є старацъ хата дофатіо,
И бацисе хату на рамена,
Брзо дође біелу Стамболу,
И улѣже цару у сараю,
И цареву прифатіо руку;
Ал' говори старый Патріаре:
„О за Бога мой царе честитый!
Што си за ме прешно посилао?"
„Како што є, старый Патріарху,
Ты погледай на то перо златно,
Какавъ ме є пешкешъ допануо
Одъ велике царице Русинске;
Немогахсе старче домыслити,
Какавъ быхъ іой пешкешъ повратіо,
Залуд' куппихъ паше и везире,

И по изборъ мое Яньичаре,
Ни єдансе домышлит' немога',
Какавъ быхъ іой пешкешъ повратіо,
Па за тебе я одаслахъ старче,
Небы ли ме старче научіо,
Какавъ быхъ іой пешкешъ повратіо,
У Руссію Русинской кральицы."
Тад' и старацъ пешкешъ погледива,
Погледива па га разгледива,
Па Патріархъ цару бесѣдіо:
,,Лашно тисе царе домышлити,
У тебе су Србскіи прієлози,
Славный барякъ славнога Лазара,
И одежда светога Николе,
Єванђелѣ светога Іована,
Златна шляка Деспотовић' Ђура;
То ти царе ніє за потребу,
А ньойзи є вазда одъ потребе."
Ончасъ царе на ноге скочіо,
Самъ изнесе Српске прієлоге,
И даде ихъ старцу Патріарху;
Старацъ узе Српске прієлоге,
Па ми нађе два младе путника,
Те имъ даде Србске прієлоге,
И димно ихъ старацъ научіо:
,,Хайте зъ богомъ два млады путника,
Вы хайдете право путъ Руссіє,
Дивно ће ве дочекат' царица,
Ма немойте друмомъ исправити,
Него хайте зеленомъ планиномъ,
Єре кадсе авизаю Турцы,
Штосу данасъ оны учинѣли,
Хоће скочит' друмомъ зеленіємъ,
Оба те ве уфатити жива,
Залиће ве златомъ жеженіємъ,
И менеће изгубити Турцы."
Оны поше зеленомъ горицомъ,
Понесоше Србске прієлоге,
У то паша Соколовићъ дође,
Те овако цару бесѣдіо:
,,О за Бога царе Господаре!
Доходи ли старацъ Патріарс,
Є ли тебе царе научіо?"
Али царе паши бесѣдіо:
,,Онъ доходи, научи ме дивно,
Я му дадохъ Српске прієлоге,
Пакъ онъ нађе два младе путника,
Отправи ихъ путъ Руссіє ш' ньима."
Кад' разумѣ Соколовић' паша,
Ударисе шакомъ узъ чакшире,
Колико се иедко удари
На трое му пукоше чакшире,
Па овако цару бесѣдіо:
,,Ал' ахъ царе штоси учиніо!
Пошто даде Српске прієлоге,
Сад' имъ предай отъ Стамбола ключе!"
Кадекъ виђе царе Имбрахиме,
А кад' виђе што є учиніо,
Онъ покличе Яньичаре Турке:
,,Халахъ Турцы за Бога єднога,
Ха болѣ-те друмомъ зеленіємъ,
Уфатите два младе путника!"
Ускочише на хатове Турцы,
По тры вране хата опучише,
А путнике нигђе нестигоше,
Врнушесе пѣшки на опанке;
А кад' цару у Стамболу доше,
Оны Турцы цару кажеваше:
,,По тры хата царе оппучисмо,
А путнике нигђе нестигосмо,
По дођосмо пѣшки на опанке."
То силеный када чуо царе,
Царе фата старца Патріарха,
Целатима ріечь бесѣдіо:
,,Посієцте старца Патріарха!"
Али старацъ ріечь бесѣдіо:
,,Немой мене изгубит' на сухо!
Е ће одъ мен' капнут' капля крвы,
Изгорети по Стамбола града;
Дажда неће нађи тры године,
Обратиће за мномъ неродица."
Поведоше старца Патріарха,
Поведоше на то море синѣ,
Ту нѣгову посѣкоше главу,
Крвца паде на то море синѣ,
Отъ крвисе море ужижало,
Паксе суха края дофатило,
Те изгорѣ по Стамбола града,
И ненађе дажда тры године,
Обратила потад' неродица.
Ка' имъ рече, онакосе стече,
А іошъ веће згодит' имсе хоће.

19.

Сломъ Татарахъ.

(Одъ Благоте Н. Бѣлопавлића.)

Царе кньигу Отмановић' пише,
У зелену шилѣ є Руссію,
А на руке Московской краљицы:
,,Морре чуєшъ одъ Моске краљице!
Оддай мене харачъ одъ Руссіє,
На ђетића по седамъ цекинахъ,
На ђевойку по чтиры пуна;
Ако ли ми то подати нећешъ,
Кунемъ ти се а вѣру ти даемъ,
Е ћу силну покупити войску,
Похарати свуколик' Руссію,
И найпосле тебе уфатити,
Узет'ћу те за вѣрену любу."
Ту невели Туре акобогда,
Ни быти му акобогда неће.
Кад' краљицы кньига долазила,
Небыла іой мила николико,
Е ма іойсе одъ болѣ неможе,
Но ми ситну на колѣну пише,
А шилѣ є Отмановић' цару:
,,Чуєшъ морре царъ Отмановићу!
Єс' ли чуо, єл' ти ко кажева'
Кад' є Српско погинуло царство,
Трысте Српске кла̑де заузели:
Алайбарякъ славнога Лазара,
И одежду светога Іована,
Златну шляку Деспотова Ђура,
Но дай ми ихъ дасе несвађамо!"
А кад' цару вака кньига дошла,
Самсе царе одъ нѣ препануо,
Препануо, изъ руке пустіо,
Па є царе ріечъ бесѣдіо:
,,А тако ти, одъ Москве краљице!
Прођи мисе врага и белая!
Кла̑де су ти у землю Татарску,
У онога Татарскога Хана;
Ханъ є Србске заузео кла̑де."
Кад' краљицы гласи допанули
Како збори царъ Отмановићу,
Есе ньойзи одъ болѣ неможе,
Брже пише кньигу на колѣну,
Пакъ є шилѣ у землю Татарску,
А на руке Татарскоме Хану,
А кад' Хану кньига допанула:
,,Морре чуєшъ, вели, Татар-Хану!
И чуо си, и кажевали су,
Е 'сте Србске заузели кла̑де,
Подай ми ихъ дасе неколѣмо,"
А кед' Хане кньигу прогледао,
Добро му є кньига мила была,
Па є другу брзо написао,
А посла є Руссинской краљицы:
,,Држи мисе Руссинска краљице!
Силну ћу ти войску накупити,
А ударит' зеленой Руссіи."
Та̑ краљицы кньига допанула,
Кньигу гледа сузе проліева,
Е ма іойсе одъ болѣ неможе,
Но Руссію купи свуколику,
Она чека Татарина Хана,
Чекала га доке дочекала,
Па датисе нагледати друже,
Какос' двіе силе састадоше,
Састадоше паксе ударише,
Тусе клаше два дана біеле,
А кад' быо трећій око подне,
Шћe краљица плећи обрнути,
Е ма тако добре среће была,
Мала іой є потѣчъ долазила,
Мала патѣчъ дванаесъ хилядахъ,
Каравлашка и Карабогданска,
Те Татар'ма съ пріекъ ударила,
Нсъ пріека бише безъ ліека,
Тако Хана сломила краљица,
Саломила у море сагнала,
Тесе море напунило болѣ,
А одъ мртва коня и юнака;
Тако веле и кажую људи,
По мртвіемъ прелазили живыи.
Одъ насъ пѣсна, а помоћъ одъ Бога,
Свакоему брату Ришћанину.

,,Текла вода, и водица,
И текла є и тећиће,
И около и кривудно,
Ма своѐ ће нађ' єзеро." —

20.

Харачліа Црногорацъ
(Одъ Тома Маркова Петровиħа
НѢгоша.)

Кньигу пише Томановиħъ Нико
Отъ крваве мале горе црне,
А шилѢ є граду Никшицкоме,
А на име Хамзи Капетану:
,,О Турчине Хамза Капетане!
Немой дизат' овце у Рудине,
Ако мене харачъ послат' неħешъ,
Танку пушку Џидиħа Османа,
Коя валя педесетъ дукатахъ,
И доламу Аџиманиħъ Дура,
На коюсу пуца съ обѢ стране,
Свако пуце од' хиляду драмахъ;
Треħе: токе Бабиħа Якшара,
Жуте токе одъ четиры оке,
А одъ злата суха жеженога,
Іошъ одъ крда омна преводнога,
И слушай ме добро Капетане!
Ако будну у Рудине овце,
Я ħу Никац скупит' Црногорце,
Удариħу тебе на Рудине,
Све ħу твое овце плієнити,
ПосѢħу ти овчаре чобане,
Ако мене харачъ послат' неħешъ.“
А кад' кньига капетану дошла,
Ударисе рукомъ узъ колѢно:
,,Ал' ахъ мене Никца изъ Ровинахъ!“
Па капетанъ на чаршію пође,
Све Никшицке окупіо Турке,
Па имъ танку кньигу прочатіо;
Каде Турцы кньигу разумѢше!
Сви рекоше: ,,Да му харачъ дамо!“
Докле дође Бабиħу Якшаре,
Пакъ є Якшаръ ріечъ бесѢдіо:
,,А я велю да му га недамо!
О богу ти Хамза Капетане!
Подай мене ускокъ Станоицу,
И узъ нѢга тры четиры друга,
Е ħу пођи малой горы црной
У крваву Ластву Озриниħску,
Да уходимъ Томановиħ' Ника,
Небы ли ми Богъ и среħа дала,
Да быхъ силну войску сакупіо,
Да посѢчемъ Томановиħъ Никца,
А доявимъ овце Црногорске.“
Па довати лахка џевердана,
Самоседмый усъ планину пође;
А кад' Турчинъ на изворе дође
Више тора Томановиħ' Ника,
Ато яданъ Никацъ код' овацахъ,
И ш' ньим' ніе друга ни єднога,
До сестриħа Тоднійħа Ивана;
Дивно ихъ є Турчинъ уходіо,
Па дозива побратима свога:
,,Побратиме ускокъ Станоица!
Айде пођи граду Никшицкоме,
Поздрави ми Хамзу Капетана,
Да ми пошлѢ пестотин' Туракахъ:
Ако Богъ да, и одъ Бога шала,
Довешħу га нѢму савезана,
Доявит' му овце свеколике.“
То Станиши тврдо жао было,
Па Якшару ріечъ бесѢдіо:
,,Има Никацъ добре пореднике,
Несміемо нѢму ударити.“
Таде Якшаръ нѢму бесѢдіо:
,,Стоят' съ нама бранит' Црногорце,
Глава ħе ти на Никшиħе пођи.“
Кад' Станиша нѢга разуміо,
Па довати лака џевердана,
Онъ отиде граду Никшицкоме,
Тек' Станиша на чаршію дође,
А ту Хамзу капетана нађе,
Паксе нѢму поклоніо дивно,
И нѢгову руку полюбіо:
,,Муштулукъ ти Хамзо капетане!
Мы смо Никца димно уходили,
Но тисе є Якшаръ поздравіо,
Да ми пошлѢшъ пестотин' Туракахъ.“
То кад' зачу Хамза капетане,
Одъ ħеифа на ноге скочіо,
Па сакупи хиляду Туракахъ,
Е хиляду Влахахъ и Туракахъ,
А предъ ньима Хамза капетане;
Пође силна усъ планину войска,
Пређе зоре дође на изворе,
А срете є Бабиħа Якшаре,
Па на трое войску діеліо,

Удариние Никцу на торину,
Ма се Никацъ у главицу наħе;
Све Никчеве изагнаше овце,
Докъ у Никцу препукнуло срце,
Одъ образа пали цевердана,
А погоди Бега Ћубелійћа,
Паде Турчинъ на трави зеленой,
Па кликуе Никацъ Црногорце:
,,Ха ђе си ми Радуловић' Симо!?
Ђе ли си ми Гаврилово Туре!?
Ђе сте да сте ођенъ данасъ нек' сте!
Никшићи ми овце одагнаше,
А съ ютра ће мене укорити."
Зачуо га Хамза капетане,
Пакъ є нѣму ріечъ бесѣдіо:
,,Што кликуєшъ Томановић' Нико!?
Што кликуєшъ Радуловић' Сима,
А Симо є у Доброту малу,
Да подиже одъ Латинахъ благо,
Да га у сыръ и шеницу дае;
Што л' кликуешъ Гаврилово Туре?
Ето ти га на Кчево крваво,
Ђесе игра у ракію плойке...
А заскаче Озринске невѣсте,
Да имъ люби пребіело лице."
Но у ріечъ кою бесѣдише,
У то доспѣ Гаврилово Туре,
А завика изъ грла біела,
По имену Хамзу капетана:
,,Стан' постани Хамза капетане!
Кад'се бити, бити мисе мило,
Кад' є любит', любит' ми є драго!"
И хоћаше убит' капетана,
Но му неда Томановић' Нико:
,,Не за Бога міо побратиме!
Неизгуби одъ краине главу,
Быћће дава у Отмановића,
Те ће Црна гора пропанути."
А кад' виђе Гаврилово Туре,
Онъ нѣгова гађа сестричића,
Сестричића Балабановића;
Па на нѣга загонъ учиніо,
Ножъ повади посѣче му главу,
У то стиже испріека Симо,
А у Турке юришъ учиніо,
Одъ образа ужди цефердана,
И погоди Хаџиманић' Ибра,
Ножъ истрже посѣче му главу,
А покличе Цуце и Чевляне,
Ал' ето му Цуце и Кчевляны,
Обратише узъ изворе Турке,
Побишесе огнѣмъ исъ пушакахъ,
Е ма Турцы плећа окренуше,
Да бы кои главу изнесао;
Ћераю ихъ млады Црногорцы,
Ћераше ихъ до врхъ Лигунара
Седамдесетъ главахъ окинуше,
Седамъ-осамъ уфатише живе,
Е ма Никцу одагнаше овце;
Зове Никацъ иза свега гласа,
А дозива Хамзу капетана:
,,О Турчине Хамза капетане!
Немой мене ш' ютра прекорити,
Е 'самъ лоше попратіо овце,
Него преброй на Броћанацъ Турке,
А ево ти божу вѣру дасмъ,
Све ћу теби казат' по истины:
Посѣклису мои Црногорцы,
Посѣклису главахъ седамдесетъ,
А седамсу уфатили живихъ,
И осмога сестричића твога,
Сестричића Балабановића."
Таде вика Хамза капетане,
Онъ завика иза свега гласа:
,,Поврни ми сестричића мога,
А даћу ти овце свеколике!"
Но му вели Томановић' Нико:
,,Хайде зъ Богомъ Хамзо капетане!
Што ће мене поломѣне овце?
Были здраво браћа Црногорцы,
И Никшицке у Рудине овце,
Па ка дође весело пролѣће,
Я ћу Никацъ скуппит' Црногорце,
А ударит' на твое Рудине,
Посѣћу ти овчаре чобане,
Одявити овце свеколике."
Па отале на трагове пође,
Сви отоше на свое дворове;
Ал' вріеме мало постануло,
Ето дође Ђурђевдань веселый,
Па сакупи Никацъ Црногорце,
Поведе ухъ собомъ у Рудине,

На Никшицке овце ударіо,
Учиніо какос' обећао;
Посѣче имъ овчаре чобане,
И займи имъ хиляду свацахъ,
И стотину коняхъ и воловахъ,
Здраво Никацъ изъ Ровинахъ дође,
Неизгуби друга ђаволѣга,
Ал' є тако кадъ срећа помаже,
Богъ и срећа, и юначка мышца!
Пѣвай Никце брате Црногорче,
Весела имъ и срца и душе,
Е су кадры на мейдану стати,
Турке шчекат', юначки разбити,
Свакій вазда, ка' и Никацъ овда,
Па на свему яком' Богу фала.

21.

Пастыры.
(Одъ Попа Рада Кнежевића Бѣлопавлића.)

Силанъ Паша паде на Доляне,
Отле шилѣ листъ кньиге біеле,
Онъ є шалѣ попу Пилетићу:
„Чуешъ ли ме попе Пилетићу!
Покупи ми харачъ одъ Пиперахъ,
Вельій харачъ одъ седамъ годинахъ,
И пошльи ми тры стотин' овновахъ,
И пошльи ми тридестъ яловицахъ,
Іошъ ми пошльи тридесеть невѣстахъ,
За моіехъ тридесетъ неферахъ,
Мене пошльи твою попадію,
Да є паша подъ чадоромъ любимъ;
Е 'самъ чуо, кажую ми люди,
Да є таке у Пипере нейма."
А кад' попу ситна кньига дође,
Таде виће што му кньига пише,
Доклесу га сузе пропануле,
А пита га вѣреница люба:
„Што є попе драгій господаре?!
Одъ кога є кньига жалостива,
Те ты ронишъ сузе одъ образа?"
Попе ньойзи право кажеваше,
А она му на то говораше:
„Неиђ' нигда паши подъ чадора!
Ако тесе похарат' Пиперы."
Ал' попъ купи на зборъ све Пипере,
Пашину имъ кньигу кажеваше,
Тад' рекоше Пиперы юнацы:
„Дали бысмо тры стотин' овновахъ,
Дали бысмо тридестъ яловицахъ,
И сувише харачъ одъ Пиперахъ;
Но ев' муке и неволѣ люте!
Нейма тко дат' тридестъ любовацахъ."
И такосу паши одписали:
„Ево теби све што иштешъ пашо:
Ма недамо тридестъ любовацахъ,
Докъ су нама на раменам' главе?"
Кад' є паши кньига допанула,
Те онъ виђе што Пиперы пишу,
Тадеръ пушта у войску телара:
„Ко є пѣшацъ обувай опанке!
Ко є коньикъ коня хазурай!
Е хоћемо удрит' на Пипере."
А кад' самну и сунце ограну,
Подижесе силный Мехмет-паша,
И за ньиме войска сваколика;
На Рогаме село ударише,
Те Рогаме село попалише;
Прискочише Пиперы юнацы,
Боя бію болѣ быт' неможе,
Но залуду, е имъ непомага.
Николиће опалише Турцы,
И ньима є помоћъ прискочила
Одъ Црнацахъ и одъ Стіенянахъ,
Боя бію болѣ быт' неможе,
Ма залуду, е имъ непомага.
И Подпеће опалише Турцы,
Но є друга помоћъ прискочила
Одъ племена одъ Бѣлопавлићахъ,
Но и то є узалуда было,
И Завалу Турцы похараше,
И Заввалу и село Радећу,
Но имъ опет' помоћъ прискочила
Одъ Команахъ и одъ Загарчанахъ;
Боя бію болѣ быт' неможе,
Но залуду то имъ непомага;
И Стіену Турцы похараше,
Но четврта помоћъ прискочила
Одъ Кчевлянахъ и одъ Плѣшивацахъ

Боя бію болѢ быт' неможе,
Но залуду, е имъ непомага'
Безъ броя є у Турчина' войске;
Ал' имъ пета помоѣъ пристигнула,
Доѣе ньима стотина чобанахъ,
Меѣу собомъ вѢру уватили,
Да по єдномъ пале цевердане,
Па съ ножев'ма юришъ учинити.
Како рекли тако садржаше,
Єднокупно пуче сто пушакахъ,
Мало манѢ оборе Туракахъ,
Іошъ пламенне ноже повадише,
И часнимсе крстомъ прекрстише,
Пакъ у Турке юришъ учинѢше;
Доксе Брдска войска опопласти,
Халакнула, Бога поменула,
Ка' юнацы Пиперскіи чобаны
Сви у Турке юришъ учинише;
Ѣераюѣи, Турке сіекуѣи,
Разагнаше Мехмед-паше войску
Єдна бѢжи низа Стрганицу,
Друга войска заѣе на Стіену,
Низъ орлює поскакала стране,
Тко погибо' тусе несломіо,
А сви здраво Пиперы юнацы,
Сви Брѣаны и сви Црногорцы,
И тко чуе, на частъ нека му є!

22.

Тры Вука.

(Одъ Драга БѢлице.)

Кньигу пише Хаџи-Мусиѣъ Дуро,
Па посла є у Брда каменна
А на руке побратима свога,
Побратима Поповиѣ' Ивана;
„О Иване міо побратиме!
Я 'самъ чуо ѣе ми люди кажу,
Да си юнакъ на краину туѣу,
Доведи ми стотину Брѣанахъ,
Єрь 'самъ єданъ шиѣаръ уходіо,
У Грахово тридесетъ крдовахъ.“
Кад' Ивану ситна кньига доѣе,
Онъ сакупи стотину Брѣанахъ,
Отле граду Никшиѣскоме поѣе,
А кадъ граду Никшицкоме доѣе,
Ту нашао тры стотин' Туракахъ,
Ма имъ Иво божу помоѣъ зваше:
„Божя т' помоѣъ Дуро побратиме!
Хоѣемо л' имъ смѢти ударити?
Єр'су вазда добры Црногорцы.“
Ма га Туре слободило клето:
„А небойсе міо побратиме!
Све те ѣеца быти кодъ оваца.“
Отолесе подигнула войска,
Докъ изиде за горицу малу,
Ту є войска починула трудна,
На присоя поставила стражу
Єстъ на стражу Поповиѣ' Иване,
Те уходи по Грахову овце;
Ма Ивану добра среѣа была,
Е є пошло тридесетъ чобанахъ,
Отишли су Рысну біеломе,
Да донесу харрачъ на чобане;
У то Иванъ у дружину поѣе,
И дружини право кажеваше.
Кадъ у вече на конаку было,
Но етака донесе винтура (среѣа)
А два Вука и одъ Горе црне,
Єдно быо Томановиѣъ Вуче,
Друго быо Маркиѣевиѣъ Вуко,
Оба Вука одъ Трньинахъ была
На торину Бояновиѣ' Вука;
НѢга зову оба побратима:
„Хайд' у чету побре да идемо!“
Е ма имсе одговара Вуко:
„Я немогу оставити овце,
Друге пушке код' овацахъ неймамъ
До моега сяйна цефердара;
Но є пошло тридесетъ чобанахъ,
Отишли су Рысну біеломе.“
Па имъ закла одъ оваца́хъ меса,
А кадъ были и кад' вечерали,
У томесе зборомъ заѣедоше,
Све зборише о сваком' юнаштву:
„Када бы намъ ударили Турцы,
И да хоте съ утра ударити!“
Кад' у ютру испредъ зоре было,
На торину ударе имъ Турцы,
Ма Никшиѣи ударили зорно
Све біеле заврнули овце;

Ал' тры Вука трче у поћеру,
Самсе брани Поповић' Иване,
Къ себи имсе примаћ' недаваше,
Него Вуче докликуе Вука,
Томановић' и Маркићевъ Вука:
„Пи! зла срећа оба побратима!
Кад'се скупе на зборъ Црногорцы
На Цетинѣ подъ біеломъ црквомъ,
Зађестесе за біеле овце,
Тры тѣ казат' кодъ овацахъ Вука,
А мы главе доніет' нећемо,
Ев' ни свое акамоли Турске,
То ће быти брука и срамота!"
Но загнасе Маркићевић' Вуко,
И таква га нанесе несрећа
На метеризъ Поповић' Ивана;
Е ма Иванъ ужди цевердана,
И обѣ му ноге саломіо,
Паде Вуко у зелену траву,
Ал' є Иванъ извадіо ножа,
Да нѣгову посіече главу;
Ма се Вуко сѣби недаваше,
Но съ колѣнахъ ужди цефердана,
Те Ивана добро погодіо,
И онъ нѣму ноге саломіо,
Паде юнакъ єданъ до другога;
Тад' дозива Маркићевићъ Вуко:
„Ой крвниче Поповић' Иване!
Куђ' ми займи тридесетъ крдовахъ,
Што ли си ме положіо овђе?
'Да ли мисе ядну примакнути,
Да ти добру посіечемъ главу!"
Ма га Иванъ слободіо дивно:
„А небойсе Маркићевић' Вуче!
И тыс' мене ођe оставіо,
Хоте твое на трагове овце,
А турачке на кочеве главе."
У ріечи кою говораху,
Ато доспѣ тридесеть чобанахъ,
Ударише єдино на Турке,
Мало побы али овце яве,
Свакій носи одь Турчина главу,
А два Вука носе по четиры,
И по двасу жива уфатили;
Но кад' дође Томановић' Вуко,
Онь своега пита побратима:
„Є си ли ми погинуо побро!"
Нѣму яданъ кажеваше Вуче:
„Єсамь ево погинуо побро!
Ма нежалимь штосамь погинуо,
Пошто си ме осветіо дивно,
А и ясамь себе замѣніо,
Убыосамь моега крвника;
Но за Бога міо побратиме!
Исправиме на моя колѣна,
Да крвника припужемь посѣћи."
То га побро быо послушао,
Исправіо нѣга на колѣна,
Свом' крвнику одасѣче главу.
Тко погибо ту є останую,
Сви осталіи пошли на торине,
Уніели раннѣнога Вука,
И узалуд' небыла имъ мука,
Видали га, те га извидали,
Ма неможже веће четовати —

23.

О Зиданю Никшића.
(Одъ Видака Батаковића изъ Орага
сврхъ Никшићахъ села родомъ.)

Грађу гради силанъ Адай-паша,
На Никшићу града біелога,
Градіо га годину данакахъ,
Куцало му стотина чекичахъ,
Іошъ у трое дѣце шегрчады;
Кад' є паша града оградіо,
Па отале бѣлу кньигу пише,
А шалѣ ѐ у племе Дробняке
По имену войводы Иліи:
„О чу ли ме войвода Илія!
Брже да си мене на Никшиће,
Да ми фермашъ града Оногошта."
Па отоле другу кньигу пише,
И шилѣ ѐ у то полѣ горнѣ,
По имену попу Юшковићу:
„Айде къ мене попе Іушковићу!
Да ми сретну вермашъ грађевину."
Па отоле трећу ситну пише,
А шалѣ ѐ у Требѣсу варошъ,
По имену Каламић' Тодору:

„Оди къ мене Каламић' Тодоре!
Да ми гледашъ морре грађевину."
Адай-паша и четврту пише,
Пакъ ͼ шалѣ селу Озриниħу,
Николићу и Лалатовићу:
„Айте къ мене двіе мое Рае!
Да видите морре грађевину."
Кад' Иліи ситна кньига дође,
И погледа што му кньига пише,
Онъ скочіо на ноге лагахне,
Те изведе Дора дебелога;
Доратусе тури на рамена,
Оћера га горомъ и планиномъ,
Докъ Илія у Никшићу дође
Предъ чадора силна Адай-паше,
Ту є свога коня одсѣдніо;
Пакъ улази паши подъ шатора,
Госпоску му полюбіо руку.
Кахву пію одъ Никшиħахъ Турцы,
Кахву пію тутунъ припалюю,
У еглену о свачем' говоре,
А найвише о добру юнаштву,
Ко є добру посѣкао главу,
Ко є шићаръ богатъ шићаріо,
Ко ли болѣг' роба доводіо
Одъ каменне ломне горе црне."
Но да вели силный Адай-паша:
„Ой Илія войводо Дробнячка!
Небы лисе по чемъ потурчіо?
Даħу тебе сву варошъ Требѣшу,
Па да ти є морре у државу."
Но говори войвода Илія;
„Фала тебе пашо господаре!
Тебе фала на дару твоему,
Ал' нефала на такой бесѣди!
Заистосе небыгъ потурчіо,
Да ми давашъ на Босну везирство;
Веħ' небы л'се пашо покрстіо?
А даħу ти хиляду овацахъ,
И Волуякъ зелену планину,
И даħу ти мое воеводство."
Бы то паши жао на свіету,
Оком' макну на своег' џелата,
Џелатъ махну осѣче му главу;
Али пође земанъ по земану,
У Иліе і' єдно чедо лудо,
Чедо лудо войвода Томашу,
Расте чедо до двадесъ годинахъ,
Доватисе коня и оружя;
То зачуо силный Адай-паша,
На колѣну ситну кньигу пише,
А шилѣ ͼ у племе Дробняке,
А на име войводи Томашу:
„О мой сынко войвода Томашу!
Брже да 'си мене на Никшиħе."
Кад' Томашу танка кньига дође,
Кньигу учи, а одъ нѣсе мучи,
И све мысли штоħе и какоħе;
Све мысліо на єдну смысліо,
Па Дробняке браħу покликнуо,
И окупи трыстотин' Дробнякахъ,
На тры стотин' коняхъ големіегъ;
Отолесе Томашъ подигнуо,
Право горомъ и ћенаромъ пође,
Докле дође у то полѣ горнѣ,
Дробняцыма браħи говоріо:
„О Дробняцы моя браħо драга!
Послушайте и мене вѣруйте!
Чини мисе да ħе быти гвере
Но вы ваше конѣ разиграйте
По широку полю Лайковины,
Я ħу поħи паши подъ чадора;
Браħо моя! Ако буде боя,
Будите ми браħо у неволю."
Како рече діете Томашу,
То Дробняцы нѣга послушаше,
За нѣгову ріечъ пріонуше
Отолесе были подигнули,
Докъ дођоше подъ Никшиħа града,
Сви Дробняцы конѣ разиграше,
Али неħе войводић' Томашу,
Но онъ паши предъ чадора иде,
Ту є свога осѣднуо вранца,
Пакъ улѣзе паши подъ чадора;
Широко му мѣсто направише,
Шеħерли му кахву прикучише,
А бояли чибукъ запалише,
Ондай рече силанъ Адай-паша:
„О Томашу мое дійте лудо!
Збори мудро непогини лудо!
Ка' што ти є бабо погинуо;
Небы лисе сынко потурчіо?

А даћу ти сву варошъ Требѣшу,
Нек' си одъ нѣ сынко сахибія."
Но говори діете Томашу:
,,О честитый силный Адай-паша!
Ко ти вели баба ми поминят'?!
А што велишъ пашо за турченѣ,
Доистосе небыгъ потурчіо,
Да ми дадешъ на Босну везирство;
Но небы л' се ты пашо крстіо?
Даћу тебе хиляду овацахъ,
И Волуякъ зеленну планину,
И даћу ти Дробнякъ у државу,
Што є мене бабо оставіо."
И то паши жао на свіету,
Па обрну окомъ на целата,
Одиста га изгубити ћаше;
Ал'се неда войвода Томашу,
Діете є срца юначкога,
Иза паса пушку вади малу,
Пушцы малой даде ватру живу,
Те погоди кодъ паше целата;
Пакъ изтрже мача пламеннога,
У аге є юришъ учиніо,
Седам-осамъ агахъ изгубіо,
Па потрча Вранцу дебеломе,
А кад' Томашъ доватисе Вранца,
Скочіо є коню на рамена;
Па Дробняке браћу покликнуо:
,,Ай Дробняцы моя браћо драга!
Да ми пасю вѣру ископамо,
И Никшића града разоримо."
А да тисе нагледати друже,
Како Србльи конѣ разиграше,
А пламенне маче повадише,
И у Турке юришъ учинише,
Разагнаше по Никшићу Турке,
Како вуцы біеле яганьце;
Млого яда одъ ньихъ учинише,
И Турскіес' главахъ накидаше,
Іошъ ођаху разградити града,
Но Богъ убій Калабић Тодора,
Недаде имъ разхорити града;
Како Никшићъ тада остануо,
Како таде тако и данаске,
Тек' што баба сыне осветіо,
И здравосе дома повратіо.

24.

Балетићи.

(Одъ Мусе Поповића изъ села Милоевића у Плѣшивцима.)

Полећеше два галића врана
Одъ питоме Ластве Црногорске
Лете тице граду Никшићскоме,
Ка' су враны тице долећели,
Ниђе оны панут' неоћаху,
Но се вію око Никша града,
Віялесе пакъ су попадале
На біелу Калабића кулу;
Изъ двора игъ нико невидіо,
До подоцне Калабића майка,
Тице виђе, ньима проговара:
,,Богъ убіо двіе тице вране!
Што 'сте ође ютросъ попадале?
'Да л' дрвета, ол' камена нейма
Око равна поля Никшићскога,
Ђсно бысте ютросъ попадали?"
Карала ихъ па имъ говорила:
,,Єсте ли ми ютросъ доранили
Одъ питоме Ластве Оздринићске,
Са торине Балетића Рада?
Єсте ли ми чету видіели,
А предъ четомъ до два Калабића,
Калабића Мину и Милету?
Удрише ли Раду на торину?"
Єданъ граче другій проговара:
,,Ядна бако Калабићахъ майко!
Радде бысмо добре казат' гласе,
Ма нећемо, но како є было:
Ютросъ су ти здраво осванули,
У равноме полю Тутиноме,
Ма ти ево муке и неволѣ!
Есе друга чета подигнула
Одъ онога Кчева каменнога,
А предъ четомъ до два побратима,
Оба ћу ти казат' по имену:
Єдно ми є Балетићъ Вукота,
А друго є Марковићу Пеіо,
Те є чета чету опазила,
За ньоме є трагомъ отиснула,
Кадъ Вукота у Лупоглавъ дође
Ту є Турску стражу опазіо,

Прозъ травусе вуче побаучке,
А на руке носи цефердана,
Док'се страже примакао близу;
За камъ паде пущцы огань даде,
Пушка звекну а планина ђкну,
А покличе Балетићъ Вукота:
„Ха ђе си ми Балетићу Раде,
Осстале ти овце олђеле!
Ево клетыи у Лупоглавъ Турцы!“
То кад' зачу Балетићу Раде,
Онъ долеће како соко сывый,
Те Турцима удри испріека,
Да нечини смире ни ліека;
Одъ образа пали цевердара,
Те погоди Минну Калабића,
Минна паде и Раде припаде,
Юначку му посіече главу,
И узе му свіетло оруже.
Бѣже Турцы прео Студенного
Ћерају ихъ до два Балетића,
И Милети осѣкоше главу;
Бѣже Турцы низъ Липову страну,
Убѣжаше у село Ћурчійће,
А ћера ихъ до два Балетића;
Но Турцима іошъ є среће было,
Утекоше у село Ћурчійће
у біелу Василѣву кулу;
Пакъ излази Василѣва Мара,
А на руке носи коліевку,
И у ньойзи два близанца сына,
Кумила є оба Балетића:
„„Не напріедъ Балетић' Вукота!
Не напріедъ Балетићу Раде!
За нашега светога Іована!“““
Юнакъ добаръ на бога гледаше,
Те є куми поклоніо Турке,
И отлесе на трагъ повратіо,
Гласа добра, свіетла образа,
А осташе у Ћурчійћу Турцы.
Іошъ ако ми бабба невѣруешъ,
Изађи ми на прозоръ одъ куле,
Те поглеай полю Никшицкоме,
А да видишъ обое носилахъ,
Ће-ти носе до два Калабића.“
Иде бабба на прозоръ одъ куле,
Виђе бабба до двое носилахъ,
Ће іой носе оба Калабића,
Па закука невеселиласе,
И кукала отле до віека.

25.

Црмничаны.
(Одъ Рада Томова Нѣгуша.)

Чету купи Лекићъ Хасан-бего
Одъ крваве шехеръ Подгорице,
Малу чету четрдесетъ другахъ;
Ево полѣмъ широкіемъ пође,
И горесе Туре прифатило,
Докле дође Суторманъ планины,
Ту западе друму на край пута,
Па погледа зеленомъ планиномъ,
Ал'то иду тры-четиры друга,
Ондай Хасанъ дружбы бесѣдіо:
„Немой кои жећи цевердана,
Прије мога браћо нечуете
На сокола Вучетића Марка.“
У то доше къ ньима Црничаны,
Прижди пушку Лекићъ Хасан-бего
На сокола Марка Вучетића,
Ал' є Марку Богъ и срећа дала,
Ни ранне му пуста незададе;
Паде юнакъ при зеленой травы,
Брешки пушки живый огань дае,
Брешка пуче а дружбу покличе,
Хасан-бегу срце изгорѣла;
Кад' вићеше Подгоричкіи Турцы,
Плећи даше а бѣжати сташе,
Ал' имъ неда Вучетићу Марко,
Но покличе, а за ньим' потече:
„Вежте Турцы наопако руке!
Ол' ћу мою браћу покликнути,
Свѣма ћу ви одасѣћи главе!“
Кадъ то чуше Подгоричкіи Турцы,
Сами руке наопако вежу,
Найзаднѣму Марко свеза руке,
Па на рамо бачи цевердана
Злосретнѣга Лекић' Асан-бега,
Отле пође зеленомъ планиномъ,
За ньимъ иду четрдесъ Туракахъ
Свезанніехъ наопако рукахъ,

Ево иду крвавой Црмицы,
У гиздаво село Болѣвиће,
На дворове сердара Пламенца.
Кадъ ихъ сердаръ бѣше угледао,
Сестричићу своме бесѣдіо:
,,Сестричићу Вучетићу Марко!
Ты нећаче мое десно крыло!
Одкуд' теби четрдесъ Туракахъ,
Те ихъ водишъ сынко исъ планине
Свезаннісхъ наопако рукахъ?"
А Марко є нѣму бесѣдіо:
,,Мой уяче Никола Сердаре!
Я ихъ єсамъ уфатило момче
У Суторманъ высоку планину,
Съ овомъ моіомъ узданномъ дружиномъ."
Па тек' момче ріечъ изговори,
Танка га е кньига допанула
Одъ Аліе Сали-агинића,
А вако му кньигу пише Але,:
,,Богомъ брате Вучетићу Марко!
Поклони ми брата Махмут-агу,
Ево теби осамъ кесахъ блага,
А сувише нѣгово оружѣ,
Оно валя стотину дукатахъ."
А кадъ Марка кньига допанула,
Онъ Аліи тако написао:
,,О Аліо Сали-агинићу!
Што будалишъ и кньигу ми пишешъ,
Да ти предамъ брата на одкупе?
Небыхъ ти га данасъ поклоніо,
Да ми пошлѣшъ и сто ћесахъ блага."
У ріечи у коіой біяше,
Онъ повика браћу и дружину,
Те турцима покидаше главе,
Окитише кулу сердареву.
Цермничан'ма пѣсна на поштенѣ,
На поштенѣ и на дуго здравѣ,
Богъ имъ дао и срећу и здравлѣ.

26.

Тко є юнакъ.
(Одъ Вулине ђака изъ Бѣлопавлића.)

Пію вино двадесетъ бойводахъ
У Крушеву у пяной механы,
А кад' лисе понапише вина,
У виносе зађенули были
Кои юнакъ болый одъ коега;
Међу собомъ макулъ учинише, (пресуда)
Понайболый воевода Янко,
Понайгорій Кралѣвићу Марко,
И Марко имъ ништа невеляше,
Но піяше у механи вино;
Пакъ излази Марко предъ механу,
Да и Шарцу дадс пити вина,
Ал'се Марку дало погледати
Низъ то полѣ низъ Крушево равно,
Докъ угледа доброга юнака,
На враничини коню маменоме;
Онъ ми носи єлу подъ гранама,
Себи одъ нѣ хлада учиніо.
Кад' то виђе Кралѣвићу Марко,
Улѣгао у механу винску,
Войводама Марко говоріо:
,,Ево юнакъ узъ Крушево равно,
Да такога іошъ видли ністе,
И онъ иде амо у механу,
Сви ћемосе на ноге дигнути
Одъ нѣгове силе и юнаштва."
Кад' то чуле остале войводе,
Сви су были Марку бесѣдили:
,,Нећемосе нѣму дизат' Марко!
Нит' му дати добродошну чашу."
У то доба Харапъ допануо,
Узъ механу єлу прислоніо,
Механасе изъ темеля крену;
Предъ врата є вранца привезао,
Затворіо врата одъ механе,
Самъ улѣзе Харапъ у механу,
Ал'се дижу све редомъ войводе,
Те Харапу добродошну даю,
Но подоцне Марко Кралѣвићу;
А недижес' Бановић' Секуле,
Нит' му дае чашу добродошну.
То Харапу млого мучно было,
Па Секули быо бесѣдіо:
,,Копиляне Бановић' Секуле!
Тысе нећe преда мномъ дигнути,
Нит' ми дати пуне чаше вина,

Но на мейданъ дасе огледамо!"
То му рече предъ механу пође,
А за ньиме Бановић' Секуле,
Ма Секулсе у уяка нада,
Да ће помоћ' нѣму на Харапа;
Ал' да видишъ црна Харапина,
Доватіо Бановић' Секулу,
Довати га за грло біело,
Удари га о плочи студеной,
Цикну, писну Бановић' Секула,
Єдномъ рече: „Яой мене майко!"
Другомъ рече: „Ай уяче Янко!"
Янко ћаше, ама несміяше,
Него рече Кралѣвићу Марко:
„Непомаже ни майка ни Янко,
Н' ако Богъ самъ, и манитый Марко!"
Па потрже дугу гадарину,
Те Харапу посіече главу;
Кад'се Марко натрагъ обазрео,
Ал' утекло двадесетъ войводахъ,
Они бѣже узъ полѣ Крушево,
Пакъ ихъ Марко опетъ поврнуо,
Увео ихъ у пяну механу,
И сѣдоше опетъ пити вино;
Ал'се опетъ зађенули были,
Ко є одъ ньихъ юнакъ понайбольій,
Сви рекоше: „Кралѣвићъ є Марко!"

27.

О Медуну Граду.

(Одъ Луке Шћепанова изъ Ровацахъ.)

Подижесе силанъ Мехмед-паша
Одъ ліепе шехеръ Подгорице,
Су нѣгово триста тевабіе,
Ижлѣгоше у Куче каменне,
Одде градит' града на Медуну;
Да узапти Брдску сыротыню,
Да ихъ гули, и безъ мила смуди,
Нека знаду ког' быча имаду;
Къ нѣм' доходе и Брдске войводе,
Оне паши даре доношаху,
Доцканъ дође Дрекаловићъ Лале,
Но му рече силанъ Мехмед-паша:
„Моя слуго Дрекаловић' Лале,
Што си мисе слуго придоцніо?
Али си ми слуго осиліо,
Те нехаешъ за свог' господара,
Недоходишъ поклонъ недоносишъ?"
Но прозбори Дрекаловић' Лале:
„Я ніесамъ пашо осиліо,
Негосамъ ти дома инокостанъ."
Ал' говори силанъ Мехмед-паша:
„О войводо Дрекаловић' Лале!
А да знашъ ли ђевойке ліепе,
Ял' невѣсте скоро доведене,
Яли какве удовице младе,
Кояно бы паши требовала...?..."
Говори му Дрекаловић' Лале:
„О Бога ми силанъ Мехмед-паша!
Незнамъ ниђе ліепе ђевойке,
Ни ђевойке нити удовице,
Ни невѣсте скоро доведене,
Теке знадемъ єдину невѣсту,
За курвићемъ Бановић' Батрићемъ,
За Батрићемъ у Васоевиће;
Лѣпоте іой у свіету нейма,
За цара бы пашо требовала,
Ал' є пашо богзна за юнакомъ,
Ню ти Батрићъ безъ яда недаде,
Я безъ ранне я безъ мртве главе,
Ял' безъ твое, яли безъ нѣгове."
Ал' то паша ништа неслушаше,
Но оправи тридестъ тевабіяхъ,
И шлѣгоше на ріеку малу,
Отидоше узъ Братоножиће,
Докъ дођоше у Васоевиће;
Тако ньима врагъ и удесъ дао,
Ту небѣше Бановић' Батрића,
Отишао юнакъ у тазбину;
У Винійће у Бѣлопавлиће;
Батрићеве дворе похараше,
Велико му благо покупише,
А вѣрну му заробише любу,
И стару му майку погазише,
Отидоше низъ Братоножиће,
Докъ біела покликнула Вила,
Башъ одъ Кома высоке планине,
По имену Бановића Ђури:
„Зло ти ютро Бановићу Ђуро!
Зло ти ютро и горе ти было,

Е ти Турцы дворе похараше,
И велико благо поккупише,
Твою дивну снашу поробише,
А стару ти майку прегазише."
То кадъ зачу Бановића Ђуро,
Кадъ разумѣ што говори Вила,
Онъ повикну тридесетъ овчарахъ,
Докъ слѣгоше у Васоевиће,
Ал' истина све што Вила рекла,
Пакъ отоше низъ Братоножиће,
Гоне трагомъ безъ одушка Турке,
Докъ шлѣгоше на ріеку малу,
Ту ихъ ясанъ данакъ оставіо,
А тавна ихъ ноћца прифатила;
Излѣгоше у Куче каменне,
Па говори Бановићу Ђуро:
,,Останите моя дружбо драга!
Останите у трави зеленой,
Е я одохъ на пашину кулу."
Оде Ђуро на кулу пашину,
Тако нѣму Богъ и среќа даде,
Ал' одъ куле врата затворена,
Затворена ма незаклоплѣна;
Онъ улѣзе у пашину кулу,
Атос' Турцы напоили вина,
Па поспали мртвы безъ узглавя,
И заспао силанъ Мехмед-паша
На кріоцу Батрићевой люби;
Трже очи Батрићева люба,
Докъ угледа своега ђевера,
Ођашесе подигнути млада,
Каконосе вазда научила,
Све сретати милога ђевера,
Ал' іой махну рукомъ и яглукомъ,
Док'се юнакъ на трагъ повратіо,
Те доведе тридесетъ Брђанахъ,
Уведе ихъ у біелу кулу;
Па тридесетъ мачахъ извадише,
Стаде шклепетъ по біелой кули,
Стои екка по кули Туракахъ,
Мехмед-пашу жива уфатише,
А велико покупише благо,
Узеше имъ конѣ и хатове;
Іошъ да видишъ Бановића Ђура!
Онъ узяха пашинога хата,
Пѣше води силна Мехмед-пашу,
За перчинъ га боса водіяше,
Водіяше узъ хата нѣгова,
У то шлѣгли на ріеку малу;
Ту ихъ тавна ноћца оставила,
А ясанъ ихъ данакъ прифатіо,
Но іошъ виђи Бановића Ђура!
Онъ одсѣда хата пашинога,
А закрочи истог' Мехмед-пашу,
Па му меће ноге у цепове,
У цепове зелене доламе,
Нагони га боса по камену,
Изяхо га у Васоевиће.
Кад' ево т' имъ Бановић' Батрића,
На далеко брата познавао,
Пакъ є нѣму братски бесѣдіо:
,,Благо мене мой милосный брате!
Кад' си наше осветіо дворе,
Кад' си твою повратіо снашу!"
Ал' да видишъ іошъ Бановић' Ђура,
Батрићу є пашу поклоніо,
Но Батрићъ га погубит' нехоће,
Тек' мучи га за неђелю данахъ,
И яше га прозъ Васоевиће,
За нокте му спице загоняше,
И тада га на трагъ оправіо:
Сиђе грданъ у Куче каменне,
Ал' да тисе нагледати друже,
Како паша низъ Доляне струже,
А неводи друга ђаволѣга,
Самсе чуди ђе изнесе главу;
Грданъ дође шехеръ Подгорицы,
И ту паша ноћи незаноћи,
Но утече Скадру подъ єзеро;
И ту паша ноћи незаноћи,
Но утече покрай мора синя,
Самъ незнао куђ' є отишао,
А то свакомъ башъ етако было,
Ко икада на Брда удріо,
Да имъ люби на срамоту любе,
За юначког' срца и оружя.
Тад' остаде на Медуну града
Започета, а недограђена,
Нит' ће мусе игда доградити,
Докъ є Турског' и Србальског' уха.

28.

Хрђакъ ал' юнакъ.

(Одъ Иліе Ристова БѢлопавлиħа са СретнѢ.)

Кньигу пише Мекиħъ Мехмедага
Одъ біела Колашина града,
ШилѢ кньигу у Куче каменне,
По имену войводи Радоньи:
,,Морре чуешъ Кучка воеводо!
Ясамъ чуо да си юнакъ бьо,
Айд' изиди на воду Верушу,
Да біелій мейданъ діелимо."
Кад' Радоньи така кньига дође,
На саборъ є Куче сакупіо,
Међу ньима кньигу проучіо,
Али таде говори войвода:
,,'Да ли Куча ніе големога,
Ко ħе за ме на мейдану пођи?
Радоня є юнакъ остарао,
Неможесе ни коня држати,
Акамоли мейданъ діелити."
Ко чуяше ништа незбораше,
Него опетъ говори войвода:
,,'Да ли Куча ніе големога,
Ко ħе пођи на мейданъ Турчину?
Ево нѢму двіе пушке мале,
И даħу му саблю оковану,
И даħу му ħерцу за любовцу."
Но поздносе момче нахођаше,
Єдно момче одъ Васоевиħахъ,
Те Радоньи гледа међу очи:
,,Я ħу пођи войвода Радоня!
Е, ако ме неħешъ преварити."
Радоня му божю вѢру дае:
,,Одиста те преварити неħу!"
Са зборасе Кучи подигоше,
И одоше на Комъ на планину,
Кадъ дођоше на воду Верушу
Ал' су Турцы првыи долазили,
ИжлѢгоше двіе мейданціе,
Тек'се сташе, тек'се целиваше,
Тек' оскочи юнакъ одъ юнака,
Но є Турчинъ ріечъ бесѢдіо:
,,Авай яданъ Станковиħ' Іоване!
Да л' ненађе войвода болѢга,
Да на тебе негріешимъ руке?"
А діете одъ годинахъ лудо,
Ма Турчину одговара мудро:
,,А тако ми Мекиħъ Мемедага!
Кад'се Кучи на зборъ окупише,
Зборъ зборише, віеħе чинише,
Да болѢга хране за болѢга,
А мене су на теб' оправили,
Ако Богъ да, те буде суђенно,
Да ти данасъ посієчемъ главу."
То рекоше, пак'се ударише,
А да ти є муку сагледати,
Ка' погони Туре по мегдану;
Оно гледа Войвода Радоня,
И Радоня ріечъ бесѢђаше:
,,О діете Станковиħ' Іоване!
Махни болѢ опале ти обѢ!
А рашта ме стара веħ' нагрди,
Да коме ħешъ оставит' ђевойку,
Ужъ ђевойку онолико блага!"
Скочи Іованъ зъ десне на ліеву,
Иза сабѢ посѢче му руку,
Другомъ махну посѢче му главу;
Кад' Мекиħи браħа сагледаше,
Пушка пуче завржесе кавга,
Убишесе зеленомъ планиномъ,
Докле ихъ є ноħца раздвоила;
Ту четиры брата погибоше
Одъ біела Колашина града,
И осталихъ седамнаесъ другахъ,
Но кад' вруħа боя раздвоише,
Єдно момче зове Колашинско,
Е дозива Войводу Радоню:
,,А тако ти Войвода Радоня!
Одъ моега боя силовнога
Єл' ти другахъ колик' погинуло?
А има ли млого раннѢникахъ?"
Радонясе Богомъ куніяше,
Да му друга ніе погинуло,
Осимъ раннѢнъ Станковиħ' Іоване
А ни нѢму ништа быти неħе.
,,Но тако ти Туре Колашинско!
Є ли вама погинуло другахъ,
Кажи право, тако бьо здраво,
Немой криво, такко бьо живо?"

Нѣму вели Туре Колашинче:
,,Рашта ти я право казат' нећу?
А знаћесе брзо свакояко;
Одъ нашега града Колашина
Погибоше двадесетъ грађанахъ,
И предъ ньима четиры Мекића.“
На томесе они раздвоили,
Тада Кучи шенлукъ извргоше,
Отолесе здраво повр̑нуше,
Здраво дошли весела имъ майка,
Здраво дошли дома на дворове,
Ма Радоня поведе Іована,
Извида га даде му ђевойку,
И остало, што є обећао.

29.

Ніе боя безъ Бая.
(Одъ Мояша Бѣлопавлића.)

Вино пію до два побратима,
У планину подъ єлу зелену,
А кад' были тесе понапили,
Міяту є кньига допанула
Одъ Кадіе са средъ Сараева:
,,О Міяте міо побратиме!
Ако си ми юнакъ одъ юнаштва,
Ето иде Китовићъ Османе,
И за ньиме тры стотине Башахъ,
Гоне блага педесетъ масакахъ,
А да Зворникъ на краину граде;
Но напиши листъ кньиге біеле,
И пошльи ͡є Пивлянину Баю,
Да покупи тридесетъ айдукахъ,
Ш' ньима хайде побратиму своме.“
Кад' ͡є виђе Томићу Міяте,
Те онъ кньигу быо разуміо,
Онъ скочіо одъ землѣ на ноге,
Те довати дивитъ и артіе,
Па написа листъ кньиге біеле,
А посла є у Приморѣ Баю:
,,О ты Баіо міо побратиме!
Айд' покупи тридесетъ хайдукахъ,
Шъ ньима ходи къ мене у планину.“
Кад' є Баіо кньигу проучіо,
Те онъ виђе што му кньига пише,
Кньигу гледа, на ноге скочіо,
А покупи любивну дружину,
Па отиде шъ ньима узъ планину,
Докъ Міята у планину нађе:
,,А за Бога міо побратиме!
Што си за ме тако поручива'?“
,,Ево ми є кньига допанула
Одъ Кадіе са средъ Сараева,
А да иде Китовићъ Османе,
А за ньиме тры стотине Башахъ,
Воде блага педесетъ масакахъ,
Дасе гради Зворникъ на краину;
Но тако ти, міо побратиме!
Да на Дрину воду запанемо,
Я ћу съ мое тридесетъ айдукахъ,
Съ оне банде Дрине вȣ̑де хладне,
А ты хайде на мостъ на средъ Дрине;
Харапъ нека съ тридестъ кесеціяхъ
Нека иде у дно воде Дрине,
Су тры банде да имъ ударимо.“
Па одоше те имъ западоше,
Стаде звека зелене планине
Одъ сабаляхъ и одъ цеферданахъ,
Одъ Туракахъ и Турскіехъ коняхъ;
Ал' 'во иде Китовићъ Османе,
И за ньиме тры стотине Башахъ,
Страмно ли є на нѣм' погледати,
Акамоли нѣму ударити;
Кад' га виђе Томића Міяте,
Стаде Баю річъ говорити:
,,О ты Баіо міо побратиме!
Да бѣжимо утећ' неморемо,
Да чекамо чекат' несміемо.“
Баіо мучи ништа неговори,
Ал' побѣже Міятъ усъ планину,
А за ньиме Харапъ капетане,
Су нѣгово тридестъ кесеціяхъ,
Но нехоће Пивлянине Баіо,
Онъ съ Турцима раты заметнуо;
Докъ текоше тридесетъ айдукахъ
Тры стотине Башахъ погинуше,
Самъ остаде Пивлянине Баіо,
За ньимъ игра Китовићъ Османе:
,,Стан' полахко Баіо Пивлянине!
Нећешъ данасъ уніети главу,

Акамоли ово угнат' благо."
Тако Баю богъ и срећа дала,
Онъ имао пушку Гарабина,
Коя литру пріима тученійка,
И дванаесъ одъ олова зрнахъ,
Те Османа дивно погодіо,
На прси му токе поломіо,
А на плећи пенцеръ отворіо;
Самъ остаде Баіо у планину,
Па упіе Міята хайдука:
,,Хай Міяте мой рођенный брате!
А да видишъ Бая у планину,
И кодъ нѣга оволико блага!"
Міятъ мусе близу нагоняше,
Одъ срамасе озват' немогаше,
Но му Баіо божу вѣру дае,
Да га никадъ помржѣти неће;
Дође Міятъ съ Харапъ капетаномъ,
Оно силно діеляху благо,
Башъ ћулакомъ Томића Міята,
И Кадіи діо оставише,
Па одоше куда кои шћеше,
Ал' безъ Бая неимаше боя.

30.

Ненадна Освета.

(Одъ Горчина Лѣшнянина.)

Піе вино силанъ Дурмиш-аго
У біелу Скадру на Бояну!
У виносе Туре зафалило:
,,А да бы ме Була неродила!
Но кобила што парипа мога,
Узет' хоћу тридесетъ Скадранахъ,
Па ћу ходит' гори у Дечане,
Уватићу проигумна старца,
Мучићу га што могу найболѣ,
Да ми каже намастырско благо;
Покупићу крсте и иконе,
И похарат' превысоку цркву,
Похарати огнѣмъ попалити,
И схорит' ѐ до темеля нѣна."
Кадъ свануло и сунце грануло,
Одъ винасе Туре разабрало,
На умъ паде што є бесѣдило,
Па покупи тридесетъ Скадранахъ,
Те отиде горомъ и планиномъ,
Докле Туре у Дечане дође;
Ту находи старца проигумна,
Онъ га біе бычемъ плетенніемъ:
,,Кажуй кале намастырско благо!"
Сви га бію а Игуманъ трпи,
Е нигда га казат' неоћаше;
Улѣгоше у высоку цркву,
Покупише крсте и иконе,
И сувыше одъ срме кандила,
Ижлѣгоше на біелу кулу,
Пію вина безъ ичѣг' тестира,
Но изиде проигуманъ старче,
Нешто мусе погледати дало,
Погледати нисъ полѣ Дечанско,
Ал'се юнакъ добаръ заподіо
На вранчића коня безъ билѣга;
Онъ га гледа, ма га непознава,
Док'се нѣму примакао близу,
Ал' є оно Брђанине Перо, (Васоевићъ)
Онъ осѣде одъ коня вранога,
Капу скида тесе благосива
Па игумну тако бесѣдіо:
,,О за Бога старый проигумне!
Што си тако сузанъ и крвавый,
Каква ти є голема неволя?"
Но му вели проигуманъ старый:
,,Неволя є мене Брђанине!
Синоћъ дође тридесетъ Скадранахъ,
Билли су ме бычемъ плетенніемъ,
Да имъ кажемъ намастырско благо,
А я имъ га казао ніесамъ;
Улѣгоше у біелу цркву,
Неколико штете учинише."
Нѣму вели Брђанине Перо:
,,Отвори ми превысоку цркву!
Да целивамъ светом' кралю руку."
Отвори му цркву пребіелу,
Онъ целива светомъ кралю руку,
И смѣрносе нѣму поклоніо,
Па онъ зове проигумна старца;
,,Чуешъ ли ме проигумне старче!
Ты причести самртна юнака,
Кунемъ тисе а вѣру ти даемъ,

Ово ћу ти коло разметнути,
Ако ћу я ютросъ погинути.“
Причести га и исповіеда,
Очати му самртну молитву,
Опетъ люби светом' кралю руку,
Па затаче свіетло оружѢ,
А исшета на біелу кулу,
И Турцима божю помоћъ зваше,
Турцы су му помоЂъ прифатили,
Широко му мѢсто начинили;
Додаше му пуну чашу вина,
Попи Перо ону чашу вина,
Оде чаша одъ друга до друга
Докле силну Дурмиш-аги дође,
Ал' узъ чашу ага напіяше:
,,Ой ти Перо, ядъ те задесіо!
Штос' дошао, да погинешъ оће?“
Нѣму Перо тако бесѢдіо:
,,Ніе чуда силанъ Дурмиш-ага!
Овасе є оградила црква,
А да оће доходе Ришћаны,
Да доходе и прійлогъ доносе,
И кад' умру копаюсе овђе;
А ты аго ядъ те задесіо,
Што си ліепъ Скадаръ оставіо,
А дошао да погинешъ оде,
Ка' се оће некопаю Турцы?“
То изусти Перо Брђанине,
То изусти пушку доватіо,
Те погоди силна Дурмиш-агу,
Срце му є живо сапаліо;
Пакъ є другу пушку изтргао,
Іошъ є єдно Туре погодіо,
Па пламенна ножа повадіо,
А милосна Бога поменуо
И у Турке юришъ учиніо;
Петнаестъ є Туракъ изгубіо,
А петнасстъ бѢжи усъ планину,
И то было кадасе чинило,
Богу фала и светоме Кралю.

31.

Комненъ.

(Одъ Благоте Лекина Павићевића са СретнѢ, у БѢлопавлићу.)

Е се чета єдна подигнула,
Одъ біела Сеня на краину,
Пре томъ четомъ Сенянине Иво,
А за ньиме Комненъ баряктаре,
За Комненомъ тридесетъ хайдукахъ;
Оде чета горы усъ планину,
Четовала и хайдуковала,
Докъ нестаде харрачъ за юнака,
Па є Иво дружбы говоріо:
,,А тако ви моя браћо драга!
Да ли нейма у дружину друга,
Да отиде Удбиньи крвавой,
Да донесе харча за хайдука,
Да донесе вина и духана,
И брзога праха, и олова,
И на друга по єдне опанке?“
Сва дружина никомъ поникоше,
Неко гледа како трава расте,
Неко брои пуца на долами,
То нехоће Комненъ беряктаре,
Но Ивану ріечъ бесЂђаше:
,,О Иване міо побратиме!
Я ћу поћи Удбины крвавой,
Да донесемъ харча за хайдуке.“
Пакъ є лахку пушку доватіо,
Одъ дружине те є обратіо,
За ньимъ Иво поступуе тамо,
Те Комнену ріечъ говоріо:
,,О Комнене міо побратиме!
Хайде мудро непогини лудо,
Кад' улѢзешъ Удбины крвавой,
Немой купит' харча за хайдука,
Некупуй га съ єднога дућана,
Но бирай га съ големо дућанахъ,
Е су клеты Удбиняни Турцы,
Да нескоче за тоб' усъ планину
Да ти добру неизгубе главу.“
Отолесе растанули были,
Комненъ скаче долѢ нисъ планину,
Како єленъ одъ двіе године,
Докле дође Удбины крвавой,

Ту улѣзе у честе дућане,
Те онъ бира харрачъ за хайдуке,
Све є Комненъ наєдно скупіо,
А чаршинскій кантаръ добавіо,
Самъ є свое бреме измѣріо;
Мало му є бреме потегнуло,
Седамдесетъ и оке четиры,
На яке га плећи доватіо,
Па га носи горы усъ планину,
Докле дође на єзеро мутно,
Ту є юнакъ труданъ починуо,
Починуо и водице піо,
Измачесе букову омару (шійбъ)
Мало было млого нетраяло,
На воду є єленъ долазіо,
И Комненъ га нисъ пушку погледа,
А самсобомъ те є бесѣдіо:
,,Фала Богу, фала Истинноме!
Дивна брава ође за хайдука!
Да я сміемъ пушку омакнути
Одъ юнака Танковић' Османа,
И шъ ньиме є Хрнявина Муіо,
А съ Муіомъ є Гоенный Халиле,
Съ Халиломъ су тридесть Удбиня-
нахъ.“
У ріечи кою говораше,
Силанъ юнакъ на воду долази,
У руке му єданъ маштрапъ златный,
Онъ простріе црлѣнну доламу,
Ста кланяти, и абдестъ узети;
Онъ се моли Богу по закону,
Нѣга Комненъ нисъ пушку погледа,
А самсобомъ те є бесѣдіо:
,,Фала Богу, фала Истинноме!
Я 'самъ чуо одъ бабайка мога,
Да є гріехъ изгубит' юнака,
Кад'се Богу моли по закону.“
Па поскочи одъ землѣ на ноге,
Стаде Туре добро заскакати,
А кадасе близу примакнуо,
На трагъ се є Туре обратило,
Сагледало за собомъ хайдука,
Плећи даде а бѣжати стаде;
Но ћера га Комненъ баряктаре,
Али бѣжи Танковић Османе,
И кадъ быо далек' у планину,
На трагъ се є Туре обазрело,
Па є лахку пушку изметало,
Те Комнена добро доватило,
Сломило му ногу у колѣну,
За то Комненъ необрће главе,
Одиста га уфатити ћаше,
Но упіе Танковић Османе,:
,,А ђе си ми одъ Удбине Муіо!
Е погибохъ юнакъ у планину,
Одъ хайдука Комненъ баряктара.“
Оно зачу Муіо у планину,
Те кажуе брађи Удбинян'ма:
,,Ха садъ брађо ако бога знате!
Погибе намъ Танковић Османе,
Даако му у помоћъ стигнемо!“
Поскочіо Гоенный Халиле,
Колик' Халилъ предъ Муюю измако',
Небы дуга пушка дотурила;
Колик' Муіо дружтву одмакао,
Небы дціе дуге дотуриле,
Лахко трчу, ма стигоше брзо.
Кад'се Халилъ Комнену примако',
Изъ грла є юнакъ повикао:
,,Стан' Комнене! лахко баряктаре!
Да ты носишъ соколова крила,
Небы перѣ уносило меса,
Како си ми данасъ запануо!“
На нѣгасе Комненъ обрнуо,
Великимъ є окомъ превалio,
А десніемъ бркомъ намигнуо,
И біелимъ пошкрипнуо зубомъ,
До Турчина і' огань долазіо;
Коликосе Туре препануло,
Одъ страха га уфати грозница,
Те га Комненъ уфатіо жива,
Па га тури на плећи витешке,
Однесе га зеленомъ планиномъ
Нарамуюћ' али нехаюћи;
Оно виђе одъ Удбине Муіо,
Пакъ є юнакъ за ньимъ дозивао:
,,Стан' полахко Комченъ баряктаре!
Да имадешъ соколова крила,
Небы данасъ месо уніела,
Ђе си яданъ мени запануо;
Камол' да ты унесешъ Халила!“
Одиста га уфатит' оћаше,

Но Комненсе на трагъ обрнуо,
Пушкомъ Муя бѣше погодіо,
Погодіо у колѣно десно,
За то Муіо необрѣе главе,
Но Комнена гони усъ планину,
Одиста га уфатити ћаше,
Но упіе Комненъ барјактаре,
Онъ упіе тридесетъ хайдукахъ,
Нѣга зачу Сенянине Иво:
,,Ха сад' браћо кои Бога знате!
Ако бидне Комненъ шиѣаріо,
Даће діо нама одъ шићара,
Аколи є у невольи лютой,
Да будемо нѣму у помоћи."
Сви скочише рієчъ нерекоше,
Колико су лахко поскочили,
Одъ главахъ имъ капе попадаше,
А одъ паса пушке Леденице,
Комнена су брзо сусретали,
Ато носи Гоенна Халійла,
Комненъ куми сву браћу Сеняне:
,,А за Бога моя браћо драга!
Вы пуштите мене усъ планину,
Да ме ћера одъ Удбинѣ Муіо,
Вы станите око друма пута,
Небы л' вама Богъ и срећа дала,
Небы лисе наузели главахъ,
Турскихъ главахъ и свакогъ шићара,
Са тридесетъ Турак' Удбинянахъ."
Оно Иво єдва дочекао,
Пропуштіо Комненъ барјактара,
Оде Комненъ горы усъ планину,
А ћера га одъ Удбине Муіо,
За ньимъ трче тридесть Удбинянахъ;
Но ихъ дивно Иво дочекао,
Са дружиномъ съ обе стране пута,
А међу се Турке напуштили,
Живый оганъ на ньихъ оборили,
Тридесетъ є пукнуло пушакахъ,
А тридесетъ пануло Туракахъ,
Непретече отле ђаволѣга;
То зачуо Муіо у планину,
Ал'се Муіо ядду авизае,
Е му друштво погинуло бѣше,
Пакъ онъ зове Комненъ Барјактара:
,,О Комнене мой по Богу брате!
Пушти мене Госнна Халила,
Да я шъ ньиме идемъ у Удбине,
Да кажемо ка'смо погинули,
Оли дођи те ме посієцы,
Нек' и мене віе одъ дружине."
Іунакъ бѣше на Бога гледаше,
Юнакъ бѣше Комненъ барјактаре,
Па онъ вели одъ Удбине Муюо:
,,Ходи Муіо на божію бѣру!
Врнућу ти Гоенна Халила."
Кад'се были юнацы састали,
Међу собомъ вѣру уфатили,
Божу бѣру, Богомъ побратимство,
Па му врће Комненъ барјактаре,
Врну Мую Госнна Халійла,
Оде Муіо Удбины крвавой,
И плачући а не кукаюћи,
Оде Комненъ у свою краину
И рамлюћи, али се сміюћи,
Каква харча донесе дружины.

32.

Секула.

(Одъ малога Брацана козарчића у Острогу М-ру.)

Рано рани ліепа ђевойка
Па Ситницу на воду студенну,
А на воду чуданъ шићаръ нађе,
Чуданъ шићаръ Бановчићъ Секула,
Но Секуле ньойзи бесѣђаше:
,,А тако ти, ліепа ђевойка!
Проводай ми моега вранчића
Усъ Косово дуго и широко,
Е ме хоће санакъ преварити,
А имаде и петнаесъ данахъ,
Одкад' біемъ боя у Косово,
И Турцы су Янка уфатили;
Но тако-ти, ліепа ђевойка,
Ты погледуй низъ полѣ Косово
Кад' те Турцы проводити Янка,
Пробуди ме такко сретна была!"
На то стидно говори дѣвойка:
,,А тако ми, невиђенъ деліо!

Та я небыхъ ни познала Янка.“
На то вели Бановчићъ Секуле:
„А тако ми ліепа ђевойка!
Ласно ти є познавати Янка,
Высокъ юнакъ на біела ђога,
Свезанне му наопако руке.“
То є реко' санъ га оборіо.
Мало было млого нетраяло,
Прамаксе є магле зађенуо,
Зађенуо по врхъ Косовога,
Има пуно шездесетъ Туракахъ;
Гледа млада неугледа Янка,
Ал'се другій булюкъ намоліо,
Намоліо по врхъ Косовога,
Има пуно шездесетъ Туракахъ,
Гледда млада неугледда Янка;
Ал'се трећій булюкъ нзмоліо,
Има и у нь' стотина Турака,
Гледа млада и угледа Янка,
Высокъ юнакъ на біела ђога,
Свезанне му наопако руке;
Ал' іой мучно пробудит' Секулу,
На руке му вранца наводила,
Докле вранацъ очети Секулу,
Тесе Секулъ быо пробудіо,
Па дѣвойцы младой говоріо:
„Одвед' коня да га Богъ убіе!“
Но му стидно говори ђевойка:
„Ай устани незнанный деліо!
Ено Турцы проведоше Янка!“
То ка чуо діете Секуле,
Скочи юнакъ ка' дасе помами,
На готова усѣде вранчића,
А полеће полѣмъ Косовіемъ;
Но да ти є погледат' Секулу!
Малій юнакъ на малехна ђога
Изишао предъ свіемъ Турцима,
Те онъ срета Бановче Секула,
А Секулъ му ріечъ бесѣђаше:
„Бумбарећи, Турцы браћо драга!
Бумбарећи роба заробили!
Добра роба Воеводу Янка!
Дайте ми га да га посіечемъ,
Е већ' има и нећеля данахъ,
Ка' є мога изгубіо баба,
Мога баба кулин'-капетана.“
Даше Турцы ріечъ нечиняху,
Ла то вели Воевода Янко:
„А такко ми незнанный юначе!
То витежка вѣра неподноси,
Да ми 'вако ты сіечешъ главу;
Но ты мене одріеши руке,
Па ми таде посіеци главу.“
То Секула єдва дочекао,
А остру є извадіо ћорду,
Посѣче му на руке конопе,
Па му даде ћорду у десницу,
Су два края удрише Турцима,
Те нагони єданъ на другога;
Што остаде воеводи Янку,
То посѣче Бановчићъ Секула,
Што претече Бановчићъ Секулу,
То посѣче Воевода Янко,
Одъ ньихъ ока неутече жива,
Ни да кажу ка су погинули;
Здраво Янко и Секула пошли,
Пошли здраво на свое дворове,
Но и Србцы фала ми ђевойцы.

33.

Свой Освой.

(Одъ Мусе Поповића Пѣшивца.)

Силанъ Паша паде на Никшиће,
Нѣм' доходе Аге и Беговы,
Доцканъ Бего Любовићу дође,
Али му є Пашо бесѣдіо:
„Добродоша' Бего моя слуго!
Што си мисе слуго придоцніо?
Алисисе скоро оженіо,
Те си приспа' у постелю шъ любомъ?
Али піешъ по механам' вино,
Па за мене ни хабера неймашъ?“
Али му є Бего бесѣдіо:
„Ніесамсе скоро оженіо!
Нити піемъ по механамъ вино,
Но несміемъ пріећи планине
Одъ хайдука старога Мателя,
И нѣгова два неяка сына,
Мателѣвићъ Янка и Новака.

Свой су Босны Пашо доядили!“
Ка’ то чуо Пашо на Никшиће,
Ту є Пашо Диванъ окупіо,
А по Дуванъ пуштіо телала,
Ко изгуби хайдука Матеља,
И нѣгове два неяке сына,
Честита ће нѣга учинѣти.“
Ненађесе у Диванъ юнака,
До єдино влашче испануло,
По имену Влаховићъ Голяне:
„Єл’ истина, драгій Господаре!?
Єл’ истина што си обећао?“
„Єсть истина моя вѣрна слуго!“
А онъ му є опеть бешѣдіо:
„Я ћу поћи изгубит’ Матеља,
И нѣгове два неяке сына,
Е є мене тетка за Матеља,
Ма ну дай ми шездесеть Туракахъ.“
Даде му ихъ річь неучини,
И отленсе Голянъ подигнуо,
Докъ Матељу на дворове дође,
На дворове у єлійкъ зеленій,
У планине ђе зимую війле;
Подалеко Турке оставіо,
Теткићи га дочекую дивно:
„Добро доша’ нашъ брате Голяне!
Єл’ ви Пашо порезъ ударіо?
Морете ли живы останути?“
А онъ є ньим’ таде бешѣдіо:
„Пашо ми є порезъ ударіо,
На сироте и сиромашице,
По стотину грошахъ бієліехъ;
На болѣга и на Болѣвића,
По стотину жутіе цекинахъ,
А на мене вашег’ мила брата
Цекинахъ є двѣсти ударіо,
Неморемо остати никако.“
Али су му оны говорили:
„А небойсе нашъ брате Голяне!
Тебе ћемо благомъ откупити.“
На узеше гуслы яворове,
Ста узъ гусле Голянъ попієват’:
„А ђе сте ми соколови сивіи!?
Евоође крсташине орла!
Но бржайте да га размакнете!“
И томесе нико несѣтіо,
До проклетыи у планину Турцы,
Те су ньима ударили были,
Посѣкоше старога Матеља,
И діете Матељевић’ Янка,
Но утече діете Новаче,
За війту є єлу запануо,
Иза єле танку пушку пали,
По два нійже а на єдно зрно,
Седамнаесть преметну Турака,
Но Голянъ га гађа исъ пріека,
Живо му є срце разнесао,
И припаде посѣче му главу;
Заробише Матељеву любу,
И остаде чедо одъ Новака,
Те га носи Новакова люба,
Докле Паши дошли на Никшиће,
Люто плаче Матељева люба,
А іошъ люће люба Новакова,
Е ма іой є Пашо бесѣдіо:
„Што є тебе Матељева любо!?
Али жалишъ старога Матеља?
Али жалишъ Янка и Новака?“
Него му є она бесѣдила:
„О бога ми драгій Господаре!
Нити жалимъ Янка ни Новака,
Ни я жалимъ старога Матеља
Зло чинѣли, горе дочекали,
Но діете жалимъ одъ Новака,
Што га ядна држимъ на рукама,
Те ће ми га изгубити Турцы.“
Ма іой пашо боже вѣре дае,
Да га ньойзи изгудити неће;
Кад’ то виђе Влаховић’ Голяне,
Те изтрже ножа похрђала,
И закла іой чедо на рукама.
Кад’ то виђе паша одъ Никшића,
На целата окомъ намигнуо,
Те Голяну главу окинуо;
Етакосе свакоме случало!
Ко нештеди свог’ истога брата.

34.

Міятъ.

(Одъ Богетѣ Ђукова Вукићевића изъ с. Церова у Пѣшивце.)

Вино піе Міяте хайдуче,
У Ромину зелену планину,
Служи му га сестрићъ Маріянко,
По уяку сестрићъ говоріо:
,,Ово што бы изѣдосмо блага!
'Да ли ђегођъ любавинка неймашъ,
Мы ђе бысмо презимили зиму?"
Но му хайдукъ бесѣди Міяте:
Я имадемъ добра побратима
У пространно мѣсто Сараево,
Ту можемо зиму презимити."
Отолесе хайдукъ подигнуо,
Докле шеверъ Сараеву дође,
У свог' побре Евенди-кадіе,
А кад' дође побратиму своме,
Побратимъ га дочекуе дивно,
Дае доста пива и естива,
Све хайдуке добро намѣстіо,
И доста имъ положіо вина;
А отол'се кадія подиго',
Да онъ купи масло по кесиму.
Кадс' айдуцы надробили вина,
Неда штета ньима сѣђет' съ миромъ,
Но одоше лако попіеват',
То зачуше Сарайліе турцы,
Шушуръ оде низа Сараево,
А отоле Босни земльи равной,
Докъ зачуо Бошнякъ Алайбего,
Те е Босну землю окупіо,
Међу ньима ріечъ бешѣдіо:
,,А тако ви Босанліе Турцы!
'Да л' у мене неймаде юнака?
Ко ће поћи Сараеву граду,
Е 'самъ чуо, кажую ми люди,
У нѣму е Томићу Міяте,
Су своиехъ тридесетъ айдукахъ;
'Да л' неймаде у мене юнака,
Ко ће поћи Сараеву граду,
Одъ Міята да донесе главу,
Ял' Міята да жива доведе?"
А то зачу делибаша Хусо,
А есъ чуо те е бешѣдіо:
,,Алибего драгій господаре!
Пу дай мене шездесетъ деліяхъ,
Да ихъ Босни каловитой бирамъ,
Ђе е юнакъ, и пушка дугачка,
Я ћу ходит' Сараеву граду,
Теби жива довешћу Міата,
Ал' одъ нѣга доніети главу."
Кад' то зачу Бошнякъ Алибего,
Онъ му даде шездесетъ деліяхъ,
Отолосе Хусо подигнуо,
А за ньиме шездесетъ деліяхъ,
Докле граду Сараеву дође,
На дворове Евенди-кадіе,
Ал' кадіе на дворове нейма,
Но нѣгове двіе Булле младе,
Па ихъ виче делибаша Хусо,
Кадійнасе була одзивала:
,,Што дозивашъ незнанна деліо!?"
Но іой вели делибаша Хусо:
,,Ел' у дворе Томићу Міате?"
Нути муке и неволѣ' драге!...
Ка'се була Богомъ куне криво,
Е у дворе тог' Міата нейма,
За то Хусо необрће главу,
Но е булу доватіо младу,
А біо е бычемъ плетенніемъ;
Цичи Була ка' и змія люта,
Ма Міата казат' неоћаше,
Но то чуо Томићу Міяте,
У Міату живо срце пуче,
А изъ грла біелога вика:
,,Копиляне делибаша Хусо!
Што ми яда по Сарайву тражишъ?"
Кад' то зачу делибаша Хусо,
Таде Хусо ріечъ бесѣдіо:
,,А ту ли си Томићу Міате?!
Оди Міатъ отвори ми врата!
Кунемъ тисе, а вѣру ти даемъ,
Да ти хилле помыслити нећу!"
Нути муке и неволѣ драге!
Ка'се Ибро Богомъ куне криво,
Е му хиллу и помыслит' неће;
А то зачу хайдукъ Маріанко,
Скочи хайдукъ отвори му врата,
Но улѣзе делибаша Хусо,

А за ньиме шездесетъ деліяхъ,
За готовомъ совромъ засѣдоше,
Доста буле наложиле вина,
Доксе Турцы накитили дивно,
Отидоше напіяти Турцы,
Све ми зборе Турцы о юнаштву,
А хайдуцы о дебелу миру;
То гледагу двіе буле младе,
Одъ одае одключаше врата,
Доватише тридестъ цеверданахъ,
Сваком' свога прислонише младе
Хайдуцима узъ плеħи юначке,
Па одоше ньима служит' вино,
Чашу даю делибаши Хусу,
А да вели Хусо делибаша:
„Здравъ да си ми Томиħу Міяте!
Ни у здраве мое а ни твое,
По нашега на Босну везира,
И у здраве нашег' Алибега,
Коино є мене оправіо,
И тебисе мило поздравіо,
Да ты пођешъ Босны каловитой
На нѣгове дворе и оцаке!“
Оде чаша о друга до друга,
Докле айдукъ Маріанку дође,
По да вели хайдук-Маріанко:
„Здравъ да си ми Делибаша Хусо!
Ни у здравѣ твое ни нѣгово,
По у мое двіе пушке мале,
Коеħе ми заміенит' главу,
Мою главу и уяка мога.“
Чашу бачи а кубуру трже,
Те онъ Хусу подъ грроце пали,
Пуче єдна пуче ихъ и тридестъ,
Обалише тридесетъ деліяхъ,
Кад' айдучке пушке издушише,
Тада Турске навалише пусте,
По имъ вѣра неда погађати.
Таде скоче тридесетъ хайдукахъ,
Оно Турак' поваташе живе,
Біеле имъ савезаше руке,
И у подрумъ оставише Турке,
Ма сво Турско узеше ођелло,
Пр'обукоше тридесетъ айдукахъ,
Пояхаше до тридесетъ хатахъ,
Одъ авліе отворише врата;
Па хайдукес' наредили Турцы,
Одъ шехера врата затворили;
По имъ вели Томиħу Міате,
Кои Турскій єзыкъ разумляше:
„А штостесе наредили Турцы?!
Я 'самъ слуга одъ Босне везира,
А мене є везиръ оправіо,
Да изгубимъ Томиħа Міята.“
Іошъ имъ яданъ хайдукъ беси̂ħаше:
„А тако ми дина и амана!
Опануħу васъ све у везира,
Велю' ħу ви глобу натурити —.“
А тадасе препадоше Турцы,
Па Міату врата отворише,
Отворише врата одъ шехера,
По имъ Міатъ турски бесѣђаше:
„А тако ви Сарайліе Турцы!
Нађитесе до тридесетъ агахъ,
Да идемо на Босни везиру,
Да носимо главу одъ Міата,
И нѣгово тридесетъ айдукахъ.“
Опремисе до тридесетъ агахъ,
Па тридесетъ хатахъ дебеліехъ;
Изъ шевера када поизмакли,
Кад' далеко замкли у планину,
Трже Міатъ саблю одъ пояса,
А сестриħа покликнуо свога,
Па у Турке юришъ учиніо,
И то тридестъ изгубіо агахъ;
Отолесе Міатъ подигнуо,
Здраво съ друштвомъ у Ромину поша',
А посѣка' стотину Туракахъ,
Одъ стотине манѣ ђаволѣга,
У средъ дивна шеверъ Сараева,
Зафаліо Ефенди-Кадіи,
'А найвише тим' Сарайліама —.

35.

Маркова слава.

(Одъ Радована Милошева Булатовиħа изъ Ровацахъ)

Славу слави Кралѣвиħу Марко,
Одъ године честитъ данакъ Ђурђевъ,

На славу му гости долажаху,
Тридесть попахъ, четресъ калуђе-
рахъ,
А толико ђакахъ ньиховіехъ,
И остало големо народа;
Свесе купи у Кральића Марка,
Све по гласу ђе є доста вина,
Таманъ Марко совру поставіо,
Докъ ево ти делибаше Муя,
О Стамбола града біелога,
А одъ стола цара честитога,
И уза нь'га тридесетъ деліяхъ,
И онъ бахну на Маркову славу,
Неће л' Марку зулумъ учинити,
Да му неда славе поминяти,
Ни у славу божю напіяти,
Напіяти вино и ракію;
Кад'се Марко вина натрошіо,
Омма Марко чеŕу промиени (лице)
А гледа га делибаша Муіо,
А гледа га, паксе препануо,
Єдва ютра зоре ишчекао,
Пакъ є зоромъ Турски бешѣдіо,
Бесѣдіо Муіо деліяма:
,,Ћелла кардашъ дома да идемо!"
А Марко имъ Турски одговара:
,,Отуръ џанумъ, куд'си усхитало!
Ніе си ми слугу даровало!..."
Тад'се Муіо на яду видіо,
Свакій даде по двадесть цекинахъ,
Делибаша дваесть и четиры,
Пакъ є опетъ Турскій бешѣдіо:
,,Айте Турцы дома да идемо!"
А Марко имъ Турски одговара:
,,Отуръ џаномъ куђсте усхитали,
Ніесте ми любу даровали!..."
Кад'се Муіо на яду видіо,
Свакій даде по тридесъ цекинахъ,
Делибаша тридесть и четиры,
Пакъ є опет' Турски бесѣдіо:
,,Хаймо Турцы дома да идемо!"
А кральићъ му Марко одговара:
,,Докле мою майку даруєте!"
Кад'се Муіо на чуду видіо,
Стадоше му даривати майку,
И деліе конѣ продадоше,
Докъ му стару дариваше майку.
Ал' є опет' Муіо бесѣдіо:
,,Хайте Турцы дома да идемо!"
По Марко имъ опетъ одговара:
,,Докъ ми остру саблю целивате,
Башъ у балчакъ ђе є рука држи,
Држи рука Кралѣвића Марка,
И докъ саблю благомъ даруєте!"
Кад'се Турцы видли на белаю,
Они свое рухо продадоше,
Те узеше дост' ліепа блага,
Све дадоше, саблю дариваше,
Свакій оста у танкой кошульи,
Кад' у танкой осташе кошульи,
Таде Марко саблю поднесао,
Те му свакій саблю целивао,
Целивао и два и тры пута,
Зной самртный сваког' пропануо;
Страховитъ є Марко и виђети,
Камо ли му сабльи подступити,
Пакъ имъ таде Марко бесѣдіо:
,,Айте Турцы куд' є вама драго!
Кад' ми опет' крсно име дође,
Вы дођите на славу Маркову."
Таде Муіо Марку бесѣдіо:
,,Далеко ме срећа однієла,
Одъ твоега двора біелога,
Однієла, нигда нанієла,
И фала ти те не живе пушта!"

36.

Свакояко Больій Марко.

(Одъ истога Радована Мь Ровча-
нина.)

Полећела два сокола сива,
Одъ Прилипа града біелога,
То небыла два сокола сива,
Но то была два кралѣва сина,
Кральићъ Марко и Кральићъ Андрія;
Окренуше земльомъ и ћенаромъ,
А кад' горы быше Романніи,
Андрія є Марку бесѣдіо:
,,Насъ є майка єдна породила,

И незнасмо тко є юнакъ больй,
Ходи Марко дасе обидемо,
Дас' на остре ћорде ударимо!"
А Марко му таде бесѣдіо:
,,Ай нелудуй єдна маничино!
Кадс' на остре сабѣ ударимо,
Мы хоћемо ранахъ допанути,
Яли єданъ, ял' ћемо и оба,
Крпе неима, а мелехма неима,
Далекосмо одъ оца и майке,
Ко ће наћи одъ мора хећима,
И ко ће ни ранне превіяти?
Но хайдемо преко Романніе,
Д'ако Богъ да и срећа одъ Бога,
Те мы ђегодъ сустигнемо Турке,
Сустигнемо яли ихъ сретемо,
Мы ћемо имъ брате ударити,
Виђећемо ко є юнакъ больй."
Па отоле конѣ оћераше,
А кад' были мало понапріедъ,
Докъ стадоше хрти проподати,
Докле стаде тутань нисъ планину,
Докъ ево ти Турчинъ Рустемаге,
И са ньиме тридестъ Яньичарахъ;
Кад' ихъ виђе Кралѣвићъ Андрія,
Препадесе одяха доріїна,
Па полюби Турчин' Рустемагу,
Полюби му руку и колѣно,
А онъ га є рукомъ поплескао:
,,Бе аферимъ чоекъ одъ чоека,
Што ћешъ Марка гледат' манитога,
Што све гледа мрко попріеко?"
Па све тридестъ полюбіо редомъ,
А свакій га рукомъ поплѣснуо:
,,Ха! аферимъ, чоекъ одъ чоека!"
Марко гледа несяхує Шарца,
Ома Марку друга паметъ дође,
Па велико чело намрштіо,
Докъ састави самуръ и обрве,
А превали окомъ крвавіемъ,
А шкржутну зубомъ біеліемъ,
Бакрачліомъ гиликну Шарійна,
Одъ бедре му сину гадарія,
Те удари Турчин' Рустемагу,
Одма Хаге двіе начиніо;
У Марка є маховита рука,
Ка' у жене кодъ хрђава мужа,
Хитро махну неколико путахъ,
Посѣче му двадестъ и тры друга,
Кад' погледну Кралѣвићу Марко,
Али бѣжи іошъ седамъ Туракахъ,
И Андрія воде савезанна,
Таде Марко наћера Шарійна,
Кад' виђоше Яньичары Турцы,
Оны таде горы побѣгнуше,
Оставише Андрія свезанна,
Марко ћера, іошъ тры уватіо,
Доведе ихъ пред' Андрія живе,
Пакъ Хандріи одріеши руке,
И даде му опетъ остру ћорду:
,,Пай Андрія, те сіецы Турке!
Нећешъ ли се сѣћи научити,
Е веляше да си юнакъ больй."
Но му іоште Марко бесѣдіо:
,,А можесе брате препанути,
Препанути больй одъ горега,
Какогођеръ горій одъ болѣга."
Тад' Андрія посѣкао Турке,
И како ихъ тад' почео сѣћи,
Непрестаіо' докле ихъ траяло,
И докъ єдног' жива опажао,
Али Марка све чини болѣга.
Па му опетъ брате збори Марко:
,,Хайдмо іоште мой брате Андрія,
Да скидамо благо са Туракахъ."
И то га є брате послушао,
Отидоше те благо скидоше,
Па све браћа братски діелише,
Дад' Андрія Марку старѣшинства,
Ка' и поправъ брату старіему,
Старіему а юначніему;
Отле браћа здраво окренуше,
Здраво дошли у Прилипа града,
И свакаква доніели блага,
Добрихъ атахъ, а скупіехъ рахтахъ,
А найвеће братинеке любави,
Те ихъ оба майка загрлила,
Одъ наске іой фала и поштенѣ,
Кад' є была юнаке родила! —.

37.

Минна и Марко.
(Одъ Слiепца Гаша Ришнянина у Котору.)

Вино пiе Кралѣвићу Марко,
У нѣгову двору бiеломе,
Майка Марку служи вино хладно,
Кад' є быо у найвише пiйће,
Тры га кньиге танке допануше:
Єдно га є допанула кньига
Башъ одъ цара свога поочима,
Да му Марко у Стамбола иде,
А друга є кньига допанула,
Изъ Будима града бiелога,
Одъ силнога краля Матiаша,
Да му иде у Будиму Марко,
Да вѣнчава краля и кральицу;
Трећа га є кньига допанула,
Одъ юнака Мине Цидовине,
Овако му Минна говорiо:
,,Ако Марко на войску отидешъ,
Я ћу твое дворе похарати,
И твою ћу люби заробити,
Старицу ти майку потиснути,
Све ћу твое благо изнiети.‟
Кад' є Марко кньиге разгледао,
Па старицы майцы говорiо:
,,Што ћу саде моя мила майко!
Бы ли мене сѣтовала мудро?
Ђе бы Кральићъ пошо' прiе Марко?‟
Али майка Марку одговара:
,,Драгiй сынко Кралѣвићу Марко!
Айде сынко цару честитоме,
Да ми тебе непокара царе.‟
Говорiо Кралѣвићу Марко:
,,Муччи майко, луда женска главо!
Старiя є божа нег' царева.‟
Паксе Марко на ноге скочiо,
Усѣднуо Шарцу на рамена,
Пођe Марко путъ Будима града,
Те бы кралю за кума вѣнчанна;
Пiе вино за неђелю данахъ,
Кад' є было напуна неђеля,
Тада Марко на ноге скочiо,
Пак'се свога Шарца приватiо!
Иде Марко стойну Цариграду,
А кад' дође цару на дивана,
Танка га є кньига допанула,
Да му Минна дворе похарао.
А кад' виђе Кралѣвићу Марко,
Па Маркосе млого иеђаше,
Ал' учинѣт' ништа немогаше,
Нег' извраћа ћурракъ наопако,
Невесело по дивану шета,
Говори му царе поочиме:
,,Што є тебе мой посынакъ Марко,
Али нейма у Стамболу вина,
Ал' дебела меса овновине,
Ал' симита лѣба бiелога?‟
Говори му Кралѣвићу Марко:
,,Господине царе поочиме,
Я те молимъ како господара,
Подай мене тридесетъ Туракахъ,
А пред' ньима Агу побратима,
Побратима Агу Белил-Агу,
Е ћу Марко до Костура поћи,
Да я мою осветимъ срамоту,
Одъ юнака Минне Цидовине—.‟
Тадай царе Марку бесѣдiо:
,,Прођс' одъ тога Кралѣвићу Марко!
Са своимъ моiомъ силомъ и ордiомъ,
Бiосамъ га за седамъ годинахъ,
Немогахъ му ни врата виђети,
Акамоли да примуємъ града;
Ако ти є дворе поробiо,
Лѣпше' ћу ти царе оградити,
Ако ти є люби заробiо,
Лѣпшомъ ћу те оженити Марко,
Даћу блага колико ти драго.‟
Нѣму Кральићъ одговара Марко.
,,Ядны мени царе разговоры!
А ђе ће ми юначка срамота?‟
Кад' є Марка царе разумiо!
Онъ му даде тридесетъ Туракахъ,
А предъ ньима Агу Белли-Агу;
Кад'се Марко Турак' добавiо,
Свукує ш ньи зеленне доламе,
На ньихъ меће гогачке хальине,
А на ноге гогачке опанке,
На рамена куке и мотике,
Сабля-Марко у цркву отиде,

Па свукуе зеленну̑ доламу,
Калуђерску облачи мантію,
А на глави капу калуђерску̑,
Подъ Мантію меће̑ саблю бритку̑,
Пакъ отиде путъ Кустура града,
Съ Маркомъ иде тридесетъ Турака,
Па ког' Марко на друму срета̑ше,
Свакоега запитуе Марко:
„А за Бога брате Ришћанине!
Хоћу л' наћи станя у Кустуру,
Да настанимъ ову̑ сыротиню?“
Свакій Марку дивно каживаше:
„Оћешъ наћи оче калуђере!
У силнога Минне̑ Цидовине̑,
Сад'ће градит' єндекъ око града,
Єрсе бои одъ Кральића Марка.“
А кад' Марко пред' Кустуромъ дође,
Побратиму своме говораше:
„Побратиме Ага Белил-Ага!
Станни побре Кустуру на врата,
Е ће Марко у Костуру поћи,
Па ће Марко кавгу заметнути,
Кад' ты чуєшъ драгій побратиме,
Скочи зъ дружбомъ одъ землѢ на ноге,
Ником' недай живу излазити;
Ты отуда, я ћу одовуда,
Докс' обадва побре састанемо.“
Кральићъ Марко у Кустуру пође,
А кад' Минни дође пре дворове,
Ту находи танехну̑ робыню,
Ђе свѣтли мраморну авлію (мете̑)
Говори іой КралѢвићу Марко:
„Божя помоћъ танехна̑ робынѢ!
Єли дома Минна Цидовинна?“
Она нѢму млада одговара:
„Добро доша' оче калуђере!
У дворе є, богъ да га убіе!
Но такко ти... оче калуђере,
Окле ти є Шарацъ коньицъ Марковъ,
Окле л' ти є сабля Кральић' Марка?“
Овако іой Марко одговара:
„Ядна была танахна робыньо!
Ево има и неђеля данахъ,
Да є Кра̑льићъ Марко преминуо
Подъ Багдатомъ градомъ бѣлиємъ,
Моіомсамъ га рукомъ укопао,
Неимаше паре̑ ни динара,
Дао ми є коня за подушѢ,
Шарца коня и сабльицу бритку.“
А кад' га є млада разумѢла,
Одъ образа сузе оборила,
Паксе віе коню око грла,
Како змія око суха дрва,
У то доба Минна Цидовина,
Удари є̑ шакомъ узъ образа;
Колико є̑ Минна ударіо,
Два іой здрава саломіо зуба,
Стои писка младе̑ робуньице,
Како люте̑ зміе̑ под' каменомъ,
А говори КралѢвићу Марко:
„Немой тако Минна господине!
Грехота є грдити робынѢ!“
Али Минна Марку одговара:
„Пројс' одъ мене оче калуђере!
Ево има и неђеля данахъ,
Како ми є дошла у дворове,
Нiесамъ іой лице... облюбіо,
Ма довече мыслимъ акобогда;
Хайде оче у дворе бѣле,
Дасе хладна вина напіемо,
Е є мени данасъ крсно̑ име.“
А Маркосе скалла са Шарійна,
Па улѢзе у бѣлой кули;
СѢде Марко челу о трпезе,
Сташе ладно̑ испіяти вино,
Піе Марко каос' научіо,
Говори му Минна Цидовина:
„Яданъ быо оче калуђере!
Како добро піешъ хладно̑ вино,
Како да 'си рода Марковога,
Кральићъ Марко нѢму одговара:
„Богъ т' убіо Минна господине!
Што мртвога Марка споменуюешъ,
Ево данасъ неђельица данахъ,
Моіомъ 'самъ га рукомъ укопао.“
Кад' разумѢ Минна Цидовина,
Окованну саблю доватіо,
Коя валя по̑ царева града,
Пакъ є̑ даде КралѢвићу Марку,
Пакъ є Минна Марку говоріо:
„На даръ тебе оче калуђере

За муштулукъ што си ми казао,
И пій вина колико ти драго."
Кад'се ладна вина понапили,
Некій игра, некій попіева,
А калуђеръ Минни говоріо:
„Є ли тестиръ Минна господине
Да поиграмъ кротко калуђерски?"
Говори му Минна Цидовина:
„Играй оче колико ти драго!
Теке немой кавгу заметнути."
Скочи Марко одъ землѢ на ноге,
Игра Марко по кули біелой,
Свасе кула изъ темеля тресе,
А Минна є Марку говоріо:
„Остав' игру оче калуђере!
Сад'ће панут' изъ темеля кула."
За то Марко ни хабера нейма,
Него бритку саблю извадіо,
Пакъ є Минни главу посѢкао;
Тадай Марко юришъ учиніо,
Што є мушко али женско было,
Све є Марко подъ саблю метнуо,
Па уфати Миннину любовцу,
И метну є у теркію Шарцу,
Свою Марко люби уфатіо,
Пакъ є узе подъ рукомъ десницомъ,
Бритку саблю у руцы лієвой,
Преко града юришъ учиніо;
Али мушко али женско стиже,
Сваком' главу одъ рамена диже,
Докъ прійміо одъ Кустура кључе,
А кад' дође на врата одъ града,
Побратиму своме говораше:
„На ти побре Миннину любовцу,
Потурчи є пакъ є узми за се."
Отле Марко у Цариградъ пође,
А кад' цару на дивану дође,
Дивно мусе Марко поклоніо,
А вели му Отмановић' царе:
„Добро дошо мой посынко Марко!
Єс' ли мисе Марко уморіо?"
Говори му КралѢвићу Марко:
„Каос' небыхъ уморіо царе,
Пріймуюћи одъ Кустура кључе!"
Па му кључе тури на колѢна.
Тадаръ вели Отмановић' царе:
„От' ли Марко на Босну везирство,
Ал' госпоство кое теби драго?"
Одговара КралѢвићу Марко:
„Нећу царе госпоство никакво,
Него само да я піемъ вино!"
Кад' є царе Марка разуміо,
Онъ узима стотину дукатахъ,
Тер' ихъ даде КралѢвићу Марку:
„Най ти Марко, пођ'се напій вина!"
Ма тако му Марко говоріо:
„Хрђа била и цара такога!
Дасамъ тебе довео робынѢ,
Ал' доніо одъ каура главу,
Дао бы ми и триста дукатахъ,
А што ће ми стотина дукатахъ?
Небыхъ Марко ни брка скваеіо!"
А кад' га є царе разуміо,
Па пуштао низъ войску телале,
Вичу оны тры біела дана:
„Ђесе нађе одъ вина механа,
Каде дође КралѢвићу Марко,
Нека піе да неплаћа вино!"
Стая Марко за годину данахъ,
У Цариградъ вина нестануло.

38.

Туркиня што воли.
(Одъ истога сліепца Гаша Риш.)

Књигу пише Ченгійћъ Бећир-паша,
Па і' оправи у ПриморѢ дивно,
У ліепу Грблю питомоме,
У сокола Мирковића Вука,
Овако га паша поздравяше:
„Мирковићу драгій побратиме!
Хоћу тисе оженити побре
Дивномъ шћеромъ одъ Босне везира,
Неймамъ брата, неймамъ братучеда,
Кои бы ми бьо за ђевера,
Дођи мени побре у сватове,
Да ми були будешъ за ђевера."
Кад' Сердара књига допанула,
Каде виђе што му Турчинъ пише,
Ођедесе што море найлѢпше,

Пакъ усѣде коню на рамена,
Иде Вуче преко Горе̑ црне̑,
Докле дође на Чево крваво
У своега богомъ побратима,
У витеза войводе̑ Ђукана,
Ту є Сердаръ конакъ учиніо.
Кад' є было о зори біелой,
Ондолесе Сердаръ подигао,
Иде право на кршно̑ Загорѣ,
Кад' Мирковићъ у Ченгића дође,
Дивно га є паша догекао,
Доста дава̑ пива и єстива;
А кад'сусе вина понапили,
Поче паша игре свакояке,
Мирковићъ є юнакъ одъ старине̑,
Пакъ у сваку пашу добываше,
Мирковићу Ченгићъ говораше:
„Побратиме Вуче кауринє!
Ты ніеси срца юначкога,
Ако коня разиграт' нећемо,
Да видимо ко є больій юнакъ.“
Кад' Мирковићъ пашу разуміо,
Пакъ витеза коня ражлютіо,
Ћера пашу до градскіе вратахъ,
До градскіе вратахъ одъ Травника;
Све излази мало̑ и велико̑,
Да гледаю Вука Мирковића,
Кад' изађе майка и ђевойка,
Ченгійћ' паше̑ млада вѣренница,
Ту ђевойка майцы говораше:
„А тако ти... моя мила̑ майко!
Оній Турчинъ одъ кога є града,
Дійванъ ти є, тры га яда била! —“.
А дѣвойцы майка говорила:
„Муччи ћерце стале ти каменомъ!
Оно ніє Турско момче младо,
Него Сердаръ Мирковићу Вуче,
Одъ Приморя одъ землѣ Словинске̑.“
А ђевойка майцы говорила:
„Майко моя дуго ядна была!
Воліяхъ бы Мирковића Вука
Само гола...у кошульи танкой,
Него пашу мога вѣренника,
Свег' у свили и у сувом' злату!“
А кад' майка разумѣ ђевойку,
Лиссто она танку кньигу пише,
Па є̑ посла паши зету своме:
„Зете драгій Ченгійћ' Бећир-пашо!
Да 'си спрешно мене у дворове,
Ол' ђевойка твоя быти неће.“
А кад' пашу кньига допанула,
Спрешно пође були у дворове,
Пуница му своя говораше:
„Я 'самъ Зете за те поручила,
Да изгубишъ Вука Мирковића,
Ћерца моя твоя вѣренница,
На иѣгасе кучка преставила.“
А младо іой момче одговара:
„Муччи було Богъ да те убіє!
Срамота є и мене и тебе,
Да мы Вукаође изгубимо;
Но кад' сютра біо данакъ сване,
Кад'се дигну кићенны сватовы,
Бић' у свате Мурковићу Вуче,
Ево тебе Турску вѣру давамъ,
Кад' будемо на првомъ конаку,
Обѣсићу Вука у планину,
Єдной єли конопомъ єдніємъ,
Да невиди Грбла питомога.“
А кад' быо данакъ освануо,
Дигнушесе кићенны сватовы,
Отидоше зеленомъ планиномъ,
Кад' су были на првомъ конаку,
Паксе сташе Турцы разговарат',
Да обѣсе̑ Мирковића Вука
Пріе сунца и зоре біеле̑;
То све слуша ліепа ђевойка,
А кад', брате, Турцы вечерали,
Сви поспали кано и покланны,
Ал' неспава ліепа ђевойка,
Него млада на ноге скочила,
Мирковићу пође подъ чадоре,
Ал' Мирковићъ іоште піе вино,
Па ђевойцы Сердаръ говораше:
„Огъ ђевойко Богъ те неубіо!
Ал' си млада люто престарала,
Ал' у тебе чудо...є велико,
Те си къ мене дошла подъ чадоре?“
Ћевойка му млада одговара:
„Луда̑ главо Мирковић' Сердаре!
Ол' невидишъ ядна твоя майка,
Да те мысле̑ Турцы обѣсити,

По бѣжжимо Грблю питомоме!“
Кад' Мирковићъ разумѣ ђевойку,
Одъ землѣ є на ноге скочіо,
Побѣгоше зеленномъ планиномъ,
Здраво дође Грблю питомоме,
И доведе Туркиню ђевойку;
Покрсти є̑, пакъ є̑ узе за се,
А то Єла... єдва дочекала.

39.

Ра̑дул-Бегъ.
(Одъ истога Петра Мркаића.)

Милій Боже чуда нечувенна!
Што є жуборъ у біелу двору,
У біелу двору Радул-Бега,
Ал' є жалость, ал' велика̑ радость?
„Нит' є жалосъ ни велика̑ радосъ!
Мила̑ сусе браћа завадила,
Бегъ Радул-бегъ съ Мирчетомъ войводомъ,
Да око шта небы ни жаліо,
Око двіе Ба̑бове баштине,
Каравлашку и Карабогданску̑;
Саблю вади Бего Радул-бего,
Те удара Воеводу Мирка,
Удри брата по бедры лієвой,
Колико га лахко ударіо,
На бедри му саблю пресієче,
И подъ сабльомъ одъ чохе чакшире
Богъ му даде ранне̑ незададе.“
Вели Бего: „баштине су мое!“
Вели Мирко: „Ніе нєго мое!
На смртъ ми є ба̑бо оставіо.“
Кад'се Мирко на нѣвольи виђе,
Полу свое̑ саблѣ' извадіо,
Те є брата Бега ударіо,
Удри нѣга по па̑су свиленном',
Пресѣче му двіе пушке мале̑,
Код' пушакахъ ноже окованне,
А под' ножим' токе позлаћенне,
Подъ токама зеленну̑ доламу,
Богъ му даде ранне̑ незададе;
Уфатише Бе̑гова дружина,
Уфатише войводу Мирчету,
Те му више ударат' недаше.
Шћаше беже посѣћ' брата свога,
Ал' му неда любивна дружина:
„Язукъ ти є брата посѣћ' Беже!
По баци га на дно у тавни̑це,
А мори га и гладомъ и жедомъ,
Како нѣму тавница досади,
Махомъ ће ти поклонит' баштину.“
Беже брата у тавницу баци,
Те га мори и гладомъ и жеђи,
Тавновао за деветъ годинахъ;
Али Мирку и Богъ помагаше,
Имађаше снаху милостиву,
Те ђевера у тавницы храни,
Све кріюћи одъ свог' господара,
Господара Бега Радул-бега.
А кад' наста го̑дина десета,
Ал' є Бега кньига допанула,
Одъ некаква цара Шишманина,
Зове̑ нѣга на крштено̑ кумство;
А досад' є царе преваріо
Деветъ кумахъ, те є изгубіо,
Све Срба̑ляхъ славніе юнакахъ,
По избору ђе є кои бьо,
На том' чеду небыло му живо.
Кньигу штіе Бего Радул-бего,
Кньигу штіе а любовцу пита:
„Што ћу моя одъ живота любо?
Да непођемъ одъ Бога несміемъ,
Ако л' пођемъ моя вѣрна̑ люби,
Я ћу лудо изгубити главу.“
Али Бегу люба бесѣдила:
„Ахъ лудъ ли'си міо господаре!?
Што ты питашъ єдну женску̑ главу,
Заръ да тебе научи любовца?
Кад' є тебе Богъ и срећа дала,
Те ты браца имашъ старіе́га,
Старіега и разумніега,
Коиће те Бе̑го научити.“
А кад' Бего любу разуміо,
Сузе рони̑ овако говори:
„Прођи месе моя вѣрна̑ любо!
Немой мое ранне вріеђати,
Ніе шала ни година данахъ,
Анекмоли настала десета̑,
Да є мене брате у тавницы,

Ни му давамъ пива ни єстива,
Веђ'су мусе кости распанулє!
Аохъ Мирко врло добро моє!
Да си мене брате у животу,
Ты бы мене брате научіо."
Пакс' удари рукомъ по колѣну,
Пукла му є чоха на колѣну,
Пукла кожа и полила крвца,
Ал' му опет' люба бесѣдила:
,,Да ну узми кључе одъ тавнице,
Даако ти Богъ и срећа даде,
Те ты брата у животу нађешъ,
Кои ће те Бего сѣтовати."
А то Беже и дочека єдва,
Па отвори тавницу проклету,
Викну Бего съ тавничкіє вратахъ:
,,Ко є 'вође Мирчета войвода!?
Нек' излази надво изъ тавнице,
Зове нѣга братацъ Радоване,
Одвеће си брате тавновао."
Скочи Мирко између сужаняхъ,
А кад' га є Бего угледао:
,,Благо мене брате добро моє!
Кад' затекогъ тебе у животу."
Руке шире у лицасе любе,
Ал' є Мирко тешко засужньіо,
Нокти су му како у крилаша (орла)
Руса коса пала преко паса,
Води брата у біеле дворе,
Брже зове тры хитра бербера,
Єданъ міє, другій косу бріє,
А трећій му нокте сарезує,
Мила снаха доноси хальине
У свом' двору што има найлѣпше,
Туцаклука опростише Мирка,
Па сѣдоше хладно пити вино;
Кад'се браћа напоише вина,
Ондай брату Беже говоріо:
,,Што ћу Беже одъ живота мога?"
Па му даде кньигу ижъ нѣдарахъ,
Што му царе Шишманине пише,
Виђе Мирко што му царе пише,
Пакъ є Беже Мирку бесѣдіо:
,,Ал' ћу поћи, али поћи нећу?
Хоћу л' брате своюю водит 'войску?
Ясе, богъ ме, боимъ пріеваре,
Царъ є деветъ кумахъ изгубіо,
Пакъ онъ хоће и мене десетог'."
Мирко брату тіо говоріо:
,,Пођи, брате, быти ти неморе!
Бойсе Бога и Светог' Іована!
Ал' неводи войске николико'
Єсу л' живе тры бабове слуге?
Єл' живъ брате Піявица Ђуро?
Єл' живъ брате Грчићу Манойло?
Єли брате Злопогледу Вуче?
Ако буде вино пити хладно,
Піе вино Піявица Ђуро,
За стотину добріе юнакахъ;
Ако буде Грчки бесѣдити,
Зна Манойло дванаесъ єзикахъ,
Те те брате преварит' немогу;
Акол' буде бриткомъ сабльомъ сѣћи,
Море сѣћи Злопогледу Вуче
За петъ стотин' добріє юнакахъ,
Ка'но брате Србаль одъ старине."
А кад' га є Бего разуміо,
Опремисе и пође на кумство
И поведе тры бабине слуге,
Више съ собомъ неводи никога;
А кад' дође цару Шишманину,
Царевє га угледале страже,
Страже цару на муштулукъ трчу:
,,Муштулукъ нам' царе господаре!
Ето кума Бега Радул-бега!
И неводи николико войске,
Него цигле до тры слуге своє,
Богъ ме ћешъ га лахко изгубити."
Царъ имъ дава неброенно благо,
Колико є скоту мило было,
Те на кумство губити кумове,
И варати Богомъ истинніємъ,
Богомъ варат' и светимъ Іованомъ,
Богъ га убій и светый Іоване!
Ліепо є Бега дочскао,
Па ихъ води на біелу кулу,
Пріимміо имъ конѣ и оружє,
Ал' Вукъ неда саблѣ са бедрице:
,,Старица ме проклиняла майка,
Я брезъ саблѣ да непіемъ вино,
Па кад' скинемъ саблю са бедрице,
Ніе мене вино пробитачно,

Стиже мисе клетавъ материна."
Ту сѣдоше ладно пити вино,
А царъ купи сву господу свою,
Пію вино за тры бѣла дана,
За тры дана и тры ноћа тавна,
Ни спаваю, нит'се распасую,
А све царе навалюе вино,
Небы л' како Србљѣ опоио,
Небы ли ихъ курва превaріо;
Али Србљим' и Богъ помагаше,
Те ихъ виномъ опит' немогаше,
Кад'се царе на невольи нађе,
Грчки свою слугу дозиваше:
,,Слуго моя донеси нам' вина!
Чашу малу одъ осамнесъ окахъ,
Тер' є подай моме куму Бѣгу,
Ако куме непопіе вино,
Упута є изгубіо главу."
А то слуша Грчића Манойло,
Српски зове Піявицу Ђура:
,,Чуйсе Ђуро, ето вина на те!"
А то Ђуро єдва и дочека',
Изъ руке му чашу докопао,
Попіо є брка несквасіо,
Па іошъ иште: ,,Дай ми царе вина!
Чашу вишу одъ четерстъ окахъ,
Готовъ быяхъ умріет 'одъ жеди,
Пакъ я мышлягъ да ты неймашъ вина."
Даде слуга и дочека єдва,
Ал' є піе Піявица Ђуро,
Но напія цару Шишманину:
,,Здравъ да си ми царе Шишманину!
Ако чашу ову непопіешъ,
Кунемъ тисе Србскомъ вѣромъ правомъ,
Да на теби твое главе нейма!"
Попи Ђуро, ћеифъ начиніо,
А другу є цару насипао,
Добро піе царе Шишманине,
Добро піе ал'се непознава,
Докъ виш' чаше и дріемат' стаде,
Ал' іошъ вина Піявица иште.
Кад'се царе виђе на невольи,
Грчки зове крвава џелата:
,,Пођи слуго у камару тайну,
Па се удри одіело страшно,
Рисовине и međедовине,
А устакни калпакъ одъ тры вука,
Пригрнисе страшномъ лавчетиномъ,
Подъ скутъ узми саблю одъ мейдана,
Тер' ты Бегу посіецы главу."
Ал' га слуша Грчићу Манойло,
Српски зове Злопогледа Вука:
,,Чекай Вуче, ето ти џелата!
На нѣму є одіело страшно,
Голу носи саблю подъ пазухомъ,
Да онъ Бегу посіече главу."
У то доба џелатъ изъ камаре,
А кад' га є угледао Вуче,
Скочи Вуче ко' дасе помами,
Пакъ є бритку саблю извадіо,
А завика Вуче иза гласа:
,,Та штосисе курво наградіо!?
Знашъ ли курво, твою ли ти нѣну...!
Дасе Србльи іошъ непрепадаю,
Одъ живіехъ лавахъ и вуковахъ,
Анекмоли мртвіе мѣшинахъ."
Џелатъ маче саблю исподъ скута,
Да онъ Бегу посіече главу,
Жестоко га Вуче дочекує,
Двіесусе саблѣ удариле,
Више главе Бега Радулбега,
Ал' у Вука боля сабля бѣше,
Џелатову саблю пресіече,
Пакъ му русу главу одкинуо,
Тад' посѣче и цар' Шишманина,
Поче сѣћи сву редомъ Господу,
Онъ сіече оздо узъ трпезу,
Кад'се Вуче врати низъ трпезу,
Све сіече а изъ грла виче:
,,Ко є 'вођенъ Бего Радулбего?
Нека бѣжи, уклонисе съ пута!
Крвца мисе на очи навукла,
У незнаню посѣћу му главу."
Све изсѣче, нико неутече,
Кад' излѣгли изъ біеле куле,
Те сидоше у мермер-авлію,
Ал' ето ти цареве царице,
Носи она у наручю сына:
,,Богъ ми съ тобомъ мой милосный Куме!

Та ніесмо іошъ чедо крстили?
Питисмосе куме даровали!?“
Ал' іой Вуче 'вако бесѣдіо:
„Дай крст'мо га кад' є тако дивно!
А мы смосе амо даровали —!
И за те є дара остануло!“
Пакъ іой чедо о кам' ударіо,
Нек' одъ врага неостае трага,
А куму є замлатомъ удріо,
Ни живу є земля нешчекала,
Садъ нек' вара на кумство юнаке.
Ал'се Беже коня дофатіо,
Вукъ безъ преше у дворе улази,
Те узима тры товара блага,
Виче Беже: „Айде болань Вуче!“
Вели Вуче: „Та непреши Бего!
Когасисе врага препануо?
Докъ я узмемъ штогодъ за хашлука,
Кад' дођемо двору біеломе,
За што ђусе съ браћомъ напит' вина?
Хоће мене дружба прекорити:
„„Ђе си біо? Шта си нам' доніо?“
Шћаше Беже оставити Вука,
Ал' безъ Вука ніе Бегу пута,
Доксе Вуче коня дофатіо,
Натовари тры товара блага,
Цару дворе огнѣмъ запаліо,
Нек' невара на кумству юнаке;
Здраво дошли двору біеломе,
И находе Мирчета войводу,
Па га Бего грли и целива,
Дарова му бабове баштине,
Каравлашку и Карабогданску:
„Тыс' ми брате животъ одржао!
А шћадіяхъ погинути лудо,
Свуколику изгубиту войску,
Но ето ти Бабовина твоя.
А сад' здраво моя браћо драга,
Богъ вам' дао здравѣ и веселѣ,
Небыло га ко брата губіо! —.

40.

Вишньиħъ Іованъ.

(незнамъ одъ кога ми є.)

Бога моли Вишньиħу Іоване,
Да му ранно сване премалѣће,
У пролѣће веселъ данакъ Ђурђевъ,
Дасе гора заођеде листомъ,
А рудине травомъ ђетелиномъ,
Да пролиста шума буковица,
А закука у ньой кукавица,
Да онъ скупи єдну чету малу,
Да шъ ньомъ оде узъ Херцеговину,
На біеле Куртагиħа дворе,
Куртагиħа Муя и Хоммера,
Да погуби Муя и Оммера,
И зароби Куну и Хайкуну,
И Малійна коня Оммерова,
И гадару саблю о Малійну.
Бога моли, и умоліо га,
Ранно нѣму освану пролѣће,
У пролѣће веселій данъ Ђурђевъ,
Скупи Іованъ єдну чету малу,
Шъ ньомъ отиде узъ Херцеговину,
На біеле Куртагиħа дворе,
Куртагиħа Муя и Хоммера;
Ал' на дворе Муя небіяше,
Него бѣше у краины доньой,
У амице испіяше вино;
Мало заспо, зао санъ сасніо,
Да га удри змія подъ колѣно,
Съ десне стране изъ зелене траве,
А Оммера међу очи црне;
Одъ санкасе Муіо раставіо,
Пакъ амици санакъ повидіо:
„Богомъ тебе, остаралъ амица!
Мало заспахъ зао санакъ видѣхъ:
Да ме удри змія подъ колѣно,
Съ десне стране изъ зелене траве,
А Омера међу очи црне;
Боятисе Вишньиħа Іована,
Єрсе Іованъ зафаліо давно,
Теке нѣму осване пролѣће,
Да ħе нама похарати дворе,
И погубит' мене и Хоммера,

А заробит' Куну и Хайкуну,
И Малійна коня Омерова,
И гадару саблю о Малійну.“
Амица му ћаше бесѣдити,
Ал' га Муіо слушати нехоће,
Нег' окрочи Пеливан-зеленка,
Оћера га на дворе біеле̑;
Ал' му пре дворъ стара майка сѣди,
Ни селамъ іой Муіо неназива̑,
Нег' є старой говоріо майцы:
„Стара̑ майко за бога милога!
Єсу ли ми сестре заробљѣнне?
Єл' на кули моя Тудешкиня, (пушка)
Єсу ли ми повели Малійна,
И гадару саблю о Малійну,
А єли ми Оммеръ погинуо?“
Стара̑ нѣму проговара̑ майка:
„О мой сынко Куртагићу Муіо!
Ніесу ти сестре одведенне,
На кули є твоя Тудешкиня,
Ніесу ти повели Малійна,
Нити ти є Оммеръ погинуо,
Нег' є Оммеръ пошо' у поћеру
За курвићемъ Вишньићемъ Іваномъ.“
А када є разуміо Муіо,
Опетъ Муіо окрочи зеленка,
Па га гони горомъ прозъ планину,
Ал' находи тры четиры дру̑га,
Одъ дружине̑ Вишньића Іована,
Што біяше Оммеръ погубіо;
Отле ћера у напріедъ трагомъ,
Кад' ето ти седамосамъ дру̑гахъ
Одъ дружине Куртагићъ Оммера,
Што біяше Іованъ погубіо;
И опета горомъ оде Муіо,
Кад' находи до дванаесъ другахъ,
Све дружина Вишньића Іована,
Што біяше Хоммеръ погубіо,
И међ' ньима раннѣнъ Оммерага,
А вели му Куртагићу Муіо:
„Єсу ли ти ранне одъ виданя?
Да те брате водимъ на хећиме.“
„Ахъ мой брате Куртагићу Муіо!
Нит'се мучи нити блага харчи;
Све су мени ранне одъ виданя,
Ал' ми ни'су ранне одъ виданя,
Одъ курвића Іована Вишньића,
И нѣгове двіе пушке мале,
Су два зрна и четири герла,
Єданъ чаракъ обѣ жежіяше,
Онесу ми срце покосиле.“
А кад' чуо Куртагићу Муіо,
На нь' баціо Диван-кабаницу,
А удари трагомъ за Іовано̑мъ,
Брзо га є Муіо пристигао,
Тек' га виђе намма га познаде,
Викну Муіо, кано да громъ пуче:
„Стан' курвићу Іоване Вишньићу,
Да си мени лани утекао,
Лѣтосъ бы те Муіо достигао!
Ев' ћемосе саблямъ ударити.“
А приправи свою Тудешкиню,
Него вѣре̑ у Турчину нейма,
Устависе Вушньићу Іоване,
Сигурне му двіе пушке мале;
Кадсе, брате, близу састадоше,
Муіо пали свою Тудешкиню,
Іованъ жеже обѣ пушке мале,
Кодъ студенне Унне и Коранње,
Ту удари юнакъ на юнака,
А погибе єданъ ко другога,
Ужъ ньихъ, брате, ниђе никог' нейма,
Нег' удара Унна у Коранну;
Жали̑ Унна Куртагића Муя,
А Коранна Вушньића Іована —.

41.

Превршȃвацъ.

(Одъ Ђока Вулетића Ровчанина.)

Разболѣсе Лека Дукађинче,
Боловао деветъ годин' данахъ,
Нит' умире, ни преболіева,
Прозъ кости му трава проницала,
А у травус' люте зміе ле̑гле,
Ма му майка ріечъ бесѣдила:
„О мой сыне, Лека Дукађинче!
Да доведемъ частна свештеника,
Да му сынко све грехове кажешъ,
Небы лисе съ Богомъ умиріо,

Небы ли се съ душомъ раставіо.“
Него майцы Лека одговара:
„Да я тебе све греове кажемъ,
Па ты казуй часномъ свештенику,
Я га бозна дочекат' немогу:
Петсамъ, майко, кумовахъ убіо,
И петъ мило̂ кумахъ облюбіо,
Пакъ убіо до петъ побратимахъ,
Іоште єдномъ у чету одосмо,
Ка' дођосмо пред' біелу цркву,
Ту мы майко разбіясмо цркву
Сва є̂ моя редомъ біше дружба,
Чврсто̂ біше разбит' немогоше,
Я ударихъ неколука пута,
Те на трое полећеше врата,
Улѣгосмо у біелу цркву,
Ал' у цркви блага неимаше,
Него єданъ сандукъ одъ камена;
Одоше га дружба разбіяти,
Сви га біше разбит' немогоше,
Я ударихъ неколика пута,
Те саломихъ сандукъ одъ камена,
Ал' ни у нѣм' неимаше блага,
До у нѣму двіє светиньице,
Света̂ Петка и света̂ неђеля,
Обѣ мени стадоше зборити:
„Здравъ дошао Лека Дукађинче,
Здравъ дошао двору біеломе,
Тек' дошао муке те напале,
Боловао за деветъ годинахъ,
Нити умр'о нити преболіо,
Прозъ кости ти трава проницала,
У ньой тисе люте зміе лѣгле,
У срцу ти зиму зимовале,
А у перчинъ лѣто лѣтовале.“
То кад' зачу майка остарала̂,
Довати га за распалу̂ руку,
Истури га предъ біелу кулу —.

42.

Бошковићъ.

(Одъ истога Попа Ра̂да Кнежевића.)

Мехмед-паша паде на Доляне,
Отле пише листъ кньиге біеле,
Те є̂ шилѣ у Бѣлопавлиће,
У Слатину у то село мало̂,
А на име Петру Бошковићу,
И войводи Иліеву Ра̂ду,
Да му оба иду под' чадора.
А кад' Петру ситна кньига дође,
Онъ є̂ посла на Виниће Ра̂ду,
А кад' Раду ситна кньига дође,
Отолесе Раде подигнуо,
Те отиде Петру у Слатину,
Дивно га є Петаръ дочекао,
Доста вина и ракіе дае,
И дебела меса одъ овновахъ;
Ту су ноћцу были боравили,
Докле самну и огрія̂ сунце,
Скочи Петаръ одъ землѣ на ноге,
Па обуче свиленну̂ кошулю,
Врхъ кошулѣ зеленну̂ доламу,
Опасасе мукадемъ поясомъ,
Па обуче токе съ обѣ стране,
А зађеде свіетло оружѣ,
Сигураше вранца претилога,
Паксе тури вранцу на рамена,
И отиде полѣмъ зеленніємъ,
Оба паши на Доляне дошли,
Пакъ му вика̂ Петре Бошковићу:
„Божя' помоћъ пашо Мехмед-пашо!“
Одговара Петру Мехмед-паша:
„Богъ и съ тобомъ Петре Бошковићу!“
Іошъ му збори силанъ Мехмед-паша:
„Скин'се съ коня Дели-Бошковићу!“
Петаръ вранца свога одяхао,
Улѣгоше оба подъ шаторомъ,
Те су паши руку полюбили,
Широко имъ мѣсто учиніо,
Око себе оба посадіо;
Ево збор̂е збора свакоєга,
У ріечи у кою біяху,
Ал'то иде єдно Туре младо̂,
Ђе є нѣму саломѣна рука,
Сузе рони овако говори:
„Помагай ми пашо господаре!
Одъ зулума Петра Бошковића,
Кои ми є саломіо руку!“
Таде рече паша господаре:
„Єс' ли Петре? Паски погинуо!?“

А вели му Петаръ Бошковићу:
„Єсамъ Богъ ме пашо господаре!“
А ’во иде друго Туре младо,
Оно носи ногу саломлѣнну,
Сузе рони овако говори:
„А! помагай пашо господаре!
Одъ зулума живѣт’ неморемо,
Одъ зулума Петра Бошковића.“
Онда вели силанъ Мехмед-пашо:
„А єсили Дели-Бошковићу?“
„Єсамъ богме паша господаре!“
Мало было млого нетраяло,
Ато иду два Пармаковића,
Одъ крвава Спужа на краину,
Ђе каменѣ о грлу ношаху,
А кукаху кано кукавице,
Усъ колѣно паше Мехмед-паше:
„А! помагай пашо господаре!
Одъ зулума живѣт’ неможемо,
Одъ зулума Петра Бошковића;
Онъ є нашу сестру заробіо,
Заробіо пакъ ю покрстіо,
Па є узо за вѣренну любу,
Шъ ньомъ є Петаръ и два сына имо’,
Да таквіехъ у сва Брда нейма!“
Таде рече пашо Мехмед-пашо:
„Єл’ истина зулумћар-кауре?“
„Єсте богме пашо господаре!“
Поче пашо Турски говорити,
А целату окомъ намигати,
Да изгуби Петра Бошковића,
Ма Турски му Раде разуміо,
Пакъ є Раде Петру говоріо:
„Бѣжмо Петре, ето ни целата!“
Скочи Петаръ о землѣ на ноге,
Обрнусе Петаръ око себе,
Ал’ му ніе вранца дебелога,
Но уграби хата пашинога,
Па ускочи хату на рамена,
А поблѣже полѣмъ широкіемъ,
А ка дође на воду Морачу,
Ту онъ нађе сына Беговскога,
Уфати га за біелу руку,
Преда се га на хата туріо,
Па утече у Бѣлопавлиће;
Отле пише листъ кньиге біеле,
Те є шалѣ паши Мехмед-паши:
„Пошльи мене воеводу Рада!
И пошльи ми дебелога вранца,
И пошльи ми єданъ товаръ вина,
Да ти врнемъ хата и Бегића.“
Каде паши ситна кньига дође,
Све му посла ріечъ неучинѣ,
А онъ нѣму хата и ђетића,
Па да си ми здраво пріятелю!

43.

Опетъ Бошковићъ.

(незнамъ одъ кога ми є.)

Зборъ збориле у Гарчићу виле:
„Фала Богу, фала єдиноме,
Дивно ли є полѣ Бѣлопавлићъ!
Ма є нѣму лѣпота залуду,
На нѣмъ пода често Турска войска,
Ама што є саде пала войска,
И пред’ войскомъ паша Сулеймане,
Све є полѣ Турчинъ притиснуо;
Иде къ паши Спужкій капетане,
Око нѣга тридесть и шесть Агахъ,
Одъ біела Спужа на краину:
„„Ай помагай пашо господаре!
Одъ хаина Петра Бошковића
Мы већ’ живѣт’ више неморемо,
Роби буле а сіече Турке,
Разбія намъ куле и дућане,
Тайсе зулумъ подніет’ неможе.““
Кад’ то зачу паша Сулеймане,
Онъ є силну войску подигнуо,
Съ войскомъ пође на село Слатину,
На біелу Бошковића кулу,
Предъ войскомъ є Бокчићъ барякторе,
Туре вика изъ грла біела:
„Єс’ ли дома Бошковићу кнеже?
Єсили ми ручакъ приправіо?!“
А Петаръ є ріечъ бесѣдіо:
„Я ’самъ тебе ручакъ приправіо!
Исъ пушакахъ вруђіехъ путацахъ.“
Па западе на авлинска врата,
Цевердану огань пушцы дае,

Онъ погоди Бокчићъ барјактара,
Туре паде а барякъ одпаде;
По му клеты навалише Турцы,
И надъ ньиме кулу запалише,
Но є Петаръ грломъ покликнуо:
„А! ђе си ми Никка-и Никола?!
И соколе Никићу Раичу!“
У ріечи што є бесѣдіо,
У то доба вруђа помоћъ дође,
Єдна помоћъ низъ Капштакъ стиену.
Друга помоћъ преко Поповићахъ,
Трећа помоћъ низъ Крстацъ крвавый;
Ударише Туркомъ су тры стране,
А кад' виђе Бошковићу Кнеже,
Одъ куле є отворіо врата,
Те пламенна ножа повадіо,
И у Турке юришъ учиніо,
Сломишесе низъ село Слатину;
Ћераю ихъ низъ крвнично драчѣ,
Іошъ да ти є погледати побро:
Како Брдске сіеваю ћорде,
Како л' Турске главе зиеваю,
Млого яда одъ ньихъ пограднше,
Ћераше ихъ до Ждребаник'. поля,
Нешто пуште да у Спужа... кажу,
Какавъ шићаръ єсу задобили
У брдима Бѣлопавлићскіємъ.
На нек' си ми здраво побратиме!
Негда было сад'се поминяло.

44.

Смртъ Аліе.

(Одъ Брацоке Бѣлопавлића.)

Е пошета єдно момче младо,
Момче младо одъ Яньоша града,
Оно шета узъ Яньоша града,
Узъ Яньоша низъ Яньоша града,
А докъ дође пред' біелу кулу,
Башъ пре дворе одъ Яньоша краля,
Те онъ кралю муштулуке дае:
„Муштулукъ ти одъ Яньоша кралю!
Ево чета одъ Яньоша дође,
И доведе другу чету малу,
И у чету Боичићъ Алія,
Кои ни є млого яда задо',
И Яньоша нама похарао,
Е то сѣде на врата одъ града.“
А кад' чуо одъ Яньоша кралю,
Колико му мило небываше,
Е поминѣ старе яде кралю,
Е му каже Боичић' Алію,
Діете є кралю замлатнуо,
Удари га руком узъ образа,
Колико га ударіо лахко,
На трое му образъ опучіо,
Избіо му три біеле зуба,
А четиры съ мѣста пошенуо;
Оде оно чедо кукаюћи,
Оно пође къ остаралой майцы,
А када га майка угледала,
Она друго чедо оправила,
Оно чедо пошетало лудо,
Узъ Яньоша низъ Яньоша града,
Докъ дошета пред' біелу кулу,
Башъ пре дворе одъ Яньоша краля,
Те онъ кралю муштулуке дае:
Муштулукъ ти одъ Яньоша кралю!
Ево чета одъ Яньоша дође!
И доведе другу чету малу;
Другу чету седамъ Удбинянахъ,
У ту чету Боичићъ Алія,
Кои ни є млого дао яда,
И нама є Яньошъ похарао.“
То кад' чуо кралю одъ Яньоша,
Онъ исшета на врата одъ града,
А на рамо ћурракъ пригрнуо,
Те онъ чету одъ Яньоша нађе,
И шъ ньомъ была друга чета мала,
Е кодъ ньихъ є долазіо кралѣ,
Пакъ є ньима ріечъ бесѣдіо:
„А такко ви седамъ Удбинянахъ!
Тко є ође Боичић' Алія?“
Дружинасе сочит' неоћаху (издати),
Но гледаше єданъ на другога,
На то скочи Боичићъ Алія,
А кралю є ріечъ бесѣдіо:
„А такко ми одъ Яньоша кралю!
Єсте ово Боичићъ Алія,
Ово єсте, већ' другога нейма.“

Па му кралѣ ріечъ бесѣђаше:
„Копиляне, Боичић' Алія!
Камо мене да мой міо бабо,
Камо ли ми остарала майка?
Та камо ми вѣренница люба?
Камо ли ми два пособка сына?“
Ал' му Але право каживаше:
„А такко ми... одъ Яньоша кралю!
Што ме питашъ за старога баба,
Бабасамъ ти кралю изгубіо
На самъ ками више Біограда;
Што ме питашъ за старалу майку,
Майкусамъ ти прода' у Латине,
А одъ нѣ' ме ништа дошло ніе,
До ме дошла єдна чаша съ виномъ;
Што ме питашъ за твою любовцу,
Сва дружина макулъ учинише,
Те є даше мене старѣшинство,
Ено ми є саде за любовцу;
Што л' ме питашъ за твое синове,
Обасамъ ихъ кралю потурчіо,
Ено саде сѣде на доганѣ (дућане).“
Іошъ га кралѣ и питати шћаше,
Ма га яданъ слушат' немогаше,
Па заиска саблю Халіову,
Даде му є чета одъ Яньоша,
Сабіомъ махну посѣче му главу,
Па све седамъ изгубіо редомъ,
Па отиде дома на дворове.

45.

Пандуры.

Подижесе Мехмед' Капетане
Одъ Никшићахъ крваве крайне,
И отиде на Босну везиру,
Собомъ води четрнаесъ другахъ;
Кад' везиру на чаршію дође,
Полюби му руку и колѣно
И нѣгово четрнаесъ другахъ,
Измаклисе стали спрема нѣму,
Роне сузе низъ біела лица,
Па ихъ пита Босанскій везире:
„Што є вама мое вѣрне слуге?
Те роните сузе низъ образе,
Да ніесу Црногорцы вама,
Украбили града Оногошта?“
Сви су Турцы овако зборили:
„Нашъ честитый царевій веђиле!
Іошъ ни града ніесу узели,
Али наше све благо узеше,
Біеле нам' пленише овце,
Разбише ни по друму трговце,
Одагнаше конѣ и волове,
Раскопаше госпоцке дворове,
Развалише одъ града бедеме,
Я ихъ гледамъ гледат' ихъ немогу,
Но пріетимъ да ћу купит' войску;
Аманъ везиръ за царево здравѣ!
Купи войску, ал' ми дай пандуре:
Ал' оставихъ на краину Никша.“
А кад' везиръ нѣга разуміо,
Онъ окупи пестотин' пандурахъ,
Па ихъ даде Мехмед' капетану;
То зачуше млады Црногорцы,
Да є Мехмедъ скупіо пандуре,
Да ихъ води Никшу на краину,
Пак'се скупе пестотинахъ другахъ,
И узеше лахке брашненике,
Те пођоше у рамне Рудине (полѣ)
Западоше у листъ и у траву,
Ту за два дни причекаше Турке,
А кад' трећій быо око подне,
Докъ ал' иду Никшицкіи пандуры,
И предъ ньима Мехмедъ капетане,
Луле пію, у тамбуре бію,
И пѣваю пѣсне свакояке,
Али виче єданъ иза гласа:
„Єл' у гору каква Црногорца?
Излаз', гледай самсвое катиле:
Несміете садаръ страшивице!
А я самъ быхъ десетъ васъ ћерао.“
Оно зачу Милутиновъ Симо,
Силно момче, каконо Чевлянче,
Одъ образа ужди џевердара,
Те Алію добро погодіо,
Ни земля га жива недочека,
Викну Симо іошъ изъ грла свога:
„Чу ли Але што си запѣвао!“

Тад' пукоше пестотин' пушаках,
А убише стотину Туракахъ,
Па дугачке пушке побачише,
А пламенне ноже повадише,
Сви у Турке юришъ учинише,
Поклашесе по горы зеленной,
Одъ по дневи до мрклога мрака;
Ту Туракахъ двѣста погинуло,
А двѣста ихъ ранне допануло,
А одъ Црне горе погинуло,
Седамнаесъ добріехъ юнакахъ,
Каквіехсе свакій данъ нерађа,
И шесъ другахъ ранне допануло,
Ал' утече Мехмед-капетане
Съ мало друштва, а су млого яда;
Црногорцы, ваздашньіи юнацы
Шићаръ добаръ и тад' шићарише,
Наузеше свіетла оружя,
И ліепа Турачког' ођелла,
И добріехъ коняхъ Босанскіехъ,
Вратишесе дома на поштенѣ.
Ал' то чуо мурташин' везире
Па ували Мехмед' капетана
Су нѣгове четрнестъ Грађанахъ
И свиема окинуо главе,
Єра одъ ньихъ кои непогибе,
Неймала га кућа ни кадуна —.

46.

Опетъ Чевляни.

(Одъ Кнеза Гаврила изъ Ћеклића.)

Полећеше двіе тице вране,
Одъ планине са Херцеговине,
Тице доше къ ломной горы црной,
Починуше полю Трешнѣвоме (у Цуце)
На дворове Гавриловић' Бая,
Но изиде Баіова любовца:
„О за Бога двіе тице вране!
Окле 'сте ми ютросъ доранилле?
Єдда ве є срећа доніела,
Одъ планине са Херцеговине?
Єдда 'сте ми стадо видіели,
Али мое чобане овчаре?"
Єданъ граче другій проговара:
„Мы смо твое стадо видіели,
До ютросъ є стадо было здраво,
Ютросъ ти є на ядъ освануло,
Никшићи ти пліенише овце,
Посѣкоше овчаре чобане,
Посѣкоше Муратовић' Сава,
И делію Баіовић' Лазара."
Цичче люто, и неволя іой є,
Ма се добаръ Црногорацъ нађе,
По имену Шуньо Пешикане:
„Муччи шнахо стале ти каменомъ!
Но причекай до Ђурђева дана,
Ял' ћу мою браћу осветити,
Яли мою изгубити главу."
Кад' веселій Ђурђевъ данакъ дође,
Тесе гора изођеде листомъ,
За хайдука дође четованѣ,
Кньигу Шуньо шилѣ Пешикане,
Те є шилѣ на Кчево крваво,
Вет' на име побратиму своме,
А одъ Кчева воеводи Мијћу:
„О тако ти воевода Мијћо!
Доведи ми стотину Чевлянахъ."
Кад' войводи она кньига дође,
Єднакъ витезъ поклисара нађе,
Те га посла у зета своега,
А соколу Петру Іововићу:
„Доведи ми Марковлянахъ двадестъ!"
Мијћо води другахъ седамдесетъ,
Петаръ двадестъ, то су деведесетъ,
Каде долу Кобилѣму доше,
Ал' ту Шуня Пешикана нашше,
Вели соко Вукотићу Мијћо:
„О за Бога Шуньо Пешикане!
Ка' си вазда юнакъ одъ краине,
Єси л' овце Турске уходіо?
Сміемо ли ньима ударити?"
Но му вели Пешикане Шуньо:
„Мы сміемо ньима ударити,
Но велика ево ми є мука:
Я 'самъ вѣру шъ ньима уфатіо!
Да ихъ бранимъ одъ Црногорацахъ."
Е ма Шунья ріечъ непомага,
Отидоше, браћо, низъ Рудине,

А кад' они у Гребице доше (польйице)
У Гребице ђесе гребу майке,
Вели соко Вукотићу Мійћо:
,,Є ли майка родила юнака?
Ко ће пођи у село Баняне,
Да уходи єсу л' дошли Турцы."
Отидоше добры два юнака,
Теке доше, теке уходише,
Ато онде стотина Туракахъ,
На стотину хатахъ великіехъ,
Отле они у дружину доше,
Све имъ право и ліепо кажу,
Вели витезъ воевода Мійћо:
,,О за Бога браћо Црногорцы!
Ходте браћо, да имъ запанемо!"
Онъ довати четридесетъ другахъ,
На западе юнакъ на средъ пута,
А западе яданъ Пешикане
Ево съ трага одкуд' иду Турцы,
А западе Петаръ Іововићу
При крвавой горы Єловицы;
Мало стаде аво иду Турцы,
Аво иду стотина Туракахъ,
На стотину атахъ великіехъ,
Но Кадрія-баша попіева:
,,А тако ви браћо моя Турцы!
А єсте ли Турцы запазили,
Е удрише млады Црногорцы,
При крвавой Требѣшкой главицы,
Одъ Дората и одъ капетана,
До мрамора Зрна баряктара
Седамнаестъ главахъ посѣкосмо."
То слушаю ядны Црногорцы,
Међу собомъ упушташе Турке,
Докъ на Мійћа Вукотића доше,
Соко Мійћо пали цевердана,
Искрай нѣга млоге запуцаше,
Те ту пешестъ у часъ погибоше,
Али Турцы на трагъ побѣгоше,
Дочека ихъ яданъ Пешикане,
Првый Шуньо пали цевердана,
Исъ край нѣга млоге запуцаше,
Већъ и онде пешестъ погибоше;
Оно, браћо, што утекло бѣше,
Оно горы Єловицы пође,
Дочека ихъ Петаръ съ цеверданомъ,
Искрай Петра млоге запуцаше,
Неостави браћо ђаволѣга,
Него пашче єдно утіече,
За ньимъ трчи Кривокапићъ Іоко
Съ ножемъ за ньимъ у біеле руке:
,Стан' Турчине одъ буле копиле!
Мож' ли жнати, ніе было давно,
Кад' си Сава изгубіо мога,
И делію Баіовић' Лазара?"
Ножемъ махну посѣче му главу,
Седамдесетъ іоште посѣкоше,
На диеле конѣ и оруже,
Здраво доше ломной горы црной,
Ха нека ихъ Турцымъ на срамоту! —.

47.

Загарчаны.

Сврхъ облакахъ изъ сунчанихъ зракахъ
Лахко-крилка излећела вила,
И на Гарачъ починула была,
На покличе Лазаревић' Рама,
,,Чуй ме добро Лазаровић' Рамо!
Ха чекайсе ето на те войска
Одъ све равне землѣ Арбаніе,
Бегођъ болйій юнакъ настануо,
Тры хиляде пѣшца и коньика,
И хоће ти село изгорѣти!"
А кад' Рамо оно разуміо,
Онъ є быо вили бесѣдіо:
,,О за Бога посестримо вило!
Кад' ће на насъ Турцы ударити?"
А вила є нѣму бесѣдила:
,,Шъ ютра хоће на васъ ударити."
А кад' Рамо и то разуміо,
Онъ окупи браћу Загарчане,
Брже ньима гласе кажевао;
Теке чуше оно Загарчани,
Сви у гору стоку изагнаше,
На шестъ мѣстахъ они западоше,
На шестъ мѣстахъ по тридесетъ другахъ,
А у полѣ шанче копа Рамо,

У нь унесе што є за потребу,
Онъ ту запа' су шеснаестъ другахъ:
А кад' свану и огріја сунце,
Ато иду Арбанашкіи Турцы,
Тры хиляде манѣ ни єднога,
Право иду на шанче и Рама,
Сміехъ чинећ' полѣмъ широкіемъ,
Угледа ихъ Лазаревићъ Рамо,
Ужди свога сяйна цевердара,
И погоди Хотског' баряктара,
Ни жива га земля недочека,
На пукоше шеснаесъ пушакахъ,
И убише шеснаесъ Туракахъ;
Виску чине млады Арбанаси,
И у шанацъ затворише Рама,
А хиляда на село удари,
Побишесе огнѣмъ исъ пушакахъ,
Алъ ни селу ништа немогоше,
Но тридесетъ изгубише главахъ,
На Рамасе гнѣвомъ повратише,
У шанцу га опет' налећеше,
На шанацъ му конѣ нагонише,
Али Рамо витезъ одъ краине
Кога згледа томе стати неда,
Рамо біе, Турску крвцу ліе,
Іошъ кликуѣ браћу Загарчане:
„Ай на ноге сваколика дружбо!
Да ме ође неуфате Турцы,
Нестало ми праха и олова.“
Ка' то чуше млады Загарчани,
Они велѣ пушке побачише,
А пламенне ноже повадише,
Сви у Турке уришъ учинѣше,
Те нагнаше на Морачу Турке,
У Морачу живы Турцы скачу,
Не много ихъ пође Подгорицы,
Међу ньима и раннѣнихъ има,
А погибе седамъ Загарчанахъ,
И четиры ранне допадоше,
Ту узеше свіетла оружя,
И силніехъ коняхъ Скадарскіехъ,
Вратишесе дома на поштенѣ,
Вратишесе шићаръ діелише,
Ка' и вазда, тако ев' и овда.

48.

Бой
Црногорацахъ съ французима.
У Бокки.
(Одъ Крстића Бѣлоша.)

Кньигу пише Петровић' Владыка,
А шилѣ є на Нѣгуше равне,
А на руке Гувернадуръ Вуку:
„Ой ме чуѣшъ Гувернадуръ Вуко!
Ходи купи све Нѣгуше редомъ,
Све Нѣгуше и Ћеклиће мале,
Шъ ньима хайде ка Котору граду,
И затишни біела котора,
Затишни му скале и путове,
Да при нѣму нитко неприлази.“
Када Вуку танка кньига дође,
И кад' виђе што владыка пише,
Онъ окупи силновиту войску,
Съ ньомъ отиде путъ Котора града,
Докъ на воду, на Горажду, дође,
На воду є шаторъ поперіо.
А Петарсе подиже Владыка,
Собомъ води младе Црногорце,
Шъ ньима сиде подъ Маине равне,
Ту састави двіе Бановине,
Црнугору и Приморѣ равно;
Ту є нойцу єдну коначіо,
А у ютро ранно уранніо,
И овако войсцы бесѣдіо:
„Црногорцы браћо и Приморцы!
Може ли се кои домыслити,
Како 'ћемо Будву освоити?“
Ного Петаръ Ђурашковићъ бѣше,
Те владицы поклонисе дивно,
И стидно му руку полюбіо,
Па є тихо предъ ньимъ бесѣдіо:
„О владыко міо господару!
Ясе добро могу домыслити,
Како 'ћемо Будву освоити:
Мы пишимо листъ кньиге біеле,
Шильимо є Будви на краину,
А на руке Крстићевић' Вуку,
Да онъ скупи одъ Будве пандуре

Да предаде Будву на краину,
А погуби господу францешку,
А силно имъ обећаймо мито,
Одъ Мошкова лафу и господство.“
Кад' владыка Петра разуміо,
Онъ є танку кньигу направіо,
А шилѣ є Крстићевићъ Вуку,
А кад' Вука кньига допанула,
Онъ дружину свою окупіо,
Єсъ сокола Прибиловић' Станка,
Іоште Зеца Іова изъ Поборахъ,
Све имъ каже што владыка пише,
И овако ньима бесѣдіо:
,,Оћете ли вѣру да ватамо?
Да издамо пребіелу Будву!“
Али нѣму они бесѣдише:
,,Чуй не добро Вуче побратиме!
Да предамо Будву на краину,
Погубимо господу францешку.“
Кадекъ Вуко бѣше разуміо,
Онъ овако дружби бесѣдіо:
,,Я ћу шъ утра рано уранити,
И удрићу Франу капетану.“
Тако вѣли Прибиловићъ Станко,
Да ће удрит' на Кршћановића,
Вели Зече Іово изъ Побора,
Да ће удрит' Попу Матковићу,
Па владыцы кньигу одпишую:
,,О владыко міо господаре!
Шъ утра 'ћемо рано уранити,
Погубити господу францешку,
Теби дати пребіелу Будву;
Но кад' бысмо кавгу учинѣли,
Ты долети предъ біеломъ Будвомъ,
Єръ ћемо ти ключе поклонити.“
Кад' владыцы танка кньига дође,
Добросе є кньиги ограшіо,
Црногорце браћу слободіо,
А кад' шъ утра ютро освануло,
Пріђе нег' є сунце огріяло,
Рано ране одъ Будве пандуры,
Да обиду страже на краину,
Те сретоше господу францешку;
Пушку пали Крстићевић' Вуко,
И погоди Франа капетана,
Съ црномъ га є земльомъ саставіо,
Како мусе бѣше зафаліо;
Пушку пали Прибиловићъ Станко,
Опали є на Кршћановића,
И онъ га є земльи положіо,
Па Зецъ Іово пали цевердара,
И погоди Попа Матковића,
Добромъ га є ранномъ оранніо,
Дешну му є руку саломіо;
Ал' га срећа бѣше наніела,
На сокола Попа Браицкога,
Те га носи на плећи юначке,
А побѣже Роза низъ улице.
То владыка бѣше разуміо,
Па дебела хата окрочіо,
Па полеће ка'но соко сивій,
И долеће предъ біеломъ Будвомъ,
Ту 'су нѣму поклонили ключе,
Тере узе Будву у Приморю.
Кад' владыка Будву освоио,
Онъ є танку кньигу направіо,
И шилѣ є Вуку на Горажди:
,,Ой ме чуѣшъ мой сивій соколе!
Ясе шъ ютра хоћу подигнути,
И равній ћу Грбаль прегазити,
На солило полѣ починути,
На ліепой царевой ливади,
Ту да Вуко сміешамо войске;
Ма штоће ти войска кажевати,
Кадекъ стане кажевати моя,
Што є было на біелу Будву?
Свакій носи бѣлегъ одъ француза,
Свакій юнакъ води по солдата!“
Кадекъ Вуку танка кньига дође,
И кад' виђе што владыка пише,
Онъ дружини своіой бесѣдіо:
,,Одъ срамоте живѣт' неможемо!
Него шъ утра рано уранимо,
На Троицу кулу ударимо,
На палангу одъ Котора града.“
Кадекъ ютро бѣше освануло,
Но є Вуко рано ураніо,
И дружину свою покликнуо,
На Троицу кавгу учиніо;
Но некасе момчадъ одабраше,
Фортицысе близу примакоше,
У лубарде бацаю каменѣ;

Оно гледа силанъ Ђенерале,
Съ верхъ бедема біела Котора,
Шетаюћи бѣше бесѣдіо:
,,Фала да є Богу єдиному!
Да ну гледай козе Црногорце,
Како ломе цареве фортеце;
Како нейма голема юнака,
Ко ће горѣ до Троице поћи,
Да раждене плахе Црногорце?"
Ма бесѣди силанъ капетане,
По имену витезъ Кампаньоле:
,,Ой ме чуешъ міо ђенерале!
Отвори ми одъ Шураня врата,
Одвой мени войске неколико,
Я ћу горе до Троице поћи,
Да раждене мъ мыше Црногорце,
Двадестъ ћу ти я довести живе,
Да ихъ турашъ Бане прозъ тавнице."
Отвори му одъ Шураня врата,
Изброи му войске пестотинахъ,
Предъ ньомъ иде силанъ Кампаньоле,
А кад' горе у Шкаляре дође,
Собомъ узе Шкалярскога кнеза;
Кад'се ближе примаче Троицы,
Угледа га Црногорска стража,
Тере она Вуку кажеваше:
,,Ево иде одъ Котора войска!"
Ал'се нека момчадъ покликоше,
Тере съ пріедъ орла дочекаше,
Недаду му ходит' путъ Троица,
Іошъ озад' га некіи заминуше,
Недаду му бѣжат' путъ Котора;
Узмучисе силанъ Канпаньоле,
Па побѣже Врнцемъ широкіемъ,
Врнцемъ бѣжи а огнѣмсе брани,
А кад' Врнцу на ширину дође,
Ту є шуплѣ коло направіо;
Пуче єдна пушка Црногорска,
Те погоди силна Канпаньола,
Паде орле на зеленной трави,
Али друга пуца у дружини,
И погоди Шкалярскога кнеза,
Ни жива га земля недочека;
Али трећа пуца одъ француза,
И єдно є обалила момче,
Одъ баряка было Ћеклићскога,
Побѣгоше ядовны французи,
Ка' и пуста стока безъ чобана,
А за ньима млады Црногорцы,
Ћераше ихъ до врата Шураня,
Ни єднога жива непушташе,
Но двадесетъ живе уватише;
Па ихъ живе воде на Троицу,
То виђеше съ Троице францези,
Преврнуше пушке наопако,
Предадоше Троицу фортицу,
Црногорцы кулу похараше,
Похараше пакъ є изгорѣше;
Ал'се Петаръ подиже владыка,
И равный є Грбаль прегазіо,
Аво къ Вуку на Троицу дође,
Ту му Вуко шенлукъ учиніо,
Нечини му шенлукъ исъ пушакахъ,
Него пали францешко оружѣ,
И жеже му зеленне топове,
Коено 'су момчадъ уграбила,
Изъ фортице францешке Троице —!
Богу фала и Богородицы
А правіехъ свуда помоћницы —.

49.

Кучч и.

(Одъ Зая Гойкова са Сретнѣ у Бѣлоп.)

Біела є кликовала вила,
Од Врмоша зеленне планине
Па дозива у Кучча каменна,
На имену Радоньића Іова:
,,Море Іово Кучка Воеводо!
Ако піешъ у механу вино,
На люте ти ранне излазило,
Ако л' любишъ у постелю люби,
Остала ти удовица брзо;
'Да л' невидишъ? яды те виђели!
Ето на те су тры стране войска!
Ето єдна войска на Сѣнице,
А друга є на Біоче войска;
Ема што є силе у Туракахъ
Све є ето на Доляне равне

На Доляне выше Подгорице;
Ако л' мени болѣ невѣруешъ,
А ты узми пушку џевердана,
Хайде Іово на Стієну шъ ньоме,
Те поглени силу у Доляне,
Колико є силе у Туракахъ,
У млого є сила притиснула,
Одъ Горице те до Подгорице,
Одъ Мораче до воде Рибнице,
Башъ да роса пађе одъ облака,
Неб' имала роса ђе панути,
До на коня оли на юнака,
Ал' на біо шаторъ до шатора,
Ал' на зеленнъ барякъ до баряка."
Кад' то чуо Кучкій воевода,
Онъ є збиля пушку доватіо,
Те изиде Іово на стієну,
Тек' видіо силу о Туракахъ,
По ту му є лоша срећа была,
Єсъ га стража Турска опазила,
На Божю га вѣру уфатила,
Поведе га паши Бушатліи,
Доведе га паши подъ шатора,
Нѣму тако паша говоріо:
,,А тако ти Кучка воеводо!
Подай мени одъ Кучахъ араче,
Е ми подай тридестъ ђевоякахъ,
Да поженимъ пашо тевабію,
Іоште ужъ ньихъ тридесъ ћесахъ блага,
Све гологa цекина жутога,
И дванаесъ Кучахъ витезовахъ,
Да ихъ пашо држимъ у таоство,
А предъ ньима войводу Илію:
Ако л' ми ихъ Іово дати нећешъ,
Съ ютра ћу ти съ войскомъ ударити,
И похарат' Кучче силовите."
Іово мучи ништа неговори,
Нехоћаше, ама несміяше,
И таде му вѣру дае паша:
,,Збори Іово што ти налиега!
На ліепу божу вѣру тврду,
Здраво ће те паша одправити."
Таде му є Іово говоріо:
,,А такко ми драгій господаре!
Да я продамъ мало и големо,
Ето робѣ пашо у Чифутахъ,
И толико нећу скупит' благо;
Башъ ако ћешъ съ ютра ми удрити
Нећешъ тридестъ робахъ заробити,
Ни ћешъ посѣћ' до дванаесъ Кучахъ,
И твоя ће войска погинути."
Па већ' зборит' Іово несміяше,
Џевердана пушку прифатіо,
И скочіо на ноге лагахне,
За ньимъ паша те є поскочіо,
Пригрну му лахкога биньиша,
И даде му вѣрне пратіоце,
Іошъ овако нѣму говоріо:
,,Чекай мисе съ ютра воевода!"
Кад' отиде Кучка воевода,
И допріе у Кучче каменне,
На саборъ є Кучче находіо,
Куччи су га єдва дочекали,
А ближе га мало сусретали:
,,О за Бога наша воевода!
Како ти є паша говоріо?
Оће ли не съ ютра попалити?"
Све имъ што є и како є каже,
Како имсе паша зафаліо:
,,Но такко ни Куччи браћо драга!
Од'те ситну кньигу накитимо,
Пошльимо є тамо у Клименте,
Да ни дође триста Клименатахъ,
Да имъ браћо по Врмоша дамо,
По Врмоша зеленне планине,
По В'рмоша до врхъ Вѣтерника."
И таку су кньигу одправили,
А кад' съ ютра бѣло ютро дође,
Єсъ имъ зоромъ паша ударіо,
На пространне Кучче ядовите,
И Кучче су равне попалили,
Докле было дневи око подне,
Шъ ньима није боя небіяше,
А тадесе снукнуше овчары,
Башъ одъ Кучке зеленне планине,
Нешто мало стотина овчарахъ;
У то доба дошле и Клименте,
Ето дође триста Клименатахъ,
И осталіи кучќи витезови,
Су два края паши ударили,
И турску су силу саломили,
Сложно бише, па є саломише;

А да ти є стат' па гледат' друже!
Како паша низъ Орлѣво струже,
Како гине силна Турска войска,
По є войске погинуло Турске,
А одъ Кучахъ нико непогибе,
До погибе Радоньића Іово:
И Куччисе на трагъ повратише,
Погленуше тамо на Сѣннице,
Друга сила Турска ударила,
Кад' виђоше Куччи и Клименте,
И съ томъ войскомъ боя зађедоше,
И ту силу Турску саломише,
Одвоисе седамдесетъ Агахъ,
У біелу Рашовића кулу
Око млада Аферійћ' кадіе;
Усѣдоше Куччи и Клименте,
А наносе сламу и сіено,
Да изгоре пребіелу кулу,
То кад' виђе Аферійћъ кадія,
Ев' онъ зове Гогу Рашовића:
,,Єсъ л' у войску Гога Рашовића?!
Примакнисе подъ пенџеръ одъ куле
На ліепу божу вѣру тврду,
Да ти додамъ Сулеймана сына!"
И ту Гога гледаше на Бога,
Примачесе на пенџеръ одъ куле,
По Богъ уби друго Туре младо,
На пенџеръ є пушку опалило,
И погоди Гогу Рашовића,
Подъ капицу у чело біело,
Мртва га є земля дочекала.
Кад' виђоше Куччи и Клименте,
Упалише пребіелу кулу,
Ту изгорѣ седамдесетъ Агахъ,
Око млада Аферійћ' кадіе,
А Куччисе здраво повратише,
Пѣваюћи и попѣваюћи.

50.

Пиперы.

(Одъ Стева Іованова Павићевића у Бѣлоп.)

Есе силанъ Хасан-хоте фали,
На дифану сына везирова,
Предъ пашама и предъ Беговима,
Предъ Агама и предъ ћехаяма,
Предъ хоџама и предъ кадіяма;
Кад'се Туре на трагове врати,
Е ће скупит' силовиту войску,
Оће звати Скадране юнаке,
И купиће Хоте и Клименте,
Іошъ ће скупит' люте Малисоре,
И дигнуће гредомъ Подгорицу,
Удариће на краднѣ Пипере,
Заробиће мало и велико,
И достасе накидати главахъ,
Ма невели Туре акобогда.
Штосе Туре пре Турцима фали,
Онъ на силу войску покупіо,
Доведе є Подгорицы варош',
Ту на трое разредіо войску,
Єдна оде къ врху Везешньику,
На студенну воду Грабовицу,
Предъ ньомъ бѣше Стано одъ Пиперахъ,
Да онъ чека ђецу Ђурковића;
Друга оде на врхъ Стрганицахъ,
Предъ ньомъ бѣше Дековић' Мурате
Одъ ліепе Подгорице варош'.
Трећа войска на Рогаме пође,
Предъ ньомъ бѣше силанъ Хасанаго,
Око нѣга сва сила остала;
Но малосе Турцы преварише,
Е су ноћи тры сахата была,
Кад' удрише на село Рогаме,
Затворисе тридесетъ юнакахъ,
У біелу Ненадића кулу,
Бію боя изъ біеле куле,
Доксе добро обютрило было;
По ихъ клеты опасаше Турцы,
Набачише жито и сіено,
Те біелу запалише кулу,
Цмиле люто изъ огня живога,
Но говори Ненадићу Ђуро:
,,Ахъ фалимо Бога єдинога!
Да камо ни Пиперске деліе?
Али имъ є войска ударила,
Али ихъ є муня опалила?"
Ма у ріечъ кою бесиђаше,
Подижесе єдна поточъ мала,

Одъ Завалê и одъ Петровићахъ,
Има пуна стотина юнакахъ,
Докъ дођоше на брегъ одъ Рргамахъ,
Предъ ньима є Лека Малятовићъ,
Па изъ грла танко кликоваше:
,,Єсъ л' у животъ Ђуро побратиме?!"
У то доба удри съ Пиперима,
И одъ куле одагнаше Турке,
А біелу отворише кулу,
Но у животъ тридесть Рогамянахъ,
Побишесе огнѣмъ исъ пушакахъ;
Докъ и друга поточъ припанула,
Одъ Црнацахъ и села Стієне,
Предъ ньима є Пеіовъ Радоване,
Пиперима тако говораше:
,,Да су ово веќ' првыи Пиперы,
Данасъ бысе накидали главахъ,
Наузели Турскіехъ пушакахъ!"
Тек' слећеше полю Стрганицы,
Сломише ихъ до воде Мораче,
Млого яда одъ Туракахъ было,
Паксе тада боя раздвоило,
Но изъ войске Туре дозиваше:
Єс' л' у войску Пилетић' Илія?!
Кажи право, та непогинуо!
Колико ти погибе юнакахъ?"
Н' одзивасе Пилетићъ Илія:
,,Хоћу право та непогибао!
Погинуше два добры юнака,
Одъ Рогамахъ Ненадићу Ђуро,
Одъ Завале Малятовићъ Лека,
Обоицы кућес' ископаше,
Іошъ изгорѣ двое ђеце лудо;
Но тако ти Дековићъ Мурате,
Колик' теби погибе юнакахъ?
Кажи право, та непогинуо!"
Но му Туре тако бесиђаше:
,,Єсъ на мртво шесетъ и два друга!
Раннѣніехъ ни броясе незна,
Ето право, такко быо здраво!"

51.

Калуђеръ и Харапъ.

(Одъ Попа Іована Кнежевића Войв: у Бѣлоп)

Славу слави войвода Іоване
Одъ године славну свету Петку,
Выше Спужа у Бѣлопавлиће,
У гиздаво село Мартиниће;
На славу му млогіи гости дошли
Одъ Пиперахъ и одъ Горе-црне,
Одъ Ровацахъ и одъ Пѣшивацахъ,
Доцканъ дође калуђеръ Ђорђіе
Изъ Мораче царског' намастыра,
Іошъ намѣра бѣше намѣрила
Одь Мисира црна Харапина.
Войвода ихъ дивно дочекао,
Наваліо пиво и єстиво,
И осталу сваку ђаконію,
Служи вино Беговићъ Якове,
Дође чаша калуђер' Ђорђію,
И овако ріечъ говоріо:
,,Здравы 'сте ми Србльи витезови!
А у славу Бога великога,
И у славу свете Петке Сербске,
А за здравѣ владыке светога,
Што є нама на средъ Горе-црне,
И у здравѣ войводê Іована!"
Оде пеяръ о друга до друга,
Докле дође црном' Арапину,
И Арапъ є ріечъ бесѣдіо:
,,Здраво да 'сте Брђани юнацы!
Не у здравѣ Петра калуђера,
Штоно вам' є на средъ горе црне,
Ни у здравѣ войводê Іована,
Ни у славу влашке свете Петке,
Но у славу свеца Мухамеда,
И у здравѣ цара честитога,
У Стамболу што є біеломе;
Іошъ у здравѣ паше Скадарскога,
И за здравѣ свѣмъ Агама Спужким'."
То кад' зачу калуђеръ Ђорђіе,
Пакъ изт'рже пушку иза паса,
Одиста га изгубити ћаше,
Но недаде войвода Іоване:
Тако су ти ноћцу боравили,

Докъ питоме тице запѣваше,
Ранно рани войвода Іоване
На средъ села у біелу цркву,
Дасе моли Богу по закону,
Да отстои часну летурђію,
А гостима дае аманете,
Да му кавге у дворъ незамећу,
Но да съ миромъ руйно винце пію,
Докъ онъ дође изъ біеле ц'ркве.
Оде Іованъ у біелу ц'ркву,
А да видишъ Беговић' Якова,
Господску є совру поставіо,
А гостима вина примакнуо,
Чашу даде калуђеръ Ђорђію,
Напія є свой браћи Србима:
,,Здраво были Србы браћо моя!
А за здравѣ Бана домаћина,
И у здравлѣ владыке светога!"
Оде чаша одъ руке до руке,
Докле дође ц'рну Харапину,
Стаде Харапъ опетъ говорити:
,,Здравы 'сте ми Брђани юнацы!
Не у здравѣ Бана домаћина,
Ни у здравѣ црна калуђера,
Кои вам' є на Цетинѣ само,
Но у здравѣ честитога цара,
Коино є у Стамболу граду,
И у здравѣ Селман'-капетана
И у здравлѣ мое кубурліе,
Коя може срце разніети!"
То кад' зачу калуђеръ Ђорђіе,
Трже малу иза паса пушку,
Малой пушцы даде ватру живу,
Савъ Харапу мозакъ разнесао,
Паде Харапъ главомъ у трпезу,
Ахъ то виђе црный калуђере,
Плећи даде а бѣжати оде,
Но бѣшесе момче намѣрило,
По имену Ђелошевићъ Марко,
Онъ пристиже калуђеръ Ђорђія,
Виенцу му ніе опростіо...
Устави га недаде му далѣ,
Пакъ є свога брата дозивао:
,,Милутине мой рођенный брате!
Донеси ми ножа пламенногa,
Калуђеру да одвалимъ главу."
Одиста га и посѣћи шћаше,
Но недаде соко и перянка
По имену Радовићъ Вуксане,
Но сыновцу Марку бесѣдіо:
,,Мой сыновче Ђелошевићъ Марко!
Поклони ми калуђер' Ђорђія,
Докле дође войвода Іоване,
Тада нѣму нек' Іоване суди
Коіомъ ће га смрћомъ уморити."
Марко га є стрицу поклоніо,
Па га води кнезъ Вуксане кули,
Отоленъ га пушта у планину,
Жуппинесе горе доватіо,
Докле дође билу Манастыру
До ћеліе Светога Стефана,
Србског' сына Србска чудотворца;
Сретташе га Пиперы юнацы,
И дивно су нѣга прифатили,
А кад' видли тко є и како є,
Те Пиперы нѣга разумѣли,
Великій су шенлукъ учинѣли,
А іомъ лѣпше Срба испратили,
Отле здраво у Морачу дође,
Завѣтъ чини оружѣ оставля,
Предъ образомъ самог' Спасителя,
И Богъ ће му простит' акобогда.

52.

Турцы за козе.
(Одъ Мирчете Алексина Бѣлоп)

До два Срмскіи пію вино Бана,
У Острогу стару грађевину,
Єдно ми є Іосифъ Архімандритъ,
А друго є войвода Іоване,
Па кад' были у найвише пиће,
Али младо момче допануло,
По имену Марковићу Веко,
Око нѣга тры-четиры друга,
Ев' онъ ньима божю помоћъ зваше,
А они му помоћъ прифатили:
,,Добре си ни Веко долазіо!
Єс' ли чуо, єл' ти ко кажева,
Ка' съ Никшић'ма вѣру уфатисмо,
Па ни козе плѣнише Турцы,

На божю не вѣру преварише,
И Петра ни слугу обраннише,
Остаде ни заз҃оръ у Никшиѣахъ,
А одъ насъ се чете̑ непокрену,
Небы л' Турске доніели главе,
Ал' догнали голема шиѣара,
И вратили жао за срамоту?!
Но чулисмо кажевали су ни,
Иду Турцы узъ питому Жупу,
Е да купе гроше и хараче,
Но ако си юнакъ одъ юнаштва,
Хайд' отиди низъ Бѣлопавлиѣе,
Те покупи єдну чету малу,
А води є̑ у Сутѣску кршну,
Ту ѣешъ градске дочекати Турке;
Ма све бирай големе юнаке,
Кои могу̑ посѣѣ' и утеѣи,
И униет' раннѣнога дру̑га,
Но некупи калабалакъ другахъ,
Да небуде хаберъ у Никшиѣе."
Усъ тай наукъ благословъ му даю,
Пакс' одонле момче подигнуло,
А отиде низъ Брда каменна,
И све купи доброга юнака,
Поведе ихъ усъ планине горнѣ,
На Меѣеѣе равно излазили,
Па є чета онѣе починула,
Воде пила, лѣба заложила,
Отолесе чета подигнула,
Уминула влашке Бухавице,
Докъ є дошла у кршну Сутѣску;
Око друма западошѐ путемъ,
Те чекаю Турке у Сутѣску,
Чекаше ихъ за четиры дана,
Докле имсе было доядило,
И нестало лахка брашненика,
Неко вели: „Дома да идемо!"
Неко вели: „Турке да чекамо!"
Ема Веко ріечъ бесѣдіо:
„Пійте воду, а пасите траву!
Но чекайте у Сутѣску Турке!"
Па дозива Бая сестричиѣа:
„Нусе єлли у врхове прійми!
Те погледни Никшу біеломе,
Дако видишъ одъ Никшиѣа Турке."
Итро га є момче послушало,
А єллисе у врхове прійми,
Одъ Никшиѣа уочіо Турке,
Па дружини брже кажевао,
Ал' побрже низъ єллу слетіо,
Запануше око друма пута,
Меѣусе су напуштили Турке,
На ньихъ сложный огань оборише,
Неколике посѣкоше главе,
Узеше имъ конѣ и оруже,
Іошъ сѣкоше да Туракахъ бѣше;
Но макошес' отле усъ планине,
И поточсе бѣше подигнула,
Одъ Никшиѣа и питоме Жупе,
Сустиглесе чете у планине,
Масе брани она чета мала,
Бранила се ка стотина другахъ,
Докъ изиде на Силѣвацъ гору,
Ту є боя шъ ньима раздвоила.
Уніела главе и оружя,
И довела Турске седленнике,
Тако дошли на Острогъ планину
У Іосифа у Острожка Бана,
Казали му што су починѣли,
Преда нь меѣу главе и оруже,
И биранне Турске седленнике,
А онъ ньима вина и ракію,
Па пребіо прво за потонѣ,
Главе Турске за козице брдске.

53.

Цеклинянинъ.

(Одъ Иліе̑ Средановиѣа Добрлянина)

Маласе є чета подизала,
Одкуд'се є и преѣе дизала,
Одъ крвава на краину Спужа,
Предъ четомъ є Зотовиѣу Бего,
А за Бегомъ Суя Ђаковиѣу,
И за ньима тридесетъ Туракахъ,
Мину чета нисъ полѣ Ђемовско,
И улѣзе у село Поноре,
На дворове Шикмановиѣ' Вука;
Ма ихъ Вуко дочекива дивно,
Ту имъ дае пійѣа и єстива,
Но кад' пише и кад' вечераше,

Сташе Турцы зборит' за юнаштво,
Башъ куђе те шъ четомъ обрнути.
Ма завика Зотовићу Бего;
,,Побратиме Шикмановићъ Вуче!
Ка' си базда побре на краину
Међу ове двіе зміе люте,
Турскомъ земльомъ и веђ' Гором-
црномъ,
Коіомъ ћемо обрнути бандомъ?
Али ћемо выру Црмничкоме,
Али ћемо лугу Наратскоме
На біеле овце Перишића?
Єдда бысмо овце плієнили,
Али какву главу уграбили!
Али ћемо на Крсти крваве
Да чекамо Цеклинске трговце?"
Но ми Вуче Бегу проговара:
,,Побратиме Зотовићу Бего!
Неидимо выру дубокоме,
Е є шъ ютра свієтла неђеля,
На Вырусе купе Црмничани,
Страхъ є мене и боимсе люто,
Да не съ ютра побре неопазе;
Нит' идимо лугу Наратскоме,
На біеле овце Перишића,
Е су кодъ ньихъ тры добры юнака,
Они безъ жла овце непуштаю;
Но хайдемо на Крсти крваве,
Да чекамо младе Црногорце."
То су нѣга послушали Турцы,
Па су црну прифатили лађу,
У лађусе увожаху Турцы,
Отидоше возомъ Кара-Туномъ,
Докъ дођоше на крсти крваве,
Ту є Турска чета запанула,
Међу Пеакъ и горомъ Одрійнскомъ,
Ту стояли до зоре біеле;
А кад' свану и огрія сунце,
Но излази Шикмановић' Вуче,
Онъ на єдну врбу излазіо,
Пакъ погледа узъ ту воду хладну.
Ал'се вози низъ воду дріево,
Иде момче у дріево само
Одъ Каруча бродав ладычин
Иде юнакъ низъ той воды хладной,
А кад' бьо на грлу Пеака,
Међу Турскомъ четомъ угазіо;
Кад' улѣзе юнакъ међу ньима,
Узела га одъ Туракахъ суйма,
Онъ погледа су двіе-тры банде,
Ал' є чету Турску сагледао,
Спрешно руке ставя на оружѣ,
Око нѣга пріонуше Турцы,
Бежъ чуда га уфатит' неђаху,
Но изиде Шикмановић Вуче,
Па му Вуче божу вѣру дае:
,,А небойсе младый Црногорче!
Докъ є моя на рамену глава,
Да твоіойзи ништа быти неће."
Вѣранъ бѣше Бога вѣроваше,
Међу Турскомъ четомъ улазіо
Масе юнакъ іоште яду нада,
Сакрій свога ножа ятагана,
Сакріо є ножа у потаю,
Па улѣзе у Турскойзи лађи,
Тек' у Турской лађи улазіо,
Нѣму Турцы узеше оруже,
Пак'су нѣму Турцы бешѣдили:
"А за Бога младій Црногорче!
Коега си рода и племена,
Како лисе зовешъ по имену?"
Момче ньима ріечъ бешѣдило:
,,Што питате витезови Турцы?
Я веђ' виђу е самъ погинуо,
Ма я име мое крити нећу,
Я самъ юнакъ родомъ одъ Цеклійна,
Одъ Стругарахъ Николићъ Иване;
Но такко ви Турцы витезови!
Кажте мени за вѣры Турскойзи,
Є ли Бега Зотовића овденъ?
Старыи су ни были пріятельи,
У нѣгасе я быхъ поуздао,
Да ме небы изгубіо Бего."
До нѣгасе Туре догонило,
Е Ивана шакомъ ударило,
Колико га лахко ударіо,
Біелій му образъ опучіо,
А овако Турчинъ бесѣдіо:
,,Копиляне Николійнъ Иване!
Ко ти рече поменьиват' Бега?
Овденъ Бега Зотовића нейма,
Но делія Суя Џаковићу,

Ни Грђевићъ ни грђій одъ Бега!"
Ал' завика Николинъ Иване:
„Копиляне Суя Џаковићу!
Што ме біешъ ударцемъ женскіемъ?
Іошъ ме ніе майка ударила,
Коя ме є пасомъ опасала."
Врже рукомъ за плећи юначке,
Извадіо ятагана ножа,
Ятагана исподъ талагана;
И Турчина быо ударіо,
Удари га подъ г'рло біело,
До корахъ му ножа загоніо,
Колико га зорно ударіо;
Мачче собомъ и два и тры пута,
Немогао ножа извадити,
А да можа' извадити ножа,
Іошъ коега изгубити ћаше.
А кад' ножа извадит' немога',
Тадеръ скочи у води студенной,
Богъ да жнаде и утећи ћаше,
Но несрећа нѣму прискочила,
Тесе опет' на трагъ поврнуо,
И за ребро лађу уграбіо,
Онъ хоћаше потопити Турке;
Масе нагна Шикмановићъ Вуче,
Е извади ножа пламенннога,
Одъ рукахъ му прсте окинуо;
Таденъ опет' на трагъ уловіо,
Ма га црна крвца освоила,
Пакъ изъ воде главу измоліо,
Онъ да види є ли удальіо,
Али пуче танка пушка Турска,
Те Ивана была погодила,
Мртавъ паде у воды студенной,
Ондадесе подигоше Турцы,
Те одоше у граду Жабяку,
Пак'се купи мало и велико
На' делію Сую Џаковића,
Те му ваде исподъ грла ножа,
Теке су му ножа извадили,
Турчинъ пашю испуштіо душу,
Богъ да прости Николин' Ивана!!

54.

Алайбеговићъ.

Ха жалости ядна ли ты еси!
Што задеси Сую Харамбашу,
На крваву кавурску краину:
Есе диже Суя харамбаша
Одъ крваве Круѣ на краину,
Да ловъ лови Кавурской краини,
Да ловъ лови младе Црногорце,
И ньихове да плѣни овце,
Да ихъ ћера Круи у Єпиру;
А незнаде жалосна му майка,
Да ће ками лова уловити
Изъ краине мале горе црне;
Іоште нѣму Боже непомози,
Е га добаръ юнакъ опазіо
Одъ краине, брате, Црногорске,
По имену войвода Стеване!
Юнакъ скупи неколико другахъ,
Ништа више одъ стотине другахъ,
Па поћера Сую Арамбашу,
Поћера га по горы зеленной,
Изгуби му другахъ седамдесетъ,
Ал' и Сую мало Богъ помога',
Юначке га ноге уграбише,
Те утече Скадру біелому,
Пакъ изъ Скадра ситну кньигу пише,
А шилѣ є Круи крвавойзи
На дворове брата Имраима,
Овако му Суя говораше:
„Брате міо лудій Имбрахиме!
У зо часъ 'самъ чету покупіо,
Да ловъ ловимъ у влашку краину,
Ни уловихъ лова ни шикћара,
Зло нанесе войводу Стевана,
Погуби ми другахъ седамдесетъ,
Да на ноге пѣшки неутекохъ,
Ћаше мене жива уфатити;
Него брате, ако Бога знадешъ,
И нашега свеца Мухамеда!
Та на свиньску кожу некланяо,
Ни на Турску вѣру похуліо!
Ты опреми хата два найболѣ,
Хайде брже Скадру біеломе,
Донеси ми штогођъ одъ оружя,

Те у злато сухо̂ оковато,
Е ћу звати войводу Стевана
Одъ крваве Кавурске краине,
Да ми иде на мейданъ юначкій,
На средъ равна поля Ћемовскога.“
Кадъ Имбраимъ танку кньигу прійми,
И кадъ виђе што му Суя пише,
Онъ опреми хата два найболѢ,
Ево брату у сусрету пођe,
А кадъ Скадру на Бояну дођe,
Онъ ту Суя брата свога нађe,
Пакъ ђe га є момче угледало,
Онђe Суи брату бесѢдило:
„Хайде, брате, дома да идемо!
Прођ'се брате хала и мейдана!
Ал' незнадешъ войводу Стевана,
Знашъ ли брате, є с' ли запазіо,
Што учини войвода Стеване
Одъ четиры брата Муселића?
Кад' на мегданъ нѢму изидоше,
Све четиры самъ уфати живе,
Поведе ихъ на свое дворове,
Ту є ньима изгубіо главе,
И главама кулу окитіо.“
„Таде Суіо нѢму бесѢдіо:
„Имбрахиме горій одъ ђевойке!
А я мышлахъ да 'си юнакъ больій!
Кад' небыли по два за єднога,
Неродила майка ни єднога!“
Па написа листъ кньиге біеле,
А шилѢ є̂ Вучићевић' Стефу:
„Чуй ме добро войводо Стефане!
Ако те є Србкиня родила,
Хайде шъ утра мене на мейдану,
На средъ равна поля Ћемовскога;
Немой мене чинит' пріевару,
Нѣвод' с'собомъ друга ни єднога,
Ни я нећу водит' ђаволѢга,
Него сами дасе обидемо,
Да видимо ко є юнакъ больій.“
Кад' войводу кньига допанула,
Два дуката муштулука даѢ,
Нећe узет' коня дебелога,
Него пѢшки пођe на опанке,
А кад' дођe на полѢ ћемовско,
Али га є Туре преварило,
Турчинъ съ братомъ на мейданъ дошао';
То ка виђe войвода Стефане,
Ере хоћe юнакъ погинути,
Одъ образа ужди цевердара,
Те погоди Сую харамбашу
По средъ жива срца юначкога,
На зрно ну срце извадіо;
Жива фата лудог' Имбрахима,
Пакъ є нѢму ріечъ бесѢдіо:
„Хайде зъ Богомъ лудій Имбраиме!
Иди дома на свое дворове,
Опрашћамъ ти животъ на мейдану.“
Узе Стефанъ Суйово оруже,
И нѢгова хата дебелога,
Здраво пођe на свое дворове,
Іошъ є біо, докленъ є живіо,
Іошъ є біо Турке ястребове,
Свуђ' мейдане ньима односіо,
Войвода є узданица жива,
Живъ є нама Стефанъ у пѢснама,
А души му покой и веселѢ.

55.

Нова̂ пѢсна Церногорска̂
о войни
Руссахъ и Туракахъ
почетой у 1828мъ году.

БѢла вило, моя дивна друго!
Сведи друго све у гусли гласе,
Твое гласе а у гусли ясне,
Да ихъ чуе, кои разуміе,
Разуміе, драго ако му є.
(Сербаль брате, ова тѢсна за те,
Ты ћешъ чути, ты ее разумѢти;
Понайпріе одъ осталихъ свіе!)
  На хиляду и осме стотине
Двадесть седме на пола године,
Ситный ферманъ есте полетіо
Одъ пространна царства Руссинскога
Изъ біела града Петровога
Одъ силнога цара Николая
Николая Павловога сына;

Лети ферманъ земльомъ и свієтомъ,
Колико є хитро полетіо,
До чуда бы побратиме было,
Да га носи соко подъ крилима,
Акамоли Московъ на ногама:
Прелетіо землю безъ хесапа,
Докленъ дође Махмуту Султану
У Стамболу великоме граду
Ђе царъ сѣди на своме дивану;
Дае улакъ Султану фермана,
Ліевомъ га рукомъ додаваше,
А десномсе за саблю држаше,
Іошъ Султану ово говоріо:
,,На тай ферманъ да ми одписъ дадешъ,
Сабльомъ бриткомъ и мышицомъ якомъ,
На првоме полю одъ мейдана,
Одъ мейдана за две силе наше.“
Паксе улакъ ончасъ повратіо.
А кадъ царе ферманъ прочатіо,
Поче учит крвава фермана,
Царъ га учи, грозница га мучи,
Е ферманъ му страха задаваше,
Овако му царъ Каурахъ паше:
,,Чуй ме болѣ Отмановићъ царе!
Ево има тры годинe данахъ,
Одка ме є сѣверъ зацаріо,
Зацаріо и круну ми дао,
Освуђ' мене даве додіяше,
Одъ Сербіе и одъ Булгаріе,
Каравлашке и Карабогданске,
Одъ све Грчке и Анадоліе,
То све плаче мени непрестанно
На проклете Турке зулумћаре,
Дасе одъ ньихъ живѣти неможе,
То све видишъ, а за то немаришъ.
Него и то я прегорѣтъ могохъ
Али синоћъ давуџіе доше
Одъ простране землѣ Шумадіе
Петъ стотинахъ давуџіяхъ дође
Свакій по камъ о грлу донесе
Стаще викат гласомъ єдиніемъ:
,,,,Хай помагай царе господаре!...?
Одъ Туракахъ людскіехъ вуковахъ!
Скоро су намъ очи извадили,
Посѣклису нама господара
Новог' цара Сербскога, Ђорђія!
Хилядама робахъ поробише,
И Сербію огнѣмъ изгорѣше,
Но помагай, драгій господаре!
Ал' помагай, ал' насъ опраштавай!
Іеръ овако живѣтъ неможемо.“‘‘
Кад' разумѣхъ Сербе витезове,
Люто мисе сердце увріеђе,
И жалость ме повиша пристиже
Кад' чухъ за смертъ Церногa Ђорђія
Мое десне изъ рамена руке;
Него и то хоћахъ прегорѣти
До времена нашега мегдана,
И што было, то є проминуло,
Докъ сво ти тры хиладе Гркахъ,
Тры тисуће Гркахъ и Булгарахъ,
Сви у церно завіени сукно,
Ронећ' сузе низъ біела лица,
Сви падаю на гола колѣна,
Свакій виче, штогодъ болѣ може:
,,,,Николае сунце безъ захода!
Ал' помагай, ал' не посіецай,
Да насъ нежме безбожніехъ рука,
Турцы су ни силны мучительи,
Непрестаю чинѣт' ни зулуме,
Све зулуме пріедъ нечувене;
Ал' све бысмо ньима опростили,
До што ючеръ нама учинише,
У неђелю на Васкрсеніе,
Кад' пояху боже летурђіе,
Погубише Турцы Патріарха,
Око нѣга дванаесть владыкахъ,
Калуђерахъ триста и шесдесетъ,
А поповахъ и деветъ стотинахъ,
Одъ сироте церкве православне;
Дадоше га мертвог' Жудіяма,
Да га вуку прозъ Турске сокаке,
Вукоше га четиры сахата
По проклету стойну Цариграду,
Докъ дођоше мору на пржину,
Тад' у море нѣга утопише,
А недаше нѣга укопати;
Но помагай за Бога милога,
И за нашег' светога Іована!
Ол' помагай, ол' самъ посіецай!“‘‘

Кадъ, Султане! Видѣхъ давучжіе,
И разумѣхъ ньихову неволю,
Коюю трпе вазда одъ Туракахъ,
Іошъ по другу̂ за вѣру Христянску,
И за повукъ старца Патріарха,
Обявихъ ти сеферъ ферманима,
И стахъ купит' мое силне войске,
И шилят' ихъ земльомъ Каравлашкомъ,
Каравлашкомъ и Карабогданскомъ,
Путъ Дунава ріеке студене,
Да поломе Дунавске крепости
Жестокіемъ огнѣмъ изъ топовахъ,
И остале по Турской градове,
Да ихъ съ церномъ земльомъ све изравне,
И да брже иду путъ Стамбола,
Да и нѣга сломе и сагоре,
Жестокіемъ минам' и бумбама,
А везире Турске све колике,
Све да ми ихъ живе пофатаю,
Шъ ньима тебе у Руссію спреме,
Нека знате каква є подруга
Нашомъ майкомъ црквомъ православномъ;
А томъ силомъ на те Турске стране,
Да управля мой Дибиħу Бане,
Осамдесетъ хиляд' є солдатахъ,
И одъ Бога помоħъ сваколика.
Іошъ другу ти бѣхъ одасла' войску,
Войске пуно стотина хилядахъ,
А предъ ньима силный Фетмашаре,
Паскевиħу на гласу юначе,
Да похара сву Азію твою,
И претресе кости Мухамеда
У проклету Мекку и Медину;
Ал' ты несмѣ на мейданъ изисти,
Но се препа срамота те была,
Нехħе изист' на полѣ очито,
Да на срамство діелимо царство;
Но подмити Христянске кралѣве,
Те у мене тебе испросише,
И на капе свое одмолише,
За то кньиге послахъ на Арміе,
Те ихъ вратихъ іопетъ у Руссію,
Нехħехъ сеферъ съ тобомъ заводити,
Ал'се надах у тебе Султане,
Да веħъ зулумъ хоħе прекинути,
Да непрште Турцы сыротиню
Твои Турцы штосе мнію вуцы,
Те ти ранне све опростихъ мое,
Мы на любавь іопетъ остадосмо.
Али то све намъ у ништа поħе,
Ты погази главно пріятельство
Са ферманомъ што 'си написао,
Послао га проза сву Турħію
На везире, паше, и кадіе,
Сву да турче сыротиню Раю;
Кои лисе потурчіо небы,
Да му сабльомъ одсіеку главу,
Я веħ' ово терпѣти немогу,
По ако си ка' те зову люди,
И ако те̂ Туркиня родила,
Купи войску што найвише можешъ,
Хайде съ войскомъ у полѣ широко,
Да на мегданъ круне діелимо;
Немой реħи, да є то кріюħи,
Ал' с' у мито више поуздати,
Вѣра моя! помоħи ти неħе,
Ако дадешъ све твое дукате,
И све кралѣ одъ Европе купишъ,
Свіема те неħу поклонути,
Него ратъ имъ зато обявити;
Кукавице! хоħешъ ме познати,
Али ħешсе мени поклонити,
Али ħу ти главу одкинути.
Празноħеса! изъ пѣшчанских странахъ!
Ніе шала миліонъ Московахъ
Подъ оружѣмъ, копльим' и саблям;
Сву Європу на зохоръ быхъ прошо,
Акамоли кукавну Турħію."
Таквый ферманъ Махмутъ разуміо,
И видіо што му Московъ пише,
Све телале царе наредіо,
Терларціяхъ четиры стотине,
Да викаю по Стамболу граду
Безъ престана тры біела дана,
Све по реду Турске старѣшине,
И остале Турке витезове,
Да му брже доħу на дивана;
Кои ли му на дива̂нъ недоħе,

Царска вѣра! посѣће му главу.
Отидоше танке терларціе,
Вичу теларъ нигда непрестаю,
У нь' споминю паше и везире,
И остале Турке витезове:
,,Бѐрже да сте цареве деліе.
Брже-болѣ цару на дивана
У неђелю коя прва будє;
Кои ли му на диванъ недође,
Царска ріечъ!... безъ главе остаде.“
Кад' то чуше паше и везиры,
И осталіи по Стамбалу Турцы,
Брже греде свакій путъ Дивана,
Кад'се Турцы на Диванъ скупише,
Они цару тако бесѣдише:
,,Султан' царе одъ свіета главо!
Што си за насъ хитро посилао,
Коя ти є мука ол' неволя,
Али ти є Хацемъ заратіо,
Али тисе Мисиръ одметнуо,
Ол' Скадарскій паша Бушатлія,
И нѣгова гола Арбанія?
Ал'се Каур-кральи сви сложили,
Свисе крстомъ еднимъ прекрстили;
Оли ти є Московъ заратіо?
Хай! небойсе нашъ честитый царе!
Наше сунце нигда заходеће,
Кое гріешъ ноћи ка' и дневи!
Докленъ су ти Турцы витежеви,
Ласно ћемо Хацемъ освоити,
И весъ Мисиръ огнѣмъ попалити;
Акол' тисе Везиръ одметнуо,
Арнаутинъ, паша Бушатлія,
И нѣгова люта Арбанія,
Вѣра наша!... хоће погинути,
Мы Турцы му кућу ископати,
Да одъ врага неостане трага.
Акол' сусе сви Кральи сложили,
И ту слогу разврћи є ласно,
Кад' смо главу змая найжешћега
Одкинули, теби доніели
Изъ Тополе Црнога Ђорђіе;
Акол' ти є Московъ заратіо,
То намъ ніе мило ни едноме
Богъ ће знати, што ће коме дати,
Нам' є залудъ шъ ньиме ратовати;
Одка Петаръ собомъ закральисс,
Кадгођъ сеферъ съ Московим' имасмо,
У свакому бою погибосмо,
Дадосмо му полу царства свога,
И ово ће узети намъ сада.“
Султанъ на то ньима одговори:
,,Турцы браћо паше и везиры!
Ніе мене Хацемъ заратіо,
Нити мисе Мисиръ одметнуо,
Ни проклетый паша Бушатлія
Нит' нѣгова люта Арбанія,
Него, Турцы браћо моя драга!
Ючеръ ме є ферманъ допануо
Одъ новога краля Николая,
Сына Павла Русског' господара,
А унука Петра големога,
Дин-душмана одъ стара времена;
У ферманъ ми сеферъ обявлює,
Іошъ ме кавуръ на мегданъ позивлѣ
Подъ біеломъ Варномъ на краину,
Са свомъ войскомъ што ми царство има.
Влахъ писати такосе усуди,
Но за Бога, Турске поглавице!
Немойтесе препаст' одъ Московa,
Одъ Москова рода хаинскога,
Е тако ми светца Мухамеда!
И сейцаде на кою є кланя'!
Кад' напишемъ шездесетъ ферманахъ,
На шездесетъ царства ми везирахъ,
Када скупимъ силновиту войску,
Вѣра моя! Турцы витезови!
Ђавура ћу займит' преко мора,
Преко мора тысућу конакахъ,
Нагнати га мору леденоме,
Да га прождре море безъ хесапа;
Е тако ми дина и амана,
И Турскога поста Рамазана!
Ако море кавура непрождре,
Доћ' му главе ни кіяметъ неће.“
Турцы цару одговоре тако:
,,Нашъ Султане сунце огріяло!
Ты све видишъ што є и како є,
Како тисе кавуръ подкопао,
Да те ћера съ овога престола,

Кога су ти старыи оставили,
Оставили на мачъ и на саблю,
Ка' што су га негда и узели
Одъ ситнога рода Грчаскога;
Дивно видишъ нашъ честитый царе,
Да ће ти га Московъ преотети,
Па да ће га за се оставити,
Према штети небы срама было,
Ячій быо, пакъ є придобіо,
Нег' на яде и жалости наше,
Дати ће га опета Грцыма;
Али кити свудъ ситне фермане,
На везире кавурске катиле,
Нека купе силновите войске,
Да Москову идешъ на мегдану,
Да ти зазоръ и срамота пука
У кавура царе неостане."
Кад' разумѣ Отмановићъ царе,
Што му збори Стамболска господа,
Къ себе позва стара Насрадина,
Кой имаше одъ свога рођеня
Четирыста и шездесетъ лѣтахъ,
Поче царе старцу бесѣдити:
,,Настрадине, Давноупантиле!
Што бы река', и ка' тисе свиђа
Одъ фермана што мѐ допануо
Одъ влашкога краля Николая,
Ал' ћу старый ферманъ подписати,
Али ћу му на мегданъ изисти?"
Старацъ тако цару одговара:
,,О Султане по лѣтима сыне!
Ясамъ чуо и ферманъ видіо,
Што ти пише силный Николае,
Ал' послушай ты мене Султане,
Подпиши му све фермане старе,
Московусе до землѣ поклони,
Подпиши му и новог' фермана;
Некће ли га царе подписати,
Кунемъ тисе моіомъ грешномъ душомъ!
Коя мысли брзо путовати,
Оћешъ му га грданъ подписати
И фермана, и іошъ сверхъ фермана."
Махмутъ старцу на то изговара:
,,Стрико старый Настрадине давный!
Подписа' быхъ Кавуру фермана
А тек' брада да ми буде мирна,
Но недаду Стамболске деліе,
Они воле главе погубити,
Но Кавуру ферманъ потвердити."
,,Господару Махмуте Довлете!
Ты неслушай Стамболске деліе,
Кунемъ тисе вѣромъ и ћитапомъ
Ту деліе ни едине ніе,
Те деліе ништа неваляю,
Нако бѣжат' душманъ кад' кидише,
Но добры су по кахвамсе фалит',
А незнаю силене Москове,
Свакій воли Московъ погинути
За свог' цара и за вѣру свою,
Но у Турской царсе учинити
Солдатъ простый, то ли кои вышій.
Те деліе незнаду Москове,
Но я живимъ те ратове памтимъ,
Све ратове и сваке боеве,
Я одъ вазда съ Московима ратимъ,
И одъ ньихна страха и юнаштва
Сіеде ме длаке пропадаше;
Тако стаде, докъ Петаръ постаде,
А кад' наста Петаръ у Руссію,
И одка се съ Руссма быт' почесмо,
Трый путъ мисе длака проміени,
И све тры путъ крвава ницала,
Пакъ и Петра могахъ претерпѣти,-
Доксе роди велика Каурка
И постаде Краљица Московска;
Кад' у бою едноме біясмо,
Одъ нѣ страха и нѣ ђенерала
Кутузова... испреко Дуная,
Сви ми зуби царе испадоше
Изъ вилице и горнѣ и донѣ,
Ал' ме брзе ноге уніеше.
Тад' у бою кад' крвь пролѣвасмо
Преда мномъ ихъ текъ дванаестъ бѣше,
Одъ Турскіехъ деліяхъ силніехъ,
А кад' натрагъ царе побѣгосмо,
Неостаде за мномъ ђаволѣга;
Па и више чудо да ти кажемъ,
Колико су Турцы страшљивице,
Несмѣшесе ни два уставити,
У біелу граду Едренету,

Но сви поше, куда кои знаше
А найвеће путъ Стамбола твога,
Да ихъ скрію Булле одъ каурахъ;
Тек' я остахъ старацъ у Едрени
И то ранѣнъ одъ Казачке руке,
Ту хећими мене ліечили,
Изъ моіехъ плећахъ извадили
Седамдесетъ и четиры копля,
Што ихъ бѣху заломили у ме
У моему лютоме побѣгу,
И съ тога самъ ево престарао."
Царь за наукъ главе необраћа
Већъ окрену писати фермане,
Первый посла Босни земльи равной,
На рукама одъ Босне везира,
Овако му царь фермана пише:
,,Слуго моя пашо Ђеладине!
Како пріймишъ ситнога фермана,
Брже скочи на ноге лагахне,
И съ Травника ожежи топове,
Сву избери Босну по тефтеру,
Неостави Краичнике люте,
Коисусе бой бит' научили
Спрамъ Ніемца и спрама Сербіе;
И неоставъ люте Херцеговце,
Коиносу на тврду краину,
Спрамъ душманске ловне горе црне,
Горе црне и седмеро Брдахъ,
Брже съ войскомъ ходи ми къ Стамболу,
Ере имамъ сеферъ са Московомъ,
Аколи ми у Стамболъ недођешъ,
Вѣра моя, посѣћу ти главу,
А другога ставити везира,
Нека моіой Босни везирує."
Тай одасла', другій накитіо,
Посла ферманъ Скадру біеломе,
На рукама везира Мустафе,
Овако є ситный ферманъ писа':
,,Бушатліо пашо Арнауте!
Како пріймишъ сытнога фермана,
Брже скочи на ноге юначке,
Жеж' одъ Скадра стотину топовахъ,
Теръ сакупи люту Арбанію,
Хайде съ ньоме къ біелу Видину,
Узъ гредъ узми пашу Вранялію,
И одъ Пећи Махмут'-Беговића,
Тер' на Дунавъ чекайте Московe,
Вѣрна слуго! неиздай Султана,
А Турску ти вѣру даемъ тврду,
Текъ Ђавура на трагъ повратимо,
И нѣгово царство освоимо,
Оћу тебе слуго учинити
Предъ своиъ войскомъ Мухурсахибіомъ,
И моіемъ Пашомъ Учтугліомъ,
И везиромъ одъ четиры ... туга —."
Они посла трећій написао,
Одсла ферманъ на Уруменлію,
На Валію, и на ... Превалію.:.!?
,,Како пріймишъ моега фермана,
Жеж' на Битоль Стотину топовахъ,
Скупи листомъ сву Уруменлію,
Крећи брже путъ мога Стамбола,
Іеръ имамо рати съ Московима."
И та посла четвертый написа,
Посла ферманъ у Анадолію,
На шестъ пашахъ и на тры везира,
У ферману царе заповѣда:
,,На ногесе, мои соколови!
На градовма уждите топове,
Скупте войске што више можете,
Хайте къ мени сынцы у Станбола,
Іеръ имамо сеферъ съ Московима."
Таа полеће, а петый напраля,
Посла ферманъ богату Мисиру,
До на руке Мехмеда-Аліе,
Овако му Султанъ говоріо:
,,Мехмед-беже одъ Мисира главо!
И узданный Богомъ побратиме!
Како пріймишъ моега фермана,
Жеж' на Каиръ стотину топовахъ,
Скупи войску силну по Мисиру,
Съ войскомъ хайде путъ нашег' Стамбола,
Ере имамъ сеферъ съ Московима,
Са Московомъ кралѣмъ каурскіемъ,
А тако ми светца Мухамеда!
И Аліе зета нѣговога,!
Како краля влашког' добіемо,
Хоћу тебе побре поклонити
Савъ богатый Ципаръ и Кандію,

Іошъ ти сѥрцу дати за любовцу,
Другогъ тебе учинит' Султана
Надъ Мисиромъ Ципромъ и Кандіомъ,
Ако мене садъ неизда побро.
И тай посла, па шестый написа,
Посла ферманъ пространной Азіи
На двадесетъ пашахъ и везирахъ,
Царь имъ пише у свое ферманe;
,,На ногесе наше соколови,
Сви везиры цареви веђили!
Скуп'те силне по Азіи войске,
Шъ ньима хайте къ мене у Стамболу,
Ерь имамо рати съ Кахурима;
Кои ли ми у Стамболъ недође,
Сабля ђе га моя распашити.''
Кад' везиры кньиге разумѣше,
И фермане цара честитога,
Сташе купит' войске силновите,
Са войскама иду путъ Стамбола;
А кадасе силе окупиле
У Станболу предь свога Султана,
Све предъ цара паше изидоше,
До Мустафе Скадарског' везира.
Боже милій чуда ужаснога!
Коликосе скупило Туракахъ!!
Тевтерь каже, калемъ хесапіо,
Више войске нег' у Бунапарта;
Гледа войске съ Дивана Султане,
И у себи тако проговара:
,,Ахъ, честитый светче Мухамеда!
Шта ђе яданъ кахуръ учинити
Спроћу тебе, и све твое силе?
Ал' махниту ніесе чудити,
Ербосе є яко посиліо,
Одкако є француза добіо,
И двадесетъ краляхъ кавурскіехъ.
Ал' тако ми твоѥга имена!
Кад' му пуштимъ Турке витезове,
Ни Москва ихъ дочекати неђе,
Незна ђафиръ съ кимсе ударіо,
Коино є господарь одъ землѣ,
И свакъ мусе кланя. одъ свіета.
Шта л' є змае, хоће да познае,
Змай кралѣве ждере тесе храни,
Онъ немари за другчіе частбе.
Ев' потомка башъ твоѥга светче
У твоему Емиру Махмуту,
Каур-Кралю на мейданъ ђе пођи,
Свим' Влассима очи извадити!
Како су му и старыи чинѣли!
Іошъ кад' пуштимъ помамне Арапе
На ньихове витке бедевіе,
До мора га хоће дођерати,
А-ни море г' сачувати неђе;
Я, царь имамъ мила побратима
У Мисиру Газію-Алію,
Онъ ђ' у море потопит' кавуре
Онъ и соко паша Капудане.
То кавурство и тог' ђаур-Краля,
И све кралѣ и ньихове войске.''
У ріечи кою самъ збораше,
У то Султанъ на ноге ђипіо,
И Москову ферманъ одкитіо,
Овако є царь га написао:
,,Николая, што юче настаде!
Што ми пишешъ и у ферманъ кажешъ
Да ти влашке даве додіяше,
Башъ на мое соколове Турке,
Да власима зулумъ чине Турцы;
Чине зулумъ! и чиниће имъ га!
Непитамо тебе кавурине,
Како ђемо раіомъ управляти,
Коюно є сабля Оркaнова
На мегдану юначкомъ добила
На Косову и другим' польима
Одъ влашкога рода безвѣрнога,
Одъ Лазара и другіехъ царахъ;
Никада те Влахо непитамо,
Како ђемо царствомъ управляти,
Ал' кад' мене на мейданъ позивлѣшъ
На то тебе кралю одговарамъ:
,,,,Ако те е влахиня родила,
И ако си Московъ одъ поштеня
И праунукъ Петра бркатога,
Хайде мене на мегданъ юначкій
Подъ біеломъ Варномъ на краину,
Садъ, иншалла! посѣдочит' хоћу,
Твоіомъ смрћомъ краля Владислава,
И подъ Варномъ гробъ ти ископати,
На гробъ дићи мечитъ и мунаре.
Доста збора, хайде на мейдана
Са своимъ силомъ одъ землѣ Московске

На бѣлегу у полѣ широко,
Ђесе, кралю, найпре састанемо.““
Турче младо те силенно пише:
„Ако мене подъ Варну недође,
Я ти граду идемъ Петробургу.“
На Илійданъ Турчинъ мейданъ пише
Да му на зло Господјинданъ дође,
Царь Никола кадъ га разуміо,
И кадъ виђе што му Туре пише,
Томусе є громко насмѣхао,
Витезове къ себе дозиваше,
И овако ньима говораше:
„Воеводе, мудры фелдмаршали!
Ты Дибићу и Паскіевићу,
Дижте слуге силновите войске,
Паскѣвићу хайде путъ Азіе,
Узми войске шесдесетъ хилядахъ,
Право хайде къ Мекки и Медини,
Да претресешъ кости Мухамеду,
Да ми узмешъ на силу Азію.
А Дибићу моя вѣрна слуго! —
Узми войске стотину хилядахъ
Съ войскомъ хайде преко Каравлашке,
Къ Силистріи Дунаво пріеђи,
Узми града немой почасити,
Немой твою главу изгубити,
И невѣромъ моіомсе назвати,
А я одохъ подъ Варну біелу
Съ неколико силновите войске
На мейдану Махмуту Султану.“
Када цара слуге разумѣше,
До землѣсе нѣму поклонише,
Па дигоше силновите войске,
Паскіевићъ пође путъ Азіе,
За ньимъ войске шездесетъ хилядахъ,
И одвуче убойне топове,
Кажу топахъ дванаесъ стотинахъ,
Прахъ, олово, и другу захиру;
Дибићъ пође преко Каравлашке,
За Дибићемъ войске сто хилядахъ,
И за войскомъ войничке потребе,
Каравлашку съ войскомъ прегазіо,
До Дунава ріеке студене,
Ту на Дунавъ тамборъ учиніо,
И ту єдну ноћцу коначіо,
Па тек' свану и сунце ограну,
Съ войскомъ Дибићъ Дунавъ пребродіо,
Подъ Силистру тамборъ премѣстіо,
Одчасъ таблѣ землъомъ утвердіо,
А на таблѣ топе наслоніо,
Стаде быти тврду Силистрію,
Никомъ ока отворити неда.
Николае трећу диже войску,
Низъ Руссію у Одессу дошо',
За ньимъ войске неколик' хилядахъ,
Како дође біелу Одессу,
Ту га флота своя сусретнула,
Те на лађе силу натуріо,
Подъ бѣлу є Варну истуріо;
Води войску царе Николае,
У полю є тамборъ учиніо,
Добру войску на бой приправіо,
Изъ Варне ихъ Турцы опазише,
И по граду терларе пустише,
Теларъ виче дабулхана риче:
„На ногете Турцы соколови,
Ево нама утве златокриле,
Свакій коньикъ притезай колане,
А пѣшацы притежте опанке,
Данасъ валя ћерати кавуре,
Дасе ньихне крвце напіемо,
Главе су намъ сами доніели.“
Како тембій войска разумѣла,
Сва є лиссто на ноге скочила,
Пакъ изъ града сила окренула,
А предъ силомъ тры веля везира,
И шеснаестъ пашахъ царевіехъ
Двѣста хилядъ за ньима Туракахъ,
Савъ Анадолъ и сва Руменлія,
Сви топови силе огнѣвите,
Силна сила у полѣ излѣгла;
Фала Богу, до нѣму никоме!
Какви ли су Турцы Анадолцы,
Подъ ньима су хати одъ Мисира,
На ньихъ Турцы ноге прекрстили,
Іошъ одъ силе узели тамбуре
Узъ тамбуре на конѣ пѣваю,
Вриште хати, подврискую Турцы,
Скачу хати, ка' да стекли крила,
А обрћу прси Московима,
Жельни коньи, а жудны юнацы

Пріедъ зачетъ боя съ Кахурима;
Турцы жуде, а Московъ нетрае,
Него како Турке угледаше
Ђенерали войске упутише,
Напредъ пѣшцы, а озадъ коньицы,
Помеђу ньихъ топи и кумбаре,
Око свіехъ на обіе стране
Панцирлія Московска делія,
На свакоме коню и юнаку
Оклопа є по педесетъ окахъ,
Све одъ люта гвожђа калѣнога,
Ништа ньима наудит' неможе,
Ни наудит', нитсе одержати.
До ньихъ іошъ су врле Казачине,
Кои могу стићи и утећи,
И копльима посрамит' лубарде.
Двіе силе полѣмъ помичусе,
А све єдна другой примичусе;
Свѣтло сунце, ты заклони лице,
Да ти лица, неожагри крвца!
До чуда бы великога было,
Да на свадбу тако похитаю,
Ка' бржаю на свою месницу;
Ал' юнацы свою крвь нештеде.
Кадсе силе близу састадоше,
Виђи врага, завржесе кавга,
Пуца пушка броя іойсе незна,
Єче топи а грме кумбаре,
Како туча посиплю картачи,
Сташе тећи по зраку ріеке
Силног' огня, и свіетлог' дыма,
Небесасе у пламъ претворише.
Црна земля, подъ крвь огрезнула,
Крвь прождире конѣ и юнаке,
Ка' валови разломлѣне лађе,
Одъ пуцнясе ништа нечуяше,
А одъ дыма ништа невиђаше;
Докъ топъ преста, пушка одумину,
Удришесе силны коняницы
На свіетле саблѣ и миждраке,
Стаде клепетъ мачахъ и палошахъ,
Ста ломява сабаль и миждракахъ
Стаде цика силніехъ юнакахъ,
Бой огнѣнный тры сахата горѣ,
И іошъ више дужитисе ћаше,
Но удрише кральске панцирліе,
И казацы на гласу юнацы,
Узмакоше цареве деліе;
Пакъ деліе плећи окренуше,
Отискоше бѣжат' безъ уставка,
Виђоше ихъ тры веля везира,
И шеснаестъ пашахъ изъ тамбора,
Бѣже паше, за ньима везиры,
За везирма войска сваколика,
А за ньима Руссі у погоню,
Узеше имъ топе и баряке,
Прахъ олово и ньихне тамборе,
Тридестъ хиляд' робахъ заробише,
Међу ньима велѣга везира,
И четиры паше съ реповима;
Него сво и више срамоте!
И гріеха у Турскоме дину!
Мимо Варну Турцы пробѣжаше,
У Варнусе вратит' несмѣдоше,
Но душману Варну оставише,
Оставише, зла имъ срећа была!
Ал' небѣжи витезъ Юсуф-паша,
Неоставля за живота Варну,
Но сокосе у Варну затвора
Су тридесетъ хилядахъ Арапахъ,
Стаде бранит' града одъ Москова
Су градскіехъ хиляду топовахъ,
Браніосе тры неђелѣ данахъ,
Кад' четврта залѣзе неђеля,
Бы му залуд' сваколика мука,
Више града бранит' немогао,
Еръ му бѣше огань одоліо,
Одъ Московахъ и ньинихъ топовахъ,
Одъ лагумахъ кое поджегоше,
Тер по града у вѣтаръ дигоше;
А чека є индатъ одъ Стамбола,
Чекао га, но недочекао
Одъ Султана свога господара,
Еръ неймаше ни съ ким' дома быти,
Стамболъ му є празанъ остануо;
Добру войску бѣше одаслао,
На Дунаво да чека Дибића,
Другу добру бѣше одсла' войску
Преко свега своег' Анадола,
Армении малой и великой
Дочекати силна Паскѣвића,
Да и плећи одъ кавура бране;

На ій нейма ни тамо ни амо.
То кад' viђе Юсуфъ съ Арапима,
Да му нейма одъ цара индата,
Да' є Дибиħъ Балканъ преваліо,
И сву цара помоħъ разпраскао,
На Дивану цара уздрмао,
Тадеръ Юсуфъ Турцим' на срамоту,
Преда Варну каурскоме цару,
Съ Варномъ Юсуфъ и себѣ заробіо;
Московъ посла нѣга Петробургу,
И све шъ ньиме што Харапа бѣше,
На поскида са Варне топове
И ньихъ посла у свою Руссію,
Іошъ тад' Варну до дна раскопао,
Са земльомъ є̑ уравніо црномъ,
Топъ веħ' даш' нѣ никада непуца,
И нек' знасе докленъ є свіета
Како чини больій одъ горега,
И некъ знаде грдный Османліа,
Да Каурка може родит' цара,
Тер' узъ цара и божіега дара,
На како му іошъ єданъ путъ крескне,
Да безъ чуда изъ Европе скокне,
Нек' одлази одкуда є доша',
Врієме є срокъ є нѣговъ проша'!
Ол' га тамо небыт' ни овамо.
Све біеле війле одъ свіета
Садъ пытаю Султана Махмута,
Како му є съ Руссомъ ратовати,
Какви су му Турцы витезови,
Мудро ли му збори Насрадине?
Ал'се війле топрвъ домыслиле:"
,,Николаю царске даре даю,
Пакъ Султану Руссіе одбрану,
Све да воли, што є неволіо,
Дасе соли...ткосе несоліо;
И то было, тако потраило!...?
Доклегодъ є орла и аждера —.

Примѣч. Ово є сочиненіе младога владыке Црногорскогъ; али га є одпріе него є владыкомъ постануо, спѣвао. Іошъ имаде у овомъ собранію нѣговога производа, и свакій ħу назначити поредъ нумере звѣздицомъ.

---

56. *

Малый Радоица

Мушки плачу тридесетъ хайдукахъ
У тавницу паше одъ Травника,
Цмиле яко тры неђелѣ данахъ,
Докленасе паши доядило,
Те тавницы на капію пође,
Упитує тридесетъ хайдукахъ:
,,Коя вамъ є одъ Бога неволя?
Те плачете у тавницы студной,
Али су васъ кньиге допануле
Одъ дворовахъ и одъ любовацахъ,
Да су вама куле погорѣле,
И вашесе любе преудале?
То разлога плакат' неимате,
Нист' имали кулахъ ни любовцахъ,
Нако гору и пеħине студне,
И шарене пушке у рукама;
Ол' ве желя носи на хайдуштво?
Да Босанске друме прекидате,
Дворе Турске хашаромъ чините?
Доста има влахахъ у хайдуке,
Вы га нигда у ньихъ пођ' неħете;
Акол' ви є авса омрзнула,
Моя авса и тавница студна,
Другу 'самъ ви авсу начиніо,
У кою васъ мыслимъ претурити,
Та є при ньой ка' мои сараи,
У ню ħе̑ вамъ кости останути,
Зміе ħе̑ вамъ очи извадити,
А гуштеры рашчупати месо."
Но хайдуцы паши говораху:
,,Аманъ пашо Босни господаре!
Мы хайдуцы у твоіой тамницы,
Неплачемо куħе ни любовце,
Да имасмо кулахъ и любовцахъ
У хайдуке ходили небысмо,
Нит' насъ носи желя на хайдуштво,
Достасмосе нахайдуковали,
Хайдуштво є срамотно юнаштво,
Тек' неволя хайдуковат' може;
Мы о томе сада немыслимо,
Починили, щтосмо кадри были,
Доста' Босни друме затварали,
Турскихъ доста главахъ одкинули,

И дворовахъ пепеломъ засули,
Авса твоя омрзла намъ ніе,
Неградесе хавсе за ђевойке,
Веħенъ, пашо Босни господаре,
За юнаке и горске хайдуке!
А што зміе и гуштере кажешъ,
И студену воду до колѣнахъ,
И юначке кости до раменахъ,
Како дође лѣто акобогда,
Препиħемо воду изъ тавнице,
Подавити зміе и гуштере,
У зимусе на кости гріяти,
Кости ħе намъ за дрва служити.
И мы за све ово неплачемо,
Но плачемо, што нам' є неволя,
За соколомъ Ракомъ Арамбашомъ,
Синоħъ нисе Рако преставіо,
Па га су чимъ укопат' неймамо,
Но тако ти хлѣба царевога,
И тако ти Турске вѣре тврде,
Подай нама куке и мотике,
Да малога укопамо Рака."
Паша ħаше но Була недаше,
Него паши тако говораше:
,,Не за Бога паша господаре!
Ты некопай малога Радоя,
Онъ є тако мдоге преваріо,
Тры пута се досадъ закопава,
И све тры путъ изъ гроба бѣжао;
Тры путасе вѣша' на вѣшала,
И све тры путъ съ вѣшалахъ утѣца,
А шеснаесъ путахъ изъ тамнице,
Изъ тавнице првога везира,
Юнакъ хайдукъ превариħе тебе;
Веħемъ узми до четиры чавла,
Удри му ихъ у четиры паца,
Ако хайдукъ буде у животу,
Ал' ħе гмизнут', ал' помаħи бркомъ.
Паша Каду за то послушао,
И четиры чавла дофатіо,
Къ хайдуцима у тамницу пође,
Нађе Рака на средъ пода мртва,
Па му чавле удри у паоце,
Юнакъ Рако не трмизну собомъ,
Тада паша на ноге скочіо,
И довати куке и мотике,
Ђаше дати да га укопаю,
Ма када му кучка недаваше:
,,Не за Бога пашо господаре!
Копат' немой малога Радоя,
Юнакъ Рако преварит' те хоħе,
Веħ' донеси люта црнокруга
Изъ присовя ħе га гріе сунце,
Хайдуку га метни подъ грроце,
Нека влаха біе харамбашу,
Ако хайдукъ буде у животу,
Копорнут' ħе бркомъ ал' подватомъ."
Паша брже булу послушао,
Те нареди, црнокругъ му дође,
Понесе га Турчинъ у тамницу,
Па га Раку подъ грло метнуо,
Паша біе люта црнокруга,
Паша нѣга а онъ Радоицу,
Іошъ му Турчинъ турски говораше:
,,Подичисе влашкій Харамбаша
Са ђерданомъ што ти є подъ грло,
Іеръ є лѣвшій но мое кадуне!"
Юнакъ Рако собомъ нешенуо,
Нешенуо ни гмизнуо бркомъ,
Турчинъ мысли да є хайдукъ мртавъ,
Те на свое ноге устануо,
Пошетао до куле біеле,
Те ми куке дае и мотике,
Да копаю своег' Арамбашу,
Ал' му Неда іопетъ кучка Када:
,,Немой пашо, дражій одъ очію!
Влахсе хайдукъ мушки уливсіо,
Хоħе хайдукъ тебе преварити,
Веħ' ты зови тринаестъ циганахъ,
Да ти скую гвожђе раоника,
Раоника одъ дванаестъ окахъ,
Тур' га вруħа Раку на прсима,
Ако буде у животъ хайдуче,
Трмизнуħе и скочит' на ноге."
Брже булу везиръ послушао,
И набави тринаесъ циганахъ,
Сковаше му лѣмешъ гвожђе люто;
Гвожђе люто одъ дванаестъ окахъ,
Свруħена га носи у тавницу,
Па згрія га доксе зацрвенѣ,
На хайдуку токе расклопіо,
Жежакъ лѣмешъ на прси му тура,

Засмрђеше прси у юнака,
Смрде прси, и цврчежъ ихъ стои,
И дымъ пламти, хайдукъ нетрмиже,
Паша токе Раку честиташе:
,,Честите ти токе одъ челика!
Нека знадешъ Рако харамбаша,
На хайдука больiегъ ихъ нейма."
Види паша, што нiе видiо,
Па самъ с'собомъ паша говорiо:
,,Да є мртавъ трмизнут' бы мора',
А нека ли да є у животу;
Етако ми вѣре найчистiе,
У чжехеннемъ быт' му теже неће!"
Па нареди укопатъ Радоя,
Но му неда прехитра Туркиня,
Него мусе о грлу вѣшаше:
,,Не за Бога драгiй господаре!
Юнакъ Рако превариће тебе,
Већ' самъ чула ђе кажую свуда,
Да є хайдукъ лакомъ на Туркинѣ,
А ты имашъ Хайкуну ђевойку,
Нейма друге ни у гору виле,
Ты є пошльи Раку у тавницу,
Ако хайдукъ буде у животу,
Отвориће око путъ ђевойке,
Ал' црнiемъ помакнути бркомъ."
Када плачемъ и мехкимъ рiеч'ма
Iопетъ пашу на зло окренула,
Те оправи Хайку у тавницу,
Кад' Туркиня угледа Влашића,
Ђе онъ лежи кано да є мртавъ
Поче млада шетат' по тавницы,
До поноћи шетат' непрестае,
У поноћи пође надъ хайдукомъ,
Те хайдука гледа меѣу очи,
Выше хайдукъ трпѣти немога',
Но лiепо око отворiо,
Виђе Хайка ђе є живъ Радое,
Па є нѣму тако бесѣдила:
,,Затвори ихъ Рако Харамбаша,
Затвор' очи избила т' ихъ муня."
Па тек свану и сунце оограну,
Пође млада изъ тавнице Када,
И отиде паши у одаю,
Те є млада нѣму бесѣдила:

,,Штосе мртвымъ грiешишъ хайдукомъ,
Што недадешъ мрца укопати?
А тако ми твог' и мог' живота,
И тако ме Власи неузели!
Давносе є Рако преставiо."
Како паша кѣерцу разумiо,
Одмахъ даде куке и мотике,
И нареди укопат' хайдука,
Хайдуцы му гробъ копати сташе,
Рака ћаху плитко укопати,
Али неда млада пашиница,
Но у дублѣ нѣга укопаше,
У дубину дванаестъ лакатахъ;
Ту хайдуцы брата укопаше,
Укопаше, па га оплакаше,
Отленъ оше у студной тавницы,
А Хайкуна съ майкомъ у сарая;
Но кад' мркну и премину сунце,
Сви поспаше до младе Хайкуне,
Хайкуница спавати нехоће,
Већ' довата куке и мотике,
Поче сама одкопават' Рака,
Докленъ га є збиля одкопала,
Кад'се хайдукъ дофати свiета,
И шарена свога џефердара,
Онъ съ Хайкуномъ паши у дворъ пође,
По двору му покупiо благо,
Iошъ и два му заробiо сына,
И оћаше пашу погубити,
Ма Хайка му никадъ недаваше:
,,Не за Христа очи мое Рако!
Већ' му води два сына єднака,
За ньихъ ће ти све пуштат' айдуке,
Твою браћу а мое ђевере,
И даћети блага колик' драго."
Кад' то Рако одь нѣ разумiо,
Узе паши хата изъ синчжира,
Пакъ отиде юнакъ узъ планину,
Собомъ води Хайкуну ђевойку,
И два сына паше мучителя,
Здраво Рако на дворове дође,
У найперву дубоку пећину,
Како дође и написе вина,
Пакъ є паши кньигу написао,

Овако му Харамбаша пише:
,,Новый тасту пашо одъ Травника!
Дошаосамъ на дворове здраво,
И твоіомсе ћерцомъ оженіо,
Два ти луда сына заробіо,
Но акоћешъ новый пріятелю,
Да у любавъ посад' преживимо;
И ак' желишъ видѣти синове,
Пушти мене браћу изъ тавнице,
Милу браћу тридесетъ хайдукахъ,
Подай ньима тридестъ чжефердарахъ,
Толик' чивтахъ маліехъ пушакахъ,
Па имъ плати люту остойбину,
А дангубу у твоіой тавницы,
Іошъ хайдукахъ мени харамбаши,
Пошльи пашо тры товара блага,
Нека знаде я до кога дођемъ,
Да є за мномъ Када везирова.
Што є иска све му паша посла',
А онъ паши два єднака сына,
Кад' хайдуцы харамбашу нађу
Са Кадуномъ на свое дворове,
Свакъ по єдну себи добавише,
Онђе одма буле покрстише,
Свакій своіой по име нађеде,
Радоица нѣговойзи Яне,
Ткосе роди одъ ньина порода,
Нек'се учи терпѣт' ка' Радоє,
И мукама дасе непредає;
Па съ кадуномъ породъ изродіо,
Дійванъ породъ, да дивніег' ніе,
Породіо старыну Новака,
И нѣгова брата Радивоя,
Док' су были юнаштво чинѣли.

57.

Вотъ выгода!

Одъ како є крава поцернѣла
И у лѣто почеласе штркат'
Ніе жаба преварила лаба
Што Хусеинъ цара несреднѣга,
Мыслима му землю поплѣніо,
А сновима Стамболъ изгоріо,
И браду му у руке зграбіо,
Па на хата прозъ Диванъ фриснуо;
Но кадасе юнакъ пробудіо,
У то му є татаръ долетіо,
Да Стамболцы у Яцъ дођоше,
Тек' то зачу витезъ са миндера
Натовари робу и комору
И прекаса у землю Нѣмачку;
,,Нека знаде Махмуте Емире!
Какосе є бити съ Усеиномъ!"
Ал' некс' прође одъ нѣгове стране,
У коюсе юнакъ утвердіо —?
Ка' на ћабу хочжа и хачжія,
И ка Марковъ топузъ у облаке;
Али мусе ніе ни ругати,
Одъ Шкодре є изгледъ уграбіо —
Те і' толико чудо поградіо.

Кукавица уловила зеца,
Было іой є до Божића меса,
А на Божићъ кости оглодала,
Како єдна, тако и послѣдна —.

58.

Ево

Што бы найрадіе мой дѣдъ Срданъ пѣвао:

Завоеванѣ Крима.

Потресесе земля одъ истока,
Одъ истока те до Московіе,
Сину муня преко Московіе,
Громъ удари у връ Крма града,
У цамію цара Татарана;
Разбіо му Алемъ на цаміи,
Іошъ му здроби чардакъ одъ билюра,
И уби му два близанца сына:
То Татаромъ обилѣжѣ прво,
Што хараю на вѣры Москове,
Пліенъ гоне, ньи за робѣ воде,
Разбіяю крсте и олтаре,
До мрве имъ одніеше благо,
Ришћанске имъ похараше церкве,
Майке старе коньма погазише,
Ситну дѣцу у огань бацаше.

То траяло пуно годиница̑,
Докъ Московма града додіяла,
Они оду госпои царицы,
Предъ ньоме су на землю панули:
„О царице, наша мила майко!
Мила майко, и сунашце жарко!
Мы ни по што живѢт' неморемо
Одъ Татара рода невѢрнога,
Вет' насъ брани наша мила майко!“
Кад' є чула то царица млада
Уставшисе Богу помолила:
„Благій Боже у помоћи буди
Моіой хазни, и моіой цебхани,
И моіем' одъ боя топовомъ!“
Па скупила войске тры табора,
Сакупила, пакъ є даривала;
Чаушима балте оковане,
А чистіемъ златомъ облѢвене,
Нек' іой диче, и веселе войску;
Баряктаромъ бойна копя дала,
И на копля свилене баряке,
На баряке частне крсте моћне,
А подъ крсте двоеглаве орле.
Кад' игъ тако царски опремила,
Свасе войска госпи поклонила,
Преклонила до землыице црне:
„Остай съ Богомъ наша мила майко,
Наша майко и свѢтило ярко!“
„Пођте зъ Богомъ драгіи мои сынцы,
Дай вамъ Боже Хазакъ освоити,
Око нѢга Турке придобити!“
Кадай ли су до Хазака дошли,
Бише града тры біела дана,
Ништа клетомъ учинит' немогли;
Већ'се сни дилѢ одмакоше,
И поболѢ топе закопаше,
Добра имъ є срећа прискочила,
Мало іоште били су Хазака,
Мало врійме тры біела дана,
Брзо имсе покло̑ніо граде:
Кад' су видли одъ Хазака Турцы,
Да немогу одбранитсе живы,
Одъ Москова еманъ заискаше:
„Аманъ, Еманъ, Московы юнацы!
Мы ветъ съ вама рати неимамо,
Сва вамъ буди земля Татарія,
Проћићемо исподъ вашегъ мача,
Остав'те намъ на рамен'ма главе,
Сви видимо да є воля божя,
Каурскойсе мышцы поклонити.“

Примѣч. Ову и слѢдећу даворію узимамъ изъ мое у 1826мъ годишту овди те понайпріе штампане кньиге „Неколике пѢснице“ и у ово ій собраніе прилагамъ, што су чисто народнѢ, како и ове друге, премда у Г. Б. Библіотекара и Сербскіе пѢсана повучки критиканта іошъ ніесу легитимирано народске, како истимъ и самимъ ньимъ, те и найнайпрвимъ ньимъ а єдинцато-самцате Карацићеве.... па Сербске што су лећитимиране, и заръ и слієпцима Сербским' чакъ надиктиране истимъ —.

59.

Моба Копчићеба.

(Одъ покойне ми майке.)

Мобу купи Копчића ћехая,
Сто косаца, двѢста купіоца̑,
Пакъ є ньима тако бесѢдіо!
„Ко у ютру по сунашцу дође,
Удрићу му триста дегенека̑,
Метнућу га на дно у тавницу,
Пуштати га изъ тавнице нећу
Докъ недође Бег-Мурате съ войске.
А деће' неће за седамъ година̑!“
Свасе моба тешко поплашила,
Пакъ у ютру рано уранила,
Ал'се Томићъ Міятъ одоцніо,
Пакъ онъ юнакъ по сунашцу иде,
О рамену дугу пушку носи;
А у руцы косу и брусало.
НѢму вели Копчића ћехая:
„Знашъ Міяте што самъ говоріо,
ВѢра моя, учинити хоћу!
Удрићу ти триста дегенека̑,

Метнућу те на дно у тавницу,
Пустит' нећу докъ Мурат-бегъ дође,
А доћ' неће за седамъ година."
Кад' то зачу Томићу Міяте,
Баци косу у зелену траву,
Пакъ омаче у гору пространу,
Одметнусе юнакъ у хайдуке.
Посѣдіо у горы зеленной
Докъ э сабро неколико друга;
Намѣра га прва намѣрила,
На біело Копчићево стадо,
Пакъ онъ фата Ала чобанина,
Пропита га ђе му спава госпа,
Где ли спава, гди ли вечерава.
,,Госпа спава на найвишой кули,
Онди спава, онди вечерава;
Око куле камена авлія,
На авліи демирли капія,
На капіи дванаестъ делія,
Све имъ шаре о раменим' пушке,
Те чуваю одъ Міята госпу."
Ал' му вели Томићу Міяте:
,,Я самъ главомъ Міятъ харамбаша!
Већ' ты къ двору рано яви овце,
Па закольи овна преходнога,
А набави вина црвенога,
Те ми опой дванаестъ делія,
Да похарамъ кулу Копчићеву;
А што пуста блага добіемо,
На поле ћу съ тобомъ діелити."
То є Але нѣга послушао,
Рано яви блечне овце двору,
Па заклао брава преходнога,
Набавіо вина и ракіе,
Све деліе на вечеру зазво;
Опишесе дванаестъ делія,
Пакъ поспаше кано и поклани;
Када ли э полуноћи было,
А то иде Томићу Міяте,
Су дванаесъ нѣговіе друга;
На када су близу двора были,
Процвиліо Томићу Міяте,
Процвиліо кано робиньица:
,,Ово ли су Мурат-бега дворы,
Овди ли ћу віекъ вѣковати?
Овђе ли ћу кости оставити?!"...
Нѣга тѣши Малый Радоица:
,,Муч' нецвили танахна робиня!
У двору є госпоица добра,
Она ће те свачем' научити,
Танко прести, и ліепо везти,
Хитро ткати, ситно пирлитати,
И господске читме расплетати."
У томъ плачу подъ біеле дворе.
То зачула на чардаку госпа,
Пакъ дозивѣ Кумрію робиню,
,,О Кумріо, лагахна робинѣ!
Ид' отвори одъ авліе врата,
Ет' отуда съ войске Мурат-бега,
И за ньиме млого цвили робѣ."
Ньойзи вели Кумрица робинѣ:
,,Нећу богъ ме, моя госпоице,
По акшаму отварати врата,
Ясе боимъ какве пріеваре,
Нека Бего у ахару спава
Єдну ноћцу, до сатрашнѣг' данка."
Разсрдисе и поскочи госпа,
Пакъ удара Кумрію робиню,
Удара є рукомъ по образу:
,,Курво, кучко, Кумріе робинѣ,
Што бы Беже у ахару спаво,
Кодъ своіе двора біеліе?!"
Како ли є лахко ударила,
Седамъ іой є зуба помѣрила;
Паксе стрча низъ біелу кулу,
Отворила одъ авліе врата,
Докленъ лисе у часъ обазрела,
Ал' авлія пуна харамія,
Засялясе мермерли авлія,
Одъ юначки тока и пушака.
Бѣжи худна узъ высоку кулу,
А за ньоме Томићу Міяте,
За десну є уфатіо руку:
,,Стани Кадо, ніеси утекла!
Већ' ми казуй Копчићево благо."
,,А ђе му є? Остало му пусто?
Тры сепета єданъ до другога,
Тры сепета, сватры подъ катанцемъ,
У бегиной шичаной одаи;
Онди выси Диван-Кабаница,
У чем' Бего предъ цара излази;
На ньойзи су тридесетъ путаца,

Свако пуце по тридестъ дуката."
Право иде Томићу Міяте,
Те разбія шичану одаю;
Покупише свеколико благо,
И бегину Диван-Кабаницу,
Сила снесла, сила и понесла.
То Міяту іоште мало было,
Већ'се маша госпи подъ грроце,
Те іой снима ђерданъ одъ бисера,
И са руку златне билензуке,
А изъ коса бисерли сачбаге,
Іошъ са главе дибанъ и истифанъ —.
Съ тимъ отиде у гору зелену,
Пакъ є шићаръ стао діелити;
Скерлетъ чоху дибу и кадифу,
Недіеле лактомъ ни аршиномъ,
Вете мѣре одъ єле до єле;
Кад' ли сташе благо діелити,
Недіеле г' броємъ ни хесапомъ,
Вет' Міяте своіемъ калпакомъ.
Али госпа ситну кньигу пише,
Теръ є шалѣ у гору зелену,
А на руке Міятъ харамбаши:
,,Богомъ брате Томићу Міяте!
Пошльи мени ђерданъ и истифанъ,
И на руке златне билензуке,
А у косе бисерли сачбаге,
Єръ кадъ дома Бег-Мурате дође,
Неће рећи да си ме харао,
Нег' ће рећи, да си ме любіо."
Міятъ Кади лійпо одговора:
,,Посло быгъ ти ђерданъ и истифанъ,
И на руке златне билензуке,
Іошъ у косе бисерли сачбаге,
Ал' ми ніе то на діелъ дошло,
Већ' моему сестрићу Маринку;
Дѣвойку э запросіо дивну,
А у Рысну граду біеломе,
Хоће ньойзи да пошлѣ дарове:
Неда ти ихъ безъ големи яда —."

60.

Санъ на Божићъ

(Алигорія, т. е. примѣна.)

Нoћасъ у сну пођемъ у мѣсецъ, и почнемъ по нѣму ходити; када дођемъ на єдно мѣсто поизвышено, ђе бѣше єдно славно строеніе, предъ коіемъ сѣђаше єданъ старацъ, назовемъ му, помоз' Богъ, и онъ ми одговори, добра ти срећа, сыне! Весело и пріятно лице тога старца позове ме и сѣднемъ кодъ нѣга; и одма како сѣднемъ станемъ га питати, строеніе предъ кимъ сѣдимо, чіе є, и тко у нѣму живи. Одговори ми: ,,Ово є строеніе обште, свіехъ свѣтовахъ, и у нѣму живу двіе ствары, т. е. правда и кривда." Замолимъ га, да пођемо, ако є могуће, да улѣземо у двору томъ, онъ ми рече: ,,Драговольно, Сыне!" Отленсе кренемо и пођемо къ двору, кадъ до стіенахъ дођемо нѣговіехъ, погледамъ али на нѣму ніе више до двое вратахъ; єдна велика, и сваколика златомъ извезена, и различніема боями, коесе немогаху одъ дике гледат'; друга мала и тіесна тако, да єдва чоекъ могаше посагнутъ ньима улѣстъ. Упита ме онъ: ,,ђеси воліи приђе да улѣземо?" Я му одговоримъ: ,,Овамо къ овіема златніема!" А онъ ме уфати за руку, и пояко повикне: ,,Не, сыне, не тамо! то є обиталиште кривде! Но хайд'мо садъ на ова, те су ужа." Отидемо, и оніема ускіема єдва у дворъ улѣземо, а кадъ у дворъ улѣгосмо, отвори нисе єдна превелика соба, коесе ужасна величина немогаше очима прегледат', на сріеду кое бѣше посађенъ прекрасно направлѣнный престолъ одъ слонове кости, на коему престолу сѣђаше прекрасно обучена дѣвойка, у царскіема хальинама, коіой бѣше на гла-

ву круна, сва изрезана одъ єдногъ драгога камена, на коюбѢху ове ріечи написате: ,,Мой є престолъ изагнатъ са землѢ, али іопетъ вѢчно остаемъ правда правдомъ!" Я єсамъ правда, и сви на ме кои мрзе и вичу, вѢчность ће ихъ наказати. ,,Ова велика и безсмертна царица држаше у рукама вѢси (или ти, мѢрило) кое небѢху ни на єдной страни нагнуте, него равно стояху. Када то све видимо, онда ме истій старацъ уфати за руку, и изведе ме изъ оне ужасне и чудокрасне палате высоке царице, и збори ми:" Хайде сада, сыне, да пођемо у онай дворъ, на коему єсу она великолѢпна врата. ,,Я пођемъ за ньимъ, и улѢземо оніема великолѢпніема вратима, када у нутра погледамъ, али ето гомила различитіехъ людихъ. Упитамъ старца, коису ово, и онъ ми одговори:" Ово су разбойницы, злочинцы, похитительи и разорительи сиротиньскіи, и найвишіи крвопіе людскіи." Ту гомилу людихъ пројемо, па дојемо у єдну собицу, али ето престолъ, на коему сѢди єдна жена пристара, коіойзи небѢше круне на глави, него іой стояше подъ ногама; и она у рукама држаше вѢси, коизи стояху на криво, за то што у єданъ небѢше ништа, а у єдному бѢше єдна аспра, као цекинъ млетачкій. Отоленсе другіемъ краемъ куће вратимо и нађемо у обору множество сиротахъ, кое плакаху, яукаху и біяхусе рукама у прси. Упитамо ихъ: ,,што ви є тако неволя, тер' сте толико плачемъ и жалосћу раздражене?" Онесе стану жалит' и различне неправде приказиват', и кривосуђа, коясу учинѢна противу ньихъ у истоме двору, ђесе налазаху. Али сада већ' старацъ разяренный толикомъ жалосћу повика:

,,Ей неправдо, да те већ' небуде!
Но дай Боже правду међу люде."
НѢговъ ме гласъ иза сна пробуди, устанемъ и ово напишемъ.

---

61. *

Нова Церногорска пѢсна
О бою съ Низамомъ у Мартинићe
$\frac{22а}{11}$ Април. 1832[а] годишта.

Санакъ снила млада попадія,
Башъ сокола попа Радовића,
Изъ краичног' села Мартинића,
Санъ саснила: ,,На равно Штитово
Ђе се облакъ подигнуо густый
Одъ крвава Скадра царевога;
Иде облакъ преко Малесіе,
И Зеттесе землѢ дофатіо,
Зетту мину и нѢ Подгорицу,
Докленъ Спужу на краину дође;
Отленъ пође селу Мартинићу,
Ту на село облакъ починуо,
Сташе мунѢ изъ нѢг' сіевати,
И грмѢти планинскіи громови,
ДонѢ село мунѢ изгорѢше,
А на горнѢ чавке попадаше,
Мене браћо очи извадише,
И моіемъ осмерим' снахама,
Моим' снахам и моим' Ѣтрвамъ;
Него вѢтаръ ка' и огань пухну
Одъ горнѢга села и одъ цркве,
Те изъ нѢга чавке подигнуо,
У густый ихъ облакъ угоніо,
Сагнас' облакъ до средъ поля равна;
У то другій пухну одъ Жупине,
Трећій вѢтаръ одъ воде Слатине,
Те займише магну преко Спужа."
Кад' ђеверы снаху разумѢше,
Одъ Спужа су войску опазили,
Турску войску, Намик-паша главомъ,
Са своіемъ Ћеха-бегомъ сыномъ;
Одма танке пушке изтурише,

А чобане браћу покликоше:
,,Хай на ноге браћо наша ядна!
Ев' на село Турцы ударите,
Хоте нама село изгорѣти,
И све наше робѣ поробити,
Све юнаштво наше похабати."
Кад' чобани пушке разумѣше,
Ончасъ они на ноге скочише,
Потрчаше зеленомъ планиномъ,
Брзо трче, више села доше,
А кад' ядно село погледаше,
Ал' га црна тама притиснула,
Свуђ' по нѣму Турцы халачаю,
Донѣ село огнѣмъ сагорѣли,
А у горнѣ пламе пренiели,
Свиколицы юришъ учинѣли;
И одъ нѣга нешто опалѣли,
Али юнакъ изъ магле кликуе,
По имену Попе Радовићу,
Онъ кликуе до два братучеда;
,,Хай ђе си ми Стефо и Гавриле!
Што чините тер' iоштъ недођосте?
Село нама Турцы изгорѣше,
Осамъ братахъ вама посѣкоше,
И робѣ ће повест' свеколико,
Бранiосамъ, штосамъ мога' болѣ,
Али су ме ранне допануле,
Люте ранне, сад' ћу погинути,
Убило ме трое синчжирлiяхъ,
Едне су ми ногу одкинуле,
Друге руку десну изъ рамена,
А треће ми срдце изгорѣле;
Умрiет' ми нiе жао сада,
Iера самсе добро замѣнiо,
Него юришъ, ако ме чуете,
Ер' ми Турцы однiеше главу."
Оно чуше и Стефо и Гаiо,
Башъ са тридесть дружине чобанахъ,
У юнакахъ срца попуцала,
Па удрише сложно на крвнике,
Побишесе огнѣмъ исъ пушакахъ,
У то Турцы плећи обратише,
И низъ село грдни утекоше,
Ћераю ихъ тридесетъ чобанахъ;
Докъ у полѣ саћераше Турке
Тридесть главахъ ньима одкидоше.

То кад' виђе Намик-алил'-паша,
Ере Турцы плећи окренуше,
У два реда нигзамъ поставiо,
Тры хиляде пѣшца и коньика,
Поче село бити топовима,
У то индатъ Мартинићу дође,
Одъ Пиперахъ и Бѣлопавлићахъ,
Маланъ индатъ осамъ стотин' другахъ,
Како доше на Турке удрише,
Убишесе полѣмъ по нигзаму,
Докъ и полѣ нигзамъ оставiо,
Съ ньиме паша и остала войска;
И ту паши мало Богъ помога',
Ер' га коньске ноге унiеше,
И Спужа га врата затворише;
Брђанисе на трагъ повратише,
И погибшу браћу покопаше,
Свакiй оде на свое дворове,
Дiелећи пушке срмайлiе,
Ятагане и свитне доламе.
Десетину браће укопаше,
Толико ихъ ранахъ допадоше,
А Туракахъ у тай бой погибе,
Сто шездесетъ и четиры друга,
И триста ихъ ранѣнiехъ бѣше;
Пексе фали Намик-алил-пашо
Честитому цару од' Стамбола,
И нѣгову Мухур-Сахибiи,
Кои му є: нигзамъ поклонiо,
Да ньим' хара Црногорска села,
И да лафе чини воловима;
Ал' дичисе село Мартинiће,
Мартинићи Србскiи Соколићи!
Вы цареве паше исправляте,
Са пуцима вашiехъ брешакахъ,
Дасе небы кои преварiо,
И у дубѣ съ войскомъ загазiо,
Да Султану лѣпшiй даръ понесе,
А да биньишъ црвеный пригрне,
Ол' пригрне, ол' остави чапру,
Ка' су досле млогiи оставили,
И како тѣ вазда акобогда,
Докле трае кршахъ и пушакахъ,
И ђетићахъ юначкiехъ срцахъ
У слободной Сербской горы црной,

Што зависи одъ єдиног' Бога
И одъ свога духа витежкога.

62.

Буна Босанскіе Турака противу своега цара и нѢгова низама.
1831е године.

Милый Боже на свем' теби фала!
Кад' затрепта на истоку сунце,
И сѢвнуше на западу мунѢ,
Тад' є царе очи отворіо,
По свіету зулумъ опазіо,
Па у Стамболъ низамъ поставіо,
Яничарскій очжакъ погазіо,
Па имъ оштру саблю ударіо,
Онъ изгуби силна Яньичара,
За шестъ данаа шездесетъ хилядаа;
Па онъ пише турали-фермана,
А дозивлѢ лале и везире,
Човадаре, свое Капичжіе,
Онъ имъ дае турали фермане,
Па ій шилѢ одъ града до града,
Редомъ лако узъ Уруменлію;
Ко припозна цара и фермана,
Све му, Роде, пође подъ низама,
До Ушћупа и до Качаника,
До Приштине ђе панађуръ быва,
А старинне Плети-косе Павла,
И до малог' мѢста Вучитрна,
А старинее войводе Воина,
Мила зета славна цар' СтѢпана;
До Звечана и до Дмитровице,
До Тетове, и Призрена града,
И столице славна Цар-СтѢпана,
Па до Пећи, и до Ђаковице,
И до двора Леке Дукађинца,
И Кавае покрай мора синя,
Те до малог' Бара и Улћина,
И Жабляка Црноевић' Ива,
Подгорице Бега Лисичића,
И до Спужа Войводе Лазара;
Про' планине Плава и Гусиня,
И нахіе око града оба,
Све є цару пошло подъ низама.
Сал'се двіе силе супротиле,
Едно лоза Обрен-беговића,
Тешка сила брата Бушатлійна,
Господара Скадру на Боялу,
По имену Мустафа везире;
Друга лоза Бранковића Вука,
Што издаде на Косову царство,
ИзѢла га одъ небеса муня,
Некабуле цара ни фермана,
Нит' му хоћее подић' под' низама.
По чуйте ме моя брађо славна!
Ну вид̂ите Вусейн-капетана!
НѢму везиръ шилѢ буйрунтію:
„Вусеине, побратиме драгій!
А тако ти дина и имана!
Немой брате подаћ' подъ низама,
Док' т' є здраво четресъ капетанаа,
И дванаесъ главныи Алайбеегаа,
И осталій сехратъ и краина.“
Кад' капетанъ кньигу разуміо,
Одма другу кньигу написао,
Па ее шилѢ одма у краину,
Докъ покупи редомъ капетане
На ливади подъ боялн-кулу.
ПосѢдаше редомъ по ливади,
Ал' да видишъ Вусейн-капетана!
Принесе имъ вино и ракію,
Аге пію вино и ракію,
На лонци су єгленъ затурили,
О землями и о градовима,
О коньима и о юнацима,
И о добромъ свіетломъ оружю,
Гди л' є кои чиніо юнаштво,
На мейдану задобіо главу,
Ал' є добра роба заробіо,
Ил' є добаръ пліенъ пліеніо.
„Но што рече Вусейн'-капетане?“
Капетани! Тако вам' имана!!
Пројитесе землѢ и градоваа,
Већ' немойте подаћ' под' назама,
Ради Бога и хатара мога.“
Кад' то зачу четресъ капетанаа,
Сви су сложно нійкомъ поникнули,
И у црну землю погледали,

Како трава расте на завойке,
Башъ ко' дойке у добре дѣвойке;
Непоничу три добра юнака,
Едно бѣше пашо Видаићу,
А друго є бегъ Филиповићу,
До нѣга є Новин' капетане,
Одъ Новійна града біелога,
Ни поничу ни у землю гледе,
Нег' међ очи црне капетана,
На лонци су нѣму говорили:
„Вуссине листомъ Босни глава!
А тако нам' дина и имана,
И Турскога поста рамазана,
Мы нећемо подійћ' подъ низама,
Докъ є нама на рамену глава!“
Кад' Вуссинъ рѣчи разумѣо,
Онъ одъ землѣ на ноге скочіо,
Руке шири, у лице ій люби,
Међу очи, гдис' юнацы любе:
„Ай Аферимъ соколова крила!“
Тад' могаше уфатит' везира,
Но код' нѣга быяше муртатаа....
Везиру су хаберъ учинили,
Онъ побѣже ка Новоме Стоцу,
Шъ ньиме бѣжи деветъ капетанаа,
Браћо славна! Сва Херцеговина.
Ал' да видишъ Вусейн'-капетана!
Два Пашића сургунъ учиніо,
И бѣле имъ дворе разоріо,
Па є четры кньиге накитіо,
На четиры стране разтуріо,
Одъ Мостара до Нова Пазара,
Неоставя баше ни сердара,
И никака главна капетана;
У Краини гласъ на Алайбега,
И на сваког' кршна краишника,
Докъ заигра Сехратъ и Краина,
Па є мало кньиге накитіо,
Къ Сребрницы кньигу оправіо,
На колѣно Гази-Мемиш-Аги:
„Мемиш-аго, Сехратліо стара!
Ты опреми себе и ђогина,
И Бећира твога баряктара,
И появи Сехратъ и краину,
Айде Аго къ Новоме Пазару,
Ен-иншалла, аллахусе надамъ,
На Косову да сретемъ низама.“
А кад' къ нѣму така кньига дође,
И кад' виђе шта му кньига каже,
Колико му врло мила была,
На живоме заиграло тѣло,
Па Бећира зове баряктара:
„О Бећиру драгій баряктару!
Ты опреми себе и Зекана,
Я ћу спремит' себе и Ђогата,
Ты дофати барякъ съ чивилука,
Пободи га на лонцу зелену,
А изтури пушке абердаре,
Нек'се купи сехратъ и краина,
Ерь хоћемо пута путовати,
До ліепа Новога Пазара,
На Косову сретнути низама.“
Хитро слуга ріечъ разуміо,
Съ чивилука барякъ дофатіо,
Пободе га на лонцу зелену,
Пакъ избаци пушке хабердале,
Аберъ даде сехратъ и краини;
Мало врѣме было постануло,
Ал' етоти сехратъ и краине,
Ал'се равно полѣ замаглило,
А изъ магле зрака ударила,
Све о тоокаа и одъ челенакаа,
Отидоше пута путовати,
Изкочише друму Пазарскоме,
Сусрете га Скадарска ћехая,
И Ђул'-ага шехеръ Сараева,
Шъ ньиме войске дванаесъ хиляда,
Отидоше кодъ Нова Пазара,
На ливаде чадоре попели,
Подъ чадорим' конакъ учинили,
А око ньи Сехратъ и краина.
Іошъ да чуйте, браћо моя славна,
Време стаде за нећелю данаа,
Ал' одпоче сехратъ прилазити,
По имену главны капетани,
Првог' брате капетана кажу
По имену Дервен-капетана,
Ђе онъ ходи и краину води,
Вію мусе зелени барјацы,
Ко' по небу магле и облацы;
Докъ Дервента дође до Пазара,
А то за ньим' капетана кажу,

По имену Маглай-капетана,
За Маглаіомъ Тешань-капетане,
Па капетанъ одъ Гламоча града,
А за ньиме Крупа капетане,
Па іошъ кажу добра капетана,
Одъ онога Яйца біелога,
По имену Мустай капетане,
Іошъ за ньиме капетана фале
Одъ ліепе Шехеръ Байне-Луке,
По имену Мурат'-капетана,
А за ньиме паша Видаиђу
Одъ Зворника града нѣговога.
Опет' кажу Новин'-капетана
Одъ Новійна града краишнога,
Па ето ти змая огнѣнога
По имену Тузле капетана!
За ньиме су два Беђировића,
Оба веле да су капетана,
И за ньима Климма капетане,
Люди кажу, да є Климма шала,
Ал' є Климма листомъ Босни глава;
Іошъ за ньима капетана фалу
Одъ Пећине на краину люте,
По имену Даут'-капетана,
Па казую Бега Осман-бега
Одъ Мостара града біелога.
Кад'се збука сехратъ и краина
Код' шехера Новога Пазара,
Ста вріеме за неђелю данаа,
Ал' сто ти Вусейн'-капетана,
Шъ ньимъ казаше девет капетанаа,
Іошъ десетог' Козлу капетана,
Нѣга жешћег' у свой Босни нейма;
Ал' да видишъ Вусейн' капетана!
На конаку лонцу покупіо,
Цематиле дову изучіо,
Еданъ другом' божю вѣру даю,
На Косову да узмака нейма.
Отле добре конѣ пояхали,
Отидоше съ Богомъ путуюћи,
Пѣваюћи конѣ играюћи,
Гласовите пушке тураюћи,
Тад' са града пукоше топови,
И кренусе Вусейн'-капетане,
Докъ пріеђе Рогозну планину,
А до Баньске и Звечана града,
Ту капетанъ гради конакъ првый;
Отале су рано подранили
Ка Ипеку преко Дукађина,
На Баньи су чженякъ заћенули,
И осамнестъ главаа задобили,
А дванаестъ своій оставили,
Пакъ подъ Пећи конакъ учинили,
Ту стаяли тры біела данка,
Ал' да видишъ паше Видаића,
Често паша подъ чадоръ иђаше,
Подъ чадора Вусейн'-капетана,
Те онъ піе кахве и духана,
Вусеину паша проговара,:
„Ходи друже да имъ ударимо!
По да чуешъ Вусейн'-капетана,
Изъ чадора паши одговара:
„Царска руко, паша Фидаићу!
Да ми нашу негубимо войску,
Едда Ипекъ на аманъ узмемо.“
Па у рісчъ што су говорили,
Ето ньима ситна кньига дође,
Одъ Разака паше Пећанина,
Да имъ неће изић' на амана,
Но ій бити са града топовма.
А да видишъ Вусейн'-капетана!
У ордію попушти телала:
„Краишницы мои соколови!
Отворте ми образъ на мейдану,
Вамъ ће Аллахъ на божѣмъ дивану.“
Тада добре конѣ пояхаше,
Па метеризъ юришъ учинише,
Метериза брзо погазише,
Много своій главаа оставише,
Али одма и Пећъ приватише,
И силенный шићаръ задобише;
Па и отле конѣ пояхаше,
Отидоше низъ Дреницу равну,
На высоку каменну ћупрію,
Докъ ордія воду претурила,
А искочи у полѣ Косова,
У Приштини конакъ учинили,
Тако стали неколика дана;
Изабрасе триста сехратліяа,
А по изборъ коньи и юнацы,
Све ком' ніе жао умріети,
Па Косову мейданъ задобити.

Отидоше скитат' по Косову,
Свуда скитат' за низама питат'."
Добра ій є срећа натурила
Код' Липляна села питомога
Ту нађоше царева низама,
На Косову хендекъ истуріо,
А на хендекъ топа намѣстіо,
Паксе брани по Косову ньиме,
Ал' да видишъ Аге Мемиш-аге,
Своґ' є друга єдноґ' оправіо,
Вусеину хаберъ учиніо,
А у сабахъ ценякъ затуріо;
Но Богъ уби пашу Призренскога,
Те є цару хиллу учиніо,
На низама пушку окреніо,
Докъ сатрше на полю низама,
Узеше му топе и чжебану
За захиру ни говора нейма,
И узеше хазну и чадоре.
Кад' то зачу Мухур-Сахибія
У Ушћупу граду біеломе,
Па є ситну кньигу накитіо,
У Косово кньигу оправіо,
А на руку Вусейи'-капетану:
„Вусеине царевъ Муртатине!
Ласно ти є хилломъ бити боя,
Но ти мувле до првоґ' Чжумаха
Ето мене на Косово равно,
Са моие сто хилядаа войске,
На Косову мейданъ раздвоити."
Кад' Вусейну гласъ и кньига дође,
Те онъ виђе што му кньига прійча,
Одъ стра су му заиграле руке,
Паде кньига у зелену траву;
Брже конѣ добре пояхаше
Царску силу чекати несмѣше,
Но срамотно бѣже про Косова,
Бошнякъ оде у Босну поносну.
Тако стаде два мѣсеца данаа,
Па да видишъ цара честитога!
Царъ опрема шесетъ хиляд' войске,
И предъ ньима четиры везира,
Нека бію на Бояни града,
Хитро войска на Скадаръ изађе,
Тако ньима Богъ и срећа дала,
Брзо шехеръ Скадра прифатили,
И везира у градъ заклопили,
Па га бію топомъ и гудбаромъ,
Безъ времена тры недѣлѣ данаа,
Одъ дуара неодбія вара,
А некмоли да му знадне врата.
Кад' є было о светоме Луки
Заћелесе тры магле облака,
Састашесе више Скадра града,
Вѣтаръ пухну а сіевну муня,
Одъ облака тресъ є ударіо,
Те разбіо на Бояни града,
Што градила сила Бушатлійна,
Са нѣгово петъ хиляд' майстораа,
За времена шездесетъ годинаа.
Ту везира сила уфатила
Са нѣгова до два мила сына,
Хазне кажу хиляду товараа
Оправише цару на Дивану,
Хазну прати Мустафа везире,
Онъ и хазна цару на пешкеша,
Предъ џамію на Халем-муае,
Ђес' везирске истураю главе;
Ал' Вусейне царевъ Муртатине,
У зо' часъ си землю замутіо,
А у горій Косово разбіо,
Ако Богъ да, и царева рука
И твою ће Стамболъ виђет' главу,
Самъ ћешъ му є однест' на кобили,
Све што было, тосе и виђело.

Примѣч: Ова ми є пѣсна преписана одъ Павла Чурла Патріаровића, у савршенноме возрасту ослiепившега; онъ є праунукъ предпослѣднѣга Патріарха Сербско-Пећскога Арсенія Чурла, и бы ће му имало до четересъ годійнаа, кад' є ово пѣвао, а и собомъ є спѣвао. Родомъ є одъ Новога Пазара, дакле Рассійньскій Сербинъ, та како што є и Обилићъ быо —.

63.

ПослѢдцы Юнаштва.

(Одъ истога сліепца Павла Чурле.)

У хиляду и осме стотине
А петога лѢта одъ девете
Кад' Крушевацъ Србы освоише
Свасе Турска земля узколеба,
Сташе Турцы ситне кньиге писат';
,,Ко ихъ пише? коме ли ихъ пише?"
Кньиге пише паша Шашит-паша
Те є шилѢ Скадру на Бояну,
А на руку везир'-Ибрахиму:
,,Ахъ мой брате везир'-Ибрахиме!
Ал' нечуешъ, ал' нехаешъ за не,
Ђаури ни землю бастисаше,
Паланке намъ редомъ одузеше,
А џаміе баталъ учинише,
Ђе кланяху хочже и хачжіе,
И остале ћитап-сахибіе;
Луду нашу дѢцу изробише,
Изробише пакъ ихъ изкрстише,
А хануме резилъ учинише,
Скидоше имъ са главе хавліе,
И са плећаа зелене феречже,
Исподъ грла злаћене ђердане,
На кима су синчжирли дукати,
Што господски у харем' сѢђаху,
На душеку и свилен'-миндеру,
Сад' све иду босе по снѢгови
Кад' имъ нейма вакта ни хадета,
То є зазоръ цару честитоме,
Акамоли цареву везиру."
Кньигу чита Ибрахимъ везире,
Ону виђе другу одписуе:
,,Шашит-паша на краини крило!
Држ'се мало неупусти града
До честита дана ђурђева дна,
Доксе гора пріођене листомъ,
Чарна земля травомъ и цвіетомъ
Докъ приспіе ягнѢ за закланѢ,
И докъ хати на чаиръ изађу,
Я ћу силну сакупити войску,
Па ћу доћи Нишу біеломе,
Удариһу на землю Србїю,
Паланке ћу све іой одузети,
Докъ изађемъ на Ћупрію равну,
Ту ћу везиръ таборъ учинити,
И распети біеле чадоре,
У вилаетъ разтурити войску,
Пороби ћу мало и велико,
ИзгорѢћу огнѢмъ свеколико,
Све ћу женско робит' и турчити,
А све мушко подъ саблю метнути,
Войводе ћу Србске пофатати,
На колѢ ихъ живе ударати,
Уфатићу тога господара
Каурскога, Петровића Ђорђа,
Кожу ћу му съ живог' одріети."
Ма нерече Турчинъ, акобогда,
Већсе Турчинъ у силу уздаше,
А сила є у Бога вишнѢга,
Кои нѢму ни помоћи неће —.
СѢде везиръ ситне кньиге писат',
Онъ ее шилѢ біелу Топтану,
А на руке Бегу одъ Топтана:
,,Чуешъ ли ме одъ Топтана Бего!
Съ Кауриномъ извадисмо кавгу,
Но сабери єдну силну войску,
Айде шъ ньоме Скадру на Бояну."
Другу шалѢ біелу Каваю,
Свом' сестрићу Бегу одъ Кавая:
,,Съ Кауриномъ заметнусмо кавгу,
Но сабери єдну силну войску,
Хайд ми шъ ньоме Скадру на Бояну."
Трећу везиръ ситну кньигу пише,
Те є шалѢ у Дибрію равну,
А на руке младом' Халил-паши:
,,О чу ли ме Халил-пашо младый!
Съ кауриномъ извадисмо кавгу,
Но сабери твою люту Тоску,
Айде шъ ньоме на Мораву-бичу,
Чекай мене пашо на Морави."
И ту посла па четврту пише,
Те є шилѢ біелу Гусиню,
А на руке Ћул-бегу староме:
,,Ахъ мой шура, Ђулбегъ одъ Гусиня!
Съ кауриномъ отворисмо кавгу,
Но сабери твою силну войску,
Све горштаке безумне юнаке,
Айде шъ ньима стойноме Призрену,

Чекай мене Бего у Призрена."
Ону посла пету кньиту пише,
И ню шалѢ Пеђи на краину,
А на руке паши Раман-паши:
,,Пріятелю пашо Раман-пашо!
Съ кауриномъ изведосмо кавгу,
Но сабери єдну силну войску,
А предъ войску два моя сестриħа,
По имену Бега Дервиш-бега,
И нѣгова брата Нетен-бега,
Кога болѢг' у Турака нейма,
Айде съ войскомъ біелу Призрену,
Чекай мене пашо у Призрена."
Ону посла другу написуе,
Те є шилѢ шехер' Ђаковицы,
Ђаковицы Арнаут-пазару,
А на руке паши-Мустай-паши:
,,Чуешъ ли ме пашо Мустай-пашо!
Съ кауриномъ заметнусмо кавгу
Но сабери єдну силну войску,
Айде шъ ньоме біелу Призрену."
Шесту посла седму кньигу пише,
Те є шилѢ біелу Призрену,
А на руке паши Сахит-паши:
,,О мой зете пашо Сахит-пашо!
Съ кауриномъ отворисмо кавгу,
Но сабери єдну силну войску
По Призрену и око Призрена,
А готови конакъ и вечеру,
Чекай мене пашо на дворове."
Ону посла, па іошъ єдну пишѐ,
Те є̑ шалѢ біелой Приштини,
А на руке паши Малиħ-паши;
,,О Малиħу царевый везире!
Съ кауриномъ завргосмо кавгу,
Но дай збери єдну силну войску,
Хайде шъ ньоме у Липляне равне,
Ту готови конакъ и вечеру,
Ето ти ме дасе састанемо."
И ту посла па девету пише,
ШалѢ кньигу Враню на Мораву,
А на руке паши Мехмед-паши:
,,Чуешъ мене Вранялія пашо!
Съ кауриномъ ево нама кавга,
Но сабери єдну добру войску,
Айде шъ ньоме на ту Бич-Мораву,
Чекай мене пашо у ордіи."
И ту посла и другу написа
Пю ми шалѢ біелу Кратову,
На Хазара царева веħійла:
,,О Хазаре царевый веħійле!
Съ кауриномъ сад' имамо кавгу,
Веħ' ты скупи твою силну войску
Пакъ є дижи на Мораву-бичу."
Ону шалѢ, іоште єдну пише,
Те є̑ спреми біелу Видину,
А на руке паши Пазванчжиħу:
,,Чуешъ ли ме Османъ Пазванчжіо!
Кавгу тражишъ, кавга за те пита,
Ев' каура ево и мейдана,
Но сабери твою силну войску
А узъ войску храну и чжебану,
И топове што ломе градове,
И кумбаре што пале градове,
Айде съ войскомъ на ту Бич-Мораву."
Ону посла дванаесту пише,
Те є̑ шалѢ Карафейзи младом,:
,,Ай чу ли ме младый Карафейзо!
Съ каурима извадисмо кавгу,
Ты покупи твое крџаліе,
Да идемо стойну Београду,
Да видимо побратима твога,
Побра твога пріятеля мога,
По имену Халійла Гушанца."
А кад' кньиге землѢ пріеђоше,
Поглаваре дома находише,
Кньигу гледа беже одъ Топтана,
Кад' ее виђе што му кньига пише,
Пакъ онъ сабра єдну силну войску,
Шъ ньоме оде Скадру на Бояну;
Гледа кньигу Бего одъ Кавая,
Кад' видіо што му кньига каже,
И онъ сабра силновиту войску,
Оде шъ ньоме Скадру на Бояну;
Гледа кньигу Халил-паша младый
Люту Тоску онъ собира войску,
Оде съ войскомъ на Мораву-бичу.
Гледа кньигу паша Раман-паша,
А кад' виђе шта му кньига каже,
Стаде паша свою купит' войску
Одъ СѢнице и одъ Дмитровице,
Онъ искупи краину Ипека,

Диже Руплѣ и Подгорѣ равно,
И Ругову виш' Пеħи питоме,
А кад' паша искупіо войску,
Два су предъ ньомъ сестриħа везирска;
Кньигу гледа Беже одъ Гусиня,
Па брж' стаде сабирати войску,
Те окупи Плаво и Гусинѣ,
Бутумъ Бихоръ и Біело-полѣ,
До Рожая и Пештере равне,
И до чиста поля Суходола,
И Брђане безумне юнаке,
Оде съ войскомъ біелу Призрену;
Гледа кньиге паша Мустай-паша,
И онъ уста сабирати войску,
Ђаковицу Арнаут-пазара,
Све одъ Хаче и одъ Ораовца,
Іошъ онъ купи подгоръ Метоію,
Оде съ войскомъ біелу Призрену;
Сахит-паша учи ситну кньигу,
А кад виђе што му кньига пише,
Стаде паша войске сабирати
По Призрену и около нѣга
Изъ край Дрима люте Арнауте,
Докле сабро єдну силну войску,
Па готови конакъ и вечеру.
Кньигу гледа паша Малиħ-паша,
Па видіо што му кньига пише,
Стаде брже сабирати войску,
По Приштини и око Приштине,
Равно брдо и полѣ Косово,
И Янѣво и Бранѣво жупно,
Съ войскомъ оде у равне Липляне;
Гледа кньигу паша Мехмед-паша,
И онъ сабра єдну силну войску,
Оде съ войскомъ на Мораву-бичу,
Учи кньигу Хазаре веħиле,
А кад' сазна што му кньига вели,
Стаде витезъ окупляти войску,
По Кратову и око Кратова,
По Серезу и Велезу равну,
По Тетову и по Куманову
Све велике широке нахіе,
Съ войскомъ оде на Мораву-бичу.
Чита кньигу паша Пазванчжія,
Кньигу чита и сабира войску,
А узъ войску храну и чжебхану,
И топове што ломе градове
И кумбаре чим' пали градове,
Оде съ войском' на ту Бич-Мораву.
Свакій даде войску и захиру,
Карафейзо неда ни єднога,
Онъ ти за то ни хабера нейма;
Али везиръ ста купити войску,
Све спахіе одъ Урумелліе,
Одъ све Турске и Анадоліе,
И Латине покрай мора сланог',
Одъ Тирана и Дибрана града,
И одъ Лѣша и одъ града Драча,
Па одъ Бара и Вуцина бѣла,
Лѣшкопольце одъ краине бойце,
И одъ Спужа града крвавога,
И гиздаве шехеръ Подгорице,
Іошъ онъ диже Миридиту люту,
А предъ ньоме Ђон-Маркова сына,
И осталу шњ ньиме Малисію,
Ал' немогу сваког' поминяти
Пріе бы ихъ війле изказале,
Него пѣвче узъ одвугле гусле.
Хей! кад' ли везиръ у Скадру біелу
Кад' онъ скупи таку силну войску
У Суботу на вече недѣлѣ;
Сутра данъ му захучало подне,
Па пукоше на Скадру топови.
Самсе везиръ одъ Скадра подиже,
Води войску біелу Призрену,
А кадъ везиръ у Призрена дође,
Сѣде съ войскомъ за петнаесъ данаа;
Па кад' му є подне заучило,
У Суботу на вече неђелѣ,
Са Призрена пукоше топови
Оталесе везиръ подигао,
Онъ отиде у Липляне равне,
И ту стану тры біела дана,
Доксе силна изчекала войска;
Паксе везиръ отал' подигао,
Докле дође Нишу біеломе,
Те ту сѣђе тры неђелѣ данаа,
Доксе силна сустигнула войска,
На тефтеръ є изброио войску,
Има войске стотину хилядаа,
Деветъ хиляд' млада сараора,

Сараора ядна бугарина,
Што имъ носи воду и захиру,
И што копа шанце и хендекс.
О шта земанъ, о тог' и вріеме,
На мунару заучало подне
У Суботу у очи неђелѢ,
Ал' пукоше 'са Ниша топови,
Оде везиръ, оде силна войска
На Сербію землю ударише,
Загонисе юнакъ за юнакомъ,
Ко ће Србску дограбити главу,
Дасе фали Турчинъ по дружини;
Тек' на друмсе посавила гуя,
Шарка гуя Петаръ изъ ДобринѢ,
Бусію є чудну зафатіо,
По имену тврда Делиграда
На Стамболском' царевоме друму;
Брже Србы плотунъ оборише,
Потресесе земля изъ темеля
Одъ Србскіе топов' и пушака,
На булюке разћераше Турке,
Іошъ догонес' єданъ до другога,
И падоше єданъ за другога
Юриши имъ ништа немогоше,
Паксе Турцы збиля измакоше,
Око шанца себе закопаше,
НамѢстише топе и кумбаре,
Сташе бити града Петровога,
Млогіи момцы Петру изгибоше
И погибе Милованъ Бимбаша;
Ал'се Србы храбре и веселе,
Свираюсе свирке различите,
А играю игре свакояке,
Дасе небы забринула войска,
У сваког' є почадило лице
Одъ брзога праха и олова,
И кумбаре паше Пазванчжіе
И одъ топа цара честитога.
Ал'се Петаръ іошъ и болѢм' нада,
Ево нѢму помоћъ одъ Србіе,
Доста войске, а доста чжебане,
Главомъ дође Младене везире,
За Младеномъ Станое войвода,
До Станоя Вуица Хазаньче,
До Вуице Смедеревацъ Вуле,
Око Вула до два Оборкнеза
Темнићанинъ и Лієвчанине
Кнеже Ежто и кнеже Милое
Одъ юначког' мѢста и колѢна;
До кнезоваа до два капстана,
Едно Жикићъ, а друго є Симићъ,
Што служише Бечкога Ћесара
Съ Французима мейданъ діелили,
Па садъ браћи дошли у помоћи
И о Турке да крваве руке;
А мећ' ньима Хаждая Стеване
КралЂвићски штоно піе вино,
КралѢвички што сієче сабльомъ
И кад' рукне громъ у Турке пукне
Страшнога є ока и погледа,
НЂму равна у ордіе нейма
У ордіи Турской и Каурской
Но пошета Петаръ одъ ДобринѢ,
По бедему шанца големога,
Да обиђе страже и хендеке,
Него пуче проклета кумбара,
Десну Петра обраннила руку,
Клону рука низъ чошну доламу,
Юнакъ бѢше Петре господаре,
Ни яуче нити онъ лелече,
Но посѢде ђогу големога,
Пакъ отиде Младену везиру;
Ту Младену Петаръ говоріо:
Што учини Младене везире?
За што пусти Срба подъ Турчина?
А тако ми Бога истиннога,
Ако шанца могъ узеше Турцы,
Хоћее узет' и твогъ Београда,
Хоћее пріймит сву краину нашу."
Ту му Младенъ помоћъ учиніо
На измѢну до два Оборкнеза,
Све вођаю по триста момака,
Подпуняю шанца Петровога,
Све єднако за петнаесъ данаа,
Докъ є Петру преболѢла рука;
А кад' Петра преболѢла рука
Онъ отиде Младену везиру,
Тус' господа Србска састанула,
Међу собомъ совѢтъ учинила,
Сви одъ себе кньигу направише
Те ю шилю Сербском' Господару,
Младенъ зове Стеву Тувешчію

Одъ гиздаве варошъ Подгорице:
,,Айде морре тамо низъ Мораву,
Ако теби Богъ и срећа даде
Те ты здраво дођешъ у Тополу,
Ту ћешъ наћи Србска господара,
Смѣрно ћешсе, Стево, поклонити,
И люби му руку и колѣно,
Немой шъ ньиме ништа бесѣдити,
Но му додай кньиге у наруче,
Све ће видѣт' што му кньига пише.''
Ка то чуе Туфекчія Стево,
Онъ посѣда хата маменога,
Ударіо посредъ Турске войске,
Па обрну тамо низъ Мораву,
Низъ Мораву преко Шумадіе;
Тако нѣму Богъ и срећа дали,
У Тополу здраво доходіо,
И ту нађе Срба господара,
По имену Ђорђа Петровића,
Смѣрно мусе Стево поклоніо,
Люби нѣму руку и колѣно,
Додаде му кньиге у наруче,
Онъ є даде писару Стевану.
Кньигу гледа писаре Стеване,
Гледа кньигу а сузе пролѣва,
Нѣму вели одъ Тополе Ђорђе
,,Казуй брже мой куме Стеване!
И пређе су кньиге доходиле,
Ал' ніесу быле жалостиве,
Што ты ронишъ сузе одъ образа?
Одкуда є мука и несрећа?''
Ал' му вели писаре Стеване:
,,Неймашъ рашта питат' господаре!
Ова намъ є кньига допанула
Изъ краине а одъ Делиграда,
Добриняцъ є у невольи тешкой
Турска га є сила обколила
Обколила па га узаптила,
Недае му душомъ одахнути,
Сва му Србска непомаже войска;
А тако ми Бога истиннога!
Ако нѣму Делиградъ узеше
Освоиће сву Србію Турцы.''
Ал'се Ђорђе гротомъ насмеяо,
Па Стевану ріечъ бесѣдіо:
,,Небой мисе мой куме Стеване!
Страшна куга и досад' є билла,
Али ніе свуда погађала,
Па што Богъ да и срећа одъ Бога,
Я ћу іоште скупит' Шумадію,
Шумадію страховиту войску,
Све хатліе и све токаліе
Кои носе циде на рамену,
Циде су имъ обшивене вукомъ,
Да юнаку неомичу руке,
Разбићемо Турке и везире,
Акобогда и тог' Шкодру сада.''
Пакъ є кньигу єдну направіо,
Те є шилѣ Петру одъ Добринѣ,
У кньизи га поздравя Ђорђіе:
,,Држ'се мало, неупушти шанца!
Я ћу теби сад' на помоћъ доћи.''
Пакъ єе даде Туфекчіи Стеви:
,,Най то теби Туфекчія Стево!
Ты єе носи управо Добриньцу.''
Іош'се маши у чжепъ о доламе,
Те извади десетакъ дукатаа:
,,Най то теби моя Подгорицо!
Тесе напій у механи вина,
Па пояши добра хата свога,'
Непочаси ни дневи ни ноћи.''
Оде тамо Туфекчія Стево,
Уста Ђорђе сабирати войску,
Па кад' силну войску искупіо,
Оде шъ ньоме варош' Крагоевцу;
Богъ убіо Нагоркиню віилу,
Одъ Коньица высоке планине,
Те покличе танко гласовито,
Она зове везир' Ибрахима:
,,Зло ти ютро везир' Серашћире!
Ес' ли чуо, кажу ли ти люди?
Еси л' чуо за Црног' Ђорђія?
Собомъ води листомъ Шумадію,
Собомъ носи огнѣне топове,
На войску є и владыка пошо
Леонтіе Митрополитъ Сербскій,
И онъ води Божѣ свештенике
Све попове и све калуђере,
Бога моле и дневи и ноћи
Да бы тебе ђегођъ удесили;
А тако ми никога до Бога!
Ако т' заста одъ Тополе Ђорђе,

Молићешсе, умолит'се нећешъ,
Бранићешсе одбранити нећешъ,
И бѣжаћешъ ал' утећи нећешъ."
Ка то зачу Ибрахим' везирс,
Небило му мило николико,
Паксе бѣше люто препануо,
Но скоросе яду досѣтіо
Како бысе пріе избавіо;
Па кад' было поћомъ у поноћи,
Турцы плотонъ велик' обориште,
Дасе Срби небы осѣтили,
Ђе побѣже везиръ безъ обзира;
Докъ утече Нишу бієломе
Ал' му войска млога изгинула,
А іошъ више раннѣника има,
Хртникъ Ђорђевъ ньи є пристигао,
Іошъ да смѣше чекати у Нишу,
Докъ имъ дође собомъ Карађорђе,
Не бы знали куд' быс' дієвали,
Ко съ Тичара поля Лозничкога
Исто лѣто мало пріе тога.
Боже драгій на свем' теби фала!
Да си стао, побро те гледао,
Кад' иђау на Србію Турцы
Како иду рады и весели,
Како л' иду изъ Србіе дома
Све жалосни ядни невесели,
Безъ ріечи, у землю гледаю,
Ко невѣста свое прво ютро;
Како сада, тако до віека,
Што каур'ма Турцы поумили,
То све дошло на ньихове главе,
А нек' правыи юнацысе славе.

64.

Падсніе Млетака.

(Одъ Ђура Милутиновића Црногорца са Грахова родомъ.)

Двіе сусе круне завадиле
Око круне Млетачкога Дужда,
Едно ми є одъ Беча Ћесаре,
А друго є Бонапарте кралѣ;
Кньигу пише главомъ Бонапарта,
Те ес шилѣ Бечкоме Ћесару:
„Чуешъ ли ме одъ Беча Ћесаре!
Ты ако ћешъ дасе несвађамо,
Остав' мени Млетке и Талію,
Ако ли ми оставити нећешъ,
Ево теби мою вѣру даемъ,
Хоћу дићи сву силну Францію,
На границе твое ударити,
Села палит' и пріймат' градове,
Докле дођемъ Бечу біеломе,
Узећу ти я безъ боя Беча,
У твой Диванъ конѣ уводити,
Одъ двора ти шпиталѣ градити,
А нећу те ни на том' оставит',
Но те гонит' землѣомъ Ђерманіомъ,
Докъ ти дођемъ и до Прага златна,
Златног' ћу ти Прага освоити;
Пакъ отале обратити войску
Докле дођемъ до Милана твога,
Милана ћу освоити града,
Кад' освоимъ біела Милана,
Крозъ Талію проводићу войску,
У Млетке ћу кралѣ починути;
Па отале обратићу войску,
Све краине твое предузети,
Сву-Истрію и сву Далмацію,
А и славну Которску краину.„
Кньига дође одъ Беча Ћесару,
Сву господу бѣше сакупіо,
И предъ ньима кньигу проучіо;
Кад' господа кньигу разумѣше,
Па Ћесару ріечъ говорише:
„О ћесаре, наша круно златна!
Тысе прођи врага и Млетака,
Него брани круну и ћесарство,
Штоно ти є одъ баба остало;
Аркидука тусе намѣріо,
Па Ћесару-другу прозборіо:
„Талія є твоя подкућница,
Млецы су ти цвіетъ одъ градоваа,
Сва Истрія и сва Далмація,
Ћесаре є твоя бановина,
А ключъ ти є Бока одъ краине,
То прегори, ако можемъ како."
Кад' є Ћесаръ Дуку разуміо,
Пакъ отале ситну кньигу пише,

Те є шилѣ Бонапарти кралю:
,,Чуешъ ли ме Бонапарта кралѣ!
Мошъ ли знати єсил' упантіо,
Када велѣ селѣ учинисмо
У моему Бечу біеломе
Око круне Дужда Млетачкога,
И Дуждеву круну разкрунисмо,
Мы оваке пaте учинисмо:
Ты да носишъ све Дуждево благо,
А за мене земля и градови;
Ты понесе што ти део даде,
Мен' остаде земля и градови,
Недамъ сада што узео тада,
Докъ є моя круна и ћесарство,
Нисе боимъ тебе ни Францїе."
Така кньига у Паризу дође,
У столицу Бонапарти кралю,
Кньигу гледа Бонапарте кралю,
Кньигу гледа, паксе кньизи сміе,
И овако рісчъ бесѣдіо:
,,Авай тужный одъ Беча Ђесаре!
И ты ли ћешъ съ нама ратовати?"
Пакъ онъ диже силу и Францію,
На границе удари Ђесару,
Села пали а градове пріима,
Докъ є ближе Беча доходіо;
Но тако є срећа изніела
Главитога Московског' принципа,
По имену Кутузова млада,
Съ Бонапартомъ боя учиніо,
Изгуби му неколик' хилядаа,
Потѣра га прео Ђесаріе,
Али виче пребіела віила,
Башъ изъ войске краля Бонапарта:
,,Ал' невидишъ, ал' нехаешъ за се
О великій кнеже Кутузове:
Ет' издаше тебе пріятельи,
Прїе доба мира учинише,
И за то те ништа непиташе,
Него бѣжи да изнесешъ главу."
То кад' чуо Кутузове кнеже,
Онъ побѣже главомъ безъ обзира,
Бонапарте ћерати га нешће,
Но съ войскомсе натрагъ повратіо,
Докле дође Бечу біеломе,
Безъ боя є у Бечъ улазіо,
Одъ ћесара бруку учиніо,
Што рекао, то непорекао,
Ни на томъ га' оставіо ніе,
Но ћера га земльомъ Ђерманіомъ,
Докле дође и до Прага злaтна,
Златног' му є Прага освоіо,
Па отале обратіо войску,
Докле дође до Милана града,
Ту га єдно селѣ дочекало,
Дочека га Филипъ Вукасовићъ,
Ђенерале одъ землѣ Славинске,
Брани града тры біела дана,
Нѣгова га издаше господа,
Бонапарта освои Милана;
Кад' Милана бѣла освоіо,
Войску води кроза сву Талію,
У Млетке є кралѣ починуо,
На престолю Дужда Млетачкога;
Ту му ситне кньиге допаднуше,
А одъ оне Боке краишничке,
Кньиге пишу младыи Яковини,
Іошъ у кньигам' овако бесѣде:
,,Бонапарта, и отацъ и майка!
Хитай брже ако знадешъ Бога,
Небы ли насъ пріе уграбіо;
Одъ Москова или одъ Англеза,
Пропадосмо безъ тебе одиста."
Ал' то чуше одъ Боке юнацы,
Међу ньима Ђуро Кнежевићу,
Србаль Ђуро ситну кньигу пише,
Ону шилѣ Корфу біеломе,
Арминарти Принцип' Сенявину:
,,Сенявино, Рускій Генерале!
Што нечуешъ, што л' нехаешъ за ни?
Ево има четир' стотин' лѣтаа,
Како Србы цара изгубише,
На равноме полю Косовоме,
Што біяше у Херцеговини,
У лїепой Србской Бановини,
Што біяше Србина племића,
Све побѣже у жупно Приморѣ,
Подъ заштиту Дужда Млетачкога,
Дивно ій є Дужде прифатіо,
Отацъ дѣцу болѣ непазіо,
Ал' ев' има до деветъ годинаа,
Како смосе ядни препродали,

Те ономе ћесару Бечкоме,
И онъ бы ни ка' отацъ и майка,
Тек' насташе клеты Яковини
Препродаше и насъ и Ћесара,
Башъ ономе пріятелю своме
Бонапарти одъ Франціе кралю;
Но Сенявин' славный ђенерале!
А тако ти Руске вѣре тврде,
Хитай брже штосе болѣ може,
Еръ те желе Бокежкіи Србовы,
Желе тебе кано сынцы отца."
Дође кньиге Принцип' Сенявину,
А кад' види што му она каже,
Онъ истури на море кораблѣ,
Право лети у Боку которску,
Ал' ет' отуд' и Бонапарт' краля,
Тек' бы среħа боля Сенявина,
Уграбіо піе нѣга Боку;
Сад' пѣваю Бокельскій Ришћани:
„Боже драгій на свем' теби фала!
Кад' добисмо Русса господара,
Свой є своме и помоћъ и дійка,
То є правда и добру прилика,
Па што Богъ да, то ће само быти,
Опет' ћесе Србаль прославити —."
Ет' овако браћо и дружино,
Сваком' своје што є свое было,
Па и туће нигдас' нежелило —.

65.

Нерођенъ Делія.

(Одъ истога Браћанна Козарчића у Бѣлоп.)

Зафалисе Туре одъ Медуна,
Дасе Туре оженити неће,
Ни ђевойкомъ, а не удовицомъ,
Но невѣстомъ иза мужа млада:
„Єсамъ чуо, кажевали су ми
У Котару граду біеломе,
Вѣрна люба Поповић' Стояна,
Лѣпоте іой по свіету нейма;
Али ћусе оженити ньоме,
Яли ньоме, яли земльомъ црномъ."

У виносе Туре зафалило,
А одъ вина кадсе разабрало,
Алсе Туре покаяло было,
Оно штосе у вину фалило;
Ма изведе вранца дебелога,
Оседла га што може найлѣпше,
Узяхасе нѣму на рамена,
А отиде друмомъ и планиномъ,
Докле дође у Котаре граду,
Предъ дворове Поповић' Стояна!
Ту онъ нађе Стоянову любу,
Ньойзи Туре божу помоћъ зваше,
А она му помоћъ прифатила:
„Богъ дай тебе незнанна делія!"
На то вели Туре Оммерага:
„А тако ти, Стоянова любо!
Донеси ми єданъ кондиръ вина,
Да я тешку поугасимъ жеђу."
Е га млада послушала была,
Доносе му пунанъ кондиръ вина,
И пружа му ону чашу вина,
Ма нехоће Туре Оммер-Аго,
Онъ нехоће ону чашу съ виномъ,
Но Анђушу уграби за руку,
Туріо є за се на ћогата;
А побѣже полѣмъ Котарскіемъ;
Е Стояну гласи долазише:
„Зло ти ютро Поповићъ Стояне!
Ты попіяшъ у тазбину вино,
Одъ Медуна Туре Оммерага,
Поведе ти твою вѣрну любу."
Кад' Стояну такіи гласи дошли,
Онъ поскочи одъ земле на ноге,
Брже оде на свое дворове,
Па улѣзе у подруме нове:
Нейма када оседлават' вранца,
На голасе узяхао пуста,
А полеће полѣмъ Котарскіемъ,
Ка' свѣтлица крозь вечерне мраке,
Лахко ћера и стиже га брзо,
Сустиже га на воду Корунну,
Турчину є ріечъ бесѣдіо:
„Стани курво Туре Оммерага!
Ніеси є на мейданъ добіо!
Стан' полахко да є діелимо!"
Обрнусе Туре Оммерага,

Тек'се сташе два добра юнака,
На остресе ћорде udарише,
Докле имсе сабѢ саломише,
За бѢласе грла докопаше,
Носећисе подъ конѢ падоше,
Тискошесе у воду Корунну,
Носишесе по води студенной;
Но таква є намѢръ наніела,
Наніела одъ Котара овце,
При овцама није нико неима,
До еднога ђетета Николе,
Оно виђе Туре и Стояна,
Ђесе даве по води Корунни,
Па онъ купи студенно каменѢ,
Те Турчина Оммерагу гађа,
Тако му га зла несрећа даде,
Онъ незгоди Туре Оммерагу,
Него згоди Поповић' Стояна,
Згодіо га у главу юначку,
Паде Стоянъ у воду Корунну.
Покрай воде Туре излазило,
Па довати оломакъ одъ сабѢ,
Те Стояну посіече главу,
И узе му коня и оружє,
Па говори Стояновой люби:
„А тако ти Стоянова любо!
Айде яши-вранца Стоянова,
Да идемо ка Медуну граду."
На то вели Стоянова люба:
„А тако ми Туре Оммерага!
Радіясамъ кодъ Стояна мртва,
Него Туре съ тобомъ живовати."
А кад' чуо Туре Оммерага,
Докопао оломакъ одъ ћорде,
Анђушу є ньиме ударіо,
ПресѢче є ка' ягнѢ біело,
Паде млада ђе и Стоянъ мртва;
Изъ Анђуше чедо искочило,
Па се валя по зеленной трави,
А виђе га Поповићъ Никола,
Па отиде код' Анђуше мртве,
Па довати оно чедо лудо,
Те га завій у скутъ одъ доламе,
Понесе га у Котаре равне,
И даде га Стояновой майцы:
„Май то теби Стоянова майко!
То і' остало чедо одъ Анђуше."
Узела га остарала майка,
Па набави и попа и кума,
Крстише га и зламеноваше,
Дивно су му име изабрали,
Дивно име: Нерођенъ Делія!
Па га-ньиви Стоянова майка,
БолѢ чедо одъ неђелѢ данахъ,
Него друго одъ мѢсеца данахъ,
БолѢ чедо одъ мѢсеца данахъ
Него друго одъ пола године,
БолѢ чедо одъ полу године,
Но є друго одъ лѢта четиры;
БолѢ чедо одъ лѢта четиры,
Него друго одъ дванаесъ лѢтахъ,
И болѢ є одъ петнаесъ лѢтахъ;
Него друго одъ віека свога;
Па петнаесъ кад'се напунише,
Діетесе коня доватило,
Доватило коня и оружя,
Па онъ стару бабу запитуе:
„Ай за Бога моя бабо стара!
Камо мене мой отацъ и майка?"
По му баба право каживаше:
„А тако ми Нерођенъ Делія!
Єсте тебе Туре изгубило,
Изгубило и оца и майку,
Одъ Медуна силанъ Оммерага,
Изгуби ихъ на воду Корунну."
Кад'то чуо Нерођенъ Делія,
Онъ написа листъ кньиге біеле,
А посла є у Медуну граду,
По имену силну Оммераги:
„Копилане силанъ Оммерага!
Ты си мене оца изгубіо,
Изгубіо и оца и майку,
Мен' у майцы єдва оставіо,
На Корунну на воду студенну;
Но чу ли ме Туре одъ Медуна!
Ты изиди мени на мейдана,
На ономе прву разбоишту."
Кад' Турчину она кньига дође,
Теке іойсе Туре осмѢхуе,
Пакъ изведе своега Дорійна,
А турисе нѢму на рамена,
И отиде друмомъ и планиномъ,

Докъ онъ дође на воду Корунну;
Али чедо прво̑ излазило,
Па Корунну чадоръ разапело,
Подъ чадоромъ испиаше вино,
Нѣму Туре божю помоћъ зваше,
Нерођенъ му помоћъ прифатіо,
На Турчину ріечъ бесѣдіо:
,,Ходи Туре, тесе напій вина!"
А Турчинъ му ріечъ одговара:
,,Ам' устани лудо и неяко!
Да світлый мейданъ дієлимо,
Оће ніє колѣ пити вино,
Ко добіе, нека потлѣ піє;
Што л' ты тражишъ и оца и майку?
Докле нађешъ и оца и майку,
Ты ћешъ своюю изгубити главу."
Па є остру извадіо ћорду,
Нерођену юришъ учиніо,
Ка' на чедо лудо и неяко,
Ма є чедо мало побѣгнуло,
Па кад' виђе да утећ неморе,
И онъ остру ћорду извадіо,
Турчинусе близу примакнуо,
А десницомъ добро замайнуо,
И Турчина добро ударіо,
Одъ єднога два є начиніо,
Другомъ махну одвали му главу,
Пакъ му узе коня и оруже,
И нѣгово дивно одієло,
Тад' отиде у Котаре равне,
Тек' Нерођенъ у Которе дође,
Даде бабби одъ Оммера главу,
Кои іой є изгубіо сына,
Нѣна сына и снашицу драгу,
Па га бабба грли и целива,
И унуче свое благосива:
,,Поштенъ быо у дружини сынко,
На мейданъ те недобіо нитко!"
И сад' веле, акосе нешале,
И сад' кажу ако неприлажу,
Оно чедо іошъ є у животу — !?
А све тражи са Турцима кавгу. —

66.

Два Калуђера.

(Одъ истог' ми є и ова̑ козарчета Браџанна.)

Пію вино до тры побратима
У Посавску лугу зеленноме,
О честиту дану Митровоме,
А єдно є Приморацъ Алекса,
А друго є Старина Новаче,
И треће є Айдук-Радивое;
Служи имъ га Новаковъ Груица,
Па ка сусе напоили вина,
Но то вели Старина Новаче:
,,О Айдуцы моя браћо драга̑!
Єсенъ прође, дуга̑ зима дође,
Западоше локве у лугове,
А біелій сніегъ у врхове,
Хайдуцима указуе траге,
Поданаске четованя нейма,
Но да ђе ће кои зимовати?"
На то вели Айдук-Радивое:
,,Я ћу зимѣт' у ледну̑ пећину."
На то рече Старина Новаче,
Да ће и онъ ходит' съ Радивоемъ,
Да зимую у ледну̑ пећину;
На то вели Приморацъ Алекса:
,,О хайдуцы моя браћо драга̑!
Я ћу ходит' у приморскѣ̑ стране,
Ту я имамъ пребіелу̑ кулу,
И у кулу майку и любовцу;
Чуйте мене моя браћо драга!
Када дође честит' данакъ Ђурђевъ,
Тесе гора преобуче листомъ,
А рудинна ђетелиномъ травомъ,
За закланѣ те приспіе янѣ,
Дасе ођенъ опетъ искупимо;
Кога небы за неђелю данахъ,
Да идемо у потребу нѣму."
Па скочише одъ землѣ на ноге,
Тесе грлѐ и у лица любе,
Айдуцысе тада раздвоише,
Свакій пође къ зимовишту своме;
Што гођъ иде све ће брзо доћи,
Зима прође а пролѣће дође,
Ево дође честит' данакъ Ђурђевъ,

Хайдуцысе на рокъ искупише,
Дође Новакъ, шъ ньиме Радивое,
Но недође Приморацъ Алекса,
Чекаю га за неђелю данахъ;
Кад' виђоше е имъ на̑да нейма,
Добріехсе коняхъ дофатише,
Па одоше на свое дворове,
Ођешесе што могли найлѣпше,
Обукоше танахне кошулѣ,
Врхъ кошулѣ токе съ обе бандс,
А врхъ токахъ црвене доламе,
Учинесе до два калуђера,
Па одоше друмомъ и планиномъ,
Съ собомъ воде Новаков' Груицу,
Те имъ служи по конакахъ вино,
Докъ дођоше у Приморске стране,
Пре дворове Алексе Приморца;
Ту нађоше Алексину майку;
Находе є̑ сужну и крваву,
Калуђеры помоћъ іой назвали,
А она имъ помођъ прифатила:
„Богъ дай вама оцы калуђеры!"
На то веле до два калуђера:
„А такко ти баба остарала!
Коя ти є одъ Бога неволя?
Да ты сузе валяшъ низъ образе?"
На то вели Алексина майка:
„А такко ми оче калуђере!
Есте мене одъ Бога неволя,
Ималасамъ сына єдинога,
Єдинога Приморца Алексу,
Па су ми га уфатили Турцы;
Ево има и неђеля данахъ,
Ка' су ни га уфатили Турцы,
Уфатило тридестъ Яньичарахъ,
Ето пію вино у дворове,
Код' ньихъ свезанъ стои ми Алекса,
Служи вино Алексина люба."
А кад' чуше до два калуђера,
Пре дворове конѣ одяхаше,
Улѣгоше у дворе біеле,
А кад' быше на врата содъ куле,
Послушаше што говоре Турцы,
Али Турцы вино испиваю,
Служи имъ га люба Алексина;
Како коме чашу додаваше,
Свакій іойсе руке доваташе,
И свакій іой ріечъ бесѣђаше:
„А такко ти... Алексина любо!
Да заєдно ноћцу боравимо."
На то вели Алексина люби:
„Айд' ђаволе тридестъ Яньичарахъ!
Ако могу свѣма быти слуга,
Я немогу быти свѣма люба."
У то доба они улѣгоше,
Улѣгао Новакъ съ Радивоемъ,
И Турцима божу помоћь звау;
Турцы су имъ помоћь приватили,
А дивно имъ мѣсто направили,
У найгорнѣ чело одъ трпезе,
А кадсусе напоили винца,
Тада веле до два калуђера:
„А такко ви тридестъ Яньичарахъ!
Єли тестиръ ситно поиграти,
Поиграти ситно калуђерски
По біелой кули Алексиной?"
По Алекса свезанъ бесѣдіо:
„А ђаволе тридестъ Яньичарахъ!
Све тридесетъ да 'самъ уфатіо,
Уфатіо, 'вако савезао,
Доста быхъ ве напоіо вина,
А вы мене неможете сама."
Доватише єдну чашу съ виномъ,
Малу̑ чашу одъ дванаесъ окахъ,
Дадоше є̑ Приморцу Алекси,
Попіо є̑ несквасіо брка;
Опет' веле до два калуђера:
„А такко ви тридесъ Яньичарахъ,
Ніе л' тестиръ мало поиграти,
Поиграти ситно калуђерски,
А по пустой Алексиной кули?"
На то вели тридестъ Яньичарахъ:
„А єсъ тестиръ до два калуђера!"
То кад' чуше оба калуђера,
Забѣлесе руке уграбише,
Поскочише по біелой кули,
А колико лахко поиграше,
Свасе кула изъ темеля люля,
На то тридестъ веле Яньичарахъ:
„Сѣдте ядны до два калуђера!
Єрсе хоће искрляти кула."
Но кад' чуо Старина Новаче,

Десніемъ є окомъ намигнуо,
На ђетета Новаковъ Груицу,
Те одъ куле затворише врата,
Па тры нагле извадили ћорде,
Су тры края удрише Турцима,
Шта остаде Старини Новаку,
То посѣче Новаковъ Груица,
Што л' остаде Новаковъ Груицы,
То посѣче Дели-Радивое,
Одъ ньихъ ока неутече жива,
Ни да каже ка' су погинули.
Са Туракахъ скидаю ођело,
А и ньихно світло оруже,
То хайдуцы діеляху благо,
И Алекси руке одвезаше,
Па у чету текаръ отидоше,
Тесе Турцим' освети Алекса,
Што бывало вазда се пѣвало.

67.

За̑рокъ.

(Одъ Мусе̑ Поповића Пѣшивца.)

Пили вино седамнаесъ Агахъ,
У Удбину крваву краину.
Доцне дође Турчинъ Асанага,
Те имъ Турски селамъ називаше,
А Турцы му селамъ приватише,
И овако іоште говорише:
„О нашъ брате Турчин' Хасанага!
Немой ходит' често у Котаре,
Да ти Власси главу неизгубе."
Овако имъ Турчинъ бесѣдіо:
„Луди ли 'сте одъ Удбине Турцы!
А тако ми вѣре̑ и закона,
Са ћу мога коня дофатити,
Поћерат' га у кршне Котаре,
Довест' секу Янковић' Стояна,
Ясе юнакъ оженити ньоме."
То рекао на ноге скочіо,
Па изведе дебела Дората,
Поћера га земльомъ и світомъ,
Докле Туре у Котаре дође,
Подъ біелу Сердареву кулу;
Но Турчину добра̑ срећа была,
Е Стояна нейма на дворове,
Ни нѣгове̑ слуге̑ Милована,
Но пошлису у ловъ у планину,
А да видишъ Турчинъ Асанаге!
Ка' дозива Дилбер-Анђелію,
Да донесе вина у матару,
Е є нѣму одолѣла жеђа.
Скочи цура на ноге лагахне,
Те Турчину доніела вина,
Некће Турчинъ да привата вино,
Но ђевойку за біелу руку,
Па є̑ за се тури на Дорина,
И побѣже полѣмъ зеленіемъ,
Докъ далеко Туре одмакнуло,
Но да видишъ Стоянове майке!
Ка' довати пушку венедика,
Обори га съ прозора одъ куле̑,
Загрмѣше горе и планине,
То зачуо слуга Милованe,
Те дозива господара свога:
„Господаре Янковић' Стояне!
Ено пуче пуста венедика,
Ка'се оно пашче зава̑лило,
Нешто ни є штету учинило."
Поскочише добри два юнака,
Заскакаше оба нисъ планине,
Ка' єлѣны одъ године данахъ,
Докъ дођоше они у Котаре;
Ту наоде Стоянову майку,
Бѣше тужна сузна и крвава,
Што є ньойзи пита є̑ Стояне,
Све му баба по истини каже,
Веће Стоянъ питат' несђедаше,
Но узеше лахка брашненика,
За Турчиномъ отидоше трагомъ,
Докъ дођоше полю Удбинскоме,
Ту ихъ быо данакъ оставіо,
А тавна ихъ ноћца приватила,
Докъ дођоше на врата одъ града,
Ал' на врата четиры сеймена,
Међу собомъ те су говорили:
„Фала Богу чуда великога!
Ђе превари Ага Милована,
Нама быти безъ белава неће,
А ни нама ни нашему граду."

Но то слуша слуга Миловане,
Па поспаше текесе напише,
Но неспава слуга Миловане,
Све четиры тѣ є изгубіо,
А одъ града врата отворіо,
Па Стояну ріечъ бесѣдіо:
„Сѣди оѣе на врата одъ града!
А я поѣохъ Аги на дворове.“
Па отиде низъ често сокаке,
Докле Аги пре дворове доѣе,
Намолисе одъ прозора куле,
Ал' у кулу седамнаесъ Агахъ,
Оны пію око совре вино,
Служи вино Дилбер-Анѣелія
Гологлава кано мушка глава,
Докъ уочи слугу Милована,
Виѣе нѣга на прозоръ одъ куле,
Те є нѣму ріечъ бесѣдила:
„А ту ли си Божій проклетниче?
Да є соко крила уносіо,
Ал' да су ти цинны калаузи,
Небы цинны кланце погодили,
Нит' бы меса перѣ изнiѣло.“
Ма іой вели слуга Миловане:
„Секо Богомъ Дилбер-Анѣеліо!
Неќ' ли Аге опоити виномъ?
Па м' одъ куле отворити врата!“
Кад' то чула Дилбер-Анѣелія,
Турцима є ріечъ говорила:
„Богъ убіо седамнаесъ Агахъ!
Жлѣ га сѣли и вино попили!
Докле біяхъ дома у Котаре,
Више моя слуга попит' ќаше,
Него ове седамнаесъ Агахъ.“
Ма зли бію Турцы одъ укорбе,
Ньойзи свакій чашу врѣе празну,
Тако Турке опоила виномъ,
Те є слуга врата отворила,
Улѣгао слуга Миловане,
Онъ потегну криву гадарину,
Те посѣче седамнаесъ Агахъ,
Па по кули благо покупіо,
Помага му Дилбер-Анѣелина;
Кадсе доста блага накупише,
Тры витеза коня доватише,
Побѣгоше градомъ Удбиньскіемъ,
Докъ доѣоше на врата одъ града,
Ту Стояна оны наћоѣаху,
Дадоше му коня одъ мейдана,
Ніе горій одъ Путаля сама,
Па одоше єдно за другіемъ
Отидоше полѣмъ зеленніемъ,
Здраво прешли у кршне Котаре,
Утѣшили свою стару майку.

68.

Марко у тавницы Татарской.
(Одъ Радована Ровчанина.)

Каковъ Марко бѣше Делибаша,
Каквѣ ли є допануо мукѣ,
У тавницы одъ Хазака Краля,!...
У коіой є вода до колѣнахъ,
И юначке кости до пояса,
Пуна му є зміяхъ и акрепахъ;
Тусе ядну Марку доділо,
Наслонясе на пенџеръ тавничкій,
Докъ угледа ліепу ѣевойку,
Ћерку милу одъ Хазака краля,
Па ѣевойку Марко сестримяше,
Да отиде до Прилипа града,
Да доћера седамъ мазгій блага,
Небы лисе Марко откупіо.
Ђевойка му за братску пріймила,
Па отиде до нѣзина Баба,
Све му каже што бесѣди Марко,
Онъ на ћћерцу вику учиніо:
„Єдна куіо, а не шћери моя!
Толисисе сяранила съ Маркомъ!
Пуштит' неѣу изъ тавнице Марка,
Докъ м' у воду ноге неопану,
И акрепи руке неогризу,
Докъ му зміе очи неиспію;
Па ћу таде оправити слуге,
Да изнесу исъ тамнице Марка,
Нека Марка сѣду на чаршію,
Нека туцакъ сѣди на сокаку,
Кад' илази мало и велико,
Да му даю паре и динаре,
Да за свою намѣнюю душу.“

Ал' ђевойка отле поитала,
Она каза побратиму своме,
Е га пуштит' изъ тавнице неће,
Онъ бесѣди Богомъ посестрими:
,,Ну отиди долѣ у чаршію,
Те ми купи листъ кньиге біеле,
И мурећепъ чимсе кньиге пишу,
Оћу кньигу ситну направити,
Да оправимъ у Прилипа града,
Старой моіой майцы Євросими,
Старой майцы, дас' у ме ненада,
Вѣрной люби дасе преудае,
Сестри милой дас' некуне мноме."
Ђевойка га хитро послушала,
Донесе му листъ кньиге біеле,
И мурећепъ чимсе кньиге пишу,
На пенџере додавала Марку,
Онъ ђевойцы ріечъ бесѣдіо:
,,Айд' ми нађи кньигоношу млада!"
Башъ докъ Марко кньигу накитіо,
Ђевойка му нађе кньигоношу,
Нешће слати кньигу до Прилипа,
Но і' оправи у градъ одъ Солуна,
Побратиму Дойчилъ Капетану:
,,Ахъ чу ли ме Богомъ побратиме!
Ядне тисамъ муке допануо,
Нећешъ ли ме како избавити,
Оли како благомъ, ол' юнаштвомь."
Отле оде младый кньигоноша,
А кад' дође у градъ одъ Солуна,
Даде кньигу Дойчилъ капетану,
А кад' Дойчилъ кньигу проучіо,
Троструке га сузе пропануше,
А за Маркомъ Богомъ побратимомъ:
,,Ахъ а, мене Богомъ побратиме!
Запао си Марко побратиме,
Ђе нам' ништа благо непомага,
Мучно може помоћ' и юнаштво —."
Кньигоношу на трагъ оправіо:
,,Айде кажи Марку побратиму,
Я му ништа помоћи немогу."
А кад' дође младый кньигоноша,
Те то каза Марку Кралѣвићу,
Ядносе є Марко препануо,
Е те кости ту му останути;
Кад'се нешто Дойчинъ размысліо,
Самъ са собомъ таде бесѣдіо:
,,Да 'самъ каке муке допануо,
Побро бы ме Марко избавіо."
Па на слуге вику починіо:
,,Изведте ми дебела Лабуда,
Опаште га што тврђе можете,
Окитите што лѣпше имате,
Зауздайте ђемомъ Аламанскимъ!"
Итро су га слуге послушале,
Како рече тако г' опремише,
И Дойчилсе дивно опреміо,
Оједесе што море найлѣпше,
Па онъ узе копѣ коштуйницу,
Башъ одъ баба што му є остало,
Па дебела закрочи Лабуда,
И овако ріечъ бесѣдіо:
Я ћ' избавит' Марка побратима,
Я л' запанут' и я у тавницу!"
Отле оде землѣомъ и свѣтиномъ,
Докле дође подъ Хазака града,
Ту на полю чадоръ разапео,
Бойно копѣ побій край чадора,
А за копѣ привеза Лабуда,
Па отоле кньигу оправіо:
,,Чуй ты мене одъ Хазака кралѣ!
Ол' ми пушти изъ тавнице Марка,
Ял' ми хайде на мейданъ юначкій,
Яли за се тражи мейданџію,
О то трос кое ти є драго."
А кад' кралю кньига допанула,
По граду є пуштіо телала,
Те Хазака града искупіо,
Телала є у войску пуштіо,
Да по войсцы тражи мегданџію,
Онъ га тражи, неможе га наћи,
Паксе стаде опремати кралю,
Свог' изведе претила Дорійна,
На готова нѣга закрочіо,
Бойно копѣ туріо на рамо,
О бедрицу сабю опасао,
Па отоле на полѣ отиде,
Докъ Дойчилу до чадора дође,
А Дойчинъ му ріечъ бесѣдіо:
,,Сѣди кралѣ да піемо вино!"
А кралѣ му ріечъ бесѣдіо:
,,Устай курво мейданъ діелити!

Ко добіе нека поглѢ піе."
Скочи Дойчилъ о землѢ на ноге,
А одъ копля коня одріеши,
Па на коня закрочи Лабуда,
Бойно копѢ узео у руку,
Чадоръ нешће помиерат' ништа,
Но надасе іошъ пит' подъ ньим' вино:
Сретошесе добра два юнака,
Тада рече Дойчилъ капетане:
,,Хоћу ли ти бѢжат' на Лабуду,
Да ме гађашъ копѢмъ коштуницомъ?
,,Айде, вели бѢжи! ћераћу те!"
Онъ побѢже полѢмъ на Лабуду,
Краль га гађа копѢмъ убойніемъ,
Но му бѢше Лабудъ одъ мейдана,
Те му паде на прва колѢна,
Высоко га коплѢ претурило;
Тад' побѢже кралѢ на Дорину,
А ћера га Дойчинъ на Лабуду,
И гађа га копѢмъ коштуницомъ,
Те га бѢше добро погодіо,
Погоди га у свилена паса,
За бойно га седло приковао,
У зохору седло помѢріо,
Седло съ кралѢмъ подъ коня ћапуло,
А допаде Дойчилъ капетане,
Те му русу главу посѢкао,
Па Дората седло исправіо,
Па отиде отле подъ чадора,
Тес' уморанъ вина напоіо,
Па кралѢву главу доватіо,
На бойно є копѢ натакнуо,
Самъ на коня закрочи Лабуда,
Самъ отиде у Хазака града,
РазбѢжасе мало и велико,
Тек' одъ града заклопише врата;
Онъ довати балту одъ челика
Шъ ньомъ у врата быо ударіо
Сломи врата на седамъ коматахъ,
У Хазака улѢгао града,
Крозъ оканце угледо' га Марко,
Угледо' га, па га дозивао:
,,Пуно мене драгій побратиме!"
Па отиде Дойчинъ капетане,
Онъ отидо тавницы на врата,
И довати балту одъ челика,
Одъ тамнице саломіо врата,
Те изведе изъ тавнице Марка;
Ма какавъ є изъ тавнице Марко?
Юначко му потавнѢло тело,
Руса коса пала до пояса,
Оде съ побромъ на кралѢву кулу,
Іошъ му Шарацъ бѢше у животу,
Чуда ради кралѢ га држаше,
Ал'се ником' яхат' недаваше;
Марку побро косу обріяо,
Напоесе вина црвеннога,
Ту стаяше за петнаесъ данахъ,
Докле животъ Марко заузео,
А нико имъ ништа несміяше,
Него чине што є ньима драго,
Па кралѢво покупише благо,
Седамъ мазгіи блага поћераше,
А одоше изъ Хазака града,
И кралѢво діелише благо;
Даде Марко побру старѢшинства,
Даде нѢму ціо товаръ блага,
И даде му Богомъ посестриму,
А кралѢву лѢпоту ђевойку,
Па одоше дома свадбоваше,
И то было кадсе поминяло —.

69.

Чіе є царство.

(ОдъЂуришеПіеровићауЦрнойгоры.)

Пію Срби у Косово вино,
Вино пію разговараюсе,
Него вели Вукашине кралѢ:
,,О за Бога Срби браћо моя!
Одка ни се царе преставіо,
На кога є оставіо царство?"
Ма говори войвода Богдане:
,,На мене є царство оставіо!"
Е ма рече Гойко Мрнявчевићъ:
,,На мене є царство оставіо!"
А говори кралю Букашине:
,,На мене є оставіо царство!"
Младій Урошъ ништа неговори,
У кавгусе Срби удариіше,

Ма ихъ куми младаный Урошу:
,,А не Срби за Бога єднога!
Неколь'тесе око туђа царства,
Него пођте у дно Косовога,
Подъ оніємъ жутіємъ яблапомъ,
У бієле Раманице цркве,
Па питайте протопопъ Неђелька,
Онъ ће вама осѢдочит' царство."
Ево Срби поше низъ Косово,
А ка доше у дно Косовога,
У бієле Раванице цркве,
И ту нашше протопопъ Неђелька,
Ђе ми служи боже летирђіє;
Па улѢзе Вукашине кралѢ,
Те изведе протопопъ Неђелька,
Вукашинъ му бесѢђаше кралѢ:
,,Чуй ме добро протопопъ Неђелько!
Ты на мене осѢдочи царство,
Ал' ћу твою изгубити главу."
Но говори войвода Богдане:
,,Чуй ме добро протопопъ Неђелько!
Ты на мене осѢдочи царство,
Ал' ћу твою изгубити главу."
Па говори Гойко Мрнявчићу:
,,Чуешъ ли ме протопопъ Неђелько!
Ты на мене осѢдочи царство,
Ал' ћу твою изгубити главу."
Ма говори протопопъ Неђелько:
,,О за Бога Срби браћо моя!
Немогу ви осѢдочит' царство,
Да ћу право изгубићу главу,
Ако криво изгубићу душу;
Него ситну кньигу напишите,
А шильте ȇ у Прилипу граду,
А на руке КралѢвићу Марку,
У нѢга є круна останула,
Онъ ће вама осѢдочит' царство."
А кад' Срби бѢху разумѢли,
Послушаше протопопъ Неђелька;
Краль Вукашинъ ситну кньигу пише,
А у кньигу обећае мито,
Своме сыну КралѢвићу Марку:
,,Ты на мене осѢдочи царсто!
И узимльи силновито мито,
Ал' ћу твою изгубити главу."
А кад' Марку ситна кньига дође,
И кад' виђе што му кньига пише,
Онъ ȇ стрицу своме кажеваше,
Стрицу своме владицы Даннилу:
,,Стрико гледай што ми кньига пише!
Поклашесе Срби у Косово,
Ђе хоћемо изгубити царсто,
Поклашесе око туђа царста;
Но ћу ходит' у полѢ Косово,
Да му право осѢдочимъ царсто."
А стрицъ нѢму быо бесѢдіо:
,,Ела право тако быо здраво!
Ако ће ти погинут' тієло,
Е ма неће душа акобогда."
Ал'се Марко коня доватіо,
Ево полю косовоме дође,
СрблѢ нађе те піяху вино,
Служи имъ га царева царица,
Марку мѢсто учинѢше дивно,
Дивно мѢсто чело одъ трпезе,
Па ми гледа низъ трпезу Марко,
И видіе младога Уроша,
Видіе га долѢ у засѢду,
Ђе піяше златномъ чашомъ вино,
Више сузахъ но црвена вина;
Паксе диже КралѢвића Марко,
Па отиде низъ край о трпезе,
Круну даде младоме Урошу,
Кою му є царе оставіо.
А кад' оно Єрби видіеше,
Таде Срби на ноге скочише,
Да изгубе Марка и Уроша,
Но Маркосе коня дофатіо,
И уграби младога Уроша,
Шъ ньимъ побѢже низъ полѢ Косово,
И колико зорно бѢжіяше,
За Маркомсе полѢ жежіяше,
Біела га црква униграбила,
Сама црква врата затворила;
Но Вукашинъ копѢмъ замахнуо,
У вратасе коплѢ уставило,
А прозъ врата крвца ударила,
Онъ помышли ере уби сына,
Па погледа прозъ окно одъ цркве,
И видіе Марка и Уроша,
Ђе шеташе єданъ до другога,
Па Вукашинъ Марку бесѢдіо,

„Чуешъ ли ме міо сыне Марко!
Да бы Богъ до и Богородица,
Вазда бьо туђа придворица!“
А Марко є бабу бесѣдіо:
„Да бы Богъ да' и Богородица,
Твою главу окинули Турцы!
А моя те рука осветила.“
Како рече, тако мусе стече.

70.

Црноевићъ.

(Одъ Живаля Марковића са Кчева изъ Велестова.)

Кньигу пише Чарноевићъ Иво,
А шилѣ є у Млетке дубоке,
А на име Млечанину Дужду:
„Чуешъ ли ме Дужде Млечанине!
Я 'самъ чуо, кажевали су ми,
У тебе є питома ружица,
А у мене цвіетъ карафиле,
Айде Дужду да ихъ саставимо!“
Кадекъ Дужде кньигу разуміо,
Ево Иву кньигу одправіо,
А кад' Иво Дужда разуміо,
Иво Дужду на дворове пође,
И овако Иво бесѣдіо:
„Искупиђу шестотинахъ сватахъ,
Ако буде у свате лѣпшега,
Одъ Максима сына Иванова,
Ни ми подай дара ни ђевойке.“
Луждъ му даде ліепу ђевойку,
За године свадбу одмакнуше,
Дивно Иву рукованѣ дае,
Луждъ му даде о злата ябуку;
Отол' Иво на дворове пође,
Зима прође а пролѣће дође,
На Максима красте излазиле,
Те су нѣму нашарале лице,
Лѣто мину а есенъ му дође,
Тадеръ дође Иву роковиште,
Окупіо шестотинахъ сватахъ,
Кадекъ Иво свате окупіо,
Исшетасе Иво прозъ сватове,
И видіо лѣпшега юнака,
По имену Обренова Ђура,
Сватовима Иво бесѣдіо:
„Ево браћо муке и неволѣ!
Ђе я виђу лѣпшега юнака,
По имену Обреновог' Ђура,
А я'самсе зафаліо Дужду,
Ако буде у свате лѣвшега,
Одъ Максима сына Иванова,
Да ми неда ђевойке ни дара.“
Іоште Иво ріечъ бесѣдіо:
„Од'те, браћо, да га намѣстимо,
Намѣстимо на мѣсто Максима,
Да му дамо дара половину!“
Сви сватови замолили Ђура:
„Ма ти Ђуро половину дара,
Пођи Ђуро на мѣсто Максима,“
Ево Ђуро пристати неоће,
Нѣму даше свеколике даре,
Па кренуше кићенни сватовы,
Те пођоше у Млетке дубоке,
Здраво доше Дужду на дворове,
Свадбовали за неђелю данахъ,
Кадекъ дође свіетла неђеля,
Но Иво є Дужду бесѣдіо:
„О! на ноге пріятелю Дужде!
Вріеме є дома да идемо.“
Ево Дужде на ноге скочіо,
И довати злаћену ябуку,
Пакъ ми Дужде за Максима пита,:
„Ко є Максимъ оћенъ у сватове?“
Сви сватови Ђура кажевали,
Шъ ньимсе грли ябуку му дае,
Пак' су дошли два Дуждеви сына,
Доніели два чивта пушакахъ,
Валяю имъ стотину цекинахъ,
Обоица пита за Максима,
Сви сватови Ђура кажевали,
Шъ ньимсе грле и пушке му даю;
Ма дођоше дви шнахе Дуждеве,
Доніеше до двіе кошулѣ,
Више злата но біела платна,
За Максима обѣ упиташе,
Сви сватови Ђура кажевали,
И кренуше на свое дворове;
Кад' дођоше горы узъ планину,

Него вели Максимъ Ивовићу:
,,Дай ми Ђуро діо одъ даровахъ!..."
А онъ му га дати неоћаше,
И Максимъ му главу посѣкао,
За што му га дати нехоћаше;
Но ћера га, Максима Ивова,
Нѣг' поћера Обреновић' Вуче,
У Скадаръ га Вуче угоніо,
А ту оба Турцы обколише,
Уфатише те ихъ помирише,
Ма упутъ ихъ оба потурчише.

71.

Милость Материна.
(Одъ Радована Милошева Ровчанина.)

Пошетала Ђурова Єрина,
По пространну граду Смедереву,
Са Лазаромъ сыномъ неякіемъ,
Бѣше скоро ожснила сына,
Ђерцомъ миломъ одъ Будима краля,
Шетаюћи къ милой снаши доће,
Па ту ньойзи божю помоћъ дава,
Ма ни уста ни ти є прифати,
И' ако одъ нѣ обраћаше главу,
Ал' Єрина ріечъ бесѣдила:
,,Што си мисс снашо наѣдила?
Видишъ равно полѣ Годоминско,
И у полю біелу пшеницу,
Ако буде по реду мріети,
Ак' умремо я и Ђуро снашо,
Све ће остат' тебе и Лазару?!
Іошъ видишъ ли высока бедена,
Узъ бедема тры біеле куле,
Све тры благомъ куле завршене,
Ак' умремо я и Ђуро снашо,
Остатитє тебе и Лазару?!"
А снашасе наѣдила млада,
Срчиласе... діете є лудо —.
Тада вели Ђурова Єрина;
,,Мой ты сыне неякій Лазаре!
Мећеръ тисе наѣдила люба,
Е 'си ди'те лудо и неяко,
Завуци іой по нѣдрима руке,
Дако бысе куя насміяла."
Погна ди'те завуче іой руке,
Нѣдко га шакомъ ударила,
Докъ діете крвца обасула,
Начини му ранну на образу,
Ди'те писну, на трагъ узбѣгнуло,
И старой є майцы бесѣдило:
,,Па зло 'си ме майко намѣрила!"
А да видишъ Лазареве любе,
Бабу своме кньигу оправила:
,,Како си ме бабо надоміо,
Тако свою душу намѣстіо;
Нейма Лазу до деветъ годинахъ,
Кадъ ишао Ђуро за ђевойку,
Ставіо є млада ђувеглію
А своега слугу Милутина."
Када кралѣ кньигу проучіо,
А Госпођу дозива кральицу:
,,О шћери ми ситна кньига дође,
Нейма Лазу до деветъ годинахъ,
Оћу силну покупити войску,
Окренут' є мѣсту Смедереву,
Похараћу мѣсто Смедерево,
Уватити Смедеревић Ђура,
На свакє га муке ударити,
Нека знаде съ кимсе пошалюе."
Кральица му таде бесѣдила:
,,Немой мѣсто харат' Смедерево!
Ни смицати Смедеревца Ђура,
Ни Лазара зета неякога,
Могли бы ти неђе требовати."
Заиста є слушат' неоћаше,
Но шћаваше силну купит' войску,
Докле кралю ситна кньига доће
Одъ Турскога цара честитога:
,,Купи кралѣ силовиту войску,
Айде шъ ньоме на полѣ Кіево!..."
Незна Кралѣ ку ће окренути,
Ал' ће мѣсто харат' Смедерево,
Ал' ће цару ити на билєгу,
Па одъ мукє и кральицу пита:
,,Ку ћу силну окренути войску?"
Кральица му таде бесѣдила:
,,Ты оправи листъ кньигє біелє
Пріятелю Смедеревацъ Ђуру,
Нек' ти войскє скупи сто хиладахъ,

И предъ ньима зета неякога,
А за войскомъ ашлукъ и захиру,
Нека тебе у индата дође.“
Таде кралѢ кньигу накитіо,
Пріятелю Ђуру оправіо:
„Скупи мене войске сто хилядахъ,
И пред' ньоме зета неякога.“
Како Ђуру кньига допанула,
Тако стао покупляти войску,
Доведе є граду Смедереву,
И пред' ньоме стави старешину
Свог' Лазара сына неякога,
И тамо га спраля у пунице,
Са своиемъ слугомъ Милутиномъ,
Да га виде тасте и пуница;
Іошъ є сына быо научіо:
„Када тамо у Будима дођешъ,
У полѢ ће войска починути,
А ты хайде у Будима града,
А кад' бидешъ на врата одъ града,
Сретиће те кралѢ и кральица,
Ты у руку свог' полюби таста,
Па поженни кралѢвой кральицы,
Ако биде рода хоряцкога,
Пуштиће ти полюбити руку,
Ако л' биде рода господкога,
Неће тисе дати полюбити,
Но ће она тебе загрлити.“
Па отале окренула войска,
Ударише зилькe и боріе,
А са града дернуше топови,
Отле силна подигласе войска,
Докле дође подъ Будима града;
Ту развише крсташе баряке,
А распеше свилене чадоре,
Паде войска у то полѢ равно,
Отле оде неякій Лазаре,
Шъ нѢговіемъ Милутиномъ слугомъ,
Прав' у Будимъ тасту и пуницы,
Сретоше га на врата одъ града,
Срете нѢга кралю и кральица;
Лазаръ тасту полюбіо руку,
Пакъ онъ ћаше полюбит' пуницы,
Она бѢше рода госпоскога,
Недаде му руку полюбити,
Него зета бѢше загрлила,
Одведе га на ћемерли кулу,
Шећерли му послужи ракію;
КралѢ стаде искупляти войску,
И краль скупи войске сто хилядахъ,
Па нешћеде міешати войску,
Но ставише войску напоредо,
Па отоле войскам' окренуше,
Ударише зирке и боріе,
Проліежу брда и долине,
А са града дернуше топови,
Окренуше земльомъ по ћенару,
Докъ дођоше на полѢ Кіево...
Ту царъ бѢше съ войскомъ изишао,
Поставише войске напрема се,
Докле добро войске одморише,
Па тад' боя люта заметнуше,
Бише боя за деветъ годинахъ,
Єданъ другомъ надолѢт' неможе,
Лазаръ бѢше витезъ испануо,
Онъ у войску суда поставіо,
А имаше Баба болећега,
Те му добаръ таинъ опраляше,
А пуница крњоћ' му шиляше
Іошъ сувише и краль му даваше
Те нѢгова побѢшнѢла войска
А кралюсе мука придесила,
НѢговасе поболѢла войска,
Одъ зле муке одъ грознице люте,
Царъ му єдно ютро ударіо,
Сву кралѢву войску крдисао,
Іошъ и краля жива уфатіо,
Докле Лазу гласи допанули;
„КралѢвасе войска крдисала,
И таста ти жива уфатише.“
Саде Лазаръ войску напуштіо,
ПосѢче му стотину хилядахъ,
Оте жива краля у Туракахъ,
Оте цару благо и захиру,
Пакъ отале поврнуо войску,
Починуо на полю Кіеву;
Тад' отоле съ войскомъ окренуо,
И дођоше подъ Будима града;
Срете войску госпођа кральица,
Она зета познат' немогаше,
Е біяше витезъ испануо,
ПотлѢ іой га другіи кажеваху,

Пакъ є зета свога загрлила,
Загрлила па га полюбила,
Узведе га на біелу кулу,
Она сѣде зета поред' краля,
Па донесе шеѣерли ракію,
И донесе свакȣ ђаконію,
Примаче имъ вина исъ Токая,
Па є таде кралю бесѣдила:
,,Шћаше харат' мѣсто Смедерево,
И свог' зета изгубит' Лазара,
А бы добаръ у неволю тешку?..."
Ту є Лазаръ съ войскомъ починуо,
Починуо за неђелю данахъ,
Па отоле сх войскомъ окренуо,
Прати зета кралю и кральица,
Кад'се Лазаръ съ тастомъ раздвоіо,
Таде тасту полюбіо руку,
А приступи Будимска кральица,
Па Лазару зету бешѣдила:
,,Неймамъ дара чимъ те даровати,
Више имашъ него имамъ блâга."
Па извади плетенȣ канцію,
Те ȇ зету додаде Лазару:
,,То понеси моіой милой ћерцы!
То є ньойзи майка оправила."
Онъ і' обѣси о коню Дорину,
Па отоле войскомъ окренуо,
Дође Лазаръ здраво Смедереву;
Све изиде мало и велико,
Немогаху познати Лазара,
Ни Ђуро га познат' немогаше;
Ни майка му Ђурова Єрина,
Докле имъ га другіи неказаше;
Кад' га Ђуро позна и Єрина,
И самисе оны зачудише,
Какавъ бѣше витезъ испануо,
Тад' са сыномъ єсус' целивали,
Докъ ево ти любе Лазареве,
Она нѣга познат' немогаше,
Немогаше оли нехоћаше,
Али га є найзадъ познавала,
Што є нѣга лудог' ударила,
Была му є ранна на образу;
Кад' ли позна и виђе Лазара,
Савіясе како змія люта,
Те Лазара люби по рукама,
И коня му люби по копита,
Паксе таде бѣше одмакнула,
Но Лазаръ є къ люби прискочіо:
,,Стани мало моя вѣрна любо!
Нешто ти є майка оправила."
Па потрже плетенȣ канцію,
И самасе она зачудила,
Какву іой є милость оправила,
Ал' ȇ Лазаръ канціомъ удари,
Тесе сложи по земльицы црной,
Пакъ ȇ іоште ћаше ударати,
Но допаде Ђуро и Єрина:
,,Немой више ако знашъ за Бога!
Е ће доста быти пріекорна,
Пріекорна быти до віека;
Што те негда шакомъ ударила."
Онъ послȣша оца и матеру,
Не шће любу више ударати,
Већ' осѣде свог' добра коньица,
Па ушета у дворе біеле,
Ту живіо, доксе и смиріо —.

72.

Што є Груіо.

(Одъ Лекȇ Мастиловића ускока, и славнога гудца и пѣвца изъ Гацка.)

Вино піе Новакъ и Груица,
А у чайной горы Романніи,
Ама рече Новаковић' Груіо;
,,Остарѣсмо, ништа невиђесмо!
Ни войводе Срмског' ни єднога,
Нити виђехъ Марка Кралѣвића."
,,Мой Груица да ти отацъ каже:
Подигосе одъ Леђана Кралѣ
Преко Лѣчке и преко Полячке,
Преко Турске и преко Каурске,
И прешо є на води Ситницы,
И отишо крозъ землю Харапску,
Изишао у землю Ђурђію,
Запросіо у краля ђевойку,
Запросіо и краль му є дао,
И дошо є біелу Леђану;
Велике га мысли допануле,

Харапиħе' нѣга дочекати,
Та му изсѣħ' киħене̑ сватове,
Па сад' Србл̂Ѣ зове у сватове,
Зове Релю и зове Милоша,
Зове, рече, изъ Прилипа Марка,
Са Сѣнице̑ Мусиħа Стевана,
Изъ Косова изъ край Митровице̑,
Отле зове Иван' Косанчиħа;
Одъ ліепа стойна Біограда,
Зове̑ кралѢ два сына Якшина,
Оба брата Митра и Шħепана,
Изъ Топлице войводу Милана,
И два брата два Воиновиħа,
Оба брата Мійħа и Шħепана,
И силнога одъ Сріема Вука,
Одъ Сибиня Янка и Секула,
Осталіехъ хиляду сватовахъ;
Па да пођешъ сыне до Леђана,
Штогођъ добра има у Србаляхъ,
Ту ħе кралю быти у сватовма."
Іошъ старъ Новакъ на ноге ђипіо,
Па довати бошчу изъ пенџера,
У ньой свила, и у ньой кадифа,
У ньой токе а у ньой доламе,
У ньой копче а у ньой чакшире,
У ньой крила а у ньой челенке;
Па кад' Новакъ ођеде Груицу,
Ни са̑мъ га се нагледат' немого',
А изведе Дора исъ пеħине
Оседлана уздомъ зауздана,
Кад' Груица посѣде Дората,
Сѣтуе га Старина Новаче;
„Хайде мудро непогини лудо,
А ка будешъ прео Сараева,
Махатиħе̑ буле яглуцима:
„„Ябанлія! окренисе амо!""
Немой гледат', немой погинути,
А клеħе̑ те Туркинѣ ђевойке:
„„Своя тебе куħа невиђела!""
Ты ħешъ пріеħ' Босну землю равну̑,
Па ħешъ проħи шехеръ Баню-луку,
Фатиħешсе Сплета каурскога,
Сиħешъ Груіо у влашке̑ Котаре,
Тражи кулу Биелиħ' Іована,
Іованъ ми є Богомъ побратиме,
Одвешħе те біелу Леђану,

Тысе кажи чій си и како си,
Прибраħе̑ те све Србске войводе."
Оде Груіо горомъ Романніомъ,
Новакъ нѣга очма испратіо,
А низъ образъ сузам' оборіо:
„Како спремихъ лудога юнака!"
Замче Груіо, оде Сараеву,
Гледаю га киħене ђевойке,
А махаю одъ злата махраме,
Ама Груіо ни хабера нейма,
Єдномъ гледну наħера Дората,
Врисну̑ цуре ка' и зміе люте,
Те Груицу сагледат' немогле,
Сву проѣђе Босну землю равну̑,
И онъ проħе шехеръ Баню-луку,
Фатіосе Брода каурскога,
Сиде Груіо у влашке Котаре,
Обзиресе десно и ліево,
Ђе ħе Груіо конакъ учинити,
Виђе кулу о деветъ таванахъ,
А предъ куломъ ліепа невѣста,
До два држи у наручю сына,
Груіо ньойзи божю помоħъ дава:
„Чія ово кула и авлія?"
А невѣста сузе оборила:
„Ничія є незнана̑ Деліо!
Ова кула нейма сахибіе̑,
А невѣста нейма господара;
Ово ти є Біелиħа кула,
А я єсамъ Біельиħа люба,
Я 'самъ чула ђе говоре люди,
Дасе Іованъ тешко осужніо
У некаква одъ Ђурђіе краля,
Ево има тры године данахь."
Каже Груіо кудсе̑ замучіо,
И како ħе кралю у сватове,
Тад' невѣста руци му приступа,
Закуми га Богомь истинніемъ,
И ришħанскимъ златніемъ Іваномъ:
„Прійми кумчадъ Новаковиħъ Груіо!"
Груица іой кумчадъ приватіо,
Ал' му кума дае аманете:
„Ако здраво сидешъ у Ђурђію,
Наслонисе на тавницу Іову,
И поздрави мога господара,
Люба ти є останула трудна,

Ено у нѣ два близапца сына,
У хайдука мало готовине,
Оће ли ти водхранит' сынове,
Хоће л' продат' кулу и авлію?"
Ньойзи Груіо божу вѣру дава:
„Я ћу кума избавити мога,
Ял' на благо яли на юнаштво,
Я оставит' главе у Ђурђію!"
На ту Груіо ноћцу преноћіо,
А у ютру добро ураніо,
Шћера коня біелу Леђану,
Зачудисе одъ Леђана кралѣ,
Какавъ бахну юнакъ у авлію;
Оде Груіо питат' за сватове,
А вели му одъ Леђана кралѣ:
„Сехратліо те одвише дивна!
Отишлису има по године;
На ихъ небы одь землѣ Ђурђіе,
Ни єданъ ми доћи никадъ неће — ."
„Дай ми кралѣ добра калауза,
За ньимаћу поћи у Ђурђію."
А краль нѣму нађе калауза,
И пођоше путъ землѣ Ђурђіе,
Прісђоше Лѣчку и Полячку,
Преѣздише Турску и Каурску,
Дође Груіо на воду Ситницу,
Ал' ево ти шичели кочіяхъ,
А у ньима біело Латинче,
Голо, босо, тужно, распасано,
Нѣга пита Новаковъ Груица:
„Кочіяру чіесу кочіе?"
„Ничіесу драгій Господару!
Носимъ кньиге изъ землѣ Ђурђіе,
Послало ме дванаесъ войводахъ,
Остадоше сваты у Ђурђіи;
Веће брате кудси накастіо,? . .
На води є хиляду Харапахъ,
Проћ' неморешъ ты да имашъ крила,
Садъ одъ мене штосу учинили!"
Шѣде Груіо мыслит' и размышлят',
Утече му момче калаушче,
А напріедъ никуд' неуміе:
„Фала Богу чуда великога!
Ђе ћу свое кости оставити?!"
Па срдито ишћера Дората,
А кад' быо на воду Ситницу.
Ал' на води хиляду Харапахъ,
У Ситницу наћера Дората,
У по воде саблю извадіо,
У Харапе наћера Дората,
И стотину посіече главахъ,
И проћера здраво и весело,
Онъ оћера право путъ Ђурђіе;
А кад' быо у полѣ ђурђинско.
Угледа га дванаесъ войводахъ,
Узе Марко Дурбинъ одъ билура,
Па га тури на деветъ канатахъ,
Што ньимъ види дванаестъ сахатахъ,
Марка пита дванаесъ войводахъ,
„Можешъ ли га познавати Марко?"
„Незнамъ браћо незнали ме яды!
По прилицы као кажу люди,
Ако ніе Новаковъ Груица,
А изъ чайне горе Романніе;
Како ли є прешо' на Ситницы,
Васъ се Груіо у крвь замотао."
У то Груіо и подъ кулу дође,
А млађіи му прифатише Дора,
Иде Груіо кули у шкалійне,
Све войводе на ноге ђипише,
Докъ му божу помоћъ прифатише,
А свакій му пружи купу вина:
„Добро дошо незнанный юначе!
И како си прешо на Ситницы?
Срамота є упутъ упитати,
Ма окле си, и одъ кое землѣ?"
„Я самъ главомъ Новаковъ Груица!
А одъ чайне горе Романніе,
И добросамъ прешо на Ситницы,-
Стотинусамъ посѣко Харапахъ,
А толико Доро погазіо;
Па што добра има у Србаляхъ,
Свега ево данасъ у Ђурђіи,
Но зарћете окапати оће,
Олићете водити ђевойку?"
Ту прекори дванаесъ войводахъ,
Све войводе на ноге скочише,
И ћахусе упутъ опремити,
Ама неда Новаковъ Груица,
Докъ Груица за Іована каже!
„Валя мени кума избавляти!
„Я ћу свою оставити главу."

Моли мусе Кралѣвићу Марко:
,,Мой соколе Оваковъ Груица!
Ніе ласно избавит' Іована,
На Ђурђи хиляду топовахъ,
А солдата има сто халядахъ,
Веħ' да конѣ сютра истрчимо,
Залети ме Новаковъ Груица:
,,,,Ход' да Марко коня пазаримо,
Даи прійда два товара блага.""
Яħу Груіо искат' тры товара,
То ħе чути дванаесъ войводахъ,
Чуħе зъ града хиляду Латинахъ,
Хоħе нама пазаръ начинити,
Мы хоħемо пазарит' Груица;
Па нек' моли гиздава ђевойка
Свога баба одъ Ђурђіе краля,
Да изведе робѣ изъ тавнице,
Ядно роблѣ дас' огріе сунца,
Да ђевойцы Хаир-дову даю,
Дасе тамо у том' дому смири —."
А кад' свану и огрія сунце,
Устадоше конѣ пазариват',
Истрчаше конѣ на кошію,
Салеħе га Новаковъ Груица:
,,Ход' да Марко коня пазаримо!"
Дава Груіо два товара блага,
А Марко му иште тры товара,
То зачуло дванаесъ войводахъ,
А чу зъ града хиладу Латинахъ,
У томе имъ пазаръ начише,
И утоме конѣ міеняше;
А кад' Груіо узяха Шарійна,
Под высоку у Ђурђи кулу,
Ал' ту ядно робѣ изведено,
Све є робѣ на ноге ђипило,
До жалосна Біельйħ' Іована,
Отіяше ама немогаше,
Неда мусе гвожђе подигнути,
Па га пита Новаковъ Груица:
,,Ко є овди Біельйħъ Іоване?
Каже мусе Біельйħъ Іоване.
Онъ Іована узе у синџиру,
Па га тури Шарцу на рамена,
А пустыйсе научіо Шарацъ
Добаръ товаръ подъ Маркомъ носити,
Нешто вина нешто Кральиħ' Марка,
Па побѣже полѣмъ ђурђинскіемъ,
На Ђурђи єкнуше топовы,
Ал' незнаше ни куд' оде Груіо,
Тек' молисе кралѣ одъ Ђурђіе,
Моліосе Марку Кралѣвиħу:
,,Поврати ми онога юнака!
На поклонъ ти Біельйђъ Іоване."
Оде Марко и врну Груицу,
Чаушъ викну дабулхана рикну,
У то кралѣ изнесе дарове,
Те дарива хиляду сватовахъ,
Па пођоше киħенны сватовы,
А кад' быше на воду Ситницу,
На води є Харап' тры хиляде,
Међу ньима троглавъ Харапине,
Изъ эдне му огань біе главе,
А изъ друге студенъ вѣтаръ пуха,
А изъ треħе людскій хавазъ дава,
Препадесе Кралѣвиħу Марко,
А вели му Новаковъ Груица:
,,Богомъ отацъ Кралѣвиħу Марко!
Дай ты мени Шарца дебелога,
И дай мене саблю демишħію."
Шарца даде а саблѣ недаде,
Кадсе Груіо добави Шарійна,
Посѣдпуо Шарца маменнога,
А гледа га Мусиħа Стеване,
За Стеваномъ Бановиħ' Сакуле,
За Секуломъ Обилиħ' Милошу,
А за ньиме два сына Якшина;
У Харапе конѣ наħераше,
Дочека ихъ троглавъ Арапине,
На нь' Груица наħера Шарійна,
Єдномъ махну те му двіе смахну,
А изъ треħе Харапъ проговори:
,,Богомъ брате одъ сватовахъ свате!
Немой мене више ударити,
Обѣ могу преболѣти главе!"
Другомъ махну те му треħу смахну,
А войводе конѣ наħераше,
И сви остре саблѣ извадише,
Марко викну ко' да лѣлѣнъ рикну,
Хиляда имъ посѣкоше главахъ,
Пріеђоше на води Ситницы,
Ни бы кака грдна ни раннѣна,
И дођоше біелу Леђану,

Доведоше госпою ђевойку;
А да видишъ Новакова Груя!
Ћаше кралю да осѣче главу,
И овако кралю говораше:
„За што Сербам' пріевару градишъ!?"
Препадесе одъ Леђана кралѣ,
Па войводам' тайно говораше:
„Ево пуна тры товара блага!
Недайте ме Новакову Грую,
Хайдукъ силанъ изъ незнане земѣ,
Хоће мени одасѣћи главу."
И узеше блага тры товара,
Подіели дванаесъ войводахъ,
И Груицы даше старѣшинство,
Оде Груіо у влашке Котаре,
А одведе Біельйћ' Іована.
Створи куми штосе затекао,
Чини великъ шенлукъ низъ Котаре;
Када дође Біельйћ' Іоване,
Ту су дома починули оба,
Починуше два мѣсеца данахъ,
Отоленсе Груіо подигнуо,
То зачуле Аге Сарайліе
И велике истурили страже,
На єдну є Груіо нагазіо,
На ньой тридесть главахъ осиече;
Па друга га стража дочекала,
И четресть іой глава посіече,
Трећа га є дочекала стража,
Тусе люта заметнула кавга,
Забависе Новаковъ Груица,
И добру є ранну задобіо,
Ал' и шесетъ окинуо главахъ,
Па проћера, оде къ Романніи;
А кад' баби у пећину дође,
Све му каза штосе учинило,
И како є войводе видіо,
Сву просвѣтку Србске землѣ славне,
И како га Марко поздравіо;
Груя Новакъ рукам' загрліо,
Докъ на нѣму ранне опазіо,
Новакъ писну сва пећина цикну,
Па одъ землѣ на ноге ђипіо,
Стаде видат', извида Груицу,
И нежали ђесе обранніо,
Кад' юнаштво такво починіо,
Та здраво є каконо и бьо,
И како му свакій Србъ желіо. —

73.

Марко Кралѣвићъ.

(Одъ Луке Шћепанова Ровчанина.)

Скупи царе триста хиляд' войске,
Онъ похара шездесетъ градовахъ,
До Оканна града Харапскога,
Ал' Оканна пріймит' немогоше,
Но бише га за тридестъ годинахъ,
Кои старыи воеваше войску,
Подъ градомъ имъ кости остануше,
Кои млађии воеваше войску
Сіеда имъ брада до пояса,
Коя л' ђеца одъ године данахъ,
Она свога одмѣнюю баба;
Посадише саде винограде,
Новогасе напоише вина,
Неузеше дрва ни камена,
Ни одбише клака одъ камена.
То кад' виђе царе Сулеймане,
Онъ оправи біела фермана
Ка Прилипу Марку Кралѣвићу;
Да му дође Марко у индата;
А кад' Марко дође Кралѣвићу,
Біо боя за неђелю данахъ,
Но долазе Лале и везиры:
„А помагай царе господаре!
Нама Марко све отимлѣ главе,
Доноси ихъ тебе на пешкеше,
Ты му царе млогій бакшишъ даешъ."
Но имъ вели царе Сулеймане:
„Чулите ме мои соколови!
Ево сютра данъ света неђеля,
Сютра Марко сабльомъ несіече,
Но подъ чадоръ піе вино хладно,
Да ве виђу мои витезовы,
Штаћете ми доніети главахъ!?"
Кад' у ютру освану неђеля,
Марко піе подъ чадора вино,
Но излазе изъ града Харапи,
Те подъ градомъ ценякъ учинише,

Докъ повикну са куле ђевойка:
„Ха Арапи црнъ ви образъ быо!
Ніе оног' доброга юнака
На шарену коню великоме,
Ал' є раннЂнъ, ол' є погинуо.“
Кидисаше у Турке Харапи,
Те разгоне под' Окана Турке,
ПосЂкоше войске сто хилядахъ,
Догнаше є цару до чадора,
Ал' поскочи царъ Отмановићу,
Те онъ буди КралЂвића Марка:
„Устай Марко ако знашъ за Бога!
Те освећуй свога поочима,
И нЂгову нагрђену войску!“
Сананъ ђипи КралЂвићу Марко,
Брже остру саблю припасао,
А о Шарцу топузъ обЂсіо,
Па усЂде Шарца у рамена,
У Харапе юришъ учиніо,
Докъ повикну са куле ђевойка:
„Ай Арапы браћо моя драга!
БЂжте у градъ ядна ваша майка!“
Сви Харапи у градъ побЂгоше;
Докле Марко до Оканна дође,
Онъ посЂче дванаесъ хилядахъ,
Одъ Оканна затворише врата,
Али Марко вата топузину,
У коіой є седамдесетъ окахъ,
Нѣомъ удара у врата одъ града,
Докъ на граду саломіо врата,
Дочекаше г' на врата Харапи,
Задаше му седамдесетъ ранахъ;
По улЂзе у Оканна града,
И уведе войске сто хилядахъ,
Поробише мало и велико,
Опалише огнЂмъ свеколико,
И Оканна града прифатише,
Пакъ одоше цару муштулуцы:
„Муштулукъ ти царе Сулеймане!
Марко ти є града прифатіо.“
Кад' Муштулукъ піе долазаше,
Даваше му чоху немЂрену,
Кад' муштулукъ потлЂ долазаше,
Даваше имъ благо неброено;
Тек' то доба мало постануло,
Али ево КралЂвићу Марко,
У крвцысе умочіо црной,
Іошъ на нЂму седамдесетъ ранахъ.
Кад' га виђе царе Сулеймане,
Рони сузе нузъ біелу браду:
„Вай ме мене КралЂвићу Марко!
Єс' ли мучно хот' ли умріети?
Оћу л' тражит' одъ мора хећиме,
Єсу ли ти ранне за виданя?“
Ма вели му КралЂвићу Марко:
„А нелудуй царе Сулеймане!
Но дай мени дас' напіємъ вина,
Е самъ юнакъ труданъ и уморанъ,
Па за ранне мое нестарайсе.“
Дае царе вино КралЂвићу,
Вино піе КралЂвићу Марко,
Піе вино єданъ мЂсецъ данахъ,
Вино піе ранне зараштаю,
Док'се Кральићъ извидао Марко;
Царъ му даде шесъ товарахъ блага,
Ал' Оканна града прифатіо!
Оде сваків Обичаю своме,
Оде Марко у Прилипа града,
Да одмори Шарца одъ мейдана,
А и стару да пригледа майку.

74.

Деспотъ Ђуро.

(Одъ истога Луке Шћепанова Ровчанина.)

Подижесе тридесетъ войводахъ,
А предъ ньима Бан-деспоте Ђуро,
Те одоше у лЂвъ у планину;
Ловъ ловише тры біела дана,
Отолесе на трагъ повратише,
Кад' дођоше у полЂ Маџарско,
Ал' ево ти и войвода Янко,
Око нЂга тры стотин' Маџарахъ,
Играюсе игре свакояке,
Метаусе тешкога камена
Премећс имъ Маџарин' Тодоре;
Скачу хитра скока юначкога,
Прескаче имъ Бановић' Секуле,
Трче брза трка пЂшачкога,

Утѣче имъ воевода Янко.
Но имъ Ђуро помоћъ називаше,
Янко му є помоћъ приватіо:
„Богъ дай будди, Бан-деспоте Ђуро!“
Но му рче Янко воевода:
„Сврађай амо Бан-деспоте Ђуро!
Дас' играю Србы съ Маџарима.“
То є Ђуру и премучно было,
Погледнуо юнакъ на юнака,
Ђуро гледа Юга богатога,
А Югъ гледа на деветъ сыновахъ,
А сынови Митра наймлађега,
Наймлађега ема найболѣга;
Дмитаръ гледа Косанчић' Ивана,
Иванъ гледа Топлицу Милана,
Миланъ гледа Лютицу Богдана,
Богданъ гледа войводу Милоша,
Милошъ гледа Релю крилатога,
Реля гледа Кралѣвића Марка,
Марко гледа Облачину Рада,
Но негледа Раде ни єднога;
Онъ оскочи одъ коня доброга,
Па ускочи у Маџаре Раде,
Онъ узимлѣ тешкога камена,
Єдномъ тури те имъ га дотури,
Другомъ тури далеко претури,
Небы бойно доватило копѣ,
Єдномъ скочи те имъ га доскочи,
Другомъ скочи, далеко прескочи,
Ласно бысе укопао Раде,
Іошъ говори Облачина Раде:
„Айд' да і' демо воевода Янко,
Да трчимо трка юначкога!“
Отидоше у дно поля равна,
Потрчаше полѣмъ Маџарскіемъ,
До средъ поля ноге міешаше,
А кад' быше са средъ поля равна,
Оде Раде пролазити Янка,
Братими га воевода Янко:
„Богомъ брате Облачина Раде!
Немой мене данасъ пролазити,
А ево ти стотина дукатахъ.“
Но му вели Облачина Раде:
„Невала ти воевода Янко!
Даће мене Бан-деспоте Ђуро,
За данашня моя тры мейдана,
Даће мене и триста дукатахъ!“
Па отрча полѣмъ Маџарскіемъ,
Докле Янко на билѣгу дође,
Дотле Раде починуо труданъ,
Па засѣде коня великога,
Жао было воеводи Янку,
Па онъ узе стрелу Секулову,
Устріели Облачину Рада,
Ранѣнъ паде у зелену траву;
Жао га є Бан-деспоту Ђуру,
Па погледну юнакъ на юнака,
Ђуро гледа Юга богатога,
А Югъ гледну на деветъ сыновахъ,
А сыновы брата наймлађега
Митаръ гледа Косайчићъ Ивана,
Иванъ гледну Топличанъ Милана,
Миланъ гледа Лютицу Богдана,
Богданъ гледну Обилянъ Милоша,
Милошъ гледа Релю крилатога,
Реля гледа Марка Кралѣвића,
Ал' негледа Марко ни єднога;
До налюти Шарца великога,
Па є остру саблю истргао,
У Маџаре юришъ учиніо,
А повикну тридесетъ войводахъ;
Докъ войводе сабѣ повадише,
Марко тридестъ Маџарахъ посѣче,
То кад' виђе Облачина Раде,
Утегнусе мукадемъ поясомъ,
Свог'се врана коня доватіо,
У Маџаре юришъ учиніо,
На гоне ихъ єданъ на другога,
Паде тама на полю Маџарскомъ,
Бога моли ліепа ђевойка:
„Дай ми Боже віаръ одъ планине!
Да я видимъ чія гине войска.“
Богъ іой даде што у Бога иска,
Пухну віаръ вѣтаръ одъ планине,
Те по полю разагнао таме,
Ал' Маџара нейма ни єднога,
До біежи воевода Янко,
А гони га Кралѣвићу Марко,
Заклинѣ га воевода Янко:
„Богомъ брате Кралѣвићу Марко!
Немой мене изгубити главу,
Достасте ми яда учинили.“

Марко му є за братску пріймio,
Тесе Марко на трагъ повратio,
Окуписе тридесетъ войводахъ,
Те Маџарма узеше оружѣ,
Узеше имъ конѣ и оружје,
Укопаше Облачину Рада,
Ліепо га браћа оплѣваше,
Тад' одоше къ Смедереву... своме.

75.

Какавъ є Раде.

(Одъ истога Радована Милошева Ровчанина.)

Вино пію до тры побратима,
На обали Саве и Дунава,
Єдно ми є Кралѣвићу Марко,
А друго є Янко одъ Сибиня,
А треће є Раде Єлечевићъ;
Кад'се руйна вина понапише,
А у себе ћеифъ опазише,
Наточio Марко Кралѣвићу,
Наточio єдну купу вина,
Па бесѣди Марко войводама:
„Бы л'се нашло доброга юнака!?
Да попіе ову чашу вина,
Да попіе да ни незафали."
Но да рече Янко одъ Сибиня:
„Я ти знадемъ доброга юнака,
А сокола Мусу одъ Загоря,
Бы попio, небы зафалio."
А да рече Єлечевићъ Раде:
„Я ти знадемъ и болѣг' юнака!
Одъ Требиня мѣста честитога,
А Турчина Меху Ђурђевића;
Нейма нѣму но двадестъ годинахъ,
Дванаестъ є добio мейданахъ,
И дванаестъ има челенакахъ;
Да налѣзе друмомъ овудіе,
Бы попio и онъ купу вина,
Бы попio небы зафалio."
Башъ у ріечъ у кою біяху,
Докъ ево ти Мехе Ђурђевића,
Па Дорину ка' на горску вилу,
На Дорину ноге прекрстio,
У руке му седефли тамбура,
Ситно куца танко попіева;
На нь' су токе одъ четиры оке,
Засѣкли му до раменахъ брцы,
Шяю мусе токе прозъ бркове,
Ка' и мѣсецъ крозъ єлово гранѣ,
Па мимо ньихъ проћера Дорина,
Тадъ одъ коня осѣде виловна,
На ункашъ му узду узтурio,
Преко седла кузманъ претурio
Онъ отиде право къ войводама;
Силанъ бѣше ништа незбораше,
Нађе купу вина наточену,
Попio є па незафалio.
Отле оде ка коню Дорину,
Па дозива Єлечевић' Раде:
„Копиляне Єлечевићъ Раде!
Єсамъ чуо ђе кажую люђи,
Е 'си юнакъ добаръ на свіету,
А и мене краина познае,
Ход' на мейданъ, да га діелимо!"
Башъ ни мило Раду небіяше,
Ал' му друга быти немогаше,
Него скочи одъ землѣ на ноге,
Острицу є саблю повадio,
И къ Турчину юришъ учинio,
Нагнаосе юнакъ на юнака,
Докле саблѣ оба саломише,
И обадва ранахъ допадоше;
Но у війте костис' уфатише,
Четирысе носише сахата,
Марко шѣди, и войвода Янко,
И' оте помоћ' ни єдноме ньима,
Докъ Турчина пѣне попануше,
Ядна Рада бійле и крваве,
Таде викну Єлечевић' Раде:
„Побратиме одъ Сибиня Янко!
Помози ми Богомъ побратиме!"
Скочи Янко на ноге одъ землѣ,
Увати га Марко Кралѣвићу,
Увати га за скутъ о доламе:
„Срамота є Богомъ побратиме!
Срамота є по два на єднога,
Пешчекала майка ни єднога!"
А кад' виђе Єлечевић' Раде,

Е му нете помот' побратими,
Таде викну Богомъ посестриму,
Посестриму Нагоркиню вилу:
„Помози ми Богомъ посестримо!
Е 'си мене дала вѣру тврду,
Да ми вазди бидешъ на невольи.
Таде вила шъ ньиме бешѣдила:
„'Да л' ніесамъ тебе шѣтовала,
Да неліешъ преко мѣре вино?
А ђесу ти ножи ижъ чизамахъ?"
Онъ упута ноже доћатіо,
Те Турчина шъ ньима ударіо,
Попречицѐ на средъ ожичице,
Испаде му међу лопатице,
Разнесе му црнѐ утробице,
Паде Турчинъ у траву зелену,
А припаде Єлечевиħъ Рȃде,
Те Турчину главу посѣкао,
И скиде му одіело дивнȏ,
Па му узе дебела Дорина,
Отле къ своимъ оде побратимамъ,
Уморансе напоио вина,
И прекори свое побратиме:
„Я быхъ вама побре помогао,
Кадъ бы вама за неволю было,
Вы ни єданъ мене неоħасте;
Али ħемо шиħаръ діелити."
Коня даде Янку одъ Сибиня,
Марку даде токе позлаħене,
А осталȏ себе оставіо,
Па на томсе побре раздвоише,
И сва трысе братски ижлюбише,
Свакъ отиде ка своему двору.

76.

Груицѐ Посестрима.
(Одъ Голѐ ђевойке, у Морачи.)

Подранила Туркиня ђевойка,
Подранила ютромъ на водицу,
Да донесе водѐ у маштрапи,
Но дѣвойка была зачамала,
Ню ми майка остарала кара:
„Курво єдна а не моя ħерко!
Што ты єси на води чамала?
Тысе єси съ некимъ састаяла!"
Онас' майцы криво куніяше,
Али ньойзи лажа непомагȃ,
Непомагȃ лажа ни заклетва;
Но да ħаху извадит' іой душу
Она млада казат' неоħаше,
Ђе є была, и што є виђела,
Съ киме лисе за што л' побратила.
Старȃ викну ка' дасе помами,
Повикнула свое деветъ сынахъ,
И десетог' Бега Атлагиħа;
Бегъ скочіо одъ землѣ на ноге,
Поскочіо ка' дас' помаміо,
Свое деветъ довикуе сынахъ,
Сви найболѣ конѣ пояхаше,
Поħераше Груюи Новака,
Ка то виђе Новакъ и Груица,
Утекоше у гору зелену,
Унесоше раннѣнъ Радивоя,
Турише га у буково шушлѣ,
Затрпаше єловіемъ гранѣмъ,
У то стиже деветъ Атлагиħахъ,
Оборише огань исъ пушакахъ,
Дочека ихъ Новакъ и Груица,
Џевердане свое изметнуше,
Свакъ понеког' уби Атлагиħа;
Доватишес' коняхъ ньиховіехъ,
А тргоше маче одъ бедрице,
Све су деветъ изгубили были,
А десетог' жива уфатили,
Пакъ и њѣга изгубит' оħаху,
Ал' га неда Новаковиħъ Груіо,
По быо му Груіо говоріо:
„Атлагиħу дійна ти твоега!
Проказа л' ме моя посестрима?"
„А тако ми Дійна и кремета!
Ніе, рече, тебе проказала,
Проказала твоя посестрима,
Но волѣла главу изгубити,
А мы сами єсмос' осѣтили,
Те за вама у поточъ потекли."
Груіо нѣму животъ опростіо,
И сестри га нѣговой послао,
А виерной своіой посестрими,
Све деветъ му поклоніо главахъ,

И хата му бьıо повратіо;
Атлагићъ є отле пояхао,
Ал' га чека остарала майка,
Да радосне ньойзи каже гласе,
Она гледа иду л' Атлагићи,
Докъ угледа наймлађега сына,
По имену Атлагићъ Османа,
У зобнице нешто нагучіо,
Єдва чека да одяше сыне,
А докъ майцы на кулу изађе,
Па га пита: „Што ми носишъ сынко?"
Османъ майцы кротко одговара,
А истресе свое браће главе:
„Груіо тисе поздравіо майко!
И посла' ти на пешкешъ карпузе,
Нека знадешъ да кога имадешъ."
Майка писну, а Османе врисну,
А загрли свою милу̂ Сею,
Полюби ѐ и два и тры пута:
„Фала тебе моя мила сѐле!
Све кояси муке подніела,
А свог' побра браћи неиздала,
Те ми съ тебе животъ опростіо."

77.

Златна̂ свирала.

(Одъ Ягликѐ Мушкобанѐ у Морачи.)

Ловъ ловіо паша Џин-Алія,
Ловъ ловіо край Кралѣва двора,
У край двора краля Владислава,
Ловъ ловіо па се уморіо,
Па свратіо кралю на ужину,
Ліепо га кралѣ дочекао,
А су свое двіе снахе младе,
Насланясе млађа на старію,
Дробанъ іой є бисеръ одоліо,
Дробный бисеръ и каменѣ драго,
А то̂ гледа паша Џиналія;
Ню ми гледећ' гледат' немогао,
Па онъ пита краля Владислава,
Имаде ли іошъ коега сына,
Нѣму каже по истини кралѣ:
„Имамъ єдног' тамо у планини,
А на име чобанъ Мияило."
Паша нѣга опет' упитао:
„Єси л' сына кралѣ ожениo?"
„Ніесамъ га, рече, оженіо?"
Паша нѣму ћерцу̂ обећава,
А краль паши вако одговара:
„Неможе ни вѣра подніети!
Већ' ты булу привежи Турчину."
Налютисе паша Џинайлія,
Па отиде двору біеломѐ,
Посла момке у Шарру планину,
Да вате чобан-Мияила,
Да га жива свом' паши доведу;
Ал' нуто имъ муке и белая,
Никако га преварит' немогли,
У томесу игру заметнули,
Бацаюсе камена съ рамена,
Ал' Міайло небача оружя,
Подъ оружѣмъ свѣма преметао,
Подъ оружѣмъ свѣма одскочіо;
Докъ на трку искочили были,
Ту оружѣ сви оставе свое,
Тада скоче пашине Деліе,
Сви сплахаше те га уватише,
Наопако руке савезаше,
Па га паши своме поведоше,
Міяйло є дружби говоріо:
„Моя браћо остала̂ дружино!
Причувайте мое бѣле овце,
ДокъБогъ даде тесе къньима врнемъ."
А кад' бьıо према дворовима,
Према двору па̂шѐ силенного,
Моліосе чобанъ Міяило:
О за Бога дванаесъ Деліяхъ!
Попуштите мое бѣле руке,
А додайте свиралу ми златну,
Да я узмемъ желю одъ свирале."
То Деліе за мобу пріймиле,
Попуштиле чобанину руке,
Дадоше му злаћену свиралу,
Єднимъ прстомъ у ню ударіо;
„Авай мене миле снахе мое!
Другіемъ є прстомъ ударіо!
„Авай мене моя стара̂ майко!

То ти хоћу желянъ умріети.“
Па трећіомъ прстомъ ударіо:
„Богъ т' убіо мой міо бабайко!
Што си съ Туркомъ піо вино руйно?“
Іошъ оћаше прстомъ ударати,
Недаше му дванаесъ Деліяхъ,
Іошъ оћаше чобанъ бесѣдити,
Недаше му пашине Деліе,
Узеше му злаћену свиралу,
Свезаше му наопако руке,
Одведоше паши Џинайліи,
Изведоше г' на высоку кулу,
Сѣдоше га паши усъ колѣно,
Ал' му вели паша Џинайлія:
„Потурчисе чобанъ Миаило!
И даћу ти ліепу ђевойку,
Да є любишъ кадгодсе пробудишъ.“
Міяило нѣму одговара,
Те бесъ страха и ка' дасе кара:
„Небыхъ тисе пашо потурчіо,
Да ми дадешъ ћерцу за любовцу,
И царево свеколико благо.“
Паша таде нареди Деліе,
Да у полю хендекъ ископаю,
Те Миайла жива закопаю,
Укопаю жива до пояса,
Да имъ нишанъ буде на билѣгу.
Укопаше г' па га нишанише,
Како кои стрелашъ долазіо,
Тако нѣга стреламъ погађаше,
Али трже кралѣвић' Міайло,
Трже собомъ тамо и овамо,
Искочіо юнакъ исъ хендека,
Па пролеће кроза све Деліе,
Те одлеће на біелу кулу,
Како дође пашу є удріо,
Удріо га ногомъ у мѣшину,
Прште паша ка' одъ яя люска,
Па Міайлос' више необзире,
Но своега подби џевердана,
Па утече нисъ то' полѣ равно,
Онъ небѣжи къ свом' біелу двору,
Нити бѣжи у Шарру планину,
Већ' онъ бѣжи цркви Вилендару,
Тусе упутъ покалуђеріо,
Светый Саво єсте оно быо,
Коиносе и данданасъ слави
У Србальском' роду и народу.

78.

Марко
У ропству Сараевскомъ.

(Одъ малога дванестлѣтнога Стоянчића Живкова изъ Яеснове у Морачи.)

Дође Марко техер' Сараеву,
Узмучишес' Турцы Сарайліе,
Ткоће Марка на конакъ повести,
Докъ ево ти Залум-Асанаге,
На конака онъ поведе Марка,
Навали му вино и ракію,
Доксе Марко бѣже накитіо,
Накитіо те и заситіо,
Отишао спават' безъ узглавя;
А да видишъ Залум-хасанаге,
Тури на нь'га двое букагіе,
Пакъ є Марка ногомъ ударіо:
„Устай курво Кралѣвићу Марко!
Да піемо вино и ракію,
Да любимо твою Анђелію —.“
Шћаше Марко да скочи на ноге,
Недаше му двое букагіе,
Па скупіо Залумъ Сарайліе,
Сви рекоше да обѣсе Марка,
Каурина и Турска крвника,
Кои бѣше поочіо цара,
А да Турке лашнѣ ископава,
Сви рекоше сложно покликоше:
„Обѣс'мо га у неђелю прву!
Диндушманинъ нек' є кои манѣ —.“
Кад'се Марко на невольи нађе,
Онъ довати дивитъ и артію,
Даде му та ліепа ђевойка,
Мила ћерца Залум-Хасанаге,
Пакъ є ситну кньигу накитіо,
Свог' сокола бѣше докликао,
Нѣму кньигу подъ грроце веже,
Іошъ му Марко бесѣђаше вако:
„Сивъ соколе моя вѣрна слуго!
Носи кньигу моме побратиму,

Побратиму Новакову Грую,
Быћѣе шъ ньиме Новакъ и Радивой
У пећини высокой стіени
А у врху горе̑ Романніе;
Брзо пођи, а брже ми дођи!"
Марку соко кликомъ одговара:
Я ћу поћи но теб' хоћу л' наћи!
Хоћу ли те наћи у животу?"
Нѣму Марко болю проговара:
То є божя брига и судія!
А докъ ми є Груіо побратиме,
И докъ ми є вила посестрима,
Бѣла̑ вила штос' у облакъ свійла,
Неће моћи погубит ме Турцы."
Полетіо соко тица сива,
А узъ гредъ є Марку говоріо:
,,Да никога ето мене твога!
Заиста ћу очи ископати,
Те Залуму, нашемъ Душманину,
Нек'се кае, и нек' сліепъ тае,
Штоі' на вѣры погубіо Марка,
Марку царе вазде дае даре,
Дасе на нѣг' само непрогнѣва!
Та што Богъ да, то ће быт' и овда."
Оде соко, и Груицу нађе,
А кад' Груіо ситну кньигу виђе,
Ударисе рукомъ по колѣну,
Пукнуо му рибићъ и чакшире,
А бризну му сузе низъ образе,
Груіо хукну̑ сва пећина єкну̑:
,,Ахъ ђе си ми побре запануо!
Орловима да 'смо лећивіем',
Небы сѣнку къ теби дотурили,
Ал' што Богъ да̑ и срећа юначка!"
Па сокола Груіо испратіо,
Дасе побри нада побратиме,
А Груица опанке притеже,
Узе свою шарру по сріеди,
Покликао старину Новака,
И свог' стрица Дели-Радивоя;
,,У кога є срце и мышица,
Садъ нек' Марку на помоћъ потече,
А я одохъ да и нитко неће!
Оћу свою изгубити главу,
Ал' избавит' свога побратима,
Мога побру Кралѣвића Марка."
То є реко̑ па на друмъ потеко',
А за ньиме Новакъ и Радивой,
Далеко є Новакъ изостао,
Па свог' брата быо дозивао:
,,Радивое причекай ме брате!
Да мы старцы скупа отидемо,
Небы л' Грую у невольи были,
Младо момче уложиће лудо,
Па бы могли нѣга изгубити,
А никад'се за ньим' утѣшити."
Доксе они амо ишчекали,
У то Груіо къ шехеръ Сараеву,
А кад' быо не средъ Сараева,
Ал привели Марка подъ вѣшала;
То кад' виђе Новаковић' Груіо,
Необзрес' десно ни ліево,
Бритка мача свога потргнуо,
Самъ у Турке юришъ учиніо,
Кликуюћи Марка побратима:
,,Небой мисе побратиме Марко!
Іошъ є и нашъ вышньій отацъ благій,
А ево ти Старине Новака,
И ево ти Дели-Радивоя,
Ка' два грома за хитримъ муняма,"
Око побра разагнао Турке,
Марку брже опростіо руке,
Додао му саблю потайницу,
Кад'се Марко саблѣ добавіо,
Мало кога жива упуштіо,
И докъ дође Новакъ и Радивой,
Али Турц'ма ка' біесним' вуц'ма
Ниђе ява, до безъ броя стрва;
Што б' утекло неякоме Грую,
То претѣца Кралѣвићу Марко,
Што л' умаче ньима обоицы,
То дочека Новакъ и Радивой,
Докъ Турчина неста ђаволѣга,
У ліепу шехер' Сараеву,
А юнацы здраво и весело,
Свакій Марка грли и целива,
За витежко̑ здравѣ припитива,
Па сѣдоше сви у Ташли-Хана,
Ту сѣдоше тесе одморише,
Пит' почеше вино изъ Мостара,
Милій Боже да дивнога дара!
Како л' ніе, кад' Србъ вино піе,

По Турскіемъ кахвам' и ханима,
А главе имъ посѣче крвничке?
Благо̂шъ нама съ браћомъ витезовма!

79.

Опетъ Секулъ и Герзелезъ.

(Одъ Ива Янковића Морачанина изъ Ђуђевинѣ села.)

Вино піе кога ође ніе,
Вино пію до два побратима
У Косову полю пространноме,
Єдно ми є Ђерзелезъ Алія,
А друго є воевода Янко;
Вино пише доксе понапише,
Ягодице докъ имъ заруише,
Но говори воевода Янко:
„О мой побро Ђерзелезъ-Алія!
Небы ли ме нешто послушао,
А одавле те до у Косово?
Е я имамъ сестрића моега,
А сестрића Бановић' Секулу,
Често иде у полѣ Косово,
Чешће носи одъ Туракахъ главе,
Єсте дите лудо и млађахно,
Нейма нѣму до седамъ годинахъ,
Ево данасъ тек' година данахъ,
Шездесетъ є донесао главахъ,
А толико живіехъ довео,
Еко му ихъ свіехъ у тавницы,
Све Турскога люта краишника,
Ясе боимъ хоће погинути,
Но небы л' га побре препануо,
Препануо а непогубіо,
Да неходи на мейдане често.“
Нѣму вели побратим' Алія:
„И далѣ б' те побре послушао.“
Такосусе оба раздвоили,
Кад' ли дође Янко воевода
Ка нѣгозу ка біелу двору,
Янко пушти гласита телала
У нѣгову страховиту войску:
„Ніе л' майка родила юнака,
Да отиде у полѣ Косово?
Да уходи Ситницы бродове,
И Шарицы врхе и долове,
Боятисе войсцы одъ Туракахъ.“
Сви юнацы быше и невѣшти,
Теке стидно у землю поглаше,
Ма негледа Бановић' Секуле,
До Уяку међу очи црне:
„О мой Уйко, воевода Янко!
Я ћу поћи у Косово равно̂,
Да уходимъ Ситницы бродове,
Шарры горы врхе и друмове.“
Нѣму зборі воевода Янко:
„Айде сынко мой сестрићу младый!
Хайде мудро непогини лудо,
Дођи брже, него другій може.“
Доватисе Бановићъ Секуле,
Доватисе вранца претилога,
Баціосе вранцу на рамена,
У гриву му быо погрезнуо,
Па одагна у полѣ Косово;
Кад' ли стиже у Косово бойно̂,
Али полѣ магла притиснула,
До изъ магле добаръ юнакъ виче:
„Ніе л' окле каквога юнака?!
У крваву полю Косовоме,
Да поможе умріет' Турчину,
Да юначку посіече главу,
Да му коня узме и оружѣ,
У ћемеру хиляду дукатахъ.“
То зачуо Бановић' Секуле,
Па Секула шъ ньиме говораше:
„Ой чу ли ме у магли юначе!
Я ћу теби помоћ' умріети.“
Но говори изъ магле Турчине:
„Ай тако ти у магли витеже!
Кои єси каж' мис' по имену?
Еда ли си воевода Янко,
Оли єси Кралѣвићу Марко,
'Да л' ніеси Милошъ Обилићу,
Ол' крилатый Реля Бошнянине,
Или 'си ми Косанчић' Иване,
Ніеси ли Топлица Милане?
Да я знадемъ одъ ког' ћу мріети.“
Но говори Бановић' Секуле:
„Ай тако ми изъ магле Турчине!
Башъ одъ тога ніе ни єднога,
Но діете Бановацъ Секуле,

Міо сестриђъ одъ Сибиня Янка,
Коиће ти помоћ' умріети."
Тако доба мало постануло,
Изъ магле є Турчинъ испануо,
На Дундулу коню великоме,
Сіеда му брада до пояса,
У глави му зуба ђаволћга,
Крваве му очи обадвіе,
Голу саблю носи у рукама,
Подъ ньимесе црна земля тресе;
Кад' га згледа Бановацъ Секуле,
Одистасе препануло дите,
Но удари своега вранчића,
Удара га чизмомъ и мамузомъ,
Пріудара трострукомъ канџіомъ,
Те побћже правце нисъ Косово,
Но му Турчинъ утећи недава,
Бржій му є Дундулъ одъ Бранчића,
Савія га отуд' и одовуд',
Голу саблю къ ушма му доноси,
Ласно дите погубит' могаше,
Башъ могаше, али нехоћаше,
Тек' препаде Бановић' Секула,
У страху є буздованъ докопо',
У страху га преко себе бачи,
Врагъ унесе и несрећа црна,
Удри старца међу очи грдне,
Паде Турчинъ подъ коня витеза;
То невиђе Бановићъ Секула,
Но побћже докъ утећи може,
Онъ побћже нисъ Косово равно,
До табора своега Уяка,
Мимо чадоръ воеводе Янка,
До чадора крволіе Марка,
У то за ньим' Янко Уячина:
,,Што ми бћжишъ мой сестрићу мла-
дій,
Што си свога уморіо вранца?
Будъ пре тобомъ никог' невидимо,
Ни за тобомъ ко те ћера има,
Одъ ког' бћжишъ, кога ли то го-
нишъ? —."
Таде мисе устави Секула,
Отиде му яде ядовати,
Одъ кога є юнакъ утекао,
Како лисе топузомъ бачао,
И како є отле побћгао,
Већ' га ніе одзадъ опазіо,
А ни самсе веће необзиро'."
Но говори воевода Янко:
,,Богъ т' убіо Бановићъ Секула!
Погуби ми мога побратима."
Ал' му збори войвода Милошу:
,,Богъ ти дао Бановацъ Секула!
Кад' си нћга юнакъ изгубіо,
То є главомъ Ђерзелез-Алія,
И я 'самъ га ћео изгубити,
До имађахъ одъ нћг' погинути."
Отле на трагъ пошли у Косово,
Каде были на средъ Косовога,
Ал' ево ти Ђерзелез-Аліе,
Мртавъ спава у зеленой трави,
Изъ крви му вири брадурина;
Секулъ узе коня и оружје,
И остало што при нћму нашо,
Пакъ му грдну посћкао главу;
Хоће Секулъ радосна му майка,
Тек' топуза нађ' немого' свога,
Ал' и бежъ нћг' послћ воеваше,
Больій юнакъ одъ Янка біяше!...?
На млађима свіетъ остаява.

80.

Невћранъ ятакъ.

(Одъ Димитрія Игумна Жупе Никшићке.)

Пораніо Шакетићу Лука,
Подраніо у ловъ у планину,
Ловъ ловіо ништа неулови,
Но онъ нађе раннћна хайдука,
У планини подъ зеленомъ єломъ,
И на нћму дивно одиело,
Све ођело Бега Любовића;
Онъ му бћше похарао дворе,
Но му вели раннћный хайдуче:
,,Богомъ брате Шакетићу Лука!
Немой мене Бегу проказати,
Ево тебе тры товара блага,
И ево ти токе позлаћене,
Єсу токе Бега Любовића,

И ево ти бистра цевердана,
Єсть цевердань Бега Любовића.“
Лука мусе добро куніяше,
Да га Бегу проказати неће,
Онъ одпаса тры ћемера блага,
Пакъ ихъ Лука себе припасао,
И узе му бистра цевердана,
И скиде му токе позлаћене,
Свукуе му зелену доламу,
Но му вели раннѣный хайдуче:
„Богомъ брате Шакетићу Лука!
Несвукуй ми зелену доламу,
Да незебу мое ранне грдне.“
За то Лука ни хабера нейма,
Но му свуче зелену доламу,
Іошъ му вели раннѣный хайдуче:
„Богомъ брате Шакетићу Лука;
Немой мене Бегу проказати,
Па поклонъ ти зелена долама.“
Лука мусе тврдо куніяше,
Да га Бегу проказати неће.
Оде Лука двору біеломе,
Те остави благо и оруже,
Паксе отле Лука подигнуо,
Онъ отиде Бегу Любовићу,
Па є нѣму тіо говоріо:
„Штаћешъ дати Бего Любовићу!?
Шта ћешъ дати мене муштулука?
Да ти кажемъ раннѣна хайдука,
Кои ти є кулу похарао,
Узео ти свіетло оруже.“
„Чуешъ мене Шакетићу Лука!
Доведи ми раннѣна хайдука,
Ял’ нѣгову осѣчену главу,
А даћу ти триста Мацаріяхъ.“
Хитро га є Лука послушао,
Онъ отиде у гору зелену,
Те доведе раннѣна хайдука,
Бегъ му даде триста Мацаріяхъ,
Оде Лука двору біеломе,
Но говори Бего Любовићу:
„Чуешъ ли ме раннѣный хайдуче!
Коіомъ ћу те смрти уморити?
Али ћу те у воду турити,
Али ћу те на ватру горѣти,
Ал’ размаћи коньма на репове?“
Вели нѣму раннѣный хайдуче:
„Нисамъ рыба да плівемъ у воду,
Нит’самъ дрво да горимъ на ватри,
Ни ’самъ курва коньма на репове,
Но ’самъ юнакъ да ме посіечешъ!“
Но говори Бего Любовићу:
„Чу ли мене раннѣный хайдуче!
Даемъ тебе божу вѣру тврду,
Да я тебе изгубити нећу,
Кажуй мене ђе си долазіо,
И ятаке съ ким’ си ятачіо.“
Бегу вели раннѣный хайдуче;
„Казаћу ти Беже Любовићу!
Ятакъ ми є Шакетићу Лука,
У нѣга є твое много благо,
У нѣг’ ти є свіетло оружѣ.“
Оде Бего ка Лучиной кули,
Ту є Бего Луку находіо,
Ђе разбрая пусто много благо,
Ту му бѣше свіетло оруже,
Но му вели Бего Любовићу:
„Курво єдна Шакетићу Лука!
Ты си мою похарао кулу,
Ты си мое покупіо благо,
И узео свіетло оружѣ;
Ето мое токе позлаћене,
И ето ми бистра цевердана.“
Ћаше Лука нешто да говори,
Ал’ му неда Бего говорити,
Но му Бего главу посѣкао,
Свеколико благо покупіо.
Покупіо свое и нѣгово,
А када му кулу похарао,
Онъ нѣгову кулу запаліо,
Па отишо двору біеломе;
Дома нашо раннѣна хайдука,
Видао га докле извидао,
И даде му свіетло оружѣ,
А сврхъ тога ліепо оћелло,
Па га пушти у гору зелену:
„Хайде зъ богомъ изъ горе хайдуче!
Тецы благо и за ме и за се.“
Па што стечче раннѣный хайдуче,
Све на поле зъ бегомъ діеліо —.

81.

Ибрахимъ и Марко.
(Одъ Мояша Гойкова Павићевића изъ Бѣлопавлића.)

Пiю вино до два побратима
У пространу стойну Цариграду,
Єдно бѣше Кралѣвићу Марко,
Друго бѣше Накићъ Ибрахиме;
А поштосе напоили вина,
Говори му Накић Ибрахиме:
„А за Бога побратиме Марко!
Єл' оваке у свiета ћорде?
Има л' болѣ, има ли острiе?"
То жа' Марку на свiету было,
Побратиму своме говорiо:
„Срамотасе фалит' побратиме!
Свака i' добра, кад' є у юнака,
Тек' одъ кад' є узео у руке,
Єл' є само крви напоио,
Ол' юначка нахранiо меса,
И бедеме главам' окитiо;
А я имамъ єдну остру ћорду,
Одка 'самъ є добiо у руке,
Достасамъ є крви напоио,
И юначка напитао меса,
И бедеме окитiо главамъ,
И высоке дворе на Прилипу;
У дворе ми вѣренница люба,
Лѣпше има, а мудрiе нейма,
Небы ми є нико преварiо."
То Турчину и жалiє было,
Па пред' царемъ учинѣли зарокъ:
Ако Турчинъ превари любовцу,
Е любовцу Кралѣвића Марка,
Да му узме вѣренницу любу,
И высоке дворе на Прилипу,
Па Маркову главу и оружѣ;
Аколи є Туре непревари,
Да му Марко главу посiече,
И узме му свеколико благо.
Iошъ му Марко дае одiело,
И даде му коня и оружѣ,
Па отиде Накићъ Ибрахиме,
Онъ отиде земльомъ и свiетомъ,
Докле дође у полѣ Прилипско;
Туде Туре коня разиграе,
Но гледа га Маркова любовца,
Те га виђе, тек'-ли га познаде,
Онъ да нiе Кралѣвићу Марко,
Па дозива Росанду робыню:
„Ну изиди, Росанда робинѣ!
Ето иде Кралѣвићу Марко,
Сигурай му госпоску вечеру,
А простри му наопак' постелю,
Ако биде Кралѣвићу Марко,
Каратиће и мене и тебе;
Ако биде незнана Делiя,
Неће гледат' ка' лежи постеля,
Но Росанди међу очи црне —."
У то Ибро пре дворове дође,
Сретала га Росанда робиня,
Привати му коня и оруже,
Па ушета у дворе бiеле,
Постави му госпоцке вечере,
Прострiе му наопак' постелю;
Онъ негледа ка' стои постеля,
До Росанди међу црне очи...
Ону ноћцу боравiо шъ ньоме,
Кад' свануло и сунце грануло,
Устануо Накићъ Ибрахиме,
И добрасе коня дофатiо,
Па отиде на Авлинска врата,
Испрати га Росанда робиня;
А кад' были на Авлинска врата,
Ибрахиме извадiо ђорду,
Окиде iой дешну плетенницу,
Па є тиште у шпагъ о доламе,
И побѣже земльомъ и свiетомъ,
Докле дође у Стамболу граду,
Докле Марка Кралѣвића нађе;
Како Ибро свога нађе побра,
Iошъ несяхо, а зборит' му стао,
А тиснуо у шпагове руке:
„Садъ устани Кралѣвићу Марко!
Да ти добру посiечемъ главу."
То му збори плетенницу вади,
Па є Марку бачи на колѣно,
А веже му наопако руке,
И Марко му ништа неговори,
Но саборсе царскiй накупляше,
Те гледаю муку и неволю,

Ка' ће гинут' Кралѣвићу Марко.
Самъ є Марко ноге прекрстіо
Свезаннiехъ рукахъ наопако,
А вишъ нѣга Накић' Ибрахиме,
Хазрь му є окинути главу,
У то доба дође Анђелина,
Мудра ли ѐ яды ѐ убили!
Све обукла мушко одiело,
Запалила чибукли симсiю,
Под' капицу вргла плетеницу,
Пак' є Ибру тако бесѣдила:
„А за Бога Накић' Ибрахиме!
Буд' ли хоћешъ Марка изгубити,
Кудаће му вѣреница люба,
И высокiи дворы на Прилипу?"
Ал' є Ибро таде бесѣдio:
„А тако ми царевъ Бостанцiя!
Мене хоте и дворы и люба,
Ясамъ Марка на зарокъ добio.
Нѣговусамъ преварio любу —."
А кад' виђе Маркова любовца,
Чибукомъ є капу уздигнула,
Плетенице обѣ испадоше,
Кад' є спази Кралѣвићу Марко,
Те онъ свою угледао любу,
Тек' ѐ виђе, теке є познаде:
„А ты ли си Анђелiя любо!
Благошъ мени данасъ и до вiек'!"
Скочiосе о землѣ на ноге,
Мако рукам' сицимъ прекинуо,
Ибрахима ћорду докопао,
Ибрахиму главу посѣкао;
У то доба везирь допануо,
Пита везирь Кралѣвића Марка:
„Што є Марко, што царевъ посынче?"
А Марко му казат' неоћаше,
Но и тога везира посѣче,
Све изгуби око нѣга Турке,
Тевабiю и све пашалiе,
Онда свога Шарца пояхао,
А на вранца Ибра побратима
На нѣг' сѣда любу Анђелiю,
Тако пошли двору бiеломе,
Здраво дошли весела имъ майка,
Здраво дошли своему Прилипу,
А то было кад'се попѣвало —.

82.

Зулумъ Удбиньскiй.
(Незнамъ одъ кога ми є.)

Кньигу пише Углѣвићу Симо,
Изъ малехна села Углѣвога,
Те ѐ шалѣ у кршне Котаре,
А на руке Янковић' Стояна:
„Побратиме Янковић' Стояне!
Мен' ѐ зулумъ одолio тешко,
Одъ Удбине одъ Турске краине,
Већ' га више подносит' немогу;
Но доведи неколико войске,
Єдда бы ме избавio побре.
Ако ли ми войску довест' нећешъ,
Ако нећешъ, ил' ако неможешъ,
Пошльи мене хиляду сексанахъ,
Дасе пратимъ къ тебе у Котаре;
Єръ ако ме неизбави побре,
Одъ мукесе хоћу потурчити,
И Ришћанску вѣру оставити,
Проклетога свеца припознати;
Но чу ли ме драгiй побратиме,
Ако почемъ почнешъ купит' войску,
Све беђаре покупи войнике,
Кои куће и баштине нейма,
Нити има ђеце ни любовце,
Да неиде сыротиня люта
Да неплаче у постреша туђа,
Єръ ће нама изгинути войска."
Кад' Стояну ситна кньига дође,
И кад' виђе што му Симо пише,
Жалосне га сузе пропануле,
Пакь развiя крстата баряка,
Пода нь' купи хиляду юнакахъ,
Све беђара одъ горе хайдука,
Кои куће ни баштине нейма,
А за вѣрну и незнаде любу;
Хиляду имъ набавio коняхъ,
Ни кованнихъ ни подметованнихъ,
Ни ученнихъ ни пређе яханнихъ,
Па пояха сила на бiеса,
Отидоше горомъ и планиномъ
До дворовахъ Углѣвића Сима;
Срете Симо Янковић' Стояна,
Шире руке у лицасе любе,

Запитуюс' за миръ и за здравѣ,
По Углѣву разредише войску,
Стоянъ пође на Симову кулу,
Пію вино разговараюсе,
И у то ихъ данакъ застануо.
Пораніо Углѣвићу Симо,
Разгледуе Стоянову войску,
Имаю ли пива и єдива,
Па коньима у ахаре пође,
И войничке конѣ разгледуе,
Имаю ли зоби и сіена;
Кад' Путалю Стоянову дође,
Ал' да видишъ чуда одъ Путаля!...?
Ни зобъ зоблѣ, ни сіено гризе,
Ногомъ біе а зубима стриже,
Фрискомъ фришти гледа усъ планину,
Препадесе Углѣвићу Симо,
Те изиде на біелу кулу,
По кулисе невесело шета,
Нѣму вели Янковић' Стояне:
,,Што си мисе препануо Побро,
Єл' ти моя не у волю войска?"
Вели нѣшу Симо побратиме:
,,О Сердаре Янковић' Стояне!
Ніе мене войска неуволю,
Него виђохъ бѣлегъ на Путалю,
Ни зобъ зоблѣ ни сіено гризе,
Ногомъ біе а зубима стриже,
Фрискомъ фришти гледа усъ планину,
Ясе боимъ хоћешъ погинути."
Та махъ Симу Стоянъ говоріо:
,,Небой мисе побратиме Симо!
Кад' є такій бѣлегъ на Путаля,
Стояну є вазда срећа была,
Него устай саде да идемо,
Да Удбинске Турке походимо!"
Симо скупи четиры стотине
Одъ нѣгова сыротна племена,
И пођоше горомъ и планиномъ,
А кад' бише полю Удбинскоме,
Рче Стоянъ Углѣвићу Симу:
,,Побратиме Симо Углѣвићу!
На чемћемо извадити кавгу,
Како л' ћемо Турке зађенути?"
Рече Симо Стояну Сердару:
,,Дай ми побро божу вѣру тврду!
Како речемъ да ћешъ послушати,
Ласно ћемо зађенути Турке."
Стоянъ дава божу вѣру тврду:
,,Штогодъ рекнешъ то ћу послушати,
Башъ ако ћу сада погинути!"
Симо бойна ђела нарећуе:
,,Узми побре половину войске,
Око друма по лугу постави,
Нек' уфате метеризе тврде;
А поведи другу половину,
Съ друге стране біеле Удбине,
Те ихъ покрій у зелену гору,
Я ћу избрат' четерестъ момакахъ,
Кои лахко могу потрчати,
Преко поля коню побѣгнути,
Повешћу ихъ на воду Данницу,
Подъ Удбиномъ градомъ біеліемъ,
Покрићу ихъ у зелену траву;
А кад' самне и сунце огране,
Што найпріе на Данницу дође,
На нѣга ћу извадити кавгу,
Кад' опазе Удбиняни Турцы,
Запалите бумбе и лубарде,
Потрчаће мало и велико,
Силны коньи да не савіяю,
А пѣшацы да нам' грабе главе,
А за ньима брадаяге старе,
Штос' небію, ни носе оружe,
Но на руке перянице златне,
Газіяма да челенке даю.
Я ћу побѣћ' лугу зеленноме,
Наша ће ихъ дочекати войска,
Шъ ньима ћемо очи повадити,
А ты тада удри на Удбиню;
Ако тебе Богъ и срећа даде,
Те уграбишъ одъ Удбине врата,
Немой харат' хане и дућане,
Но уфати куле и џебхане,
По бедену бумбе и лубарде;
Кад' то спазе Удбиняни Турцы,
Побѣћите на трагъ безъ обзира,
А ты жежи куле и џебхане,
И обори бумбе и лубарде,
Па што коме Богъ и срећа даде."
Што рекоше тако учинише,
Стоянъ свуђе разређуе войску,

Симо оде на воду Данницу
Съ избранніехъ четересъ момакахъ,
Покришесе у зелену траву,
Докле самну и сунце ограну,
Удбиньскасе отворише врата,
Изидоше Удбинскіи дрвары,
Нешће Симо започети кавге;
Изидоше овце и говеда,
Нешће Симо запођести кавге,
Четрдесетъ иде ђевоякахъ,
И пред' ньима Фатима ђевойка,
Мила шћерца Диздар-Осман'-Аге,
И Хайкуна Мустафина сека,
Те дођоше на воду Данницу,
Дасе мію и біеле платно,
А за ньима гоянный Халиле,
Шъ ньима ћоса и чува имъ стражу,
За поясъ му до два Венедика.
Кад' Туркинѣ на воду дођоше,
(У край воде гаће поскидаше.)
Угазише у воду студену,
Мію лице и біеле платно;
Сагинѣсе Хайкуна ђевойка,
У руку є воде дофатила,
Те посиплѣ Фатиму ђевойку,
Разсрдисе Туркиня Фатима,
Люто куне хайкуну дѣвойку:
„О Хайкуно! суђсно ти было!
Узео те Углѣвићу Симо!
Повео те у влашку краину.“
Рече Хайка Фатими ђевойцы:
„Што поминѣшъ Углѣвића Сима?
Наша су га браћа одагнала,
Побѣга' є у кршно Приморѣ.“
Симо скочи съ четересъ момакахъ,
Уфатише четрдесетъ булахъ,
Свакій свою за біелу руку,
Побѣгоше низъ полѣ широко,
Симо води Фатиму дѣвойку,
Но булесе водит' неоћаху,
Симо трже плетену канџію,
Біе буле тространкомъ. . . канџіомъ,
Да є коме погледати побре,
Како буле тад' усъ полѣ скачу.
Кадъ то виђе гоенный Халиле,
Пали Туре до два Венедика,
Удбиняни бумбе и лубарде,
Па потрча мало и велико;
Прво коньикъ да ихъ савіяю,
А пѣшацы да имъ грабе главе,
И за ньима мало и велико,
Да гледаю чудо етолико,
Тко зађеде подъ Удбину кавгу;
Понайзаде бродаяге старе,
На руке имъ златне перянице,
Газіяма да даю челенке,
И за главе Турско Бумбареће.
Симо бѣжи лугу зеленоме,
Изъ луга ихъ Србы дочекаше,
И на Турке огань оборише,
Па скочише очи повадише;
Зъ друге стране Стоянъ ударіо,
Тако нѣму Богъ и срећа дала,
Те Удбини уфатіо врата,
Онъ нехара хане ни дућане,
Него фата куле и џебхане,
Огнѣмъ пуни бумбе и лубарде;
Кад' то видли Удбиняни Турцы,
Побѣгоше на трагъ у Удбину,
Стоянъ жеже куле и џепхане,
А обори бумбе и лубарде,
И да ти є погледати побре!
Како Турцы лете у облаке,
Сви біели како лабудовы,
А падаю како гаврановы,
Сва Удбина огнѣмъ сагорела,
И погибе мало и велико,
До утече силанъ Али-паша
На нѣгова хата біеснога,
Нѣга ћера Стоянъ на Путаля,
По краини тамо и овамо,
Вазданъ ћера докъ захлади сунце,
Ал' Стояна паша братимяше:
„Богомъ брате Іанковић' Стояне!
Остави ми животъ на мейдану,
Твой є мейданъ а твое юнаштво!“
Юнакъ Стоянъ за брацку прійміо,
И отлесе на трагъ повратіо,
Код' Удбине у дружину дође,
Тражи свога побратима Сима,
Ал' є Симо ранахъ допануо,
Обѣ су му очи ишћеране,

И бѣле руке одкинуте;
Одъ хиляду Стояново другахъ
Погинуло четиры стотине,
Одъ Симове четиры стотине
Нейма здраво до четересъ другахъ,
Ал' Удбину сву тад' разуришe,
Изъ темеля града превратише,
Ни данаске нiес' обновiо,
Нити стое у Удбину Турцы.
Стоянъ копа побратима свога,
Сви дивну му жалбу учинише,
Стоянъ пође у равне Котаре,
Па тко юнакъ у нѣгово здравѣ,
И здравѣ му и веселѣ Богъ да!

83.

Укоръ Кчевке.

(Одъ Нешка Паунова изъ Чавшева дола.)

Е пошета една баба стара,
А по Кчеву мѣсту каменноме,
Овако є баба говорила
„Богъ убiо Пешикана Ђура,
Е изгуби Пешикана Лаза!“
Баба мняе нико є̑ нечуе,
Но то зачу Пешикане Ђуро,
Па узео пушку по срiеди,
Отле оде у Ђеклиће кршне,
Отишао къ миломе уяку,
Е къ ономе Кустодiи Лазу,
Па уяку сестрићъ бесѣдiо:
„Ес' ли чуо, ел' ти ко кажева?
Ка' є майка мене прекорила,
За мог' брата Пешикана Лаза,
Ка' изгуби г' Аверiйћъ кадiя,
Кадсмо были заедно у чету,
Но те кумимъ Богомъ истиннiсмъ!
Айд' идемо у чети юначкой,
Дако нама Богъ и срећа дадне,
Да осветимъ брата Пешикана,
Да утѣшимъ остаралу майку,“
Када виђе кустодiя Лазо,
Онъ довати пушку по срiеди,
Па скочiо на ноге одъ землѣ,
Бiо малу чету сакупiо,
Окупiо до дванаесъ другахъ,
Шъ ньомъ отиде къ Оногошту граду,
Мимо градъ є чета пралозила,
Одлазила у питому Жупу,
Па и Жупу чета преходила,
Машиласе путъ равна Дробняка;
Прозъ Дробняке чета прелазила,
Те є чета была долазила,
Босни землы у корита тврда,
Према оном' Озалюћу граду,
Ту є чета трудна починула;
Неко пiе воду и симсiю,
Неко суши одъ росе обућу,
И чекаше тры бiела дана,
А кад' бьо трећiй око поднe,
Прiймiосе Кустодiя Лазо,
Онсе прiйми ели у врхове,
Па погледа низъ Корита тврда,
И угледа дванаесъ Туракахъ,
На дванаесъ коняхъ великiехъ,
Предъ ньима є Аферiйћъ кадiя
Одъ све Босне и Херцеговине:
Кад' є Лазо шићаръ угледао,
Слетiо є низъ елу зелену,
Па ми каже оной чети малой:
„А тако ми ломны Црногорцы!
Есамъ добаръ шићаръ угледао,
Добаръ шићаръ за добре юнаке,
Ево иду дванаесъ Туракахъ,
На дванаесъ великiехъ коняхъ,
А предъ ньима Аферiйћъ кадiя
Одъ све Босне и Херцеговине.“
Па ихъ скрiо на средъ друма пута,
Покрiо ихъ у зелену траву,
И дружби є рiечъ бешћдiо:
„А тако ми Бога единога!
Ако свакiй неизгуби свога,
Ако свакiй Турчина незгоди,
Мoiомъ ћу му осѣћ' главу рукомъ.“
Тада нѣму Ђуро говорiо:
Е ты чуешъ Кустодiя Лазо,
Ты неудри Аферiйћъ кадiю,
Да ако мен' Богъ и срећа дадне,
Те осветимъ собомъ брата свога.“

Кустодія Ђура послушао,
Па є Турке близу напуштао,
Кад' су Турке пуштили међу се,
Припуцаше дванаесъ пушакахъ,
Обалише до десетъ Туракахъ,
Свакій своме главу одваліо,
Узео му коня и оруже,
И весъ шићаръ што є у ког' было;
Ал' утече Аферійћъ кадія,
Но бесѢди Кустодія Лазо:
,,Морре чуешъ Пешикане Ђуро!
Рече л' мене брата осветити,
Па што пушти Аферійћ' кадію,
Кои ти є брата и смакао?"
У Ђура є живо срце прсло,
За кадіомъ уришъ учиніо,
Те кадію біо уфатіо,
Найпріе му главу осѢкао,
Па узе му што при нѢму нађе,
И освети брата рођенога,
Свисе отле на Кчево вратише,
Здраво были, руйно винце пили,
Е по главу свакій донесао,
Турску главу душмана Ришћанска.

84.

ВѢрный саннъ.

(Одъ Зая Гойкова БѢлопавлића.)

Четасе є мала подигнула
А одъ Спужа града на Краину,
И предъ четомъ Кучевића Муіо,
За ньимъ Туре Гримчевићъ Османе,
И за ньиме тридесетъ Туракахъ;
Оде чета лугомъ Косовіемъ,
Докле дође чета подъ Гарчићу,
Подъ Гарчићу на воду Сушицу,
Ту є чета трудна починула,
Воде пила лѢба заложила,
Но нехоће Кучевића Муіо,
До Туре є саннакъ превaріо,
Мало спавну па скочи на ноге,
И Туре є грданъ саннъ видѢло:
,,Студенъ вѢтаръ одъ Гарчића пухну,
И занесе сву нашу дружину,
Я мнимъ дружбе нико неутече,
Но мы ходте чету повратимо!"
На то вели Гримчевићъ Османе:
,,Нека Муіо женска страшивице!
Немеђимо страха у дружину,
Но хайд' овце Туре уходимо,
БѢле овце Маркишићъ Мргуда,
БѢле овце на малу Загреду
Да ако бы посѢкли овчара."
Оно зборе да нико нечуе,
А то Мргудъ и слуша и гледа,
Око нѢга една чета мала,
Чета мала шездесетъ юнакахъ,
Но кад' виђе Маркишић' Мргуде,
Онъ дружины своіой говоріо:
,,Ха те дружбо дасе раздвоимо,
Ову чету мы да заскочимо!"
Обскочише су двіе тры стране,
Обскочише па имъ удариie,
ПосѢкоше тридесетъ Спужанахъ,
Неутече отле ђаволѢга,
До Турчина Кучевића Муя;
Ал' Туре є младо уграбило
Студенъ ками мѢсто цевердана,
Понпеше га Спужу на краину,
Да є нѢму ками одъ дружине,
А кад' Спужу дође на краину,
Е поглену на тридестъ двороваxъ,
Ал' сврхъ сваког' кука кукавица,
Куд' є иша, и добро є доша. —

85.

Брђаны.

(Одъ Марка Гойкова БѢлопавлића.)

Лиман-паша одъ Скадра біела,
Онъ сазива одъ краине Турке,
Увезесе блату широкоме,
Извезесе селу Голубовцу,
Докле дође до цркве Горице
Колико є сила уватила,
Одъ Горице до воде Бобуча
Дас' оћаше тіо наоблачит',

Е неймаше ђе капля крунути,
Одъ доброга коня и юнака.
Ал' є паша чадоръ разапео
На Горицу код' біеле уркве,
Па подъ шаторъ ситну кньигу пише,
Те є̑ посла кньигу у Пипере,
А на име попу Ћетковића:
,,О чуешъ ме попе Ћетковића!
О подай ми харачъ одъ Пиперáхъ!
И четиры у годину данка
На сироту и на сиромаха,
По стотину дебеліехъ грошахъ,
И пошльи ми до деветъ деліяхъ,
До тры брата до тры Лѣшковића,
И четиры брата Божовића,
И сокола Мрчарицу Пера,
И Делію Милутина твога."
Ево муке и неволѣ тешке,
У попа є єданъ Милутине,
Те на саборъ окупи Пипере
На Стіену пре цркву біелу
Изтуришe до деветъ Деліяхъ,
Пуцай срце а кукай имъ майко!
Кад' осташе безъ главе Пиперы,
Ту Пиперы макулъ учинише,
Да недаду главе у таоство,
Докъ Пиперма главе на раменма.
Пише кньигу попе Ћетковићу
Те є̑ шалѣ паши у ордію:
,,Послаћемо пашо тры камена,
Два да вржешъ на оба рамена,
Пошльи трећій цару у мирію,
Но напушти на Пипере войску,
Ако теби ніе була курва!"
Па послаше до деветъ деліяхъ
До у племе у Бѣлопавлиће,
Али землю на саборъ находе,
На широко полѣ Ждребанику,
Ту Поперы ньима бесѣдили:
,,Ха сад' браћо ако бога знате!
Помозите нама на Турчина!"
И такосе ньима обрекоше,
Да ихъ браћу нигда издат' нете;
Ону ноћцу боравили онде,
Іошъ зорица незабіелила,
Ни данница помолила крилца,
Ал' є пашо телале пуштао:
,,Хазр-олла! Силовита войска!
Е хоћемо похарат' Пипере."
Ма невели паша, Акобогда!
Акобогда ни помоћ' му неће.
Паша войску на Пипере пушта,
И Пипере листомъ опаліо
До Стіене до біеле цркве,
Но се мала чета подигнула
Предъ потечю Станковића Зрно
Одъ Међицахъ села малехнога
Докле дође пре Ћелію цркву
Паксе друга потѣчъ отиснула,
Пре четомъ є Колѣншићъ Лазаре,
Барякtаръ є одъ Павићевићахъ
Ту є войска макулъ учинила:
,,Ха сад' браћо когођъ Бога знаде!
Да дођемо на село Стіену,
Да видимо штосе учинѣло,
Како горе на огню Пиперы,
Па удримо да имъ поможемо!"
Брже войска на Задолѣ дође
Како дође угледала Турке,
Ђе су дошли до біеле цркве,
Ломе Турцы крсте и иконе,
Веле тако племе Бѣлопавлићъ:
,,Ко ћ' ударит' на силу толику!"
Но имъ збори Ђуровић' Іоване:
,,Я ћу ударит' башъ да нико неће!"
Тад' поскочи Ђуровић' Іоване,
Онъ упали сяйна џевердана,
Те погоди на цркву Турчина,
Паксе друго момче загонило,
Те є момче ріечъ бесѣдило:
,,Непуштимо пребіелу цркву!"
Пакъ и оно ужди џевердана,
Те погоди предъ цркву Турчина,
И то бѣше Радовић' Пауне;
По да ти є сад' виђети друже!?
Како сложно удрише юнацы,
Згнаше Турке низа Стрганице,
Мало было ништа нестануло,
Аво иду Пиперске деліе,
Убишесе праомъ и оловомъ,
Заклашесе како соколови,
Згнаше Турке на воду Морачу!

Кад' су Турцы съ ону страну были,
Али Туре одъ ордіе вика:
„О за Бога попе Ћетковића!
Ко т' остаде, ко ти є погиба'?"
„А тако ми Туре одъ ордіе!
Погибе ми до деветъ деліяхъ,
Ако ли ћешъ я да ти ихъ кажемъ:
До тры брата сва тры Лѣшковића,
И четиры брата Божовића,
И соколе Мрчарица Перо,
Милутина ранна допанула,
Али нѣму ништа быти неће;
Но тако ти Туре одъ ордіе,
Ко теб' оста, коли ти погибе?"
Нѣму вели Туре одъ ордіе:
„Каза' быхъ ти, али незнамъ право,
Што погибло ніесамъ броио,
Што раннѣно бројити немогу,
Но вакосе нигда несретали!"

86.

До тры Харамбаше.
(незнамъ одъ кога ми є.)

Маласе є чета подигнула
Одъ Приморя крваве краине,
А изъ Ришння града біелога,
Подижесе тры стотине другахъ,
И пред', ньима до тры четобаше:
Прво бѣше Пивлянине Баіо,
А друго є Карапанца Павле,
Треће Цѣтко Властелиновићу;
Пріеђоше ломну гору црну,
И Рудине полѣ поносито,
На Голію изашли планину,
Код' сметта є чета починула,
Ко є жеданъ піе воде хладне,
Гладны єду лѣба біелога,
Ко є труданъ саннакъ боравляше,
А ко юнакъ ради о оружю,
До юнака Пивлянина Бая,
Нити єде нити почіева,
Нити юнакъ о оружю ради,
Вазда му є наредно оруже,
Већ' замышлѣнъ по дружини шета,
А вели му Карапанца Павле:
„Што є Баіо наша четовођо!?
Што є тебе брига обузела?"
Нѣму Баіо ріечъ говоріо:
„Велика ме брига обузела,
Повеосамъ тристотине другахъ,
И увео у Турску краину,
Да ихъ водимъ прозъ гору зелену,
Хотѣ ми ихъ опазити Турцы,
Скрит' є мучно тристотине другахъ,
Ћара незнамъ ђе быхъ ударіо,
И брзосе на трагъ повратіо."
Тад' му рече Карапанца Павле:
„Я знамъ добра за дружину ћара
У питому Пиву камениту,
На Безує селу малехноме,
Подъ біелу Гаговића кулу,
Има Баіо хиляду овацахъ,
И хиляду челахъ пріеседахъ,
Петъ стотинахъ кравахъ и воловахъ,
И све Пиве на оставу благо,
Ту є доста ћара за дружину,
Па довече да имъ ударимо."
А рече му Пивянине Баіо:
„Єсте Пива моя старевина,
А Безуе моя постойбина,
Гаговићу ударати нећу,
Ако ћусе на трагъ повратити;
Носамъ больій шићаръ запазіо
У Дробняку, у племену яку,
У Петницу селу малехноме,
Подъ біеле Карацића дворе,
Тры хиляде біелихъ овацахъ,
Две хиляде челахъ пріеседахъ,
А хиляду кравахъ и воловахъ,
Све Дробнячко на оставу благо,
Дробняцы су будале юнацы!
Ласно ћемо шићаръ прифатити,
Но довече да имъ ударимо."
Рече Цѣтко Властелиновићу:
„А ђаволе Бая и хайдука!
Ће несташе низъ Дрину Дриняцы,
И сви Турскіи по Босни одацы,
Но да своіой браћи ударамо,
Отуд' Турцы одовуд' айдуцы,

Сиротиня подносит' неможе;
По'самъ больій шићаръ запазіо,
У пространу полю Невесиню
Пребіеле дворе Любовића,
Око двора дванаесъ оџакахъ,
На оџаке дванаесъ кадіяхъ,
Суде Босни и Херцеговини,
Ту є Баіо и одвише блага!
Іошъ Хайкуна ліепа ђевойка,
Ћерца мила Бега Любовића;
Него съ ютра да имъ ударимо,
И да Турско благо понесемо,
Я ви нећу діела одъ блага,
Тек' Хайкуну шћерцу Любовића;
Ако здраво у ПриморѢ дођемъ,
На све мое трыстотине другахъ,
Порезаћу тры стотин' доламахъ,
А сковат' тры стотине токахъ,
И купит' имъ триста џевердарахъ,
Триста чифтахъ маліехъ пушакахъ,
Іошће браћо задужити нећу."
Тако рече а скочи на ноге,
За ньим' пође тры стотине другахъ,
И дођоше Любовића кули,
Само сахатъ до біела дана;
Око куле камена авлія,
На авлію одъ гвожђа капія.
Те є ЦвѢтко неможе отворит',
Па дружини своіой говоріо,
Те падоше єданъ по другоме,
Иде ЦѢтко одъ друга на друга,
Докъ изиде на беденъ одъ града,
На беденъ є ноге прекрстіо,
Преко крила држи џевердана,
У то біо данакъ освануо,
Одъ кулесе отворише врата;
Дома Бега Любовића нейма,
Но є поша' на своє тимаре,
Да искупля порезъ и хараче,
Тек' хазнатаръ Мемет-ага старый,
Иде Турчинъ низъ біелу кулу,
За ньимъ иде Кумрія робиня,
И носи му везену серџаду,
Простріе є на Дишер-авлію,
И у ибрикъ воду приносаше;
Ага узе Турскога авдеста,
Кланят' поче Турскога намаза,
А гледа га Властелиновићу
Нижъ нѢгова бистра џефердара,
Па самсобомь ЦвѢтко говоріо:
„Фала Богу, фала єдиноме!
Ако Аги поможе кланянѢ,
Те незгодихъ нѢга џеверданомъ,
Погубићу Пивлянина Бая,
Носит' главу на Босну везиру,
И Турскесе вѢре прифатити,
У ньойзи ћу животъ оставити."
То изрече пали џефердана,
Мало бѢше агу дофатіо,
Савъ му мозакъ паде на серџаду,
Скочи Ћетко у дишер- авлію,
На авлію отворіо врата,
УлѢгоше тристотин' юнакахъ,
Уфатише дванаесъ кадіяхъ,
Попалише дванаесъ оџакахъ,
И біеле дворе Любовића,
И све Турско понесоше благо.
ЦвѢтко нешће ни гледати блага,
Но уфати Хайкуну дѢвойку,
Исъ подрума изведе Дората,
На Дората брже пояхао,
За се тура Хайкуну ђевойку,
ПобѢгоше полѢмъ широкіемъ;
Игра коня Властелиновићу,
А вели му Баіо Пивлянине:
„За штосисе курво посиліо,
Ђе ты узе коня и ђевойку?
Ако стигне Бего Любовићу,
Са нѢгово тридесть Любовићахъ,
И остала сва Турска краина,
Данасћемо курво изгинути!"
Рече Ћетко Властелиновићу:
„Небой мисе харамбаша Баіо!
Ако тебе бидне до неволѢ,
Быт'ћу данасъ тебе одъ неволѢ,"
Кад'су мало полѢмъ одмакнули,
Обрнусе Пивлянине Баіо,
НевесинѢ тама притиснула,
Диндарысе дижу у облаке,
Пита Баіо Хайкуну ђевойку:
„Снахо моя Хайкуно ђевойко!
Єси л' полю феракъ уфатила,

Єли вазда полѢ магловито?“
Мысли̑ Була преварити Бая:
„Мой ђевере Пивлянине Баіо!
Я ’самъ полю феракъ уфатила,
Кад’ є суша вазда праховито,
Кад’ є киша вазда магловито —.“
Но змiясе преварит’ неможе,
Ондай рече Пивянине Баіо:
„Ніе л’ добра у дружину дру̑га,
Да избере деведесетъ другахъ,
Одъ стотине по тридесетъ другахъ,
Да запане у зелену̑ траву,
Небы л’ како Турке уставили,
Докъ Сомини побѢжемъ планини,
И унесемъ у планину благо,
Па ћу мусе вратит’ у помоћи.“
Али нико неслушаше Бая,
Него свакій бѢжи у планину,
До сокола Властелиновића;
Онъ одяха Дора дебелога,
Даде Баю коня и ђевойку:
„Аманетъ ти харамбаша Баіо!
Ако мене суђенъ данакъ дође,
Те погинемъ данасъ одъ Туракахъ,
Води булу у росно̑ приморѢ,
И подай є̑ милу брату моме,
Узми зарокъ штосамъ обећао.“
Пакъ изабра деведесетъ другахъ,
Те западе у зелену̑ траву,
А осталіи у планину бѢже,
И све Турско̑ понесоше благо,
Ал’се брже Турцы примакоше,
Найпрвый є Бего Любовићу,
На Лабуда коня великога,
Пре дружиномъ бѢше одмакнуо,
Небы дуга̑ пушка дотурила,
Рече ЦѢтко Властелиновићу:
„О дружино браћо моя драга̑!
Немой кои пушку изметати,
Докъ я гађамъ Бега Любовића,
Акол’ нѢга непогодимъ првомъ,
Онъ да нейма друга никаквога.
Свіемъ бы намъ одкинуо главе“
У то стасса Бе̑го на Лабуда,
Силно Туре ядъ га задесіо,
И жестоко ражлютіо коня,
Изъ носа му модаръ пламенъ гред
Изъ копита живый обань скаче,
Преко бега пѢне претурава̑;
На бега су седамъ самокре̑сахъ,
Око бега сабля окована,
О ђогату топузина тешка̑,
Ньомъ є біо врата одъ Багдата,
На ђогату Багдатъ прифатіо;
И цида му на рамена бойна,
Саставіо каукъ са веђама,
Уздигнуо на рамена̑ брке,
Па за Баіомъ гледа усъ планину,
Изъ очихъ му крвца тече црна;
Кадъ Турчина ЦвѢтко сагледао,
Одъ страха га уфати грозница,
Паксе своіомъ пушкомъ разговара:
„Погоди ми бега на Лабуда!
А давамъ ти божу̑ вѢру тврду,
Када здраво у ПриморѢ дођемъ,
Седефъ ћу ти и дрво макнути,
У жежено̑ злато оковати,“
То изрече пали цефердана,
И погоди бега Любовића,
Посредъ чела међу очи црне,
Паде бего у траву на главу,
Тад’ допаде Властелиновићу,
Те бегову посіече главу,
И узе му свіетло оруже,
И пояха бегова Лабуда;
У то стиже тридесъ Любовићахъ,
И за ньима остала краина,
Шћаху нѢму изгубити друштво,
Него Ћетко неда на Лабуду,
Но предъ собомъ обрну дружину,
На Лабуда Турке дочекуе;
До Сомине высоке планине,
Никаква му непогибе друга,
Ни погибе ни рањне допаде,
А на ЦѢтка седамнаесъ ранахъ,
Ал’ погуби деветъ Любовићахъ,
И утече Сомини планини;
А кад’ Бая и дружину нађе,
На Баясе Ћетко налютіо,
Што му небы Баіо у помоћи,
Те Бегову саблю извадіо,
Посіече дванаесъ кадіяхъ.

Вратишесе у росно Приморѣ,
Па сѣдоше діелити благо,
Недіеле броемъ ни хесапомъ,
Већ' калпакомъ Бая Пивлянина,
Сваком' другу по четири дођe,
И четиры Ћетку старешинства,
Него ньима Ћетко говораше:
,,Нећу вама паре ни динара!
До Хайкуну ліепу ђевойку,
Даћу зарокъ штосамъ обећао."
Но дружина Ћетка неслушаху:
,,Нашъ соколе Властелиновићу!
На поклонъ ти Хайкуна ђевойка,
Іошъ ти беговъ ђогинъ и оружје,
И ово ти блага старешинство,
Чимъ ћешъ свое ранне извидати."
Веди Баіо одъ мора хећиме,
Вида Ћетка два мѣсеца данахъ,
Ліепо му ранне извидао,
Крсти Цвѣтко Хайкуну Туркиню,
Куми кума Пивлянина Бая,
И узе є за виерну любу,
Любишесе и живѣше складно.
Па да си ми здраво Србинъ брате!
Све юнацы твои были сынцы.

87.

Баіова Свадба.

(Незнамъ одъ кога ми є ова)

Запросіо Баіо Пивлянине
Надалеко ліепу ђевойку,
У дивноме Сеню богатоме,
У силнога Ива капетана;
Баіо проси Иво му є дае,
Млого силно похарчіо благо,
Прстенъ ставя свадбу договара:
,,Ова свадба за немлого данахъ,
Докъ я дођемъ Перасту біелу,
И покупимъ юначке сватове."
Отлесе є Баіо подигао,
Тер' онъ пође Перасту біелу,
А то млого доба нестануло,
Везакъ везе тридесъ ђевоякахъ,
На біелу Иванову кулу,
Свака фали заручника свога,
Но нефали Анђа Иванова,
Ньойзи веле млого другарицахъ:
,,Што нефалишъ заручника твога!?
Али си се млада поніела,
Е є тебе хайдукъ испросіо?"
Алъ говори Иванова Анђа:
,,Ніесамсе млада поніела,
Но я незнамъ когано ћу фалит';
Скоро дође Хасан-ага Куна,
Одъ Удбине одъ Турске краине,
Те испроси мене у Ивана,
Єсте више натуріо блага."
Но іой веле млого другарицахъ:
,,Алс' волія Пивлянина Бая,
Ал' Турчина Куну Хасанагу?"
Но говори Анђа Иванова:
,,Е воліяхъ Пивланина Бая!"
Ньойзи веле млого другарицахъ:
,,Каде тебе Туре уговори?"
,,Уговори до петнаесъ данахъ!"
Іошъ іой вели млого другарицахъ:
,,Пиши Анђо Баю Пивлянину!
Да покупи сватахъ пестотинахъ,
Нека брже за ђевойку дође,
Е ће другій повести ђевойку,
Поведе є Хасанага Куна;"
,,,,Брже дођи и свате доведи.""
Анђа кньигу танку оправила,
Ситна кньига Баю допанула,
Кньигу гледа и одъ нѣсе мучи,
А одъ муке на ноге скочіо;
Оде Баіо тамо на доганѣ
Па кад' Баіо біо на улицу,
Баіо срете сестрића Іовића,
Танку му є кньигу додавао,
Кад' є виђе діете Іовићу,
Теке виђе што му кньига пише,
Онъ уяку своме говоріо:
,,Хаид' уяче по нашем' Приморю,
Те покупи сватахъ пестотинахъ!
Све ћешъ купит' момчад неженѣну
Нека воде конѣ неяшане,
Нека яшу силе на бѣсове,
Кои могу стићи и утећи,

Па запету пушку дочекати,
Голу ћорду отет' у Турчина;
А я одохъ на бояли кулу,
Да припралямъ таинъ сватовима."
Оде Баіо ріечъ нечиняше,
Те покупи сватахъ пестотинахъ,
Доведе ихъ предъ біелу кулу,
За готову софру засѣдоше,
А поштосе понапише вина,
Отолесе свати подигнуше;
Иду свати земльомъ и свістомъ,
Докъ дођоше Сеню зенђиломе,
На ливаде свати попадаше,
Ал' ево ти Хасанаге Куне̑,
И онъ води сватахъ пестотинахъ,
Но дѣтића да видишъ Іовића!
Іошъ ту шћаше да извади кавгу,
Нег' му неда Баіо Пивлянине,
Съ миро̑мъ свати у Сень улазише,
Ма да видишъ Ива Капстана!
Онъ є свате дивно разредіо,
Ђувегіе на Ивову кулу,
Међу собомъ поставили люђе,
Несте̑ ли ихъ како насулити;
Никако ихъ насулит' немогли,
Но такосу ньима говорили:
,,Да дофате бурме и прстенѣ,
Да ихъ проспу по зеленой трави,
Да изведу ліепу ђевойку,
Чіе узме честита му была."
Како рекли тако учинили,
Па извели ліепу̑ ђевойку,
Срцемъ проси ліепа ђевойка:
,,Дай ми Боже у срећу юнака!..,!
Боже дай ми прстенѣ Баіово!"
Богъ іой даде Куне̑ Хасанаге,
Ту су Турцы шенлукъ учинили;
Іошъ да видишъ чуда и већега!?
Одъ Турчина Хасанаге Куне:
Све сватове у єдне чиняше,
Докъ састави хиляду сватовахъ,
Скупа пошли кита и сватови;
Каде свати на Зечево дошли,
Сви сватови конѣ разигра̑ю,
Но неигра діете Іовићу,
Нег' онъ яше̑ невесело вранца,
До нѣгасе Баіо доклоняше:
,,Да што ти є мой міо сестрићу?
Ако ти є миле̑ уйне̑ жао,
Лѣпшомћусе оженити ђидо."
Ал' му вели млађанный Іовићу:
,,Пређи месе мой міо уяче!
Ніе мене до чег'но є тебе,
Но нешто ме люто боли глава,
Но акосе почемъ намѣрило,
Намѣрило у плоску ракіе,
Башъ коя є трипутъ препѣцана?"
Даде Баіо плоску̑ и ракію,
Но да видишъ діете Іовића!
Напоисе и два и тры пута,
Одъ коня є вранца одяхао,
Подиже му ноге све четиры,
Да му ніе вранацъ обосіо,
Притеже му ибришим-колане,
Прекрстисе пояха вранчића,
А вранчићу дизгинъ узтезаше,
И хргну̑ га бакрачліомъ сяйномъ;
Колико є ужлютіо вранца,
По четиры свата прескакаже,
Докле Іовићъ до ђевойке дође,
Па загрли ліепу ђевойку:
,,Дивна ли 'си уякова уйна!
Дивна ли 'си, є ма си ми туђа̑!
Ама небы туђа акобогда."
Одъ сватовахъ нико невиђаше,
До Турчина Куне Хасанаге,
Па Іовићу ріечъ говораше:
,,Макс' отоле діете Іовићу!
Е немогу съ Бая побратима,
А быхъ тебе за то погубіо."
Кад' то чуо діете Іовићу,
Онъ скидаше дувакъ са ђевойке,
На ню бачи шарене мараме,
Удари ѐ бычемъ плетенніемъ:
,,Прекланяйсе моя мила̑ уйна!"
Кад' то зачу Хасанага Куна
Цевердану огань-ватру дава,
Те онъ ғађа діете Іовића;
Ал' є вранчићъ што и хитра муня,
И Іоввићсе пови по вранчићу,
Те є нѣга пушка претурила,
Исправисе Іоввићъ на вранчића,

Одъ образа свою шарру пали,
Те онъ гађа Хасанагу Куну,
Па згодно га мѣсто погодіо,
У повіе међу очи двіе;
Тусе ценякъ завргао малій,
Тесе бію за тры би'ла дана,
Паде тама одъ неба до землѣ
Одъ брзога праха и олова,
И одъ паре коньске и юначке,
Бога моли са коня ђевойка;
„Дай ми Боже віяръ одъ планине!
Да разагна маглу у краеве,
Да я виђу чіи гину сватови,
Чіи ли гину, чіи ли добываю."
Богъ іой даде віаръ одъ планине,
Те разагна магле у краеве,
Ал' изъ магле Іовић' искочіо,
Крваве му руке до раменахъ,
А вранчићу ноге до колѣнахъ,
Онъ на рамо носи копѣ бойно,
А на копѣ седамнаесъ главахъ,
За ньим' иде Пивлянине Баіо,
И онъ носи седамнаесъ главахъ,
И на себе седамнаесъ ранахъ;
По излазе кита и сватови,
Свакій носи одъ Турчина главу,
Изгледли су Баіови сватови,
Двадесть сватахъ бѣше погинуло,
Одъ Туракахъ жива ока нейма,
Веће осамъ у єнђилукъ булахъ,
Све ихъ осамъ Іовићъ уфатіо,
И бозна ихъ обѣсити ћаше,
Но недаде Пивлянине Баіо,
Нека иду грдне у краину,
Нека кажу штосе учинило;
Па Баіови сватыс' окупише,
И пођоше дома у Приморѣ,
Но да видишъ діете Іовића,
Тры медика морска добавіо,
Те онъ вида своега уяка,
Видао га за годину данахъ,
Те извида своега уяка,
Па га вѣнча съ ліепомъ ђевойкомъ;
И нек' му є̑, честита му была,
Юначку му лозу одржала,
Па мы здраво и весело дружбо.

88.

Ђевойча̑ хитрость.

(Одъ ђака̑ Вулине изъ Бѣлопавлића.)

До тры мрка завіяше вука,
У пазару на средъ Сараева,
То небыла тры крвава вука,
Но то была тры горска хайдука,
У тавницу божу несретницу,
У тавницу на средъ Сараева;
Єдно бѣше Браичићу Зрно,
Друго юнакъ Лакетићу Янко,
А треће є Юшковићу Раде,
Одъ питоме Жупе Грачанице.
По на ньихсе нико ненакланя,
До єдина варошка ђевойка
Тавницы є често долазила,
Ал' айдуцма ништа незборила;
До ђевойцы Зрно бесѣдіо:
„О бога ти варошка ђевойка!
Што долазишъ на пенџеръ тавницы,
Што долазишъ, ништа небесѣдишъ?"
Ђевойка є Зрну говорила:
„Чуєшъ мене Браичићу Зрно!
'Да от' ли ми дати вѣру тврду?
Да ме узмешъ за вѣрну любовцу,
Да бѣжимо къ обичаю твоме,
Пуштићу ве изъ тавнице ядне."
А да видишъ Браичића Зрна,
Пружи ньойзи обадвіе руке,
Те іой дае боже вѣре тврде,
Таде рече варошка ђевойка:
„Чуєшъ мене Браичићу Зрно!
Сад'ће дођи тридесть Сарайліяхъ,
Извесће ве изъ тавнице тавне,
Повешће ве у дно Сараева,
Све троицу хоте обѣсити,
По чу ли ме Браичићу Зрно!
Кад' будете низъ узке сокаке,
Ты завичи грломъ и авазомъ:
„„'Да ли ніе брата Ришћанина,
Оли какве варошке ђевойке,
Да изнесе єданъ кондиръ вина,
Да причести тры горска хайдука?!""
Я ћу чути, вина изніети,

Іошъ изнієт' до тры добре ћорде —."
То̑ му рекла у варошъ отишла,
У то доба тридестъ Сарайліяхъ,
Изведоше тры горскіи хайдука,
Поведоше низа Сараево,
Кад' су были низъ узске сокаке,
Ал' да видишъ Браичића Зрна!
Завикао грломъ гласовитимъ:
„Да ли брата нейма Ришћанина,
Али какве варошке дѣвойке?
Да изнесе єданъ кондиръ вина,
Да причести тры горска хайдука!"
То зачула варошка дѣвойка,
Ухитала доніела вина,
Подъ пазухо до тры остре ћорде,
Айдуцима вино приносила,
Ну да видишъ тридестъ Сарайліяхъ,
Ђе дѣвойцы просипляху вино;
Ђевойкасе на невольи нађе,
Тиште руке у шпагъ одъ долане,
Извадила тры стотин' цекинахъ,
Просула ихъ млада по калдрми,
Тадъ ну виђи младе Сарайліе,
Какос' грабе о то пусто̑ благо,
Ко ће више уграбити блага,
Ал' ђевойка саблю повадила,
Єдномъ удри Браичића Зрна,
Удари га конопъ пресіече,
И даде му ћорду у десницу;
Другомъ удри Лакетића Янка,
Удари га, конопъ пресіече,
И даде му у десницу ћорду,
Трећомъ удри Юшковића Рада,
Удари га, конопъ пресіече,
Па му даде у мышицу ћорду.
Стани тко ће, и само погледай!
Кадс' юнацы ћордахъ добавише,
А біеле руке опростише,
У Туркесу юришъ учинили,
Посѣкоше тридестъ Сарайліяхъ,
Изгубише аге и кадіе,
Узеше имъ конѣ виловите,
Бацишесе хатма на рамена,
Утекоше проза Сараево,
Узъ гредъ сподбе ліепу ђевойку,
Коя имъ є животъ опростила,
Избавила вѣшал' и тавнице;
Ко ихъ ћера стиђи ихъ нѐможе,
Ко є чеко шчекат' несміяше,
Упрцаще здраво и весело,
И нека ихъ, срећа... ихъ служила!
Па кад' бѣху своме завичаю
Зрно узе ліепу ђевойку,
Учиніо, ка' іой вѣру дао,
Свако̀м' вѣра вѣрноме помогла,
Каконо є тад' и потад' Зрну,
И юнацма нѣговим' хайдуцма.

89.

Несрећа хайдучка̑.

(Одъ истога ђака Вулине̑ Бѣлопавъ.)

Вино пили тридесетъ айдукахъ
У Сомини высокой планини,
Пред' ньима су до тры харамбаше,
Єдно бѣше Сава одъ Посавя,
Друго бѣше Божо одъ Котора,
А треће є одъ Никшића Жарко.
Кадс' айдуцы напоили вина,
Закука имъ кукавица тица,
Колико є у дружину другахъ,
Толико є закукала путахъ.
Рече таде Савва одъ Посавя:
„По̑братиме одъ Котора Божо!
Удри Божо кукавицу црну,
Да некоби любавну дружину."
Савви бѣше Божо бесѣдіо:
„А нека є̑, да є̑ Богъ убіе,
Сама свою искобила главу!"
Отолесе подигли хайдуцы,
Докле дошли виш' Любиня града,
Ту дођоше на̀ воду студену̑,
Те хайдуцы трудны починуше,
Воде̑ пише, лѣба заложише,
Докъ хайдуцы мало починуше;
Тад' дружины Божо бесѣдіо:
„Єдда ли є у дружину друга?
Да отиде до Любиня града,
Да донесе̑ вина и духана,
И свакоме другу по опанке,

Іошъ потребе што ће за хайдуке.“
То зачуо Савва одъ Посавя,
Побратиму Божу бесѣдіо;
„Я ћу побре у Любиню поћи!“
И отлесе Савва подигнуо,
Докле Савва у Любиня дође,
А кад' быо у Любиню граду,
Онъ улѣзе у пяну механу,
Тусе Сава натрошіо вина;
Па да видишъ Савве одъ Посавя!
Изишао предъ механу винску
И шетасе тамо и овамо,
Па Турцима Савва бесѣдіо:
„Што ћете ми дати Любиняни?
Да ви издамъ тридесетъ айдукахъ.“
Веле нѣму Любиняни Турцы:
„Даћемо ти кнежтво ол' сердарство
Іошъ ти дати блага изобила.“
Кад' то зачу Савва изъ Посавя,
Улѣгао у винску механу,
Купіо є шесетъ окахъ вина,
Іошъ у вино ракію присипа,
У ракію траве афіуна,
И айдуцма узе опанакахъ,
И покупи шесетъ Любушанахъ,
Оде шъ ньима горы узъ планину,
Докле дође Сомини планини,
Айдукахсе близу примакнуо,
Любиняне Турке наредіо,
Па завія како мркій вуче;
Зачуо га одъ Котора Божо,
Заграктао ка' црный гавране,
И по томе састашесе гласу,
Питалисе за здравѣ юначко,
Па сѣдоше хладно пити вино,
Вино служи Савва одъ Посавя,
Докъ хайдуке добро опоіо,
Те сви поспе како и покланы;
Іошъ нутоде Савве одъ Посавя!
Узе Савва єданъ крчагъ вина,
Айдуцима пушке заліева,
Немогаше одъ Котора Божу,
Бѣше юнакъ на цеверданъ лега,
Ондай киче Савва одъ Посавя:
„Ай ђесте ми Любиняни Турцы!
Али сада, али векъ' никада!“
А то чуо Жарко одъ Никшићахъ,
Дофатіо шяйна цевердана,
Цевердану живу ватру дае,
Ал' му пустій жећи неоћаше,
Савва му га бѣше напоіо;
Ал' да видишъ Савве одъ Посавя,
Онъ негађа Жарка одъ Никшићахъ,
Нег' онъ гађа одъ Котора Божа,
Десну му є ногу саломіо,
Ал' є Божо Савву оборіо,
Раннѣнъ Божо бѣше говоріо:
„Небѣжите браћо моя драга!
Да бѣжите побѣ' неморете,
Єдномъ пушке мале изметните,
Халакните Бога помените,
За пламенне ноже прифатите,
А у Турке юришъ учините,
Єдда Боже вама припоможе.“
У то доба бастисаше Турцы,
Ал'се бране тридесетъ айдукахъ,
Истурише тридесетъ пушакахъ,
Па пламене ноже повадише,
А у Турке юришъ учинѣше,
Посѣкоше тридесъ Любинянахъ,
А тридесетъ грдны побѣгоше,
Урабише одъ Любиня врата;
Пак' айдуцы на трагсе вратише,
Направише дрвена носила,
Поніеше одъ Котора Божа,
Посе Божа къ мору у Котору,
Видали га докле извидали,
Па што є ко на хрбатъ одніо,
Тай є шићаръ и дома поніо —.

90.

Пиперъ.

(Одъ Попа Лакоча Вуядиновића изъ Бѣлопавлића.)

Вино пію до два побратима,
У біелу Радовића кулу,
Єдно бѣше Гринчевић' Османе,
Друго блѣше Поповића Дражко;
На нь' зла срећа бѣше наніела,
Наніела Пиперку ђевойку,

Тада рече Гринчевић' Османе:
,,Издай мене Пиперку дѣвойку,
Єдну ноћцу... за вѣрну любовцу!
А даћу ти двіе пушке мале,
Стале су ме грошахъ пестотинахъ.''
Ка' то зачу Поповића Дражко,
Те Турчину ріечъ говоріо:
,,Ходи пођи подъ главицы Спужкой!
Те доведи твою булу младу,
Єдну ноћцу... мен' за вѣрну любу,
А даћу ти сяйна џевердана,
Ста̂ є мене грошахъ шестотинахъ.''
Кад' то зачу Гринчевић' Османе,
Одъ пояса пушку извадіо,
Те онъ гађа Поповића Дражка,
Саломи му руку у рамена;
Но да видишъ Поповића Дражка!
Онъ довати сяйна џевердана,
Те онъ гађа Гринчевић' Османа,
Добро га є юнакъ погодіо,
У скувіе међу очи двіе,
Турчинъ паде главомъ у трпезу,
А поблѣже Поповића Дражко,
Онъ побѣже исподъ Мартинићахъ,
Но ћера га бего Лисичића,
Одиста га изгубити ћаше,
Но да видишъ Поповића Дражка!
Онъ находи єдно момче младо,
Те га куми и братими тешко:
,,Напун' мене сяйна џевердана!
Да причекамъ Бега Лисичића.''
Момче младо на Бога гледало,
Напуни му сяйна џевердана,
Па причека Поповићу Дражко,
Онъ причека бега Лисичића,
Џевердану живый огань дава,
Те погоди добро Лисичића,
Одъ добра га коня одвоио,
Узе шъ нѣга главу и оруже,
Па тко чуе, дійка нека му є —.

91.

Марко и Филипъ.
(Одъ истога Стоянчића Ясеновчета.)

Вино пила до два побратима,
Маџаръ Филипъ съ Митромъ од' Удваря,
А кадасе понапише вина,
О юнаштву сваком' бесѣђаху,
Али вели Филипъ Маџарине:
,,Посѣкосамъ тры Србске войводе,
Іошъ ћу посѣћ' Кралѣвића Марка,
А да бы ме неродила майка.''
Филипъ вели, а Бога немоли,
То Филипу іоште мало фале,
Но є юнакъ тако говоріо:
,,Іошъ ћу Митре посѣћ' Обилића,
Да у Срба ніе већ' дѣтића;
Погубићу и крилатог' Релю,
Учинићу каково ти велю,
Тако здраво и честито быо!''
Нѣму вели Митаръ одъ Удваря:
,,Нећ' Филипе посѣћ' ни єднога!
Я ћу пођи до Прилипа града,
Те ћу казат' Марку Кралѣвића,
Пакъ и Марко да за тебе знаде,
И нѣгова оба побратима,
Съ коиема вазда піе вино —.''
На Митрасе Филипъ наѣдіо,
А на ноге одъ землѣ скочіо,
Па срдито Митру говоріо:
,,Небыло ти за очину душу,
Но хайд' кажи Кралѣвића Марку,
Дасе Филипъ Марка неукланя,
Ни нѣгова друга икоега,
Но да њима свѣм' о глави ради,
А найпріе да му Марка ніе!''
Митаръ скочи припаса оружѣ,
Доватисе Пеливан-ђогина,
Филипъ свога окрочи Дорина,
Оба пошла, оба и отишла,
Куд' ко стіо, и куд' наканіо;
Филипъ дође свом' біелу двору,
Нађе любу ђе дукате ниже,
Подъ грроце на сребрне жице,
Паксе Филипъ њойзи насміяо,

Одъ милости люби говоріо:
,,Нижи любо бисеръ и каменѢ,
А пробисе злата просячкога,
У Филипа іошъ имаде свашта,
А одъ Марка добиће и више,
Те све што є царъ дарово' Марку,
Свег' у Марка више но у цара,
А я ћ' брзо посѢћи му главу."
Митаръ нађе у Прилипу Марка,
Те онъ Марку сву пріетню каже
Силенннога Филипа Маџара,
Марко яхну своега Шарійна,
Пакъ онъ поће да Филипа нађе,
Кад' му бю двору госпоскоме,
Одяхао Шарца у авлію,
На стрме му узду є пустіо,
Пексе рахатъ самъ стоборомъ вода;
Шарацъ оста копаюћ' ногама,
Ногам' копа, са свег' дроба хрза,
Пакъ онъ ћаше узъ біелу кулу,
За своіемъ Маркомъ господаромъ,
Ал'се Марко на то насміяо,
Па Шарійну узъ гредъ говоріо:
,,Ту стой Шарче, я ћу брзо доћи,
Садсамъ сяхо', сад'ћу пояхати,
Надай мисе озго у седлиште!"
Оде Марко узъ высоку кулу,
Све одае пролазіо редомъ,
Ниће никог' ни жива ни мртва,
Викну Марко већ' у нека доба:
,,Домаћине Филипъ Маџарине!
Амо брже да изгубишъ Марка,
Тек' му вина додай и ракіе,
А своію ти самъ донесе главу;
Я л' ћу твое сажећи дворове!"
У то преда нь' госпа исшетала,
Десницу му поће полюбити,
Недаде ю КралѢвићъ срдитый,
Но пита є̑ куд' є Маџарине,
Госпа Марку мудру говорила:
,,Ніе г' дома, некуд' є пошао,
А ты си ми волянъ починути
У нѢгову ка' у своме двору,
Свега има, чимсе Марко стима."
Алсе маша срдитъ КралѢвићу,
Машіосе Баницы подъ грло,
Сниміо іой скупога ђердана,
И овако ньойзи говоріо:
,,Кад' ти доће Филипъ силовитый,
Нека знаде да госта имаде,
Наћиће ме у механи винской,
У Токайке вилене ђевойке,
Ту нек' доће и саблю донесе,
Ту ћемосе оба огледати."
Оде Марко у пяну механу,
Оста госпа мыслит' на технану,
Шта ће снаћи іошъ Филипа нѢна,
Кои Марка за по ніе брка;
СкаменѢсе и обамре госпа,
Паде мртва на средъ пуста двора,
У то Шарацъ добрый развриштасе,
Госпу прену, те съ талахъ устану,
Огледалас' десно и ліево,
Угледала страшног' КралѢвића,
Ђе онъ кули скочи низъ высине,
Шарацъ му є плећи поднесао,
Прифати га у седло боито,
Пакъ отутня низъ салежъ одъ града,
Право поће напоитсе вина,
Напоити себе и Шарійна;
Ту є Марко тры неђелѢ бю,
И данъ и ноћъ руйно винце піо,
А чекао Филипа Маџара,
Спреміо му остру саблю дара,
Па кад' Филипъ тада недошао,
И Марко є дома отишао,
Ђердановъ є све платіо вино,
Безъ харама нек' є испіено. —

92.

Зуіо и Вуіо.

(Одъ Витора Міяйлова изъ Ясеновѣ у Морачи доньой.)

Мала мисе чета подигнула,
Одкуд' мисе вазда подизала,
Одъ Пераста града біелога,
Предъ ньоме є Пивлянине Баіо,
А за Баіомъ Вуксановићъ Вуіо,
А за Вуіомъ Шарамбаћа Ђуро,

И за њиме тридесеть айдукахъ;
Отидоше горы усъ планину,
А кад' быше Сомини планини,
Ту хайдуцы мало починули,
Они пію црвеннога вина,
И Приморске ліепе ракіе,
Кадс' айдуцы вина накитише,
Но бесѣди Пивлянине Баіо:
,,Ніе л' кои ђегођъ запазіо,
Запазіо доброга шићара,
Нећемо ли ђегођъ ударити,
Нећемо ли добро шићарити?"
Нѣму вели Вуксановић' Вуіо:
,,А я знадемъ доброга шићара!
Дасе спуштатъ лугу зеленоме
А уходитъ Куртагића дворе,
Ту ће быти за тебе шићара,
И за тебе и дружину твою."
Но бесѣди Пивлянине Баіо:
,,Ніе л' овђе у дружину друга?
Дасе спушти зеленоме лугу,
Да уходи Куртагића дворе,
Сва дружина никомъ поникнула,
А у црну землю погледала,
Те гледаю ка' траве цвѣтаю,
До негледа Вуксановић' Вуіо,
Но међ' очи Баю обадвіе,
Па бесѣди Баю харамбаши:
,,Побратиме Пивлянине Баіо!
Я ћу поћи лугу зеленоме,
Дай ты мене друга найболѣга,
Найболѣга Шарамбаћу Ђура."
Даде му га ріечъ неучини,
Ма да видишъ Вуксановићъ Вука!
Како сфати сяйна џефердана,
А повикну Шарамбаћу Ђура:
,,Айдмо друже лугу зеленоме!
По нѣмусмо и досле ходили."
Заскакасе Шарамбаћа Ђуро,
Заскакасе долѣ нисъ планину,
Како лѣлѣнъ одъ годинe данахъ,
Спушташесе лугу зеленоме,
У то были предъ біеле дворе,
Предъ біеле дворе Куртагића,
Закуцаше халкомъ на вратима:
,,Єс' ли дома Куртагића Зуіо?"
Ал' испаде Зуко Куртагићу,
Хайдуцы му помоћъ називаю,
А Зуко имъ помоћъ приватіо,
Па ихъ пита Куртагића Зуіо:
,,О Бога ви двіе сехратліе!
Окле ли сте одъ кога ли града?"
Вуіо нѣму ріечъ бесѣдіо:
,,А мы єсмо одъ мора трговцы."
Па Зуко имъ ріечъ бесѣдіо:
,,Вы ніесте одъ мора трговцы,
Но' сте главомъ одъ горе хайдуцы!
Єси главомъ Вуксановићъ Вуко,
А то съ тобомъ Шарамбаћа Ђуро."
Каде виђе Вуксановићъ Вуіо,
Када виђе да ихъ познаваше,
Онъ измаши двіе кубурліе,
Те онъ гађа Куртагића Зука,
Само срце опаліо Зуку,
Па му русу посѣкао главу;
Но су Турцы стражу поставили,
Турска ихъ є стража опазила,
Но и Вуіо стражу опазіо,
Па побѣже у біелу кулу,
Па Турска ихъ стража обузела,
Но біюсе прахомъ исъ пушакахъ,
Пуче єдна пушка одъ Туракахъ,
Пуче пуста да бы непуцала,
Те погоди Вуксановића Вуя,
Саломи му ногу у колѣну,
Узмучисе Шарамбаћа Ђуро,
А вели му Вуксановић' Вуіо:
,,Побратиме Шарамбаћа Ђуро!
Ну изиди на пенџеръ одъ куле
Те погледай у бакчу зелену,
Па ты скочи са куле у бакчу;
Ако тебе Богъ и срећа даде,
Те утече лугу зеленоме,
А ты пођи Сомини планини,
Те ту наћешъ Пивлянина Бая,
Ту ты нѣму овако говори:
,,Овако те Вуіо поздравіо,
Немой кости нѣму оставяти,
Да ихъ овуд' хрты неразвлаче."
То му реко', и Ђуро утекс,
Онъ утече лугу зеленоме,
Па побѣже горе усъ планину,

Далеко га Баіо угледао,
А ближе га Баіо сусретао,
Па му вако бьо бесѢдіо:
„Чу ли мене Шарамбаћа Ђуро!
Камо тебе Буксановићъ Вуіо?“
Баю Ђуро вако одговара:
„Вуіо тисе Баіо поздравіо!
Е су Вуя ранне допануле,
У біелой Куртагића кули,
Но кости му неостави онди,
Да му кости неразвлаче хрты,“
Ал' су Бая сузе пропануле,
Па повикну тридесетъ хайдукахъ,
Спушћашесе лугу зеленоме,
Но да видишъ Вуксановић' Вуя!
Боя біе ко' да раннѢнъ ніе,
Кадс' айдуцы близу примакнули,
Попадаше у траву зелену,
Омма пуче тридестъ цевердарахъ,
Омма паде тридесетъ Туракахъ,
А прискочи тридесетъ хайдукахъ,
Те посѢче тридесетъ туракахъ,
УлѢгоше на біелу кулу,
Те біелу кулу похараше,
Све Зуково поніеше благо,
Поніеше и своега Вуя,
Однесоше Сомини планини,
Ту су они трудны починули,
Пакс' напише вина црвеннога,
А завише Вуя раннѢнога,
Па одоше ка Перасту граду,
Но кад' стиже Пивлянине Баіо,
Када сиде ка Перасту граду,
Онъ набавля одъ мора хећиме,
Те онъ вида Вуксановић' Вуя,
Онъ га вида за годину данахъ,
Све га вида докле га извида,
Па оздрави весела му майка,
Те є опет' чету четовао,
Турке біо, робѢ доводіо,
Докъ є бьо, и докъ є живіо. —

93.

Свадба и кавга

(Одъ Завише Петрова изъ Дабоевићахъ у БѢл.)

Піе вино двадестъ Обршћанахъ,
У Обрсту біеломе граду,
На высоку Вилипову кулу,
Служи вино Вилиповъ Никола,
Сваком' Бану пуну чашу дае,
Бабу своме по дно чаше дае,
Но му вели Вилипъ Обрстару:
„А мой сыне Вилиповъ Никола!
Штосамъ тебе на жа учиніо,
Те ми даешъ по дно чаше вино?“
НЂму вели Вилиповъ Никола:
„Неволя є Филипъ Обрстару!
Врсницысе мои поженише,
А врснице мое поудаше,
А ты мене неожени бабо.“
Но му вели Вилипъ Обрштану:
„У зо часъ те оженіо сынко!
Я 'самъ чуо кажевали су ми,
У Удбини у Турской краини,
У силнога сердар Мустав-аге,
У нЂга є прикладна Хайкуна,
ЛЂпоте іой у Турћію нейма;
Но да нейма у двадестъ Бановахъ,
Ко ће поћи ка Удбину граду,
Да испроси у Муя ђевойку?
Даћу нЂму тры товара блага.“
Тусе добаръ юнакъ намѢріо,
НамѢріо Видакъ Барякторе,
Поскочіо вранца окрочіо,
УсѢде му Видакъ на рамена,
Оћера га горомъ и планиномъ,
А кад' доће у Турску Удбину,
Пре дворове сердар' Мустав-аге,
Ту осѢде вранца дебелога,
Па улѢзе у дворове Мую;
Онъ ту наће сердар' Мустафагу,
Божу му є помоћъ називао,
Сердаръ му є приватіо дивно:
„Богъ дай тебе незнана деліо!“
Ліепо га Сердаръ дочекао,
За готову совру засѢдоше,

Пише вино а Ђдоше месо,
Но му вели Видакъ барјактаре:
,,А за Бога Сердаръ Муставаго!
Ни ме питашъ нити ти я кажемъ,
Што'самъ тебе доша на дворове."
Но му вели Сердаръ Муставаго:
,,Ой деліо я те непознаемъ,
Одъ кога си края и коЂна?"
Но му вели Видакъ барјактаре:
,,Я' самъ юнакъ одъ Приморя равна,
Сынсамъ быо Шимунъ капетана,
Сестриђъ міо Костреша хайдука,
Ако си га чуо ил' видіо."
Но му вели Сердаръ Муставага:
,,Ахъ ту ли си курвино копиле!?
Ты да имашъ соколова крила,
Не бы т' меса уносило перЂ,
Ол' да су ти цинны калаузи,
Небы цинна угодили пута."
Али збори Видакъ барјактаре:
,,Аманъ мало Сердаръ Муставаго!
Да ти кажемъ штосамъ ти дошао,
Ево мене Вилипъ оправіо,
Да испросимъ у тебе ђевойку
За Николомъ єдиніємъ сыномъ."
У то доба Гоенный Халійле:
,,О Видаче чуешъ барјактаре!
Што ты иштешъ у Муя ђевойку
Кунемъ тисе а вЂру ти давамъ,
Да є мене царе запросіо,
Я му Хайку небыхъ поклоніо,
Е ма хоћу Вилипу 'Брстару
За Николомъ єдиніємъ сыномъ,
Ако ћешъ ми дати вЂру тврду,
Да є неће Вилипъ покрстити,
И' ако бы іой зъ добре волЂ было."
Ту му Видакъ тврду вЂру дае,
Да є никад' покрстити неће!
Прстенъ сталя свадбу уговара,
Докле доће тамо и овамо.
Отолесе Видакъ подигнуо,
Кад' онъ доће у Обрсту граду,
Добро га є Вилипъ дочекао,
Те го пита Вилипъ Обрстару:
,,Єси ли ми цуру испросіо?"
НЂму вели Видакъ барјактаре:
,,Купи свате айде по ђевойку!
Скупи мало сватахъ пестотинахъ,
А предъ ньима Петра капетана,
И пошльи имъ тридесетъ єнђіяхъ,
А предъ ньима Секу Николину."
Барякъ даше неяку Видаку,
Отолесе сваты подигнули,
Докъ дођоше ка Удбиню граду,
Добро игъ є Халилъ дочекао,
Онъ разводи свате по конакахъ,
А єнђіе на Муіову кулу;
Данакъ прође тавна ноћца дође,
Халилъ служи вино єнђіама,
Докс' огласи юнакъ по дворове,
Зове юнакъ Гоенна Халійла:
,,Ну изиди Гоенный Халійле!"
Онъ изиде юнакъ пре дворове,
Кад' ево ти махнитина Тале,
На нЂгову претилу Кулашу,
Халійла є Богомъ братиміо:
,,Богомъ брате Гоенный Халійле!
Издай мене свате Вилипове."
Но му вели Гоенный Халійле:
,,Види Тала поганнога хала!
Да како ћу издат' пріятелЂ?"
Іошъ му вели Будалина Тале:
,,Даћу тебе седамъ агалукахъ,
Све што ми є одъ Баба остало."
Но му вели Гоенный Халійле:
,,Кунемъ тисе а вЂру ти даемъ!
Ђе немогу бунити сватове,
Ноћасъ быгъ ти главу посЂкао."
НаЂдисе будалина Тале,
Онъ отиде у камену лонцу,
Онъ у лонцу-да испія вино,
Халійлъ оде на біелу кулу;
Но Богъ уби Николину секу,
Е нехоће вина ни шербета,
Докъ невиди Хайкуну ђевойку;
То жа' было Гоенну Халійлу,
Е ма мусе одъ инне неможе,
Но деведе Хайкуну ђевойку,
Енђіяма ићрамъ учинила,
Па скочила сека Николина,
Те є були курюкъ расплетала,
Обрну іой косу низъ образе,

Уплеће іой гроше и динаре,
Прекрсти іой косу на образу;
По да вели Госнный Халійле:
,,Крсти кучко Николина секо!
Я ћу тебе сютра потурчити.“
Отле скочи на ноге лагахне,
Онъ отиде у каменну лонцу,
Те ту нађе будалину Тала:
,,Муштулукъ ти Будалина Тале:
Е хоћемо удрит’ сватовима,
Хайде Тале Бишћу біеломе,
Поздрави ми одъ Бишћа Халію,
Да доведе другахъ тры стотине,
Е хоћемо пратит’ пріятелѢ —!
Па іошъ сврни Старцу Варићаку,
Да доведе триста Варићакахъ,
Е хоћемо пратит’ пріятелѢ — !
Хайде отле Ковачини Раму,
Да доведе триста Ковачанахъ,
Да пратимо наше пріятелѢ —!
Сврни Тале Ћейванаги старцу,
Нек’ доведе другахъ тры стотине,
Да пратимо наше пріятелѢ,
ПріятелѢ силене каурe;
Ты доведи триста Орашанахъ
Я ћу дићи листомъ Удбинянe.“
Поћца прође біо данакъ дође,
Чаушъ виче, дамбулхана риче,
,,Хазуролла кићенныи сватовы!
На дарове Мую пре дворове!“
Пре дворесе сваты окупили,
Добро игъ є Халійлъ дочекао,
Дарива игъ што є за коега,
Некомъ яглукъ а неком’ бошчалукъ,
Петру даше ћуракъ до долине,
А Видаку о злата ябуку,
А Николи коня и ђевойку;
Па навали вино и ракію,
И осталу сваку ђаконію:
Мало стало дуго нетраяло,
Кад’ ево ти Будалина Тале,
Води Тале другахъ тристотине,
Па одоше дворити сватове;
Мало стало дуго незастало,
Кад’ ево ти одъ Бишћа Халія
Води Хале другахъ тристотине,
Па одоше дворити сватове;
Мало было, манѢ проминуло,
Кад’ ево ти старога Ћейвана,
Води Ћейванъ другахъ тристотине,
Па одоше дворити сватове.
Мало стало дуго непостало,
Кад’ ево ти старца Варићака,
Води старацъ триста Варићакахъ,
Халійлъ диже свое Удбинянe,
Паксе диже кита и сватовы,
А предъ ньима Петаръ капетане,
Одмакоше полѢмъ Удбинскіемъ,
По за ньима пристаяху Турцы,
А предъ ньима Будалина Тале,
Ма какавъ є ядъ га задесіо,
Одіо є себе и Кулаша,
На нѢга су гаће одъ клашаняхъ,
Прозъ гаће му пропала колѢна,
А на нѢга одъ шайка хальина,
Прозъ рукаве промоліо лакте,
А прозъ капу перчинъ му пропао,
Па кулаша гола дрвеница,
Съ єдне стране оковата балта,
Съ друге стране тешка топузина,
По му топузъ прекривіо балту,
На Кулаша садно направіо;
Угна Тале коня у сватове,
Онъ нагони коня на Видака,
По му вели баряктаръ Видаче,
,,Прођсе тамо Будалина Тале!
Незамећи кавге у сватове,
По ако ’си юнакъ одъ юнака,
Одъ сватовахъ дассе измакнемо,
Па на сабѢ животъ діелимо.“
Несвиђесе Будалини Талу,
Прогна коня Петру капетану,
Овако є Петру бесѢдіо:
,,Бакка морре Петре капетане!
Чудна ћурка болѢга калпака! — ?
Са ћурка ћешъ заметнути кавгу,
А съ калпака изгубити главу:“
Сабіомъ махну посѢче му главу,
У сватове заметнусе кавга,
Убишесе огнѢмъ исъ пушакахъ,
Паде тама одъ неба до земѢ,
А то гледа одъ планине вила,

Лети вила на лагахна крила,
Докъ долеће на єлу зелену,
Милоснусе Богу помолила:
„Дай ми Боже віаръ одъ планине!?
Да размахне маглу у краеве,
Да я виђу ко є погинуо!"
Богъ іой даде віаръ одъ планине,
Те размаху маглу краевима,
Кад' одъ оно сватахъ пестотинахъ
Нейма ниђе свата ни єднога,
До яднога Видакъ барякtара:
Юнакъ запо у клисуру тврду,
И кодъ нЂга Вилиповъ Никола,
А сви Турцы на средъ поля равна,
И кодъ ньихъ су трудесетъ єнђіяхъ,
И Хайкуна ліепа Туркиня,
Пакъ одоше діелити даре,
Немогусе погодит' никако,
Око ћурка Петра капетана.
А то гледа Видакъ баряктаре,
Те Николи ріечъ бесЂдіо:
„Ахъ Никола мой жалосный друже!
Примакнисе у дно поля равна,
Е ћу отит' до Турског' тамбора,
Да уграбимъ Хайкуну ђевойку,
Или твою секу ил' Хайкуну,
Ако бы ми до неволЂ было,
Да бы мени бьо у индату."
Па отоле усЂде вранчића,
Поћера га полЂмъ крвавіемъ,
Привучесе Видакъ у єнђіе,
Те Хайкуни попружіо руку,
А Хайкуна нЂму обедвіе,
Бачіо є за се на вранчића,
Па побЂже полЂмъ широкіемъ;
О Туракахъ нико невидіо,
До Турчина махнитине Тала,
Онъ за ньиме наћера Кулаша,
Па бесЂди махнитина Тале:
„Ой Хайкуно секо Муягина!
Уклонисе на ліеву страну,
Е ћу гађат' барякtар' Видака."
Она му є ріечъ бесЂдила:
„Кршъ да ти є махнитина Тале!
Чврсто ме є влашче притегнуло."
Па іошъ болЂ покрива Видака,
Близу га є Тале сустигнуо,
Ма га Видакъ Богомъ братимяше:
„А мани ме Тале копиляне!
Докъ дотуримъ Николи ђевойку,
Па я и ты дассе обидемо."
А ману му Будалина Тале,
Докъ додаде Николи ђевойку,
БЂжи юнакъ шъ ньоме усъ планину,
Поврнусе Видакъ баряктаре,
Те на Тала юришъ учиніо,
Єдномъ нЂга куцну топузиномъ,
Одъ коня га добра одвоіо,
И одиста посЂћи га ћаше,
Кад'се нешто за се обрнуо,
Ал' ево ти триста Орашанахъ,
Хазаръ су га жива уватили;
Видакъ у нЂ юришъ учиніо,
Те посЂче триста Орашанахъ,
Пакъ одиста и самъ побЂћ' шћаше,
Кад' ево ти одъ Бишћа Халійла:
„Стани курво Барякtаръ Видаче!
Да на сабЂ животъ діелимо."
Ту удари юнакъ на юнака,
Но тек' махну Видакъ барятаре,
О Турчина одасЂче главу,
Плећи даде а бЂжати пође,
Кад' ево ти Танковићъ Османа:
„Стани курво барятаръ Видаче!
Да ми платишъ одъ Бишћа Халію."
Добро бЂше Видакъ измакао,
Али мусе мало поврнуо,
На брицкесе ударише ћорде,
Но куліенъ Турчинъ ударaше,
Изъ Видака живый огань скака,
А кудіе Видакъ удараше,
Онудіе црна крвца враше,
Одъ коня га добра одвоио,
Па прискочи посЂче му главу,
Па одиста и бЂжати ћаше,
Кад'се нешто за се обрнуо,
Ал' ево му Сердаръ Муставаго:
„Стани курво Барякtаръ Видаче!
Да си курво побЂгао лани,
Данасъ бы те Муіо сустигао."
Па удари юнакъ на юнака,
Єдномъ махну барякtаръ Видаче,

Те удари Сердаръ Муставагу
По поясу и свилену пасу,
Виде мусе црне цигерице,
Одиста га и посѣћи ћаше,
Но нештосе обрнуо за се,
Кад' ево ти триста Удбинянахъ,
Хазаръ су га уфатити жива;
У ньигъ Видакъ юришъ учиніо,
Те посѣче триста Удбинаняхъ,
Па сад' збиля ћаше и побѣћи,
Кад' ево ти старца Вариђака,
На Видака юришъ учиніо,
А Видакъ га добро дочекао,
Онъ посѣче старца Вариђака,
И нѣгово тристотине другахъ,
Пакъ веђ' збиля и бѣжати ћаше,
Докъ ево ти старца Ђейванаге:
,,Стан' полахко барјактаръ Видаче!
Ласно ти є дѣцу цвіеляти,
Но є мука старца дочекати."
Ту удари юнакъ на юнака,
На Видака шипка одъ челика,
На Ђейвана панціеръ кошуля,
Куд' Ђейвана Видакъ udaраше,
Онуд' живый огань посипаше,
Кудіе ли Ђевунъ udaраше,
Онудіе црна крвца врате,
Двіе нѣму шипке саломіо;
А кад' виђе барјактаръ Видаче,
Ђейвану є ђога посѣкао,
Плеђи даде, а бѣжати стаде,
Онъ утече юнакъ усъ планине,
А кад' бьо далек' у планину,
Ал' ево ти Хайкуне ђевойке,
Никола є оставіо саму,
Па іой рече барјактаръ Видаче:
,,А за Бога Хайкуна ђевойко!
Да камо ти Вилиповъ Никола,?"
Она му є млада бесѣдила:
,,Онъ побѣже у Обршта града!"
Но іой вели Видакъ барјактаре:
,,Яши за мномъ на дебела вранца!"
Но вели му дивота Хайкуна:
,,Ако ћешъ ми дати божу вѣру,
Да ме узмешъ ты за вѣрну любу,
Да ме неђешъ веђ' Николи дати."
Ту іой Видакъ тврду вѣру дае,
Да є узме за вѣрену любу;
Млада скочи за ньим' на вранчића
Побѣгоше горѣ усъ планине,
Мало было ништа нетраило,
Стаде ћка горе и планине,
Кад' ево ти Гоенна Халійла:
,,Стан' ђидіо Видакъ барјактаре!
Ђераћу те до Приморя равна!"
Таде Видакъ отури ђевойку,
Онсе бои да му непоможе,
Па іой свеза наопако руке,
А удари юнакъ на юнака,
Видакъ махну седамнаесъ путахъ,
Халійлъ махну двадесть и четиры,
Обоицы ранне одолѣле,
Одъ добріехъ коняхъ одпадоше,
Кад'се Видакъ обрнуо за се,
Ал' ево ти опетъ Ђейванаге,
Ђе онъ трагомъ иде за Видакомъ,
Препадесе Видакъ барјактаре,
Неможесе коня доватити,
Но бесѣди вранцу дебеломе,:
,,Дура вранче пустъ ми остануо!
Пани пустый на прва колѣна,
Дасе пріймимъ теби на рамена!"
Нѣга пустый вранацъ разуміо,
Паде предъ ньим' на прва колѣна,
Тури мусе Видакъ на рамена,
Па побѣже горомъ и планиномъ,
Но ћера га старацъ Ђейванаґа,
Одиста га изгубит' оћаше,
Кад' погледа Видакъ барјактаре,
Ал' ево му Шимунъ капетана,
Баба свога одъ Приморя равна,
Киче Видакъ Шимунъ капетана:
,,Ђе си Бабо хрђа те убила!?
Удри Бабо старог' Ђейванагу!"
Ту удари юнакъ на юнака,
Те посѣче старца Ђейванагу,
И ранѣна Халійла Госина,
Пакъ довати Видакъ барјактара,
И Хайкуну ліепу ђевойку,
Поведе игъ у Приморѣ двору,
Вида сына по године данахъ,
Извида га даде му Хайкуну,

И нек' му ѥ башъ ѥ заслужіо
На мейдану о Видову дану —.

94.

Опетъ Марко и Филипъ.

(Одъ овчара Драгоя Дрекаловића съ Пилопаћа у Морачи д.)

Вино піе Митаръ одъ Удваря,
У Маџару граду великоме,
Са оніемъ Филипъ Маџариномъ,
Вино піе у винусе фали:
„А да бы ме неродила майка!
Но кобила што мога Дорійна,
До тридест'самъ главахъ посѣкао,
Све тридесетъ Српскіехъ войводахъ,
А тако ме неродила курва,
Іошћу посѣћ' тры Српске войводе,
Посѣћићу Релю и Милоша,
И курвића Марка Кралѣвића."
Но му вели Дмитаръ одъ Удваря:
„Нефалисе Филипъ Маџарине,
Е ћешъ посѣћ' тры Српске войводе,
Е ћешъ посѣћ' Релю и Милоша,
И курвића Марка Кралѣвића,
Да бы мене нешчекала майка,
Тры путасамъ братиміо Марка,
А да мене непогуби Марко,
Непогуби Марко по незнаню."
До вели му Митаръ одъ Удваря:
„Чуешъ мене Филипъ капетане!
Да бы мене курва неродила,
Я то хоћу повиђети Марку."
Ал' му вели Филипъ капетане:
„Курво една Митаръ одъ Удваря!
Ако нећешъ повиђети Марку."
Юнакъ бѣше Митаръ одъ Удваря,
Юнакъ бьо на ноге скочіо,
Па посѣде претила Дорійна,
Оћера га ка Прилипу граду;
Каде дође предъ біелу кулу,
А предъ кулу Кралѣвића Марка,
Па закуца халкомъ на вратима:
„Еси л' дома Марко побратиме!?"
Скочи сананъ у кошульи Марко,
Скочи сананъ каконо помамaнъ,
Голу саблю носи у рукама,
Па потрча низъ біелу кулу:
„Кои куцашъ халкомъ на вратима?"
Али виче Митаръ одъ Удваря:
„Немой мене Марко погубити,
Погубити Марко по незнаню!"
Нѣму Марко врата отворіо,
Ђесе срела до два побратима,
Руке шире у лицасе любе,
Питаюсе за миръ и за здравѣ,
Дора води у подруме Шарцу,
Свога побра кули на чардаке,
За готову софру засѣдоше,
Пію вино и быстру ракію,
Залагаю сваку ђаконію,
О свачему побре бесѣђаху;
Докле рече Митаръ одъ Удваря:
„Ты непиташъ Кралѣвићу Марко,
Ты непиташъ, я ти неказуемъ,
Штосамъ побро ноћасъ долазіо."
До му вели Митаръ побратиме:
„Намѣрихсе у Маџара града,
У дворове Вилипъ Маџарина,
Піе вино у винусе вали,
Е є тридесъ посѣкао главахъ,
Све тридесетъ Српскіехъ войводахъ,
Іошсе Филипъ фали капетане,
Да ће посѣћ' тры Србске войводе,
Да ће посѣћ' Релю и Милоша,
И сокола Марка Кралѣвића."
Но му вели Марко Кралѣвићу:
„Сѣди Митре Богомъ побратиме!
Сѣди побро да піемо вино,
Докле сване и сунце огране."
А кад' свану и огрія сунце,
Но да видишъ Марка Кралѣвића!
Онсе свлачи паксе преоблачи,
А острицу сабю припасао,
Пакъ отиде у подруме Шарцу,
Извео є претила Шарійна,
Па донесе еданъ мѣшчићъ вина,
Обѣси га седлу о ункашу,
Съ друге стране топузину тешку,

Да некрива ни тамо ни амо,
Тад'се тури Шарцу на рамена,
Оћера га землъомъ по ћенару,
А кад' быо на воду Ситницу,
На Ситницу тридестъ дѣвоякахъ,
Біелиле на бѣлилу платно,
До имъ Марко помоћъ називаше:
„Божя помоћъ тридестъ дѣвоякахъ!"
„Богъ дай будди незнана деліо!
На шарену коню великоме."
Іошъ имъ вели Кралѣвићу Марко:
„Ой бога ви тридестъ ђевоякахъ!
Оли васъ є нетко узаптіо,
Тесе ядне удат' несміете,
Ол'сте собомъ срећу изгубиле
Те 'сте тако грдно осѣдиле?"
Нѣму веле тридесъ ђевоякахъ:
Ой Бога ни незнаина деліо!
Мы ніесмо срећу изгубиле,
Него єсмо младе робиньице,
Робиньице Филипъ капетана,
У Мацару граду біеломе,
Ко запроси ліепу ђевойку,
Иште Вилипъ стотину дукатахъ."
До имъ вели Марко Кралѣвићу,
„О Бога ви тридестъ ђевоякахъ!
Єли дома Филипъ Мацарине?"
Него вели тридестъ ђевоякахъ:
„Ніе дома Филипъ капетане!
Но є Вилипъ юнакъ у ковача,
Те онъ кує саблю гунгулачу,
Да изгуби Кралѣвића ньоме,
Єст' ни жао на світу Марка,
Нейма Марко но єданъ у майке."
До имъ вели Марко Кралѣвићу:
„Ђе су дворы Филипъ капетана?"
„Ласно му є погодити дворе!
Ћерай коня пред' врата одъ града,
А кадъ дођешъ на врата одъ града,
Обрнисе съ десна у ліево,
Ђе ты видишъ понайвишу кулу,
Покривену тешкіемъ оловомъ,
А предъ кулу єлла пободе̑на,
Подъ єлломъ є Вилипова люба,
Везе везакъ млада на ђерђефу."
Кад' то зачу Кралѣвићу Марко,
Гарну Шарца шяйномъ бакрачліо:
Оћера га ка Мацару граду,
А кад' дође на врата одъ града,
Обрнусе съ десна у ліево,
Докъ є биллу кулу угледао,
Ђе є пуста кула надмашила,
Покривена тешкіемъ оловомъ,
А предъ кулу єлла пободе̑на,
Туда Марко нагони Шарійна,
Докле дође предъ біелу кулу,
Ту онъ нађе Филипову любу,
Везе млада везакъ на ђерђефу,
Ньой є Марко помоћъ називао:
„Снахо моя Вилипова любо!
Ђе є мене Филипъ побратиме?"
Но му вели Филипова люба:
„Ид' отоле гола дервишино!
Съ такіемсе Вилипъ небратими,
Таке Вилипъ шалѣ за говеђю."
До іой вели Марко Кралѣвићу:
„Снахо моя Филипова любо!
Донес' мени Филипова вина."
Но му вели вилипова люба:
„Ид' отоле ядна будалино!
Іоште такійхъ непію му вино,
До юнацы и господичићи."
Ал' Маркосе насрдіо быо,
Те є̑ рукомъ єдномъ ударіо,
Тры путасе млада преметнула,
Тры іой бѣла саломіо зуба,
Покида іой злаћене ђердане,
На ихъ тури у шпагъ доламе,
На є ньойзи ріечъ бесѣдіо:
„Снао моя Вилипова любо!
Када Филипъ побратиме дође,
Нека за мномъ у механу пође,
Да піемо вина црвенного
За ђердана исподъ грла твога."
На отоле закрочи Шарійна,
Оћера га низъ Мацара града,
Кад' га догна предъ механу винску,
Пред' механу осѣде Шарійна,
За дирекъ є привезао Шарца,
Онъ улѣзе у механу винску,
Па извади злаћена ђердана,
Па га Марко на бачву туріо,

Усъ бачву є плеѣи прислоніо,
Механціи річъ бесѣдіо:
,,Механція уточи ми вина!
Да напоимъ себе и Шарійна!"
Механція наточи му вина,
Тесе Марко мало напоио,
Піе Марко и дае Шарійну,
Механціи річъ бесѣдіо:
,,Ты отиђ'де там' до симиціе,
Донеси ми біела симита,
Понеси му топузъ у залогу."
Онъ біяше послушао Марка,
Упртіо тешку топузину,
Одъ механе винске упртіо,
Докъ є дошо до у симиціе,
Тры пута є подъ ньим' починуо,
Симиціи річъ бесѣдіо:
,,Мене есте оправіо Марко,
Да ми даешъ біела симита!"
А залогъ ти тешка топузина."
Симиція нѣму говоріо:
,,Носи врага са моега прага!
Неѣу ти му паре ни динара."
Механція упрти симита,
Симиція тешку топузину,
А кад' дошли у механу винску,
Піе вино Кралѣвиѣу Марко,
А залага біела симита,
Ма сад' ѣу ти за Филипа прійчат'!
Дође Филипъ двору біеломе,
Нађе сузну и крваву любу,
Тры іой бійла саломлѣна зуба,
До іой вели Вилипъ капетане:
,,Што є любо да одъ Бога нађешъ?
Што си мене сузна и крвава,
Ко є тебе зулумъ учиніо?"
Све му люба по истини каже:
,,Оће дође гола дервишина,
На шарену коню великоме,
Божю ми є помоѣъ називао:
,,,Божя помоѣъ Филипова любо!
Ђе є мене Филипъ побратиме?""
А я 'самъ му грдно бесѣдила:
,,,Ид' отоле гола дервишино!
Съ такіемсе Вилипъ небратими,
Таке Вилипъ ѣера говедима,
Да чуваю по лугу говеда.""
Па опет' ми Марко говоріо:
,,,Снахо моя Вилипова любо!
Донеси им Вилипова вина,
Я 'самъ юнакъ жеданъ и уморанъ.' "
А я 'самъ му грђу бесѣдила:
,,,Ид' отоле гола дервишино!
Такіи вино непію Вилипа,
До юнацы и господичиѣи.""
Ал'се она кила насрдпула,
Мене єдномъ рукомъ ударнула,
Тры ми бійла саломила зуба,
Покида ми злаѣене ђердане,
Па ихъ тури у шпагъ одъ доламе,
У мене ти поздравъ оставіо;
,,,Када Вилипъ побратиме дође,
Нека за мномъ у механу пође,
Да піемо вина црвенного,
За ђердана исподъ грла твога.""
До іой вели Филипъ капетане:
,,А небойсе моя варна любо!
То є курва Кралѣвиѣу Марко!
Сад'ѣу нѣму доніети главу."
Припасуе саблю гунгулачу...
И своега закрочи гунгула...
Наѣера га низъ Мацара града,
Кад' га догна предъ механу винску,
Неда Шарацъ улѣст' у механу,
Но му вели Кралѣвиѣу Марко:
,,Дура Шаро, дура добро мое!
Пушти амо Филипъ капетана,
Да піемо вина црвенного."
Но нѣмусе уклоніо Шарацъ,
Онъ улѣзе у механу винску,
Пакъ є нѣму Марко бесѣдіо:
,,Сѣд' Вилипе, незамеѣи кавгу!
Да піемо вина црвенного,
За ђердана твое любе вѣрне."
По недаде ђаво мировати,
Онъ є Марка 'єдномъ ударіо,
А Марко му річъ бесѣдіо:
,,Неплаши ми бухе по кошульи!"
До га другомъ Вилипъ ударіо,
У десну га погодіо руку,
У руцысе чаша намѣрила,
Чаша паде а просусе вино,

Но и соко наѣдисе Марко,
Па одъ землѣ на ноге скочіо,
А острицу саблю доватіо,
Те Вилипа єдномъ ударіо,
На двіе га поле пресѣкао,
У земльи є саблю уставіо;
Куми јаданъ механџія Марка:
„А за Бога господине Марко!
Ты истури нѣга изъ механе,
На поклонъ ти штос' попіо вина,
Паре тебе ни динара неђу.“
Довати га Кралѣвиђу Марко,
Главу тура у зобницу Шарцу,
За Шарина привеза Гунгула,
Па се Шарцу тури у рамена,
Наћера га узъ Маџара града,
А кад' дође предъ біеле дворе,
Нађе јадну Вилипову любу,
Она везе подъ єломъ зеленомъ,
Везе млада на ђерђефу везакъ;
Онъ извади и зобнице главу,
Те іой Марко у кріоце бачи:
„Снахо моя Вилипова любо!
Пріе'самъ ти жалость учиніо,
Садъ най тебе о злата ябуку!“
Кад' є она сагледала главу,
Писну млада како змія люта,
Но то соко-Марко негледаше,
До узиде на біелу кулу,
И велико благо покупіо,
Покупіо пакъ є запаліо,
Па отале закрочи Шарійна,
Наћера га крозъ Маџара града,
А кад' быо на воду Ситницу,
Ту ми срете Релю и Милоша,
Оны иду да потраже Марка;
Отолесе побре поврнуше,
А одоше двору біеломе,
Те наєдно испиваю вино,
Како тада тако и свакада,
Весела имъ майка и дружина! —

95.

Дворба Якшића.

(Одъ Ива Янковића изъ Ђуђевине у доньой Морачи.)

Дворбу двори Якшићу Стѣпане,
У Сибиню граду біеломе,
У силнога воеводе Янка,
Дворіо га тры године данахъ,
Недворѣ га да издвори блага,
Ни доброга коня одъ мейдана,
Нити какве саблѣ оковане,
Но онъ двори за Анђу ліепу,
Небы ли му за любовцу была,
Небы ли му срећомъ запанула;
Неможе є ни окомъ виђети,
А куђе ли за любовцу быти,
Паксе нѣму дворба доядила,
Те сестрими Янкову любовцу:
„Богомъ сестро Янковице госпо!
Издай мене твою заовицу,
Ево тебе двіе чизме блага!“
Ал' говори Янкова любовца:
„Ай тако ми Якшићу Шћепане!
Немогу ти издат' заовицу,
Но є злато на біелой кули,
А за ньоме деветеро вратахъ,
На десета ліепа ђевойка,
На врати є деветъ катанацахъ,
На десета брава Дубровачка,
И чува ю деветъ капиціяхъ,
Тек' ћу тебе быти у помоћи:
Дође л' данакъ света неђельица,
Хоће Янко у ловъ у планину,
Позиваће деветъ братучедахъ,
Позиваће свое вѣрне слуге,
Позватиће и теб' у дружину,
Но учинис' главоболанъ люто,
Одъ главице теке навалице,
И одъ срца него злорадица...
Те неиди у ловъ у планину;
Кад' отиде Янко воевода,
Кад' отиде у ловъ у планину,
Сазваћемо деветъ капиціяхъ,
Приправит' имъ манџе свакояке,

Донесћемо тролѣтнога вина,
И ракіе одъ четиры лѣта,
У то ніиће туриһемо былѣ,
Туриһемо былѣ опоиво,
А найвише былѣ о дріема,
Нећемо ли опоити слуге.“
Тако рекли тако учинили,
Шћепанъ чека докъ неђеля дође,
Када л' света освану неђеля,
Янко свое довикуе слуге,
И позивлѣ Якшића Шћепана,
Позивлѣ га у ловъ у планину,
Масе Шћепанъ чини главоболанъ,
Одъ главице и то нафалице,
А одъ срца теке злорадица.
Тер' неоде у ловъ у планину;
Кад' отиде воевода Янко,
Преболіо Якшићу Шћепане,
Приправили манџу свакояку,
Доніели вина и ракіе,
Натурали быля опоива,
А найвише за дріема быля,
Па зовнуше деветъ капиціяхъ,
И преда ньихъ поставише манџу,
Ньима даю вина и ракіе,
А уза ньга сваке ђаконіе,
Докле су ихъ опоили были,
Те падоше спават' безъ узглавя,
Прикрадасе Якшићу Шћепане,
Украда имъ све одъ кулахъ кључе,
Отварао деветера врата,
На десета ліепа ђевойка,
Ліепа є ка' небесна звѣзда;
Но кад' нѣга сагледала бѣше,
Шћепану є річчъ говорила:
„Благо мене Якшићу Шћепане!
Ево данасъ тры године данахъ,
Ка' те гледамъ са біеле куле,
Небы ли ми у срећу... запао,
Па што желѣхъ Богъ є сад' ми дао.“
Тад' облачи господско ођело,
А насула у џепове блага,
Осимъ што є и Шћепану дала...
Добре конѣ тад су пояхали,
Здраво пошли двору Якшићеву;
А кад дође Воевода Янко,
Онъ изиде на біелу кулу,
Али врата свака отворена,
И неима сестрице му Анђе,
Вратис' брже низъ біелу кулу,
Али нађе деветъ капиціяхъ,
Сви су пяны кано и поклани.
Тако стаде и годину данахъ,
У Анђесе мушко чедо нађе,
Тер' Анђуша кньигу оправила
Своме брату одъ Сибиня Янку:
„О мой брате одъ Єрделя Бане!
Ходи мени брате у походе,
У сестре ти мушкос' чедо нашло,
Я те имамъ даривати чиме,
У Якшића доста има блага.“
Каде Янка кньига допанула,
Тако прошла друга годиница,
У Анђесе друго чедо нађе,
Мушко чедо ка' іой є и прво,
Опет' Анђа кньигу оправила,
Своме брату воеводи Янку:
„О мой брате одъ Ерделя Бане!
Ходи, дођи сестри у походе,
Амо ти ме безродкиньомъ зову,
Дођи мене живъ ты мене бьо,
Да ме твою већ' некоре сестру.“
Кад' є Янка кньиге допанула,
И ту кньигу на огань туріо,
Тако стаде за трећу годину,
А кадасе и трећа напунѣ,
Престависе Якшићу Шћепане,
Двое лудо оста сирочади,
Кньигу опетъ пише Анђелія,
Пуну суза крвцомъ изъ образа,
Тер' є шалѣ свом' рођеном' брату:
„Ходи брате сада къ мени дођи,
Већ' ти ніє душманина твога!
А найвећег' пріятеля мога...
Преставіос' Якшићу Шћепане;
Дођи вићет' два сестрића твоя,
Какоте ти сыротоват' оны?...!“
Кад' є Янку и та кньига дошла,
Та му кньига тврдо мила была,
Ту є кньигу ставіо у нѣдра,
Па одпута на ноге скочіо,
Пеливанъ є ђога окрочіо,

Брже силну сакупіо войску,
Окрену ѐ у Якшиће равне,
На біеле на Якшића дворе,
Све Якшиће махомъ похарао,
Поробіо мало и велико,
Сажегао огнѣмъ свеколико,
До біела Якшићева двора;
Пакъ похара и Якшића дворе,
И све ихъ є съ тлима поравніо,
Уватіо два сестрића луда,
По говоре два сестрића уйцу:
„Нашъ уяче Бане одъ Сибина!
Немой срамно луде уморити,
Докь одемо на воду Дунаво,
Да іошъ едномъ лице уміемо,
И да наше срце разхладимо,
Црно і' лице, а црнѣ ни срце
Одъ жалости а на божіой правди,
Одъ твог' тешка праха и олова,
Докъ си уйче оба насъ добіо;
Па ће тебе прекорит' дружина,
Дасе нама повратит' недаде.“
Преварисе уѣде га гуя,
Пуштіо ихъ на Дунаво тіо,
По два луда одоше сестрића,
Отидоше како му рекоше,
Мити лице и разхладит' срце,
Па згледашес' еданъ на другога,
Ускочише у воду Дунаво,
Тако ньима Богъ и срећа даде,
Те Дунаво воду препловише,
У Московску землю пріеђоше;
Тако стаде за двадесть годинахъ;
Докъ порасте двое ђеце лудо,
Доватишес' коня и оружя,
Пакъ и силну войску сакупише,
И отол' ю на ноге дигоше,
У Дунаво съ войскомъ ударили,
Докъ Дунаво брже пребродили,
Съ войскомъ пошли до града Сибиня,
На Сибиня града ударише,
И уйчева града похараше,
А своега уфате уяка
На запеше высока вѣшала,
Да обѣсе милога уяка;
По долази майка ньихна къ ньима,
Она моли двое ђеце лудо:
„Мои сынцы, небыли проклеты!
А тако ви млійка и порода,
Немойте ми брата изгубити,
Неоставте майку безъ свог' брата,
Неоставте себе безъ уяка!
Давносе є Янко покаяо,
Што є вама негда учиніо.“
Майку ђеца радо послушала,
Опростише своега уяка,
Тек' врнуше жалость за срамоту!
(Тако Србчадъ, као ти витешчадъ,
На срамоту своме душманину,
Рађаюсе па и подижусе.)

96.

Узаямно робство.

(Одъ Ристе Меденице Равнянина у Дон:Морачи.)

Маласе є чета подигнула,
Окленосе вазда подизала,
Одъ Удбине да ѐ Богъ убіе,
Чета мала шесетъ Удбинянахъ:
Предъ четомъ су до тры булюбаше,
Едно іой є булюбаша Муіо,
А друго є Османъ капетане,
За Османомъ Ковча барякторе,
А за Ковчомъ остала дружина.
Чета оде узъ Кунаръ планину,
А кад' чета была у Кунара,
Код' студене воде кодъ бунара,
Ту є чета трудна починула,
Ко є гладанъ лѣба заложіо,
А ко жеданъ водес' напоіо,
И ко пѣшацъ притеже опанке,
А тко юнакъ ради о оружю,
У то рече Османъ капетане:
„Устай Муіо диели дружину!
Већ' заедно нейма четованя,
Ђегођъ влашку главу донесемо
Свесе гласи по нашой Удбини,
Донесе ѐ четобаша Муіо;
А ђе 'л' добаръ шићаръ задобисмо,

Свесе гласи по нашой краини,
Задоби га булюбаша Муіо,
Ты узимашъ Муіо старѣшинство,
За ме нико нейма ни хабера,
Но устани діели дружину."
То кад' зачу булюбаша Муіо,
Налютисе родила га курва,
Па говори Ковчи баряктару:
,,Устай Ковчо діели дружину!
По тридесетъ добріехъ юнакахъ,
Па ты подай Османъ капетану,
Тридестъ подай нѣму поболліехъ,
Мени нека тридестъ погоріехъ,
А ты Ковча съ коиемъ ти драго."
Скочи Ковча одъ землѣ на ноге,
Подіели шесетъ Удбинянахъ,
Тридестъ даде Осман' Капетану,
Даде нѣму тридестъ побольіехъ,
Мую оста тридестъ погоріе,
А каде су дружтво діелили,
Оде Ковча къ Осман'-капетану;
Па отиде Осман'-капетане,
Са нѣгово тридестъ Удбинянахъ,
Онъ отиде у влашко Приморѣ,
Ка біелой Шимуновой кули,
Неће л' му є како похарати,
Похарати и све поробити.
Па є дошо ноћу по мѣсецу,
Према биллой кули Шимуновой,
И задани у Типову лугу,
У то свану и ограну сунце,
И докъ сунце на средъ неба было,
Отворисе кула и авлія,
Врагъ изнесе тридестъ ђевоякахъ,
Донесе ихъ у Типова луга,
Да по лугу покупе лѣшнике,
А кад' виђе Осман'-капетане,
Кидисаше те ихъ поваташе,
На Турчина саког' по ђевойка;
Узе Османъ сестру Шимунову,
Поведоше узъ Приморѣ равно,
А кад' были до у врхъ Приморя,
Но запѣва Осман-капетане,
Онъ запѣва изъ грла юначка!
,,Ай да тисе Муіо нагледати!
Какавъ єсмо шићаръ задобили,
На свакога друга по ђевойку,
А Осману сестра Шимунова."
Но лютасе гуя намѣрила,
Намѣрила у ловъ у планину,
Дочека ихъ у тиесне кланце,
Оштети имъ неколико другахъ,
И Осману ранне даде грдне,
Докъ побѣже Османъ у планину,
Унесе га Дорійнъ на рамену;
Угледа га булюбаша Муіо,
Предъ нѣгасе на друмъ учиніо,
Таде позна Осман'-капетана,
Дорійна му крвца покапала,
А онъ грдниxъ допануо ранахъ,
Па га пита булюбаша Муіо:
,,А за Бога Осман'-капетане!
Ђе ли бысте, ђе ли погибосте?"
Нѣму стаде Османъ казивати,
Како єсу были у Приморѣ,
На біелу кулу Шимунову,
А данили у Типову лугу,
Заробили тридестъ ђевоякахъ,
На Турчина саког' по ђевойку,
По кад' были до у врхъ Приморя,
У тіесне одъ Приморя кланце:
,,Дочека насъ капетанъ Шимуне,
Намѣрисе курва у планину,
Ловъ ловіо ка' є научіо,
Онъ є съ нама боя заметнуо,
Докъ побѣгоъ Муіо усъ планину,
Посѣче нам' седамнаесъ главахъ,
И оте нам' тридестъ ђевоякахъ,
А и мене добро обраніо;
Но за Бога четобаша Муіо!
Осѣди ме са коня витеза,
Те ми завій мое ранне люте."
То говори а съ душомсе бори,
Осѣде га одъ коньица добра,
Земьи паде и душу предаде,
А кад' виђе булюбаша Муіо,
Онъ е свое подвикнуо дружтво,
Те отиде и самъ низъ Приморѣ,
А кад' быо къ Шамуновой кули,
Заданіо у Типову лугу,
Докле свану и сунце ограну,
И докъ сунце на врхъ неба было,

Све му стои затворена кула,
Затворена кула и авлія;
А кад' сунце на средъ неба было,
Отворисе кула и авлія,
Изъ авліе изиде кочія,
У кочію люба Шимунова,
На крилу іой два близанка сына,
И кочія срмомъ окована,
А црвеномъ прикривена свиломъ,
Онас' воза мору на обалу,
Ал' ȇ виђе Муіо четобаша,
Кидисаше те ȇ уватише,
Поведе ȇ узъ Приморѣ равно;
А кад' быо ђесе небояо,
Оправіо любу Шимунову,
И осталу дружбу свуколику,
Оправіо ка Удбини равной,
А онъ дружби своіой бесѣдіо:
„Я отидогъ опетъ у Приморѣ!
Нећу ли му іошъ запалит' кулу.“
Па отиде низъ Приморѣ равно,
Привучесе ноћу безъ мѣсеца,
А кад' быо Муіо у авлію,
Нештосе є полѣмъ обазріо,
Ал' ево ти капетан' Шимуна,
Носи копѣ на рамену бойно,
И на копю двіе русе главе,
До два брата оба Пишчевића,
Два сестрића Осман' капетана;
Кад' га виђе булюбаша Муіо,
Завріесе Муіо зад' авлію,
Докъ допаде капетан' Шимуне,
Одяхао коня у авлію,
Па изиде на біелу кулу,
А кад' виђе штасе учинило,
Опе долѣ у авлію сиде,
Па закрочи своега ђогина,
Ођера га право усъ Приморѣ,
То кад' виђе булюбаша Муіо,
Онъ изиде на біелу кулу,
На таванъ іой ватру наложіо,
Докъ му кулу съ ватромъ саставіо,
Па отиде право за Шимуномъ;
Но да видишъ капетан-Шимуна,
Нештос' юнакъ на трагъ обазрео,
Ал' му бійла запалѣна кула,
И за ньиме добаръ юнакъ иде,
Добаръ юнакъ булюбаша Муіо,
Како га є Шимунъ угледао,
Одпута є Муя познавао,
И на Муя быо кидисао,
Юначке му савезао руке,
Одиста га погубити ћаше,
Но му вели булюбаша Муіо:
„Негуби ме Шимунъ капетане!
Но ме води ка біелой кули,
А ка твоіой кули запалѣной,
Пакъ одправи кньигу до Удбине,
Дођиће ти твоя мила люба,
И довести двое ђеце мало.“
Таде га є Шимунъ послушао,
Одведе га запалѣнной кули,
Пакъ написа листъ кньиге біеле,
Оправи ȇ ка Удбини Турской,
Да му дође люба и близанцы,
Да изиду Турцы Удбиняни,
Да изведу вѣрну любу нѣму,
Да изведу и оба близанка,
На планину да ихъ міеняю,
А за ньихна булюбашу Муя;
И такосу Турцы учинили,
У неђелю што найпрва дође,
Изведоше любу Шимунову,
И нѣзино двое ђеце лудо,
Изведоше на Кунаръ планину,
А одовуд' Шимун' капетане,
Изводіо булюбашу Муя,
Ту извели, те ихъ міеняли,
И одбили мрско за недраго. —

97.

Попъ пашинъ зетъ.

(Одъ истога Риста Меденице Морачанина.)

Подижесе Соколовићъ паша,
Подижесе у ловъ у планину
Са нѣгово тридесетъ тевабіяхъ,
Ловъ ловіо за неђелю данахъ,
Неулови срне ни кошуте,

Ни лѣлѣна рога повійтога;
Ловъ ловіо ништа недобіо,
Докле силну паши доядило,
Паксе отле врну нисъ планину,
Намѣра га наніела была
На дворове Яня капетана,
И Яньо га виђе капетане,
Па га сврну на біелу кулу,
Са нѣгово тридестъ тевабіяхъ.
По кули му чудна граћевина,
По кули су сребрны столовы,
По кули су писаны прозоры,
И свакаква чуда невиђена,
Па донесе вина и ракіе,
Сташе служит' два Яньића млада,
Служе вино два млада Яньића,
Єдно Комненъ, а друго Андрія;
Іоште Яньо силанъ капетане
Самъ доноси злаћену трпезу,
На трпези сваку ђаконію,
Доксе паша напоио вина
Су нѣгово тридестъ тевабіе,
Кад' му винце улѣзе у лице,
А ракія стаде бесѣдити,
Таде вели паша Соколовићъ;
„О Бога ти Яньо капетане!
Єс' ли ђегођъ вѣріо ђевойку
За Комнена яли за Андрію?"
Таде рече Яньо капетане:
„А Бога ми пашо Соколовићъ!
За Андрію єсамъ испросіо,
А Комненъ є кньигу научіо,
Одиста га ни женити нећу."
Нѣму рече Соколовићъ паша:
„А Бога ми Яньо капетане!
За Андрію кад' си испросіо,
Сад' запопи діете Комнена,
А у мене і' Хайкуна ђевойка,
Свое добро фалит' є срамота,
Али што ћу, већ' ми ніе друга;
Има пуно петнаесъ годинахъ
Одъ како ми у кавезу расте,
А невиди сунца ни мѣсеца,
Ни біела дана ни юнака,
Ты запопи діете Комнена,
Па Хайкуна нек' є попадія."

Ал' му рече Яньо капетане:
„Башъ аверимъ пашо Соколовићъ!"
То колик' є паши омилѣло,
Самъ є паша свадбу одгодіо:
„Я отидохъ ка Новину граду,
А ты Яньо покупяй сватове."
Паша скочи одъ землѣ на ноге,
Па іошъ рече Яню пріятелю:
„Чуешъ ли ме Яньо пріятелѣ!
Купи сватахь колико ти драго,
Неостави двое ђеце лудо,
Пакъ Андрія нек' є ђевербаша,
А Комнене нек' є ђувеглія,
Да га виде свасти и пунице,
И Новинска остала господа,
Коме даше Хайкуну ђевойку."
Паша оде ка Новину граду,
Оста Яньо куплѣћи сватове:
Покупіо стотину сватовахъ,
И поведе двое ђеце лудо,
Доведе ихъ у Новійна града,
Кад' ихъ виђе паша одъ Новійна,
Онда срете Яня и сватове,
А остала Новійнска господа
Разведоше свате на конаке,
По двоицу и по четверицу,
Тек' да имъ є лѣпше на конаку;
Паша води Яня пріятеля,
И нѣгово двое ђеце лудо,
Тако тавну ноћцу боравише,
Докъ у ютру данакъ освануо,
Повикнуше сватовскіи чауши:
„Хазуръ сваты, хазуръ є ђевойка!
Хазуръ да' сте сваты и ђевойка!"
Скупишесе кићены сватовы,
А самъ паша доведе ђевойку,
И даде ю Яньићу Андріи,
Па донесе дара госпоскога,
Све сватове редомъ даривао,
Даде Яню одъ злата Ябуку,
А Комнену младу ђувегліи,
Нѣму даде коня даровника,
И іошъ двіе пушке леденійке;
Па отоле свате испратише,
А кад' быше полѣмъ зеленнісмъ,
По два и два изъ грла пѣваю,

По четиры пушке изметаю,
До нехоће Яньићу Комнене,
Ни пѣваше ни пушке меташе,
До онъ иде сѣтно невесело,
А пита га Яньићу Андрія:
,,О Бога ти Яньићу Комнене!
Што ты идешъ сѣтно невесело,
Што неиграшъ коня даровника,
Што л' немећешъ до два леденійка?
Али сисе юнакъ посиліо,
Те штосисе данасъ ожениo
А Туркиньомъ ліепомъ ђевойкомъ?"
Нѣму рече Яньићу Комнене:
,,А нелудуй Яньићу Андрія!
Чемусамсе данасъ посиліо?
Негосамсе ово ускаріо!...?
Есе єсамъ юнакъ ожениo
А Туркиньомъ єдномъ наметницомъ,
Наметница на грло тавница,
А коюсу паше миловале
По кахвама и по хамамима —."
Онъ то мняше нико нечуяше,
А то зачу Туркиня ђевойка,
Пакъ ю̑ єсу сузе пропануле,
Врану коню гриву поквасиле,
А пита ю̑ Яньићу Андрія:
,,О Бога ти моя мила снашо!
Што се єси данасъ ускарила,
Што ли сузе валяшъ низ' образе?
Али су ти свати не у волю,
Али ђеверъ Яньићу Андрія,
Али Комненъ младый ђувеглія,
Али свекаръ Яньо капетане?"
А она му таде бесѣдила:
Мой ђевере Яньићу Андрія!
Нiесу ми сваты не у волю,
Нити ђеверъ Яньићу Андрія,
А ни Комненъ младый ђувеглія,
А ни свекаръ Яньо капетане:
Досе єсамъ млада раскарила,
Ималасамъ зећир-прстенъ златанъ,
Ранила га на десницы руцы,
Ради среће и нарока свога,
Пакъ єсамъ га данасъ изгубила,
И за ньимсе тако ускарила —."
Ал' іой збори Яньићу Андрія:
,,Ахъ нелудуй моя мила снашо!
Како Яню сяшешъ у дворове,
Доста сваштa имасе у Яня,
Доста блага близу куюнція,
Сковаће ти зећир-прстенъ златный."
А она му опеть бесѣдила:
,,О Бога ти ђевере Андрія!
Отвори ми сахтіян-сепета,
Другій мисе прстенъ намѣріо,
Да га туримъ на десницу руку."
Ал' нетражи зећир-прстенъ другій,
Но измаче дивитъ и хартію,
Ситну кньигу на колѣну пише,
Оправи ю̑ паши Бабу своме:
,,Узочасъ ме покланіо Бабо!
Покланіо силну каурину,
Іошъ данасъ ме сваты прекорише,
Прекорише данасъ іошъ у путу,
Што л' ће быти кад' имъ у домъ дођемъ?
По чу ли ме пашо одъ Новійня!
Избави ме изъ Яньова двора,
Ако ли ме нећешъ избавити,
Како Яню дођемъ у дворове,
Хоћу мусе у дворъ обѣсити."
Оправи ю̑ по пратіоцима,
А кад' паши така кньига дође,
Те видіо што му кньига пише,
Ону гледа а тры ситне пише,
Єдну шилѣ на Босну поносну,
А на име са Босне везира,
Да му доће триста пашайліяхъ,
Другу шалѣ на краину Мую,
Да му доће триста краичникахъ,
Трећу пише Скадру на Бояну,
Да му доће трыстотин' Скадранахъ;
Тако было, мдого нетраяло,
Докъ му доће триста пашайліе,
И дође му триста краишника,
И дође му тристотин' Скадранахъ,
Покупи ихъ на біелу кулу,
А кад' свану и огрія сунце,
Онда паша окренуо войску,
Ко виђаше свакосе чуђаше,
А у томе ріечъ говораше;
,,Фала Богу чуда великога!

Што є паши Яньо омиліо,
Те му неда у дворъ свадбовати,
Брже Хайки у походе пође.“
Отале су окренули Турцы,
Докъ дођоше двору Яньовоме,
А кад' дошли двору Яньовоме,
Све поспало кано и поклано,
По улѣзе триста краишникахъ,
Улѣгло є на біелу кулу,
Те заклало стотину сватовахъ,
Па уфате Яня пріятеля,
И обѣ му очи извадише,
А обѣ му ноге саломише,
Па гусли му на крило туришe,
И овако Турцы бесѣдише:
„Пѣвай Яньо, пѣвай капетане!
За што л' небы на веселю твоме?!“
Іошъ Яньову Яну уфатише,
Обѣ очи ньойзи извадише,
И обѣ іой дойке прорезаше,
А прозъ дойке протурише руке,
Пакъ овако Турцы бесѣдише:
„Играй Яно остарѣла бако!
А за шт' небы на веселю твоме?!“
По іошъ двое дѣце уватише,
Обоицы савезаше руке,
Па ихъ отле живе поведоше,
А Яньово покупише благо,
Поведоше конѣ са чаирахъ,
Па Яньове дворе запалише,
Тад' отоле Турцы окренуше,
Отидоше у Новійна града;
А кад' паша дође у Новійна,
Два Яньића тури у тавницу,
Тавновали тры неђелѣ данахъ,
По варошка долази ђевойка,
Све долази тавницы на прозоръ,
Докъ досади Яньићу Комнену,
Пакъ іой Яньићъ Комненъ говораше:
„Богъ т' убіо варошка ђевойко!
Што долазишъ ютромъ и вечеромъ,
Нит' шта носишъ нит' шта прогова-
рашъ?“
Ал' варошка говори ђевойка:
„Ахъ како ћу Яньићу Комнене!?
Ніеси ли Комненъ запазіо,
Када си ме младу испросіо,
За Андрію млађег' брата твога,
И похарчи дванаесъ дукатахъ,
Зећиръ прстенъ о деветъ дукатахъ.“
Ньойзи таде Комненъ бесѣђаше:
„О Бога ти снахо несуђена!
Єс' ли скоро на чаршію была,
Єс' ли чула што говоре Турцы?“
А она є нѣму бесѣдила:
„Ой Бога ми Яньићу Комнене!
Єсамъ юче на чаршію была,
И све чула што говоре Турцы:
Данасъ петакъ, а сютра субота,
Преко сютра царица неђеля,
Хоће дођи тридестъ пашайліяхъ,
Повесте васъ оба на вѣшала;
Но чу ли ме Яньићу Комнене!
Провесте ве крозъ Турску ордію,
А провести прозъ варошъ ришћанску,
Па кад' будешъ у варошъ ришћанску,
Ты запѣвай грломъ біеліемъ:
„„Ай ніе ли брата ришћанина!
Ял' каквога добра пріятеля,
Ял' Турчина за Бога душевна?
Да донесе у кондіеръ вина,
Да причести два Яньића млада!“ “
То имъ рече па отиде отле,
Петакъ дође и субота прође,
Па имъ дође царица неђеля,
Ето дође тридестъ пашайліяхъ,
И тавницу отворише клетну,
Изведоше два Яньића млада,
Поведоше прозъ Турску ордію,
А кад' быше крозъ варошъ ришћанску,
Запѣвао Яньићу Комнене:
„Ай ніе ли брата ришћанина!?
Яли каква давна пріятеля,
Ял' Турчина за Бога душевна?
Да донесе у кондіеръ вина,
И причести два Яньића млада,
Коеноће данасъ обѣсити;
Докъ варошка допаде ђевойка,
Донесе имъ у кондіеръ вина,
Подъ пазухо біеле кошулѣ,
У кошулѣ замотане маче,
Пакъ є Турке Богомъ братимила:

,,Богомъ браћо тридестъ пашайліяхъ!
Яньићима попуштите руке,
Да причестимъ два Янвића млада.“
Нешћеше іой за братску пріймити,
Но конѢ су на ню нагонили,
Кад'се виђе на яду варошка,
Она просу исъ џеповахъ благо,
А Турцы су на благо поклапны,
Сташе купит' по сокаку благо,
А ђевойка маче разавила,
Яньићима одпуштила руке,
Па у руке додаде имъ мачe,
Ма да видишъ чуда и народа!
Кад'се ђеца мачахъ доватише,
Погубише тридестъ пашайліяхъ,
Паксе отле на трагъ поврнуше,
ПалѢгоше прозъ ордію Турску,
А све губе Турке око себе,
Добаръ єсу сокакъ начинѢли,
Док'су прошли прозъ Турску ордію;
Па кад' прошли прозъ ордію Турску,
Одистасе ђеца замыслила,
Куд' ће дѢца отле окренути,
Пакъ имъ нешто дошло до памети,
Тесе ђеца на трагъ повратила,
Па пашине дворе ударила,
А кад' были на кулу высоку,
СѢди силанъ паша одъ Новиня,
Са нѢгово тридесъ тевабіяхъ;
А кад' виђе паша одъ Новиня,
Када виђе двое ђеце лудо,
У рукама съ пламенніємъ мачма,
Одистасе єсте зачудіо,
Зачудіо, па и поплашіо,
Шћаше нешто ньима бесѢдити,
Но Яньићи зборит' му недаше,
ПосѢкоше све около паше,
Силна пашу жива уфатише,
Свезаше му наопако руке;
Паксе мало туда обазреше,
Два пашина сына угледаше,
Обоицы главе окидоше,
Пакъ пашину булу находише,
ОбѢ ньойзи очи извадише,
А обѢ іой дойке прорезаше,
И прозъ дойке промолише руке,
Пакъ овако дѢца бесѢдише:
,,Ха! сад' двори честита кадуно!
Ха што л' небы господара свога?“
Ал' погледа Яньићу Комнене,
Докъ угледа свою заручницу;
Пакъ іой быо єзыкъ извадіо,
И біеле саломіо руке,
Пакъ іой таде женикъ бесѢдіо:
Двори! Двори! моя заручнице!
Што ли небы а женика свога?“
Іошъ пашино благо покупише,
И съ чаирахъ поведоше хате,
Свеколике дворе поробише,
Пакъ найпотлѢ огнѢмъ сагорѢше:
Поведоше пашу пріятеля,
А кад' шъ ньиме были у планину,
ОбѢ и нѢм' очи извадили,
А пребише и ноге и руке,
И пушку му на крило турише,
Дугу пушку и демиски-ђорду,
Овако му дѢца говорише:
,,Ловакъ лови пашо по планини!
Рашта л' небы кад' си научіо?...“
Ђеца пашу туна оставише,
Нек' набрая што є учиніо,
Но іошсусе ђеца обазрела,
Ал' за ньима пристала варошка,
Узеше є по біеле руке,
Одведоше свом' господску двору,
Како дође Яньићу Комнене,
ПривѢнча є за себе истога,
А доста су блага доніели,
Доніели свое и пашинско,
Дворе свое болѢ оградили,
И обасе брата оженили,
Оженила породъ оставила,
Ха да имъ га Богъ наспори драгій! —.

98.

Несветкованѣ.

(Одъ Тодора Іоксимова изъ Ясенове у Мор. доньой.)

Поранило протопопче младо
У неђелю на Васкрсеніе,

На нерани пребіелой цркви,
Дасе моли Богу по закону,
И да служи часну летурђію,
Да причешћа Србскій народъ млогій;
До онъ фата два вола шарена,
Те онъ оре у полю шеницу,
То гледала тры божя анђела,
Неприспѣла Богу на ютреню,
Затраяше чудо гледаюћи,
Но ихъ кара Боже господине;
,,Слуге мое тры анђела прва!
Ђесте были, ђесте затраяли?
Летурђію данасъ неслужисте!“
,,Некарай не Боже господине!
Єсмо были, єсмо затраяли,
Затраяли чудо гледаюћи;
Подранило єдно попче младо,
А нерани пребіелой цркви,
Дасе Богу моли по закону,
Да одслужи частну летурђію,
Да причешћа млогій Србскій народъ,
У неђелю на васкрсеніе;
Но онъ вата два вола шарена,
Те онъ оре полѣ за шеницу.“
Но говори Боже господине:
,,Слуге мое тры прва анђела!
Полстите на земльицу чарну,
Учинтесе до тры дуовника,
Айте право попу на оранѣ,
Ако биде попу до неволѣ,
Бидите вы попу на невольи;
Ако л' биде попу до біеса,
Помамте му два вола шарена,
А рало му о главу обите.“
Отле пошли тры божя анђела,
Полећеше на земльицу чарну,
Учинишес' до тры духовника,
Право иду попу на оранѣ,
Оны божю помоћъ попу звау,
А лѣпше имъ попе одговара:
,,Богъ дай бути до тры дуовника!
Два умукла трећій проговара:
,,,,Ой тако ти протопопче младо!
Каква'ї' теби голема неволя,
У неђелю на Васкрсеніе
Те ты орешъ полѣ за пшеницу,
Те неидешъ пребіелой цркви,
Дасе молишъ Богу по закону,
И причешћашъ Србскій народъ млогій?“ “
Ньима вели младо протопопче:
,,Я вам' имамъ казат' млого яда!
У кући ми деветъ сліепацахъ,
И дванаесъ ядніихъ ниемацахъ;
А іошъ ћу вам' више яде казат'!
Имамъ грешный мушко чедо лудо,
Нейма нѣму до петнесъ годинахъ,
Ни устас нити проговара,
Іошъ є мени кућа на средъ пута,
Когођъ путемъ иодкуда пође,
Свакій туде ка кући ми дође,
Лѣба иє, ладне воде піе;
Но тако ви до тры дуовника!
Айте и вы ка моему двору,
Да ћедете и да починете.“
Отидоше до тры дуовника,
Къ протопопа двору біеломе,
А предъ дворомъ попадія млада,
Она чини біелу пшеницу,
У неђелю (!..?) на васкрсеніе,
Да ю носи попу на оранѣ;
Дуовницы помоћъ називаю,
Ньима помоћъ млада прифатила:
,,Богъ дай добро и вам' духовницы!“
Пакъ бесѣде сва тры дуговника:
,,Каква ти є голема неволя,
Те ты чинишъ біелу шеницу,
У неђелю, на васкрсеніе?“
Но говори попадія млада:
,,Єсте мене голема неволя!
У кући ми деветъ сліепацахъ,
И дванаестъ худнихъ ніемацахъ,
А сувише мушко чедо лудо,
Већ' му има петнаесъ годинахъ,
Нити збори, нити ногам' ходи;
Іоште нам' є кућа на сред' пута,
Когођъ прође, сватко къ нама дође,
Лѣба ие, хладне воде піе,
Но, тако ви! до тры духовника,
Улазите у біеле дворе,
Да иете и да почините.“
Кад' виђеше тры божя анђела,

Улѣгоше у попове дворе,
Водицу му куѣи освешташе,
Задахнуше дахомъ анђелскіемъ,
А светиньомъ куђу покропише,
Прогледа му деветъ сліепацахъ,
Прозборило дванестъ німацахъ,
И дижесс мушко чедо лудо,
Уста ити, стаде говорити,
Носи оцу ручакъ на оранѣ;
То кад' виђо младо протопопче,
Волове є у гору займіо,
А онъ иде пребіелой цркви,
Тесе моли Богу по закону,
И одслужи частну летурђію,
А причешће млогій Србскій народъ;
Тад' анђели ка Богу одоше,
Све казаше како амо бѣше,
И Богъ имъ є за добру прійміо,
Анђеле є рукомъ приниміо.

99.

Царевъ Серашћилъ.
(Одъ Ђепана Пика Ломпара съ Боковога у Црнойгоры.)

Кньигу пише паша Серашћиле,
Пошилѣ є на равно Цетинѣ,
А на руке Владыке Даннила:
„Пошльи мене малога харача,
А узъ харачъ тры добры юнака,
Єдно съ Чева Поповића Дражка,
Съ Велестова Мрваля Вукоту,
И сокола Мандушића Вука;
Е царево перо изковара,
Ако мене харачъ послат' нећешъ,
Сву ћу црну гору изгорѣти,
Одъ Мораче до мора сланога,
А тебе ћу жива уфатити,
На муке ти животъ извадити.“
А кад' нѣму танка кньига дође,
И кад' видѣ што му кньига пише,
Грозне су га сузе пропануле,
Па є млого кньигахъ пописаіо
По свой своіой Ломной горы црной,
И окупи одъ землѣ главаре,
Међу ньима кньигу проучіо;
Свакогасе збора заједоше,
Неко вели да му харачъ дамо,
Неко вели да му ками дамо,
Рече соко Мићуновићъ Вуко:
„Дате харачъ брaћо Црногорцы,
Я недаемъ Дражка и Вукоту,
И сокола Вука Мандушића,
Нако съ моіомъ на рамена главомъ!“
Проговори владыка Даннилe:
„А да є ли добра Црногорца,
Ко ће поћи да уходи Турке?“
Проговори Мићуновићъ Вуко:
„Знамъ владыко и два Црногорца!
Ђурашковићъ Янка и Богдана.“
На ихъ пита владыка Даннилe:
„О ли поћи Янко и Богдане,
Да уходит' Серхатлину войску?“
Проговори Янко и Богдане:
„Поћићемо владыко Даннилe!
Него дай ни и трећега друга,
Големога Расланчевић' Вука,...
Е є быо землъомъ Арбаніомъ,
И Турскій є єзыкъ научіо.“
Даде ньима Раслабчевићъ Вука,
Отидоше тры добры юнака,
А узеше до тры џевердана,
Отидоше низъ полѣ Цетинѣ,
Низъ Границу Ріечкомъ нахіомъ,
Улѣгоше нахіи Лѣшанской
А ка доше у Горнѣ-кокоте
Ту ихъ біо данакъ оставіо,
А тавна игъ ноћца прифатила,
Ту помало хлеба заложише,
А отоше низъ Горнѣ-кокоте
На Ситницу воду прегазише,
А Морачу брзу преплоише,
Улѣгоше Зетти земльи равной,
А кад' паши у тамборе доше,
Колико є драге ноћи было,
Сву ноћъ иду паши прозъ тамборе,
Пита Турски Разслабчевићъ Вуко:
„Колико є войске Сехратлине?“
Ко знаваше казат' неоћаше,
А ко ћаше за войску незнаше,

Докле дође цару до чауша,
Пыташе га Разслабчевићъ Вуко:
,,Колко има Сехратлія войске?“
Кажуе му царевый чауше:
,,Има млого войске Сехратлія!
Сто хилядахъ и седамъ стотинахъ,
А сувише Зетта земля равна,
И сва Брда до біела Нійша
Поселице нахіе Лѣшанске,
И то све ће ломной горы црной.“
Казеваше Разслабчевићъ Вуко:
Кажеваше Янку и Богдану,
Кол'ко има войске Сехратлія:
,,Но хайдете на полѣ Цетинѣ,
Ак' нађете на скупъ Црногорце,
Све кажите ньима и владики,
Те на трое діелите войску,
Чекайте ме на воду Лахиню,
Е ћу остат' у тамборе Туркомъ,
Да я будемъ войсцы калаузе,
Да доведемъ прео Синьца Турке,
Прео Синьца, и прео Криньицахъ,
Краемъ Враня ка' ће исподъ Хрида
А вы глайте ту ихъ дочекайте,
И за мене бригу неимайте.“
Отидоше два Юрашковића,
Каде доше на равно Цетинѣ,
Ту нађоше на скупъ Црногорце,
Колико имъ тврдо мило было,
Опалише до два цевердара;
Одонуда попе Жутковићу
Са соколомъ Мићуновићъ Вукомъ,
Єдніемсе огрнуше ћуркомъ,
Да ихъ лѣтнѣ неупече сунце,
И сретоше два Ђурашковића,
За бѣлесе доватише руке,
Па га Вуче и за войску пита,
Кажуе му Ђурашковићъ Янко:
,,Млого има Серашћиле войске!
Сто хилядахъ и седамъ стотинахъ,
И сувише Зетта земля равна,
И сва Брда до біела Нійша,
Поселица нахія Лѣшанска,
Е то све ће ломной горы црной;
И тако ми Бога побратиме,
Да бысмосе соли прометнули,
Небысмо имъ ручакъ осолили.“
Говори му Мићуновићъ Вуко:
,,Немой тако у владыке казат'!“
Каде оны предъ владыку доше,
Владыцы су приступили руцы,
Любе нѣму руку и колѣно,
Па ихъ пита за войску владыка,
Кажуе му Ђурашковићъ Янко:
,,Млого има Сехратлія войске!
Да бысмосе солю прометнули,
Небысмо имъ ручакъ осолили,
Негосе є войска поболѣла,
Поболѣла одъ далека пута,
Ромы коньи, а юнацы боны,
Да ми имат' стотину юнакахъ,
Ка' сокола Мићуновић' Вука,
На сред' быхъ му Зетте ударіо,
На средъ Зетте, а по средъ ордіе,
Нашъ мейданъ бы акобогда быо!“
Пыташе га владыка Данниле:
,,А за Бога два Ђурашковића!
Камо ви є Разслабчевићъ Вуко?“
Нѣму зборе два Ђурашковића:
,,Онъ є оста паши у тамбора,
Да доведе прео Синьца Турке,
Но владыко купи Црногорце,
И на трое да ихъ діелимо.“
Войску дійли владыка Данниле,
Даде єдну Мићуновићъ Вуку,
И посла га у Враню планину;
Другу даде Ђурашковићъ Янку,
Посла нѣга на воду Влахиню,
А предъ трећомъ самъ Ладыка пође,
Примачесе ньима обоицы.
Силасе є Турска подигнула,
А предъ ньима Вуче калаузи,
Па кад' Вуче исподъ Враня дође,
Онъ запоя што му грло дае:
,,О соколе, кои 'си у Враня!
Неударай войсцы найпрвойзи,
Е ћешъ удрит' на огню живоме,
И неудри ни найзадньой войсцы,
Е 'су у ню крвавіи Спужаны!“
Оно зачу Ага Зечевића,
Хоћаше му добру посѣћ' главу,
Но Вучесе посѣћ' недаваше:

„Мак'се Туре Богъ да те убіе!
Овака є плѢсма изведена!"
А кад' войски на сріеду было,
Ударіо Мићуновић Вуко,
А покличе владыку Даннила,
Па удари владыка Даннилє,
И покличе Ђурашковић' Янка,
Удари имъ и Ђурашковъ Янко,
Ну да тисе нагледати побре,
Како Србске саблѢ сіевау,
А душманске главе зіеваху;
А срете ихъ дрвлѢ и каменѢ,
Неутече одъ ньихъ ни камена,
Тосе мѢсто царев-лазъ назвало,
И поданасъ вазда́ћесе звати,
Па тко воли, нек'се Богу моли,
Да подржи младе Црногорце
У любави и вазда́шньой слави.

100.

Пропастъ Кладуше.
(Од' истога Ћепана Ломпара.)

Четасе є мала подигнула
Одъ Кладуше одъ града біела,
За ньоме є Будалина Тале,
А за Таломъ Осман-барјактаре
Сви за ньима Турцы Кладушаны;
Отидоше узъ Голію пусту,
А кад' доше у Кунара врха,
Те одонле поше на яришта,
На помеђу врага и ђавола,
Међу Лійкомъ и међу Котаремъ,
Међу Сеньомъ и међу Кладушомъ,
На ђаволѢ старо поигриште,
И циновско давно хрвалиште;
Онђе 'ноћу были ноћевали,
А у ютру рано поранили,
И коньима зобы натакнули,
Зобъ нехоће Доратъ барјактара,
Хиштомъ хишти а копитомъ біе,
Оде Турчинъ да Мустафи каже:
„О Мустафа брате порођенный!
Я 'самъ чуо ђе кажую люђи,
Кад' другъ позна хрђава бѢлега,
Срамотасе ніе поврнути."
Пак'самъ іоште чуданъ санъ видіо,
БѢше ни се просѢла Кладуша,
На хамбисъ се Турцы надзираху,
А Доро ми зобат' неоћаше,
Него я быхъ дасе разбіемо,
Ере ћемо погубит' дружину."
Ма рече му Хрня Мустафаго:
О Османе горій одъ ђевойке!
Одкад' сисе другомъ ожеіо,
Одъ тебе ми никад' файде ніе,
Но пояши Дора дебелога,
Па ты хайде у градъ у Кладушу,
Те код' Фате лежи у постелю,
А пестраши мое Кладушане."
Туресе є напучило тврдо,
Пояхало Дера дебелога,
Узе барякъ а дружину крену,
Па куняше себе и Дорійна,
Да отуда недонесе главе,
Ни съ єдніемъ одъ дружине другомъ,
А Хрня му преброи дружину,
И наброи петстотинахъ другахъ,
Іошъ своему брату бесѢдіо:
„Хайд' Османе брате порођенный!
Небуди ми войски торбоноша,
Но ми буди войски харамбаша!"
На одвои іошъ трыстотин' другахъ,
Те ихъ даде Будалини Талу,
А самъ узе двіесто юнакахъ,
Свакій оде куда кои знаде,
Оде Хрня къ Сеню біеломе,
Тек' стадоше тры біели данка,
Богъ ме Хрле дође исподъ Сенья,
Недоведе никаква шићара,
Него бѢше погубіо друштво,
Недоведе, седам-осамъ другахъ,
Пакс' обазре низъ Кунаръ планину,
Ато иде Тале Будалина,
И онъ бѢше погубіо друштво,
Ма га Хрле пита за Османа,
А вели му Будалина Тале:
„Я ти нежнамъ за Османа гласа,
Но када бѢхъ низъ Кунаръ планину,
Тутань сташе одъ силе пушакахъ,

Одъ пушакахъ и одъ лубарадахъ,
Тамо управъ изнад' мора слана,
Быће веля мука на Османа."
Проговори Хрле Мустафага:
„Є ли майка родила юнака!?
Ко ће поћи у Сушницу пусту,
Небы л' чуо за Османа гласа?"
Ко чуяше чутсе нечиняше,
Ко гледаше, гла у землю црну,
Препадесе и одъ боя вруђа,
Узе Хрле лахка џефердара,
Самъ отиде у Сушицу пусту,
Онди срете Гушу баряктара,
Раннѣнъ юнакъ на коня раннѣна,
Носи дешну у лѣеву руку,
И лѣеву прео коня ногу,
Па га Муіо за Османа пита:
„Кажи мени за Османа гласа?
„Неймамъ ништа до зла казат' пута,
Ка' своега и Османовога,
Да нѣесте презлосретныи были,
Бы ве десетъ ал' петнаесъ было,
Да сретете мене и Османа;
Но удрисмо на Иноку граду,
Изгорѣсмо огнѣмъ свеколико,
И узесмо силновито благо,
И за нашу и за вашу дружбу,
Кад' дођосмо горѣ при планини,
Онде мало Турцы починусмо;
Ко зло тражи вазда ће га наћи,
Ту говори Османъ баряктаре:
„„Хайте дружбо іоште да удримо,
На Ингалу поред' мора слана!"""
Разбіясмо разбит'се недаде,
Узе барякъ а дружину крену,
Ударисмо на Ингалу Муіо
Похарасмо дворе Гавранове,
Посѣкосмо Гавранъ баряктара,
Узеосамъ двіе пушке златне,
И заробихъ Гавранову любу,
Я изметнухъ пушке Гавранове,
Ма злосретне пушке гласовите,
Те кауры пушке разумѣше,
Претекоше напред' у планину,
Мы кренусмо дома да идемо,
Но на єданъ богазъ наврієсмо,
Стаде, Муіо, пуцань одъ пушакахъ
И стотину онде остависмо;
Па на другій богазъ навріесмо,
И ту стаде тутань одъ пушакахъ,
Полу друштва и ту остависмо,
Па на трећій богазъ навріесмо,
Али су насъ претекли кауры,
Ту донесли бумбе и лубарде,
Ту ста ґрмѣт' бумба и лубарда,
Бомбе сташе быти Турке наше,
Тусе Богъ ме, Муіо, смієшасмо;
И сад' гласъ ти одъ Османа кажемъ,
Вргохъ очи єдномъ на Османа,
Ал'се пушкомъ одъ образа брани,
Вргохъ другомъ очи на Османа,
Ал'се сабіомъ одъ бедрице брани,
Вргохъ очи трећомъ на Османа,
Ал' му єданъ Влахъ окида главу,
Другій яше Дора дебелога,
Треће носи двіе пушке мале,
Што су пріе быле Гавранове,
И да знадешъ Хрле Мустафага!
Одъ пестотин' Турак' кладушкіе
Жива нећешъ виђет' ђаволѣга,
Него мене єдног' и раннѣна,
И мене 'си видіо залуду,
Ев' изъ мене садће испаст' душа;
Но поведи моега ђогійна,
Поведи га моіой старой майцы,
Да га глаа майка мѣсто сына."
Тек' му рече, тек' испусти душу,
И зла срећа опусти Кладушу,
Како тада, тако было вазда
Са Турцима кресту крвницима,
А мы дружбо здраво и радосно,
Винце пили, тесе веселили! —.

101.

Капетанъ Якша.

(Одъ попа Андріе Драговића изъ Горнѣ Мораче.)

Кньигу пише Якша капетане
Одъ онога Билиграда стойна,

А шалѢ є на Травникъ везиру:
,,Ахъ чу ли ме ђуприлійћ' везире!
Е 'самъ чуо ђе казую люди,
Е ты имашъ сестрицу Хайкуну,
Дай ты мене Хайкуну ђевойку,
Я се хоћу оженити ньоме;
Ако л' ми є дат' ліепо нећешъ,
Даћешъ ми є силомъ на срамоту,
Я 'ћу тешке рати заметнути,
Заратићу цара и ћесара,
И остало седамъ кралѢвинахъ,
Я 'ћу силну войску покупити,
И на Босну тебе ударити,
Сломићу ти по Босни градове,
Докъ доћерамъ тебе до Травника,
Радићу те уфатити жива,
На срамоту Хайкуну узети.“
Кад' езиру гласъ и кньига дође,
Ону гледа друге ситне пише,
Разтура ихъ по Босни поносной
На велике Аге и Бегове:
,,Да 'сте брже къ мене на дивана!“
Сву господу Везиръ окупіо,
На дивану кньигу проучіо,
Пакъ Турцима везиръ проговара:
,,Видите ли моя браћо Турцы!?
Што нам' силанъ каурине пише,
Яли ћемо рати заметнути,
Яли Хайку дати у кауре.“
Ту віећу Турцы віећали,
Одъ неђелѢ опет' до неђелѢ,
И віећу Турцы свіећали,
Да недаду Хайку у кауре,
Оны ситну кньигу направише:
,,Каурине Якша капетане!
Недамо ти Хайкуну ђевойку,
Чини морре што є тебе драго!“
Кад' то зачу Хайкуна ђевойка,
На се тури одіело дивно,
Пакъ исшета предъ господу Турке,
На Турцима селамъ турски дава,
Турцы су іой селамъ приватили,
Хайкуна имъ ріечъ проговара:
,,Фала вама моя Браћо Турцы!
Ђе вы брата неиздасте мога,
Ал' невала на вашой виећи!
Да што ћете рата заметати,
Браћо, око єдне женске главе?
Но пишите листъ кньиге біеле,
Нека Якша сакупи сватове,
Я 'ћу Якшу узет' капетана;
Кунемъ ви се моя браћо Турцы,
Како дођемъ Біограду стойну,
Я ћу Якшу убит' капетана,
Башъ да ће ме у Дунавъ турити,
Я л' размакнут' коньма на репове!“
А кад' Турцы ріечъ разумѢше,
Сви Хайкуни дивно зафалише,
Одоше є Турцы даровати,
Неко хата, неко и тры коня,
Неко вола неко и четиры,
Бегъ Любовићъ педесетъ воловахъ,
Бегъ Видаићъ педесетъ воловахъ,
На Бегъ Шанићъ тридесетъ воловахъ,
И Бегзадићъ петнаесъ воловахъ,
,,То ти дара мила сестро наша!
Што ћешъ свое свате даровати.“
На отоле кньигу оправише,
Оправише Якши капетану:
,,Свате купи хайде за ђевойку!“
А кад' Якши гласъ и кньига дође,
Онда Якша кньигу ситну пише,
Оправи є Бечу біеломе,
Побратиму Марку капетану:
,,Побратиме Марко капетане!
Сватахъ скупи двадесетъ хилядахъ,
Доведи ми Београду стойну,
Да идемо Босни по ђевойку,
И понеси ашлукъ сватовима,
Докъ одемо и опетъ дођемо.“
На другу є кньигу оправіо,
Оправіо шехеръ Дмитровицы,
Своме зету Петру Шеремету:
,,Чуешъ зете Шереметовићу!
Сватахъ купи двадесетъ хилядахъ,
Доведи ихъ Београду стойну,
Да идемо Босни по ђевойку,
И понеси ашлукъ сватовима,
Докъ одемо и опет дођемо.“
Іошъ є кньигахъ тридесть оправіо,
На тридесетъ свое побратимахъ,
Побратимахъ тридесть капетанахъ;

,,Свакій купи по хиляду сватахъ,
Доведте ми Београду стойну,
А понесте хацлукъ сватовима,
Да идемо Босни по ђевойку,
Докъ одемо и опетъ дођемо,“
По томъ мало време постаяло,
Докъ ево ти Марка капетана,
Води Марко двадестъ хиляд' сватахъ,
Теке Марко бѣше починуо,
Ал' ево ти Шереметовића,
И онъ води двaестъ хиляд' сватахъ,
Теке Петаръ бѣше починуо,
Ал' ево ти тридестъ капетанахъ,
Свакій води по хиляду сватахъ,
Јошъ ихъ Якша бѣше покупіо;
Сватовисе на брой udарише,
Набрoисе сватахъ сто хилядахъ,
Сви сватови за софру сѣднули,
А несѣда Якша капетане,
Вет' изиде на Небойшу кулу,
Те узъ пенџеръ плећи прислоніо,
А довати дивитъ и артію,
На колѣну ситну кньигу пише,
На мензила кньигу оправіо,
Оправіо ка Єдру Србскоме
Побратиму кнезу Милутину:
,,Побратиме кнеже Милутине!
Готови ми конакъ сватовима,
Опремайсе мене у сватове,
И покупи хиляду сватовахъ.“
Отолесе свати подигоше,
А кад' быше ка Єдру Србскоме,
У врлога кнеза Милутина,
Ліепо ихъ кнеже дочекао,
Дочекао и конакъ имъ дао,
Па у ютру у сватове пође,
И поведе хиляду сватовахъ;
Отолесе сваты подигнуше,
Па све конакъ до конака граде,
Свакій свою хашлучи дружину,
Кад'су полю Сараевском' были,
Ту редъ Якшу капетана дође,
Да онъ конакъ сватовима дава;
Ишћерао хиляду воловахъ,
Петъ хилядахъ Бачкіехъ овновахъ,
Неможе ихъ полу да подмири,
Тесе Якша узмучіо люто,
Ал'се опетъ добро домысліо,
На колѣно ситну кньигу пише,
Оправи ѥ шехеръ Сараеву,
Пашеногу Марићъ Алайбегу:
,,Пашеноже ако будешъ суђенъ!
Ево конакъ сватовима давамъ,
Немогу ихъ полу да намиримъ,
Ишћерай ми хиляду воловахъ,
И хиляду маліехъ овновахъ.“
Кад' Турчину ситна кньига дође,
Оћера му хиляду воловахъ,
Узъ волове хиляду овновахъ,
Ту сватови ноћцу преноћише,
А у ютру рано подранише,
Кад' су были на Травникъ везиру
Ту сватови ноћцу преноћише,
Кад' у ютру бео данакъ дође,
Ярко имъ є огріяло сунце,
Чауш' вичу, добулхане ричу
,,Хазурола Якшины сватовы!
Вріеме є данасъ устаяти.“
Дасе коме стати нагледати,
Кад' трнуло сватахъ сто хилядахъ,
Стои вриска хатахъ и парипахъ,
Стои клепетъ свіетла оружя,
Немогусе одъ стра погледати;
Отидоше свате даровати,
Неком' коня, некоме сокола,
Неком' яглукъ а неком' ябуку,
Якши даше коня и ђевойку,
И поредъ нѣ седамъ сеисанахъ....
Отолесе свати подигоше,
И на добре конѣ усѣдоше,
И ђевойка на коня усѣде,
Пакъ извади дивитъ и артію,
На колѣну ситну кньигу пише,
На мензила кньигу оправила,
Оправи ѥ шехеръ Сараеву,
На трговце и на базрђане,
На крчмаре и на єкмеџіє:
,,Изнесте ми конакъ сватовима
У широко полѣ Сараевско,
Ако конакъ изніет' нећете,
Я ћу пуштит' сватахъ сто хилядахъ
Сараево хоћу разурити.“

Отоле су свати окренули,
А кад' полю Сараевском' были,
Базрђаны конакъ изнiели,
Ту сватови ноћцу преноћили;
Кад' у ютру данакъ освануо,
Отолесе сваты подигоше,
А ђевойка на коня усѣде,
Па госпоску ћесу извадила,
Те имъ таинъ дивно домируе;
Отолесу свати окренули,
Па све конакъ до конака граде,
Свакій свою хашлучи дружину,
Докъ доћоше Бiограду стойну,
Кодъ Небойше кодъ Якшића куле,
Свадбоваше за нећелю данахъ,
Свадбоваше пакее разметнуше,
Само оста тридестъ капетанахъ,
Якшинiехъ тридестъ побратимахъ,
Проговара Якша капетане:
,,Побратиме капетане Марко!
Айде побро на Небойшу кулу,
До ђевойке у шикли-одаю,
Проговори Марко побратиме,
Оће лисе данасъ превѣрити,
Е ћемосе данасъ привѣнчават'."
Оде Марко на Небойшу кулу,
А кад' бьо у шикли-одаю,
Ту ђевойка сѣди на душеку,
На душеку ноге прекрстила,
Па ђевойка тутунъ запалила;
А да видишъ лiепе ђевойке!
Нећедесе пред' ньимъ подигнути,
До ньой Марко съ ногу проговара:
,,Чуешъ ли ме лiепа ђевойко!
Капетанъ ме къ тебе оправiо,
Хоћешъ лисе данасъ превѣрити?"
Ђевойка га погледала ружно,
Ружнiю му рiечъ проговара:
,,Сиктеръ мене изъ одае ђидо!
А нек' Якша у одаю доће!"
Оде Марко низъ бiелу кулу,
Све кажуе Якши капетану,
Скочи Якша на ноге лагахне,
Пакъ отиде на Небойшу кулу,
Кад' є бьо у шикли-Одаю,
Ал' ђевойка сѣди на душеку,
На душеку ноге прекрстила,
Па ђевойка тутунъ запалила,
А кад' виће господара свога,
Предъ ньимс є на ноге скочила;
Сѣде Якша на душека мехка,
Па ђевойцы рiечъ проговара:
,,Чуешъ мене Туркиня дѣвойко!
Оћешъ ли се данасъ превѣрити,
И частнiемъ крстомъ прекрстити,
За менесе данасъ привѣнчати?"
Ђевойка му рiечъ проговара:
,,Нећу тисе данасъ превѣрити,
Докъ потурски хадетъ неучинишъ,
Да распучимъ пуца подъ грроцемъ,
А расковчамъ ковче на рукаве,
А извадимъ двiе пушке мале,
И распашемъ мукадемъ пояса,
Таде ћусе тебе превѣрити!"
Опетъ Якша рiечъ проговара:
,,А ты делла лiепа ђевойко!"
Савiясе Туркиня ђевойка,
Распучи му пуца подъ грроцемъ,
А раскопча ковче на рукаве,
Извади му двiе пушке мале,
За собомъ игъ обѣ запиняла,
Пакъ у Якшу обѣ оборила,
Обѣ су га пушке погодиле,
Якша ћкну сва му кула звекну,
А зачу га тридестъ капетанахъ,
Потекоше на Небойшу кулу,
Ал' одая крвцомъ подаплила,
А у крви Якша капетане;
Привата га Марко побратиме:
Побратиме проговори мене!
Да што ћемо радит' од' ђевойке?
Ал' ћемо ѥ у Дунавъ турити,
Ал' размакнут' коньма на репове?"
Яданъ Якша силомъ проговара:
Немойте ми мучити ђевойку!
Но ђевойку заклопите тврдо,
Добавите Лазара возара,
Нек'се вози право низъ Дунаво,
Нека иде Бечу бiеломе,
Да доведе одъ Беча хећима,
Хећимбашу Марка побратима!"
Ту ђевойку тврдо заклопише,

Добавише Лазара возара,
Одвезсе низъ воду Дунаво,
Те доведе одъ Беча хећиме,
Видаю га данахъ тры године;
Кадсе Якша пасомъ опасао,
Одъ одае врата отворіо,
Па ђевойцы ріечъ проговара:
,,О ђевойка Богъ те неубіо!
Што си шћела то си учинила,
Оћешлисе данасъ превѣрити?"
Ђевойка му ріечъ проговара:
,,Богъ ме тисе превѣрити нећу!
Докъ ми недашъ одъ ризнице ключе,
Да я виђу имашъ доста блага."
Даде Якша одъ ризнице ключе,
Одъ ризнице врата отворила,
А кад' виђе на купове благо,
Таде Якши ріечъ проговара:
,,Имашъ доста у ризницы блага!
Ама тисе превѣрити нећу,
Докъ оправишъ Лазара возара,
Дасе вози Дриномъ водомъ хладномъ
Да покупи по Дрини майсторе,
Нек' покупи трыстотин' майсторахъ,
А предъ ньима Марка Неимара,
Е ћу єдну оградити цркву;
Кад' ліепо цркву савршимо,
У ньойћусе тебе превѣрити,
И часніемъ крстомъ прекрстити,
И у цркви за те привѣнчати."
То кад' зачу Якша капетане,
Онъ Лазара оправи возара,
Те покупи по Дрини Майсторе,
Тры стотине доведе майсторахъ,
А предъ ньима Марка Неимара,
И ту цркви темель поставише,
Градише є тры године данахъ;
Кад' ліепо цркву савршили,
Проговара ліепа ђевойка:
,,Ясе нисад' превѣрити нећу!
Докъ доведешъ триста свештеникахъ,
А предъ ньима тры владыке младе,
Да ліепу освештаю цркву,
Тадећусе тебе превѣрити."
Якша скупи триста свештеникахъ,
И предъ ньима младе тры владыке,
Те ліепо цркву освештали,
И ђевойку у ньой покрстили,
Ліепо іой име нађенули,
Цркви Ружа, ђевойцы Ружица,
За Якшу є таде привѣнчаше,
Изидоше изъ біеле цркве,
Тада рече Якшина Ружица:
Станте мало мене послушайте!
Е ћу рећи двіе тры ріечи,
А вессъ народъ, аминъ учините:
А да Богъ да и Богородица!
Ову мою пребіелу цркву,
Да є Турска неотвори рука,
Неотвори до страшнога суда!"
Мало по тимъ вриме постануло,
Якша шњ ньоме породъ породіо,
Біеснога Дмитра и Шћепана,
Тако было, кадсе учинило —.

102.

Чета Морачка.

(Одъ истога попа Андріе изъ Дойнѣ Мораче.)

Маласе є чета подигнула,
Одъ Мораче тврде Качанице,
Мала чета тры четиры друга,
Предъ четомъ є воевода Пеіо,
А за Пеіомъ Бойя харамбаша,
А за Бойомъ Рашко Баряктаре,
А за Рашкомъ Хрньковићъ Тодоре,
За Тодоромъ Томићу Илія;
Оде чета на Яворѣ равно,
Кад' є чета на Яворѣ была,
Ту є чета трудна починула,
Проговара воевода Пеіо:
,,А Бога ти Бойя харамбаша!?
Куда ћемо четомъ окренути?"
Рече нѣму Бойя харамбаша:
,,Да идемо у Вашково равно,
У Вашково или Колашину."
Рече нѣму воевода Пеіо:
,,Я ти Боя у Вашково нећу!
Ни Вашкову нићу Колашину,

Но айдемо у ПриморѢ равно,
Къ Латинскоме граду Дубровнику,
Небы л' смо ли задобили блага.“
Отоленъ є чета окренула,
И Никшиће пріеђоше равне,
На Рудине чета прелазила,
Докъ сидоше у ПриморѢ жупно,
У Приморю развалише кулу,
А изъ куле благо покупише,
И' отидоше покрай мора синя,
Докъ дођоше предъ Котора града;
Пію ладно предъ Которомъ вино,
Служи вино Ката крчмарица,
А све гледа Рашка барякшара;
Проговара воевода Пеіо:
„А Бога ти крчмарице Като!?
Што све гледашъ Рашка барякшара?“
А рече му крчмарица млада:
„О Бога ти воевода Пеіо!
Єси л' Рашка оженіо твога?“
Рече ньойзи воевода Пеіо;
„Я ніесамъ Рашка оженіо,
Да те просимъ бы ли га узела?“
Насміясе млада крчмарица;
„А за Бога воевода Пеіо!?
Да кога бығъ, каде Рашка небығъ?“
Метну Пеіо у цепове руке,
Даде ньойзи прстенъ и ябуку:
„Чекай мене по годинe данахъ,
Докъ доведемъ кићене сватове.“
Бира Ката по Котору вино,
Кад' пођоше Морачкіи хайдуцы,
Изнесе имъ млада крчмарица,
Да предъ собомъ шалю у Морачу:
Даде ньима благо неброено,
И даде имъ чоху некроену,
А даде имъ платно немѢрено,
Вет' даде имъ єдну пушку танку,
Танка пушка зелена Латинка,
Была пушка нѢна господара,
Што є скоро пуста остануда,
Поклони є̑ заручнику своме;
Отидоше Морачкіи хайдуцы,
Ката чека за годину данахъ,
А кад' виђе да сватовахъ нейма,
Она кньигу ситну опремила:
„Камо вѢра, камоли сватовы?
Ако ћешъ ме Пеіо преварити,
Дай ты мое благо неброено!
Камо л' Пеіо чоа некроена?
Камо мое платно немѢрено,
Камо пушка зелена Латинка?
Пеіо кньигу Кати одписуе:
„Удаисе Като крчмарице!
Я самъ Като Рашка оженіо,
Даосамъ му сестру за любовцу;
А што иштешъ благо неброено,
Неда благо Бойя харамбаша,
И делія Хрньковићъ Тодоре;
А што иштешъ чоху некроену,
Неда чоху Томићу Илія,
Платна доста има у Котору,
А я ово хоћу раздріети;
А што иштешъ зелену Латинку,
Ты є̑ Рашку єси поклонила,
Неишти є̑, а несрамотисе!?“
На томесе и мѢсецъ міеньо —.

103.

Смртъ Міята.

(Одъ Станка Побора съ Добрског'-села у Црнойгоры.)

Подижесе хайдуче Міяте,
Подижесе юнакъ у планину,
Съ собомъ води тридесетъ айдукахъ,
РоблѢ роби а сіече Турке;
Тосе чудо надалеко чуло
У силнога у Отмановића,
Теларъ чини Отмановићъ царе,
Теларъ чини по дивану своме:
„Єли майка родила юнака?
Ал' мушкіемъ опасала пасомъ?
Ко ће поћи тамо у планину,
Да уфати айдука Міята,
Датћу нѢму тры товара блага,
И сувише тры біела града.“
Ко чуяше чутсе нечуяше,
Ко гледаше очи обраћаше
Одъ велика страха Міятова,

Масе добаръ юнакъ нагоняше,
По имену харапъ капетане,
И такосе Арапъ зафаліо,
Да ћ' айдука уфатити жива,
Ал' одъ нѣга доніети главу;
Царъ му даде тры товара блага,
И сувише тры града біела,
Якше Харапъ ђога дебелога,
Паше Харапъ саблѣ димишкинѣ,
А на раме быстра џевердара,
За хайдукомъ прозъ планину пође,
Кога гођекъ путомъ сріеташе,
Онъ свакога за Міята пита,
Нитко нѣму казат' несміяше,
Одъ велика страха Міятова;
Кадекъ дође на брегъ Косовога,
Сріеташе єднога юнака,
Ђе гоняше вина два товара,
Одъ Бога му добра ютра зваше,
По имену Поповићъ Иліи:
,,Богъ ти дао Арапъ капетане!"
,,О тако ти Поповићъ Илія!
Већъ како си садакъ одъ планине,
Да невиђе айдука Міята,
И съ Міятомъ тридесетъ айдукахъ?"
Илія му право кажеваше:
,,Я видиехъ айдука Міята!
И съ Міятомъ тридесетъ айдукахъ."
Ма му вели Харапъ капетане:
,,Коя ти є на дворе гозбія,
Ал' веселѣ, али жалостъ тешка,
Тере гонишъ два товара вина?"
,,Ніе мене на дворе жалости,
Но є мене на дворе веселѣ,
У мене ће довече хайдуче,
У мене ће довече на кумство,
Да ми крсти мушко чедо младо."
Ма му вели Харапъ капетане:
,,О за Бога Поповићъ Илія!
Издай мене хайдука Міята,
Да хайдука я уфатимъ жива,
Ал' одъ нѣга одсіечемъ главу,
Ево тебе блага тры товара."
На благосе юнакъ слакоміо,
Те издаде онъ своега кума,
У данъ му є Арапъ запануо,
У біелу кулу Поповића,
Чекаше га ноћи неколико,
Кадекъ бѣше около поноћи,
Стаде звизга коня Міятова,
Стаде звека сребро на Міята,
Ма є кума нѣму излазила,
Палаштито да Міяту каже,
Е заисто погинути хоће.
У то дође Поповићъ Илія,
Па му несмѣ млада кажевати,
Онъ Міята за руке прифата,
Одведе га у біелу кулу,
Ево Міятъ за трпезомъ пође;
Кадекъ бѣху у найвише пійће,
А говори айдуче Міяте:
,,О тако ти мила кумо наша!
Што си кумо сѣтна невесела,
Ал' си лоша добавила кума?
Али тисе чедо поболѣло?
Алсе боишъ е ми дара неймашъ?
Алсе боишъ дароват' те нећу?"
Она нѣму млада одговора:
,,Я ніесамъ сѣтна невесела,
Што неимамъ я болѣга кума,
Нити мисе чедо поболѣло,
Нисе боимъ е ти дара неймамъ,
Нисе боимъ дароват' ме нећешъ —.'
Па му стаде ногомъ на пашмаге,
Сувише му окомъ намагнула,
Алсе юнакъ ништа несталяше,
Е заисто погинут' оћаше,
Ево юнакъ у камаре пође,
У камары да борави санка,
И къ нѣму є кума улазила,
Навлаштито да му млада каже,
И утрну воштанъ дубліера,
Уто дође Поповићъ Илія,
Удари є рукомъ по образу,
И ужиже воштанъ дубліера;
Кад' Илія плећи обрнуо,
Ужди пушку Арапъ капетане,
И удари Міята хайдука,
На зло га є мѣсто ударіо,
Међу токе на плећи юначке,
Паде Міятъ низъ душеку меку,
Заиграсе Арапъ капетане,

Одъ Міята одасѣче главу,
И меѣе є коню у бисаке,
И узима саблю Міятову,
Міятова быстра џевердара,
И узимлѣ токе са Міята,
Міятова ђога дебелога,
Ево пође нотно прозъ планину,
Ал' га біо данакъ сусретао,
Гледаю га тридесетъ айдукахъ,
А бесѣди младый Маріяне:
,,О хайдуцы моя браћо драга!
Ето коньицъ уяка моєга,
Е ма ніе нѣга на коньицу,
Него пођохъ горе краємъ пута.“
Па западе друму на средъ пута,
Каде сила Харапъ наступіо,
Ужди пушку младый Маріяне,
И удари на коня Харапа,
По средъ чела меѣу очи црне,
А завика младый Маріяне:
Ай на ноге браћо и дружино!“
По скочише тридесетъ айдукахъ,
Веѣ' Иліи на дворове доше,
А говори младый Маріяне:
,,О тако ти Поповићъ Илія!?
Є ли мене уякъ долазіо
У твоему двору біеломе?“
,,Оћенъ ти є уякъ долазіо,
Ма є нотно проша прозъ планину.“
Улѣгоше тридесетъ айдукахъ,
Улѣгоше у кули біелой,
И нађоше мртвога Міята,
Довати га младый Маріяне,
Довати га на плеѣи юначке,
Изнесе га предъ куломъ біеломъ:
Улѣгоше тридесетъ хайдукахъ,
Улѣгоше у кили біелой,
Уватише Поповићъ Илію,
Сломише му ноге у колѣна,
А биеле руке у рамена,
И здраве му зубе извадише,
На спицу му очи ископаше,
Узеше му благо свеколико,
И кулу му огнѣмъ опалише,
Іошъ све село огнѣмъ изгорѣше,
Поніеше мртвога Міята,
Поніеше полю Петровоме,
И ту су га дивно укопали,
На главу му цркву оградише.

104.

Смртъ Змай-Огняна Вука.
(Одъ Крста Бѣлоша у Црнойгоры.)

Вино піе змай огнянинъ Вуче,
А са свсіомъ невѣрномъ любовцомъ,
Пію вино разговараюсе,
Кадсе ладна понапише вина,
Ал' любовца Вуку бесѣдила:
,,О тако ти Вуче господаре!
Дас' шалимо дасе несрчимо,
Е те имамъ нешто питат' Вуче,
Што те зову Вуче копиляне?“
А Вукъ ньойзи право каживаше:
,,Кад' ме питашъ валя да ти кажемъ,
Кад' мисе є бабо преставіо,
Я 'самъ оста' майцы подъ поясомъ,
То ме зову Вуче копиляне;
По я имамъ нешто тебе питат',
Што те зову Подунайска курво,
Те те любе сви Якшиѣи редомъ,
А найвише Яшиѣу Шѣепане?“
Па опасе люто наиеди,
И утече у свою камару,
Па довати дивитъ и артію,
Те написа листъ кньиге біеле,
А шилѣ є Яшиђу Шѣепану,
Овако му кньига изговара:
,,Чуй ме добро Яшиѣу Шѣепане!
Будъ ли си ми облюбіо лице,
А што си се Вуку пофаліо,
Те ме съ тіемъ Вуко укоріо,
А вѣру є Вуче уватіо,
Ђе т' увати изгубит' те хоѣе,“
Кад' Шѣепану ситна кньига дође,
И кад' виђе што му она пише,
Па є другу перомъ накитіо,
А шилѣ є змай-огнянин' Вуку:
,,Чуешъ ли ме змай-огнянный Вуче!
Бѣсмо єдномъ на Дунав' на воду,

Бѣсмо єдномъ тридесетъ Яшиħахъ,
Отуд' дође твоя вѣрна люба,
Свакоега редомъ затицаше,
Кои ħе іой облюбити лице;
Ненађесе голема юнака,
Башъ до мене Яшиħа Шħепана,
И я 'самъ іой облюбіо лице."
А кад' Вука кньига допанула,
За то Вуче ни хобера нейма,
Но га друга кньига допанула,
Одъ Турчина Ђерзелезъ Аліе,
Алія є Вуку бесѣдіо:
,,Чуешъ ли ме Змай-Огнянин' Вуче!
Я 'самъ чуо ђе ми кажу љуђи,
Да си добаръ юнакъ на краину,
Ма ни мене нехули краина,
Но ако си юнакъ одъ поштеня,
Позиванъ те на мегданъ юначкій,
О тры мѣста ђе є тебе драго;
Ал' ти драго на вуча корита,
Ал' ти драго на овча солила,
Ал' ти драго у Иванъ планину,
Ма хайдемо у Иванъ планине,
Ђе су паша стара мегданишта."
Кад' є Вуко кньигу разуміо,
Два дуката муштулука дае,
Па любовцы быо бесѣдіо:
,,О тако ти моя драга люби!
Ты улази у коньской одай,
А изведи коня крилатога,
И опреми коня вилатога,
И улѣзи у горньой камары,
Те изнеси двіе пушке мале,
И изнеси двіе саблѣ бритке,
Обѣси ихѣ коню о чактару."
А она га лиссто послушала,
И улѣзе у коньской одай,
Изведе му коня крилатога,
А опреми коня вилатога,
И улѣзе у тврдой камары,
Изнесе му двіе пушке мале,
Обѣси ихъ коню о чактару;
Али Вуку Боже непомози,
Есе она кучка домышляше,
Узе Вуку моħи одъ помоħи,
И коню є опалила крила,
Пушке мале залієва виномъ,
Саблѣ бритке она заломяше,
А одлонке меħе у ножнице,
Па повика свога господара:
,,Ай на ноге драгій господару!
Рокъ ти дође хайде на мейдану,
На курвиħа Ђерзелезъ Алію."
На лахке є ноге ускочіо,
Тріезансе коня прифатіо
Пође юнакъ у Иванъ планине,
А кад' дође у Иванъ планине,
Али Туре по мегдану шета,
А Вуче му обѣлежѣ каже,
На прси му змія преплетена,
Подъ пазухе крила позлаħена,
Изъ очихъ му мунѣ сіеваху,
А изъ зубахъ огань искакаше;
Но кад' виђе Ђерзелезъ Алія,
Плеħи даде а бѣжати стаде,
Ал' му Вуче бѣжат' недаваше,
Но ђогата на нѣг' нагоніо,
Шешнаестъ га путахъ прескочіо,
И хоħаше главу му осѣħи,
А и бритку ħорду повадіо,
Али пуста бѣше саломѣна,
Па є бачи на трави зеленой;
Другу пусту ħорду извадіо,
Ал' и она пуста саломѣна,
И ню бачи на трави зеленной,
Двіе пушке мале извадіо,
И обѣма живу ватру дае,
Ал' є пусте приватит' нешħеше,
Обѣ бачи на трави зеленой;
Оно гледа Ђерзелезъ Алія,
Ево юнакъ узврну парипа,
А Вуко ми плеħи обрнуо,
Али Але често наваліо,
Седамъ му є ранахъ ударіо,
Али Вуко ђогу бесѣдіо:
,,Дура ђого, дура добро мое!
Камо твоя крила позлаħена?"
По урійсу ђого проговара:
,,На домъ имашъ невѣрну любовцу,
Тере ми є крила опалила,
У томесе Вуче ставіяше,
Те потеже тешку топузину,

Те удари Ђерзелезъ Алію,
Посредъ чела међу очи црне,
Іошъ му Турску окинуо главу,
Ев' онъ пође на свое дворове,
И близо га слуге сусретале,
Па слугама Вуче говоріо:
„О Богу ви мое вѢрне слуге!
Отворите деветоро вратахъ,
Уведте ме по деветъ камарахъ,
Поставите на главицу стражу,
Да ми люби небы ранне видла.“
Брзо ми га послушале слуге,
Уведоше г' по деветъ камарахъ,
На главицу поставише стражу;
Али Вуку Боже непомози,
Е є стражу саннакъ преваріо,
А онасе кучка домышляше,
Те гвозденый сврда узимаше,
Те проврће деветоро вратахъ,
Те му кучка ранне видіела;
Али Вука быльима видаху,
Змія нѢму былѢ доносаше,
А війла му былѢ привіяше,
А вукъ Вуку лиже ранне люте,
Цичче змія па подъ камъ утече,
А полеће у облаке війла,
А завія у горицу вуче,
Па ка' виђе Змай-Огнянный Вуче,
Е заиста хоће погинути,
Онъ дозива свое вѢрне слуге,
Па овако ньима бесѢдіо:
„Мою кучку люби уватите!
На гвозден' є ражань навртите,
Како ягнѢ црно испеците є!“
Па іошъ ћаше говорити Вуче,
Ма ижъ нѢга душа испанула.

105.

Анђелійћъ Вукъ.
(Одъ Попа Гаша Пипера.)

Е' се диже Задранине Бане,
Онсе диже у ловъ у планину
Су нѢгове тридесетъ Задранахъ,
Ловъ ловіо за петнаесъ данахъ,
Ево Бане лова и невиђе,
Акамоли лова да улови;
До га таква намѢръ наніела,
У Шаркію высоку планину,
На биеле Анђелића овце;
Но говори Задранине бане:
„Божя помоћъ овчаръ кодъ овацахъ!
Чіес' овце ко л' є код' овацахъ?“
Но є момче ріечъ говорило:
„Богъ дай тебе одъ горе хайдуче!
Єсу овце Анђелића вука,
А кодъ ньихъ є нѢговъ брате Мійћо.“
На вѢру га бане уфатіо,
И своза му наопако руке,
И узе му хиляду овацахъ,
Поведе ихъ Задру біеломе,
А кад' Задру біеломе дође,
Ето Мійћа на муке метнуо,
За ногне га палце обѢсіо,
Іошъ му веће муке задаваше,
Банъ подъ ньиме сламу жежіяше,
Докъ момчету муке одолѢле,
Па є Мійћо ріечъ говоріо:
„А за Бога Задранине Бане!
Ал' ме убій, ал' ме посіецы,
Ал' ме метни на тешке откупе,
Немой мене овако мучити.“
Кад' га бане быо разуміо,
Е му бѢше ріечъ говоріо:
„Ой ме чуешъ Анђелійћа Мійћо!
Нити ћу те убит' ни посѢћи,
Ни ћу за те паре ни динара,
Ни у жуто Млетачка цекина,
До стотину волахъ изъ єзерахъ;
Ако ти є и то мало Мійћо,
Іошъ двѢстотин' овна преходнога,
Ако ти є и ту мало Мійћо,
Іошъ тридесетъ црвенихъ доламахъ,
На доламе тридесторо токахъ,
Ако ти е и ту мало Мійћо,
Іошъ тридесетъ сяйнихъ цефердарахъ.
Ако ти є и ту мало Мійђо,
Тридесть чивтахъ маліехъ пушакахъ,
Ако ти є и ту мало Мійћо,
Іошъ твоега исъ потае Врана,

Ако ти є и ту мало Мійћо,
Јошъ десницу Вука брата твога,
Да нечини зулумъ по краини.“
Кад' є Мійћо нѣга разуміо,
Те му бѣше ріечь говоріо:
„Додай мене дивитъ и хартію!
Е ћу Вуку кньигу оправити,
Да сигура за мене откупе.“
Па прешу га бане послушао,
Додаде му дивитъ и хартію,
Ево Мійћо ситну кньигу пише,
А шилѣ ѐ у Котаре равне,
Своме брату Анђелійћа Вуку,
Све му што є и како є каже,
Посла кньигу земльомъ и світомъ,
Докле дође у Котаре равне,
Али кньига незастаде Вука,
Но Вукъ бѣше горѣ усъ планине,
Но застаде Вукову любовцу;
Кад' є млада кньигу проучила,
Живу ватру бѣше разгрнула,
Те у ватру кньигу сагорѣла.
Яданъ Мійћо чека и гледаше,
Ка тѐ дођи за нѣга откупи,
А кад' виђе ере ништа нема,
На колѣно другу кньигу пише,
Она кньига застанула Вука:
Кад' є Вуче кньигу проучіо,
Онсе бѣше добро посиліо,
Е ће свога брата избавити,
На колѣно ситну кньигу пише,
Оправи ѐ горѣ у єзера,
Да му дође стотину воловахъ,
Ону посла другу ситну пише,
А шилѣ ѐ горѣ у корита,
Да му дође двѣ стотин' овновахъ,
Ону посла трећу кньигу пише,
А шилѣ ѐ Дужду одъ Млетакахъ,
Да му пошлѣ тридесетъ доламахъ,
На доламе тридесторо токахъ,
И шездесетъ маліехъ пушакахъ,
И тридесетъ сяйныхъ џефердарахъ;
Ону посла, па четврту пише,
А шилѣ ѐ на море Дуждево,
Да му дођу одъ мора медизи,
Да му ваде изъ рамена руку;
На кньигу га санакъ преваріо,
Па се Вуче одъ сна пробудіо,
Те є люби своіой говоріо:
„Ну хотиди у подрумъ подъ кулу,
Те изведи врана Мићовога,
Скини шъ нѣга седло одъ билюра,
Метни на нѣмъ конску самарину,
Скини шъ нѣга ибришим-колане,
Метни на нѣмъ конске попружине,
Скини шъ нѣга мѣдене бисаге,
Метни на нѣмъ крпѣнице торбе;
Скини шъ нѣга узду позлаћену,
Метни на нѣмъ конску оглавину,
Скини шъ нѣга чоху одъ копита,
Метни на нѣмъ конску покровчину.“
Кад' є млада нѣга разумѣла,
Све є тако она наредила,
А Вукъ хойде на біелу кулу,
Скину съ себе айдучко хођело,
А обуче прнѣ сиромашке,
Учинисе сужань невольниче,
Па се тури вранцу на рамена,
И хотиде одъ града до града,
Докле Задру біеломе дође,
И Задра є опросіо града,
Докле бану пре дворове дође,
Ал' пре дворе банова робиня,
Ђе му шика два пособца сына;
Божу іой є помоћь називао:
„Божа помоћъ банова робиня!
А тако те мука недопала,
Како што є овога юнака,
Ну отиди бану на дворове,
Те замоли бана господара,
Неће ли ме бане поплатити.“
Кад' є млада нѣга разумѣла,
Была му є ріечъ говорила:
„Причувай ми ову ђецу луду,
Доксе вратимъ изъ двора біела.“
То є Вуче єдва дочекао,
Па извіо двое ђеце лудо,
Те ихъ метну у крпѣне торбе,
Обѣси ихъ babbи о самару
Па се тури Врану на рамена;
Да ти бѣше видіети побре!
Ка' се Вуче про Задаръ провуче,

Зли гласъ дође Латинину бану,
Е му Вуче ђецу заробіо;
Докъ Латини конѣ хазураше,
Вукъ избѣже на врата одъ града,
Докъ Латини на врата одъ града,
Вукъ истрча на средъ поля равна,
И утече зеленомъ планиномъ,
Здраво Вуче у Котаре дође,
И донесе два банова сына,
Ну да видишъ банове банице!
Е се млада на яде виђела,
На колѣно ситну кньигу пише,
А шилѣ ѥ у Котаре равне:
„Богомъ брате Анђелійћа Вуче!
Немой мене ђецу запуштити,
Докъ мы наше роблѣ міенимо.“
Кад' є Вука кньига допанула,
И кад' виђе што му кньига пише,
Онъ баницы другу одписуе:
„Ахъ нелудуй банова банице!
Я ти нећу дѣцу запуштити,
Тек' я неймамъ вина ни ракіе,
Ни симита хлѣба біелога,
Ни претила меса овнуєга,
По ми га є бане одузео;
Ма нећу ти дѣцу запуштити,
Доста имамъ хлѣба овсенице,
И студене воде съ каменице,
Нећу тебе ђецу запуштити,
Но доведи мога брата Мійћа,
Доведи га у Шарру планину,
Одкле га є бане заробіо,
И даћу ти єдинога сына,
За другога донеси откупа,
Малій откупъ шесъ товарахъ блага,
У неђелю коя прва греде,
Да мы наше робѣ міенимо.“
Кадъ баницы таква кньига дође,
Извадила изъ тавнице шужня,
Па му скрои госпоцко одѣло,
О шта капу, о тога доламу,
Сину сужань ка' на горы сунце,
А кад' дође свіетла неђеля,
Е се диже банова баница,
И узела шесъ товарахъ блага,
И хотиде у Шарру планину,
Ту находи Анђелійћа Вука,
Те су они робћ міенили,
И велико веселѣ чинили;
Али виђи драгій побратиме,
Нам' Србима зулумъ одъ Латина!
Тешко брату кои брата нейма,
Єръ безъ брата нейма узданице
Братъ ће брата избавит' тавнице. —

106.

Дуждева свадба.
(Одъ Васа Попова Сѣклића.)

Робѣ младо на пазаре дође,
На пазаре и нове дућане,
То є робѣ на продаю было,
Ма е робѣ было преѣфтино;
Младо момче за ту саблю брицку,
А ђевойка за ту бурму златну,
Е ма вика ліепа ђевойка,
Она вика изъ грла біела:
„Ко ће мене узимати младу,
Я му тврду божу вѣру давамъ,
Дасе никадъ потурчити нећу;
Я' самъ ћерца Дуке Лоринскога,
А любовца Дужда Млетачкога.“
Оно чуе царевићу Муіо,
Довати ѥ за руке біеле,
Поведе ѥ у Стамболу граду:
„Потурчисе ліепа каурко!
Потурчисе узми брата мога,
Да ми будешъ млада за снашицу,
А у кућу кућна укућница,
И мосму благу разложница;
А ево ти Турску вѣру даемъ,
Даћу тебе неке задужбине,
Свету Петку на средъ Дренополя,
Камен'-моста Марице ріеке,
Златне ступце на нове пазаре,
И біелу у Дечане цркву,
Кое лѣпше на свіету нейма,
Тры мечита на средъ Цариграда,
Тры мунара ђесе хоџа рика,
Берберницу ђесе бривю главе,

Турске банѢ ђесе буде куплю,
И калдрму преко Луке-БанѢ;
И даћу ти о сребра синію,
На кою є о злата тевсія,
На тепсію змія преплетена,
На главу іой алер-каменъ драгій,
Кои сяѢ ноћцу безъ мѢсеца,
Кад' господа сѢда на вечеру;
Іошъ даћу ти бойницу галію,
На кою су триста галліотахъ,
И ужъ ньихъ' су триста лубарадахъ,
Сва галія шикомъ пошикана,
И іошъ више блага тры товара."
Но ђевойка потурчит'се неће,
А кад' виђе царевићу Муіо,
Е се неће потурчит' занаго,
Онъ ̂є кули студеницы бача,
У студеной воды до колѢнахъ,
Ђе іошъ ніе шужня шужнѢвало,
Одъ како є Самбулъ настануо;
Ту шужнюе тры године данахъ,
Ма ђевойка кньигу уміяше,
Па є ситну кньигу направила,
А шилѢ ̂є у Лорину граду,
Башъ на руке Дуке одъ Лорина:
„Бабо міо Дука одъ Лорина!
Евосамъ ти ћерца пропанула,
У Турскосамъ ропство запанула,
У Стамболу граду біеломе,
У студеной води до колѢна,
Ђе іошъ ніе шужня шужнѢвало,
Одкако є Стамбулъ настануо.
Откупуй ме Бога ако жнадешъ!"
Каде Дуки она кньига дође,
Кад' видіо што му кньига каже,
Ону гледа другу направіо:
„Ядна шћерце Дуки одъ Лорина,
Немогу те откупит' никако!
Е 'су мене похарали Турцы,
Па су благо мое поніели,
А ђецу су мою-заробили;
Но 'самъ чуо ђе ми люди кажу,
Е 'су мисе ђеца населила
У некакво полѢ Смедерево,
Турскіемсе булам' поженила,
Буле су имъ благо-доніеле,
Коньи су имъ сребромъ потковани,
И златніемъ хуздам' захузданы,
Буле носе одъ злата ђердане,
На ђердане бисер-перишане,
Они ће те одкупит' занаго!"
Кад' ђевойцы она кньига дође,
Виђела є што іой кньига каже,
Ону гледа другу направила,
А шилѢ ̂є полю Смедереву:
„Браћо моя два Дукини сына!
Евосамъ ви сестра запанула
У Самбулу граду біеломе,
У каменой кули студеницы,
У леденой води до колѢнахъ,
Ђе іошъ ніе шужня шужнѢвало
Одъ како є Стамбулъ настануо,
Вадите ме Бога хако жнате,
Откупите мене исъ тавнице!"
Каде ньима гласъ и кньига дође,
Кадъ виђеше што имъ кньига каже,
Ню гледаю другу направляю:
„Наша сестро ћерце Лоренина!
Никакосе одкупит' неможешъ,
Мы 'смо наше попенцали благо
А Турскіем' булам' на ђердане
На ђердане и на перишане."
Кад' ђевойцы она кньига дође,
Она виђе што іой кньига каже,
Проліева сузе одъ образа,
А завика изъ грла біела:
„Леле мене до Бога єднога!
Да никога неймамъ болећега!"
Па є ситну кньигу направила,
Непише ̂є чимсе кньиге пишу,
Но црньиломъ крвлю одъ образа,
А шилѢ ̂є Дужди Млетачкоме,
Овако є кньигу направила:
„ОбреченѢ мое несуђенѢ!
Ево самъ ти запанула млада
У Стамболу граду біеломе,
У проклету кулу студеницу,
У студену воду до колѢнахъ,
Я немогу живѢт' ни мріети,
Одкупуй ме Дужде одъ Млетакахъ,
Да ти будемъ млада за хорванну,
Ако нећешъ за драгу любовцу!

Ма ме лашно одкупити нећешъ,
Докъ поновишъ грађевине старе,
Свету пешку на средъ Дренополя,
Камен' моста Марицы ріецы,
Златне ступце на Нове пазаре,
И біелу у Дечане цркву,
Кое лѣпше на свіету нейма;
Тры мечита на средъ Цариграда,
Тры мунара ђе имъ хоџа рика,
Берберицу ђесе бривю главе,
Турску баню ђесе буле куплю,
И калдрму преко Луке-банѣ;
Іошъ донеси о сребра синію:
На синію о злата тевсію,
На кою є змія преплетена,
На главу іой алер-каменъ драгій,
Кои сяѣ ноћцу безъ мѣсеца,
Кад' господа сѣда на вечеру,
И довези бойничку галію,
На кою су триста галіотахъ,
Ужъ ньихъ да су триста лубарадахъ,
Сва галія шикомъ пошикана,
И сувише тры товара блага."
Када Дужди гласъ и кньига дође,
Колико му люто мила была,
Гласоноши сто цекинахъ дае,
На є кньигу ситну написао,
А шилѣ є у землю Мошковску,
У ономе Петробуру граду,
Башъ на руке Руссинской Краљицы:
„Тетко моя сестро материна!
Пошльи мене камене майсторе,
Да понове грађевине старе,
Свету Петку на средъ Дренополя,
Камен' моста Марицы ріецы,
Златне ступце на Нове-пазаре,
И біелу у Дечане цркву,
Кое лѣпше на світу нейма."
На є кньигу другу направіо,
А шилѣ є Бечу біеломе,
Башъ на руке Бечкой ћесарицы:
„Тетко моя сестро баба мога!
У Турскосамъ ропство запануо,
Но ми пошльи камене майсторе,
Да понове грађевине старе,
Тры мечита на сред' Цариграда,
Тры мунаре ђе имъ хоџа рика,
Берберице ђесе брію главе,
Турску баню ђесе буле куплю,
И калдрму преко Луке-банѣ."
Другу шилѣ, трећу написуе:
А шилѣ є граду Инглитару,
А на руке Инглешкой краљицы:
„Свасти моя Инглешка краљице!
У Турско 'самъ робство упануо,
Но ми пошльи о сребра синію,
На синію о злата тепсію,
На тебсію змию преплетену,
На главу іой алем-каменъ драгій,
Кои сяє ноћцу безъ мѣсеца,
Кад' господа шѣда за вечеру."
На четврту кньигу напишує,
Онъ є шалѣ у Лорину граду,
Овако є кньигомъ говоріо:
„Ташто моя одъ Лорина града!
Пошльи мене блага тры товара,
Дома имъмъ бойничку галію."
Ташта посла тры товара блага,
А Тетке му поновише грађе,
Самъ довати бойнику галію,
У ню ставя тры товара блага,
И узъ то є кньигу написао,
Те є шилѣ у Самболу граду,
Башъ на руке царевића Мую:
„О соколе царевићу Муіо!
Айде Муіо дасе састанемо,
Насредъ мора исподъ Цариграда,
Ты доведи ліепу ђевойку,
Е 'самъ твое поновіо грађе,
И возимъ ти бойничку галію,
И синію и златну тебсію,
И пунахна тры товара блага."
У неђелю граде роковиште,
У неђелю тесе састадоше,
Предаде му откупъ за ђевойку,
Поновіо грађевине старе,
Муіо враћа ліепу ђевойку,
Предаде є Дужди Млечанину;
Кадс' одмаче Дужде Млечанине,
Вика Мую изъ грла біела:
„Копиляне царевићу Муіо!
Е тако ми Бога великога,

Какву тицу бѢше уфатіо,
НеумѢ іой пера подкупити!...
А некмоли тицу оперутат' —!
Што поновихъ граѣевине старе,
То су мене Тетке поновиле,
Што ти дадохъ одъ сребра синію,
Свастъ є мене ону даровала;
Што ти дадохъ блага тры товара,
То є мене ташта даровала,
Што л' ти дадохъ бойничку галію,
Мой ȇ бабо узео твоему,
Кад' ȇ бьо больій о твоега,
Ясе мога недоватихъ блага."
Оде Муіо моремъ Цариграду,
Ни хабера при дости шиѣара,
Дужде ѣаше моремъ дебеліемъ,
Моремъ ѣаше ма болѢ смисляше,
Машіосе горе и планине,
Кад' высоко у планине бьо,
Дозивао камене майсторе,
На ѣумію начиніо цркву,
Дасе драгом' Богу моле Ласси,
Да ихъ чува одъ Турачке руке,
Па Луждъ води ліепу ѣевойку,
Поведе ȇ у Млетке богате,
ВѢнчашесе весслѢ чинише,
На срамоту царевиѣа Муію,
Свогсе блага Дужде недодіо —.

107.

Бегъ Любовиѣъ.

(Одъ истога Попа Гаша Пипера.)

Запросіо Любовиѣу Бего,
Надалеко ліепу ѣевойку,
Надалеко у Хрвату граду,
У онога Хрват-диздар-аге,
Бего проси Диздар му ȇ дає,
Прстенъ даде хиляду цекинахъ,
Прстенъ дає свадбу уговара:
„Нека свадба за петнаесъ данахъ,
Докле поѣе и докъ опет' доѣе."
То рекоше паксе раздвоише.
Отле Бего на трагове поѣе,
А кадъ граду Невесиню доѣе,
Али га є ферманъ допануо,
Одъ Султана цара честитога,
Да му купи Босну землю равну,
Листомъ Босну и Херцеговину,
Да ю̑ води подъ Багдату граду,
Е мусе є Багдатъ похасіо.
Кад' є Бего ферманъ проучіо,
Онсе бѢше на яде видіо,
На колѢно ситну кньигу пише,
Непише ȇ Хрватъ Диздараги,
Но Хайкуни своіой заручницы:
„Чуєшъ Хайко моя заручнице!
Ево ме є ферманъ допануо
Одъ Султана цара честитога.
Да му купимъ силновиту войску,
Да ю̑ водимъ подъ Багдату граду,
Да воюємъ за деветъ годинахъ,
Но ме чекай за деветъ годинахъ."
Кад' є младу кньига допанула,
И кад' виѣе што іой кньига пише,
Е се бѢше на яде виѣела,
Па пошета низъ честе дуѣане,
Ето наѣе лакога бербера,
Главу міє, женску косу бріє,
На делинску перчинъ оставила,
Па се врати у дворе біеле,
Те ушета у своію ходаю,
На се меѣе делійнско одѢло,
Обукла є одъ свиле кошулю,
Сверхъ кошулѢ златна цамадана,
А сврхъ нѢга црвену доламу,
Сврхъ доламе токе позлаѣене;
Опасасе мукадемъ поясомъ,
За пасъ меѣе двіє срмайліє,
Меѣу ньима злаѣена ханцара,
Низъ бедру є саблю припасала,
А низъ другу ѣесу и тутума,
На делійнску пошу завезала,
Па исъ ѣесе припуни тутума,
Те запали шарен'-ѣилибара,
Те дымнула и два и тры пута,
БѢле дворе обузела тама,
Учинисе царева делія;
Па пошета у подрумъ подъ кулу,
Те изведе хата четвртака,

Умила га водомъ и сапуномъ,
Оседла га сребромъ сребрніемъ,
Подпрегну га ибришим-коланомъ,
А зауздa уздомъ позлаћеномъ,
Покрила га чохомъ до копита,
Іошъ пригрну диван-кабаницу,
Па се тури вранцу на рамена,
И хотиде Босномъ каловитомъ,
Докле дође Невесиню граду,
На біеле дворе Любовића;
Добро су ю тамо дочекали,
За здравѣсе шъ ньоме упитую,
Па іой збори Любовића Бего:
„Добро доша непознанъ деліо!“
Но є млада ріечъ говорила:
„Ніє ово непознанъ делія!
Но є ово Опаковићъ Муіо,
Одъ Ліевна града біелога.“
Ту стадоше неколико данахъ,
Но деліе често долазаху,
А іошъ чешће игру заметаху,
Играюсе игре свакояке,
Ма найвише камена съ рамена,
Но говори Туркиня ђевойка:
„Господару Любовића Бего!
Є ли тестыръ у деліе поћи,
Дасе бачимъ камена съ рамена?“
Но бесѣди Любовића Бего:
„Тестиръ ти є царева деліо!
Тестиръ ти є, а да за што ніе.“
Е то млада у деліе пође,
Єдномъ бачи свіемъ га добачи,
Другомъ бачи свіемъ га пребачи;
Деліама жа' и мучно было,
Ал' имъ друго быти немогаше,
Но 'су опет' игру заметнули,
Ево скачу скока юначкога,
Опетъ скаче ліепа ђевойка,
Єдномъ скочи, свіемъ га доскочи,
Другомъ скочи, свіемъ га прескочи,
Деліама и жаліе было,
Одиста є изгубит' хоћаху,
До недаде Любовића Бего:
„Не за Бога царевe деліе!
Неизгубте царев' делибашу,
Самый ће га царе потражити.“
На томесе разминуло было,
Доксе Турска сила окупила,
А кадасе окупила была,
Но бесѣди Любовића Бего:
„Делибашо Опаковићъ Муіо!
Ето тебе зеленъ алайбарякъ,
Да га носишъ предъ моіомъ ордіомъ.“
Она млада барякъ прифатила,
Отоленсе сила подигнула,
И хотиде земльомъ и свіетомъ,
Докле дошли подъ Багдату граду,
Ту є сила трудна починула,
И стаяла неколико данахъ,
Доксе Турска сила окупила,
А кадасе окупила была,
Е су тамо на градъ ударили,
Бише града тры године данахъ,
Неодбише клака одъ камена,
Ни знадоше одку' су му врата,
Акамоли да освое града,
Кад' четврта залѣзе година,
Пушти царе у войску телара,
Теларъ виче тры біела дана:
„Є ли майка родила Турчина!?
Ал' Турчина, ал' Турскога сына,
Дасе пріими граду на бедему,
Да уводи одъ Багдата врата,
Ево нѣму Босна земля равна,
И сувише на Босни везирство,
Безъ промѣнка за тридесть годинахъ,
Да га иє, цару да недаε;
Іошъ изъ хазне тры товара блага,
И дворе му хоће направити,
Іошъ му ћерцу дати за любовцу!
Сва є сила никомъ поникнула,
А у црну землю погледала,
Кад' четвртый око подне бьо,
То зачула Хайкуна ђевойка,
Па є млада на ноге скочила,
Те пошета цару подъ чадору,
Прифати му руку и колено,
И чакъ долѣ злаћену папучу,
Па є млада цару говорила:
„Султанъ царе сунце огріяно!
Я ћу поћи у Багдату граду,
Хоћу поћи ако нећу доћи.“

До іой царе ріечъ говоріо:
„Ліепъ ли си младый баряктаре!
Страхъ є мене, хоћешъ погинути.“
За то млада необраћа главе,
Но пошета полѢмъ зеленіемъ,
Па се прійми на бедемъ одъ града,
Шета по нѢм’ тры біела дана,
Кад’ четвртый око подне быо,
Но излази ліепа ђевойка
На пенџеру одъ біеле куле,
Мила кћерца одъ Багдата краля,
Те деліи ріечъ говорила:
„Яохъ тебе младый баряктаре!
Лудо ли ’ћешъ изгубити главу,
Шетаюћи граду по бедему,
И тражећи врата одъ Багдата;
Но да ’ћешъ ми тврду вѢру дати,
Да ме хоћешъ узет’ за любовцу,
Казаћу ти одъ Богдата врата.“
То Хайкуна єдва дочекала,
Те ђевойцы тврду вѢру дае,
Да є хоће узет’ за любовцу;
Кад’ то чула кралѢва ђевойка,
Све му што є каже и како є:
„Ето врата подъ источномъ ћошомъ!
Него съ ютра на градъ ударите!
И ты буди предъ войскомъ найпрвый,
Я ћу вама отворити врата.“
Ка то чуо Опаковићъ Муіо,
Онсе спушти граду подъ бедему,
Пакъ пошета цару подъ чадору,
Привати му руку и колѢно,
Све му што є каже и како є,
Іошъ є млада цару говорила:
„Да є хазаръ сваколика войска,
Зоромъ ’ћемо на градъ ударити.“
А кад’ савну и сунце ограну,
Завикаше по войсцы телары:
„На ногесе Турцы Яньичары!
Ко є коньикъ притежте колане,
Ко є пѢшацъ азурай опанке!
Е хоћемо на градъ ударити.“
Алайбези войску подигоше,
Развишесе свилены баряцы,
Полећеше усъ полѢ коньицы,
Єсъ найпрва Хайкуна ђевойка,
А за ньоме Любовића Бего,
А за ньима сила сваколика;
Єсу силно на градъ ударили,
Ђевойка имъ врата отворила,
Те улѢзе Опаковићъ Муіо,
А за ньиме Любовића Бего!
Прифата ихъ ліепа ђевойка,
Поведе ій на біелу кулу,
Те имъ кафе дає и дувана,
А сила є удрила по граду,
Млого яда бѢше учинила,
Такосусе Богомъ заклиняли:
„Другій бысе бедемъ направіо
Све одъ кости коньске и юначке;
Коликосе яда учинило!“
А кад’ Турцы освоише града,
Е се диже Хайкуна дѢвойка,
За се води КралѢву ђевойку,
А за ньоме Любовића Бего,
Хотидоше полѢмъ зеленіемъ,
Докле дошли цару подъ шатору;
До землѢсе цару поклонила,
Па є млада цару говорила:
„Султанъ царе сунце огріяно!
„На даръ тебе ліепа ђевойка,
Да є држишъ како твою главу!“
Царъ є ньойзи тадаръ говоріо:
„На даръ тебе на Босни везирство,
Безъ промѢне за тридесъ годинахъ!
Да га иешъ, мене да недаешъ,
Іошъ изъ хазне тры товара блага,
И іошъ ћу ти дворе направити,
И кћерцу ти дати за любовцу.“
Но є млада цару говорила:
„Фала тебе царе господаре:
Нећу, рече, я твоєга дара;
Но те молимъ како господара,
Напиши ми біела фермана:
„„Докъ є гође Любовића трага,
Да неиде на цареву войску!“““
То є цару тврдо мучно было,
Ал’ му друго быти немогаше,
Но іой даде біела фермана:
Отолесе разметнуше Турцы,
Свакій хойде на свое дворове,
Єво хойде Любовића Бего,

А за ньиме Хайкуна ђевойка,
Хотидоше зеленомъ планиномъ,
А кад' были на друму єдноме,
Ђесе хоте они раздвоити,
Но бесѣди Любовића Бего:
„Барякtаре Опаковићъ Муіо!
Да' си мене ђеверъ узъ ђевойку,
Есе хоћу я сада женити,
Теке дођемъ одъ цареве войске."
Нѣму Хайка ріечъ говорила:
„Хайде зъ богомъ Любовића Бего!
Немогу ти ђеверъ быти сада,
Е 'ћу сада сестру удавати,
Теке дођемъ у дворе біеле."
То рекоше па се растадоше,
Отле млада у Хрвату пође,
Бего хойде Невесиню граду,
Кадъ є быо труданъ починуо,
Одъ войникахъ свате сакупіо.
Сакупіо хиляду сватовахъ:
Поведе ихъ земльомъ и свіетомъ,
Докле дође у Хрвату граду,
Добро су га тамо дочекали,
Даровали и дали ђевойку,
Пакс' отоле свати подигнули,
И хойдоше Босномъ блатовитомъ,
Докле дошли Невесиню граду,
Ал' є грданъ законъ у Туракахъ,
Кад' доведу ліепу ђевойку,
Свакій сврађа у свое дворове,
Оста Бего съ ліепомъ ђевойкомъ,
Дофати ѥ̑ за руку біелу,
Поведе ѥ̑ на высоку кулу,
Шњ ньомъ ушета у свою ходаю,
Пада Бего на меке душеке,
Па Хайкуни ріечъ говоріо:
„Распучи ми пуца на доламу!
И расковчай копче на чакшире,
Ево сада четиры године,
Одкако ихъ єсамъ заспучіо,
Већ' ихъ нигда распуча' ніесамъ."
Каде млада нѣга разумѣла,
Єсъ высоко духакъ уздигнула,
Кад' ю̑ виђе Любовића Бего;
Скочи Бего кадасе помами,
Па Хайкуни ріечъ говоріо:
„А ту ли си одъ курве копиле!
Каквусамъ ти жалостъ учиніо,
Што'м' ніеси досадъ погубіо,
Но 'си мене ноћасъ наградіо."
Па побѣже прозъ біелу кулу,
За ньимъ трчи Хайкуна ђевойка:
„Небѣж' Бего драгій господаре!
Ніе ово Опаковићъ Муіо,
Но Хайкуна твоя заручница!"
Бѣжи Бего главе необраћа,
А кад' виђе Хайкуна ђевойка,
Е га ядна уставит' неможе,
Ево бѣле дойке извадила,
Па є Бегу ріечъ говорила:
„Виђи Бего хочи ти виђеле!"
Тадарсе є Бего повратіо,
Опет' пада на меке душске,
Ну да видишъ ліепе ђевойке!
Нѣму даде царева фермана,
Што є млада у цара добила,
Па тада су ноћцу боравили. —

108.

Хайдучка правда.

(Одъ попа Іована Кнежевића войводе у Бѣлопавлићу.)

Пію вино тридесетъ хайдукахъ,
У планину подъ ѥ̑лу зелену,
Вино пію а діеле благо,
Међу ньима двіе харамбаше,
Єдно ми є Томићу Міяте,
А друго є Жеравица Вуче;
Ма Міяту дають старѣшинство,
Старѣшинство єдну ћесу блага,
Златно имъ є перо запануло,
Иште перо Жеравица Вуче:
„Дай те мени перо старѣшинства!"
Но говори Томићу Міяте:
„Айде Вуче єдна скитачино!
Я ћу перо узет' старѣшинства!"
То жа' было Жеравицы Вуку,
Па Міята на мейданъ позива,
Удришесе два добры юнака,

Пређе махну Томићу Міяте,
Те удари Жеравицу Вука,
По поясу и свилену пасу,
Ма меса му недофати жива;
Кад' то вiђе Жеравица Вуче,
На долину паде му оружѢ,
Па удари Томића Міята,
По поясу и свилену пасу,
Указа му црну утробицу,
Паде Міатъ у зелену траву,
Стаде лелекъ одъ горе хайдукахъ,
А найвише Жеравице Вука:
,,Леле мене міо побратиме!
Єс' ли смртанъ, от' ли умріети?
Оћу ли ти тражити лѢкаре?"
Міятъ мучи ништа неговори,
Ка то вiђе Жеравица Вуче,
Дружини є своіой говоріо:
,,А тако ви любивна дружино!
Ко ће са мномъ, ко ли ће съ Міатомъ?"
Сва дружина одоше за Вукомъ,
Кодъ Міата нико неостаде,
До нѢговихъ два милихъ сестрића,
Єдно ми є хайдукъ Маленица,
А друго є сестрићъ Маріяне,
Она оба питаху Міята:
,,А што ћемо намъ міо уяче!?
Хоћемо л' ти тражити видаре?"
Ма є ньима Міатъ говоріо:
,,А тако ви мои два сестрића!
Носите ме у село Бобово,
У Иліе одъ Бобова кнеза,
У нѢга є люба видарица,
Она ће ми ранне извидати,
То є моя милостива кума."
Отоле га ђеца поніела,
У Иліе одъ Бобова кнеза,
Добро га є куме дочекао,
А кума му ранне привіяла,
Видала га два мѢсеца данахъ,
Видала га те извійдала га,
Таде збори Томићу Міяте:
,,А мой куме Бобовацъ Илія!
Хайде пођи шехеръ Сараеву,
Те донеси єданъ товаръ вина,
И донеси харрачъ за хайдуке,
Ситна праха и тешка олова,
Е ћу ходит' да тражимъ дружину."
На прешу га куме послушао,
Отишао шехеръ Сараеву,
НамѢра га наніела была,
На єднога црна Харапина,
Па є Харапъ Илій говоріо:
,,Єл' ти кнеже Міятъ преболіо?"
Кнезъ му каже да є преболіо,
Іошъ є нѢму харапъ говоріо:
,,Издай мене Томића Міята!
И нѢгове два миле сестрића,
А даћу ти єдну боцу блага."
На благосе кнеже слакоміо,
Обећа му издати Міята,
Па Харапу кнеже говоріо:
,,Довече ћешъ по вечери дођи!"
На томесе-они раздвоили,
Па Илія узе мало вина,
Што ће быти куму за вечеру,
А неузе праха ни олова;
Кад' Илія своме двору дође,
НѢга пита Томићу Міяте:
,,Што 'си мисе куме придоцніо?
А камо ти ракія и вино?
И камо ти харрачъ за хайдуке?
Шъ чимћу ходит' да дружину тражимъ?
Дасе миримъ съ Жеравицомъ Вукомъ."
Ма Міату говоріо куме:
,,БѢше куме вина нестануло!
Доніесамъ дасе напіемо,
Ал' ненађохъ праха ни олова,
Но хрђава што за васъ неслужи."
Кад' вріеме о вечеры было,
СѢде Міатъ съ кумомъ вечерати,
Око нѢга два мила сестрића,
Вино служи кума видарица,
Кад' су были у найвише пійће,
БѢху куму сузе пропануле,
На Міата сузе покапале;
Міятъ гледа више себе куму,
Па є своіой куми говоріо:
,,О Марица, моя мила кумо!
Што ты кумо плачешъ на трпезу?

Али сисе кумо препанула,
Е ти нећу платит' хећимштину,
Рашта си ме кумо извидала?
Ал' те нећу даромъ даривати?"
Ма Міату кума говорила:
,,Ніесамсе куме препанула,
Е ми нећешъ платит' хећимштину,
Но єсамсе куме препанула,
Е се нигда виђети нећемо,
Да л' невидишъ яды те невидли?
Што учини твой куме Илія,
Издаде те црну Харапину?!
Обазрисе на врата одъ куле,
Біелесе одъ Харапа зуби!"
У то доба пушке попуцаше,
Паде Міатъ главомъ у трпезу,
Скочише му два милы сестрића,
Маленица врата屹 уграбіо,
Па врата га Турцы дочекали,
И нѢга су млада изгубили;
А Маріанъ уграби оружѢ,
Па скочіо низъ пенџеръ одъ куле,
Па утече зеленой планини,
Кад' Маріанъ у планину дође,
У планину пали џефердара,
Пушка Ѣкну а планина звекну;
Пушку чуо Жеравица Вуче,
Пушку чуо по пуку познао,
Па дружини своіой говоріо:
,,Благо нама любивна дружино!
Ено ни є Міатъ преболіо!
Я ве молимъ, и Богомъ ве кумимъ,
Да съ Міятомъ мене помирите."
На гласъ оній одоше хайдуцы,
Ту нађоше ядна Маріана,
Све имъ хайдукъ за Міата каже,
Како га є Харапъ изгубіо,
И проклетый Бобовацъ Илія,
Кумъ невѢрный, залахъ допануо!
,,Ено Турцы у Илійной кули!
Ђе съ Иліомъ пію вино хладно."
Кад' то зачу Жеравица Вуче,
Топле су га сузе пропануле,
Сви хайдуцы плачу за Міятомъ,
А кадсусе доста наплакали,
Потрчаше у село Бобово,
Западоше на крваве кланце,
Ту хайдуцы мало почекали,
Али иду тридесетъ Туракахъ,
И пред' ньима црный Харапине,
Кои носи Міятову главу,
Но говори Жеравица Вуче:
,,О хайдуцы брађо и дружино!
О хайдуцы ако Бога знате!
Немой кои гађат' Харапина,
Докъ непукне мога џевердана,
На силнога црна харапина,
Кои носи Міятову главу,
Онъ ͼ носи, дасе ньомъ поноси."
То дружина нѢга послушали,
Близу га є Вуче напуштіо,
Пали Вуче свога џевердана,
Те Харапу срце опаліо,
Єднакъ пуче тридесетъ пушакахъ,
Єднакъ паде тридесетъ Туракахъ,
А утече Бобовацъ Илія,
Онъ утече двору біеломе,
А ћера га хайдукъ Маріане,
Уфати га пре дворе біеле,
За ньим' трче тридесетъ хайдукахъ,
Живу су му очи извадили,
Два близанца узеше му сына,
И по кули благо покупише,
Куму свою дивно дароваше,
Дадоше іой хиляду дукатахъ,
Нека има тесе хлѢбомъ храни,
Дадоше іой два близанца сына,
А Илію вргоше у кулу,
Више нѢга кулу запалише;
Так' овако свакій обршіо!
Кои свога кума издавао,
Брата Срба Турчину проклету! —.

109.

Опетъ Страхиня.
(Одъ истога Брацана Козарчета БѢлоп.)

Пошетао воевода Янко
По Сибиню исподъ бѢле куле,
Шетаюћи бесѢдіо люби:

,,А чу ли ме моя вѢрна любо!
Ты приправи господску вечеру,
Е ћу позват' Сибиньске банове
На вечеру у мое дворове,
Да я мое даруемъ банове,
Одъ ка' су ме вргли за войводу,
Ніесамъ ихъ ни єдномъ дарова'."
ВѢрна га є послушала люба,
Е приправи госпоцку вечеру,
Јанк' окупи Сибиньске банове
На вечеру у свое дворове,
За пуну су совру засѢднули,
Даѥ доста воевода Янко,
Дае доста пійва и єстива,
Па онъ вѢрной бесѢдіо люби:
,,А чу ли ме моя вѢрна любо!
Довати ми єдну киту перя,
Єдну перя, другу перянице,
Е ћу мое дароват' банове!"
ВѢрна га є послушала люба,
Довати му єдну киту перя,
Єдну перя другу перянице,
Те ми Янко дарує банове,
Неког' перѢмъ неког' перяницомъ,
Недарова бана найболѢга,
НайболѢга и одъ найболѢга,
НайболѢга Бановић' Страхину,
И Страиня бану бесѢђаше:
,,А тако ти воевода Янко!
Я л' ме бана држишъ найгорега,
Найгорега и одъ найгорега,
Ал' на мени несташе даровы?"
Но є Янко нѣму бесѢдіо:
,,А тако ми Бановићъ Страхина!
Недржимъ те бана найгорега,
Найгорега ни одъ найгорега,
Но те бана држимъ найболѢга,
Ни на тебе несташе даровы;
Знашъ ли побро єс' ли запазіо,
Ђе є нама остала срамота,
А у оной Босни каловитой,
У онога Кавге Бошнянина?!
Но ми хайде Кавги на мейдане,
Ако тебе Богъ и срећа дадне,
Те добіешъ Кавгу Бошнянина,
И донесешъ одъ злата кацію,
Тад' ћу тебе добро даровати,
Біеле ти дворе оградити,
Кодъ моиехъ, лѢпше одъ моиехъ,
Даћу тебе кѢерцу за любовцу,
И даћу ти ціо товаръ блага,
И даћу ти сабю оковану!"
Кад' то чуо Бановићъ Страхиня,
Е отиде у свое дворове,
Текле юнакъ на дворове дође,
Ођедесе што може найлѢпше,
А обуче танахну кошулю,
Врхъ кошулѢ токе позлаћене,
А врхъ токаќъ црлѢну доламу,
А на ноге копче и чакшире,
И на главу капу и челенку,
Крила су му пала на рамена,
Опасасе свиленіемъ пасомъ,
За пасъ метну двіе пушке мале,
Ни коване ни чекичоване,
Но у златный калупъ сліеване,
Међу ньима лютога ханџара,
Па оседла своега Бранчића,
Узяхасе нѣму на рамена,
А отиде друмомъ и планиномъ,
Докле дође Босни скаловитой,
Пре дворове Кавге Бошнянина;
Ту онъ нађе Кавгину любовцу,
И Страхина ньойзи помоћъ зваше,
Она нѣму помоћъ прифатила,
Ато вели Бановићъ Страхиня:
,,А тако ти Кавгипа любовца!
Єл' у дворе побратиме Кавга?"
Но Кавгина бесѢди любовца:
,,Айд' отоле єданъ говедару!
Съ таквіемсе небратими Кавга,
Онъ етакве справя за говедма."
То Страхини жа и мучно было,
Па є удри рукомъ узъ образе,
Колико є удари лагахно,
Цикну млада ко' и змія люта,
И Кавги є ріечъ бесѢдила:
,,Ђе си Кавга? безъ тебе остала!
Ђе ме бію єдни говедары,
Е бію ме за живота твога."
Кад' то чуо Кавга Бошнянине,
Намолисе на пенџеръ одъ куле,

Ал' угледа Бановићъ Страхиню,
И Страхиньи ріечъ бесѣдіо:
,,А ту ли 'си курвинъ копиляне?!"
Па є голу дограбіо ћорду,
Па ми трчи низъ біелу кулу,
Но му вели Бановићъ Страина:
,,Чуешъ ли ме Кавго Бошнянине!
Неид' мене тако на мейдана,
Но извади ђога дебелога,
А изнеси одъ злата канцію,
Да мы на ню мейданъ діелимо,"
За то Кавга ни хабера нейма,
Ка Страхиньи юришъ учиніо,
Кад'се сташе два добры юнака,
Тек'се сташе, тек'се ударише;
Сабіомъ махну Кавга Бошнянине,
Те є тако удріо Страхиню,
Удари га по свилену пасу,
Пресѣче му двіе пушке мале,
До меса є сабю догоніо,
Богъ му даде меса незађеде,
А кад' виђе Бановић' Страхиня,
Ближе мусе мало примакнуіо,
А поболѣ ћордомъ замахнуо,
И Турчина мало доватіо,
Довати га по біелу врату,
Докъ одъ Кавге одскочила глава,
Па улѣзе у подруме нове,
Изведе му коня дебелога,
Пакъ улѣзе у дворе біеле,
Те по двору покупіо благо,
И онъ нађе одъ злата Кацію,
И узе му вѣреницу любу;
Пакъ отоле тесе подигнуо,
Отиша' є горомъ и планиномъ,
Пређе зоре и біела дана,
У дно поля Сибиньскога дође.
Но порани Янкова любовца,
Пранила те иде на воду,
А кад' дошла на воду студену,
Ал' погледа небу ка западу,
И вруће є угріяло сунце,
Хитро иде на своє дворове,
И то Янку господару каже:
,,Знат' да ти є господару Янко!
Виђохъ чудо пріе негледано,
Ђе м' огрія одъ запада сунце."
А Янкосе дивно авизае,
Истрчае на бедемъ одъ града,
Те обори тридесть балѣмезахъ,
Па Страхиньи у сретанѣ пође,
И дивносе даромъ дариваше,
Све му дае одъ Сибиня Янко,
Све му дае што му обећао,
И дворе му Янко оградіо,
Кодъ своиехъ лѣпше одъ своиехъ,
А даде му кѥрцу за љубовцу,
И даде му ціо товаръ блага,
И даде му сабю окована,
Па Страина Янка даровао,
Онъ му даде одъ злата Кацію,
И Кавгину са раменахъ главу.

110.

Драгиша.
(Одъ Благоте Павићевић' Бѣлопавлића.)

Вино піе войвода Драгиша,
Служи му га остарала майка,
А кадасе Драго напоио,
Своюу стару проклинао майку:
,,Богъ т' убіо остарала майко!
Заръ ты нейма іошъ єднога сына,
Ал' млађега али старіега,
Дасе шъ ньиме учимъ сѣћи Турке?"
Па є стара уздисала майка,
А Драгиши 'вако бесѣдила:
,,О тако ти войвода Драгиша!
Невріеђай мое ранне люте,
Има ласмъ іошъ єднога сына,
Не млађега него старіега,
Но су ми га Турцы заробили;
Е ма имашъ ты добра уяка,
Одъ прилипа Кралѣвога Марко,
Єстъ ми силанъ Марко испануо,
И сад' неће Марко і' у планину,
Онъ ми чека у планину Турке."
А кад' зачу войвода Драгиша,
Онъ є старой говоріо майцы:
,,А тако ти...остарала майко!

Міеси ми лахка брашненика,
Е ћу ходит' горѢ у планину,
Да я тражимъ уяка моєга,
Да ме уякъ учи сѢћи Турке."
На то стара уздисала майка,
А овако Драгу говорила:
„Не за Бога войвода Драгиша!
Ко ће стару сахранити майку.
Съ киме л'ћесе разговорат' ядна?
Но ће ядна остат' самохрана."
Ма є̑ силомъ нагоняше Драго,
Те му лахка мѢси брашненика,
Половину воде придаваше,
А пола є сузомъ одъ образа,
Па кад' было зора настанула,
Итро Драго на ноге скочіо,
Доватіо своега вранчића,
Оде шъ ньиме горѢ усъ планину,
А кад' быо далекъ у планину,
Стаде єкка зелене планине,
Мало было млого нестануло,
А то л' иде КралѢвићу Марко,
На Шарчини коню нѢговоме,
А кадасе Драгу приближіо,
Овако є шъ ньиме говоріо:
„Максе съ пута лудо и неяко!
Е да м' ніе саблю поганити,
А десницу гріешити руку,
Я быхъ тебе одасѢко главу."
НѢму вели лудо и неяко:
„А полако незнаный юначе!
Я быс' тебе помакнуо съ пута,
Но ме клела на рођенѢ майка,
Да іой сынакъ по єдном' юнаку
Яс' никада непомичемъ съ пута,
Не болѢму, а некмол' горему."
Оно Марку жа' на світъ было,
На нѢг' Шарца быо нагоніо,
А тад' вићи іошъ любавный друже!
Како Вранацъ потиште Шарина,
У край пута нѢга помакнуо,
То є Марку и жаліе было,
Одъ бедрице саблю повадіо;
Докле Марко саблю извадіо,
Удри г' Драго седамъ-осамъ путахъ,
Докле Марко ударіо Драга,
Удри г' Драго и седамнесъ путахъ,
Одъ нѢгова одвои га Шарца,
А съ црномъ га землъомъ саставіо;
Іошъ поскочи Войвода Драгиша,
Да му добру посіече главу,
Но говори КралѢвићу Марко:
„А полахко незнанный юначе!
Докале те я упитамъ само,
Одъ кога си края изъ свіета,
И кога си рода и народа,
Дасе знаде одъ кога погибохъ."
„Ніе колѢ незнаный юначе!?
Мене стоят' тебе разговарат',
А сестрићсамъ КралѢвића Марка,
Я га тражимъ горѢ у планину,
Да ме Марко учи сѢћи Турке."
То кад' зачу КралѢвићу Марко:
„Узочасъ те научіо сынко!
Ево Марко и другога нейма,
Ал' одъ Марка болѢс' научіо."
А кад' зачу войвода Драгиша,
Над' ньиме є нагрдіо лице:
„Ахъ си мене мой міо уяче!"
Па одпаса мукадемъ пояса,
И танахну свукао кошулю,
Стаде куппит' Маркове комаде,
Све на мѢсто свое поставіо,
Кошульомъ га умотава танкомъ,
А утеза свіоніемъ пасомъ,
Па га тури на Шарца голема,
Оћера га Сплету на краину,
Ту му нађе Латинске медике,
Війдашесе за годину данахъ,
Доксе добра извиду юнака,
Али вели войвода Драгиша:
„А за Бога мой міо уяче!
Оћемо ли ходит' у планину?
Небы л' нама Богъ и срећа дала,
Небысмо ли оно намирили,
Штосмо блага 'ко себ' исхарчили."
То на світъ мило Марку было:
„Ела Драго, а да за што небы!"
Добріесе коняхъ доватили,
Они доше горы усъ планину,
Докъ дођоше на распутѢ често,
Ту нађоше големе трагове,

Єднимь иша' Ђерзелезъ Алія,
На Дундула коня нЂговога,
А єдніемъ тридестъ яньичарахъ,
И предъ ньима до тры маске блага,
Стаде питат' войвода Дратиша:
,,А тако ти мой міо уяче!
Али волишъ трагомъ за Аліомъ,
Ал' си волишъ поћи за Турцима?"
Него вели КралЂвићу Марко:
,,Я самъ волимъ отист' за Турцима."
Оде Марко трагомъ за Турцима,
На далек' є Турска задня стража,
Те є стража угледала Марка,
Угледала и уфатила га,
Свезаше му руке наопако;
Но отиде войвода Драгиша,
Нехоћ' трагомъ ходит' за Аліомъ,
Исподъ Друма Драго надскочіо,
Халіюсе на путъ испречіо,
Силно нЂму Туре бесЂдило:
,,Максе съ пута лудо и неяко!
Да ми ніе сабю поганити,
А десницу гріешити руку,
Я быхъ тебе одасЂка главу."
,,А полахко незнаный юначе!
Я быхъ тисе помакнуо съ пута,
Но ме майка на рођенЂ клела,
Дасе єдномъ непомакнемъ съ пута,
Непомакнемъ ни болЂм' юнаку,
А некмоли тебе и горему."
То Алію и жаліе было,
На нЂг' свога Дундула погнао,
Ма да видишъ претила Вранчића,
Како съ пута Дундула тискао,
Іошъ Алію тожаліе было,
Одъ бедрице сабю повадіо,
Но докъ Але саблю извадіо,
Удри Драго седам-осамъ путахъ,
Докле Але седам-осамъ путахъ,
Удри Драго и седамнесъ путахъ,
Одъ голема коня г' одвоио,
А съ црномъ га земіомъ саставіо,
И добру му одасЂка главу;
Па се Драго са ђога скинуо,
Те съ Турчина поскида оруже,
И скиде му одіело дивно,
Па обуче Драго свуче свое,
А ліево бЂше обукова,
А затаче нЂгово оружЂ,
На голема пріймисе Дундула,
А своега привезао Вранца,
Оде трагомъ за своимъ уякомъ;
Лахко ћера ма сустиже брзо,
А 'во Турцы уфатили Марка,
Свезали му руке наопако,
Но имъ Драго помоћъ називаше,
Помоћъ су му Турски прифатили,
Па ста Драго упитиват' Турке:
,,А за Бога Яньичары Турцы!
Одкуд' у васъ каурине Марко?
Быcте ли га мене поплатили?
Е є мене изгубіо баба!
Пебы ли га данасъ осветіо."
Марка Турцы нЂму поклонише,
Одъ бедре є саблю извадіо,
По ми Марка по рукама гађа,
Непогоди г' по біелой руцы,
По пртену згоди га конопу,
А да тисе нагледати друже,
Кадсе соко крилахъ доватіо,
Намигнуо єданъ на другога,
А истиног' Бога поменули,
Па у Турке юришъ учинили;
Іошъ да тисе нагледати друже!
Како ньихне сіеваю ћорде,
Како Турске зіеваю главе,
Неутече друга ђаволЂга,
Ни да каже ђе су погинули.
Тусе блага доста наузеше,
И Турскога світла оружа,
Паксе оба здраво повнрула,
Отишла су свом' біелу двору.
Ко ме чуе на частъ нека му є!
СвЂм'осталим' іошъ Драгишу фалимъ.

111.

Марко и царъ.

(Одъ ђака Вулине БЂлопавлића.)

Іошъ зорица незабіелила,
Ни даница помолила лица,

Затрупаше цареве боріе,
На цареву штету и несређу:
Царева є хазна одузета,
Посѣчена у ню тры везира,
Тусе купе хоџе и кадіе,
И велике цареве деліе,
Свако рече: ,,Кралѣвићъ є Марко!"
И самъ царе рече да є Марко.
Тад' є царе Турцим' бесѣдіо:
,,Да ли нейма у мене юнака?
Да отиде до Прилипа града,
Да доведе Кралѣвића Марка,
Ал' од' нѣга да донесе главу!"
Сва Господа мукомъ умукоше,
А деліе земльи погледаше,
Но негледа Соколовићъ паша,
Него цару тіо одговара:
,,Господаре царе Сулеймане!
Я ћу поћи до Прилипа града,
Хоћу поћи, ако нећу доћи."
Отолесе паша подигнуо,
Паша пође по ћенару горе,
Докле дође у Прилипу граду,
Пре дворове Марка Кралѣвића;
Ту ми паша ненаходи Марка,
Но Маркову остаралу майку,
Ньойзи пашо божю помоћъ зваше:
,,Божа помоћъ остарала бако!"
Нѣму бака исту одговара:
,,Богъ дай и теб' незнана деліо!"
Опет' ньойзи паша бесѣдіо:
,,О Бога ти остарала бако!
Камо тебе сыне Кралѣвићу?"
Нѣму бака право казиваше:
,,Ето Марко ђе спава у бакчу,
Башъ у багчу подъ жуту неранџу!"
Оде пашо под' жуту неранџу,
Подъ неранџу у зелену башчу,
Ту находи Марка Кралѣвића,
Ђе онъ мало санка боравяше,
На ньсе пашо усудит' несмѣде,
Но кодъ Марка лахке тамбурице,
У тамбуре паша ударіо,
Ал' проза санъ Марко бесѣдіо:
,,Кой ударашъ у мое тамбуре?!
Моглебысе о главу т' сломити,,
По говори паша Соколовићъ:
,,Богъ ми съ тобомъ Марко побратиме!'
Марко скочи ка' дасе помами,
Пак' є Марко паши бесѣдіо:
,,Ко є су те виле доніеле?!"
Све му пашо по истини каже:
,,Царева є хазна понешена,
Тры везира на ню погублѣна,
Па свакъ рече: ,,,,то учини Марко""
И самъ царе рече, да є Марко;
Па ме царе посла са Дивана,
Дасе нађешъ, и у Диванъ дођешъ."
Нѣму рече Марко Кралѣвићу:
,,Я быхъ иша цару на Дивана,
Но є мене саломена ћорда,
Сіекући ноћасъ тры везира,
А у тмуши у невиђелицы,
Нећ' по ньима, неће по камену."
Рече пашо Марку Кралѣвићу:
,,Побратиме Марко Кралѣвићу!
Я имадемъ двіе нагле ћорде,
Єдну явну а другу потайну,
Бирай побре коюю ти є драго."
Таде рече Марко Кралѣвићу:
,,Нећу побре ничю до самсвою!"
Пакъ оседла Шарца дебелога,
А Шарцусе на рамена баци,
Отидоше горомъ и планиномъ,
Докъ дођоше цару на Дивану,
Таде царе Марку бесѣдіо:
,,Копилане Марко Кралѣвићу!
Ты си мою хазну покупіо,
И посѣка у ню тры везира."
Марко цару таде одговара:
,,Нисамъ царе драгій господаре:
Но ме неко царе опадао,
Живо месо шъ нѣга одпадало —."
Таде Марку царе бесѣдіо:
,,Извад' Марко твою оштру ћорду,
Да я виђу є ли ти крвава!"
Одговара Марко Кралѣвићу:
,,Господаре царе Сулеймане!
Єс' ме стара проклиняла майка,
Да напразно неизвадимъ ћорду."
Царе Марку рече Кралѣвићу:
,,Кад' неморешъ учинит' инако,

Осимъ мене удри сваког' Марко!"
То є Марко єдва дочекао,
Марко остру ћорду извадіо,
Єдномъ махну хоцу посѣкао,
Другомъ махну хоцу и кадію,
Трећомъ махну те є сунецію;
Халакнуо Бога споменуо,
А у Диванъ юришъ учиніо,
Одъ Дивана яде пограділо,
Найпослѣ цару примахнуо,
Царъ измичи, Маркосе примичи,
Докле цару стола нестануло,
Таде рече царе Сулеймане!
„Не за Бога, мой посынко Марко!
Нієси ми хазну покупіо,
Ни посѣка' у ню тры везира."
Па царъ тиште у шпагове руке,
Извадіо хиляду цекинахъ:
Све ихъ даде Марку Кралѣвићу:
„Най то тебе мой посынче Марко!
Докъ ты дођешъ ка Прилипу граду,
Да ми піешъ црвенику вино."
Отолесе Марко подигнуо,
Здраво дође у Прилипа свога;
Хоће Марко весела му майка,
За калпакъ му перѣ и челенка.

112.

Р а й к о.

(Одъ истога ђака Вулине Бѣлопавлића.)

Одкада є постала краина,
Ніе лѣпша постала Влахина,
Башъ одъ секе капетана Ива,
Кад' су младой быле петъ годинахъ
Таде млада косу запуштила,
Паксе на ню просцы натурише,
Просише ѐ тридесъ капетанахъ,
И тридесетъ съ мора Ценералахъ,
И тридесетъ одъ горе беђарахъ,
Іошъ тридесетъ влашкіехъ Сердарахъ,
И просу ѐ одъ Зміяля Райко.
А кадасе просцы окупили,
Ал' ето имъ муке и неволѣ,
Ни єднога нехоће дѣвойка;
Сташе Иву прієтит' краине,
Кад' то зачу Иво Сенянине,
Онъ улѣзе у одаю секи,
Нађе секу на мехку душеку,
Таде Иво секи бесѣдіо:
„Богъ т' убіо моя мила секо!
Узми каква секо капетана,
Ал' ты узми съ мора ценерала,
Ол' избирай ког' є теби драго,
Ма быхъ бьо понайради секо,
Да ты узмешъ одъ Зміяля Райка,
Пако є Влашче попузнуло,
Имало є педесетъ читлукахъ,
И на свакомъ педесетъ чивчіяхъ,
Богъ ће дати, опета ће быти."
Иву сека дивно одговара:
„Нећу црног' одъ Зміяля Райка!"
Осѣтисе Иво Сенянине,
Пакъ є секи своіой бесѣдіо:
„Чуєшъ мене моя мила секо!
Быхъ ти секо бьо понайради,
Да Турчина стечемъ пріятеля
Изъ Удбине изъ Турске краине,
Дасе шъньиме шетамъ прозъ Удбине."
Насміясе млада Анђелія,
Пакъ є Иву брату бесѣдила:
„О мой брате Иво Сенянине!
Ево има тры године данахъ,
Одка млада постимъ рамазана,
Одкад' кланямъ и авдесъ узимамъ,
Узеласамъ Нукићъ баряктара
Изъ Удбине изъ Турске краине."
Кад' то зачу Иво Сенянине,
Иво пише листъ кньиге біеле,
А шалѣ ѐ ка Удбини граду,
А на руке Нукић' баряктару:
„Чу л' ме зете Нукић' баряктаре!
Купи свате ходи по ђевойку."
Теке Иво кньигу оправіо,
Сазвао є сву браћу Сеняне,
Сенянима Иво бесѣдіо:
„Да ли нейма у Сеню юнака,
Да отиде на друмъ пред' Нукића,
Да му русу посіече главу?
Ево нѣму сека за любовцу,

Іошъ му ево двіє пушке мале,
Ни коване, ни чекичоване,
Но у калупъ злата сліеване,
И даћу му доста дробна блага.“
Ненађесе у Сеню юнака,
Него єданъ одъ Зміяля Райко,
Райко Иву бѣше бесѣдіо:
„Чу л’ ме Иво Сеньскій капетане!
Дай ты мене што си обећава,
Я ћу поћи на друмъ предъ Нукића.“
Отолесе Райко подигнуо,
Собомъ узе тридесетъ Сеняняхъ,
Райко узе свога венедика,
Кои литру ждере тученика
И двадесетъ и четиры зрна,
Іошъ узеше неколико вина,
Пакъ одоше горомъ усъ планину;
То зачула сека Иванова,
Да є поша одъ Зміяля Райко,
Да дочека Нукић’ баряктара,
Пакъ ми пише листъ кньиге біеле,
А шалѣ є Нукин-баряктару:
„Чуєшъ мене Нукинъ баряктаре!
Неид’ Нукићъ друмомъ нисъ планине,
Но ты хайде пріекіемъ путомъ,
Чека тебе одъ Зміяла Райко,
Єсу съ Райкомъ тридесетъ Сенянахъ.“
Пакъ ми нађе кньигоношу млада,
Кньигоношу Голашію Ђура,
И даде му стотину цекинахъ,
Однесе є Нукић’ баряктару,
А кад’ быо далек’ у планину,
Угледа га одъ Зміяля Райко;
Осѣтисе родила га майко,
Уватіо Голашина ђура,
Нађе нѣму кньигу за капицу,
Виђе Райко све што кньига пише,
Свеза Ђура за єлу зелену,
И узе му стотину цекинахъ;
То є доба не за дуго было,
Стаде вриска на Огорѣлицу,
На стіену на Просѣченицу,
Ал’ ето ти Нукић’ баряктара,
Пѣва Турчинъ изъ грла біела:
„Райка вали сва влашка краина,
А ни мене некуде дружина.
А да мисе съ Райкомъ уватити,
Да видимо ко є юнакъ больій.“
А то Райко и слуша и гледа,
Па дружини своіой бесѣдіо:
„Ево браћо Нукић’ баряктара!
Но я одохъ на друмъ пред’ Нукића,
И ако ми буде до неволѣ,
Помозте ми браћо у невольи.“
Іошсе Райко напоио вина,
И узео свога венедика,
Оде Райко на путъ предъ Нукића,
Дивно мусе Райко наредіо,
Ал’ ето му Нукић’ баряктара,
На зекуна коня виленога;
Ахъ каквесу у Нукића руке,
Бы рекао и заклео бысе,
Да ніесу у Турчина руке,
Нег’ су оно два ялова брава...
Близу га є напустіо Райко,
Венедику живу ватру дава,
Добро гађа, ма лоше погађа,
Непогоди Нукић’ баряктара,
Но выш’ нѣга у єлу зелену,
Те є єли окинуо гране;
Кад’ то виђе Нукићъ баряктаре,
На Райка є коня нагоніо,
Демискію ђорду повадіо,
Ал’ є Райко и одвише юнакъ,
Уфатіо Нукић’ баряктара
Єдномъ рукомъ за грло біело,
Другомъ рукомъ Зека за дизђине,
Зекуну га подъ ноге сваліо,
Пакъ му свеза наопако руке,
Поведе га Райко у дружину,
Голашину одвезує Ђура,
Пакъ є нѣму ріечъ бесѣдіо:
„Айде Ђуро Сеню біеломе!
Да ты кажешъ Ивановой Секи;
„Ево иду тридестъ Удбинянахъ,
Посѣклису тридесетъ Сенянахъ,
Главу носе одъ Зміяля Райка,
Пред’ ньима є Нукић’ баряктаре,
Коня игра, турски попіева!
То іой кажи друго неучини,
А ево ти стотину цекинахъ;
Ако ли іой тако казат’ нећешъ,

Кунемъ тисе и преклинѢмъ тврдо,
Хоћу тебе мукам' уморити."
Оде Ђуро Сеню бјеломе,
Како дође Анђелію нађе,
Анђелію секу Иванову,
Па све каза Ивановой секи,
Како га є Райко научіо.
Ка то зачу Иванова сека,
Окупила коло ђевоякахъ'
Дивна кола заиграла Анђа,
И веселе пѢсне изводила,
Барякrара у сваку пѢвала;
Ал' ето имъ одъ Зміяля Райко,
Нукићева пали цефердара,
Зачула га Иванова сека,
Іошъ є болѢ коло разиграла,
Кадсе колу Райко примакнуо,
Цикну писну кано змія люта,
И побѢже у біелу кулу,
За ньомесе напуштіо Райко,
Ивановой секи бесѢдіо:
,,Узми мене селе Иванова!
Ако л' мене по чем' узет' нећешъ,
Кунемъ тисе, Бога т' ємца давамъ,
Нукића ћу на колацъ набити,
А тебе ћу Анђо обѢсити
О біелу Нукићеву врату!"
Райку рече Иванова сека:
,,А да ми є ядной умріети!...?
На біелу нѢдру Нукићеву,
ВолѢла бы, нег' загрлит' Райка!"
Кад' то зачу одъ Зміяля Райко,
Нукића є на колацъ набіо,
Анђу младу збиля обѢсіо,
Свомъ Нукићу о мртву вратићу:
А Иванъ му даде свеколико,
Што є Райку быо обећао,
И нека є, право і' учиніо,
А нек' Анђи Нукић' барякrара,
И нек' Анђе Нукићу Турчину,
Тако было, ка'се пожелило —.

113.

Маркићъ.

(Одъ Попа Лакоча Вуядиновића изъ БѢлоп.)

Оде Иво одъ града до града,
Да онъ тражи за себе ђевойку,
Докле дође у Млетке богате,
Ту находи єдну удовицу,
У нѢ бѢше ћерца МѢзиница,
Иво проси, она му є̑ дає,
Прстенъ дає, свадбу уговара:
,,Овій прстенъ за петнаесъ данахъ,
Докъ покупимъ кићене сватове."
Тад'се на трагъ дома повратіо,
Ал' га кньига съ трага сустигнула
Одъ пунице и одъ вѢренице:
,,О Иване мое обреченѢ!
ОбреченѢ а ма несуђенѢ!
Другій тебе препоси ђевойку,
Препросіо Бишћанинъ Алія."
Кад' є Иванъ кньиге ... разуміо,
На силу є свате покупіо,
Собомъ зове свога сестричића,
Сестричића діете Маркића,
Нейма нѢму до шеснесъ годинахъ,
Сабя мусе по долини вуче,
А цеко му по каменю туче;
Кад' су были горе усъ планине,
Ал' ево ти Бишћанинъ Аліе,
За Халіомъ Танковићу Муіо,
А за Муіомъ будалина Тале,
А за Таломъ старый Ћейфанага,
И іошъ воде ліепу ђевойку.
Єдва ихъ є Маркић' угледао,
На средъ друма пута запануо,
Пушку свою одъ образа пали,
Те погоди Бишћанин' Халію,
Прозъ Алію Танковића Муя,
А прозъ Муя Будалину Тала,
И прозъ Тала старог' ћейфанагу;
СвѢма имъ є окинуо главе,
Па имъ узе ліепу ђевойку,
Предаде є̑ Сеньском' капетану,
Нека му є̑, честита му была.

114.

Смилянићъ.
(Одъ истога ђака Вулике̑ Бѣлоп.)

Вино піе Смилянићъ Илія,
Служи му га сека Анђелія,
Када лисе напоише вина,
Али вели сека Анђелія:
,,О мой брате Смилянићъ Илія!
Є ли тестыръ ріечъ говорити?"
Илія є секи бесѣдіо:
,,А єсъ тестиръ!,.. а да за што ніе?"
Тада нѣму сека проговара:
,,Ал'се женни, ал' мене удаи!"
Илія є секи говоріо:
,,А чу ли ме моя мила секо!
Тыс' удаи ђе є тебе драго,
Я обидохъ землѣ и градове,
Нађ' за мене немогохъ ђевойке,
Ђе я нађохъ за мене ђевойке,
Ту ненађохъ за се пріятеля,
Ђе ли нађохъ за ме пріятеля,
Ту ненађохъ за себе ђевойке."
Анђуша є брату бесѣдила:
,,О мой брате Цмилянић' Илія!
Я ти знадем прикладну Туркиню,
У Удбиню у Турску краину,
Мила када старца Лиманаге,
Да е̑ такве у Удбиню нейма,
Ни е̑ има у кршне Котаре;
Но напиши листъ кньиге біеле,
А пошльи е̑ у Удбину града,
Башъ на руке Лиманаги старцу,
Нек' изведе кадунцику младу,
Нек' изведе на Зечево равно,
Ты одовуд' секу Анђелію,
Ко добіе игру и мейдана,
Ко добие нека води двіе —."
То уєде Илію срамота,
Па ми пише лисъ кньиге біеле,
Пошалѣ е̑ у Удбиню граду,
А на руке Лиманаги старцу:
,,Чуєшъ мене Лиманага старче!
Єсамъ чуіо ђе кажую люди,
Да ты имашъ кадунцику младу,
Лѣпоте іой у краину нейма,
Но изведи младу кадунцику,
Изведи е̑ на Зечево равно,
Я ћ' одовуд' секу Анђелію,
Ко добие игру и мегдана,
Ко добие нека води двие."
Кад' Лиману ситна кньига дође,
И кад' виђе што му кньига пише,
Кньигу гледа сузе пролиева,
Опази га съ пенџера кадуна,
Пакъ Лиману была бесѣдила:
,,Што є теби драгій господару!
Каква ти є толика неволя,
Те ты сузе ліешъ низъ образе?
О шта ти є кньига допанула?
Али ти є кньига одъ мегдана,
Али ти є кньига одъ дивана?"
Лиманага кади бесѣдіо:
,,Богъ т' убіо моя мила кадо!
Болѣ б' было да 'си ми сліепа,
Но е 'си ми дивна и лиепа;
Ево ми є кньига допанула
Одъ витеза Смилянић' Иліе,
Да я водимъ, мила кадо, тебе,
Да те водимъ на Зечево равно,
Онъ ће довест' секу Анђелію,
Да играмо игру и мейдана,
Ко добие нека води двіе;
А я єсамъ яданъ остарао,
Остаріо ... игре ... оставіо."
Кад' то зачу млађахна кадуна,
Лиманаги старцу бесѣдила:
,,Акосисе препануо старче,
Дай ты мени свиетло оруже,
Дай оруже, а най ти вереџу!"
Та Лимана уѣде срамота,
Пакъ улѣзе у подруме донѣ,
Те изведе два найболя коня,
Єдног' себи, а другога кади,
Оседла ихъ, и опусатѣ ихъ,
Пакъ на добре конѣ усѣдоше,
И одоше горомъ и планиномъ,
Докъ дођоше на Зечево равно;
Ал' Илія пріедъ изишао,
И биелій чадоръ разапео,
Подъ шатора пив вино хладно,

Служи му га сека Анђелина,
Іошъ бесѣди Смиљанићъ Илія:
,,Ход' Лимане да піемо вино!"
Иліи є Лиманъ бесѣдіо:
,,Богъ т' убіо Цмиљанићъ Илія!
Я 'самъ има у Удбиню вина,
Но ты недашъ съ миромъ пити вино,
Но устани да га диелимо!"
Таде скочи Смиљанићъ Илія,
Састашесе два добры юнака,
Тек'се сташе, пак'се ударише,
Ћордамасе ударили были,
Докъ су обѣ ћорде саломили,
Окрньке имъ у траву турили,
Па потегли копља убоита,
И копямсе силно ударили,
Докъ и копя были саломили,
Бацили имъ у траву окрньке;
Па тргоше перне буздоане,
Стадошесе ньима ударати,
Докъ имъ были пера саломили,
У траву ихъ бачили зелену,
Чапашесе за грла біела,
Носишесе тамо и овамо,
Носишесе лѣтный данъ до подне,
Докъ обадва пѣне попануле,
Лиманагу попале биеле,
А Илію бѣле и крваве;
Стаде Лиманъ навіят' Иліомъ,
Али рече Цмиљанићъ Илія:
,,Ђе си моя секо Анђелія!?
Помози ми данасъ у невољи!
Ал' помози мене, ал' Турчину!"
Ну да видишъ секе Анђеліе,
Кад' довати окрнякъ одъ ћорде,
До братасе была догонила,
Окрньчиномъ брата ударила,
Но сриеди по свилену пасу;
Пресече му паса свиленога,
Е ма жива недовати меса,
То кад' виђе була кадунцика,
Узе другій окрнякъ одъ копља,
Пробола є свога господара,
Лиманъ паде у зелену траву,
Лиманъ паде Смиљанићъ допаде,
Те му добру окинуо главу.
Кад'се на трагъ обрну Илія,
Али бѣжи сека Анђелія,
За ньомесе напушти кадуна,
Анђелію младу уватила,
Доведе ѥ Цмиљанићъ Иліи;
Но да видишъ Смиљанићъ Иліѥ!
Ка' є секу на муке метнуо,
Єдне муке, саломіо руке,
Друге муке: прореза' іой дойке,
А прозъ дойке промоліо руке,
Остави ѥ на средъ друма пута,
Да ѥ гледа, когођъ туда пројe,
Каква фала одъ брата сестрицы,
Коя хоће да изгуби брата.
Пакс' Илія отоле подиже,
И узеде млађану кадунку,
Вратіосе здраво и весело;
Како дошо на свое дворове,
Брже зове и попа и кума,
Покрстіо кадунцику младу,
Покрсти ѥ и привѣнча за се;
Дотле была ліепа Мейрема,
А потоле ришћанка Ружица,
И дійванъ му породъ народила,
Двіе шћеры, а четиры сына,
Да снашице незастаю заве,
Дасе два зла у домъ несастаю —.

115.

Хайдуцы.

(Одъ Єфте Ћираковића ускока изъ Озринићахъ при Никшићу.)

Пие вино Арамбаша Вучо
У Сайвану зелену планину,
Око нѣга тридесетъ хайдукахъ,
Служи вино Палко Мацарине;
А кад'сусе понапили вина,
Тада рече Арамбаша Вуче:
,,А нейма ли у дружину друга?
Да отиде друму Стамболскоме,
Да уходи одъ Кандіе врата,
Кад' ће Турцы наћерати благо?
Да идемо да ихъ пресретамо!

А тако ми Бога великога,
Да' бы нѣму добро старѣшинство:
Ево нѣму токе са рамена,
Ево нѣму исподъ мене дора,
И ево му сяйна цевердана,
И ево му двіе пушке мале,
Іошъ му ево моя мила сека,
Нека му ѐ за вѣрену любу,
Одъ четиры коя му є драга."
То зачуло тридесетъ айдукахъ,
Ал' хайдуцы никомъ поникоше,
И у землю црну погледаше,
Некій гледа како расте трава,
Некій гледа пѣшачке опанке,
Некій брои пуца на доламу,
До неброи Палко Маџарине,
Добаръ Палко Вуку бесѣдіо:
„Я быхъ тебе послушао Вуче!
Него ево муке и неволѣ!
Неуміемъ познавати Турке."
Нѣму рече Харамбаша Вуче:
„Айде Плавко мой соколе сивый!
Я ћу тебе томе научити,
Да како ћешъ познавати Турке:
Када друму Стамболскоме дођешъ,
Те угледашъ капію одъ града,
Ка с' отворе одъ Кандіе врата,
Хоће Турчинъ єданъ ишћерати
На велику хату Мисирскоме;
Па коме є ђузел-одіело,
Одиело што га пониело;
На нѣму є црлѣна долама,
Одъ ліепе Млетачке кадиве,
И на нѣму двое токе Палко,
Едне токе одъ чистесу срме,
Друге су му одъ сухога злата;
Пайлѣпше му кофче на чакшире,
На главу му капе и челенке;
За капомъ му седамъ челенакахъ,
Тры су ракли четири чекркли;
За тіемъ ће другій исћерати
На велику хату Мисирскоме,
А шта ћу ти далѣ кажевати,
Єднако имъ руо и оружѣ;
А за ньима трећій ће изаћи,
Свесе Туре у злато облійло,
Найпрвый є калаузъ Ризване,
За ньиме є Пашићъ Оммербего,
За Оммеромъ Галебане слуго,
За капомъ му окићено крило,
На чекрксе крило обрташе
У сахату све по дванесъ путахъ,
За ньиме су деветъ мазгахъ блага,
За мазгама триста пратіоцахъ."
Кад' то зачу Палко Маџарине,
За ђиздинъ є дора доватіо,
Оде шъ ньиме далѣ нисъ планину,
А кад' дође друму Стамболскоме,
Онъ ми сврну у край друма пута,
Свеза дора за єлову грану,
Паксе пенѣ на єлу зелену,
Те онъ гледа у врата одъ града,
Докс' одъ града отворише врата,
А ишћера калаузъ Ризване,
А за нъиме пашићъ Оммербего,
За Оммеромъ Галебане слуго,
И за ньиме деветъ мазгахъ блага,
Башъ како му кажеваше Вуче;
А кад' были полю зеленоме,
Сви ми Турцы konѣ яшу съ миромъ,
Ма неяше Галебане слуго,
До нагони своега Ђогина,
Те му ђого у колаче скаче,
Ма се нѣму погледати дало,
Докъ угледа на ѐлу хайдука,
А кад' виђе на ѐлу хайдука,
Онъ ми викну калаузъ Ризвана:
„А Ризване добаръ калаузе!
Ено боланъ на ѐли хайдука!
Яли Вука, ял' нѣгова друга."
Али рече калаузъ Ризване:
„Небудали Галебане слуго!
Да ты видишъ Харамбашу Вука,
Люта бы те уфатила гроя,
Небы Турска, до чивутска, курво!
Коя држи за деветъ годинахъ."
То Турчину жа' и мучно было,
Па ми оде да вата хайдука,
Кад' то виђе Палко Маџарине,
Ђе га виђе Галеване слуго,
Онъ побѣже своѣму Дорину,
Ал' му турчинъ бѣжат' недаваше,

До потега' дугу демишћію,
Да хайдуку посієче главу,
Ал'се хайдукъ сћи недаваше,
До Турчину ріечъ бесѣдіо:
„Бре одбійсе Галебане малій!
Убићу те ни скочити нећешъ."
Па запали свога џевердана,
Те погоди малог' Галебана
По средъ уха, те паде безъ духа,
Турчинъ паде а хайдукъ допаде,
Те му свлачи ђузел-одіело,
Шъ нѣга свлачи, а на се облачи,
Па довати своега Дорійна,
И побѣже горы усъ планину,
А за ньиме калаузъ Ризване:
„Стан' полахко Палко Мацарине!
Да 'си ючс курво побѣгао,
Данасъ бы те Ризванъ сустигао."
А кад' виђе Палко Мацарине,
А кад' виђе да утећи неће,
Онъ поврну своега Дорійна,
Па Турчину оде у сретанѣ,
Па онъ вади двіе пушке мале,
И Турчина добро погодіо,
Међу токе у прси широке,
На прсима ђуле поломіо
А на плећи пенџеръ учиніо,
Измієша' сребро и олово,
Турчинъ паде а хайдукъ остаде:
Ма 'су пушке танке гласовите,
Зачуо ихъ арамбаша Вуче,
Пакъ онъ викну тридесетъ хайдукахъ:
„На ногете моя браћо драга!
Е 'су Палка опазили Турцы,
Ма є нѣму богъ зна до неволѣ,
Да бидемо нѣму у неволю."
Кад' то чуло тридесетъ хайдукахъ,
Скочишесе на ноге лагахне,
Полећеше долѣ нисъ планину,
Све хайдуцы како мркіи вуцы,
Лахки момцы а стрмене стране,
Докле друму Стамболскоме были,
Западоше око друма пута,
Али Вуче на средъ друма пута
Заратіо везену шишану
Мало шћли манѣ причекали,
Стаде клепетъ лугомъ зеленіемъ,
Докъ ево ти Палка Мацарина;
Вассъ се хайдукъ у злато саліо,
До га гледа харамбаша Вуче,
Онъ га гледа ма га непознае,
У мало га неизгуби Вуче,
Ма у Палка добра срећа была,
Угледа му грлійћъ одъ шишхане,
Па му Палко Мацарине виче:
„Немой Вуче усале ти руке!
Ово ніе малій Галебане,
До є ово Мацарине Палко!
Но пропушти мене мимо тебе,
И Пашића за мномъ Оммербега,
А ты чекай деветъ мазгахъ блага,
И за ньима триста пратіоцахъ."
То кад' зачу харамбаша Вуче,
Онъ пропушти нѣга мимо себе,
И за ньиме Пашићъ Омербега,
Мало сіо мало причекао,
Докъ ево ти деветъ мазгахъ блага,
И за ньима триста пратіоцахъ,
Ма є Вуче напуштіо Турке,
Те у Турке огань оборіо;
Свака пушка пуче одъ хайдука,
Свака пушка уби по турчина,
Нека по два, нека по четиры
Па тргоше хайдчуке палоше
Разагнаше по планини Турке,
Као вуцы по равнини овце.
То кад' зачу Палко Мацарине,
Ђе є Вуче кавгу начиніо,
Онъ поврну своега Дорійна,
Те Турчину оде у сретанѣ,
Па ми срете Пашић' Оммербега,
Ћордомъ махну посѣче му главу,
Сад' отиште за дружиномъ трагомъ;
А кад' быо горы у планину,
Ал' ево ти харамбаше Вука,
Су нѣгово тридесетъ хайдука,
Сви му иду здраво и весело,
Свакій носи одъ Турчина главу,
А ћераю деветъ мазгахъ блага,
И све благо братски діелише.
Ха! нека ихъ, радосна имъ майка,

Блага текли, кадгођъ Турке сѣкли! —.
Све чинили, како наумили —.

116.

Опетъ Смилянићъ.
(Одъ истога ускока Єфте.)

Піе вино Цмилянићъ сердаре,
А до нѣга Петре капетане,
Кад'се вина накитише руйна,
Али рече Петре капетане:
„А за Бога побратиме драгій!
Штосе побро оженити нећешъ?
Оженисе ако Бога знавашъ!
Е ти идешъ у боеве често,
Ясе боимъ е ћешъ погинути,
Да нечили юначко колѣно."
Али рече Цмилянићъ сердаре:
„А Бога ми побратиме драгій!
А я 'самсе Богу зафаліо,
Богу драгом' и срцу своѣму,
Дасе юнакъ оженити нећу
Ни Српкиньомъ ліепомъ ђевойкомъ,
Ни я побро танахномъ Латинкомъ,
Него буломъ исъ Турске краине,
Миломъ секомъ Ђулића Нухана;
Я ли ћусе оженити ньоме,
Я л' ће сердаръ изгубити главу —."
Штосе пяно влаше зарицало,
У пяности чету покупило,
Покупило тридестъ Котаранахъ,
Оде шъ ньима крвавой Удбини;
А кад' дође у луге Удбинске,
Ту ми паде шъ четомъ на даниште,
Кад' свануло и грануло сунце
Жугоръ нешто стао по Удбиньи
То зачуо Петре капетане,
Онъ повикну побратима свога:
„А мой побро Цмилянићъ сердаре!
Нешто стои жугоръ прозъ Удбиню,
Код' біеле Ђуличића куле."
То кад' зачу Смилянићъ сердаре,
Онсе пенѣ ѐли у врхове,
Из погледа Нухановой кули,
Ал' подъ куломъ коло ђевоякахъ,
Међу ньима Златка Ђуличића;
Да каква є шинула ѐ гуя?
Ліепа є како горска вила!
А витка є ка' и ѐла війта,
Іошъ є на ню одіело дивно,
Єдне плећи тры кавада жута,
Єдно срце тры ћемера златна,
А на грло тры дробна ђердана,
Єданъ ђерданъ одъ ситна бисера,
Другій ђерданъ одъ жута мерџана,
А трећій є одъ сяйна каменя,
У комесе зрацы преламаю,
Те свакакве боє издаваю;
Нѣму нейма фале ни ціене;
Ма є Златка подугачка врата,
Іошъ є ньойзи врата остануло,
Што бы стала рука одъ юнака,
Єданъ ђерданъ грло уватіо,
А другій іой на прси пануо,
Те іой бійле дойке накитіо,
А трећій іой тиче до пояса,
Те є злато на злато пануло —.
Да каква є цура у образу!?
Два образа два књиге табака,
Ягодице румене ружице,
Обрвице двіе піявице,
Трепавице крилца ластавице,
Очи су іой каплѣ мурећепа,
Медна уста кутія шећера,
Ситны зуби два низа бисера,
Коса іой є турра ибришима,
За лѣтосе небы нагледао,
За віека небы намилово',
Да ѐ видишъ бысе разболіо,
Да полюбишъ упутъ преболіо.
А кад' сердаръ Златку сагледао,
У юнаку срце узиграло,
Па онъ зове побратима свога:
„Ну ход' побро Петре капетане?
Да ми добро бегенишешъ злато."
Оде Петаръ на ѐлу зелену,
Па онъ гледа коло ђевоякахъ,
Ма є псина остарала бозна,
Немогаше Златку догледати,
До привати срчали дурбина,

Подиже му дванаесъ очникахъ,
Те онъ гледа Златку Ђуличића;
А кад' свиня сагледа ђевойку,
У нѣму є срце узиграло,
Па говори побратиму своме:
„Авай побро Смилянићъ сердаре!
Дивна ти є, шинула ѥ гуя!
Болѣ нам' е болань погинути,
Но ђевойку 'наку оставити."
Али рече Смилянићъ сердаре:
„А мой побро Петре капетане!
Чекай мене тры читава сата,
Е ћу кули Нухановой поћи,
Небы лисе Златке нагледао."
Ал' му рече Петре капетане:
„А Бога ми богомъ побратиме!
Чека быхъ те и четиры дана,
А некали тры читава сата."
Но да видишъ Смилянићъ сердара!
Онъ довати бистра џевердана:
Па ми лугомъ Удбиньскіемъ пође,
Онъ е гору прегазіо мучке,
А полѣ є прекасао вучке,
Докле дође Нухановой кули,
И ономе колу ђевоякахъ,
Ал' кодъ кола тридесть Удбинянахъ,
Међу ньима диздаръ Османага,
Каву пію а коло сеиру
Ма є сердаръ лукаво копиле,
На ђевойке окомъ и неглеа,
До отиде сердаръ међу Турке,
Іошъ ми Турски добро уміяше,
И Турцима Турски селамъ вика,
Нѣму Турцы селамъ приватили,
Код' себе му мѣсто начинѣли,
Па му редомъ даю хошђелдіе
Хошђелдіе и добродошнице,
Али рече диздаръ Османага:
„О Бога ти Турско момче младо!
Одакле си одъ кога ли града?
Чія слуга, кога л' господара?"
Али рече Смилянићъ сердаре:
„О Бога ми диздаръ Османага!
Я 'самъ момче одъ Стамбола града,
Вѣрна слуга цара честитога,
Єсамъ адумъ... султаніє чувамъ,
Па є мене царе оправіо,
Те я идемъ одъ града до града,
Те я приймамъ игру свакояку,
Да му играт' учимъ султаніє;
Но тако ти диздаръ Османаго,
Є ли тестырь да у коло пођемъ?"
Али рече диздаръ Османаго:
„Да лудъ ли си царевъ делибаша!
Има мене сто и двадесть лѣтахъ,
Я несміемъ тамо погледати,
А нека ли да у коло пођемъ,
Тек' ћу поћи Ђулићу Нухану,
Небы ли ти изунъ извадіо."
Па ми диздаръ до Нухана пође,
У Нухана изунъ извадіо,
Те сердару диздаръ бесѣдіо:
„Хайде море царевъ харембаша!
Хайде море те у коло пођи,
Те поиграй колико ти драго,
А жъ ђевойкомъ, коіомъ тебе драго."
То кад' зачу Смилянић' сердаре,
То є яданъ єдва дочекао,
Онъ поскочи те у коло пође,
Башъ кодъ Златке коло распучіо;
Тек' да тисе нагледати друже!
Кадсе жельно двое састануло,
Растискую буле наоколо,
До ђаво му неда сѣђет' съ миромъ,
До ми оде Златку задиркиват',
А подъ грло зубомъ угризкиват',
Прекиде іой на грло ђердана,
Просу іойсе бисеръ по нѣдрима,
Одъ себе га цура отурнула:
„Нос' те ђаво харембаша Ибро!
Е тако ми дина и амана,
Да ніеси изунъ извадіо,
У мог' брата Ђулића Нухана,
Данасъ быхъ ти изгубила главу...!"
Али рече Цмилянићъ сердаре:
„А Бога ти Златка Ђуличића!
За кога си одгоила тело?
За кога си руменила лице,
Небы л' пошла за брата моѣга?"
Али рече Златка Ђуличића:
„О Бога ми харембаша Ибро!
Я ніесамъ огоила лице,

Ни ћу узет' царева Турчина,
Него Влаха изъ влашке краине,
А некаква Цмиљанић сердара,
Што га тамо у Котаре кажу,
Да болѢга у' краину нейма,
У краини Турской ни Каурской;
Па ћу ево бозна остарати,
А сердара нигда вићет' нећу."
Ньойзи рече Смиљанићъ сердаре:
,,А Бога ти Златка Ђуличића!
Є с' ли какавъ єзыкъ научила,
Што ти ове цуре неумію?"
Я самъ добаръ єзыкъ научила!
Ове цурре грчки неумію,
Збори грчки грчки разуміемъ."
Тако рече Смиљанићъ сердаре:
Ой бога ти Златка Ђуличића!
Бы ли по чем' познала сердара?"
Али вели Златка Ђуличића!
Быхъ я, я мнимъ, познала сердара!
Кад' є седамъ добіо мегданахъ,
На седмомъ є ранну задобіо,
То самъ чула ђе говоре Турцы,
Да є нѢму ранна на колѢну."
А да видишъ Смиљанићъ сердара!
Онъ подиже гаће за колѢно
Па се чини ка' да бухе тражи,
Ал' га позна Златка Ђуличића,
О грлусе нѢму обѢсила,
Полюби га и два и тры пута,
Да ко броіо єсъ и тридесъ путахъ,
Врагъ нанесе и несрећа црна,
Оно пашче Гоена Халийла,
Те Турцима Халилъ бесѢдіо:
,,Ава Турцы црнъ ви образъ быо!
Ђе пуштисте Влаха у ТуркинѢ,
Те онъ люби у колу ђевойке,
Видите ли Цмиљанићъ сердара?!"
Кад' то чуше Удбиняни Турцы,
Отидоше конѢ приводити,
Да ћерају Смиљанић' сердара,
Ал' то виђе Златка Ђуличића,
Па сердару ріечъ бесѢдила:
,,О сердаре, кукала ти майка!
Да невидишъ е си погинуо?
Познаде те Гоенный Халійле,
Да ты имашъ соколова крила,
Небы крила уніела меса,
А нека ли да унесешъ главе."
Одс сердаръ мыслит' и размышлат',
А гледати на четиры стране,
На кою ће яданъ побѢгн ти,
Докъ угледа четиры Маџара,
Они држе суру бедевію,
И воде є̑ Ђуличић' Нухану,
Да сердару посіече главу;
Ма долеће Цмиљанићъ сердаре,
Те посѢче четиры Маџара,
А уграби четиры улара,
Па посѢде бедевію суру,
Поћера є̑ полѢмъ зеленіемъ,
Ал' му неда ђаво пролазити,
До крозъ коло наћера кобилу,
Па ђевойцы пружи десну руку,
А ђевойка нѢму обадвіе,
Онъ є̑ за се на кобилу тура;
Увеза іой бедре у терћіе,
А ували ноге у зенђіе,
И побѢже полѢмъ широкіемъ;
За ньимесе поточъ отиснула,
Найпрвый є Гоеній Халійле
На Малійну коню дебеломе,
А кад' были у средъ поља равна,
Кобили є бреме отежало,
Достиже га Гоеній Халійле,
Па ми Златки Ђуличића виче:
,,Сестро моя Златка Ђуличића!
Нагни мисе тамо ял' овамо,
Да сердару посіечемъ главу!"
Сердарусе цура препанула,
Изнад' нѢга руке надизала,
А Халійлу ріечъ бесѢдила:
,,О мой брате Гоеный Халійле!
Я немогу тамо ни овамо,
Е ме свиня вляшка утегнула
Одъ бедарахъ до на врхъ ребарахъ,
Прођи съ пріедъ Гоеный Халійле,
Нет' ли нѢга съ пріедъ ударити."
Прође съ пріедъ Гоеный Халійле,
А да видишъ муке и невољѢ!
У сердара ниђе ништа нейма,
До нѢгова шупља цевердана,

Цевердану живу ватру даде,
Те погоди Гоена Халійле,
Халійлъ паде а сердаръ побѣже,
Ма га стиже диздаръ Осман-Ага,
И диздаръ є тако бесѣдіо:
Ћери моя, Златка Ђуличића!
Ну се нагни тамо ял' овамо,
Да сердару посіечемъ главу.“
Ал' є Златка ріечъ бесѣдила:
„О мой Даіо диздаръ Османаго!
Ни ти могу тамо ни овамо,
Е ме свиня влашка утегнула
Одъ бедарахъ до на врхъ ребарахъ;
Прођи съ пріедъ о мой міо Даіо!
Нет' ли нѣга съ пріедъ ударити.“
Прође съ пріедъ диздаръ Османаго,
А да видишъ муке и неволѣ!
У сердара нигде ништа нейма,
До нѣгова празна цевердана,
Ма се рукомъ у цепове тури,
Те извади єдну пушку малу,
Кою вазда рад' неволѣ рани,
Она спріима литру тученика,
А олова ни хесапа нейма;
Ню є ватромъ запаліо живомъ,
Те погоди диздаръ Османагу,
Посредъ уха, те паде безъ дуа,
По му главе пушка поніела,
Турчинъ паде подъ коня Зеленка,
Турчинъ паде а сердаръ побѣже,
А то чуо Петре капетане,
Па повикну тридесъ Котаранахъ,
Те сретоше Смилянић' сердара,
Западоше око друма пута,
Мимо себе нѣга пропустише,
А на себе Турке напуштише:
Те съ Турцима боя заметнуше,
Посѣкоше неколике главе;
На томесе мѣсту раздвоише,
И одоше у влашке Котаре,
Доведоше Златку Ђуличића,
Набавише и попа и кума,
Покрсти є и привѣнча за се,
Шъ ньомъ живіо, силно є любіо,
И шъ ньоме є породъ породіо,
Двіе шћеры а четиры сына,
По Котара они населише,
Сву Краину Турцима отеше,
Што бываловаздасе пѣвало! —.

117.

Турчин-чоекъ.

(Одъ Вулине Поповића истога ђака у Бѣлопавъ.)

Закукала кукавица црна,
У средъ зиме, кад' іой ніе врійме,
По Божићу о Іованю дану,
То небыла црна кукавица,
Него майка одъ Кладуше Муя;
Она кука, єсть іой за неволю,
Муя ми є у чету справила,
Зли іой гласи ютросъ допадоше,
Ђого дође, а Муіо недође,
Па ђогина седло подврнуто;
Ну да видишъ Муягине майке!
На ђогину седло направила,
За готове г' ясле привезала,
Па му зобы дае и сіена,
Гоила га за годину данахъ,
А кад' ђога добро угоила,
Онда метну ђога на телале,
Ціени га триста Мацаринахъ,
Ненађесе Кладуши юнака,
Ко ће купит' Муина ђогина;
Ко имаше парахъ несміяше,
Бояшесе да недође Муіо,
Да неузме главу и ђогина,
Ко л' сміаше парахъ неимаше.
То є мало доба постануло,
Зачуо є Огрaшићъ сердаре,
Міо сестрићъ одъ Кладуше Муя,
Изъ домасе Але подигао,
Те онъ двору Муягину пође,
А кад' дође двору Муягину,
Ту находи Муягину майку,
Пакъ іой Хале божю помоћъ зваше,
Одговара Муягина майка:
„Богъ дай тебе Огрaшићъ Алія!“
Ал' іой Але таде бесѣдіо:

,,Ой Бога ти Муягина Майко!
Дай ты мене вересіомъ ђога,
За годину триста Маџаринахъ,
Кунемъ тисе и вѣру ти даемъ,
Оћу тражит' мог' Даицу Мую."
Ал' да видишъ Муягине Майке!
Нѣму дае Муина ђогійна,
Отолесе Але подигнуо,
Ево пође одъ града до града,
Онъ стотину обиде градовахъ,
И шездесетъ и двіе касабе,
Ненађе му гроба ни мрамора,
Ни ти знадде ђе погибе Муіо;
А кад' дође у Типуну граду,
На вратима двіе страже нађе,
Што чуваю о Типуна врата,
Па є ньима Але бесѣдіо:
Отворте ми одъ Типуна врата!"
Но говоре двіе капиціе:
Неидесе у Типуну граду,
Безъ изуна одъ Типуна бана."
Таде Але ріечъ проговара:
Кудіе самъ досле доходіо,
Нигде изунъ ніесамъ вадіо!"
Пакъ имъ нагна претила ђогійна,
Онъ прескочи біелу хавлію,
Паксе скиде съ ђога дебелога,
Истури му о ункаша узду,
Самсе ђого по авліи вода,
Але бану пође на Дивану,
Па му Але божю помоћъ зваше;
Одговара одъ Типуна бане:
,,Богъ дай тебе силанъ Маџарине!"
Іошъ му бане ріечъ бесѣдіо:
,,Одкуд' дође силанъ Маџарине?
Кажи мисе одъ кога си града?!"
Онсе каже одъ Беча біѣла:
,,Барякtаръ самъ одъ Беча Ћесара,
Наѣдихсе я на нѣга нешто,
Пакъ отидохъ главомъ по свіѣту,
Намѣра меође наніѣла."
Ту сѣдоше ладно пити вино,
Даѣ имъ га банова ђевойка,
Како Алу чашу додаваше,
Сваку піе Ограшићъ Алія,
Сваку піе неокваша брка,
Но говори банова ђевойка:
,,Чуѣшъ бабо одъ Типуна Бане!
Како піе силанъ Маџарине,
Башъ ка' да є соя Муягина."
Таде рече Ограшићъ Алія:
,,О Бога ти о Типуна бане!
Єдда штогођъ знадешъ за Муягу?"
Нѣму вели о Типуна бане:
,,Ево Муя у тавницу мою!"
Ка то зачу Ограшићъ Алія,
Онъ пошета тавницы на врата,
Па ми кличе грломъ и авазомъ:
,,Єси ли ми у животу Даіо?!"
Кад' га зачу одъ Кладуше Муіо,
Алии є ріечъ бесѣдіо:
,,Одкуд'ође божій несретниче?
Коѣ' су те виле доніѣле?
Ты да имашъ соколова крила,
Небы пера изніѣла меса!"
То зачуо о Типуна бане,
Да є оно Ограшићъ Алія,
Міо сестрићъ одъ Кладуше Муя,
Онъ намигну окомъ на џелата,
Џелатъ махну посѣче Алію,
Пакъ извади изъ тавнице Муя,
Пакъ є Мую бане бесѣдіо:
,,Мећи Муіо главу на откупе!"
Таде бану Муіо бесѣдіо:
,,Даћу блага колико ти драго,
Теке мени неизгуби главу!"
Мую вели о Типуна бане:
,,Имамъ блага, одъ Кладуше Муіо,
Блага имамъ хесапа му неймамъ;
Но хот' ли ми тврду вѣру дати?
Да доведешъ твою милу секу,
Да є узмемъ за вѣрену любу."
Бану Муіо тврду вѣру дава,
Да ће довест' свою милу секу.
Кад' то виђе о Типуна бане,
Набавіо тры бербера млада,
Те бріяю одъ Кладуше Муя,
Єданъ міе, другій косу бріе,
А трећій му нокте сарезуѣ,
Пакъ му даде свіетло оружѣ,
И даде му своега врањчића,
А Муина устави ђогійна.

Отоленсе Муіо подигнуо,
Муіо горомъ и планиномъ пође,
Докле Муіо у Кладушу дође,
Ту му тежкій шенлукъ учинише,
Ту є Муіо ноћцу омркнуо;
А кад' свану, и сунце ограну,
Таде Муіо секу оправіо,
Па са Секомъ Муіос' уздигнуо,
Оде шъ ньоме горомъ и планиномъ,
Докле дође до Типуна града,
Како дође предъ Бана изиђе,
И даде му секу за любовцу,
А банъ Мую дебела ђогійна,
Іошъ му вако бѣше бесѣдіо:
,,Ето Муіо твоега ђогійна,
Што мом' граду прескаче капіе,
Ал' за Хала за сестрића твога,
Да већ' нейма збора ни спомена,
Е поселе мы смо пріятельи."
Тако было ка' се и чинило.

118.

Пустахія Лука.

(Одъ попа Іована Кнежевића Войводе у Бѣлопавлићу.)

Кньигу Хасанъ Велизовићъ пише
Исъ питоме Жупе Грачанице,
Те є шилѣ подъ Острогъ планину,
А на име своме побратиму,
Побратиму пустаихи Луки,
У кньигу га мило поздравяше:
,,Знашъ ли Лука кадсе братимлясмо!
Па немасмо дасе даруѣмо,
Ходи къ мене у питому Жупу,
За тебесамъ дара набавіо."
Кад' є Луки кньига допанула,
Опедесе што мого найлѣпше,
И отиде у питому Жупу
На дворове свога побратима,
Онъ неводи друга ни єднога;
Добро га є Хасанъ дочекао,
Шире руке у лицасе любе,
За юначко здравѣ упитаю,
За готову совру засѣдоше,
Даѣ Турчинъ пиво свакояко,
Ал' придае побратиму своме,
Онъ придае траву афіуна,
Намѣнюе да мусе дріемлѣ,
Паде Лука главомъ у трпезу,
Скочи Хасанъ савеза му руке,
На руке му мећe билензуке,
А на грло синциръ гвожђе тешко,
И на ноге коньске букагіе.
Пакс' отоле Туре подигнуло,
Отишло є Оногошту граду
На дворове Омер-барякгара,
Те Оммеру фата муштулуке:
,,Муштулукъ ти міо побратиме!
Я самъ тебе уфатіо Луку,
Што є твога баба погубіо,
Ено ми га дома на дворове,
Свезане му и ноге и руке."
Отолесе Турцы подигоше,
Отидоше у питому Жупу,
Ту нађоше Луку савезана,
Омеръ га є ногомъ ударіо;
,,Копиляне Пустаия Лука!
Чіега си погубіо баба?"
Па отоле одведоше Луку,
Скидоше му зинциръ гвожђе тешко,
И съ ногухъ му мичу букагіе,
На руке му метаху конопе,
Па га воде Оногошту граду;
Кад' су были посредъ Сливя равна,
Но говори Омербаряктаре:
,,Копиляне Лука Пустахія!
Видишъ тврда Оногошта града,
Колико є на нѣм' главе мртве,
И твоя ће онђе окапати."
Кад' то зачу Лука Пустаия,
Турчину є тіо говоріо:
,,Прођи месе Омеръ баряктаре!
Давносе є Лука осветіо,
Ћераюћи конѣ и волове,
И сіекућ' пасѣ Турске главе."
То Турчину мучно жао было,
Одъ пояса саблю извадіо,
Махну сабіомъ да га посієче,
Лука яданъ руке надодае,

Пресѣче му на руке конопе,
Кадсе Лука рукухъ дофатіо,
О Турчина хитро одскочіо,
Па покупи комунско каменѣ,
Турчина є у главу удріо,
Мртво Туре паде на долину,
Скочи Лука посѣче му главу,
И узе му коня и оруже,
Здраво пођe у Бѣлопавлиће;
Скупи Лука седам-осамъ другахъ,
И отиде Жупи Грачаницы,
На біѣле овце Хасанове,
Башъ Хасана свога побратима,
Посѣче му два близанца-сына,
И ођера овце свеколике,
Вратіо му вѣру, за невѣру — .

119.

Маркова женидба.

(Одъ Николе Митровића ускока Морачкога.)

Прва ріечъ: Боже нам' помагай!
Друга вазда: Хоће акобогда!
На овоме мѣсту и свакоме,
Домаћину и у домъ ко му є.
А по томе, браћо моя драга!
Ако умѣхъ пѣсну да ви кажемъ:
Краљићъ Марко сѣде на вечеру,
Са нѣговомъ остараломъ майкомъ,
А майка му руйно служи вино,
Па кадесе вина напоише,
А одъ вина радостъ опазише,
Дође лице како руйно винце,
Таде майка Марку бесѣдила:
Што ме Марко мучишъ остаралу?
Тесе сынко нећe оженити,
Нећe мене снаху испросити,
Мене снаху тебе вѣрну любу?
Немогу ти хизметъ учинити
У твоѣму господском' оџаку,
Немогу ти служит' вино руйно."
Тада Марко майцы бесѣдіо:
Млого землѣ и градовахъ пројогъ,
И ненађохъ за мене ђевойке,
Ђе ли нађогъ за мене ђевойку,
Ту ненађохъ пріятеля за те,
Съ ким' бы пила црвеннога винца;
До 'во єдномъ майко Євросима,
Біяхъ майко у землю Маџарску,
Дођогъ мале на бунаръ на воду,
И ту виђогъ на бунаръ ђевойку,
Каде самъ є̑ майко сагледао,
Окренусе око мене трава,
Имахъ панут' са Шарійна мога,
Ђерца бѣше краля Шишманина,
И та бѣше за мене ђевойка,
За те мале добры пріятельи,
Съ ким' бы пила црвенику вино."
Таде Марку рече Іевросима:
„Хайде Марко те проси ђевойку!
Тада Марко рече Євросими:
„Како съ ютра біо данакъ дође,
Міеси ми лахке брашненице,
Оћу поћи да просимъ ђевойку,
Оћу тебе волю испунити,
И тебе ћу снаху добавити."
А кадъ зачу майка Іевросима,
То є ньойзи врло мило было,
Нећe она ни зору чекати,
До міеси лахку брашненицу,
Све до зоре майка сигурала,
Каде свану и данакъ настану,
Тесе Марко Кралѣвићъ спремаше,
Масе Марко дивно ођенуо,
На се ђузелъ ђеисію тура,
А на ноге меневли чакшире,
На чакшире ковче єждирліє,
А на кофче сребрне синџире,
На синџире златне трепетльике,
Што Туркинѣ носе исподъ грла,
А Марко ихъ тура по ногама;
Па на тело бурунџукъ кошулю,
На кошулю црвену доламу,
На доламу токе позлаћене,
А на главу самуръ и челенку,
Златне ките пале му до паса,
И одъ токахъ ђуле поклопиле
И то Марку згодно одговара;
Паксе жицомъ златномъ утегнуо,

И о бедры саблю припасао,
Пале златне ресе до травице,
Свакій чифтъ є одъ жута дуката,
Таде Марко на млађе повикну:
,,Дайте слуге дебела Шарійна!“
А слуге му Шара изведоше,
И Шара су дивно опремили,
Оседлали седломъ сребрніемъ,
Зауздали ђемомъ найлюћіемъ,
А турили златна силембета,
Па по седлу пулли-хабахію,
Све ђумишли пулле и топчаза,
Прекрише га чохомъ до колѣна,
Одъ колѣна ресе до копита,
А по чоси жицомъ извезено
Све одъ срме и жежена злата;
На нѣгова седла уябуцы
Истурена два камена драга,
Што вальяю два царева града,
Види Марко ити безъ мѣсеца,
Како у данъ кад' огріе сунце,
Свіетле му два драга камена.
Онъ обѣси топузъ о ункашу,
У коме є сто и двадестъ окахъ,
Съ друге стране у мѣшини вино,
Мало више у мѣшини было,
Некрива му ни тамо ни амо,
Прекрстисе Шара закрочіо,
Па є Марко ріечъ бесѣдіо:
,,Остан' зъ богомъ майко Іевросима!“
Марку майка лѣпшу одговара:
Пођи зъ Богомъ Марко у добрый-часъ,
На путу ти добра срећа была!“
То му рече, и оћера Шара,
Оде Марко земльомъ и свіетомъ,
Пробе Марко четересъ градовахъ,
А толико трое паланакахъ,
Докле дође у землю Мацарску,
А предъ кулу краля Шишманина,
Виђе кралю са біеле куле,
Па слугама ріечъ бесѣдіо:
,,Айте слуге те сретите Марка!
До землѣсе црне поклоните,
И подъ ньиме Шара прифатите,
Немойте му обискиват' скуту,
Яли скуту ял' біелой руцы,
Може быти да є пянанъ Марко,
Те ве Шарацъ хоће погазити,
А грдну ве ђецу оставити.“
Омахъ слуге краля послушале,
И сретоше Кралѣвога Марка,
До землѣсе црне поклонише,
И подъ ньиме Шара прифатише,
Таде Марко Шарійна осѣде,
И отиде на біелу кулу,
На ноге га кралѣ дочекуе,
Шире руке па у лицас' любе;
Питаюсе за миръ и за здравѣ,
Па сѣдоше, тесе одморише;
Брже слуге совру поставише,
Доніеше сладкишъ и ракію,
И за мезу сваку ђаконію,
Приніеше муселеза вина,
Доксе Марко вина напоио,
Процавће му ружа на образу,
Таде съ кральомъ бесѣдити поће,
И просити за себе ђевойку,
Марко проси даде му є кралѣ;
Докле Марко испроси ђевойку,
Похарчіо ціо товаръ блага,
А докъ тури прстенъ на ђевойку,
Похарчіо хиляду цекинахъ,
Теке што є Марко похарчіо,
Кралю све є у вину попіо,
Іошъ га доста ніе напоио.
Таде поче уговарат' Марко,
Колико ће куппити сватовахъ,
Кад' ће Марко доћи по ђевойку,
А то слуша кралѣва кральица
Па є Марку тіо бесѣдила:
Міо зете Марко Кралѣвино!
Куппи сватахъ колико ти драго,
Вазда самъ ихъ дочекати кадра,
Тек' те молимъ да мой зете міо,
Неводи ми туђина ђевера,
До я брата, яли братучеда;
Акол' неймашъ тога ни єднога,
Зови Марко богомъ побратима,
Побратима Земльића Шћепана,
Дѣвойка є на свіету красна,
Нейма друге нак' у горы виле,
Ясе боимъ срамота ће быти...“

То му рече, па Марко скочіо,
И кралю є ріечъ бесѣдіо:
,,Наточи ми у мѣшину вина!
Е немогу топузъ обѣсити,
Съ пунахномъ самъ нѣга угодіо.“
А то кралю мило небіяше,
До му друга быти немогаше,
Све му Марко вино похарчіо,
Докъ съ мѣшиномъ топузъ умѣріо,
Па отиде низъ біелу кулу,
А слуге му Шара приведоше,
Къ бинѣктешу студену камену,
Прекрстисе Шарца закрочіо,
А кад' Марко закрочи Шарійна,
Рече Марко: ,,Язукъ тебе кралю!
Што ме некѣе напоити вина.“
А то зачу кралѣва краљица,
Те є брже слуге оправила,
Пуну купу доніеше вина,
Пуну купи тридестъ и петъ окахъ,
Додаше є Марку на Шарійна,
Попій Марко брка несквасіо,
Па є Марко ріечъ бесѣдіо:
,,О краљице, о мила пунице!
Кад' си мене поити почела,
Напои ме баремъ сада вина,
Да я тебе жеданъ неокренемъ
Испредъ твога господска оџака,
Е кад' дођемъ у Прилипа мога,
Питаѣе ме майка Іевросима,
Іесте ли ме како дочекали,
Єсте ли ме винка напоили,
Дасе фалимъ и за васъ є болѣ,
Дасе кудимъ вама є срамота.“
А кад' зачу кралѣва краљица,
Анђелію ѣерџу дозиваше:
,,Айде ѣеры узми купу златну,
Те наточи пуну купу вина,
Самотока, вина муселеза,
Те понеси Марку господару,
Поклони му и купу и вино,
Нексе тобомъ прозъ градове фали,
И у Прилипъ остаралой майцы,
Како си га рада дочекала.“
А то шѣери врло мило было,
Што є майка нѣна научила,
Па скочила вина уточила,
Носи купу Марку господару,
Па є нѣму стидно бесѣдила:
На поклонъ ти и купа и вино!
Іошъ те молимъ драгій господаре,
Тысе немой жалит' на тазбину,
Болѣ кажи нео ти є было,
Ради хрза и поштеня свога.“
Таде Марко купу доватіо,
Попи Марко вино свеколико,
Купу Шару тура у зобницу,
Па онъ руку спусти у џепове,
Те извади хиляду дукатахъ,
Те дарива свою заручницу;
Полюби га у скутъ и у руку,
Па му таде дара приватила,
Іоште іой є Марко бесѣдіо:
Одохъ жеданъ кодъ мое тазбине,
Да ми небы мое заручнице!“
То рекао, Шара оѣерао,
Ђевойка га очима пратила,
Докле Шарче у полѣ замачо,
Па са собомъ сама бесѣдила:
Пођи зъ Ботомъ Марко господаре!
И да Богъ да и Богородица,
Да ми здраво у Прилипа дођешъ,
И да майку у весѐлю нађешъ.“
То изрече па у кулу пође,
Марко оде и градове прође,
Здраво дође Марко у Прилипа,
Свою майку нађе у авлію,
Па ми ньойзи божю помоѣъ дава,
Майка нѣму помоѣъ прифатила,
И подъ ньиме Шара уфатила,
Те га води у свое харове,
Марко ходде на біелу кулу,
Сѣде Марко на мехка шилтета,
А майка му вина доніела:
Знаде майка жуди Марко вина,
Кадсе Марко вина понапіо,
Процавѣе му ружа на образу,
Найпре бѣла па ижъ нѣ румена;
Знаде майка годетъ своме сыну,
Па є таде сыну бесѣдила:
,,Єс' ли сынко путовао мирно?
Єс' ли мене снаху испросіо,

Мене снаху тебе вѣрну любу?
Да те ніе когодъ наѣдіо?
Єсу ли те како дочекали,
Єсу ли ти дости вина дали?“
Марко майцы бесѣдити пође:
„Я самъ тебе путовао мирно,
Тебе майко снаху испросіо,
Тебе снаху мене вѣрну любу;
Мене ніе нитко наѣдіо,
До су мене дивно дочекали,
А дости ме вина напоили.“
Рече Марку майка Іевросима:
„Кад’ си сынко свадбу одгодіо?
Колико си сватахъ погодіо?“
„Згодно су ми майко бесѣдили,
Я да куппимъ колико ми драго,
А да идемъ кад’ є мене драго;
Кральица є мене бесѣдила,
Да неводимъ ябану ђевера,
До я брата, яли братучеда,
А я неймамъ тога ни єднога.“
Ал’ є майка Марку бесѣдила:
Ако ћешъ ме послушати сынко,
А ты имашъ Богомъ побратима,
Зовни сынко Земльића Шћепана,
Зови кума дужда одъ Млетакахъ,
Куппи сынко на прешу сватове,
Води любу честита ти была.“
Иде Марко по хайтару майцы,
Тогай часа свате куппит’ пође,
Скупи Марко тры хиляде сватахъ,
А у ньима тридесть барјактарахъ,
По стотина иде за барякомъ,
Такій хадеть бѣше у Србиня;
Зове кума дужда Млечанина,
А ђевера Земльића Шћепана,
Пакс’ отоле Марко подигнуо,
А поведе тры хиляде сватахъ,
Марко пође и градове пређе,
Здраво дође у землю Маџарску,
А подъ кулу краля Шишманина,
И подъ кулу конѣ осѣдоше,
Бойна копя земльи пободоше,
А за копля конѣ повезаше,
Пободоше крсташе баряке,
Па пропеше біеле чадоре,
Па сѣдоше почиват’ одоше,
Кралѣ имъ є таинъ износіо,
Доста вина, а доста ракіе,
Ести меса, а дости сомуна,
Поставіо шездесетъ акчіяхъ,
На педесетъ другахъ по єднога,
Саму Марку тры акчіе младе;
Тусе Србы рахатъ учинише,
И ту тавну ноћцу заноћише,
А кад’ свану, и данакъ настану,
Завикаше сватовскіи чауши:
„Хазуръ да сте кићены сватовы!
А ђеверы на коня ђевойку!“
То зачули кралю и кральица,
Ђеверима додаше ђевойку,
Поніеше господске дарове,
Дариваше господу сватове,
Све знадоше за што кои бѣше;
Некомъ яглукъ, а неком’ бошчалукъ,
Даше куму дужду Млечанину,
Даше нѣму одъ злата ябуку,
У ябуцы свирке и боріе,
Оне свире како у юнака,
Е на чекртъ бѣху начинѣне,
Ка’ и поправъ кралѣвска уредба.
А ђеверу Земльићу Шћепану,
Даше нѣму одъ злата синію,
По ньойзи су ствары свакояке,
Преко нѣ’ є змія веружана,
Повысоко глава подигнута,
У зубима халемъ каменъ храни,
Тесе на ню види вечерати
У поноћи кадъ венера нейма,
Како у данъ кад’ огріе сунце.
Ђувегліи Марку Кралѣвићу,
Даше нѣму саблю оковану,
Саблю сабльи, за нѣ . . . є и бые:
На ньойзи су тры гайтана златна,
А на ньима тры камена драга,
Што вальяю тры найболя града,
Іошъ сувише коня и ђевойку,
То му даше паксе подизаше,
А развише свилене баряке,
Ударише свирцы и тамбурцы,
И остале многе давоніе,
И одоше полѣмъ зеленіемъ,

А кад' быше на средъ поля равна,
Віяръ вѣтаръ пухну одъ планине,
Танакъ бѣше дувакъ на дѣвойцы,
На главу іой дувакъ устуріо,
Указасе на ђевойцы лице,
Ка' на зоры звіезда даница,
О сватовахъ нико невиђаше,
Доко кума дужда Млечанина;
Како куми лице сагледао,
На кумусе хашикъ учиніо,
Па кад' буше на конаку првомъ,
Таде дужде рече Млечанине:
,,О ђевере Земльићу Шћепане!
Издай мени Маџарке ђевойке...
Мое куме... твое снаше миле,
Ево теби пуна чизма блага.“
За то Земльићъ главу неокреће,
А ту тавну ноћцу заноћише,
Како свану рано подранише,
И одоше горомъ и планиномъ,
А кад' быше на друге конаке,
Но све дужде мысли Млечанине
Та како ће облюбит' Маџарку,
Опетъ вели Земльићу Шћепану:
,,О ђевере Земльићу Шћепане!
Издай мене Маџарку ђевойку,
Снаху твою милу куму мою,
Ево теби чизме двіе блага.“
Одиста ѥ издати оћаше,
Чека више да измами блага,
Па ту тавну ноћцу заноћише,
Како свану рано подранише,
Ђзде они горомъ и планиномъ,
Докле буше на трећем' конаку,
Рече опет дужде Млечанине:
,,О ђевере Земльићу Шћепане!
Издай мене Маџарку ђевойку,
Куму мою, милу снаху твою,
Ево теби и тры чизме блага!“
На благосе Земльићъ слакоміо,
Те за благо продаде поштенѣ,
Издаде му куму снаху милу,
И даде ѥ нѣму подъ чадора,
Виђе млада Маџарка ђевойка,
Виђе млада да ѥ прієвара,
Стои млада сѣсти неоћаше,
А рече іой дужде Млечанине:
,,Сѣди кумо Маџарко ђевойко!“
А Маџарка нѣму бесѣдила:
,,Рашта куме да нађешъ одъ Бога?
Рашта хоћешъ да облюбишъ куму?
Богсе хоће прогнѣвити на те,
Над' тобомсе небо проломити,
А подъ тобомъ земля провалити.“
Но дужде іой рече Млечанине:
,,Кумо моя Маџарко ђевойко!
Я 'самъ седамъ кумахъ облюбіо,
Седамъ досле кумахъ вѣнчаніе,
Па се ніе небо проломило,
Ни пода мномъ земла провалила,
До ход' сѣди друга быт' неморе!“
А Маџарко мудра и разумна,
Па іошъ нѣму річъ бесѣдила:
,,Стара ме є майка проклиняла,
Да нелюбимъ брадата юнака,
Потлѣ момче младо голобрчс,
Како што є Марко Кралѣвићу,
Сѣмъ ако ћешъ мене послушати:
Да обріешъ дужде свою браду,
Таде ћешъ ми облюбити лице.“
Премударъ є дужде Млечанине,
Мударъ быо, паксе манит' нађе,
Те є свою браду обривао,
Маџарка ѥ узела у руке,
Па у златанъ яглукъ завіяла,
Па ѥ млада у нѣдарца тура,
По и дужду річъ бесѣдила:
,,Ну изиди на врата шатора!
Да ми кажешъ ђе коначи Марко,
Да я виђу є ли Марко близу,
Може Марко чути я виђети;
Па ни теби добра было небы,
Акамоли мене и ђеверу,
Ђе є воля быће и неволѣ! —“
Изидоше на врата чадора:
,,Видишъ кумо Маџарко ђевойко!
Ђе 'но гори тридесетъ венерахъ,
Нећe Марко чути ни виђети.“
Нѣму млада говори Маџарка!
,,Айде уђи подъ чадора куме!“
Бржес' дужде врну подъ шатора,
А Маџарка врата притворила,

Па на врата резу натурила,
Па утече подъ чадора къ Марку;
Каде уђе подъ чадора млада,
Сѣде млада Марку више главе,
Марко спава ништа неопажа,
А Маџарка грозне сузе валя,
Марка сузе грозне покапале,
Жалостиве па га опржиле,
Скочи Марко ка' дасе помами:
Кад' ђевойку Марко сагледао,
Па є ньойзи ріечъ бесѣдіо:
„О ђевойко соя хоряскога!
Ђе неморешъ дочекати млада
Докле дођешъ у Прилипа града,
И докъ божій законъ савршимо."
Ма ђевойка Марку бесѣдила:
„Карай кума дужда Млечанина!"
Па све Марку по истини каже,
А Марко іой ништа невѣруе,
Испатъ млада у нѣдры носаше,
Па га Марку тури на колѣно,
Кад' є Марко браду сагледао,
Виђе Марко да истина бѣше,
Єдва Марко зору дочекао,
Како свану Марко подраніо,
Побратиму подъ шатора уђе,
Па ми шъ ньиме говорити пође:
„Е се снаха на ђевера фали!"
Нешто Земльићъ изговорит' ћаше,
До му Кральићъ Марко недаваше,
Сабльомъ махну посѣче му главу,
Пође куму своме подъ чадора,
Па онъ куму подъ чадора уђе,
Паксе шъ ньиме разговарат' пође:
„На те мисе кума пофалила,
Е 'си куму на стиму водіо,
И твою іой браду даривао,
И я ћу ти за стиму пріймити,
Твою милостъ поштенѣмъ вратити."
Тад' му стаде дужде бесѣдити,
Лагат' оде до му непомага,
Бы слагао, до неда му брада;
Таде Марко дужду бесѣдіо:
„Све ћу тебе куме вѣровати,
Ако ти є брада осванула,
Брада дивна на манитой глави,
Теке кад' те надмудри ђевойка,
Ту неймаде ни главе ни браде,
До тек' бруке и грдила свога."
Іоште дужде бесѣдити ћаше,
До Кральићъ му Марко недаваше,
Сабіомъ махну посѣче му главу,
Па ђевере двое поставіо,
И одоше земльи по ћенару,
И дођоше біелу Прилипу,
Све ихъ дивно Марко дочекао,
Гради свадбу за петнаесъ данахъ,
А кадасе свадба разметнула,
Зове кума краля одъ Будима,
Те га вѣнча съ Маџаркомъ ђевойкомъ.
Одъ насъ пѣсна и помоћъ одъ Бога,
Да поможе у домъ домаћина,
Іошъ комусе у домъ намѣріо,
Све му здраво и весело было,
И ђурђева данка доживило:
Све у славу Бога истинога
А у здравѣ владыке светога,
Коино є нама на Цетинѣ,
Да му Богъ да и животъ и здравѣ,
И у роду радость и веселѣ.

120.

Жеравица Війдо.

(Одъ истога Благоте Бѣлопавлића.)

Вино пію до два побратима,
Е га пію на врхъ Косовога,
Едно ми є Воиновъ Милошу,
А друго є Жеравица Війдо,
Па кадасе понапили винца,
Е се Війдо за бркъ доватіо:
„Десный брче ђе ћешъ окапати!?
Оли остат' стойну Цариграду,
Ал' ћешъ остат' ође у Косово?"
У ріечи кою бесѣђаше,
Погледао посредъ Косовога,
Онъ угледа пунъ барякъ Туракахъ,
Па своѣм' ихъ побратиму каже:
„А ну виђи міо побратиме,
Погледай ми штосамъ угледао,
Ено Турак' у наше Косово!

Да бѣжимо утећ' неморемо,
Да можемо неимамо када,
Да чекамо, чекат' несміѣмо."
Алсе коняхъ добріехъ дофате,
Поскочише полѣмъ Косовіемъ,
Но ихъ были Турцы поћерали,
А кад' были насредъ Косовога,
Тако Вийду лоша срећа была,
Коньицъ му є ногу ишчашіо,
Таде Турцы облећеше Війда,
Но є Війдо и одвише юнакъ,
Одъ пояса двіе пушке трже,
Одъ образа живу ватру пали,
Те обори два найболя друге,
Таде Війда уфатише Турцы,
Нехоте га ни клати ни сѣћи,
Но му вежу руке наопако,
И воде га своему везиру;
Кад' га свомe доведу везиру,
Ту є Війде и више копиле,
Овако є везиру зборіо:
,,О везиру драгій господаре!
Немой мене изгубити ођe,
По тришъ ђу ти измѣритсе благомъ."
На благосе везиръ слакоміо,
Довати га за біелу руку,
И тиште га у ледну тавницу,
Те тамнова за неђелю данахъ,
Кадсе пуна испуни неђеля,
Атол' иду неколико булахъ,
Изгреблесе и кукаю: ,,Леле!
Ай помагай честитій везиру!
А помагай на Війда крвника,
Е ни вражѣг' брата неостави,
Недавно ихъ тридестъ изгубіо;
Акол' Війда изгубити нећешъ,
Мы одосмо цару на Дивана,
Казати му што є и како є,
Па везире чувай свою главу."
Везирсе є добро препануо,
Те онъ Війда вади исъ тавнице,
А ка' виђе Жеравица Війдо,
Е ће яданъ сада погинути,
Онъ говори Турскоме везиру:
,,Ой тако ти честитій везиру!
Подай мене дивит' и хартіе,
Е ђу писат' листъ кньиге біеле,
Да га шилѣмъ остаралой майцы,
Да іой кажемъ ђе є мое благо."
Оно везиръ єдва дочекао,
Доватіо дивитъ и артію,
Неписао чимсе кньиге пишу,
Но изъ грла своіомъ црномъ крвомъ,
Па кад' бю кньигу накитіо,
Одиста га изгубит' оћаше,
Но є Війдо іошъ више копиле,
Везирову ћорду докопао,
А кад' виђе честитій везире,
Земльи паде молит' мусе стаде;
,,Немой мене Війдо изгубити!
Право ћу ти судит' у Туракахъ."
За то Війдо необрће главе,
Махну ћордомъ главу му посѣче,
Па везирска зграбіо єдека,
Бѣжи отле кро сву Турску войску,
Війдо бѣжи земльомъ и градовма,
Кои бы га изгубити мога',
Оній Війда изгубит' неоће,
А ко ћаше оній немогаше,
Оде Війдо здраво и весело,
Дома нађе Воиновъ Милоша,
Све му што є и колик' є каже,
Паксе таде побре целиваше,
И милога Бога прославяше.

121.

Смртъ Маркова.
(Одъ Петра Буканова изъ Мораче.)

Громъ греди Кралѣвића Марко,
На Шарчићу коню великоме,
Оде мусе Шарацъ потицати,
Низъ образе сузе просипати,
Кралѣвићъ му бесѣдіо Марко:
,,Дура Шаро, дура мое добро!
Одкакосамъ тебе набавіо,
Ево данасъ сто и шестъ годинахъ,
Ніесисе нигда спотакао,
И низъ образъ сузе просипао,
То ли ћемо оба погинути,
Яли оба, ял' єданъ Шарійне."

А вила га са горе кликала:
,,О делiо Кралѣвиħу Марко!
Ћерай коня на вргъ одъ планине,
На Урвину широку равнину,
Надклонисе на бунаръ на воду,
Па ħешъ виђет' ђе ħешъ умрiети.“
А Кралѣвиħъ наħера Шарчину,
На Урвину широку планину,
Надклонисе на бунаръ на воду,
А кад' виђе да ħе умрiети,
Тада Краљиħъ Марко проѓовара;
,,О свiету лаживый цвiету!
Живлѣгъ триста и седамъ годинахъ,
Данасъ ми є умрiети жао,
Ка' и юче да 'самъ настануо.“
Па дебела посѣче Шарiйна,
Затури га подъ буково шушлѣ,
Сломи копѣ на двое на трое,
Па га тури у бунаръ у воду,
Баци топузъ съ Урвине планине,
Дотури га у воду Дунаво;
Свуче Марко зелену доламу
Прострiе ѐ на земљицу црну,
На ню Марко боло定ват' отиде,
Па довати дивитъ и артiе,
Те написа листъ кньиге бiеле,
И тури ѐ друму на средину,
А заједе у єлову грану,
Ньомсе Краљиħъ поздравiо Марко,
Побратиму старцу Патрiару,
Одъ бiеле Вилендара цркве,
Iошъ у кньизи бесѣдiо Марко;
,,Носите ме цркви филендару,
Закопайте подъ патосъ одъ цркве,
Нечинте ми гроба ни мрамора,
Нексе бое по краини Турцы,
И одъ мртва Марка Кралѣвога.“
Iошъ остави тры ħемера блага,
Єданъ ħемеръ ко га онђе нађе,
Другiй ħемеръ ко ђе носит' Марка,
Треħiй ħемеръ за опиеванѣ-
Паксе Краљиħъ преставiо Марко,
Лежи мртавъ за неħелю данахъ,
Когодъ Марка мртца наођаше,
Свакъ мняваше да Марко спаваше,
Нико къ нѣму налѣст' несмiяше,
Но свраħаше съ пута покрай пута,
Е ħе сана пробудити Марка,
Па му Марко изгубити главу;
Докъ ево ти црна калуђера,
Изъ бiеле Вилендара цркве,
Iоште шъ ньиме Мiаила ђака,
Кад' ли мртва сагледаше Марка,
Одъ Маркасе мртва препадоше,
Свакъ мняваше да Марко спаваше,
Покрай пута свраħат' отидоше,
Угледаше бiелу хартiю,
У єловой зађенуту граны;
Кад' калуђеръ кньигу проучiо,
Алсе Марко бѣше преставiо,
Па дебела одяха ђогiйна,
Кралѣвиħа мртва товарiо,
Оħера ге Вилендары цркви,
Закопа го подъ партосъ одъ цркве,
Нечини му гроба ни мрамора,
Нексе бое по краини Турцы,
И одъ мртва Марка Кралѣвиħа,
А узе му тры ħемера блага,
Узео є што є заслужiо,
Кад' є Марка мртва послужiо.

122.

Женидба Огнян-Вука.

(Одъ Димитрiя Войводиħа Игумна у Мру Жупе Грачаничке.)

Подранiо Огнянине Вуче,
Подранiо у ловъ у планину,
У неђелю на Васкрсенiе,
За ньим' стара майка пристаяше,
А те нѣму тiо говораше:
,,Неид' тамо Огнянине Вуче!
А нейдесе ютросъ у планину,
Но се ютросъ иде къ Намастыру,
Да се молишъ Богу по закону,
Да остоишъ божествену тайну.“
Вукъ бiяше майку неслушаше,
Но отиде горы усъ планину,
Кад' є быо на друму зелену,
Кад' ево ти на друму ђевойка,

За пасомъ іой шипка одъ челика,
А узъ рамо злаћена стріела,
Тіо Вуче ньойзи проговара:
,,Макс' отоле са друма ђевойко!
Е л' немогу гріешити душу,
Ни ти мою саблю поганити,
Быхъ ти младой осѣкао главу,
Яли твое лице нагрдіо,
Или твое очи замутіо..."
Тіо нѣму млада проговара;
,,Чу ли Вуче єдиній у майке!
Я быгъ теби очи опалила,
И зенице црне извадила,
Осветила побратима мога,
Побратима Марићъ Усеина,
Што си нѣга погубіо лани
На Кружчицу на воду студену;
Майку ты му завіо у црно,
Оставіо майку самохрану,
Оставіо секу бе заклетве,
Ка' и твое што ће' остануги,
Данасъ, Вуче, у горы зеленой,
Да одъ кога небы ни жалio,
Одъ ліепе на друму ђевойке."
За то Вуче ни хабера нейма,
Него пође мало напріеда,
Неће л' бѣлу вилу уфатити,
Виђе вила да є погинула,
Она запе стрелу за тетиву,
Она гађа Вука Огнянина,
Лахко гађа добро погодила,
Посредъ паса да нечини гласа;
Вуче паде у траву зелену,
Вуче паде а вила допаде,
Неће ли му очи извадити,
Виђе Вуче ђе є погинуо,
Богомъ куми пребіелу вилу:
,,Богомъ сестро одъ планине вило!
Немой мени очи извадити,
Ни ти мое лице нагрдити,
Чини мисе нећу умріети."
Війла была за Бога пріймила,
Па є нѣму животъ опростила;
Па юнака тури на ђогина,
А посла га двору біеломе,
По соколу Комненъ барякгару,
Іошъ є вила Вуку говорила:
Побратиме Огнянинѣ Вуче!
Када дођешъ твом' біелу двору,
Заклописе у шикли-одаю,
А ђе тебе нико недолази,
Я ћу доћи на пенцеръ одъ куле,
И доніет' быля свакояка,
Я ћу твое ранне извидати."
Оде Вуче двору біеломе,
Кад' ли дође свом' біелу двору,
Заклописе у шикли-одаю,
А ђе Вуку нитко недолази;
Ћаше ядна остарала майка,
Да превія своме сыну ранне,
Но іой неда Огнѣнине Вуче,
А то време за мало стануло,
Ал' ево ти одъ планине виле,
Она носи былѣ свакояко,
Она вида Огнянина Вука,
Видала га те га извидала,
Па є она Вука оженила,
Другомъ виломъ изъ горе зелене,
О а вѣнча Огнѣнина Вука,
Вукъ є съ виломъ породъ изродіо,
Породіо Змай и Огнянъ Вука,
Па сѣмъ здравѣ и помоћъ одъ Бога,
Нек' такога Срба свакоега! —.

123.

Оклада.

(Одъ Перована Марушића изъ Дабоевићахъ села у Бѣлоп.)

Вино пиле Србске воеводе
У Призрену у стойноме граду,
Међу нъима Србскій царь Шћепане,
А кадасе напоише вина,
Онда вели Србскій царь Шћепане:
,,Е тако ви Срби браћо драга:
Ђе градисмо велѣ грађевине,
По свіету млоге задужбине,
Градисмо ихъ ама некитисмо,
Да л' у мене воеводе нейма?
Да отиде Млетку питомоме."

Све войводе никомъ поникоше,
Ма нехоће Воиниħъ Милошу,
Цару гледа međу очи црне:
„Я ħу отиħ' Млетку питомоме,
Да направимъ крсте и иконе,
Ну ми подай танахну ђемію,
И ну дай ми два товара блага.“
Све му даде ріечъ нечиняше,
Оде Милошъ у Млетке біеле,
А ка дође Млетку питомоме,
По майсторахъ благо растуріо,
Те онъ гради крсте и иконе,
Градіо ихъ тры године дънахъ,
Кадсе треħа пуна намирила,
Онъ окупи крсте и иконе,
А меħе ихъ у танку ђемію,
Увезесе моремъ дубокіемъ,
А кад' мору быо у пучину,
Опакій му вѣтаръ ударіо,
Оћера га опакіемъ трагомъ,
А догна та подъ Которомъ градомъ,
По дворове одъ Котора бана;
Ту га тавна ноħца оставила,
А біо ге данакъ прифатіо,
И одъ горе огріяло сунце,
Но шетасе одъ Котора бане,
У прошетньи видіо ђемію,
Па отиде мыслит' и размышлят',
Чія і' оно танахна ђемія,
Подоцкансе бане осѣтіо,
Е ђемія Воиниħъ Милоша,
У прошетню до ђеміе дође,
Па Милошу божю помођъ зваше,
Милошъ му є̑ дивно приватіо,
Него рече одъ Котора бане:
„А за Бога Воиниħъ Милошу!
Є ли тестиръ улѣст' у ђемію,
Да я виђу крсте и иконе.“
Но му вели Воиниħ' Милошу:
„А єсъ тестиръ, а да за што ніе!?“
Па улѣзе бане у ђемію,
Онъ премеħе крсте и иконе,
И вако є бане бесѣдіо:
„Благошъ ми ти Воиниħъ Милошу!
Єсу дивне иконе и крсти,
Валяле бы светоме Трипуну,
Акамоли вашой граħевини.“
То жа было Воиниħ' Милошу,
Па є 'вако бану бесѣдіо:
„А тако ми одъ Котора бане!
Єсу наше лѣпше граħевине
Одъ вашега светога Трипуна,
А ну стани да ти неку кажемъ:
Милошева на Херцеговину
И лѣвша є бане и боля є,
Одъ вашега светога Трипуна;
Сопоħана кодъ истока Рашке,
И лѣпша є бане и боля є,
Одъ вашега светога Трипуна;
А каква є Студеница црква,
И лѣпша є бане и боля є!
Одъ вашега у Которъ Трипуна
У лугови Ђурђеви ступови
И лѣпшій су бане и больи су:
А каква є у Морачу црква!?
И лѣпша є бане и боля є
Одъ вашега у Которъ Трипуна.
Ма каква є црква у Дечане!
А тако ми свашта на свіету,
Я мнимъ такве нейма по свіету,
Немогу є̑ преврħи талійромъ;
А вашега светога Трипуна
Быхъ преврга' тешкіемъ топузомъ.“
То є бану іошъ мучніе было,
Отидоше па се зарекоше
Банъ у благо а Милошъ у главу,
Пакс' отоле оба подигоше,
Кад' су бѣли предъ біелу цркву,
Трый путасе Милошъ поклоніо,
А овако ріечъ бесѣдіо:
„Опрости ме пребіела цркво!
Е се хоħу турит' преко тебе
Све одъ силе Которскога бана.“
Па є тежкій топузъ доватіо,
Милошъ топузъ тура прео цркве,
Далеко є цркву натуріо,
Паде топузъ бану на дворове,
Біеле му дворе саломіо,
А у дворе любу погодіо,
И код' любе два близанца сына,
Све є трое мртво направіо;
Зли гласови бану долазаху,

Али бане оправіо слуге,
Уватише Воиниħ' Милоша,
Туріше га у дно одъ тавнице,
Ту тамнова за петнаесъ данахъ,
Докле мусе доядило было,
Па набави дивитъ и хартію,
Па написа листъ кньиге біеле,
А посла ѐ у Призрену граду,
А на руке Србском' Цар'-Шћепану:
,,Ал' нечуєшъ, ал' хабера неймашъ?
Е є мене бане уватіо,
Туріо ме у дно о тавнице."
Кад' є цару кньига допанула,
И кад' види што му кньига збори,
Онъ є другу ситну направіо,
А посла ѐ одъ Котара бану:
,,Морре чуѣшъ одъ Котора бане!
Одпушти ми Воиниħъ Милоша!
И подай му крсте и иконе,
И дай нѣму лахке пратіоце!
Акол' ми га одпратити неђешъ,
Кунемъ тисе а вѣру ти даемъ,
Я ħу цара силу покупити,
А удрити на Котора града,
Котора ħу града похарати,
А тебе ħу жива уфатити.
Па помысли како ħе ти быти."
Каде бану кньига допанула,
И кад' виђе што му каже кньига,
Онъ по свему оправіо слуге,
Да изваде Воиниħ' Милоша,
Дає нѣму крсте и иконе
И сувише два товара блага,
И нађе му лахке пратіоце,
Увезесе моремъ дубокіемъ,
Добаръ му є вѣтаръ запухао,
Извезесе подъ Призрена града,
Здраво дође дома на дворове,
Люби майку и цара у руку,
Здраво біо, ко тако чиніо! —.

124.

Вишестручный мейданъ.

(Одъ Мояша Бѣлопавлиħа.)

Кньигу пише Ковачина Рамо,
А посла ѐ Иву Сенянину:
,,О Иване Сеньскій капетане!
Я 'самъ чуо и кажу ми люди,
Е 'си юнакъ силанъ настануо,
А ни мене некуде дружина,
Но ако си юнакъ одъ юнаштва,
Айд' изиди у Кунорь планину,
Да свіетлій діелимо мейданъ;
Собомъ узми Мандушиħа Вука,
На моѣга Будалину Тала,
Собомъ узми Гавранъ арамбашу
На моега Ибриħъ Асанагу."
Каде Иву ситна кньига дође,
Те онъ виђе што му ситна пише,
Кньигу гледа на ноге скочіо,
А покупи любивну дружину,
Па отиде гори усъ Кунару,
У Кунару на дугу поляну,
Ал' є првый долазіо Рамо,
Но говори Сенянине Иво:
,,Божя помоħъ Ковачина Рамо!"
Онъ му божю помоħъ неприфаħа,
Но скочіо одъ землѣ на ноге,
А остру є извадіо ħорду,
Недаде му починути труду,
Но на ħорде, тесе ударили;
Ма кудіе удараше Рамо,
Изъ ранахъ му живій огань скаче,
А кудіе удараше Иво,
По тры литре поліеħе меса,
Но ето ти муке и неволѣ,
Погонесе тамо и овамо,
Докъ на Рама нестанула глава,
Иво узе главу и оружѣ.
Но говори Хрньо Мустафага:
,,Хайде тамо Сенянине Иво!
Добіо си на мейданъ юнака,
А устани Цмиляниħ' сердаре
Да біели мейданъ діелимо."
Сердаръ скочи о землѣ на ноге,

На остресе udariше ћорде,
Пређе Хрньо Мустафага махну,
И сердара дивно ударіо,
По капицы и по перяницы,
Падоше му на долину пера,
Прштаху ихъ коньи копитама,
Самъ говори Цмилянићъ сердаре:
„Ахъ камене пера на юнака!
Я 'самъ мнява є 'су на юнака."
Махну болѣ а примчесе ближе,
Турчина є дивно дофатіо,
На довату по біелу врату,
Докъ му скочи на долину глава;
Сердаръ узе главу и оруже,
Но говори Будалино Тале:
„Хайде тамо Цмилянић' сердаре!
Добіо 'си на мейданъ юнака,
А устани Мандушићу Вуче,
Да юначкій мейданъ діелимо."
Вукъ устаде, ріечъ нечиняше,
На остресе ударише ћорде,
Но ето ти муке и неволѣ,
Єсъ у Тала кулашъ одъ мейдана,
Често пада на прва колѣна,
Те га ћордомъ надвысуе Вуче;
Тале махну тамо и овамо,
Те на Вука нестануло глава,
Но говори Гавранъ арамбаша:
„Айде тамо Будалино Тале!
Добіо си на мейданъ юнака,
А устани Ибрићъ Асанаго,
Да витежкій діелимо мейданъ."
Ето муке и неволѣ драге,
Ете Хасанъ устат' несміяше,
Заръ онъ коня одъ мейдана нейма,
Но Богъ уби Будалину Тала,
Онъ му даде нѣгова Кулаша,
Тексе стали, тексе ударили,
Но да ти є стати па гледати!
Ка' є ячій Гавранъ одъ Хасана,
Ка' є Кулашъ болый одъ вранчића,
Но бесѣди Будалино Тале:
„Дура куле, дура добро мое!
Ну ты пушти Гавранова Вранца,
А довати Гавранъ арамбашу,
Ньим' удари о зелену траву."
Но му пустій Турски разуміе,
Те Гаврана бѣше доватіо,
Ньим' удари о зелену траву,
И Хасанъ га посѣћи оћаше,
Но недаде Цмилянићъ сердаре,
Нег' одъ себе сабльомъ ударіо,
Докъ му скочи на долину глава;
Каде виђе Будалино Тале,
Плећи даде біежати стаде,
За њимъ игра Гавранъ арамбаша,
Одиста га посѣћи оћаше,
Но му неда Сенянине Иво:
„Не Гавране наша харамбашо:
Нека иде Будалина Тале,
Е ни Турцы нете вѣровати,
Но те рећи е ихъ преварисмо."
Тако Боже вазда ни помагай!

125.

Два брата.

(Одъ истога Брацана козарчета у Бѣлоп.)

Двіе сусе войске подигнуле,
Єдно ми є одъ Беча Ћесаре,
А друго є цар'-Отмановићу,
И те силе пале у Косово,
И ту стое за петнаесъ данахъ,
Ни се бише, ни дома идоше,
Ни чинише станка икаквога,
До пошета єдно момче младо,
Момче младо малій Радоване,
Онъ пошета одъ чадора свога,
Те къ Ћесару шета у ордію;
Кад' къ Ћесару дође у ордію,
Приступи му руцы и колѣну,
И чакъ долѣ и папучи жутой,
При себе га Ћесар пригрліо,
Па нѣму є ріечъ бесѣдіо:
„Добро доша добаръ краишниче!
Кои чувашъ наоколо войску,
Єл' ти здраво войска наоколо?"
Радованъ му ріечъ бесѣдіо:

„О Ћесаре, драгій господаре!
Здраво ми є наоколо войска,
Но веќ' има и петнассъ данахъ,
Ка' смо палли у полѣ косово
Ни се бисмо, ни дома идосмо,
Ни чинѣсмо станка никаквога;
Є ли тестиръ кньигу окитити,
Посла ти ѥ цару у ордію,
Да ми пошлѣ на мейданъ юнака,
На Ситницу на воду студену?"
Ка то чуо одъ Беча Ћесаре,
Радовану те є бесѣдіо:
„А єсъ тестиръ моя вѣрна слуго!
А єсъ тестир и деветъ ако ћешъ!"
То кад' чуо малій Радоване,
Онъ пошета до шатора свога,
Тек' ли Раде подъ чадора дође,
Окитіо листъ кньиге бієле,
А посла ѥ цару у ордію:
„Е чу ли ме цар'-Отмановићу!
Виђи царе што ти ситна каже,
Ево има и петнассъ данахъ,
Ка смо пали у бойно Косово
Нисе бисмо, ни дома идосмо,
Ни чинисмо станка икаквога,
Но чу ли ме цар'-Отмановићу!
Ты ми пошльи на мейданъ юнака,
На Ситницу на воду студену."
А кад' цару она кньига дође,
Нимало му мила небіяше,
Ма му друга быти немогаше,
Но пустіо у войску телала,
Виче телалъ єданъ данъ до подне,
Тад' онъ нађе за мейданъ юнака,
Оправи га на воду Ситницу;
Тек'ле Туре на Ситницу дође,
Угледа га біело Латинче,
Па потрча Раду до Дорійна,
Потеже му све колане редомъ,
Заузда га немаћніемъ клипомъ,
А покри га пуніемъ дланіемъ . . .
Натури му суру међедину,
Па потрча Раду до чадора,
Радовану ріечъ бесѣдіо:
„Ай устани Раде господаре!
Ено тебе на мейданъ юнака,
На Ситницу на воду студену."
А кад' чуо малій Радоване,
Скаче юнакъ ка' дасе помами,
На готова засѣде Дорійна,
Поигра га полѣмъ Косовіемъ,
Кадсе води примицаше близу,
Задрхтаѥ пуніемъ дланіемъ,
А зашкрипта одъ међеда глава,
Кано да є на међеду жива,
То виђе га Туре на Ситницу,
Плећи даде а утећи оде,
Но му Раде бѣжат' недаваше,
Ђе га стиже ту му главу диже,
А узе му коня и оруже,
И нѣгово дивно одіело,
Па отиде подъ чадора свога,
Те написа листъ кньиге біеле,
А цару ѥ посла у ордію:
„Чу ли мене Отмановић' царе!
Ты ми пошльи на мейданъ юнака,
На Ситницу на воду студену,
Да юнацы мейданъ діелимо."
А кад' цару она кньига дође,
Нимало му мила небываше,
Но му друга быти неможаше,
Па пуштіо у войску телала,
Телалъ виче тры біела дана,
Докле нађе на мейданъ юнака,
Оправи га на воду Ситницу;
Текли Туре на Ситницу дође,
Угледа га биело Латинче,
Па потрча Раду до Дорійна,
Потеже му на споне колане,
Заузда га нематніемъ клипомъ,
А покри га пуніемъ дланіемъ,
Натури му суру међедину,
Па потрча Раду до чадора,
Радовану ріечъ бесѣдіо:
„А устани малій Радоване!
Ено тебе на мейданъ юнака!"
Кад' то чуо малій Радоване,
Онъ скочіо одъ землѣ на ноге,
За готова засѣде Дорійна,
Па игра га полѣмъ Косовіемъ,
Кадсе води примицаше близу,
Онъ задркта пуніемъ дланіемъ . . .

А зашкрипта суромъ међединомъ,
А зашклапта одъ међеда глава,
Кано да є на међеду жива.
Кад' га Туре виђе на Ситницу,
Плећи даде а бѣжати пођс,
Радованъ му бѣжат' недаваше,
Ђе га стиже, ту му главу диже;
Узео му коня и оруже,
И нѣгово дивно одіело,
Па отиде подъ чадору своме,
Пакъ опета кньигу написао,
Те ѥ шалѣ цару у ордію:
„Ай чу ли ме Отмановић' царе!
Ты ми пошльи на мейданъ юнака,
На Ситницу на воду студену,
Да обиля мейданъ діелимо.“
Када цару она кньига дође,
Нимало му мила небываше,
Ма друга му быти немогаше,
Па пуштао у войску телала,
Телалъ виче за нећелю данахъ,
Телалъ виче ништа неизвиче,
Ненађесе у цара юнака,
Ко ће поћи на воду Ситницу,
На Ситницу на мейданъ кауру,
Лютосе є царе наѣдіо,
А остру є ћорду извадіо,
Те сіече Лале и везире,
До єднесе Лале догоняше,
Но му Лала аманъ заискаѣ:
„Аманъ царе, драгій господаре!
На домъ имамъ єдну вѣрну слугу,
Етакве ѥ по краинахъ нейма,
Како чуѣ за каква каура,
Да онъ Турке позива на мейданъ,
Да ихъ зове на воду Ситницу,
Онъ све гои своега вранчића,
А да мусе болѣ разиграе,
По мейдану тамо и овамо.“
Томе царе аманъ учиніо,
Докле оде на своє дворове,
А кад' Лала на дворове дође,
Усеину ріечъ бесѣђаше:
„Хусеине моя вѣрна слуго!
Єс' ли чуо, єл' ти ко кажева,
А какавъ є кауръ постануо,
Те онъ Турке на мейданъ зазива,
Ни єданъ му изић' несміяше,
Но чу ли ме моя вѣрна слуго!
Айд' изиди на мейданъ кауру,
Ако теби Богъ и срећа дадне,
Те донесешъ одъ каура главу,
Кунемъ тисе а вѣру ти даемъ,
Даћу теби ціо товаръ блага.“
А кад' чуо Усеине лудій,
Онъ изводи своега вранчића,
Оседла га што може найлѣпше,
А турисе нѣму на рамена,
Па отиде полѣмъ Косовіемъ,
Докле Туре на Ситницу дође,
На Ситницу копѣ побадаше,
А за копѣ коня савезае,
Пакъ онъ свуче црлѣну доламу,
Те онъ кланя и абдесъ узима,
И молисе Богу по закону;
Угледа га біело Латинче,
Па потрча Раду до Дорійна,
Потеже му на споне колане,
Зауздa га немаћніемъ клипомъ,
И накри га пуніемъ дланіемъ,
Натури му суру међедину,
А потрча Раду до чадора,
Те є нѣму ріечъ бесѣдіо:
„А устани Раде господаре!
Ено тебе на мейданъ юнака,
Ђе є добра коня одяхао,
А предъ конѣмъ копѣ усадіо,
Свукао є црлѣну доламу,
Те онъ кланя и авдесъ узима,
И молисе Богу по закону.“
А кад' чуо малій Радоване,
Скочіо є одъ землѣ на ноге,
За готова засѣде Дорійна,
Разигра га полѣмъ Косовіемъ,
Кад'се води примакнуо близу,
Онъ задркта пуніемъ дланіемъ,
А зашкрипта суромъ међединомъ,
А зашклапта одъ међеда глава,
Ка'но да є на међеду жива;
Кад' га Туре виђе на Ситницу,
Теке мусе Туре насмѣхуѣ,
И нѣму є ріечъ бесѣдіо:

„Бака Ђиди чудна каурина!
Чимъ онъ страши на Ситницу Турке,
А тако ми обѢ неиспале,
Видіосамъ и међеда жива,
А некмоли одъ међеда главу.“
Тек'се сташе два добра юнака,
Тек'се сташе, тек'се udariше,
Но кудіе Туре udaраше,
Онудіе огань сіеваше,
А кудіе Раде udaраше,
Онудіе црна крвъ ліяше,
По тры литре меса одпадаше;
Ал' є Туре мудро и лукаво,
На саблю му саблю надаваше,
Докле имсе саблѢ поломише,
Бацише ихъ у зелену траву,
Одъ добріехъ коняхъ оскочише,
За біѢла грлас' уватише,
Тесе носе покрай воде ладне,
Докле оба пѢне попануле,
Радована бѢле и крваве,
А Турчина тек' біѢле само;
Махну Туре зъ десне на лієву,
Udри Радомъ у зелену траву,
Па припаде савеза му руке,
Ал' Радованъ ріечъ бесѢђаше:
„Аманъ Туре ако Бога любишъ!
Имаћешъ ми кад' изгубит' главу,
Да я знадемъ одъ кога погибохъ,
Одъ кога си града и народа,
Одъ кога ли юначка колѢна?“
На то вели Туре Хусеине:
„А тако ми силанъ каурине!
Неймамъ тисе по коме казати,
Но 'самъ и я родомъ одъ каура,
И сад' неймамъ одъ Рода никога,
До некаква мала Радована,
Сада ми га у кауре кажу,
Да є добаръ юнакъ испануо.“
На то вели малій Радоване:
„А ты ли 'си брате Миловане?“
Я 'самъ главомъ малій Радоване,
Єсте ово, већ' другога нейма!“
Кадасусе браћа познавала,
Ту братъ брату одріеши руке,
Раде паса свилена одпаса,
Те свом' брату ранне увіяше,
Па одоше къ Бечкоме Ћесару;
Кад' ихъ виђе одъ Беча Ћесаре,
Ђе су брата оба къ нѢму дошла,
Њима даѢ тры товара блага,
И чуданъ є шенлукъ учиніо,
Оборіо триста балѢмезахъ.
Кад' на ютру ютро освануло,
Ал' Туракахъ у Косово нейма,
ПобѢгоше ка Стамболу граду,
Те свом' цару да огуле браду—.

126.

Старацъ Ћейфанъ.

(Одъ Єфте Ћираковића ускока изъ Озринићахъ.)

Куђ'се Турска кила подигнула?
Те є чету малу покупила?
Ніе чету, него войску стећу,
Седамдесетъ и седамъ стотинахъ,
Пре томъ четомъ двіе булюбаше,
Єдно ми є добаръ булюбаша,
Добаръ Турчинъ на добру ђогину,
У главу му зуба ђаволѢга,
А брада му на крило панула,
ВѢтаръ пуха те му браду люля,
Кроза ню му токе сіеваху,
Ка' и сунце прозъ єлово гранѢ,
То є главомъ старацъ Ћеифане.
А другій є добаръ булюбаша,
Добаръ Турчинъ на добру доріину,
Раста мала, плећихъ широкіе,
Подугачка изъ раменахъ врата,
Алайбайракъ нѢга поклопіо,
А ямака кита одъ баряка,
То є главомъ Огоенъ Ахмете,
А за њиме сва остала войска,
И одоше на Зечево Турцы
На Зечево таборъ учинише,
Разапеше біѢле чадоре,
А побише зелене байраке,
Повезаше конѢ на сициме,
До да видишъ старца Ћеифана!

Онъ пустіо по войсцы телала,
Телалъ виче тры читава сата:
„А нейма ли у дружину друга,
Коино є шићаръ запазіо,
Ђе бы добро шићарили Турцы?!“
Ненађесе друга ђаволѣга,
Докъ ево ти Будалине Тала,
На Кулашу коню великоме,
За ньимесе саручина суче,
А у руке топузину вуче,
Па Ђейфану ріечъ бесѣдіо:
„О Ђейфане добаръ булюбаша!
Я 'самъ скоро у чету ходіо,
И Котаре влашке уходіо,
До біѣле куле Цмилянића,
А ту дома Цмилянића нейма,
До і' отишо у Сріему равном',
Да онъ купи Сріемске волове;
Айд' идемо боланъ на Котаре,
Да Котаре влашке похарамо!
И біелу кулу Цмилянића,
Заробимо секу Анђелію.“
А то слуша Огоенъ Ахмете,
Кад' є Туре чуло за ђевойку,
Тако имъ є Туре бесѣдило:
„Вира моя, и неубила ме!
Узет' хоћу секу сердареву,
Анђелію за вѣрену любу,
Я л' ћу свою изгубити главу.“
Али рече старацъ Ђеифане:
„Биллахъ теспихъ непримѣнюй Тале!
Авахъ Тале испалити зуби!
Злу ли ріечъ пушти у дружину!
Видишъ Тале очма невидіо!
По овоме полю Зечевоме,
Нит' орато, нит' є кад' копато,
Тесе ове проваліе граде,
Све одъ кости коньске и юначке;
Я 'самъ иша' єдномъ на Котаре,
Похарасмо огнѣмъ опалисмо,
Поробисмо мало и велико,
И дођосмо здраво на Зечево,
Па сѣдосмо робѣ делити:
Свакомъ другу по робъ допануо,
Мене даше двіе старѣшинства;
Тек' мы робѣ бѣсмо діелили,
Ал' ево ти Цмилянићъ сердара,
Са нѣговомъ брaћомъ одъ Котара,
Удріо намъ су четиры стране,
А шта ћу ти далѣ кажевати,
Одъ насъ ока неутече жива,
До єднога мене на ђогійну,
И на мене седамнаесъ ранахъ,
На ђогату двадесъ и четиры;
Већ' я турихъ руке на кабаре,
Да нетрчемъ више низъ Котаре.“
А то слуша Огоенъ Ахмете,
Па довати своега дорійна,
Доратусе нарамена маши,
Па довати байракъ у рукама,
Онъ ми грломъ и авазомъ виче:
„Кои за мномъ окренути неће,
Остала му була удовица,
И нѣгова самохрана майка!“
Сва Турћія за ньимъ окренула,
А ма нешће старацъ Ђеифане,
Оста Ђеманъ на Зечево равно,
Ту ћутіо за четиры сата,
Оде мыслит' Ђейфанъ и размышлят',
Ал' ће иссти на трагъ ал' на пріедъ,
Да ће на трагъ срамота му быва,
Да на пріедъ хоће погинути,
Укабули Турчинъ погинути,
Нег'се на трагъ срамотанъ врнути,
Па отиде за Турцима трагомъ,
Докле сиђе у влашке Котаре,
Ту га поћца тавна оставила,
А свануло и грануло сунце;
По удрили Турцы на Котаре,
Похарали, огнѣмъ опалили,
Поробили мало и велико,
До біеле куле Цмилянића;
Ал' на кулу Тале удаpіо,
По онъ кули ништа немогаше,
Затворена кула и авлія,
У авліи Дилбер-Анђелія,
До є цура пушку доватила,
Те ми кулу и авлію брани,
Докъ погуби тридесетъ Туракахъ,
Тек'се ньойзи одканіо Тале,
Ал' ево ти старца Ђеифана,
Шњ нѣговіемъ ударіо друштвомъ,

Ма се Анђа изъ авліе брани,
И нѣму є тридесть изгубила,
И Ђейфансе одканити шћаше,
Врагъ донесе Огоенъ Ахмета,
Нѣму рече старацъ Ђеифане:
,,Ай Ахмете курвино копиле!
Ево ође куле сердареве,
Ево морре куле и авліе,
У авліи Дилбер-Анђеліе,
Па знашъ курво што си бесѣдіо
На Зечеву полю зеленоме,
Да ћешъ узет' Дилбер-Анђелію,
Яли своюю изгубити главу."
То Турчина изѣде срамота,
Па одяха одъ коня Дорійна,
Заскакасе съ десна на ліево,
Те ускочи Ахметъ у авлію,
А увати Дилбер-Анђелію,
Недаде іой пушке напунити,
Башъ га бозна убити хоћаше;
Но отвори одъ авліе врата,
А посѣде своега Дорійна,
За се тури Дилбер-Анђелію,
Увеза іой бедре у терћіе,
Аували ноге у калчине,
Отолесе подигнуше Турцы,
И одоше горомъ и планиномъ,
А кад' горы у планину были,
До Анђесе догоняху Турцы,
Догоняху па іой бесиђаху:
,,Ай Анђушо наша мила снашо!
Што ти яшешъ сѣтно невесело?
Алисисе узбрижила Анђо,
Ђе ніеси дара приправила?
Ніесисе нама ни надала!"
Али рече са коня Анђуша:
,,А Бога ми краишницы Турцы,
Ніесамсе млада узбрижила,
Ђе ніесамъ дара приправила,
Даровала шесетъ Удбинянахъ,
Обукла имъ црвене кошулѣ,
Кад' обуку, никада несвуку,
Ма ће быти іошъ и вама дара,
Одъ Иліе Цмилянић' сердара,
Онъ ће данасъ изъ Сріема доћи,
И онъ ће ви приніети дара,
Исъ пушакахъ вруће лѣшникахъ —."
Одошесе подпрдиват' Турцы,
Докъ дођоше на Зечево равно,
На Зечево робѣ діеляху,
Свакоме є по робъ допануо,
А Ђейфану двіе старешинства,
И Ахмету Дилбер-Анђелія;
Тек'су Турцы роблѣ діелили,
Ал' ево ти Цмилянић' сердара
Са нѣговомъ браћомъ одъ Котара,
Удріо имъ су четиры стране,
Алабанда! завржесе кавга!
Премећусе коньи и юнацы,
А шта ћу ти дульит' лакрдію,
Одъ Туракахъ нико неутече,
До Ђейфана на коню ђогину,
И Турчина Огоенъ Ахмета;
Ма га ћера Смилянићъ сердаре,
Онъ га ћера па га пристигао,
Ахмета є ћордомъ ударіо,
На поле га быо пресѣкао,
Расѣче га на четиры трупа,
А обѣси о четиры дуба,
Сестру свою дома понесао,
А савъ шићаръ Турскій покупіо,
Н нека га весела му майка,
Весела му браћа и дружина,
На мейдану служила ихъ рука —!

127.

Освета.

(Одъ Ника Кркелѣина са Сретнѣ у Бѣлоп.)

Кньигу попе Лѣшевићу пише,
А посла ѐ у Морачу горню,
А на име войводе Драгише,
Кад' ми кньига у Морачу дође,
Ту Драгишу дома ненаходи,
Но-га тамо на Лѣвишта нађе,
У онога попа Милована,
Те му попе кньигу проучіо,
И све што є и како є каже:
,,Знашъ ли побро ес' ли запазіо!

Кад' є тебе бабо погинуо,
Одъ онога Харіовића Ибра,
Сад' га ево у Пиву пространу,
Те ми купи прозъ Пиву хараче;
Но подигни єдну чету малу,
Айде шъ ньима попу на дворове,
Небы ли ти Богъ и срећа дала,
Небы л' Ибру посѣкао главу."
Ка Драгиши ситна кньига дође,
Те онъ виђе што му ситна пише,
Онъ ми тамо низъ Морачу пође,
Те ми каза милу побратиму,
Побратиму Іушковић' Матію,
Па скачише до два побратима,
Те скупише седам-осамъ другахъ,
Отидоше шъ ньима низъ Дробняке,
Увалише у Пиву пространу,
На біелу истог' попа кулу;
А ближе ихъ попе сусретао,
Руке шире у образсе любе,
За юначка здравя упиткую,
Уведе ихъ у біелу кулу,
Засѣдоше за пуну трпезу,
Дае доста пива и єстива,
А поштосе понапише вина,
Онда вели Іушковићъ Матія:
„Што си за ме попе поручива'?"
„А тако ми Іушковићъ Матія!
Доходіо і' Харіовића Ибро,
Те є 'вуде купіо хараче,
Па отишо ка Гацку пространу,
Да онъ купи харачъ и по Гацку;
Но хайд 'повед' любивну дружину,
Хайде шъ ньима на дугу долину,
Те чекайте на средъ друма пута,
Небы ли ви Богъ и срећа дала,
Небы 'сте ли дочекали Ибра."
И тако га бѣше послушао,
Води дружтво на дугу долину,
Ту Матія Туркомъ запануо,
Ту чекаше тры біела дана,
А кад' быо трећій око подне,
Нестаде имъ лахка брашненика,
Но да вели войвода Драгиша:
„О мой побро Іушковићъ Матія!
Оди чету да врћемо малу,
Е хоћемо помріет' одъ глади."
Но му вели Іушковићъ Матія:
„А полахко міо побратиме!
Жульи бућѣ тесе ньиме храни,
Ніе ласно чинити юнаштво."
Па се єли у врхове прійми,
Кад' погледа низъ дугу пространу,
Ал' угледа двадесетъ Туракахъ,
На двадесетъ великіехъ коняхъ,
Тесе брзо низъ єлу спустіо,
Око друма намѣсти дружину,
Ма Матія насредъ пута чека,
А 'во иде Харіовића Ибро,
На коня є ноге прекрстіо,
Па ми Туре лахко попіева:
„Єс' л' у гору Іушковићъ Матія!
Касамъ твога брата изгубіо,
Па самъ чуо да си у планину,
Но ако ти майка ніе курва,
Ам' изиди дасе огледамо!"
То Матія и слуша и гледа,
И бѣше га близо напустіо,
Па на нѣга пали џевердана,
Ма небѣше Ибра погодіо,
Но до Ибра друга найболѣга;
Па остале пушке попуцаше,
Незгодише друга никаквога,
Побѣгоше низъ дугу пространу,
Алсе єдно момче нагоняше,
Те небѣше пушку истурило,
Оно Ибра дивно погодило,
Подъ капицу у чело весело,
Паде Туре низъ коня голема,
Ибро паде Матія припаде,
Те му добру одваліо главу,
Узео му главу и оруже;
Сва дружина свакій по єднога
Посѣкоше благо поніеше,
Ненадъ имсе вазда догађао.

128.

Пошто є ћеифъ.

(Одъ попа Груице Поповића изъ с. Рожацахъ у БѢлоп.)

Кньигу Бего одъ Зворника пише,
А шилѢ є у Зміялю граду,
А на руке Кнежевић' Николи;
,,О Никола одъ Зміяля главо!
Испеци ми тридестъ яганяцахъ,
И окупи тридестъ ђевоякахъ,
Подъ капама и подъ виенцима,
Заручніехъ, неповеденіехъ,
Коя незна што є мушка страна;
Мене старцу безплодкиню овцу,
И твою ми сигурай любовцу,
Да є тебе любимъ на доксату,
Ты да гледашъ, да іой помоћ' немошъ,
Бы помога', него нећемъ смѢти.
Ако ли ми то сигурат' нећешъ,
БѢжи морре изъ Зміяля града,
Да те моя неизгуби сабля."
Кад' Николи кньига допанула,
И онъ виђе што му кньига пише,
Троструке га сузе пропануле,
Па пригрну ћуракъ наопако,
А пита га Іелица любовца:
,,Што є тебе мио господаре!?
Каква ти є голема неволя?
Што л' ты сузе одъ образа валяшъ?"
Мейданъ ніе, лице тис' несміе!"
Но да вели Кнежевић Никола:
,,О Іелице моя любовнице!
Ситна ми є кньига допанула,
Одъ крвника Бега одъ Зворника,
Ма што ћу ти више кажевати."
Па іой тури кньигу на колѢно,
Кад' є Іела кньигу доватила,
У кньигусе дивно разумѢла,
Па Николи тихо бесѢдила:
,,А набойсе драгій господаре!
Я ћу одъ нѢг' тебе откупити."
Па довати дивитъ и артію,
Одъ колѢна кньигу накитила,
А посла є у Рустенъ планину,
А на руке Томићу Міяту:
,,О Міяте мой по Богу куме!
Ал' нечуѢшъ, ал' нехаешъ за ме?
У менсе двое ђеце нашло,
Двое ђеце два єдноютрића,
Брже да 'си на крштено кумство,
Да неумру ђеца безъ крштеня,
Е ће мою огріешит' душу,
А ни твоіой добро быти неће."
Кад' Міяту кньига допанула,
Міатъ виђе што му кньига пише,
Па г' одъ муке сузе пропануше,
А одпоче казиват' дружины;
Отолесе подигнули были,
А предъ ньима Томићу Міяте,
За Міатомъ тридесетъ айдукахъ,
И пођоше друмомъ нисъ планину,
Право пошли у Зміулю дошли
На дворове Кнежевић' Николи,
Никола ихъ дочекао дивно,
Доста пива а више єстива,
Но Міяту ништа непробыва,
Нег онъ гледа по біелой кули,
Ђе ће виђет' двое ђеце лудо,
Па є бьо Іели бесѢдіо:
,,О Іелице одъ злата кумице!
Єсу ли ми кумчад' преминула,
Єсу ли ми душу опаклила?"
Іела мусе гротомъ насміяла,
,,А небойсе Томићу Міяте!
Ніесу ти кумчадъ преминула,
Ни ти су ти душу огрѢшила,
Стара челядь дѢце неимаю,
Наго туге и муке велике!"
Па извади кньигу ижъ нѢдарахъ,
И тури є на крило Міату,
Кад' є Міатъ кньигу доватіо,
Єстъ є юнакъ часно проучіо
И Єлицы зборіо кумицы:
,,Доведи ми два лахка бербера,
Да подбрію браде и мустаће,
И донес' ми тридестъ віенацахъ,
Да ођедемъ тридесетъ айдукахъ,
И донес' ми женске чарапине,
Да ихъ мои обую хайдуцы."

Єла га є послушала брзо,
Све донесе што є наредіо,
И доведе тры берберa млада,
Обріаше браде и мустаће,
Па є Міатъ быо говоріо:
,,Ођентесе тридесетъ айдукахъ!“
И своме є куму говоріо:
,,О мой куме Кнежевић' Никола!
Испеци ми тридестъ яганяцахъ,
Паши старцу бесплодкиню овцу —.“
Пакъ іошъ узе Єлино ођело,
Свое свуче кумино натуче
Улѣгао у шикли-одаю,
И хайдуке посла на конаке,
У томе є и ноћъ таписала;
Ал' ти ево одъ Зворника Бега,
И за ньиме тридестъ пашайліяхъ,
Растури ихъ паша по конаке,
Свакій пође у ђердекъ ђевойцы,
Паша иде у одаю къ Єли,
Міатъ го є дивно дочекао,
На ноге га быо сусретао,
Па му паша шѣде на душеку,
А Міата за дойку дофати:
,,Свукуй єло мое одіело!“
Міатъ скочи те га распасао,
И на руке копче распучіо,
А оружѣ нѣму извадіо,
Обѣси га око чивилука,
Па Міата паша доватіо,
И зудомъ га у образъ наклао,
Ту шъ ньимъ удри у хашикованѣ,
Онъ га штипни, а онсе протегни,
Онъ га гризни, а онсе разкриви,
Докъ му бѣше Міатъ бешѣдіо:
,,Проћимесе паша господаре!
Бюће ноћи за хашикованѣ.“
За то Турчинъ неокреће главу,
Него диже преко себе руке,
Да ихъ тури Міату на дойке,
Али нађе токе и хайдука,
Плећи даде а бѣгати нажe,
За ньимъ трчи Томићу Міате,
Те є нѣму тако бесѣдіо:
,,Стан' небѣжи Турскій угурсузе!
Ніе ласно туђе любит' любе,
Него хоћешъ да допанешъ туге!“
Сабльомъ махну Томићу Міате,
Смаче пашу одвали му главу:
По томъ мало време постануло,
Стаде єкка маліехъ пушакахъ,
Стои кврка по граду Туракахъ,
А кад' ютро было освануло,
Ал' ево ти тридесетъ хайдукахъ,
Свакій носи одъ Турчина главу;
Окуписе Зміальска господа,
На то, кажу, чудо превелико,
Нечудесе окле ихъ побише,
Но оклен' имъ мале пушке быше,
Они пушке у чарапе скрили,
Низъ чарапе гаће опустили,
Те побили тридестъ пашайліяхъ.
Све ихъ Єла поведе на кулу,
Айдуке є даромъ даривала,
Неком' яглукъ, некоме бошчалукъ,
А свом' куму Томићу Міату,
Нѣму даде о злата ябуку,
Отолесе хайдуцы подигли,
Опетъ пошли у Рустенъ планину,
Дасе хладе, и зло добромъ граде —.

129.

Витковићи.

(Одъ истога Петра Мркаића Херачине
изъ Петровићахъ.)

Кньигу пише Новлянин' Алія
Изъ край мора изъ Херцег'-Новога,
Те є шалѣ у Требинѣ равно,
А на руке Витковића Симу,
Овако му кньигу Турчинъ пише:
,,Споменисе Витковића Симо!
Кад' я просихъ у тебе сестрицу,
Я є просигъ ты ми є недаде,
Нег' є даде у равне Никшиће,
Каурину Раду Риђанину?
Отадайсмо Симо заратили?
Ходи мени на дно Суторине,
Садъ те зовемъ дасе побратимо,
Стару мрзосъ да већ' побацимо,

И доведи осамъ твоихъ братахъ,
Ал' неводи Вука наймлађега,
Єрс' опія и кавгу замеће."
Іошъ му Турчинъ тврду вѣру дава:
„Дођи Симо ніе пріевара!
А скоросамъ быо у Млецима,
И доніо чоху за доламахъ,
И кадифу скроити ђечерме,
Да даривамъ мое побратиме."
А кад' Симу гласъ и кньига дође,
Кньигу штіе стару майку пита,
„Ал' ћу поћи, али нећу поћи?"
Старица га научила дивно:
„Знашъ ли Симо мое дѣте драго?
Ніе вѣре сынко у Туракахъ!
Него пиши листъ кньиге танахне,
Тер ѥ пошльи у Никшиће равне,
Своме зету Раду Риђанину,
Нек' онъ скупи тридесетъ Риђанахъ,
По избору добріе юнакахъ,
А Раде є собомъ юнакъ добаръ,
Ондай хайде равной Суторини,
И да бы ви шћели пріевару,
Высе Турак' бояти нећете."
Нешће Симо да послуша майке,
Нег' опреми осамъ своихъ братахъ:
Шъ ньима оде Суторини равной,
Вуку брату ни мукаетъ ніе,
А то брату врло жао было,
Пита Вуче свою стару майку:
„Што су браћа омрзнула на ме?
Досад' браћа ђегод' су ходила,
Ніесу ме никад' оставила!
А сад' незнамъ моя мила майко
Ни куд' иду, ни што ме незову?
Ни што су ме браћа омрзнула?
То є мени моя ранна люта!"
Све му майка по истини каза,
А кад' майку Вуче разуміо,
Юнакъ бѣше одъ све браће больій,
Паксе упутъ яду осѣтіо:
„Аогъ майко, Богъ ме пріевара!
На вѣру ми браћу исѣкоше!"
Паксе скочи одъ землѣ на ноге,
Тесе врансу на рамена баци,
Одъ мейдана узима оружѣ,
Ћера вранца равной Суторини,
Стиже браћу на брієгъ Дебелій,
У томъ дошли на дно Суторине,
Ал' на лонџи Турцы пію вино,
Тридесъ Агахъ одъ Новога града,
И остала одъ Новог' господа,
Све племићахъ и господичићахъ;
Па ліепо браћу дочекаше,
Руке шире у лицасе любе,
Пріймаю имъ конѣ и оружѣ,
Неда Вуче одъ себе оружя,
Нити хоће да осѣде вранца,
Турцы му га млого брате ишту,
Овако имъ Вуче одговара:
„Старица ме проклиняла майка,
Кад' старія пію вино браћа,
Да я съ мога коня несяхуѣмъ,
Ни одъ себе да оружя давамъ,
Па се боимъ клетве материне."
И тако га оставише Турцы,
Ако ньима ни мило небѣше,
А остале сѣли у трпезу,
Два Турчина око єдног' бяху,
Симо брате сѣди код' Аліе,
На ліеву руку кодъ Турчина;
Истомъ стали хладно пити вино,
Ма говори Новлянинъ Алія:
„Каурине Витковићу Симо!
Знашъ ли курво ес' ли запазіо?
Кад' я просихъ у тебе сестрицу,
Я ѥ просигъ, ты ми ѥ недаде,
Нег' ѥ даде Раду каурину?
Ал' данасъ ћу осветит' срамоту!"
Пакъ измаче ноже одъ пояса,
Тер' є Сима у срце удріо,
А осталіи браћу Витковиће,
Све ихъ побро деветъ изгубише,
Па на Вука юришъ учинише,
Алсе Вуче око лонџе брани,
Седам-осамъ посієче главахъ,
Све по изборъ главніе Туракахъ,
Ал' га Турцы обранише грдно,
Ту на Вуку и нѣгову Вранцу,
Седамнаесъ ранахъ учинише;
А кад' Вуку ранне дотужише,
Онъ побѣже раннѣнъ у Требинѣ,

Далеко га майка угледала,
Ђе є Вука и нѣгова вранца
Обоицу црна крвь облийла,
Паксе упутъ яду досѣдила,
Па неиде виђест' свога сына,
Него трчи билу кньигу пише,
Своме зету Раду Риђанину:
,,А Мой зете лоша узданице!
Свіехъ десетъ шура ти погибе,
Изсѣче ихъ Новлянинъ Алія,
Кодъ Новога на дно Суторине,
А на вѣру вѣра га убила;
Я нежалимъ ђе 'су изгинули,
Но што нико освстит' ихъ нейма."
А кад' Раду гласъ и кньига дође,
У акшамъ му кньига допанула,
Али Раде собомъ юнакъ добаръ,
Брже скупи четерестъ Риђанахъ,
Па скочише како соколови,
Кад' кокоты тиће запѣваше,
Біяху ти низъ Баняне дивне,
А свану имъ у Шер-Петровићма,
Но неиде Раде у Требинѣ,
Бійлой кули Витковића Сима,
Што є бѣше съ улѣмъ озидао,
Него иде равной Суторини;
А кад' сиђе на дно Суторине,
Ту на лонци Турцы пію вино,
А умеђус' главам' Витковићахъ,
Башъ Алага главомъ Симеуна,
Іошъ овако Турчинъ говораше:
,,Млого тисе єсамъ намучіо,
А іошъ више блага похарчіо,
Доксамъ тебе предъ собомъ видіо!
Нег утече-змія люта нама,
Люта змія Витковићу Вуко,
Кои-ће нам' додіяти тешко!"
Осталій му говорили Турцы:
,,Небудали Новянинъ Алага!
Мы какосмо Вука израннили,
Ни по пута живъ прешао ніє,
Раннѣнъ га є коньицъ унесао,
Обадва су остала у путу."
А то слуша Риђанине Раде,
Па веселу лонцу околіо,
А єднако съ браћомъ ударіо,
Четрдесетъ Турак' изгубіо,
О Туракахъ нико неутече,
Нег' утече Новлянинъ Алія,
На ђогату вилсну коньицу;
Ма га гони Риђанине Раде,
На дорату коню одъ мейдана,
Ћера нѣга до градскіе вратахъ,
Те га градска врата уграбише,
Ал' є залуд' и онъ утекао,
Біяше га Раде исѣкао,
Башъ Турчина и коня нѣгова,
Обадва су цркла до зорице.
Пакъ отале Радесе повраће,
Съ Турак' скида рухо и оружѣ,
Свое мртве искупіо Шуре,
На Турске ихъ конѣ товараше,
Ньихъ и ньихно рухо и оружѣ,
Пакъ ихъ носи мртве у Требинѣ,
Тер' ихъ копа кодъ біеле цркве
У Тврдошу граду старинскоме,
Тад' онъ иде Симеуна кули,
Ма га майка среташе Симова:
,,Ђе 'си Раде лоша узданице?!
Све су твое изгинуле шуре!
Пакъ ихъ нико нешће осветити."
Али іой є Раде беседіо:
,,Я 'самъ мое осветіо шуре!
За ньихъ деветъ четерестъ убіо,
Све Новлянахъ по изборъ Туракахъ;
Доніосамъ у Требинѣ мртве
И укопо шуре по закону,
Кодъ біеле у Тврдоша цркве,
А Вукъ ихъ є самъ осамъ посѣко,
Него є ли у животу Вуче?
Видай Вука ты нежали блага,
Єдда Богъ да те бы преболіо,
И небы ли оцакъ одржао!"
Али му є стара беседила;
,,Фала тебе мой сивый соколе!
Кад' витежки сынке ми освети,
Мое сынке а свое шураке."
Пакъ іошъ Рада грли и целива:
,,Вукъ ти нам' є у добру животу!
Одъ ранахъ му ништа быти неће."
А кад' майку Раде разуміо,
Раннѣнога грли и целива,

Своіо браћу двору оправіо,
Оправіо здраве и веселе,
Ни єднога заболѢла глава,
А шићара доста понісли;
Раде нешће оставити Вука,
Доклегођъ є ранне преболіо,
На Вуку є оџакъ остануо,
И одъ Вукас' умложило племе,
Све юнацы кано и ускоцы,
Свуд' ихъ има по землям' Србскима,
А найвише у граду Требиню,
У Требиню и около нѢга.
ВѢруй побро истина є было!
У єдномсе племе одржало!
Богъ богуе, да ђаво тугуе.

130.

Неполюбъ.

(Одъ Николе Митровића ускока Морачк.)

Подижесе Новлянинъ Халійле,
Оде Халилъ прозъ Турске градове,
Да онъ тражи за себе ђевойку,
Прође Халійлъ стотину градовахъ,
А толико паланакахъ двое,
Докле Халійлъ на Сріема дође,
На Сріема пре бегову кулу,
Сретоше га слуге и дворани,
Те нѢгова коня прифатише,
Дође Бегу на біелу кулу;
За готову совру засѢдоше,
Принієше шеђеръ и ракію,
Узъ ракію сваку ђаконію,
Таде руйно вино примакоше,
Вино пію доксе напоише,
Докъ имъ винце улѢзе у лице,
А процавће ружа на образу,
Доксе само бесѢдити поће,
Проговара Бего одъ Сріема:
„О Турчине Новлянинъ Халійле!
О твоега двора до моега,
Яданъ Халко четересъ конакахъ,
Какве су те доніеле виле,
Яли виле, ял' суђени данцы?“
Ал' Халія крупно проговара:
„Кад' ме питашъ казаћу ти право!
Одкакосамъ изъ двора кренуо,
Прошаосамъ стотину градовахъ,
А толико двое поланакахъ,
Све тражіо за себе ђевойку,
Е я момче єсамъ неженѢно,
Мило мисе бѢше оженити;
Тражигъ булу, наћи ȇ немогохъ,
Ял' ю нейма, ял' ю ненаходимъ,
Ніе мисе оженит' суђено.“
Таде Бего нѢму бесѢдіо;
„О Турчине Новлянинъ Халійле!
Кадъ ти тражишъ за себе ђевойку,
Тражіо си и нашао си ȇ,
Имамъ ћерцу милу на удаю,
Я ȇ хођу тебе поклонити,
ЛѢпша ми є одъ зоре пролѢтне,
Ясе нећу застидити ньоме.“
А кад' зачу Новлянинъ Халійле,
На поклону нѢму зафаліо,
Паксе рукомъ у џепове тура,
А извади хиляду цекинахъ,
Те му прстенъ даде и ябуку,
Па онъ свате уговарат' пође;
Кад' кићене свате уговори,
Пође юнакъ закрочи Доріймна,
А излази Бегова кадуна,
Па є нѢму ріечъ бесѢдила:
„Ой Халія мой зете несуђенъ!
Кад' покупишъ кићене сватове.
Ты некупи инокосно сватахъ,
На Хайки су прозцы двоя троя,
Све по нашу Власси на срамоту,
Оћу ти ихъ по имену казат':
„Прво, Халко, Томо баряктаре!
Одъ Пролома одъ горе зелене,
Друге нейма куће ни баштине,
Чарне горе и своє дружине;
Друго, Халко, Вуче Мандушићу,
Одъ Котара одъ влашке паланке,
Треће, Халко, Иво Сенянине,
Одъ біела Сеня са краине.“
Халко чуѢ главу необрће,
До отоле оћера Доріймна,

А кад' двору дође біеломе,
Како дође, свате куппит' поће,
Па написа листъ кньиге біеле,
Шилѣ кньигу Бишћу біеломе,
Побратиму Бишћанинъ Алази:
,,Побратиме Бишћанинъ Алага!
Куппи мене хиляду сватовахъ,
Да си брже у Новога града."
Па е другу кньигу накитіо,
Шилѣ кньигу ситну у Удбину,
Побратиму одъ Удбинѣ Мую;
,,Куппи Муіо хиляду сватовахъ!
Айде брже двору билу моме!"
Ситну кньигу трећу накитіо,
Те є шилѣ у Дуклина града,
Побратиму Неђи о Дуклійна:
,,Куппи Неђо хиляду сватовахъ
Айде Неђо билу двору моме,
И да си ми ђеверъ узъ ђевойку."
Кад' побрима кньиге допануше,
Сви на прешу свате покупише,
Побратиму брже доведоше;
Па отале свати окренуше,
И одоше прозъ Турске градове,
И дођоше богату Сріему,
А ту дивно свате дочекаше,
Дочекаше и ђевойку даше,
И дивно ихъ даромъ дариваше,
Све сватове за што кои бѣше,
Па развише свилене баряке,
Ударише свирцы и тамбурке,
И сватови полѣмъ окренуше,
А излази Бегова кадуна,
Те ђевойцы тіо проговара:
,,О Хайкуна моя несретнице!
Како бидешъ на конаку коме,
Пиши Хайко листъ кньиге біеле,
Да я виђу доклећешъ ми дођи."
То іой рече, па іой отидеше.
Првый конакъ сваты учинише,
У средъ Бишћа града біелога,
А у побра одъ Бишћа Халаге,
Дивно побро свате дочекуе,
Дочекао даромъ даривао,
Ради хрза побратима свога.
Како свану свати подранише,
Другій конакъ сваты учинише,
На Удбину граду біеломе,
Башъ у побра Муя одъ Удбине,
Дивно Муіо свате дочекао,
Дочекао даромъ даривао,
Ради хрза побратима свога;
Каде свану сваты окренуше,
Трећій конакъ сваты оградише,
У Дуклина града біелога,
А у побра Неђа одъ Дуклина,
Води снаху на чардакъ шареный,
А онъ перетъ виђа сватовима,
Каде свану рано подраніо,
Своіой снаси на чардакъ біелій,
Кад' изиђе на чардакъ высокій,
Ал' му снаха сузна и крвава,
А пита є Неђо одъ Дуклина:
,,Снахо моя млого ядна была!
Што си мене сузна и крвава?
Ко є тебе зулумъ учиніо?
Снаха каже, зулума іой нейма,
Тек' є млада чуданъ санъ виђела.
,,Кад' киђены сваты окренусмо,
Каде на дно бысмо одъ Кунара,
Ал' све, Неђо, кладе попадале,
Докле, Неђо, кладе прескочисмо,
Ту хиляду сватахъ поломисмо;
Па отоле ядны окренусмо,
А кад' бысмо на средъ одъ Кунара,
Ту све, Неђо, ватре наложене,
Докле, Неђо ватре потрнусмо,
Ту хиляду сватахъ погорѣсмо;
Па отоле грдны окренусмо,
А кад' бѣсмо на вргъ одъ Кунара,
Ал' ево ти несито єзеро,
Око нѣга заћи немогосмо,
Посредъ нѣга тесе увезосмо,
Свеколике свате потописмо,
Ядань Неђо, нико неостаде,
Дого мене, и тебе кодъ мене."
А Неђо іой ріечъ бесѣдіо:
,,Бе нелудуй моя снашо мила!
Санъ є лажа а Богъ є истина,
Што є силе у четиры града,
Све є снашо тебе у сватове,
Ньима нитко наудит' неможе,

Па'ко пукне муня изъ облака."
А кад' зачу ліепа ђевойка,
Таде млада ситну кньигу пише;
,,Дођогъ здраво мале до Дуклина,
Већ'ме богъ зна нигда вићет' нећешъ."
Пакс' отоле сваты подигнуше,
А кад' быше на дно одъ Кунара,
Ал' ето ти Томе баряктара,
Докле Тому съ пута уклонише,
Ту хиляду сватахъ изгубише,
А кад мало понапріедъ быше,
Дочека ихъ Мандушићу Вуче,
Докле Вука зъ друма уклонише,
Изгубише и другу хиляду;
А кад' мало буше напріеда,
Іошъ ихъ вишіи яды задесише,
Дочека ихъ Иво капетане,
Докле шъ ньиме ценякъ раздвоише,
Неоста имъ свата ђаволѣга,
До ђевойке и ђевера нѣна,
Застркнули у гору зелену,
Ђевойцысе санакъ угодіо,
И тада іой Нећо вѣровао,
Докъ допаде Новлянин' Халійле,
И на нѣму ранахъ седамнаестъ,
Онъ шъ ђевойкомъ бесѣдити пође:
,,О Хайкуно ліепа ђевойко!
Бы суђено дасе састанемо
Ни кодъ мога, ни кодъ твога двора:
Ни код' мое, ни ко твое майке,
Дого данасъ у горы зеленой:
Примакнисе дасе полюбимо."
Примачесе, неполюбишесе,
Паде мртавъ низъ коня Дорійна;
Отле Нећо са снахомъ окрену,
Нећо пође у Новога дође,
И несретне каза майцы гласе:
,,Погибоше сваты и Халійле!"
Нека снаху гледа те удае,
А своѣму ненадасе сыну.

Прим. ,,Санъ на Божићъ" Такођеръ є владыкѣ производъ —.

131.

Цидићъ Хаганъ.

(Одъ истога попа Іована войводе Бѣлопавлићскога.)

Подигласе една чета мала
Одъ Пиперахъ села Црначкога,
У чету є седам-осамъ другахъ,
Предъ четомъ є Стаковъ Радоване,
А за ньиме Іовашовъ Брацокка;
Оде чета у питому Жупу,
И дођоше селу Озринићу,
У Турячу чета запанула
Ту є чета трудна починула,
Ма є чета стражу оставила,
На стражу є Стаковъ Радоване,
Ев' онъ гледа Оногошту граду,
Ма Радованъ нешто угледао,
Угледао тры-четиры друга,
Турцы, право иду у Турачи,
А предъ ньима еданъ одмакнуо,
На ђогату коню великоме,
За ньим'-иду кола и волови.
Радованъ є дружину будіо,
Па дружини тіо говоріо:
,,Видишъ побро Іовашевъ Брацокка!
Е видишъ ли Оногошке Турке?
Право нама на метеризъ греду!
Познаешъ ли онога юнака,
Кои яше на коня ђогата,
И на нѣму ноге прекрстіо,
Тутунъ піе, у тамбуру біе?
Сміемо ли Турке дочекати?"
Но говори Іовашевъ Брацока:
,,Харамбаша Стаковъ Радоване!
Я познаѣмъ онога юнака,
Кои яше на коня ђогата,
Оно есте Цидићу Хагане,
Несміѣмо ньима ударити,
Ніе шала Хаганова глава,
Е є Хаганъ своему граду глава."
Проговара Стаковъ Радоване:
,,Ха Брацокка црнь ти образъ быо!
Я самъ мняо да си юнакъ болый,
Немећи ми страве у дружину,

Самъ ђу чекат' Џидића Хагана,
Вы чекайте остале грађане."
У томесе оны насулили,
Западоше крвавіи Пиперы,
Но говори Стаковъ Радоване:
„Немой кои пушку избачити,
Докъ непукне мога џевердана!"
И то су га оны послушали,
Близу оны напушташе Турке,
Стаде Хаганъ танко попіеват',
Све помиње Стаковъ Радована,
Како му є браћу погубіо,
Милована брата и Завиша.
То разуме Стаковъ Радоване,
У юнака пуче срце живо,
Одъ образа пали џевердана,
Непогоди Џидића Хагана,
Но погоди другога до нѣга,
Паде Туре на зелену траву,
А утече Џидићу Хагане,
Ема вика Стаковъ Радоване,
„Удри пушкомъ Іовашевъ Брацокка!
Те ты гађи Џидића Хагана!
Кунемъ тисе и вѣру ти давамъ,
Ако данасъ Хаганъ непогине,
Одъ насъ утећ' ни ђавольій неће!"
Пушкомъ гађа Іовашевъ Брацока,
Тако нѣму срећа и Богъ даде,
Онъ погоди Џидића Хагана,
Мртавъ Турчинъ паде низъ ђогата,
А притрча Стаковъ Радоване,
Те му узе главу и оруже,
А осталіи кола и волове;
И дивно су браћу осветили
За двоицу таманъ четверицу,
Па пођоше здраво и радосно,
Здраво дошли весела имъ майка,
Ньима майка, а нама дружина.

132.

Лазаръ Пецирепъ.

(Одъ Мійћа Мехмедова у Бѣлопавлићу.)

Виђехъ чудо пріе невидѣно,
Ђе братими Туре каурина,
Бегъ Любовићъ Луку Радовића,
Да му Лука изда тры хайдука,
Те хайдука Лаза Пецирепа,
Су нѣгове два миле сыновца,
Два сыновца до два Сочивице,
Сочивице Станка и Николу.
Лука мусе яданъ куне криво,
Е ихъ ніе ниђе ни видіо,
Но му вако Бего говораше:
„Некунисе мени Лука криво!
У тебесу синоћъ вечерали,
Закла си имъ єдно янѣ црно,
Ако ли ми слуго невѣруѣшъ,
Да ти на ньихъ одѣло кажемъ:
„На хайдука Лаза Пецирепа,
На нѣга є црлѣна долама,
На доламу токе позлаћене,
Опасосе пасомъ одъ кадифе,
За пасъ му су двіе пушке мале,
О рамену сяйній џевердане.
На хайдука Сочивицу Станка,
На нѣга є зелена долама,
На доламу токе о тры оке,
Испунѣне драгіемъ каменѣмъ,
Опасосе пасомъ одъ кадиве,
За пасъ му є ножъ и пушка мала,
Све у сребру па су позлаћене."
Недаде му већ' говорит' Лука:
„Истина є драгій господаре!
Издаћу ти мога побратима."
Па одоше двору Лукиноме,
Ал' є Луки Бего говоріо;
„Доведи ихъ у твое дворове!
Издай ми ихъ да ихъ посіечемъ.
Оли твоя, ол' ньихова глава."
Таде му є Лука говоріо:
„Не за Бога Беже господару!
Немой мене дворе крвавити,
Но хайдемо горѣ у планину,
У планину подъ велику єлу,
Ђе є Лази вазда дановиште,
И понеси у мѣшину вина,
И дебела меса овнућга,
И шенична лѣба біелога,
Па неводи друга ни єднога,
Я ћу т' издат' побратима мога,

Я ћу ти га уватити жива,
Су обадва Сочивице друга,
Преда ћу ихъ тебе у рукама,
Да имъ собомъ посіечешъ главе.“
Како рекли тако непорекли,
Ал' є Луки люба говорила:
„Не за Бога драгій господаре!
Немой издат' до тры побратима,
Но ты ньима издай Любовића,
Да га воде ломной горы црной,
Кад' одведу Бега Любовића,
Доће тебе ђеца и любовца,
Доћиће ти мука сваколика.“
То є Лука послуша любовцу,
Па кад' свану и огрäну сунце,
Ево т' иде Любовићу Бего,
Отидоше отле у планину,
Ту нађоше до тры побратима,
Ту нађоше, што ихъ и тражише,
Лука нађе до тры своя побре,
Пію вино подъ єломъ зеленомъ.
А кад' пише и обѣдоваше,
Таде вели Любовићу Бего:
„Копиляне Пецирепъ Лазаре!
Опражни ми сву Херцеговину,
Робишъ буле а сіечешъ Турке,
Одгонишъ нам' конѣ и волове,
И біеле овце на збоеве.“
Лазаръ гледа Луку Радовића,
А Лука му окомъ намигнуо,
Скочи Лазаръ одъ землѣ на ноге,
Любовића ногомъ ударіо,
За грло га быо уфатіо,
Прискочише остала дружина,
Любовићу савезаше руке,
Поведоше г' низъ Херцеговину,
Докъ дођоше ломной Горы-црной,
На крваво равно Велестово;
Отоленъ су кньигу одправили
На біеле дворе Любовићу,
Дасе стану на Грахово равно,
Да доведу робѣ Радовића,
Да доведу хата Любовића,
И нѣгово благо свеколико,
Па да Бега врну на откупе.
Кад' є двору Бега Любовића
Тако црна кньига допанула,
Све дадоше што имъ запиташе,
Благо даше Бега повратише,
На Грахову ђесе састадоше,
Па радосно сви пођоше дома.,
Найрадіє Любовићу Бего.

133.

Опетъ Пецирепъ.

(Одъ Радована Радоньина Булатовића Ровчанина.)

Сердаръ Марко піе вино хладно,
На средъ Кчева у средъ Горе-црне,
А до нѣга редомъ Црногорцы,
До нѣга су два Ђурашковића,
До ньихъ сѣде два Ђикановића,
До ньихъ сѣде два Турчинчевића,
А до ньигъ су два Томановића,
И до ньихъ є Пешикановъ Пеіо,
Пакъ до Пея Пецирепъ Лазаре;
Но да рече сердарина Марко;
„Вала Богу браћо Црногорцы,
Ђесе у насъ нероди юнака,
Кано што су Оногошкіи Турцы!
Кано што є Хамза капетане,
Као што є Цидићу Хасане,
Како што є Бабићу Яшаре,
Кано што є Хациманићъ Дуро,
И ка' што є Рушевићу Рамо,
Кано што є Бећа Пелевића,
И кано є Рамићъ булюбаша,
И ка' што є Луковацъ Оммере;
Оны честе чете подизаху,
Вођаху ихъ ломной Горы-црной,
Оны сѣку Црногорске главе,
Никшићу ихъ мећу на бедеме,
Све бедеме ньима окитили,
А у насъ се нероди юнака,
Да поведе чету Црногорску,
Оногошке да сіече главе,
И доноси у горицу црну,
Да бы како браћу осветили.“
Сви юнацы Црногорцы млады,

Сви юнацы никомъ поникоше,
У црвено погледаше вино,
Но- неглeда Пецирепъ Лазаре,
Веħ' сердару меħу очи црне:
,,ЧуѢшъ ли ме сердарина Марко?!
Што ми кажешъ узурліе Турке,
Ласно имъ є чинити юнаштво,
Ћераю имъ кола и волови,
А раде имъ Власси сыромаси;
Те све Турке што си пброиo,
Свакомесамъ штету учиніо;
Докле домомъ біяхъ подъ Голіомъ,
Подъ Голіомъ моіомъ постойбиномъ,
Ђе я имахъ иляду овацахъ,
Триста главахъ коняхъ и говеды,
Пестотинахъ челахъ пріесѢдахъ,
Дохоħаху м' ярамази Турскіи,
Небы ли ми зулумъ учинили,
Я недадогъ зулумъ учинити,
На менесе Турцы разѢдише,
Подъ Голію войскомъ ударише,
Узеше ми хиляду овацахъ,
Тристотине коняхъ и говеди,
Пестотинахъ челахъ пріесѢдахъ,
Исъ куле ми поніеше благо,
Я утекогъ съ оба брата моя:
Пакъ ихъ одохъ пратит' низъ Голію;
Одъ Голіе до дуге Польіе,
Седамнаестъ посѢкосмо главахъ,
А кад' бѢсмо на дугу Польію,
Ту ми брата оба погибоше,
Самъ ихъ одохъ гонит' одъ Польіе,
Одъ Польіе до поля горнѢга
Самсамъ седамъ посѢкао главахъ,
То є двадестъ и четиры Марко;
Паксе на трагъ узъ Голію врнугъ,
Те укопагъ оба брата мога,
И ускочихъ ломной Горы-црной,
Те башъ Марко Кчеву крвавоме,
И то было о Митрову данку,
Но покупихъ петнаесъ Чевлянахъ,
Поведогъ ихъ Оногошку граду,
Да я чекамъ Оногошке Турке,
Недочекахъ таде ħаволѢга,
Ма имъ спалигъ прозъ махале куħе,
Упалигъ имъ куħагъ седамдесетъ,
Па отидогъ у Рудине равне,
По Рудине пожегогъ сіена,
Да неймаю ħе зимоват' овце,
Турске овце и стока остала;
Па прескочигъ Вучю и Поляни
Свуħъ туд' Марко спалигъ имъ сіена,
Те све Турске покрепаше овце,
И ту самъ имъ штету починіо.
Тад' я доħохъ Кчеву крвавоме,
Зима наста біелъ сніегъ наħе,
Тако стаде до Ђурħева дана,
А кад' доħе честитъ данакъ Ђурħевъ,
Я покупигъ дванаестъ Кчевлянахъ,
Поведогъ ихъ Оногошту граду,
Башъ подъ кулу Хамзе капетана:
Развалигъ му камену авлію,
Те му узехъ дванаесъ воловахъ,
Оħерагъ ихъ Кчеву каменоме,
Знашъ Сердару хиссе самъ ти дао!
Пакъ покупигъ седам-осамъ другахъ,
Поведогъ ихъ горы Ухоньиной,
Ту я чекагъ Оногошке Турке,
Дочекасмо до тры Рушевиħа,
Свой троицы посѢкосмо главе,
Узесмо имъ рухо и оружѢ,
Узесмо имъ конѢ седленике,
Све тры Турске главе поніесмо,
И доħосмо Кчеву юначкоме,
Ту ліепій шиħаръ діелисмо,
Знашъ Сердаре діелъ самъ ти дао!
Пакъ окупигъ тридесетъ Кчевянахъ,
Одведогъ ихъ граду Оногошту,
А кад' граду Оногошту доħогъ,
Али креħе карванъ одъ Никшиħахъ,
Полазаше шехер' Сараеву,
Да догоне робу на дуħане;
Ясе вратигъ Кчеву крвавоме,
Те покупигъ стотину Чевлянахъ,
Поведогъ ихъ подъ мою Голію,
Те ихъ чекагъ за неħелю данахъ,
Докъ дочекахъ карванъ одъ Никшиħахъ,
Па на Турскій карванъ ударисмо;
Докъ одъ коняхъ одвоисмо Турке,
Тамамъ десетъ осѢкосмо главахъ,
Па іошъ боя текаръ заметнусмо,

Тер' и двадесть Турак' посѣкосмо,
Ал' узесмо деведесеть коняхъ,
Голія є ломна и врлетна
Немогоше коньи биежати,
Но мы съ коняхъ осѣкосмо стране,
Єдне стране дома поніесмо,
А у гору друге завріесмо,
Па одосмо Кчеву кршовиту,
Те и оне стране приватисмо,
Пакъ ліепій шићаръ діелисмо,
Сваком' другу по двѣсти цекинахъ,
Мени даше тры стотин' цекинахъ,
И тебе смо діо учинили!
Тад' одосмо мору дебеломе,
Те одъ мора Гоге доведосмо,
И по Кчеву куле поградисмо,
Іошъ отаде Чево обогати,
И тадайсамъ Турцим' додіяо,
Додіяо, све ихъ оштетіо.
Но бѣшесе Туре зафалило,
Силно Туре Бећа Пелевића,
Е є брата мога погубіо,
Брата мога Пецирепъ Спасоя,
Я покупихъ петнаесъ Чевлянахъ,
Поведогъ ихъ Оногошту граду,
Заданисмо у Товићу брду,
Ал' Бећине появише овце,
Появише пестотин' овацахъ,
И стотина коняхъ и говеди,
А предъ ньима два Бећина сына,
Іоште шъ ньима двіе каде младе,
Изявише на то Вучѣ равно,
И на Вучю здраво замркнуше,
Ударигъ имъ у поноћи Марко,
Те имъ узегъ пестотин' овацагъ,
И стотину коняхъ и говеди,
И посѣкогъ два Бећина сына,
И заробигъ двіе кадке младе,
И поніегъ двіе русе главе,
Преявисмо Жупомъ Грачаницомъ,
Ватисмосе Сливя смышлѣнога,
Здраво равно Сливѣ пріеђосмо,
Доявисмо у Пѣшивце тврде,
Испредъ куле Никчевићъ Иліе,
Ал' исшета Никчевићъ войвода,
Те онъ пита мене и дружину:
„Чіес' овце, чія ли говеда?
Чіе ли су двіе руссе главе,
Чіе ли су двіе кадке младе?"
На то самъ му Лазаръ говоріо:
„Двіе главе два Бећина сына,
И ньихове двіе Каде младе."
Но ми рече Никчевић' Илія:
„Побратиме Пецирепъ Лазаре!
Ты устави двіе русе главе,
И уза ньихъ двіе Каде младе,
А да ситну книгу оправимо
Біеломе Оногошту граду,
Да кажемо Бећи Пелевићу:
„„Зло ти ютро Бећа Пелевића!
Синоћъ су ти овце быле здраво,
Здраво быле, здраво замркнуле,
А ноћасъ имъ Лазаръ ударіо,
Узео ти овце и говеда,
Посѣко ти оба твоя сына,
И повео ньихове кадуне;
Лазарасамъ уставіо вође,
И код' нѣга твое дѣце главе,
И ньихове обадвіе Каде,
Но донеси тры стотин' цекинахъ,
И доведи вранца краичника
И донеси сяйна цевердана,
Цевердана Рушевића Рама,
И доведи Оногошке Турке,
Дођи шъ ньима Сливю смышлѣноме,
Да ти дамо двіе русе главе,
И уза ньихъ обѣ Каде младе.""
Па кад' Бећи книга допанула,
Вруће су га пропануле сузе,
Па пошета Рушевића кули,
Те у Рама купи цевердана,
И онъ узе тры стотин' цекинахъ,
Іошъ поведе вранца Краичника,
Па покупи Оногошке Турке,
Доведе ихъ Сливю смышлѣноме,
Мы одовуд' све листомъ Пѣшивце,
Поніесмо обѣ русе главе,
И уза ньихъ двіе буле младе,
На тврдусе вѣру састадосмо,
Те имъ дасмо главе и кадуне,
Оны нама откупъ за обое,
Па рече ми Хамза Капетане:

„Чуѣшъ ли ме Пецирепъ Лазаре!
Ход' Лазаре дасе нећерамо,
Да ти брата оба умиримо,
Умиримо новцим' подмиримо,
Ял' главама двѣма бираніемъ,
Па већ' више дасе нећерамо!“
Оба брата мене умирише,
Умирише, и окумише ме,
Дадоше ми хиляду цекинахъ,
Тусе'шъ ньима помирисмо Марко,
И ту самъ имъ штету учиніо,
И одъ тога діо теби дао,
До и чету тада оставіо,
А божюсмо вѣру уватили,
Да већ' нигда четовати нећу.“
Турцы овце опст' закрдише,
Али неста Пецирепъ Лазара.

Одъ мене му
нек' ово є надгробно:
„О Србине Пецирепъ витеже!
Споменъ трає, докъ нам' сунце сяє,
Твоя л' врлость до страшнога суда,
Да одъ Вѣчногъ вѣчну плату прійма.“

134.

Бой Ровчанахъ за Морачу.
(Одъ Луке Шћепанова Ровчанина.)

Іоште зора не забіѣлила,
Ни даница лице помолила,
До біѣла війла покликнула,
Одъ студене воде Ибрштице,
Те кликуѣ селу Церовицы,
По имену Митра Голубова;
То незачу Голубовићъ Митре,
Но то зачу соко Радославе,
Пакъ є собомъ Дмитра дозивао:
„Зло ти ютро Митре Голубовићъ!
Погибе ти Голубовић' Матко,
Код' студене воде Ибрштице.“
Ал' є друга вила кликовала,
Одъ Разврша врха высокога,
Те кликуѣ на Међуричѣ
По имену Матковић' Іована:
„Зло ти ютро Матковић' Іоване!
Ако морре руйно піешъ вино,
На ране ти данасъ излазило,
Ако л' морре вѣрну любишъ любу,
Удова ти данасъ останула,
Погибе ти Голубовић' Матко!
Кодъ студене воде Ибрштице.“
Паксе отле поточъ подигнула,
Мала потѣчъ тридесетъ юнакахъ,
Излѣгоше на Исстаће равно
О Саввину дану у средъ зиме,
По за ньима Томна Голубова,
Она носи пуну купу вина:
„Станте сынцы ако Бога знате!
Да у Божю славу напіете,
Да светога Сава поменете,
Д' ако данасъ Матка осветите.“
Излѣгоше брду Ясеновску,
Међу очи у Морачу доню,
Али Турска войска притиснула,
По ліепу полю Люботињу,
Конь до коня, юнакъ до юнака,
А шаторѣ єданъ узъ другога,
Бойно копѣ колик' гора црна,
А барящы каконо облацы,
Да одъ неба праменъ кише наће,
Небы каплѣ на траву кануло;
То гледаше па цркви слѣгоше,
Тесе моле Богу по закону,
Бѣлой цркви прійлогъ приложише,
Па Морачу воду пріеђоше,
Доксе Турской примакоше войсцы,
Но говори Митаръ Голубовићъ:
„О Ровчани моя браћо драга!
Немой кои пушке изметнути,
Доке моя пукне одъ образа,
Д' ако нама дадне Богъ и срећа,
Те мы Матка осветимо брата.“
Па онъ паде за каменъ студеный,
Но му суза око заліева,
Жао му є Матка свога брата,
Те довати срмайли мараму,
Свое ньоме сузе утираше;
Пакъ є пушку съ огнѣмъ саставіо,
Те Турчина добро погодіо,

Живсе наже мртавъ земльи паде,
Но є Турска сила кидисала,
Нагнаше ихъ на воду Морачу,
Догнаше ихъ мосту каменоме,
Тусе біе тридесетъ Ровчанахъ,
Ижлѣгоше на дно Пилопаħа
Ма да видишъ Меоньиħ' Севера,
Онъ извади мача зеленога,
У Ровчане юришъ учиніо,
На нѣгову хату біеломе,
Али пуче пушка одъ Ровчанахъ,
Те погоди Меоньиħ' Севера,
Међу пуца ће му срце куца,
Живсе наже, мртавъ земльи леже,
Одъ силе є мачъ у землю забо,
А то му є и последнѣ было.
Ту су сува боя разметнули,
Па дозива Мекиħъ Османага,
„О Стамате одъ Ровацахъ кнеже!
О Стамате Ђурашиновиħу!
Є ли тебе когођъ остануо,
Одъ моѣга боя жестокога?“
Нѣму вели одъ Ровацахъ кнеже;
„Ой чу ли ме Мекиħъ Османага!
Мене ніе нико погинуо,
До што си ми Матка уграбіо,
Код' студене воде Ибрштице,
Пріе боя и братинске мыщце;
Мало ми є момче обранѣно,
А ни нѣму ништа быти неће,
Вазъ данъ ми є бою помагало.
Но тако ти Дина и Амана,
И турскога поста Рамазана,
И џаміе у коіой кланяте!
Є ли теби когођъ погинуо?
Одъ моега боя сиротнога?!“
Но му вели Мекиħъ Османага:
„О Стамате яде ћешъ ми чути!
Мене нитко ни остао ніе!
Мртвіехъ є дванаесъ Туракахъ,
Ранѣніехъ тридестъ и четиры,
Ни єданъ ми преболѣти неће,
А больіе у Колашинъ ніе.“
Па стадоше мртве пребіяти,
Све за Матка врснога юнака,
Оммербашу за одору нашу;
Што су съ Матка Турцы поніели.
Здраво были Ровчаны витези,
Весели имъ главары и кнези!

135.

Погибъ Ровчанахъ.

(Одъ истога Луке Шћепанова Ровчанъ.)

Даву чини Ивановиħ' Ђуро
У силнога одъ Скадра везира,
„Помагай не Махмуте везире!
Одъ Ровчанахъ живѣт' неможемо,
Они нама сваке яде граде,
Одваяю овце одъ ягняди,
Одваяю краве одъ телади,
Одагнаше конѣ и волове,
А читлуке Турске опушћеше;
И то бысмо съ ядомъ опростили,
А неможес' драгій господаре,
Узимлю ни на срамоту любе,
Те ихъ нама любе на срамоту,
Оны Турску землю разурише,
Робе дѣцу а сіеку Турке;
И то бысмо съ ядомъ опростили,
Неможемо драгій господаре,
Колашина затворише града,
А одъ града саломише врата,
Погубише Агу о трьі туга...
Біѣснога Мекиħъ Меметагу,
И џамію Турску обурваше,
А Гушмира хоцу погубише:
Но за Бога Махмуте везире!
Ты погуби двіе породице,
Влаховиħа и Булатовиħа,
Кои твою землю разурише,
А остави двіе породице,
Срезовиħа и Шћепановиħа,
Да ти даю харачъ одъ Ровацахъ.“
У то доба єдно туре младо
Одъ біела града Колашина,
По имену Хаковиħу Зеко,
Одъ образа рони сузе вруће,
Па извади барякъ ижъ нѣдарахъ,
Везиру га тури на колѣно,

Па му паде главомъ у кріоце:-
,,Ай помагай Махмуте везире!
И брата су погибили мога,
Брата мога, барјактара твога,
Біѥснога Хаска Булюбашу,
На харачу у камена Ровца,
Погуби га одъ Миниѣахъ Марко;
Но за Бога Махмуте везире,
Ял' ме свети, ял' ме посіецы!"
Кад' ал' ево т' Кукиѣъ Османага
Одъ онога Спужа біелога:
,,Ай помагай Мамуте везире!
Тры су моя брата погинула,
Сва тры брата тры Мећикукића,
Башъ на войсцы у камена Ровца,
То ми виђи, ал' ме посіецы!"
Пакъ іошъ текаръ дава допанула,
Єстъ одъ Кучахъ Петровићу Чубро:
,,Ахъ помагай Махмуте везире!
Седамъ су ми Кучахъ изгубили,
То на єдну хрпу и громилу;
И свакій данъ сѣћ' насъ непрестаю,
Одъ Ровчанахъ живѣт' неможемо!"
Проговара Махмуте везире:
,,Ево данасъ лѣтный данакъ Ђурђевъ
Докле дође лѣтный данъ Петровый
Ял' ћу ваше яде осветити,
Ял' ћу мою изгубити главу,
Хайте свакій обичаю своме."
А кад' дође лѣтній данакъ Петровъ,
Млогу везиръ подигнуо войску,
Онъ покупи дванаесъ хилядахъ,
Изведе ихъ Спужу біѣломе,
Отле везиръ іоште кньиге пише,
Єдну посла у Куче камене;
,,Ой войвода Петровићу Чубро!
Покупи ми све Дрекаловиће,
Люте Куче и Васоевиће,
Доведи ихъ Спужу біеломе."
А другу є кньигу оправіо
У Пипере у Брдо крваво:
,,О бойводо Лакочевић' Шуто!
Покупи ми све Пипере листомъ."
Па трећу є кньигу оправіо
Ка племену Бѣлопавлићскоме,
У ліепо село Мартиниће:
,,Моя слуго войвода Ђукане!
Покупи ми све Бѣлопавлиће,
Доведи ихъ Спужу біеломе."
Іошъ четврту кньигу оправіо,
Оправіо у камена Ровца,
И у кньизи стотину дукатахъ:
Моя слуго Милутине кнеже!
Ровца су ми Брдо наймиліе,
Наймиліе и найудворніе,
Пробери ми стотину Ровчанахъ,
Обуците одіело дивно,
Доведи ихъ Оногошту граду,
Е хоћемо Гацку пространоме —."
А кад' кнезу така кньига дође,
Свое племе на зборъ окупіо,
Єстъ на гробля код' біеле цркве,
Даде кньигу попу Радовану,
Онъ имъ каже све што кньига пише,
Рече юнакъ Радуловъ Никола:
,,Сабльо наша Милутине кнеже!
Я самъ ноћасъ чуданъ санъ видіо:
Бѣсмо дошли предъ біелу цркву,
Прислонисмо стотину пушакахъ,
Ведро бѣше паксе наоблачи,
Громъ загрмѣ докъ синуше мунѣ,
Те удрише у біелу цркву,
Обалисе црква пребіела,
Поломи ни шездесетъ пушакахъ,
Ясе боимъ да неизгинемо,
Превариће Мамуте везире!"
Рече соко Вучелићу Цоле:
,,Крило наше Милутине кнеже!
Я самъ ноћасъ больй санъ видіо;
Е полеће шесетъ соколовахъ,
Одъ Ровацахъ Брда каменога,
Излећеше на Штитово равно
Полећеше низъ питому Жупу,
Долећеше граду Оногошту,
Те падоше граду по бедему,
Доке црне долећеше чавке,
Те поклаше шесетъ соколовахъ,
Ясе боимъ да неизгинемо,
У Турчина вѣра ніе тврда."
Но говори Милутине кнеже:
,,Курво єдна Вучелићу Цоле!
Ни си юнакъ ни ти те родіо!

Немеђи ми страву на юнаке,
Подай барякъ болѣму юнаку,
Па ты хайде двору бісломе,
Те ты шъ любомъ у постелю спавай,
Ту те Турцы ни виђети нете,
Акамо ли да ћешъ погинути."
Таде Цола изѣде срамота,
Те онъ разви крсташа баряка,
А за ньиме стотина Ровчанахъ,
По избору ђе є юнакъ больій,
Обукли су дивно одіело,
Обуклису црлѣнѐ доламе,
На доламе токе позлаћене,
А узели свіетло оружѣ,
Ижлѣглису на Штитово равно;
А кад' быше низъ питому Жупу,
По двоица заѣдно пѣваху,
По четиры пушке изметаху,
Шенлукъ чине Мамуту везиру,
Но излази мало и големо,
Те гледаю ліепе юнаке,
А на ньима одіело дивно;
Све весело и радосно было,
До сокола Вучелића Цола,
Ни пѣваше ни пушке меташе,
Но дружину погледуѣ често,
А шкркуће зубомъ бієліемъ,
Те набира желю одъ свіета.
А кад' быше граду подъ бедема,
Рече соко Вучелићу Цоле:
О Ровчани ядне ваше майке!
А видите ђесмо погинули!
Но ве Богомъ великіемъ кумимъ,
Да вы добре пушке напуните,
Напуните, ал ихъ немећете,
Но у Турке пушке обрните,
Те по єдномъ пушке истурите,
Па пламене ноже извадите,
А у Турке юришъ учините,
Д' ако кои заміѣни главу,
Е видите ђесмо изгинули."
Но говори Милутине кнеже:
„Ао Цоле да те Богъ убіе!
Да што си се курво препануо?"
Дотле быше граду подъ бедема,
И везиръ ихъ дочекао дивно,
Ньим' свим' реко шенлукъ истурити,
Тек' Ровчани пушке испразнили,
У то пуче пушка везирова,
Те погоди попа Радована,
Посредъ паса те паде безъ гласа;
Пуче друга одъ града диздара,
Те погоди Милутина кнеза
Међу пуца ђе му срце куца,
Живсе наже мртавъ земльи паде,
Ондай веля сила загрмѣла,
Веля сила Махмута везира,
На стотину бираних Ровчанахъ,
Паде тама око Оногошта,
Невидисе града бієлога,
Одъ брзога праха исъ пушакахъ,
Одъ силене войске везирове,
Докъ изъ таме добаръ юнакъ виче,
Добаръ юнакъ Томашевъ Іоване:
„Бѣжи за мномъ Томашевић' Ђуро!"
Онъ повикну и сивог' сокола,
А сокола Поповића Рада,
И витеза Станишића Нійца,
Побѣгоше четиры юнака,
Побѣгоша усъ полѣ Каппино,
За ньимасе Турцы натурише,
Но біюсе четири юнака,
Тесе бране огнѣмъ исъ пушакахъ,
Докъ дођоше мосту Беговоме,
Беговога моста пребѣжаше,
Докъ дођоше води Моштаницы,
Здраво и ту воду пріеђоше,
Утекоше у Крунацъ планину,
Али Цола ране допануле,
У средъ войске остануо Турске,
Докъ допаде єдно Туре младо,
Одъ онога Скадра бієлога,
Носи сабю у десницы руцы,
Да Цолеву посіече главу;
Цоле виђе да є погинуо,
Іошъ Латинцы даде ватру живу,
Турчина є добро погодіо,
Живсе наже, мртавъ преда нь' паде,
Свою даде за Цолову главу;
Пакъ ево ти булюбаша Муіо,
Одъ Никшића бієлога града,
Кад' га виђе Вучелићу Цоле,

Виђе юнакъ да є погинуо,
Тури велю...у зелену траву,
Тури велю, а извади малу,
Ньомъ удара Булюбашу Муя,
Ни жива га земля недочека.
Но ево ти Хаковића Зека,
Одъ біела града Колашина,
Носи гола мача зеленога,
Да Цолеву посіече главу.
Овако є Цолу говоріо:
,,Чекай мене Вучелићу Цоле!
Да ми Хаска платишъ булюбашу.“
Проговара Вучелићу Цоле:
,,Ходи брже Колашинскій вуче!
Да ми горій несіече главу,
Да ти платимъ Хаска брата твога.“
И кад' виђе да є погинуо,
Онъ извади другу пушку малу,
Те погоди Хаковића Зека,
Удари га подъ грло біело,
Мртва га є земля дочекала;
Докъ допаде Пећанине Бего,
Носи саблю у десницы руцы,
Виче Турчинъ изъ грла біела:
,,Чекай мене силанъ Брђанине!
Да ми данасъ млого яда платишъ.“
Ядну Цолу ране одолѣле,
Па онъ юнакъ паде на колѣна,
Іошта писну како змія люта,
Иза паса корду извадіо,
Махну сабльомъ Пећанине Бего,
Да Цолеву посіече главу,
Махну сабльомъ, ал' га недомахну,
Махну соко Вучелићу Цоле,
Махну кордомъ и десницомъ рукомъ,
Осѣче му до рамена руку,
Паде Бегу и сабля и рука,
Паде нѣму граду подъ бедема;
Люто писну Пећанине Бего,
А побѣже граду на капію,
Остаде му и сабя и рука,
Докъ допаде Мекић' Арсланага,
Одъ біела града Колашина,
Онъ положи сяйна џевердана,
Те погоди Вучелића Цола
У повіе међу очи двіе,
Па му русу главу посѣкао,
И узе му свіетло оружє,
Све поніо Махмуту везиру,
Но везирсе тешко разѣдіо,
Што га-ніе сабльомъ посѣкао:
,,Бака Турцы, газіє Турскога,
Да кауру на саблю несміѣ!
Дин-Иманъ ми Туре посрамило,
Силно Туре Мекићъ-Арслан-Ага,
А болѣ бы Колашину было,
Да Турчина дома непричека
Никаквога, ни то-ђаволѣга,
А да сабльомъ посѣкоше Цола,
Ровачкога силног' баряктара,
Свойсе моіой онъ успріє войсцы.“
Пакъ Никшићке буле и кадуне
Довіяюс' юнаке рађати,
Украдоше и Цолеву главу,
Прво вече съ бедена одъ града,
Залуду є предъ везиромъ стала,
Скухаше є као и говеђу,
Свесе одъ нѣ юхе насркаше,
Небы л' Цола којагођъ зачела,
А у Турском' Дину и народу:
Ма имъ недо' кои небомъ сяе,
И коино Ровчане остале
Отле спасе, и у Ровца снесе,
Сви наѣдно те непогибоше,
Іошъ Богъ якій своє пригледао,
У Ровцима башъ у домовима,
У истіехъ удовиц' ядніехъ,
Но близнадсе породила мушка,
Све посмрчад' оніехъ Ровчанахъ,
Што ихъ таде везиръ погубіо,
У Никшиће, на божію вѣру,
Овако ихъ Богъ освети якій,
Па сувише, што су браћа послѣ —.

136.

Бой Бушатліе съ царемъ.
(незнамъ одъ кога є.)

Сунце зађе а мѣсецъ изађе,
Младо момче у Цариградъ дође,
Голо, босо, тужно и жалосно,

Оно бѣше паша Ибрахиме
Одъ крвава Спужа на краини;
Горко цвили сузе проліева
Предъ колѣно цара честитога:
„Султанъ царе, драгій господаре!
Ол' незнадешъ, ол' ништа нехаѣшъ?
Дасе другій Султанъ учиніо,
Кара-Махмутъ одъ Скадра біела
У средъ равне землѣ Арбаніе,
Роби, пали села и вароше,
А сіѣче краичнике Турке,
И узимѣ одъ Раѣ хараче,
Онъ за тебе ни спомена нейма,
Онъ є бабу мога погубіо,
И витеза Зотовиħа Бега,
На Доляне, више Подгорице,
И брзо ħе до Епира доħи,
Ако войску неħешъ сакупити,
И погубит' душманина твога,
Бушатлію ону люту змію,
Коисе є хаинъ учиніо,
И градове млоге освоіо."
А када є царе разуміо,
Силну войску сакупіо быо,
Одъ све Босне и Херцеговине,
Од Србіе и одъ Булгаріе,
Романіе и Анадоліе,
Одъ Норіе и Маħедоніе;
Таку силу Скадру оправіо,
И предъ ньоме два силна везира,
Везиръ Босне и Херцеговине,
Другій везиръ одъ Уруменліе,
И по мору пашу Капетана
Су двадесетъ одъ боя ђеміяхъ,
Да погубе Махмута везира,
Утевтише землю Арбанію.
А кад' Махмутъ войске угледао,
Онъ дозива стрица Мурто-Бега,
И Тахира Агу Паруџиħа,
Яхо-Беіа Копиличевиħа,
И Якупа Сердаревиħъ Бега,
И Хасана одъ Хотахъ главара,
И остале по избору Турке,
Овако є ньима говоріо:
„Ево на ме иде силна войска
Одъ онога Отмановиħ' цара,
И предъ войскомъ два силна везира,
Іошъ по мору паша Капетане,
Оны иду Скадру подъ бедеме;
Ясе хоħу у градъ затворити,
Су пестотин' моиехъ деліяхъ,
Да преваримъ цареве везире,
А вы мои драгіи витезови
Сусретите войску и везира,
Предъ свим' ньима учините жалбу,
Супроħъ мене како ви є драго,
Нека мысле цареви везири,
Да 'сте мои великіи душмани,
Ал' немойте друго учинити!
Издати ме, оли преварити,
Споментесе Кастріота Ђура,
Колико є съ царомъ воевао,
И какву є славу задобио:
Тес' и данасъ Арбанія фали,
Арбанія што є васъ родила,
И юначкомъ бою одгоила;
Држите ми младе Арбанасе
У договоръ да нико незнаде,
А пазите згоду и вріеме,
Кад' видите да имъ ударимо,
Нек' познаду што 'су Арбанаси;
Ако л' нама до потребе буде,
Мы имамо узданицу тврду
У владыку Петра Црногорског',
Онъ ħе нама у помоħи быти,
Ол' насъ пріймит' све у Црнугору,
Да оданле изнова ратимо."
То вріеме за дуго небыло,
Ето иду су тры стране войске,
Єдна право преко Зетте равне,
Друга иде преко воде Дрима,
И обѣсе войске саставише,
Према Скадру попеше чадоре;
Треħа войска преко мора слана,
Подъ Улциньомъ градомъ біеліемъ.
Сватко иде клањасе господи,
И цареву біелу ферману,
Како ихъ є Махмутъ научіо;
Да є коме погледати было,
Коликосе войске сакупило!
И како є она войска зорна,
Нит' є трудна, нити є уморна,

Свакъ бы ово мога' помыслити,
Да ће у градъ ончасъ улећети,
И уватит' Бушатлію жива.
Но ставише бумбе и лубарде,
Сташе бити Скадаръ су тры стране,
Неостаде двора ни стобора
Што ніесу бомбе разориле,
И лубарде земльи обориле;
Али ево млады Арбанаси,
На договоръ тесусе састали,
У біелу кулу Паруцића,
Зъ договоромъ танку кньигу пишу,
И у градъ ѥ свом' везиру шалю:
„Нека знадешъ драгій господару!
Да мыслимо съ ютра ударити,
Прећe зоре и біела дана,
На везира одъ Уруменліе,
Какосмо ти тврду вѣру дали!
Доиста те издати нећемо,
А ты немой оставяти града,
Докъ невидишъ одъ насъ штоће быти.“
Што рекоше, то 'су учинили,
Пріе зоре боя заметнуше,
Царевасе войска забунила,
За оружѣ бойно прифатила,
Нитко незна, шта є и како є,
Тко л' замеће изненада кавгу,
Докъ вићеше Махмута везира,
На сурога коня великога,
Зъ голомъ сабльомъ у руцы юначкой,
А за ньиме млады Арбанаси,
Тусе двіе войске ударише,
Жестокіемъ огнѣмъ исъ пушакахъ,
Одъ зорице до мрклога мрака,
Два везира плећи обратише,
Безъ обзира на трагъ побѣгоше,
А за ньима сва ньихова войска,
Гладна, жедна, тужна и жалосна,
Гола, боса и тешко крвава;
Оставише конѣ седленике,
Самур-капе, зелене доламе,
Цамадане ћурке и биньише,
И велике гаће туманліе,
И свакакве Турске саручине,
Прахъ, олово, бумбе и лубарде,
Џевердаре сребромъ оковане,
Мале пушке, сабѣ и гадаре,
Ятагане и балте юначке,
И цареве зелене баряке,
Неброено благо и богаство,
И осталу за войске захиру,
А сувише ліепе чадоре,
И подъ ньима ствары свакояке,
И свилене господцке душеке.
На то руке нико непружаше,
Безъ тестира Махмута везира.
Ал' онъ собомъ све раздаде ньима,
Юнацима, што є за коѣга,
А остало носи у мирію
Да намири учинѣну штету
Своіой земльи и своѣму граду,
И трошкове своє и войничке,
Да понови града и шехера,
Проза шехеръ куће и дућане,
Што су бомбе и лубарде силне
Разориле Скадру при Бояни,
Да погради сада на технани
А безъ страха цара силенога.
Ето побро Србаль... Стратимире,
Какавъ бѣше Махмуте везире! —.

137.

Негдашня будућность.

(Одъ моега любивога пѣвача козарчића Брацана Перчевића са Сретнѣ села у Бѣлопавлићу.)

Кньигу пише ліепа ђевойка,
Мѣзиница Костантина цара,
А посла ѥ у Прилипу граду
По имену Кралѣвићу Марку:
„Богомъ брате Кралѣвићу Марко!
Єс' ли чуо, єл' ти ко кажева'?
Каква ни є сила постанула
У Стамболу у нашему граду?
Постануо Арапине црный!
У Стамболу кулу градіо,
Па Стамбола осѣкъ осѣкао,
Све на оброкъ ведро вина руйна,

А ракіє колико и воде,
И по товар брашна шеничнога,
И по добра овна печенога;
На ноћъ тавну по єдну ђевойку,
Вассъ є Стамболъ досле обредіо,
Нмаласамъ до седамъ сестрицахъ,
Све є седамъ Арапъ облюбіо,
И мене є Арапъ запросіо,
Запросіо пакъ ме углавіо,
У неђелю што найпрва греде,
Ето Харапъ ђе води сватове,
Ето триста води Харапинахъ;
Одъ мене ти Богомъ побратимство,
Ако мене ты оте Харапу,
Даћу теби двадестъ бошчалукахъ,
Свакій валя по хиляду Рушпахъ,
А одвише што ти дадне бабо,
И остала царева господа."
Када Марку она кньига дође,
Нимало му мила небываше,
Ма му друга быти немогаше,
Оједесе што може найлѣпше,
Сврхъ оједа тамбаръ нађенуо
Подъ грломъ є тамбаръ заспучіо,
Учинисе црнимъ Арапиномъ;
Пакъ оседла Шарца дебелога,
О нѣму є топузъ обѣсіо,
А заједе свою остру ћорду,
Тад'се тури Шарцу на рамена,
Оде Марко друмомъ и планиномъ,
Одъ Прилипа одъ куће Маркове,
До Стамбола до куће цареве,
Има пуно дванаесъ конакахъ,
Све є Марко у шестъ учиніо,
Све што иде и ноћи и дневи;
Таква га є намѣръ наніела,
У Суботу у очи неђелѣ
Марко дође у Стамболу граду,
Некће цару ходит' на дивана,
Но онъ сврну у механу винску,
А кад' дође на врата механе,
Ал' на врата четиры Мацара,
Ньима Марко ріечъ бесиђаше:
„Макнитесе четиры Мацара!
Е 'ћу оће ноћцу боравити,
И сву ноћъ ћу испивати вино."
На то веле четиры Мацара:
„Нећешъ Богъ ме момче одъ Бугара!
Овђе за те конака неима,
Нећ' уносит' топузъ у механу."
А кад' чуо Кралѣвићу Марко,
Онъ довати топузъ одъ облука
Преко страже г' тури у механу;
Наймишесе четиры Мацара,
Да избаче врага изъ механе,
Ал' га она кренут' немогоша,
А некмоли да га надво баче;
То кад' виђе Кралѣвићу Марко,
Одъ добра є одяхао Шарца,
Самсе Шарацъ нѣму проводаше,
Уза Стамболъ дуго и широко,
Марко сврну у механу винску,
Ту онъ сву ноћъ испиваше вино;
Одка мрче докле зора дође,
Стотину є похарчіо рушпахъ,
А кад' сване текли сунце грану,
Стаде єкка низа Стамболъ града,
Оно бѣху триста Харапинахъ,
Сви пролазе испреда механе,
Найпосліе ліепа ђевойка;
А кад' дође предъ врата механе,
Наклонисе млада у механу,
Угледала Кралѣвића Марка,
Небѣше га пріе ни виђела,
По питаню и по кажеваню
Марка млада познавала была,
И Марку є ріечъ бесѣдила:
„А ту ли 'си Богомъ брате Марко!?
Да ли нећешъ испратити секу?"
На то Марко бесѣђаше секи:
„Айде тамо моя мила секо!
Сад'ђе Марко... и стиће те брзо."
А кад' чула ліепа ђевойка,
Турила є у шпагове руке,
Извадила пунахне цекинахъ,
Предъ побра ихъ оставила была:
„Най то теби да попіешъ Марко!"
И оне є приватіо Марко,
Нешто піе нешто Шарцу дае,
Мало было млого нетраяле,
Докле Марку доба долазило,
Долазило доба одъ кретаня,

Но ту веле четиры Маџара:
„Дай Бугаре подмируй ни вино!“
Ньима вели Кралѣвићу Марко:
„А тако ми... четиры Маџара!
Недамъ саде паре ни динара,
Но ето ви топузина тешка,
Док'се вратимъ да вамъ вино платимъ.“
На то веле четиры Мачжара:
„А такко ни... момче одъ Бугара!
Нећемо ти топузину тешку
Да нећ' дати паре ни динара.“
То є Марку и миліе было,
А довати топузину тешку,
Заметну ѥ Шарцу за облука,
Па онъ оде трагомъ за сватовма,
Докле стиже ліепу ђевойку;
Па загрну дувакъ на ђевойку,
Полюби ѥ међу очи црне,
А гледа га Харапъ младоженя,
Па є Марку рієчъ бесѣдіо:
„Айд' пролази момче одъ Бугара!
Е тако ми... вѣре у коюсамъ!
Да ми ніе сабю крвавити,
И десницу руку гріешити,
Я быхъ тебе изгубіо главу.“
За то Марко ни хабера нейма,
Но се опет' догна до ђевойке,
Полюби ѥ и два и тры пута,
То кад' виђе Арапине црный,
У десницу извадіо ћорду,
А къ Марку є нагонъ учиніо,
Ма да ти є погледати Марка!
Кад' подъ грло тамбаръ распучіо,
А остру є ћорду изтргао,
Харапусе примицати стао,
Тек'се сташе два добры юнака,
Тек'се сташе, тек'се ударише,
Сабіомъ махну Кралѣвићу Марко,
Те Харапу посієче главу,
Пріе му є главу посѣкао,
Него бы га муня опалила;
Па му тури главу у зобницу,
У поћеру оде сватовима,
Марко ћера триста Харапинахъ,
Ђе коега Марко сустизаше,
Свакоега топузиномъ гађа,
Докъ ихъ догна до біеле куле,
До біеле куле Харапове;
Ту улѣзе Марко у дворове,
Те по двору покупіо благо,
Натовари седамъ сеисанахъ,
Па за собомъ притворіо врата,
Притворіо пакъ ихъ упаліо,
Пак'се здраво натрагъ повратіо;
А кад' дође кодъ Харапа мртва,
Ту находи ліепу ђевойку,
Пакъ іой даде одъ Харапа главу,
Оправи ѥ цару на дивану,
Марко сврну у винску механу,
Што є піо да подмири вино;
А ђевойка цару долазила,
Изнесла му одъ Харапа главу,
Кад' ѥ виђе царе Костадине,
Ђевойцы є младой бесѣдіо:
„А Бога ти моя мѣзиница!
Ко те оте у Харапа црна?“
Ато вели ліепа ђевойка:
„А тако ми мой милосный бабо!
Мене оте Кралѣвићу Марко.“
На то вели царе Костадине:
„А да камо Кралѣвићу Марко?“
Нѣму вели ліепа ђевойка:
„А тако ми да мой міо бабо!
Марко сврну у механу винску,
Што є піо да подмири вино.“
То кад' чуо царе Костадине,
За Марка є слуге оправіо,
И слугам' є рієчъ бесѣдіо:
„Чуете ли мое вѣрне слуге!
Довете ми Кралѣвића Марка.“
Слуге су га брзо послушале,
А кад' Марко у цара дошао,
Приступи му руцы и колѣну,
При себе га царе пригрліо,
Па є нѣму рієчъ бесѣдіо:
„Добро доша' да мой сынко Марко!“
Па ту піо за нећелю вино,
А кад' Марку доба долазило,
Да онъ иде у Прилипу граду,
Натовари седамъ сеисанахъ,
Царъ му дао тры товара блага,

Натовари десетъ сеисанахъ,
Здраво оде свом' біелу двору,
Да одмара себе и Шарчину,
А да піе вино и ракію,
И да люби любу Анђелію.
Тако Марко образъ ти свѣтао!

138.

О Турскомъ цару.
(Одъ попа Гаша Поповића Пипера.)

Разболѣсе силанъ цар' Мурате
У Стамболу у царству своему,
Одъ срчане велике болести,
Хоће, кажу, царе умріети;
Къ нѣму иду паше и везиры,
И остале Хаге и Беговы,
И Спахіе и младе Деліе,
Те гледаю свога господара,
Боланъ имъ є Муратъ говоріо:
,,Слуге мое млоге тевабіе!
Є ли у васъ мое вѣрне слуге,
Да отиде у аремъ на кулу,
Да доведе Сулеймана мога,
Доксе іоште мало живъ находимъ,
За живота да шъньимъ проговоримъ.“
Намѣрисе Соколовићъ паша,
Те пошета у харемъ на кулу,
Те дофати Сулеймана луда,
Уфати га за біелу руку,
Па га сѣде бабу више главе;
Ну да видишъ Сулемана луда,
Када виђе на умору баба,
Више нѣга рони сузе вруће,
Паксе шъ ньиме разговарат' поће:
,,А! мой бабо, боланый Мурате!
Бозна мени хоћешъ умріети,
Што є тебе на свіетъ біелій,
Што є тебе бабо найжаліе?
Али жалишъ паше и везире,
Али жалишъ Хаге и Беговe,
Ал' Спахіе и твое Деліе,
Али жалишъ землѣ и градове?...
Ол' велике 'лафе и тимаре,
Ол' ми жалишъ пребіеле куле?
Али твое султаніе младе,
Оли мене Сулеймана луда?“
Кадъ є Муратъ нѣга разуміо,
Топле су га сузе пропануле,
Па є нѣму ріечъ говоріо:
,,Пројди мисе Сулемане сынко!
Я нежалимъ паше ни везире,
Нит' я жалимъ Хаге ни Беговe,
Ни Спахіе ни младе Деліе,
Нит' я жалимъ землѣ ни градове,
Ни улафе ни мое тимаре,
Нит' я жалимъ пребіеле куле,
Ахъ... ни мое султаніе младе,
А ни тебе Сулемана луда;
Но мене є сынко найжаліе,
Єръ я хоћу данасъ умріети,
А остаде Будимъ у каура,
Но ме чуешъ Сулеймане сынко!
Данасъ ћете мене укопати,
А тебе те царемъ учинити,
Сѣстите те у златну столицу,
И дате ти одъ Стамбола кључе,
И тебе те честитати царство,
И я велю честито ти сынко;
Но кад' бысе снаге доватіо,
Неостави Будимъ у каура!“
То изусти а душу испушти,
И полеће къ свецу Мухамеду,
Кадъ виђоше паше и везиры,
Е то хоны цара укопаше,
Ожалише како господара,
Сулимана луда зацарише,
Сѣдоше га у златну столицу,
И даше му одъ Стамбола кључе,
И сви нѣму честиташе царство.
Оно земанъ по земану проће,
Доксе момче снаге дофатило,
А кадасе дофатило было,
Онъ упази бабове ріечи,
Што є нѣму на смртъ говоріо,
Па доведе ћату великога,
Онъ му пише ситніехъ ферманахъ,
Написа му шездесетъ ферманахъ,
У шездесетъ оправи градовахъ,
Дасе купи силовита войска.

Ну да видишъ чуда и другога!
Санакъ снила Будимска краљица,
Санакъ снила и у санъ виђела:
,,Громъ загрмѣ о Стамбола града,
А сіевну одъ Мисира муня,
Мѣсецъ паде на средъ Мухачева
Подъ Будимомъ градомъ біеліемъ;
Око нѣга тице долећеле,
Найпрвыису крстачи орлови,
По за ньима сивыи соколови,
А за ньима бѣліи лабудовы,
Поза ньима тице голубовы,
А найзадны чарныи гаврановы,
Іошъ є Будимъ змія опасала,
Те єзикомъ по пенџера лиже,
А Будимсе исъ темеля ньиха,
Па допаде даница звіезда,
Паде она тамо кодъ мѣсеца.“
Санакъ снила паксе пробудила,
Ево кралю каже господару,
Што э млада у санъ видіела,
Све му што є каже и како є;
Кад' є кралѣ любу разуміо,
Е се бѣше на яде видіо,
Неможесе сану домыслити,
Али му є добра срећа была,
Онъ имаше єдну вѣрну слугу,
По имену Уштуклію Іова,
Онъ се свему може домыслити,
Брже му є кньигу оправіо;
,,Слуго моя Уштулліо Іово!
Да 'си брже у Будимъ біелій.“
Кад' є Іова кньига допанула,
Хитро скочи одъ землѣ на ноге,
Паксе тури вранцу на рамена,
Те пошета у Будима града,
Тусе съ кралѣмъ разговарат' поће:
,,Што си кралю за ме оправіо?“
Кралъ му каже што є и како є,
Што є снила Будимска краљица,
Іово ћути ништа неговори,
Но шетасе тамо и овамо,
Шетаосе а за санъ мысліо,
Ласно мусе бѣше домыслити;
Паксу Іова сузе пропануле,
Те є Іово ріечъ говоріо:
,,Ядна госпо Будимска краљице!
Веħ' га ядна нигда незаспала,
Кад' заспала веħсе недизала,
Ласно тисе сану домыслити:
Што загрмѣ о Стамбола града,
То є царе быо на умору,
И бозна є царе преминуо,
На сына є царство оставіо,
На смрти є нѣму говоріо:
,,,,Ехъ!... остаде Будимъ у каура.“ “
Што л' сіевну одъ Мисира муня,
То ħе царе силу сакупити,
Што л' є мѣсецъ на средъ Мухачева,
Ту ħе царе чадоръ разапети;
Што су за ньимъ тице долећеле,
Штосу првыи крстачи орлови,
То тѣ быти паше и везиры,
Што л' за ньима сивыи соколови,
То тѣ быти Хаге и Бегови,
Што л' за ньима бѣліи лабудовы,
То те быти одъ искона Турцы,
Одъ онога Шама біелога;
Што л' за ньима тице голубовы,
То те быти ђеца яньичары,
Што л' найзадныи царный гаврановы,
То тѣ быти Харапскіи Беговы,
Што л' є Будимъ змія опасала,
То те нѣга обколити Турцы,
Што л' єзыкомъ по пенџера лиже,
То те нѣга быти изъ топовахъ,
Што л' допаде Даница звіезда,
Паде она тамо кодъ мѣсеца,
То тѣ краля тебе уфатити,
И сѣсти те цару усъ колѣно—.“
Кадъ є кралѣ Іова разуміо,
Е му бѣше ріечъ говоріо:
,,А за Бога Іово вѣрна слуго!
Садъ што ħемо али како ħемо?
Али ħемо Будимъ оставити,
Ал' съ Турцима боя заметати?“
Но му Іово ріечъ говоріо:
,,Небѣж' кралю драгій господару!
Што те твои тры танбора войске?
А у свакій по триста хилядахъ!
Недай града безъ велика яда!“
На томесе разминуло было,

Мало было млого нетраяло,
Докъ є царе силу сакупіо;
А када є бѣше сакупіо,
Шъ ньомъ доходи подъ Будима бѣла,
Све су полѣ прекрили шаторы,
Ка' планине снѣговы біели,
Надъ ныма су развиты баряцы;
Тесе вію ка' мркіи облацы,
Срамно ихъ є очима гледати,
Кадъ ихъ стану вѣтры колебати;
А кадъ сила трудна починула,
Е су брзо на градъ ударили,
Бише града тры неђелѣ данахъ,
Една войска кралю изгинула,
И небо є тама уфатила,
Одъ брзога праха и олова,
У таму є одъ Будима кралѣ,
Бога моли, сузе проліева:
„Боже ми дай віаръ одъ планине,
Да размакне таму у краеве,
Да я видимъ чія гине войска,
Чія гине, чія ли добива!"
Бога моли и умоліо га,
Те му віяръ одъ планине пухну:
Размакну му таму у краеве,
Те у войску кралѣ погленуо,
Али му є сила погинула;
Ну да видишъ чуда и опета!
Изъ таме є юнакъ излетіо
На вранчићу коню великоме,
За руку є краля дофатіо,
И метну га за собомъ на вранца,
Опаса га пасомъ два-тры пута,
А четвртонъ одъ саблѣ каишомъ,
Шъ нимъ побѣже полѣмъ зеленіемъ,
Докле дође цару подъ чадора,
Сѣде краля усъ колѣно цару,
Када царе Туре угледао,
Е му бѣше ріечъ говоріо:
„А такоти непознанъ делія!
Кои си ми краля уфатіо,
Ишти, рече, што є тебе драго,
Даћу тебе какво хоћешъ благо!"
Тадаръ Туре ріечъ говорило:
„Ніе ово непознанъ делія,
Но є ово Ковчић' Мурат-бего,
Одъ Ліевна града біелога,
Нећу тебе паре ни динара,
Но те молимъ како господара,
Ты напиши біела фермана,
Докъ є гође одъ Ковчића трага
У Ліевну граду біелому,
Да другога Муселима нейма."
То є царе едва дочекао,
И даде му біела фермана;
Кадъ то чула Будимска краљица,
Да су краля заробили Турцы,
Е се млада на яде вићела,
На колѣно ситну књигу пише,
А шилѣ є Уштугліи Іови:
„Да си брже у Будимъ біелий!"
Кадъ є Іова књига допанула,
Итро скочи одъ землѣ на ноге,
Те пошета у Будимъ біелий,
Съ краљицомсе разговарат' пође:
„Што си госпо за ме оправила?"
„Како што є нама вѣрна слуго!
Е ни краля заробише Турцы,
Но мошъ лисе слуго домыслити,
Како бысмо краля измолили,
Да га клетыи ненапате Турцы?"
„Ласно тисе могу домыслити,
Но направи до седамъ харабахъ,
Попуни ихъ жутіе дукатахъ,
Па упрегни кола и волове,
Те на кола натовари благо,
А на благо о злата синію,
На синію одъ Будима ключе,
Оћенисе што можешъ найлѣпше,
Іоште узми наймлађега сына,
Ћерай благо цару честитоме,
И предай му одъ Будима ключе,
Одъ неволѣ віетай му кумство,
Неће ли ти мобу прифатити,
И жалосна краля поклонити."
То є млада едва дочекала,
Све є тако наредила была,
Іоште узе наймлађега сына,
И отиде полемъ зеленіемъ,
Докле дође цару подъ чадору;
Стави предъ нимъ о злата синію,
На синію одъ Будима ключе,

На руке му чедо додаваше,
Одъ невола віста му кумство.
Бѣше царе срца милостива,
Милостива и Боголюбыва,
Радосно є кумче прифатіо,
А кральицу болѣ даровао,
Е іой краля бѣше поклоніо,
И болѣ є бѣше даровао,
На сына іой кральство оставіо,
И нѣг' добро бѣше даровао;
Е му даде чстиры арабе,
Све пунахне жутога дуката.
(Бѣла вило незнамъ є ли было,
А да ніе штобысе зборило,
Ни ту быо, ни казат' уміо,
Лажу чуо, а я полагуємъ,
Оній лаже, кои мени каже.)

139.

Пеіо Никчевићъ.

(Одъ истога попа Гаша Попов. Пипера.)

Кулу гради Веризовићъ Муіо
У питомой Грачаницы Жупи,
Гради кулу докъ ю направіо,
Ка э Турс кулу направило,
На колѣно ситну кньигу пише,
А шилѣ є у Пѣшивце мале,
У Пѣшивце на Стубицу малу,
Побратиму Никчевићу Пею:
„Еси л' чуо драгій побратиме?
Я 'самъ бѣлу кулу направіо,
А ты некће доћи побратиме
Да черститашъ мене грађевину;
А тако ми дина и хамана,
Да си побре направіо кулу,
У Пѣшивце на Стубицу малу,
Я быхъ тебе доша' побратиме,
Да честитамъ тебе грађевину."
Кадъ є Пея кньига допанула,
Хи кадъ виђе што му кньига каже,
Итро скочи одъ землѣ на ноге,
Хођенусе што може найлѣпше,
Іошъ узимѣ за буле дарове,
По сріеди пушку дофатіо,
И хотиде узъ Острогъ планину,
И ували преко Бухавицахъ,
Докле дођє у питомой Жупи,
На дворъ быо Веризовићъ Муіо,
Те честита Мую грађевину,
Іошъ му Булле бѣше даривао;
Муіо га є добро дочекао,
За готову софру засѣдоше,
Око софре пію вино хладно,
Доксе Пеіо виномъ опоіо,
Паде юнакъ зъ главомъ у трпезу,
Кад' ти виђе Веризовићъ Муіо,
Онь донесе біела конопца,
Те му веже наопако руке,
Іошъ донесе конске букагіе,
Те му свеза ноге обадвіе,
Па отиде у постелю спати;
А кадъ свану и сунце ограну,
По се диже Веризовићъ Муіо,
Ал' ни тусе Пеіо неразбира,
Коликосе опяніо виномъ,
Ну да види іошъ Веризовића,
Удара га ногомъ и папучомъ,
Па є туре ріечъ говорило:
„Устан' курво Никчевића Пеіо!
Е тако ми Бога великога,
Откапосамъ кулу направіо,
Я ніесамъ у граду ходіо,
Ни носіо колачъ капстану,
По ћу тебе водит' за колача!"
То кад' чуо Никчевића Пеіо,
Скочи юнакъ како и помаманъ,
Али су му савезане руке,
Савезане и ноге и руке,
Ну да видишъ Веризовићъ Муя!
Ну да виђи туре побратима!
Онъ сигура ђога дебелога,
Паксе тури нѣму на рамена,
Собомъ води Никчевића Пеіа,
Хотидоше низъ пространу Жупу,
И дођоше у Сућеску тврду,
Ижлѣгоше на то Сливѣ равно
Спрема бѣла Оногошта града,
Па говори Веризовићъ Муіо:
„Виђи побро Оногошта града!

Веђ' какавъ є бедемъ Оногошкій,
Онђе ће ти окапати глава!"
Но говори Никчевића Пеіо:
„Прођсе яданъ Веризовићъ Муіо!
За тосе є бедемъ направляо,
Дасе кити юначкимъ главама,
Но да ти є на Стубицу дођи,
Да ты видишъ Муіо побратиме
По главицам' на срчево колѣ
Ђе су Турске окапале главе."
Кад' то чуо Веризовићъ Муіо,
Е то нѣга уєде срамота,
Одъ пояса саблю повадіо,
Да му добру одсіече главу;
Ал' є Пею добра срећа была,
Предъ саблю му руке надаваше,
Прекиде му на руке конопце,
Кадсе Пеіо рукухъ дофатіо,
Онъ докопа студена камена,
Те онъ гађе Веризовићъ Муя,
Непогоди Веризовићъ Муя,
Него вранца међу обе очи,
Хрисну пустый, скочи у высине,
Изъ седла є Туре избачіо,
Паде Туре у зелену траву,
Изъ рукахъ му сабля излећела,
Но Пеіо му саблю уграбіо,
Ньомъ Турчину главу откинуо,
И узе му коня и оружѣ,
Паксе тури вранцу на рамена,
И побѣже преко Сливя равна,
Те утече зеленой планини,
Здраво Пеіо на Стубицу дође,
И донесе одъ Турчина главу.
Садъ погледай драгій побратиме!
Погледай ми Никчевића Пея,
И погледай Веризовићъ Муя,
Каква Србу вѣра у турчина,
Пакъ што нашо, то є и тражіо.

140.

Црногорацъ.

(Кимъ є спѣвана незнамъ, и сходну ньойзи веђ' имамъ, али є овомъ неколико другчіе предметъ истій обозренъ. (1712а года є ово было 17а юліа.)

Младо Туре у Стамболу дође,
Одъ крвава Оногошта града,
По имену Мекићъ Хасан-ага,
Предъ диваномъ цара честитога,
Сузе рони овако говори:
„Султанъ царе милій господаре!
Ал' нечуешъ, ал' ништа нехаешъ?
Штосу кньиге дошле изъ Руссіе,
И посланикъ цара Руссинскога,
Великога душманина твога
На Цетинѣ на средъ Горе-црне
Петровићу владицы Даннилу?
Владыка є у махъ сакупіо
Све биране одъ землѣ главаре,
И предъ ньима кньиге прочатіо,
А када су они разумѣли,
Што имъ пише одъ Руссіе царе,
Весело су войску сакупили,
И на твою землю ударили;
Єдна войска на Херцеговину,
И предъ войскомъ Данило владыка,
Съ посланикомъ цара Руссинскога
Михаиломъ Милорадовићемъ;
Она біе Оногошта града,
Пали Турска села и вароше,
А друга є войска околила
У средъ Зетте варошъ Подгорицу,
И Спужъ тврдый што є на краину,
Освоиће Зетту землю равну
И сву Босну и Херцеговину,
Па што ти ће таде и Стамболе."
Кадъ є царе разуміо гласе,
Брже шалѣ пашу Сераскира,
Су педесетъ хиладахъ войникахъ,
Да исћера изъ землѣ душмане,
И похара сву Карадаглію;
Међу тіемъ, драгій побратиме,

Неутодны гласи допадоше,
До Данила и до Михаила,
Дасе Московъ съ Туркомъ умиріо,
А Сераскиръ паша приближіо.
Када ове разумѣше гласе
Оны войску повратише на се,
И градове Турске оставише,
Пакъ Михаилъ пођe у Руссію,
Оставивши Данила влацыку
Съ главарима и Црногорцима
Дасе бране сами одъ Туракахъ,
У толико царєвъ паша дође
На Долянe више Подгорице;
Кньигу шалѣ Данилу владыцы,
Да му даде тааце и хараче,
Међу талце Поповића Драшка
Одъ Залюћа села краичнога,
Съ Велестова Мандушића Вука
И Вукоту одъ Мрвалѣвићахъ,
Све тры, побре, крилата юнака,
А на ньихъ є жалба одъ Туракахъ.
Но владыка скупи Црногорце,
Међу ньима кньигу износіо,
И овако ріечъ говоріо:
„Ево Турска на насъ браћо войска!
Болѣ да сви у бой погинемо
За слободу и за вѣру свету,
Него дасе у ропство предамо,
И слободу нашу изгубимо!“
Вели соко Мићуновићъ Вуко:
„Я недаемъ Драшка ни Вукоту,
Ни юнака Мандушића Вука,
Нако съ моіомъ главомъ и животомъ!“
То рекоше и сви Црногорцы,
Да му нигда ништа дати неће,
До живога огня исъ пушакахъ;
Пакъ послаше да уходе Турке
Ђурашковићъ Янка и Богдана,
И делію Янковића Вука,
Кои знаде Турски говорити.
А кадасе они повратише,
Све владицы право казиваше,
Штосу чули и штосу виђели,
И како є Вуко остануо,
Тесе хиломъ онъ предао Туркомъ,
Да превари и заведе войску
Исподъ Вране высоке планине,
До Пелешахъ и воде Влахинѣ:
Кад' владыка разуміо Янка,
Раздіели войску на тры стране,
Єдну даде Милуновић' Вуку,
Да запане у Враню планипу,
Другу дае Ђурашковић' Янку
У Пржинску гору камениту,
А трећу є себе оставіо;
То вріеме мало постаяло,
Али ето Турска войска иде,
Калаузи Янковићу Вуко,
Кодъ Влахинѣ трудна починула,
Но Янковићъ Вуко попіева,
Пѣваюћи Туркомъ говораше,
Да га чую браћа Црногорцы:
„Почините Турцы витезови!
Повежите конѣ на поляне,
Овде валя конакъ учинити,
Єръ напріедъ хладне воде нейма,
До равнога поля Цетиньскога.“
Али небы колѣ почивати,
Нит' куђ' далѣ Туркомъ путовати,
Єръ удари владичина войска,
Прије зоре и біела данка,
Кано муня изъ густа облака,
Турскасе є войска забунила,
У забуну тешко уплашила;
Царевъ паша Вука проклиняше,
А Янковићъ Вуко кликоваше
Соколове младе Црногорце,
Да разгоне и сіеку Турке,
Кои сташе бѣжат' на трагове,
Но и тамо пута ненаходе;
Єръ удари Мићуновићъ Вуко,
Прискочи му Ђурашковићъ Янко,
Сви єднако юришъ учинише,
Разагнаше Турке на булюке,
И витешке крвавише руке,
Безъ престанка тры біела данка
Сѣкућ' Турке безвѣрне хайдуке.
Ніе ово шала ни превара,
Но истина све како є было!
Іошъ великій шићаръ задобише
Црногорцы, славу потврдише,
Ка' юнацы и юначкіи сынцы;

Но радуйсе Србаль побратиме,
И тко носи одъ юнака име,
Одъ юнака и одъ каменштака,
Іошъ намъ име није пропануло,
Ни слобода нити отачбина,
Докъ є нама Цернегоре мале —.

141.

Четскій заямъ.
(Одъ Бѣлице Сава Милійћа.)

Четасе є мала подигнула,
Окленсе є вазда подизала,
Башъ одъ Кчева мѣста на краину,
Предъ четомъ су двіе харамбаше,
Єдно ми є Балетићу Раде,
А друго є Томановићъ Нико!
Чета пође узъ Херцеговину,
Докленъ дође полю Невесиню,
И ту добаръ шићаръ заузеше,
Све біеле Любовића овце,
Шъ ньима бѣже низъ Ерцеговину,
Кадекъ были у Рудине равне,
Ма другасе чета подигнула
Одъ Никшића града біелога,
И предъ ньомсу двіе булюбаше,
Єдно бѣше Северe Пипере,
А друго є Аривовићъ Муіо;
Када чета у Рудине дође,
И чета є была угледала,
Угледала Балетића Рада,
Ђе являше низъ Рудине овце,
И овако Турчинъ бесѣдіо:
„О за Бога Турцы браћо моя!
Немой кои палит' цефердана,
На крвника Томановићъ Ника,
Што є мога изгубіо брата."
Но у нѣга послушна дружина,
Западоше друму зеленоме,
Кадъ є Никацъ на ньихъ нагазіо,
Ужди Туре сяйна цевердана,
И Никца є дивно погодіо,
Понесе му токе и доламу,
Ал' му ніе меса зађенуло,
Е ма Никацъ пали цевердана,
Тако нѣму добра срећа была,
Те є Туре дивно погодіо,
Међу црне очи у юнака,
Каде виђе Балетићу Раде,
Тако быо Раде бесѣдіо:
„Ђе си сынко Даичићу Живко!?
Уграби му главу и оружѣ!"
Нагнаосе путъ Турчина Живко,
Да уграби главу и оружѣ,
А близусе друго Туре нађе
Те онъ жеже сяйна цефердара,
И Живка є дивно погодіо,
Срце му є живу разнесао,
Живко паде а изъ грла кличе:
„Ђе си стрико Балетићу Раде?!
Уграби ми главу и оруже,
Да га небы уніели Турцы."
Но Туресе ближе нагонило,
На Живкасе было загонило,
Да му главу и оруже узме,
Но га гледа Балетића Раде,
Те онъ танку Брешку жежіяше,
И Туре є дивно погодіо
У само га срце ударіо,
Паде Туре башъ на Живка мртва,
Но загнасе Балетићу Раде,
Те имъ узе главе и оруже,
Тадеръ Турцы плећи обратише,
Они бѣже низъ Рудине равне,
А за ньима млады Црногорцы,
Тусе главахъ Турскихъ насѣкоше,
И оружя добра наузеше,
На свакога у дружину друга,
По цеверданъ и по Турска глава;
Отоленсе здраво повратише,
Оћераше голема шићара,
Докъ дођоше на Кчево крваво,-
Братски шићаръ оны діелише,
Пакъ отоше свакій своме двору,
Тако Боже вазда ни помагай!

142.

Симо Радуловиħъ.

Овце чува Радуловиħь Симо,
У питоме Никшиħске Рудине,
Исъ край ньихъ є кньигу накитіо,
Пакъ ѥ шилѣ у градъ капетану,
Овако му Симо кньигу пише;
,,Чуй ме добро Мехмед-капетане!
Немой явит' у Рудине овце,
Ако мене харачъ послат' неħешъ,
Тры стотине биранихъ овновахъ,
И четиры коня седленика,
Башъ и твое токе и доламу,
Седамъ Агахъ седамъ цеверданахъ,
И два чивта маліехъ пушакахъ,
А кадія да ми ħитабъ пошлѣ,
Да одъ нѣга савіямъ вишеке,
Іошъ ты пошльи седамъ окахъ праха,
Е ħу сына учит' да ми гаħе,
И пошльи ми тры-четиры вола,
Да я за нъихъ себ' олова купимъ
Изъ Приморя Лацманске краине.“
Кад' разумѣ кньигу капетане,
Одъ яда га уфати грозница,
Угледа га була са чардака,
Пакъ є млада нѣму говорила:
,,Капетане драгій господаре!
А ли те є кньига допанула
Одъ сокола Радуловиħъ Сима,
Да му пошлѣшъ харачъ у Рудине?“
Капетанъ є були бесѣдіо:
,,Єстъ истина одъ нѣга є кньига,
Да му пошлѣмъ харачъ у Рудине,
И послаħу све што иште Симо,
Ал' онъ иште кадійна ħитаба,
Па да пошлѣмъ кудъ ħе вѣра моя?
А мога' бы везиръ обазнати,
Па ħе мою окинути главу.“
Ма була є нѣму бесѣдила:
Ты му пошльи ħитабъ и хараче,
Ако чуе на Босну везире,
Мы бѣжжимо къ нѣму у Рудине.“
Капетана остави грозница,
На лахке є ноге ускочіо,
Па покупи речене хараче,
Све ихъ посла Симу у Рудине,
И сувише стотину дукатахъ;
А кад' Симо привати хараче,
Онъ є танку кньигу написао,
Пошилѣ ѥ Мехмедъ капстану:
,,Капетане Никшиħа главаре!
Хайде яви у Рудине овце,
Моліосамъ младе Црногорце,
Неħе твое одявити овце.“
Кадъ капетанъ кньигу разуміо,
Одявіо у Рудине овце,
И ту єдно лѣто прелѣтише,
Па у єсенъ дома отидоше,
Оно зачу Радуловиħъ Симо,
Да га držе за невѣру Турцы,
Онъ сакупи тры стотине другахъ,
А удари на біеле овце,
На край равна поля Никшиħскога,
Те уграби тры хиляд' овацахъ,
И посѣче тринаестъ чобанахъ,
А изгуби тры четиры друга,
Ма ліепій шиħаръ подѣлише.
Оно зачу Мехмед-капетане,
Пакъ є малу чету сакупіо,
Малу чету двадестъ и тры друга,
Па отиде Ластви Оздриницкой,
Уходіо Оздриниħке овце,
Опази га Мандушиħу Вуко,
Па сакупи четрдестъ Кчевлянахъ,
И отиде срести капетана,
Уфатисе съ Мехмед-капетаномъ,
Побишесе огнѣмъ исъ пушакахъ,
Ал'се ядны Турцы разбѣжаше,
И пола ихъ єдва у градъ поħе,
Сви осталіи мртвы остадоше,
Црногорацъ єданъ погинуо,
И четиры ранахъ допадоше,
Сви осталіи здравосе вратише;
Ал'се Турцы на ħитапъ заклеше,
Да четоватъ веħ' ни єданъ неħе,
Ни пліенит' Црногорске овце,
Аминь Боже, тако было вазда!

143.

Црногорка.

Викну нешто изъ горе зелене:
,,Аохъ мене мой друже Станиша!
Ђе те пуштихъ данасъ безъ замѣне!"
Оно зачу Станишина люба,
Па потрча у гору зелену,
И ту нађе едно момче младо,
Ђе є ранѣнъ у лѣеву руку,
Пакъ є она нѣму бесѣдила.
,,Што бы Туро ядъ те задесіо!?"
А Туро є ньойзи бесѣдіо:
,,Кадъ ме питашъ да ти право кажемъ:
Ючеръ посмо да чекамо Турке,
Дочекасмо, и два посѣкосмо,
А данасъ не околише Турцы,
И Станиши окидоше главу,
А мене су окинули руку."
Кадъ Крстиня оно разумѣла,
Велю му є пушку уграбила,
Па потрча горомъ и планиномъ,
И западе друму зеленоме,
Ал' то иду петнаесъ Туракахъ,
А кад' она Турке угледала,
Ужди пушку, кликну Црногорце:
,,Ха сад' браћо за Бога єднога!
Убиласамъ Ченгић' Хасанагу!"
А кад' оно Турцы разумѣше,
Плећи даше а бѣжати сташе,
Сама главу Аги окинула,
И узе му свѣетло оруже,
Пояха му дебела парипа,
Па отиде у Цуце камене;
Оно мало доба постояло,
Мало доба за неђелю данахъ,
Кньигу була накитила Фате,
А шилѣ є у Цуце крваве,
А на руке Станишиной люби:
,,Чуй Крстиньо Станишина любо!
Ты си мене очи извадила,
Господара моега убила,
Ясамъ була Аге Хасанаге;
Но ако си права Црногорка,
Айде с' ютра на равне пржине,
Да видимо коя ћ' быти боля,
Немой мене учинѣт' невѣре,
Да некажешъ брату ни ђеверу,
Но да дођешъ сама на пржине,
И я була сама безъ никога."
Кад' Крстиню кньига допанула,
Она збачи женско одіело,
У одѣло обучесе Турско,
Башъ у оно Аге Хасанаге,
И припаса двіе пушке мале,
Међу ньима ятагана ножа,
А на рамо сяйна џефердана,
Па пояха претила парипа,
И отиде прозъ Цуце камене,
Свуда виче изъ грла біела:
,,Є ли ђегођъ брата Црногорца!?
Неубій ме на-мѣсто Турчина,
Е ніесамъ него Црногорацъ."
А ка дође на равне пржине,
Ал' є була довела ђевера,
По имену Агу Османагу;
Кад' угледа Туре Црногорку,
И познаде рухо и оруже,
И парипа коня братовога,
Свога брата Аге Хасанаге,
Паксе бачи вранцу на рамена,
Уришъ чини да і' уфати живу,
Ал'се она фататъ недаваше,
До упали двіе кубурліе,
Живо му є срце опалила
Ста дріемат' Турчинъ на вранчића,
Она викну изъ герла біела;
,,Стан' Османе, и братъ ти є заспо!"
Па Осману окину и главу,
И узе му коня и оруже,
А кад' була оно угледала,
Плећи даде а бѣжати стаде,
Ал' іой Цуцка бѣжат' недаваше,
Но ѐ стиже и свеза ѐ брже,
Пакъ поведе у камене Цуце,
Те ѐ узе дома за момицу,
Да іой ђецу у бешику шика,
И држа ѐ петнаестъ годинахъ,
Пакъ ѐ посла нека дома иде.

144.

Баіо Пивлянинъ.

(Одъ попа Гаша Поповића Пипера.)

Турско момче піе вино хладно,
Силно Туре Марић Алайбего,
У ліепу варошъ Дмитровицу,
Служи вино Хайкуна ђевойка,
Гологлава кано мушка страна,
Десномъ рукомъ чашомъ позлаће-
номъ;
Вино пію разговараюсе,
Доксе добра натрошили вина,
А одъ вина ћеифъ заузели,
Но бесѣди Марић Алайбего:
„Сыновице Хайкуно ђевойко!
За све си ме послушала сынко,
Ходи сыну и сад' послушай ме,
Узми сыну одъ Сріема Муя,
Е є Туре сасма имовито,
Овце су му Сріемъ притиснуле,
Пчеле су му небо премрежиле,
Друго благо хесапа му нейма."
Хайкуна є чашу поставила,
Халайбегу ріечъ говорила:
„За свесамъ те Стрико послушала,
А за то те послушати нећу,
Єрсамъ чула ђе говоре люђи,
Да є Сріемъ земля грозничава,
Одъ грознице ту пискаю тице,
Акамоли коньи и юнацы;
Што ће благо кад' остане пусто?...
Но самъ чула одъ старице майке
За некаква Ришнянина Маха,
Да ме Туре просило у майке
Само луду одъ седамъ годинахъ,
И ніе ме кћела дати майка,
Сад'ћу нѣму кньигу одправити,
Да онъ дође шехеръ Дмитровицы,
Да ме Туре испроси у майке,
Аколи ме некће дати майка,
Вѣра моя сама ћу му поћи."
То є рекла на ноге скочила,
У ходаю млада ушетала,
На колѣно кньигу накитила:
„О Турчине Ришнянине Махо!
Ты си мене просіо у майке
Само луду одъ седамъ годинахъ,
И ніе ме кћела дати майка;
Но акосе оженіо ни си,
Даси брже шехеръ Митровицы,
Да ме Туре испросишъ у майке,
Аколи ме дати некће майка,
Вѣра моя сама ћу ти доћи."
Посла кньигу Рысну на краину,
Када кньига до Турчина дође,
Те видіо што му кньига каже,
Нагналосе Туре неженѣно,
Те му кньига тврдо мила была,
Па сигура ђога дебелога,
Одѣнусе што може найлѣпше,
А припаса свіетло оруже,
У џепове узе доста блага,
Паксе Туре бачи на коньица,
И отиде Босномъ каловитомъ,
Докле шехеръ Дмитровицы дође;
Добросу га тамо дочекали,
И запроси Хайкуну ђевойку,
Туре проси, майка му є дае,
Прстенъ даде стотину дукатахъ,
Іошъ на огледъ изводе ђевойку,
Колико є силна и ліепа,
Толико є танка и висока,
Іошъ на ньойзи одіело фино,
Єдна глава а тры перишана,
Іедно грло а трысу ђердана,
Два одъ злата трећій одъ бисера,
Іедно срце тры черкли паса,
Два одъ злата трећій одъ сафата,
Іедне плећи а тры су кавада,
Два одъ свиле трећій одъ кадифе;
Гледа Туре ліепу ђевойку,
Колико му очи заніела,
Іошъ изброи стотину цекинахъ,
Прстенъ дае свадбу уговара,
Оно бѣше о Дмитрову данку,
Нека свадба о ђурђеву данку,
Кад' окопни сніегъ по планини,
Кадъ є доста и траве и листа,
Кадъ изяве на планине овце,
И кад' буде ягнѣ за закланѣ,
Кадъ посаде Турцы лубенице,

А награде шокцы воденице;
То рекоше паксе раздвоише,
Отле Туре на трагове пођє,
А кад' двору омрчену... дође,
Али га є кньига допанула,
Одъ хайдука Пивлянина Бая:
„Чу ли мене Марко... побратиме!
Єл' истина што ми люђи кажу,
Єси бозна свадбу углавіо,
О честиту данку Ђурђевоме,
Но ти Туре мое яде кажемъ:
Мошъ ли знати єс' ли запазіо?
Када мене изагнаше Турцы,
Башъ исъ Пиве мое постойбине,
Я оставихъ кућу и баштину,
Собомъ узехъ нешто мало блага,
Паксе дигохъ трговати шъ ньиме,
По косову, и око Косова,
И по Пећи и Нову-пазару,
По Призрену и по Пріеполю,
По Сѣницы и по Ђаковицы,
По Морави и око Мораве,
И по Босни и Херцеговины,
И закупихъ малу трговину,
Трговину хиляду воловахъ,
Дођохъ шъ ньима Рысну на краину,
Ты си мене дочекао дивно,
Узе мене тешку баждарину,
Єсъ на мое хиляду воловахъ,
Узе мене хиляду цекинахъ,
Ни ту некће паре ни динара,
Ни у жуто Млетачка цекина,
Но ми узе світло оружѣ,
Узе мени пушку цевердана,
Коя бѣше у Бучю кована,
У Букрешу граду окивата,
И узе ми саблю одъ пояса,
Коя бѣше у Фочу кована,
А у Луку-Баню окивата,
И узе ми двіе пушке мале,
Кое блѣху у Млетке коване,
У біелу Скадру окиване;
Кунемъ тисе вѣромъ и закономъ!
Више валя Баіово оруже,
Него двіе хиляде цекинахъ,
Но ми пошльи світло оруже,
Іошъ сврь нѣга стотину цекинахъ;
Акол' ми га ты послати нећешъ,
Кунемъ тисе а вѣру ти давамъ,
Каде дође данъ светый Ђорђіе:
Ты ћешъ тадаръ свате подигнути,
А мене є земанъ за хайдуке,
Скупићу ти пестотин' хайдукахъ,
А предъ ньима тридестъ харамбашахъ,
Неке ћу ти казат' по имену;
Што су свѣма побро человође!
Одъ коритахъ Лима побратима,
Іошъ юнака Плавшу харамбашу,
Кои триста знаде распутицахъ,
Іошъ и Рада одъ Коньица града,
И юнака одъ Клобука Вука,
И Милића исподъ Медевића,
И Вулића брата Милићева,
Па два друга... одъ зелена луга;
Довешћу ти двое Латинчади,
Коя добро пушкомъ стріеляю,
Стріеляю а не гріешаю,
Довешћу ти Познанъ капетана,
Што познає у поноћи друга,
Како другій кадъ огріє сунце;
Іошъ Гаврана испреко Дунава,
Довешћу ти Пловкића Маркића,
И витеза Хайдук-Малетића,
Малѣницу и Опалѣницу,
У планину дасе обидемо!“
Кадъ Турчину така кньига дойде,
Те видіо што му кньига каже,
Небыла му мила николико,
Ма се Туре одати нехоће,
Но є Баю другу одправіо:
„А нелудуй Пивлянине Баіо!
Што те твои пестотин' хайдукахъ,
А на мое седамстотин' сватахъ?
А тако ми Муха-меда свеца,
Купићу ихъ у седамъ градовахъ,
Ђегођъ нађемъ коня и юнака!“
На томесе разминуло было,
До честита дана Ђурђевога,
А кад' веститъ Ђурђевъ данакъ дође,
Тада Туре силу окупило,
И подиже седамъ стотин' сватахъ,

А отиде Босномъ каловитомъ,
Докле шехеръ Дмитровицы дође;
Добро су га тамо дочекали,
Даровали и дали ђевойку,
Пакс' отоле сваты подигоше
И зеленомъ планиномъ хойдоше,
Докле дошли на Слано каменѣ,
Ту сватови конакъ учинили,
А Баіо имъ привео хайдуке,
Ноћевали сваты до хайдукахъ;
А кадъ свану и сунце ограну,
Но дођоше ђеверы къ ђевойцы,
Ал' говори Туркиня дѣвойка:
„Ой ђевере деліо Халія!
Я самъ ноћасъ чуданъ саннъ виђела:
Ведро бѣше паксе наоблачи,
Изъ облака силна росса пађе,
Па се црномъ крвю прометнула,
Те свакога свата накропила.“
Рече Хале: „Муч' ђевойко враже!
Непоменюй крвцу у планину.“
Па дигоше на коня ђевойку,
И хойдоше зеленомъ планиномъ,
А кадъ мало понапріедъ были,
Опетъ вели са коня ђевойка:
„О ђевере деліо Халія!
Чуданъ юнакъ преко друма пројe,
А на нь' бѣше црна тамбарина,
Преко нѣ се сабльомъ препасао,
Ка' да бѣше Плавша харамбаша,
Те уходи кланце и друмове.“
Рече Хале: „Муч' ђевойко враже!
Непоменюй Плавша у планину,
Далеко є, а іошъ далѣ бю!“
Ал' хайдуцы граде метеризе,
И добросе блѣху наредили,
Докъ сватовы првыи уминули,
А задньіису међу ньима были,
На сватове огань навалише,
Петъ стотинахъ пуче цефердарахъ,
Ньихъ турише мале повадише,
Петъ стотинахъ маліехъ пукоше,
Ньихъ турише саблѣ повадише,
А у свате юришъ учинише,
Ни єднога жива непустише,
До утече Ришнянине Махо,
Измачесе Туре у планине,
Оста сама на коня ђевойка,
И кодъ нѣ є ђевере Халія:
Но допаде хайдукъ Маленица,
Подъ ђевойке коня уфатіо,
А вели му ђевере Халія:
„Макс' отоле потаквій хайдуче!
Я є̑ нећу пуштит' ни болѣму,
Акомоли тебе найгорему.“
Жа то было хайдукъ Маленицы,
Одъ пояса саблю извадіо,
Малій бѣше дофатит' неможе,
Да му добру одсієче главу,
Но съ пріедъ га удри по поясу,
Два ђевера одъ нѣг' направіо,
И узе му коня и оруже,
А поведе Туркиню ђевойку,
Нађе Бая подъ єломъ зеленомъ,
Око себе ђе купи хайдуке,
Небѣше му раннѣнога друга,
Поклони му Туркиню ђевойку,
И сѣде є̑ Баіо усъ колѣно;
Но да ти є Маха погледати!
Ка се Туре прозъ травицы вуче,
Доксе бю близу примакнуо,
Оно гађа везеномъ шишаномъ,
Непогоди Пивлянина Бая,
Но кодъ Бая Хайкуну ђевойку,
Живо іой є срце опаліо,
Па дозива изъ грла біела:
„Побратиме Пивлянине Баіо!
Поврни ми мое несуђенѣ,
А да ћу ти свієтло оружѣ
Іошъ свръ нѣга стотину дукатахъ!“
Но му вели Перѣноша Баіо:
„Зло да ти є, Ришнянине Махо!
Зло да ти є, и горе ти было!
Твоя ю є пушка осмртила,
А оружѣ да ћешъ на срамоту.“
Па скочило двое Латинчади,
Да изгубе Ришнянина Маха,
Но имъ неда' харамбаша Баіо:
„Некате га Моя дружбо драга!
Нека иде двору біеломе
Злога гласа а црна образа,
Да кажуѣ како му є было!“

Тад' хайдуцы скупише оруже,
И са Турак' одіело фино,
Сви хойдоше у кршно ПриморѢ,
Вино пити, тесе веселити,
Ха нека ихъ весела имъ майка!

145.

Хавалацъ.

(Одъ попа Гаша Поповића Пипера.)

Пію вино тры Србске войводе
У механу кодъ мора синѢга,
Єдно бѢше КралѢвића Марко,
Друго бѢше воевода Янко,
Служи вино одъ Авале Раде;
Кад'се Србы напоише вина,
Но бесѢди КралѢвића Марко:
,,Фала Богу, фала великому!
Єли игђе доброга юнака,
Ко бы доша ође безъ тестира,
Безъ тестира те бы піо вина?"
Но бесѢди одъ Авале Раде:
,,Нефалтесе мои побратими,
Я знамъ, рече, доброга юнака.
Єстъ онога Сехратлію Муя,
Онъ бы доша овђе безъ тестира,
Безъ тестира онъ бы піо вина,
На срамоту вама обоицы."
Тадаръ кличе и Марко и Янко,
Єдда Богъ да донеси га овђе,
Да му пасю откинемо главу!"
Мало было дуго нетраяло,
Прамаксе є магле зађенуо,
По пржниы по край мора слана;
Изъ магле є юнакъ излетіо
На вранчићу коню великоме,
Предъ механу вранца разяхао,
Па ушета у механи винской,
Кад' га виђе и Марко и Янко,
Обоица на ноге скочише,
Те му чашу съ виномъ додадоше,
Но нехоће одъ Хавале Раде,
Ни устае ни му чаше дае,
Но говори Сехратлія Муіо:
,,Копиляне одъ Хавале Раде:
Штосе курво недигнешъ Турчину,
Ка' се о те больи подигоше?
А тако ми вѢре у коюсамъ!
Да ми ніе рад' КралѢвић' Марка
Я быхъ твою окинуо главу!
Те рекоше на ноге скочише,
На остресе саблѢ удариише,
Доксе пусте обѢ саломише;
За бѢласе грла дофатише,
Тесе носе лѢтный данъ до подне,
А кад' дневи половина прође,
Єсу хоба пѢне попануле,
Но говори одъ Авале Раде:
,,Побратиме КралѢвића Марко!
Ал' помози мене ал' Турчину!"
Но говори КралѢвића Марко:
,,А нелудуй Раде побратиме!
Срамота є по два на єднога,
Но да ли ти синоћъ неговорихъ,
Да за вино ханџаръ незалажешъ;
Да є тебе сада за поясу,
Те бы Мую срце извадіо."
Овдаресе Раде сѢтовао,
Одъ пояса ханџаръ извадіо,
Те Турчина у срце удріо,
На ханџаръ му срце изтргао,
Па шъ ньимъ махну съ десне на ліеву,
Положи га у механи винской,
А сѢде му на прси широке,
Пакъ хотиде почіеват' Раде;
А када є труданъ починуо,
Починуо на ноге скочіо,
Одъ яда є Туре разкроіо,
Ал' у нѢму тры срца юначка,
Єдно мусе бѢше уморило,
А другосе теке разиграло,
Треће спава за то и незнава,
И на нѢму Змія кравосица,
Дасе змія пробудила была,
Бы Радеве очи извадила.
Сада виђи драгій побратиме!
Како чине Србльи витезови
Одъ Турчина свога душманина;
Тешко Турцма ратують' съ юнацма!

146.

Цуце.

Гласъ допаде на краину Никшу,
Да су Цуцке изявиле овце,
Изявиле у Кобилѣ доце,
Паксе мала чета подигнула,
Пред'ньомъ бѣше Горчиновићъ Ђуро,
Бѣше ускокъ одъ горице Црне,
Чета пођe рамнимъ Рудинама,
А кад' дођe у Кобилѣ доце
Ал' ихъ нie у Кобилѣ доце,
Ма говори Горчиновићъ Ђуро:
„Айте за мномъ Турцы одъ Никшиħахъ."
Отидоше низъ Рудине равне,
Угледаше овце и чобане,
Тры чобана петъ стотин' овацахъ,
Па овцама Турцы западоше,
И на бѣле овце ударише,
Ал' чобаны недађаху овце,
Но говори Горчиновићъ Ђуро:
„Вѣра ви є божа Црногорцы!
Мы ви овце узети неħемо,
Нит' ħемо ви хиле учинѣти,
Веħе друге ђесу Цуцке овце."
Вѣрны бѣху Бога вѣроваху,
На божу ихъ вѣру пуштаваху,
Iошъ ихъ пита Горчиновићъ Ђуро:
„Ђе су друге овце и чобаны?"
Ал' му вели Iововићъ Станиша:
„Мы незнамо ђесу ни какосу!"
Вукъ Iововићъ бѣше у главицу,
На Станишу брата повикао:
„Бѣж' Станиша жива т' уфатише,
Нie нигда вѣре у Туракахъ!"
Кад' Станиша оно разумiо,
Плеħи даде а бѣжати стаде,
Ал' му Турцы утеħ' недадоше,
Веħ' уждише дванаесъ пушакахъ,
Лieву му ногу саломише,
Раннѣнъ паде у листъ и у траву,
Таденъ Турцы ноже повадише,
На Станишу уришъ учинише,
Да нѣгову одасѣку главу;
Ал' га Вуко посѣħ' недаваше,
Веħ' га брани своимъ џеверданомъ,
Теке Турцы поħераше овце,
Ма ихъ Вуко брже осветiо,
Четиры имъ главе окинуо,
Бѣже Турцы съ овцамъ путъ Никшиħахъ,
Вукъ раннѣна ујраби Станишу,
Понесе га у Цуце камене.
То є мало доба постануло,
Вукъ покупи по Цуцама войску,
Скупи другахъ триста и педесетъ,
И уводи Корѣничке овце,
А кад' Вуче уходiо овце,
Своiой быо дружби бесѣдio:
„Сад' дружино да имъ ударимо!"
Кад' дружина Вука разумѣла,
На бiеле удариште овце,
Уграбише хиляду овацахъ,
И петъ стотин' коняхъ и воловахъ,
Осамъ главахъ Турцым' осѣкоше,
И шеснаестъ робахъ заробише.
Ма имъ робе на трагъ повратише,
Е све бѣше лудо и неяко,
И неваля нигда свакояко,
Одъ страхасе живо искидало.
Овце здраво у Цуце займише,
А никаква непогибе друга,
Здраво доше шиħаръ дiелише,
Тако Цуце! Радосно ви срце!

147.

Момчила смертъ.

(Одъ истога Петра Мркаиħа.)

Кньигу пише кралѣ Вукашине
Тер' iе шалѣ Пилитору граду,
Видосави Момчиловой люби,
У кньзи iѣ дивно поздравяше,
И овако кралѣ говораше;
„Отруй мени войводу Момчила!
Iа ħу тебе узетъ за любовцу,
Нека бидешъ кралѣва кралица,
У нieг' дерешъ чоху свакояку,
У мене ħешъ свилу и кадифу,

Бисер' низатъ на жице от' злата."
А кад' ньойзи кньига допанула,
Овакому она одговара:
„Чу ли мене кралѢ господару,
Не могу ти отроват' Момчила;
Іера съ ньиме сѢда на трпезу
Девет' кралю братахъ рођеніехъ,
И дванаест' перво-братучедахъ,
Безъ нихъ никад' ние на трпезу;
Него ћемо изгубит Момчила,
Ты покупи твою силну войску,
Ноћно дођи на іезера равна
Покри войску погори зеленой,
Самъ изађи на іезеро вражѢ,
С' собомъ узми цигло двіе слуге,
Штосу пред' Момчила двориле,
Па ты распни чадор' код' іезера,
Зашто иде Момчило войвода,
Иде краліу сваке неђельице,
Ловъ ловити у равна іезера,
Уза с' води девет' братахъ своихъ,
И дванаест' перво-братучедахъ,
Куд' год' иде нић' их' неосталя;
У Момчила і' былѢ у перчину,
А и крила у нѢгова коня,
Кад' он' дође испод' града свога,
Он' неиде на врата одъ града,
Нег' излети Пилитору своме,
На крилма га вилен' конь износи,
Украшћу му былѢ из' перчина,
Што за нь сабля прионут' неморе,
А коню му опалити крила,
И недат' му сабліу од' мейдана,
Ни му дават' коплѢ убоито,
Како Момчил' на іезера сиђе,
Тер у гледа чадоръ код' іезера,
Срдцу своме одолѢти неће,
Момчило іе собом' іунак' страшный,
На чадорће коня нагонити,
Тысе скочи драгій господару:
„„Добро даша' Момчило войвода!
Іасам' дошо теби на виђенѢ,
Даме учиш' лов' ловити собом',
Него сіаши да пиемо выно.""
А нек' скоче твое двие слуге,
Штосу пред' у Момчила быле,
Конь мус' од' ньи поплашити неће,
Нек' му коня узму провођати,
Па нек' нѢму крила повриеде,
Повриеде и раскерваве их',
А ты сѢди те пій ш' ньиме выно,
Тадай кралѢ нек' ти удри войска,
Силна войска и са свиехъ странахъ,
Такоћемо нѢга преварити,
И Момчила тако изгубити
Другчіе мус' досадит' неморе;
Само држи што си обећао
Твоіа ліуба іедва чекам' быти,
Назватисе кралѢва кральица!"
А кад' краліу гласъ и книга дође,
Краль Вукашинъ приевара стара,
Брже силну сакупио войску,
Ш' ньоме иде на іезера равна,
Ноћно дође у іезера с' войском',
Войску покри по горы зеленой,
А онъ иде на іезеро вражіе,
Код' іезера чадоръ разапео
И са собомъ двіе слуге води,
Штосу приедъ код' Момчила быле;
У то дође Света неђельица,
Како Момчилъ изъ цркве изађе
СѢде ручатъ у біелу двору
И шъ ным' деветъ миліехъ му братахъ,
И дванаестъ првобратучедахъ
Како с' руча да у ловъ одлазе.
Ал' Момчило заспо на трпези,
У руцыму пуна чаша вына,
Упусти є изъ биеле руке,
Чаша прште а выносе проли,
Тад' Момчилу браћа говорила:
„Богъ намъ съ тобом' Момчило вой-
вода,
И прие смо брате пили вино,
Ал' ниесмо брате дриемали:"
На то Момчи л' браћи говоріо:
„Мало тренухъ, и берзосе пренухъ,
Али у сну страшан' санакъ виђохъ:
Ђе сидосмо на іезера равна,
Свакомъ виђохъ моя браћо драга,
Око грла црвену мараму,
Мени, браћо, змиу шесто-крилу,
Одвия є сестра Анђеліа,

А привія люба Видосава,
Бог' ће дати даће добро быти."
Момчилусу браћа говорила:
„Та небойсе брате добро наше!
Ошта сисе брате препануо?
Санъ є клапня а Богъ є истина,
Бог' ће нама помоћъ ако Бог' да! —."
Сви отоле на ноге скочише,
Люба му є коня изводила,
Изніела госпоцко оружѣ;
Неноси му одъ боя оружѣ,
Нег' му носи коплѣ костеново;
И носи му саблю измашиву,
Како махне да мусе измахне,
А любовцы Момчил' бесѣдіо:
Ђе є любо одъ боя оружѣ?"
Но му хитро кучка одговара:
„Што ће теби, драгій господаре,
Што ђе данасъ одъ боя оружѣ?
Да ти хрђа по гори зеленой!
Нет' бой бити съ кралѣмъ Вукашиномъ,
Веће носи госпоцко оружѣ."
У томе га кучка преварила,
Преварила да є богъ убие!
Оде Момчилъ у іезера рамна,
Са свомъ браћомъ и са братучедма,
Како Момчил' на іезера сиде,
Виђе чадоръ код' іезера вражя,
Пакъ устави коня одъ мейдана,
А овако браћи говорио:
„Што ће' реħи моя браћо драга?
И прие смо овудъ ловъ ловили,
Тог' чадора овђе ніе' било?"
Срцу своме одолѣтъ неможе,
Нег' на чадоръ коня наћерао,
Поће чадоръ на коплѣ дизати,
Алсе пусто коплѣ преломило,
Онъ потеже саблю одъ бедрице,
Да чадору конопе сиече;
Алсе пуста сабля измашила;
У то скочи Вукашине кралѣ:
„Бог' ми съ тобом' Момчило войвода!
А што сисе брате препануо,
Са мномъ нема него двие слуге,
Дошаосам' теби невиђенѣ,
Ловъ ловити по равна іезера,
Довеле ме двие твое слуге,
Што су пріедъ у тебе служиле;
Мени кажу за твое юнаштво
Него саши да піемо вино,
Па ме учи ты ловакъ ловити."
У томъ га є курва преваріо,
На то Момчил' кралю вѣровао,
Сяха съ коня иде под' чадора,
Слуге су му коня прифатиле,
Приватили коня виленога,
Водаю га тамо и овамо,
Па му ядну крила повређую,
Стои цика коня одъ мейдана,
Ал' за луду Момчилъ нечуяше,
Него с' кралѣмъ ладно піе вино,
У то доба войска са све стране;
Тада виђе Момчило войвода,
Ђе га силна освоила войска,
А неима одъ боя оружѣ!
Сву му найпре браћу изгубише,
Онсе єданъ коня дофатіо,
Пакъ онъ бѣжи Пилитору своме,
Іошъ нагони вилена коньица,
Да излети граду на бедеме,
Како што є вазда му чиніо:
Одъ ку ће му іаданъ излећети,
Кад су нѣму крила опалѣна,
Опалѣна и окрвавѣна,
Већ' га гони на врата одъ града
Ал' одъ града врата затворена,
Затворила невѣрна любовца;
Виђе Момчил' да є погинуо,
Па завика иза свега гласа:
„Анђеліа моя ядна секо!
Пушти мене низъ бедеме платно
Неби л' брата свога скапулала."
Кад' то чула сестра Анђеліа,
Спуштила є платно низъ бедему,
Ал' га Момчил' дофатитъ неморе,
Кадсе млада на невольи наће,
Пасъ одпаса те на платно веже,
И тако га дофатит' неморе,
Па до главе косу одрезала,
Те є за пасъ косу надвезала,
За платносе Момчил' дофатіо,

Потеже га сестра узъ бедеме,
Готово га изниет' біяше,
Ал' долеће кучка Видосава,
И у руцы остре ноже носи,
До руке є платно одрезала,
Паде брате Момчил' низъ бедеме,
Дочекага Вукашине кралю,
На маче га разніеше жива,
И умрие покойна му душа,
Издаде га невѣрна любовца,
О невѣро нигћете не било!
Одавно ти еси постанула.
А кад' виђе кучка Видосава
Ђе погибе Момчило войвода,
Одъ града іе отворила врата,
Краль улази са свомъ своіомъ вой-
скомъ,
Па га води у биеле дворе,
Даде нѣму Момчилово благо,
Изнесе му саблю Момчилову,
Краль є не мож' са землѣ дигнути,
Не могао съ обадвие руке;
Износи му капу Момчилову,
Што Момчилу на верхъ главе стала,
Она кралю до паса панула;
Кад' изнесе чизме Момчилове,
Ђе Момчилу єдва нога стала,
Васъ є. кралѣ допаса стануо;
Кадсе смысли Вукашиине кралю!
Да любовца нѣг' изневѣрила,
Свог' Момчила, таквога юнака,
Кога ние Србкиня родила,
Већда майка Милошъ Обилића,
Закопава Момчилову любу,
Закопа є у землю до паса,
А да гледа сва нѣгова войска,
Па є церним' обасиплѣ прахомъ,
Запали є су четиры стране,
Нека иде у мутне облаке,
Паксе скочи Вукашине кралю,
Тражи Анђу сестру Момчилову,
Нашао є у шикли-одаю,
Деветоро затворила вратахъ,
Люто цмили, оплакує брата,
Краль іе узе за биелу руку,
Овако є кралѣ разговара:
,,Небойс' Анђо сестро Момчилова!
Іа ћу тебе узет' за любовцу,
Да ми будешъ у двору кральица,
Іа т' ниесам' брата изгубио,
Нег' нѣгова невѣрна любовца,
А я самъ га дивно осветио,
Огнѣмъ сам' му любу изгорио."
Іошъ Пилиторъ кралѣ поробио,
Разорио огнѣм' изгоріо,
Ни данъ данасъ ніесъ оградио;
Анђелиу бѣлу двору води,
Тер' є узе за вѣрну любовцу,
Анђе нѣму дивный породъ роди,
Кралић' Марка и кральићѣ Андріу.
Богъ убио свакога юнака,
Ко ће жени у свемъ вѣровати.

148.

Герзелезъ.

(Одъ истога П. Мркаића.)

Ловъ ловіо Бановићъ Секуле,
Поредъ Саве и краемъ Дунава,
Ал' Секулу лоша срећа была,
Пада магла одъ неба до землѣ,
Густа магла као облачина,
Да невиди онъ подъ собомъ ђога,
Анекмоли да улови лова.
Ал' изъ магле добаръ юнакъ виче:
,,Ніе л' майка родила юнака,
Да онъ мене до Дунава дође,
Да ми русу посіече главу,
Єр' самъ юнакъ остарао люто,
И мени є животъ омрзао?!
Тко м' учини то велико добро,
Код' мене ће шићаръ шићарити,
Добра коня и болѣ оружѣ!"
То зачуо Бановићъ Секуле,
Бога моли дасе магла дигне,
Да онъ нађе невольна юнака,
Да му Секулъ посіече главу,
Да учини себ' и нѣму добро;
Богъ му даде тесе магла диже,
Онъ находи невольна юнака

На обали те воде Дунава,
Бойно копѣ у землю побіо,
А за копѣ коня привезао,
Добра коня него уковата;
Турчинъ юнакъ тер' є и кланяо,
Секулусе полошъ учинїо,
На нѣга є ђога нагоніо,
Те му добра коня дофатіо,
Шъ ньимъ одлази узъ воду Дунаво,
Турчинъ нѣму небіо мукаетъ,
Докъ свршіо намазъ по закону;
Кад' свршіо намазъ по закону,
Поче ћерат' пѣшице Секула,
И овако нѣга довикуе:
„Стан' Секуле жалосна ти майка!
Остави ми добра коня мога,
Та да си ми юче побѣгао,
Данасъ быгъ те жива уфатіо."
Препадесе Бановић' Секуле,
Остави му коня укована,
А онъ бѣжи край воде Дунава,
Кадсе Турчинъ коня добавіо,
Онсе баци коню на рамена,
Докъ му коньицъ уковъ угріяо,
Брже стиже Бановић' Секула:
Виђе Секулъ да є погинуо,
Пакъ у воду коня наћерао,
Турчинусе жао квасит' было,
Нешће за ньимъ у воду газити,
Нег' потеже топузъ одъ ункаша,
Те онъ гађа у води Секула;
Ал' Секулу добра срећа была,
Неудари нѣга ни ђогата,
Нег' у бойно седло подъ Секуломъ,
Колико га лахко ударіо,
Исподъ нѣга седло ишћерао,
Те му коню низъ уши пануло,
Но Секуле добаръ бинђція,
На добрусе коню одржао,
И препливо' широко Дунаво
Па на голу путъ Сибиня иде,
Угледа га Бан-войвода Янко,
Паксе, брате, сміе на Секула:
„Камо теби седло са ђогата?"
Све му Секулъ по истини каже,
Како га є Турчинъ преваріо,
И іошъ мусе полошъ учиніо;
Кад' Секула Янко разуміо,
Овако є нѣму говоріо:
„Богъ ме сыне доброс' останую,
Оно ніе полоша делія,
Него главомъ Герзелезъ-Алія,
И мене є тако намаміо,
Намаміо те ме преваріо,
И я єдва главу изнесао."

149.

Одкудъ є Герзелезъ.

(Одъ истота П. Мркаића.)

Два юнака сніегъ запануо
У Романій више Сараева,
У пећини студеной стіени,
О Митрову данку біеломе,
Башъ Новака и шъ ньимъ Радивоя;
Али Новакъ Раду бесѣдіо:
„Садъ штођемо брате одъ живота?
Неимамо за хашлука блага,
Су чимъ бысмо зимовали зиму;
Нег ме води шехеръ Сараеву,
Небы л' мноме преваріе Турке,
И у Турак' измаміо благо,
Су чим' бысмо зиму изимили."
Али му є Раде бесѣдіо:
„Досад' самъ те тры путъ продавао,
Познаћe те Сарайліе Турцы,
Па ћ' изгубит' и мене и тебе,
Нег' Новаче мой рођеный брате,
Обрій мене што морешъ найлѣпше,
А ођеди што морешъ найболѣ,
Па ты мене води Сараеву,
Те ты мене продай на телала,
Тако ђемо преварити Турке."
Па обрія и ођеде Рада,
Одведе га шехеръ Сараеву,
Те га даде на Турског' телала,
Милій боже чуда великога!
Чудиласе и гора и трава,
Ђе продава Новакъ Радивоя
У ліепу шехеръ Сараеву,

У Турака на Турског' телала;
Добра мусе муштерія нађе,
Турска млада Ирама ђевойка,
За нѣг' дава два товара блага,
Врагъ донесе булу удовицу,
Те ђевойку благомъ надметнула,
За нѣг' дава тры товара блага,
И сувише тры коня витеза
На чиме ће благо поћерати;
Кад'се Ново блага дофатіо,
Шъ ньиме бѣжи горы Романніи,
У пећину студену стіену,
Рада була узима за руку,
Па га води у біеле дворе,
Іедва чека докъ до двора дође,
Млого іойсе ліепъ учиніо,
А кад' дође у біеле дворе,
Даде Раду вина и' ракіе,
И даде му лулу и тамбуру,
Нека пѣва тесе разговара.
Вечеру є Була приправила,
У свем' двору што има найлѣпше,
Іедва чека була удовица,
Докъ іой, брате, мукла поћца дође,
Па простире мекахну постелю,
Стере була душекъ врь душека,
Меће свиленъ іорганъ сврь іоргана,
Леже, брате, съ Радомъ у постелю,
Шъ ньимсе люби одъ поћи до дана,
А кад' съ ютра понеђелникъ свану,
Масе диже Бане Радивое,
Те излази на пенџеръ одъ куле,
На деснусе подниміо руку,
А у себи невесело люто,
Ма га була грли и целива:
,,А мой міо штоси невесео,
Ол' ти ніе угодна вечера?
Ол' ти ніе мекахна постеля?
Ол' у волю ніе теби була,
Млада була Турска удовица?
Оли самъ ти лоша вина дала,
Оли мыслишъ да я неймамъ блага,
Него дасамъ све за тебе дала,
Имамъ душо живота ми твога!
Тры путъ више негсамъ за те дала.“
Ма є ньойзи Раде бесѣдіо:
,,Све і' увольно мени и погодно!
А по вольи була удовица,
И я знадемъ да іошъ имашъ блага,
Нег' самъ юнакъ ловацъ одъ планине,
Кои самсе често научіо
Ловакъ ловит' по горы зеленой;
А сад' ловцы иду у планину,
Те да лове лова свакояка,
То є мене каде необично
Овђе сѣдећ у дворе код' тебе,
Я самъ за то невесело люто,
Єръ ме могу ловцы прекорити.“
То кад' чула була удовица,
Томсе була обрадова тешко,
Ђе є була ловца добавила,
А незнаде, жалосна іой майка,
Да купила изъ горе хайдука,
По имену Дели-Радивоя;
Паксе скочи одъ землѣ на ноге,
Найболѣга коня оправила,
Ођеде га што може найлѣпше,
Нѣму даде свіетло оружѣ,
У свом' двору што има найболѣ,
А насу му пуне џепе блага,
И даде му на руку сокола;
До вратахъ га була испратила:
,,Айде зъ богомъ мое мило драго!
,,Потежисе те ми брзо дођи,
Немой мисе млого утрудити,
Ако нећешъ ни уловит' лова.“
Кад'се Раде коня добавіо,
Добра коня а болѣг' оружя,
За турцима иде назорице,
Доксе Раде горе дофатіо,
Сокола є о ками удріо,
А коню є главу осѣкао,
Па изъ горе Турке дозиваше:
,,Айте зъ богомъ Сарайліе Турцы!
Поздравте ми булу удовицу,
Я ћу ньойзи брзо тамо доћи,
Кад' іой врба ситно грожђе роди,
Люта драча зелене ябуке —.“
Па заграя како црный вране,
Зачуо га, брате, исъ пећине,
Те завія како мркій вуче,
По томесе гласу састадоше,

Зимоваше у пећини стѣни;
И то вриме за дуго небыло,
Али була чедо породила,
Лудо чедо него мушка глава,
Ліепо му име изабрала,
По имену Герзелез-Алія,
Колико но чедо омрцаше,
Трыпутъ више ютромъ освиташе,
Кад' нарасте од' двадестъ годинахъ,
Поче пити по механи вино,
И съ Турцима игре заметати,
Свакога є игромъ надиграо,
Пакъ ихъ поче звати на мейдане,
Млоге Турке брзо исѣкао,
Ал' бесѣде Сарайлїе младе:
,,Ну погледай курве копиляна!
Што є нама млого додіяо,
А нѣмусе ни ба̑бо незнаде.“
То є чуо Ђерзелезъ Алія,
Зао бѣше юнакъ одъ укора,
Брже трчи свом' біелу двору,
Пакъ є бритку саблю извадіо:
,,Кажи майко, ђе ми є бабайко!
За што мене зову копиляномъ?
Я ли ћу ти сад' осѣћи главу!“
Кад'се була на невольи нађе,
Све му право каза по истини,
То кад' чуо Ђерзелез-Алія,
То є нѣму млого мило было:
,,Та я нисамъ курвійнъ копиляне!
Ба̑ба имамъ Бана Радивоя;
Кухай майко лахке брашненице,
Я опралямъ себе и дората,
Идемъ тражит' мога родителя.“
Алс' обеде што може найлѣпше,
Сину юнакъ као жарко сунце,
Метну на се чудо и зламенѣ,
А о коню топузъ обѣсіо,
И на бедру саблю припасао,
Іошъ у руку троструку канџію;
Ћера коня горы Романніи,
А кад' быо близу Романніе,
Юнакъ, брате, пѣва иза гласа:
,,Ха дорате врло добро мое!
Сад' идемо у гору зелену,
Тамо кажу трьі горска хайдука,
Башъ Новака и шъ ньимъ Радивоя,
Іошъ и шъ ньима Груицу діете,
Сва тры валя нам' свезати жива.“
А Груица на стражи біяше,
Па отрча те Новаку каже,
И свом' стрицу Дели-Радивою:
,,Ев' одовуд' голема юнака!
Одкакосмо пошли у хайдуке,
Овакій насъ ніе налазіо,
Вассъ се сяє ко на горы сунце,
Іошсе юнакъ съ конѣмъ разговара,
Да ће наске сватры савезати.“
Али Новакъ люта змія бѣше,
Овако є ньима бесѣдіо:
,,Ніе лахко таком' ударити,
Нег' витежки да га дочекамо,
Ты Груица на дно Романніе,
Я ћу чекат' на край Романніе,
А ты Раде на средъ Романніе.“
Ліепо є разредіо дружтво,
У то доба Туре на Груицу:
,,Вежсе Туре, жалосна ти майка..!“
Ал' Алія наћера Дората,
Удара га трострукомъ канџіомъ,
Па му свеза и ноге руке,
Па г' обѣси коню о ункашу;
А кад' было на средъ Романнїе,
Дочека га Бане Радивое:
,,Стан' Турчине, твою ли ти Пену...!
Лахко ти є лудо везат' дѣте!“
На нь Алія наћера Дората,
Па г' удара трострукомъ канџіомъ,
Савеза му и ноге и руке,
Обѣси га коню о ункашу,
Съ друге стране да седло некрива;
Кад' изиђе на край Романніе,
Дочека га Старрина Новаче,
Виче, брате, Новакъ у планины,
А колико лахко виче Ново,
Зъ буковине поліеће лишће:
,,Стан' Турчине, кукала ти майка!
Лахко ти є везат' луду ђецу,
Лахко ђецу ал' имъ ево ба̑бо!
Што ће данасъ дѣцу осветити.“
Бре ни Али мило небіяше,
Па Дорату дизгинъ прикупіо,

А у руку зграби топузину,
Удари га неколика пута,
И єдва га бѣше освоіо,
Па му свеза и ноге и руке,
Алс' Алія тешко узмучіо,
Нейма о што обѣсит' Новака,
Докъ є нѣму доцне на умъ пало,
Те Новака у теркію веже,
Ђе му стои диван-кабиница;
Паксе врати къ шехеръ Сараеву,
А кад' дођe више Сараева,
Завикао Новакъ изъ теркіяхъ,
,,Богомъ брате незнана деліо!
Кажи мисе тко 'си и окле 'си?
Кога ли си рода юначкога?
Коим' ли ћешъ уморит' насъ мукам'?"
Ал' му вели Герзелез-Алія:
,,'Да л' Новаче непознавашъ мене?
Я ніесамъ незнана делія,
Нѣго главомъ Ђерзелез-Алія,
Бабо ми є Бане Радивое,
А мой стриче Старина Новаче,
Мой рођаче діете Груица;
Знашъ ли бабо, єси л' запазіо?
Кад' те моя майка куповала
У телала на средъ Сараева,
За те дала тры товара блага,
И сувише тры коня витеза,
Теб' одвела свом' біелу двору,
Шъ ньомси єдну ноћцу преноћіо,
А съ ютра данъ майку м' оставіо,
Утекао у гору зелену,
Садъ ме Турцы зову копиляномъ;
Ако ћете мени дати вѣру,
Прођитесе врага и хайдуштва,
У хайдуку нигда господара,
А я ћу вам' животъ опростити,
И довест' васъ шехеръ Сараеву,
Нека виде Сарайліе младе,
Я єсамъ ли курвійнъ копиляне."
Они нѣму тврду вѣру даше,
Пакъ Алія свог' осѣде коня,
Свой троицы одріеши руке,
И води ихъ шехеръ Сараеву,
Кад' Алія Сараеву дође,
Ондай виче иза свега гласа;
,,Сад' виђите Сарайліе младе!
Єл' Алія курвійнъ копилане?
Ев' ми баба Дели-Радивоя,
Ево брата неяка Груице,
Сад' ми рецте, я ви вашу нену!..?
Єл' Алія курвійнъ копиляне."
Тад' ихъ води къ двору біеломе,
Ту живѣше докъ и помріеше.

150.

Бошнякъ.

(Одъ истога П. Мркаића.)

Сехратліе добре конѣ хране,
Надаюсе лѣту и сеферу,
Лѣто пројe ал' сефера небы,
Свису Турцы конѣ продавали,
Али неће Сехратлія Муіо,
Нѣго храни біесна ђогата,
Одъ трећака до седамъ годинахъ,
И добра є коня одгоіо,
Ал' и блага доста похарчіо
Седамъ ћесахъ своихъ готовіехъ,
А седамсе задужіо дуга,
Заложіо куће и баштине,
Ма да видишъ велике неволѣ!
Нестаде му паре ни динара,
Нейма за што купит' ни сіена,
Кадсе юнакъ на невольи нађе,
Онъ старицу майку дозиваше:
,,Додай мени узду са ђогата,
Я ћу извест' ђога у чаршію,
Те продати добра коня мога,
Небы ли ми Богъ и срећа дала,
Да б'се тешка одужіо дуга,
Знамъ да главно уфатити нећу."
Узе Турчинъ ђога дебелога,
Ишћера га Муіо у чаршію,
Исподъ нѣга живый огань скаче,
Међу собомъ Турцы бесиђаху:
,,Добра коня, а болѣг' юнака!"
Ал' бесѣде хоџе и хаџіе,
Штосу Муіу благо узаймили;
,,Залуду є и конь и юнаштво,

Дужанъ нам' є седамъ ђесахъ блага,
Дао нам' є кућу и баштину,
Да ихъ никад' одкупити неће."
А то чуо силанъ Сехратлія,
Зао юнакъ бѣше одъ укора,
То є нѣму люто жао было,
Мало лакше него мртва глава,
Невесело коня на трагъ врати,
А кад' дође у біеле дворе,
Старица му бесѣдила майка:
,,Што є сыне ако бога знадешъ?
Што си тако невесело люто?
Ал' ти ніе по вольи ђогійне,
Ал' ти коню муштеріе нейма?"
Све іой право по истины каже,
Ма га стара майка разговара:
,,Небой мисе мое мило дѣте!
Богъ ће нама помоћъ акобогда."
У ріечи кою бесѣђаху,
Ал' ето ти царевъ капиџія,
Носи Мую царева фермана,
Ферманъ учи силанъ Сехратлія,
Ферманъ учи а сузе пролива,
Питала га остарѣла майка:
,,Што є сынко, огнѣмъ изгорѣла!?
Те є тако жалостиво люто?
Є ли сыне кньига одъ мейдана?"
,,Ніе майко кньига одъ мейдана,
Камо среће одъ мейдана да є!
Нег' є ферманъ одъ честитог' цара,
Брж' ме царе у цариградъ зове,
А бога ми моя стара майко,
Ђогу су ми плоче одлећеле
Па га за што подковати неймамъ,
А некмоли хашлукъ до Стамбола."
Те кодъ чула Мустафина майка,
Имађаше дукатъ о грроцу,
Одкиде га па га Мую дава:
,,На ти сыне те подкуй Ђогата,
И ето ти хашлукъ до Стамбола."
Іошъ га майка дивно благосиля:
,,Айде зъ богомъ мое чедо драго!
На путу ти добра срећа была!"
Оде Муіо біелу Стамболу,
А да видишъ силнћа Сехратліе,
Како Муіо добро дукатъ штеди,
На данъ пару вина и духана,
О том' брате до Стамбола дође,
А кад дође на Стамбол-капію,
На шадрванъ водицу студену,
Ту находи ліепу ђевойку,
Воду точи а сузе пролѣва,
Но ню пита силный Сехратлія;
,,Што є теби ліепа ђевойко?
Те ты тако сузе проліевашъ?"
Срдито му бесѣди ђевойка:
,,Прођи месе незнанъ Сехратлія,
Ако плачемъ єсть ми и неволя,
Богъ убіо цар' Отмановића,
Те є царе игру заметнуо,
Па ђевойке мећс на кошію
Мы остале за бабомъ сыротне,
У зо часъ се родиле ліепе,
Двіе насъ є досле поставіо,
На кошію, на юначку игру,
Ко утече на коньицу брзу;
Пакъ утѣче црный Харапине,
Црный Арапъ изъ Арабистана,
На нѣговой сурой бедевіи,
Благо носи, а ђевойке води,
Па имъ люби на срамоту лице,
Съ ютра мене мећe на кошію;
А какавъ є црный Харапине,
Одъ яда га ни гледат' немогу,
Анекмоли съ ядомъ га любити,
Іошъ є Харапъ изъ туђега царства,
У царасе нађ' юнакъ неморе,
Да утече црном' Харапину,
Него неђе там' у Босни кажу
Силенога Сехратлію Мую,
И у нѣга вилена ђогата,
За нь' є царе ферманъ оправіо,
Па га не бы, да га богъ убіе!
У цара ће съ ютра трка быти,
И мен' ядну мећу на кошію,
А дако бы утеко Харапу."
Ма іой Муіо вако бесѣдіо:
,,Ево, борь ме, Мућ и Ђогата!"
Кад' то видла ліепа ђевойка,
Изъ рукахъ є воду оставила,
Целива га у скутъ и у руку,
Добру ђогу гриву и копито,

Бога моли, овако говори:
,,Єдда Богъ да, и сви божій свецы!
Да утечешъ црну Харапину,
И да мени суђенъ будешъ Муіо;
Него Муіо ако знашъ за Бога!
Немой иђи цареву сараю,
Него хайде у пяну механу,
Пійде вина а пази Ђогина,
Упутъ наћи єдног' каурина,
Дукатъ подай жалити га немой,
Нек' ти Ђога до яціе вода,
Єръ є коньйицъ труданъ и уморанъ,
Положи му зоби и сіена,
И ужди му четиры свіеће,
Пази коня ако знадешъ Бога!
Єдда Богъ да, те ми будешъ суђенъ!"
Ал' дѣвойцы Муіо бесѣдіо:
,,Я ти неймамъ паре ни динара!
Нити за што купит' и сіена,
Анекмоли дукатъ за воданѣ."
Ал' да видишъ среће у юнака!
Цура ђерданъ са грроца скида,
У коме є пестотин' цекинахъ:
,,Ето теби хашлукъ Сехратлія!
Пази коня и нештеди вина,
А кад' сване я ћу теби доћи,
Те ћу за те све харчеве платит'."
Кадсе Муіо добави цекинахъ,
Одгна ђога пред' пяну механу,
Съ коня спаде каурина наће,
Те му дае два дуката жута,
Да му ђога до поноћа вода,
Одъ поноћа зопцу и сіено;
Іошъ око нѣг' уждіо свіеће,
А онъ крха вино изобила,
Истомъ свану, ето ти ђевойке,
Мую носи дванаестъ цекинахъ:
,,Май ти Муіо, те свой харачъ плати,
Я быхъ съ тобомъ и іошъ бесѣдила,
Али упутъ идемъ на кошію."
Якко, брате, изишла ђевойка,
Стаде єкка крозъ Стамболъ сокака,
Докъ ето ти црна Харапина,
На нѣговой Шайцы бедевіи,
Како Харапъ дође цредъ механу,
Онъ осѣде свою бедевію,
Па нетражи ко ће му є̑ водат'
Нег' іой баци дизгинъ на ябуку,
Сама мусе по Стамболу вода.
Арапъ иде у пяну механу,
Па говори крчмарицы младой:
,,Дайдеръ мисе вина напоити,
И сада ти ништа платит' нећу,
Идемъ часомъ цару на мейдана,
Па кад' дођемъ платићу ти вино."
А кад' чу то Сехратлія Муіо,
Паксе скочи на ђогата свога,
Оћера га цареву Сараю,
Цареве га угледале страже,
Своме цару на муштулукъ трчу:
,,Муштулукъ намъ нашъ честитый царе!
Ето Муе̑ и води ђогата!
Кои ћ' утећ' црном' Арапину."
Сви рекоше: Хоће акобогда!"
Колико є цару мило было,
Дае ньима неброице благо;
На рукам' га предъ цара износе,
Смѣрно Муіо цару селамъ дава,
Па га люби у скутъ и у-руку,
И серцазу на чем' царе кланя,
А лѣпше га царе дочекуе:
,,Добро дошо моя права слуго!
Єси ли се сыне уморіо?"
У ріечи кою бесѣђаху,
Ал' ето ти црног' Арапина,
На нѣговой танкой бедевіи,
Колико є Харапъ осиліо,
Копѣмъ цару у прозоръ удара,
На пенцеру срчу поломіо,
И овако цару говоріо:
,,На мейданъ ми! Ол' ми ну дай благо!
Дайдеръ царе благо и ђевойку,
Узъ ђевойку четиры робинѣ!"
То є цару люто жао было,
Арапа бы давно изгубіо,
Ал' є царе свою ріечъ дао,
Ко утече на коньицу брзу:
,,Блато носси а води ђевойке!"
Паксе царска ріечъ непориче.
Нег' овако Мую бесѣдіо:
,,Морешъ ли се поуздати слуго,

У твоега Ђога одъ мейдана,
Да утечешъ црном' Арапину?
Честита ћу тебе учинити!"
,,Могу, рече, царе, акобогда!"
Царе Мую хаир-дову дава:
,,Хайде зъ богомъ моя права слуго!
Душманы ти подъ ногама были,
Ко' ђогату чавли и подкове!"
Сви рекоше Лали и везиры:
,,Иншалла ће нашъ утећи Муіо,
И одніет' мейданъ Арапину!"
Отидоше у полѣ Стамболско,
У коме є тры сахата хода,
А кад' сила коньска изврвѣла,
Сама хата има петъ хилядахъ,
Тры хиляде, брате, бедевіе,
А парипим' ни броясе незна.
Међу собомъ Турцы бесѣдише:
,,Поглай, брате, махнита Бошняка,
Куд' онъ води клемпаста Ђогата!?
Кад' потече коньска сила сада,
Све га ће га плочам' разніети."
Другіи веле: ,,Нека иде брате!
И тако ће плоче полістат',
Нека плоче за ньимъ купи съ трага,
Море коня коват' за годину,
Да нестроши паре ни динара."
А то слуша Сехратлія Муіо,
Бога моли, а ништа незбори
Кад' рекоше онда потекоше,
Понайпотлѣ Муіо пушта ђога,
Да нереку да є пріевара,
Да небуде међу войскомъ кавга.
Два сахата заєдно трчаше,
А кад' было у трећем' сахату,
Истиштесе пуста бедевія,
За ньомъ Муіо натиште ђогата,
Ђе є стиже онђе є и пређе;
Ал' да видишъ пусте бедевіе!
Колико є учна за мейдана,
Главу вргла на сапи ђогату,
По сахата за єдно трчаше,
Ни узмиче ни примиче пуста;
Кадсе Мую додіяло было,
Ондай ђога удрій бакрачліомъ,
Те остави суру бедевію,
Ал' врагъ учи црна Харапина,
Те Харапинъ иза гласа виче:
,,Сехратлія, Богъ да те убіе!
Ты већ' видишъ да си утекао,
Несакати добра коня твога,
Кога бржег' у два царства нейма,
Ето т' Ђогу плоче полећеле,
Па му ліе крвца исъ копитахъ!"
Жао Мую добра коня свога,
Сяха съ коня ноге му подиже,
Ни клинацъ му ніе полетіо,
Ал' далеко Харапъ одмакнуо,
Іошъ є далѣ Хача бедевійче,
Кубурія небы дотурила,
А нейма му него по години,
За нь' Харапу Стамболіе даю,
Караграшахъ петъ стотинахъ одма,
Црный Харапъ неда одъ хиляде.
Кадсе Мую даде погледати,
Тер' є царевъ чадоръ угледао,
Ђе га гледа самъ честитый царе,
И нѣговы Лалы и везиры,
И остала сва господа царска,
Тосе Мую ядно учинило,
Па потеже троструку канџію,
Онъ удари съ обе стране Ђога,
Башъ одъ кука до стражнѣга чукля,
Колико га лахко ударіо,
Тры крвава остаяху трага:
,,Ха ђогате, црнъ ти образъ быо!
Камо мое седамъ ћесахъ блага,
Камо ли ми боланъ седамъ дуга,
То л' ме никад' одужити нећешъ?"
Кадсе ђого слеже по земльицы,
Бакрачліе црну землю стружу;
Ко гледаше сваксе куніяше:
,,Та Богъ ме су крила у Ђогійна!"
Брже стиже црна Харапина,
Ђе га стиже, ту г' и оставіо,
Опет' Харапъ иза гласа виче:
,,Подъ тобомсе седло разломило!
Пукли су ти ибришим-колани!"
Види Муіо да є пріевара
Пакъ Арапа ништа необада,
Нег' утече на дугу мейдану,
Селамъ даде, а жъ Ђогата спаде,

А скочисе ліепа ђевойка,
Те Турчину коня прифатила,
Па га вода, по гриви га люби,
Те му люби гриво и копито;
У то доба Харапъ на кобили,
Па дофати везену шишану,
Те шишаномъ добро запаліо,
Уби, брате, ђога Сехратлина,
Ђого цикну а паде у траву,
А то гледа Сехратлія Муіо,
Млого му є коня жао было,
Ніе лакше него мртва глава,
Мысли Муіо штоће одъ живота,
А у туђу землю запануо,
Пакъ онъ нейма свога емшеріе,
Кои бы му быо у невольи,
Па му на умъ на юнаке старе,
На Бошняке старе витезове,
„Та болѣ є погинут' юначки!
Нег' срамотно живѣт' на свіету.“
Па докопа брешку по каишу,
Свою брешу одъ образа пали,
Те Харапа свойски погодіо,
У повіе међу очи двіе,
Пукло му є чело на четверо,
Ни жива га земля нешчекала;
Алсе Муіо препануо люто,
Што учини пре Довлетомъ самимъ:
„Садъ ће мене царе изгубити!“
Ал' то цару млого мило было,
Ђе утече и уби Харапа,
Па му метну хоџе и кадіе,
Нека суде силну Сехратліи,
Ал' му добро бію одсудили,
Дадоше му ліепу ђевойку,
Ужъ ђевойку тры товара блага,
А узъ благо четиры робинѣ,
Нек' га служе у оџаку своме,
И даше му суру бедевію,
И намета хаче бедевійче;
Сад' га царе преда се дозива:
„Шта ћешъ Муіо да те царъ дарива?“
Али Муіо цару говоріо:
„Султанъ царе огріявно сунце!
Имаосамъ седамъ ћесахъ блага,
А седамсамъ задужіо дуга,
Заложіо куће и баштине,
Незову ме силный Сехратлія,
Нег' ме зову дужный Муіо-баша:
„„Никад' намсе одужити неће!““
Свесамъ царе за ђога схарчіо,
А садасамъ ђога изгубіо.
Него царе тако ти Курана!
Одужи ме нетражимъ ти друго.“
На то мусе царе насміяо;
„Ево т' Муіо седамъ ћесахъ блага,
Май ти сынко, тес' одужи дуга!
А ево ти седамъ готовіехъ,
За юнаштво што си учиніо;
Іошъ ти ево на Босни везирство,
Безъ промѣне за твога живота,
И ево ти и войске и хазне.“
Оде Муіо у Босну поносну,
Здраво дође двору біеломе,
И у двору здраво майку нађе,
Па га майка грли и целива:
„Добро дошо мое чедо драго!
Єсилисе сыне уморіо?
Єси ли ми здраво путовао?“
„Здравосамъ ти моя мила майко!
Ал'самъ майко изгубіо ђога!“
Юначки му майка бесѣдила;
„Здраво сыне твоя глава была!
Ты ћешъ коня болѣг' добавити.“
„Ал'самъ майко на Босни везиромъ!“
А кад' нѣга майка разумѣла,
Поче свога сына заклиняти:
„Проклета ти моя храна была!
Ако нећешъ сваком' судит' право,
Сиромаху и сиромашицы;
Знашъ ли сынко мы какосмо были?“
Зове Муіо хоџе и хаџіе,
Те имъ враћа седамъ ћесахъ блага:
„Май то вама хоџе и хаџіе!
Вы велясте, никад' платит' нећу,
И звасте ме дужній Сехратлія,
Ни коня ми подковат' нешћасте;
А сад' Муіо на Босни везире,
А ніесамъ дужный Сехратлія.“
Оны мусе, брате, поклонише,
Поклонише до землъице црне,
Муіо пође везироват' Босни,

И одкад' є Босна настанула,
Ніе такій везиръ постануо,
Свакъ му Бога за здравѣ моляше,
Сиротиньи понайболій бѣше,
И сада га она благосиля,
Ка' Кулина негдашнѣга Бана —.

151.

Страиня.
(Одъ истога И. Мркаића.)

Кньигу паше Бошнянине Тафо,
Изъ те Босне землѣ поносите,
Тер' є̑ шалѣ Бан-войводы-Янку,
У кньизи га дивно поздрављаше,
У поздраву овако збораше:
,,Я 'самъ чуо, да 'си юнакъ добаръ,
А ни мене нехуди дружина,
За то тебе на мейданъ позивамъ,
У Ябуку зелену планину,
Рокъ неђеля, мейданъ понеђелникъ,
А уторникъ да кукаю майке,
Оли моя, оли твоя Янко,
Оли єдна, оли обадвіе."
А кад' Янку гласъ и кньига дође,
Кньигу гледа сузе проліева,
Питала га вѣрница любовца:
,,Окле ти є кньига допанула,
Што л' є тако кньига жалостива?"
,,Остави ме моя вѣрна люби!
Ђове мене Тафо на мейдана,
У Ябуку высоку планину,
Тафо ми є браћу погубіо,
Седамдесетъ братахъ Угричићахъ,
Све што ихъ є на мейданъ посѣко;
Да непођемъ брука и срамота,
Акол' пођем' моя вѣрна любо,
Већ' ме Богъ ме нигда виђет' нећешъ."
Ал' є Янку люба бесѣдила:
,,Ако хоћешъ послушати мене,
Ты ћешъ са мномъ у постелю спати,
А Тафу ћешъ одасѣћи главу."
Одъ ядасе Янко насміяо:
,,Муч' нелудуй моя вѣрна люби!
Нит' є было, нити быти море,
Добру коню и добру юнаку
Тры дни хода има до Ябуке,
А я съ тобомъ спават' у постелю,
И Турчина посѣћ' на мейдану,
Моя любо то быти неморе."
,,Море быти драгій господару,
Ако хоћетъ послушати мене!"
Наред' Янко господску вечеру,
И састави Угре на вечеру,
И призови Бановић' Страину,
Навали имъ вино и ракію,
А кад' буду у найвише пиво,
Ты изнеси госпоске дарове,
И даривай браћу Угричиће,
Недай ништа Бановић' Страхиньи,
Заметнуће упутъ Страхинь' кавгу,
Ты му недай драгій господару,
Нег' овако бесѣду Страиньи:
,,,,Акосу ти златна пера мила,
Ето силног' Тафе Бошнянина,
Седамдесетъ у нѣг' пеpяницахъ,
Съ Угричићахъ седамдесетъ братахъ,
Што ихъ Турчинъ на мейданъ добіо,
Већ' га зови на мейданъ юначкій
У Ябуку зелену планину,
У неђелю коя прва дође,
Рокъ неђеля, мейданъ понеђелникъ,
У уторникъ да кукаю майке,
Оли Турска, ол' твоя Страхина,
И я ћу те даривати дивно;
Даћу тебе мое крило златно,
И сувише безцѣну колайну
И сестрицу мою за любовцу,
Да будемо миліи пріятельи.""
А Страхин' є собомъ юнакъ добаръ,
Онъ ће поћи на мейданъ упута,
И Турчину одасѣћи главу,
А ты са мномъ спават' у постельи,
Па ты си се Янко препануо?"
А кад' Янко любу разуміо,
Онъ приправи госпоску вечеру,
И сакупи Угре на вечеру,
И призива Бановић' Страхиню,
Навали имъ вина и ракіе,
А кад' быше у найвише пиво,

Ондай скочи Бан-войвода Янко,
Те донесе господске дарове,
Те дарива браћу Угричиће,
Неком' перо, неком' перяницу,
А єдніемъ злаћене колайне,
Неда ништа Бановић' Страхиньи,
А Страхиньсе наиеди люто,
Па овако Янку бесѣдіо:
,,Камо Янко за мене даровы?
Кад' є бой быт' съ Отмановић' царемъ,
Више сѣчемъ Турак' на мейдану,
Нег' ты Янко съ Угричићма свіемъ,
Па ніесамъ горій одъ другога,
А сад' нейма за мене даровахъ!?"
Овако му Янко одговара:
,,Акосу ти златна пера мила,
Ет' у Босни Тафе Башнячине,
И у нѣга седамдесетъ перахъ,
Съ Угричићахъ седамдесетъ братахъ,
Све што ихъ є на мейданъ добіо;
Зовни Тафа на мейданъ юначкій,
У Ябуку зелену планину,
Рокъ нећеля, мейданъ понећелникъ,
У уторникъ да кукаю майке,
Яли Турска, ял' твоя Страиня;
Ако л' тебе Богъ и срећа даде,
Те добіешъ силнога Турчина,
На даръ теби седамдесетъ перахъ,
Седамдесетъ братахъ Угричићахъ,
И я ћу те дивно даровати,
Даћу теби мое крило златно,
И даћу ти безцѣну колайну,
Іошъ и сестру мою за любовцу,
Да будемо милиі пріятельи."
Страхинь' Србаль собомъ юнакъ добаръ,
Упутъ скочи на ноге лагахне,
Пакъ онъ оде ситну писат' кньигу,
Тер' є посла Босни каловитой,
Зове Тафа на мейданъ юначкій
У нећелю коя прва доће,
У Ябуку высоку планину,
А кад' Тафи кньига допанула,
Кньигу чита и сузе пролѣва,
Питала га Турска була млада:
,,Што є Тафо драгій господаре?"
,,Богъ ме лоше моя вѣрна любо!
Зове мене Страиня на мейданъ,
Да непоћемъ брука и срамота,
Ако л' поћохъ моя вѣрна любо,
Већ' ме ядна нигда вићет' нећешъ,
Єръ є Страхинь' собомъ юнакъ страшанъ."
Али му є була говорила:
,,Нейди тамо драгій господаре!
Ни і' грехота слагат' каурину,
Већ' и севапъ преварит' каура,
Муха-медъ ће нѣга поразити."
Несмѣ Туре на мейданъ изаћи,
Већ' послуша свое булстине,
Пришутасе ко да неймо кньиге,
Ал' є Страхинъ дошо у Ябуку,
Те га чека тры біела дана,
Кад' Турчина на мейданъ небыло,
Поче Страхинь' мыслит' и размышлят',
Дасе на трагъ путъ Сибиня врне,
Угричићи ругаћесе ньиме;
Све мысліо на єдно смысліо,
,,Та болѣ є погинут' юначки!"
Па му на умъ на юнаке старе,
И на давне Срблѣ витезове,
Па отиде Босни земльи равной,
Тражи дворе Тафе Бошнянина,
По питаню находи му дворе;
Кад' му доће пред' біеле дворе,
Пре дворомъ му сестру находіо,
Везакъ везе подъ жутомъ неранцомъ,
А ньой Страинь' Турски селамъ дава,
Колико є силна кучка была,
Овако є зборила Страхиньи:
,,Од' отоле црный каурине!
Ты ћешъ селамъ були називати?
Ако кажемъ Тафу брату моме,
Пасю ће ти одасѣћи главу,
Ено ми га у біеле дворе,
Ђе онъ піе вино и ракію."
На ту ріечъ Страиньсе налюти,
Па і' удари єдномъ замлатицомъ,
Колико є лахко ударіо,
У глави іой поломіо зубе,
На образу ранну начиніо,

Ни на том' ѥ оставити нешђе,
Нег' іой скида ђерданъ са грроца,
У коме є хиляду дукатахъ,
А сувише бисеръ и каменѣ,
Пакъ овако були бесѣдіо:
„Нека знадешъ Турска було млада,
Нека знадешъ рука што є Србска,
Иди кажи Тафу брату твоме,
Нека дође да піемо вино,
Драга було сврь ђердана твога,
Чекамъ нѣга на авлинска врата."
Оде була грдна и крвава,
Каже Тафу милу брату своме:
„Налѣзе 'во єданъ каурине,
Ясе брате нашалила шъ ньиме,
А онъ ти ме сво нагрдіо,
Іошъ ми скиде ђерданъ са грроца,
И тебѐ є 'вако поздравіо,
Да му идешъ да піете вино,
Яданъ брате сврхъ ђердана мога,
И чека те на авлинска врата."
Кад' є сестру Тафо разуміо,
Упутсе є свом' яду сѣтіо:
„Какавъ бѣше дуго тужна была?"
Она му га бильовито каже.
„Страинь', секо, дуго грдна была!"
Паксе скочи одъ землѣ на ноге,
На се удри одіело дивно,
А на главу калпакъ и челенке,
За коимъ є седамдесетъ перахъ,
Съ Угричиђахъ седамдесетъ братахъ,
Све што ихъ є на мейданъ добіо,
Одъ мейдана узимѣ оруже,
Пак' изводи ђога одъ мейдана,
Тесе баци ђогу на рамена,
А голу є саблю извадіо,
На врата є юришъ учиніо,
Дочека га Страинь' на вратима,
Сабльомъ махну овако му рече:
„Шта ту чекашъ силанъ каурине?"
Па Страиня сабльомъ ударіо,
На глави му калпакъ пресѣкао,
Просушесе пера по долини,
Те ихъ газе коньи и юнацы,
То Страхини люто жао было,
Пак' овако Страхин' бесѣдіо:
„Ао пера пуста останула!
Я 'самъ мніо да васъ юнакъ носи,
Па срдито сабльомъ ударіо,
Уграби му иза шаке руку,
Али Турчинъ собомъ юнакъ добаръ,
Неда сабльи панут' на долину,
Нег' у леву саблю доватіо,
Дизгинъ коньскій у зубе сподбіо,
Па жестоко Страиня удара,
Удара га по прсим' юначким',
На прси му токе пресѣкао,
И сврь токахъ златну колаину,
Богъ му даде недофати меса,
Колаина пала на долину,
Ма се Страинь' наиеди люто.
„Колаино пуста останула!
Я 'самъ мніо да те юнакъ носи."
Па жестоко сабльомъ ударіо,
Те Тафину главу осѣкао,
Тад' осѣде одъ дората свога,
Те му меће главу у зобницу,
И по равни перѣ покупіо,
Златно перѣ и Турске челенке
Задѣнуо Тафи за колпака,
Ал' га себи устако на главу,
Єръ є за ньимъ седамдесетъ перахъ,
Съ Угричуђахъ седамдесетъ браће;
Іошъ безъ преше улази у дворе,
Брезъ стра Србаль Турско купи благо,
Што му ђогатъ носит' немогаше
Натовари на коня Турскога,
Па онъ свеза ђога за дората,
А дворима живу ватру примче,
Тад' отиде біелу Сибиню,
Нека има чиме платит' вино,
Да некоре нѣга Угричиђи:
„Ђе си быо Бановић' Страхиня?"
Даде главу Бан-войводи Янку:
„Ето глава Тафе Босанскога,
Кои ти є браћу погубіо,
Седамдесетъ браћахъ Угричиђахъ,
Но дай мени штоси обећао,
Дай ми Янко крило позлаћено,
И дайдеръ ми твою колаину,
И ну дай ми сестру за любовцу."
Али му є Янко говоріо:

,,Недамъ слугам' я сестрице мое!"
Ев' Страинсе люто наѣдіо,
А недакъ и съ пута дошао,
Пакъ му само мрву требоваше,
Тер' овако Янку говораше:
,,Съ кимъ ты зборишъ Сибиньско копиле?
Саблю вади да све діелимо!
Сад' евовђе и упута одма!"
Ма долеће Янкова любовца,
Што є Янка на то научила:
,,Подай Янко да га Богъ убіе,
Видишъ дасе Страхинь' налютіо,
Па ћешъ лудо изгубити главу."
Янко упутъ на шалу окрену:
,,А мой зете Бановић' Страиня,
Све ти на даръ што самъ обећао!"
И даде му сестру за любовцу,
Богъ му даде шъ ньоме породъ диванъ,
Бан'-Секула и Бан'-Михаила,
Што су Янку оба крила была,
Када год' бы до мейдана дошло.
А нек' Срба! кад' га и Богъ пази,
Да душмане онъ свакако гази —.

152.

Змай-Огнѣн-Вукъ.

(Одъ попа Рада Кнежевићъ-Бѣлопавлића.)

Загудіо сліепый Гргуре,
Загудіо на врата одъ куле,
Узъ гуслесе сліепъ разговара:
,,Фала Богу, фала истиноме!
Ал' є ведро, али є облачно,
Што су мое гусле обюжиле?!"
А вели му Анђелина люба:
,,Єсте ведро, а ніе облачно!
Што л' су твое гусле обюжиле,
Обюжиле од' сузахъ моиехъ;
Ако плачемъ и неволя ми є,
'Імалисмо єдно мушко чадо,
А проклета Ђурова Єрина,
Она га є казала Турцима,
Хоте ни га повест' клеты и Турцы."
Ньойзи вели сліепый Гргуре:
,,Чуешъ ли ме Анђелина любо!
Айде узми ты то чедо лудо,
Па га води у Леђену граду,
А на име Вукашину кралю,
Одъ мене му Богомъ побратимство,
А одъ тебе Богомъ посестримство,
Віетай му тры товара блага,
И сувише тры біела града,
Да га храни, и ода зла брани."
Понесе га ріечъ неучинѣ,
Докле дође у Леђену граду,
Донесе га къ Вукашину кралю,
Віета му Богомъ посестримство,
Одъ Гргура Богомъ побратимство,
Іошъ му дае тры товора блага,
И сувише тры біела града,
А ту іойсе кралѣ одговара:
,,Немогу ти чадо прифатити,
Страхъ ме цару е ћус' омразити."
На трагсе є плачући вртала,
Докле дође на свое дворове,
Па кажућ сліепом' Гргуру;
Опетъ Гргуръ ньойзи говораше:
,,Нос' га опет' у Леђену граду,
Віетай му петъ товорахъ блага,
И сувише петъ градовахъ моихъ."
Понесе га опет' у Леђену,
Докле дође у Леђену граду,
Віета му Богомъ посестримство,
Одъ Гргура Богомъ побратимство,
Іошъ му дае петъ товарахъ блага,
И сувише петъ бѣлихъ градовахъ,
Єдва іой га кралѣ прифатіо;
Она пође на свое дворове,
А краль рани то діете лудо,
Кад' діете бѣше одъ крштеня,
Доведоше и попа и кума,
Те крстише оно дѣте лудо,
Дивно су му име изабрали,
Дивно име Змай-Огнѣный Вуче,
Кад' онъ бѣше одъ године двіе,
Кано друго е одъ петъ годинахъ,

Кад' имаше петъ годинахъ данахъ,
Како друго одъ десетъ годинахъ,
Кад' напуни до десетъ годинахъ,
Поче носит' свіетло оруже,
Па иђаше на мейдане често,
А своесе стигнуо памети;
Єдномъ кралю коня доватіо.
Па се тури коню у рамена,
Е га игра подъ Леђеномъ градомъ,
Догони га до біеле куле,
А изиде кралѣва краљица,
И нѣмусе низско поклонила:
„Скинсе съ коня огнянитый Вуче,
Ево теби одъ злата кошуля!“
За то Вуче необрће главу,
Но біяше коня мамузама,
Догони га до біеле куле,
А изиде Вукашине кралѣ,
И говори Огняниту Вуку:
„Скинсе съ коня огнянитый Вуче!
А ево ти о злата ябука.“
За то Вуче необрће главе,
Него Вуче тако говораше:
„А ђаволе све бабово благо!
Ђе изѣдохъ благо и градове
А у мало данахъ и годинахъ?!“
Нѣму вели Вукашине кралю:
„Скинсе съ коня огнѣвитій Вуче,
Просто тебе благо свеколико,
И просто ти біели градовы!“
Таде коня одяхуе Вуче,
Па се бѣше поклоніо кралю,
Целива' га у скутъ и у руку;
А вели му Вукашине кралю:
„Чуешъ ли ме Змай-Огнѣный Вуче!
Дай ты мене божу вѣру тврду,
Ако бы ми быо за потребу,
Да ми дођешъ на неволю Вуче.“
Нѣму Вуче божу вѣру дае,
Да га нигда заборавит' неће.
Пакс' отоле Вуче подигнуо,
Здраво дође на свое дворове,
Оно доба стаде неколико,
Купи войску Вукашине кралю,
Те онъ хара цареве градове,
Докле Сплету дође біеломе:
Краль га біо тры мѣсеца данахъ,
Неодби му клака ни пржине,
А некали да онъ града прійми,
Но одъ яда ни живѣт' неморе,
Одъ некака попа Сплећанина;
Свако ютро сіече му войску,
Докле кралю стаде бѣжат' войска.
Краль є ситну кньигу накитіо,
Те є шилѣ огнѣвиту Вуку:
„Знашъ ка' сисе мене зафаліо!
Да ме нигда заборабит' нећешъ,
Ходи дођи Сплету біеломе!“
Кньига доће Огняниту Вуку,
Е онъ хита ноћу безъ мѣсеца,
У самнуће подъ градъ доходіо,
Па найкрайный чадоръ разапео,
Подъ шаторомъ піе руйно вино:
А кад' савну и огрія сунце,
Али вели попе Сплећанине,
Те онъ своіой люби бесиђаше:
„Хайд' изиди горѣ на чардаке!
Те ты преброй кралѣве шаторе,
Є ли кои манѣ осамнуо.“
Гор' изиде ріечъ неучинѣ,
А преброи кралѣве чадоре,
Ал' є више єданъ осавнуо,
И под' ньиме єдно чадо лудо,
Да є лѣпше одъ ябуке златне,
Па потрча попу у одаю,
Па му што є и како є каже,
Іошсе нѣму тврдо замолѣла,
И тврђе га бѣше закумлѣла:
„Немой оно чадо изгубити!
Но води га на наше дворове,
Да ни ђецу у бешику шика.“
Попъ узаха коня дебелога,
Па изиде на врата одъ града,
Колико є силанъ и біесанъ,
На коня є ноге прекрстіо,
А игра га полѣмъ зеленіемъ;
Но скочіо Змай-Огняный Вуче,
Хитіосе коню на рамена,
Онъ поћера попа Сплећанина,
За перчинъ га жива уфатіо,
Сабльомъ махну осѣче му главу,
Понесе є Вукашину кралю,

Те ѥ бѣше нѣму даровао!
Доксе кралю халакнула войска,
Похараше біелога града,
И здравосе отле повратише,
Свакъ на свое пођоше дворове.
Вѣрну другу вѣра и помаже,
Богъ є вѣра, о Богу є душа,
И мы дружбо здраво и весело! —.

153.

Марковъ ловъ.
(Одъ Госпаве Морачке, дѣвойке.)

Подраніо Кралѣвићу Марко,
Подраніо у ловъ у планину,
Немолисе Богу и неђельи,
Но отиде ловъ ловити зоромъ;
Ловъ ловіо тры біела дана,
Ловъ ловіо, ништа недобіо,
Паксе врну на трагъ низъ планину,
А кад' быо на воду Ябуку,
Атос' нешто зася у Ябуку;
Марко глену у воду студену,
Ал' у води змію сагледао,
Змія мусе коня прифатила,
Пенѣ мусе усъ коня Шарінна,
Паксе съ коня Марка прифатила,
Око грла Маркусе обвила,
Обвиласе седамнаесъ путахъ;
Отле Марко нисъ планину крену,
Па кадъ брже своме двору дође,
Онъ са Шарца свога несяхуе,
Но дозива майку Євросиму,
Да іой каже шта є уловіо,
А кад' майка змію сагледала,
Она бѣжи у біеле дворе,
А остави свога сына Марка,
Да га змія за грроце стеже;
Опетъ зове Кралѣвићу Марко,
Зобе баба Вукишана краля,
Да прифати што є уловіо,
Уловіо нѣговъ сыне Марко,
Кад' изиде Вукашине кралѣ,
А предъ свою пребіелу кулу,
И кад' виђе змію око Марка,
Плеђи даде а бѣжати стаде.
Опстъ Марко силно повикуе,
Довикуе у дворове бѣле,
А на име свою вѣрну люби:
„Изађде ми Видосава любо!
Да ми пріймишъ штосамъ уловіо.“
Кад' изиде люба Видосава,
Кад' сагледа свога господара,
Она писну изъ грла біела,
Па сестрими ону змію люту:
„Богомъ сестро шаровита гуіо!
Опрости ми мога господара,
Господара Кралѣвића Марка!“
А съ Марка іой змія проговара,
Нроговара него Кралѣвићу:
„Айде на трагъ опетена Марко,
Носи мене горы у планину,
Окле си ме Марко шићаріо.“
Нейма куда Кралѣвићу Марко,
Већ' обрну Шарца одъ Мейдана,
Онъ отиде опетъ усъ планину,
А кад' дође на воду Ябуку,
Отидесе одмотават' змія,
И Кралѣву бесѣдити Марку:
„Знай ме добро Кралѣвићу Марко!
Я 'самъ тебе поклонила люби,
А небысе главе наносіо,
Акамоли ловъ ловіо лахкій,
По планини у свету неђелю.“
Сиде змія у воду заплива,
И Маркосе ньойзи куніяше:
„Хоћу пазит' любу и неђелю,
Пазит' болѣ одъ очнѣга вида!“

154.

Муке за вѣру.
(Одъ Луке Шћепанова Ровчанина.)

Ловъ ловіо Поповићъ Іоване,
Ловъ ловіо тры біела дана,
Ловъ ловіо ништа недобіо,
Отолесе дома повратіо,
А кад' быо прозъ гору зелену,
Онъ запѣва танко гласовито,

Колико є запѣвао дневно,
Тосе чудо чакъ до цара чуло,
Па говори царе Сулеймане:
„Чуете ме дванаесъ деліяхъ!
Уватите Поповић' Іована,
Но немойте погубит' Іована,
Жива къ мени нѣга доведите."
Брже оде дванаесъ деліяхъ,
Уфатише Поповићъ Іована,
Доведоше своме цару жива,
Па му вели царе Сулеймане:
„Потурчисе Поповићъ Іоване!
А даћу ти тры товара блага'
И даћу ти на Босну везирство
Безъ промѣне за нашег' віека."
Но вели му Поповићъ Іоване:
„Чу ли мене царе господаре!
Ясе небыхъ царе потурчіо,
Потурчіо Христа погрдіо,
Да ми дадешъ и шесъ товар' блага,
Да ми дадешъ и све твое царство,
И да б' знао да ћу погинути,
На мукама душу испустити."
То є цару врло жао было,
Пакъ оправи дванаесъ Туракахъ,
Овако є ньим' заповидіо:
„Двіе ватре наложите живе,
Међу ватре Іова положите,
Нексе мучи, кадасе нетурчи!"
Турцы цара брже послушаше,
Наложише двіе ватре живе,
Ядна Іова међу ньихъ ставише,
Ту долази Іованова майка,
Іошъ Іована жива застанула,
За своесе лице дофаташе,
Низъ лице іой крвца теціяше;
Теръ Іовану майка бесѣдила:
„Потурчисе мой жалосный сыне!
Потурчисе ако знадешъ Бога!"
То іой ништа Іованъ неслушаше,
Но на майку криво погледаше,
Горіяше гласа непушташе;
Майка оде двору біеломе,
А кад' было ютро освануло,
Подрадила майка Іованова,
Да покупи Іованове кости,
Да ихъ стави у своя нѣдарца,
Да ѥ желя одъ Іована мине;
Ал' ту самас' оградила црква,
У ньой Іованъ пѣва Летурђію,
А на нѣму одъ злата одежда,
Шъ ньиме бѣху тры анђела божя,
Кад' ѥ виђе Поповићъ Іоване,
Онъ є старой бесѣдіо майцы:
Неид' амо стара моя майко!
Ты си люто Богу згріешила,
Рекла си ми дасе я потурчимъ."
На трагсе є стара повратила,
Дасе кае што є учинила,
А посветис' Поповић' Іоване,
Тер' ако є и заслужіо є.

155.

Корѣнићъ.

(Одъ Петра Вуксанова Морачанина.)

Одкако є Турчинъ настануо,
Ніе больій юнакъ постануо,
Него што є быо настануо
У питомой Жупи Корѣнићкой,
Младо Момче Османъ Одабаша;
Нейма нѣму до двадесть годинахъ,
Двадесть и петъ посѣко є главахъ,
А толико има челенакахъ,
Алсе бѣше Османъ оженіо
Одъ Никшићахъ одъ Мустафагићахъ,
Па га кори біела кадуна:
„Ты Османе милій господаре!
Веле Турцы ђе си юнакъ добрый,
Ама ти є больина залуду,
Некће отист' до Никшића града,
До твоега таста и пунице,
Да те виде Никшићке ѓазіе
Одъ Никшића крвавога града."
Таде нѣга изѣде срамота,
Покупіо седам-осамъ другахъ,
Све по мачу и по џевердану,
Све на ньима ћурцы и кауцы,
И злаћене токе о тры оке,
А великіи коньи седленицы:

Бы рекао и бысе заклео,
То све Аге єсу и Беговы.
Окренуше граду Оногошту,
А кад' краю у Рудине были
Ту ихъ біо данакъ оставіо,
А тавна ихъ ноћца прифатила,
Па ту оны конѣ одяхаше,
И жестокіи огань наложише;
Но другасе чета намѣрила,
Намѣрила близо у Рудине,
А одъ Кчева са средъ Горе-црне,
Предъ томъ четомъ Симо харамбаша,
За ньимъ тридестъ и четиры друга;
У Рудине огань угледаше,
Окол' огня Турцим' чатисаше,
Таде рече Османъ булюбаша:
,,Одкакосамъ юнакъ настануо,
Своме самсе срцу зарекао,
Е погинут' безъ замѣне неђу,
А ноћаске хоћу погинути."
У ріечи кад' ю говораше,
Црногорске пушке запуцаше,
А пламенныи ножи сіевнуше,
Те имъ осамъ главахъ посѣкоше,
Узеше имъ конѣ и оружѣ,
И велике ђурке и кауке,
И на домсе здраво поврнуше,
Сви дођоше ломной Горы-црной,
Сви дођоше здраво и весело,
На дружину діелише благо.
Ово было, кадсе и чинило,
И каконо и данъ данасъ быва.

156.

О смрти младог' Цар'-Уроша.

(Одъ Радована Милошева Ровчанина.)

Драгій Бого чуда великога!
Штосе чуе у Призрену граду,
Ал' є жалость, ал' радость велика?
Радостъ ніе у Призрену граду,
Но добрасе жалостъ догодила,
Престалясе Милутине царе,
А одъ нѣга нико неостае,
До Милица млада удовица,
И младъ Урошъ одъ двіе годинe;
Тусе купи Србія господа,
Оны свога жале господара,
Дође на ньга старый Юг-Богдане,
Са све сынахъ деветъ Юговићахъ,
И долази войвода Милошу,
И долази Реля одъ Пазара,
И долази Топлица Милане,
Съ побратимомъ Косовацъ Иваномъ,
И дођоше тры Мрнявчевића,
Долазіо Гойко и Углѣша,
Іоште шъ ньима Кралѣ Вукашине,
А са сыномъ Маркомъ...Дервишиномъ;
И долази Іосифъ Проигумне,
Одъ біеле цркве Раванице
Шъ нѣговіемъ ђакомъ Міаиломъ.
Господасе Српска искупила,
И найпотлѣ старацъ Арсеніе,
Старый старацъ Патріаре Србскій,
Оны свога жале господара,
Ал' бесѣди старый Юг-Богдане:
,,Господаре Милутине царе!
Ты 'си мучанъ хоћешъ умріети,
А шта ти є царе найжаліе?
Я л' Призрена града біелога,
Яли блага твога големога,
Ял' Милице младе удовице?"
,,Я нежалимъ тога ни єднога,
До Уроша сына маинога,
Пейма коме царство останути."
Нѣму вели старый Юг-Богдане:
,,Ево доста Србскіе войводахъ!
Остави га на єдну войводу
У аманетъ доба неколико,
Докле сташе діете Урошу."
Све мысліо царе Милутине,
Па смысліо комеће га дати,
Онъ га даде кралю Вукашину,
Урошеву истоме уяку,
На ханаметъ за седамъ годинахъ,
Докле сташе діете Урошу;
У томесе царе преставіо,
Вукашина краля оцарише,
Тако стаде доба неколико,

Омахъ проће то седамъ годинахъ,
Узъ то седамъ іоште седамъ проће,
Докъ ћетету шеснаесъ годинахъ,
За краљство му нико ни хабера,
Стадоше га корити войводе;
,,Кам крайство краля баба твога?"
Урошъ пита све Српске войводе,
Неима ли кои за свѣдока:
,,Кадсе кралѣ бабо преставіо,
На коме є круну оставіо?"
Докле старцу доће Юг-Богдану,
На име му све войводе каза,
Кое те му быти за сѣдоке,
Па онъ нѣга бѣше оправіо,
Те войводе Српске искупіо,
А Богданъ имъ приправи вечеру;
Господасе Србска искупила,
Искупила и обѣдовала,
Таде скочи діете Урошу,
Па закуми свачим' на світу:
,,Кадсе царе бабо преставіо,
На коме є круну оставіо?"
Свакій мучи ништа неговори,
Тексе диже Марко на колѣна;
Ко знаваше казат' несміяше,
Ко сміяше оны незнаваше,
Таде Марко ньима бесѣдіо!
,,Царева є круна останула
У мог' баба краля Вукашина!"
А кад' зачу кралѣ Вукашине,
Остру свою саблю извадіо,
А одъ землѣ на ноге скочіо,
Поредъ нѣга Гойко и Углѣша,
Шћаше посѣћ' Марка сына свога!
Марко скочи одъ земѣ на ноге,
Поредъ Марка Реля и Милошу,
Заистосе посѣћи оћаху,
Но скочише све войводе Сербске,
Те у томъ ихъ дивно насулише,
А окуми діете Урошу,
Онъ своега окуми уяка,
Окуми га и кумовао му,
Да му даде круну баба свога:
Нѣму даде круну Вукашине,
Даде му є и честита му є,
Сва честита Србія остала,
Па на томсе были разметнули.
Тако стаде време по времену,
Али куме о невѣры ради,
Своме куму и своме нећаку,
Како бы му изгубіо главу,
Паксе добро бѣше домысліо;
Дигаосе у ловъ у планину,
И онъ зове свог' Уроша кума,
Отидоше скупа у планину,
Ловъ ловише ништа недобише,
Докъ имъ добро одолѣла жећа,
Вратишесе на трагъ нисъ планину,
Оны тіо наћоше єзеро,
Краль Вукашинъ коня одяхао,
Тесе воде хладне напоіо;
Таде рече діете Урошу:
,,Садъ ты држи два коня витеза."
Вукашинъ є конѣ прифатіо
Урошъ стаде пити жеданъ воду,
Краль довати балту одъ олова,
Те своега кума ударіо,
Удари га за уво юначко,
Васъ му просу по долини мозакъ,
А єзеро крвца замутила;
Кад' Урошу душа испанула,
Вукашинъ га узео за ногу,
Те га вуче долѣ низа страну,
Па зъ долине на плећи га узе,
У гору га носи напріеко,
Донесе га у кладе єлове,
Затрпа га шушлѣмъ и жлѣмышлѣмъ...
Па вргъ нѣга крлѣ и каменѣ,
А найпотлѣ єловине гране,
Дасе незна ни трага ни стрва;
Самъ отоле Вукашинъ отиде,
А кад' быо стойноме Призрену,
Нѣга сестра са куле виђела,
Виђе да шъ ньимъ неймаде Уроша,
Што виђела тосе осѣтила,
Е є нѣга уякъ изгубіо,
Кукаюћи пошла усъ планину,
Тражи сына за нећелю данахъ,
Ни шта єла ни ти воде пійла,
Докле доће тіоме єзеру,
Шћаше воде пити са єзера,
Ал'...? єзеро крвю замућено,

Око нѣга крвца покапала,
Осѣтисе, ту да погинуо,
Па га долѣ тражи нисъ планину,
Докле бѣше трага изгубила,
Сумице га по планини тражи;
А кад' была у найчешће єлѣ,
Погледнула узъ єлу зелену,
Али сѣде четиры анђела,
А Урошъ ихъ двори на ногама,
Біяшесе Урошъ посветіо.
То кад' видла на трагъ побѣгнула,
Све бѣжећи у Призренъ є дошла,
Она дође царском' намастыру,
Она каза старцу проигумну,
А игуманъ викну свештенике,
Те одоше горе усъ планину,
И нађоше младог' цар-Уроша,
Тіело му цѣлокупо бѣше,
Есе Урошъ быо посветіо;
Ту молитве млоге учинише,
Однесоше г' царском' намастыру,
Узлаћенъ га ћивотъ заклопише,
У коме ће мирно почивати,
Ал' му неће кум-уяче нигда
Починути одъ Бога єднога,
И одъ Бога и народнѣ клетве,
Кои уби кума и сестрића
А за круну за земальско благо.

157.

Мостарацъ.

(Одъ попа Андріе Драговића изъ горнѣ Мораче.)

Пошетао Павле куюнџія
По Мостару челеби-пазару,
Исподъ куле Ибра капетана,
На Павлу є дивно одіело,
Одіело па га подніело,
Гледала га Хадиђар-Хайкуна,
Гледа Павла са высоке куле,
На Павласе хашикъ учинѣла,
Коликосе хашикъ учинила,
За грлосе рукомъ доватила,
Те искида злаћена ђердана,
Пакъ є ђерданъ у нѣдра сасула,
А робыню свою дозивала:
„О робиньо моя слуго права!
Ну отиди подъ біелу кулу,
Те ми зови куюнџію Павла,
Нек' изиде на біелу кулу,
Право къ мене у шикли-одаю,
Е 'самъ злаћенъ ђерданъ искидала.“
Робиня є хитро послушала,
Па отиде подъ біелу кулу,
Па бесѣди куюнџіи Павлу:
„Айде Павле на біелу кулу!
Зове тебе Адиђар-хайкуна,
Е є злаћенъ ђерданъ искидала.“
Стаде мыслит' куюнџія Павле,
„Зло непоћи, а горе недоћи!“
Све мысліо на єдну смысліо:
„Хоћу поћи ако нећу сићи.“
Пакъ отиде на біелу кулу,
А кад' дође у шикли-одаю,
Ту Хайкуна сѣди на миндеру,
На миндеру ноге прекрстила,
А ђубекли-тутунъ запалила,
Па кад' виђе куюнџію Павла,
Ондай Павлу ріечъ говорила:
„Сѣди Павле на душека мехка!“
Сѣде Павле на край одъ душека,
Хайкуна є ђерданъ извадила,
Те га даде куюнџіи Павлу,
Гледа Павле злаћена ђердана,
Пакъ Хайкуни ріечъ проговара:
„О Хайкуно, майка ти кукала!
Великъ ти си зіянъ учинила,
Одъ педесетъ жутіе дукатахъ,
Немогу га лакше направити.“
Ал' Хайкуна ріечъ проговара:
„Прођсе Павле врага и ђердана!
Но примаксе къ мене на душека,
А да мое ты облюбишъ...лице!“
То кад' зачу куюнџія Павле,
Павле бѣше срца юначкога,
И сувише рода госпоскога,
Пакъ онъ скочи на ноге лагахне,
Те побѣже низъ біелу кулу;
Ражлютисе Рузиђар-Хайкуна,

Па скочила на ноге лагахне,
У пенџеръ є ногомъ ударила,
Те проломи срчали пенџере,
А повикну изъ грла біела
Свога брата Ибра капетана:
,,Ђе си Ибро мой брате одъ майке!?
Облюби ме куюнџія Павле,
Облюби ме влашче на срамоту!
Искида ми злаћене ђердане,
А проломи срчали пенџере.“
Намѣрисе Ибро капетане,
Намѣрисе у механи винской,
Ибро піе съ іолдашима вино,
Зачу Ибро у механи винской,
Зачуо є яде одъ сестрице,
Пакь одъ землѣ на ноге скочіо,
Кад' изиде предъ механу Ибро,
Погледао градомъ и калдрмомъ,
Виђе бѣжи куюнџія Павле,
За ньимесе Ибро напуштіо,
Доцканъ пођс а стиже га брзо;
Виђе Павле е ће погинути,
Пакъ онъ стаде клетисе Турчину;
,,Ніесамъ ти сестру облюбіо!
Живота ми нѣна и моега!“
Іошъ оћаше бесѣдити Павле,
Недаде му Ибро капетане,
Већ' изтрже свієтла ханџара,
Шћаше Павлу да окине главу,
А кад' виђе куюнџія Павле,
Савіясе земльомъ и калдрмомъ,
Єдномъ рукомъ за прси Турчина,
Другомъ рукомъ ухити ханџара,
Ячій быо Павле одъ Турчина,
Те Турчиномъ удри о калдрму,
Па му русу осієче главу,
Па побѣже градомъ и калдрмомъ,
Докъ пукоше на граду топовы,
И лубарде на четиры стране,
За Павломсе потѣчъ отиснула;
Но докъ Турцы на дно поля были,
Павле имъ є у средъ поля быо,
Доксу Турцы у средъ поля были,
Тада Павле горы прибрехао,
И утече у гору зелену,
А изъ горе у Приморѣ равно,
Изъ Приморя кньигу оправіо,
Оправи ѥ у Мостара града:
,,Чуѣте ли одъ Мостара Турцы!
Ево има тры године данахъ,
Како любимъ Адиђар-Хайкуну,
Оправите мене мое благо,
Оправте ми Адиђар-Хайкуну,
На Иброву дебелу ђогину;
Ако ли ми оправит' нећете,
Оправити благо и Хайкуну,
Хайте Турцы мене на мейдана,
Бирайтесе ком' є вама драго!“
Кадъ Турцима гласъ и кньига дође,
Те вієћу Турцы вієћали,
Вієћали за неђелю данахъ,
И овако Турцы одлучили:
,,Ніе было болѣга юнака
Одъ нашега Ибра капетана,
Онъ съ оружѣмъ Павле безъ оружя,
Пакъ му русу осієче главу,
Ко ће изић' на мейдана Павлу?!
По да шлѣмо благо и ђевойку,
Влашче іойсе срца... дофатило,
Вет' Хайкуна ніе за Туракахъ!“
Па Павлово благо оправише,
Оправише Хадиђаръ Хайкуну,
На Иброву претилу ђогину,
Оправише Павлу у Приморѣ,
Те Хайкуну покрстіо Павле,
Покрстіо и вѣнчао за се,
У Приморѣ направіо кулу,
Да ѥ такє ни у Мостаръ ніе,
На ньой люби Адиђаръ Хайкуну;
Хоће Павле весела му майка,
Весела му майка и Хайкуна,
Та Миляна Мостарка крштена! —.

158.

Млогостручна невѣра.

(Одъ Игумна Мойсія Васоевића изъ Мра Ђурђевієхъ ступовахъ.)

Сви юнацы Србскіи заплакаше
На проклета Вукашина краля,

Што Уроша свога цара уби,
Те затріе племе Неманьића,
Србской слави зло наметну име,
И душмане тулит' ю научи;
За нѣгово врашко умышлѣнѣ,
Самъ поштенѣ изгуби найпослѣ,
На Марицу съ Турцим' ратуюћи,
Ђе изгуби Србе изабране,
И съ два брата свою русу главу.
Іошсе Србска слава неугаси,
Десница є и брани и гласи!
Но Србима зла зададе више
Кадсе Вуче Турцим' придружіо,
И сву крепостъ наружіо Србску,
Свога цара издаде Султану,
А у Србе Деспотомъ настану,
Витезове обрати у робе,
Да Турчину свом' душману служе;
Ал' ево му вѣре у Турчина,
Како сврши на Вукова сына!
По имену Деспотовићъ Ђура!
Шћеръ Марицу узе за царицу,
Обрну ѥ себ' за робиньицу,
То му првыи за издаю дары;
Па Султану и то небы доста,
Єра власти у Србина оста,
Но дозивѣ два Ђурова сына,
Обоицы очи извадіо,
Сліепе ихъ Ђуру оправіо,
А кад' Ђуро ђецу сагледао,
Како ихъ є царе даровао,
Онда кньигу цару оправіо,
У кньизи му вако говоріо:
„Султанъ царе драгій господаре!
Камо хатаръ Вука баба мога?
Два смо тебе добра учинѣли,
Што ти нитко ніе учиніо:
Издасмо ти Лазарево царство,
И Марицу дасмо за царицу,
Ты намъ даде Божу вѣру тврду,
Да ни хилле учинѣти нећешъ,
Но да ћемо съ тобомъ друговати,
Надъ Србима мы господовати,
Па што си ми ђецу наградіо?“
Али царе Ђуру одговара:
Што издасте царство на Косово,
Ваше царство а моему Отцу,
То сте себе горе учинили,
И подъ саблю мене запанули;
Што Марицу дасте за царицу,
Дали бы ѥ одъ мене гређему,
Штосамъ тебе дѣцу наградіо,
И то си ты собомъ заслужіо,
Кад' уфати одъ Сибиня Янка,
Па га пушти те ми га непрати.
Но самъ чуо, и кажу ми люди,
Ты да имашъ двіе вѣрне слуге,
Првог' слугу Змай-Обрчић'-Рада,
И другога ускок' Радоицу,
Пошльи ми ихъ у Стамбола Ђуро.“
Каде Ђуру ситна кньига дође,
Онда цару другу одписуе:
„Мене дома Радоице нейма,
Отишо є светой Горы нашой,
И тамосе покалуђеріо;
А Рада ти оправит' немогу,
Єръ ме царе послушати неће,
Ты да дођешъ Смедереву моме,
Небы мого уфатити Рада
Ни повести силомъ у Стамбола.“
А кад' цару така кньига дође,
Опет' царе Ђуру отписуе:
„Копиляне Деспотовић' Ђуро!
Пошльи мене Змай-Обрчић'-Рада,
Самъ ћу наћи ускок' Радоицу;
Ако ли га оправити нећешъ,
Я ћу силну покупити войску,
Смедерево огнѣмъ изгорети,
Тебе Ђуро жива уфатити,
На муке ти душу извадити.“
Каде Ђуру ситна кньига дође,
Гледа кньигу грозне сузе валя,
Люто Вука баба куніяше:
„Богъ т' убіо бабо Бранковићу!
Земля твое кости изметала,
Вѣчно мучна твоя душа была,
Што издаде таста у Косово,
И све Србске юнаке одъ моћи,
Тер' ихъ ніе данасъ у помоћи;
Єръ вѣрова своме душманину,
Што не саденъ мысли затріети,
И сву Србску славу погасити?!“

Ђура гледа проклета Єрина,
Па є нѣму ріечъ бесѣдила:
„Што є тебе Ђуро господаре!?
Каква те є жалостъ обузела?
Сузе ліешъ свое лице міешъ!“
Ал’ Єрины Ђуро бесѣдіо:
„О Єрино моя половино!
Ядно ми є, да га Богъ убіе,
Очи л’ неймашъ, ол’ ньима негледашъ?
Лоша ми є кньига допанула
Одъ Стамбола одъ цара Турскога,
А нашега зета несретнога
Да му пошлѣмъ Змай-Обрчић’-Рада,
Ако неђу, погинути хођу,
Смедерево огнѣмъ изгорѣти;
А я Рада оправит’ немогу,
Самъ да пођe послушат’ ме неће,
Немогу га ни силомъ послати.“
Ал’ Єрина Ђуру проговара:
„Послушай ме Ђуро господаре!
Ты покупи слуге на вечеру,
Я ђу дати пиво свакояко,
Опоиђу Змай-Обрчић’-Рада,
И пяну ђу савезати руке,
Савезана цару оправити.“
Тако Ђуро послуша Єрину,
Те покупи слуге на вечеру,
Єрина имъ пиво приносаше,
Докъ опои Змай-Обрчић’-Рада,
Главомъ паде на трпезу Раде,
Кад’ то виђе Деспотовићъ Ђуро,
Испредъ нѣга софру одмакнуо,
Самъ простире мекахна душека,
По душеку опружіо Рада,
Па отиде на кулу біелу,
Жарке сузе рони и пролива,
А Єрина слуге дозиваше,
Да савежу Змай-Обрчић’-Рада.
Слуге веле проклетой Єрини:
„Дасе Раде юче преставіо,
Мы га данасъ небы дофатили,
Акамо ли жива свезат’ смѣли.“
Таде скочи проклета Єрина,
Те донесе синциръ гвожђе тешко,
Заклапа га око грла Раду,
А на ноге гвожђе букагіе,
И на руке люте билензуке;
Па кад’ самну и сунце ограну,
Разбудисе Змай-Обрчић’-Раде,
И кад’ виђе штосе учинило,
Тешко га є гвожђе освоило,
Онсе кули до прозора вуче,
Те съ прозора гледа у стобора,
И угледа Деспотовићъ Ђура,
Ђе і’ два добра коня опреміо,
И ту сѣди сузе проліева,
Ал’ є Раде Ђуру бесѣдіо:
„Господаре Деспотовићъ Ђуро!
Што си мене гвожђемъ утврдіо,
Када самъ ти тако згріешіо?“
Ђуро трчи на кулу біелу,
Свуче Рада на Дишер-авлію,
Па га тура на вранца свезана,
Ал’ му Раде опет’ бесѣдіо:
„Кажи мене Ђуро господаре,
Куд’ си са мномъ данасъ науміо?“
Ђуро рече: „цару у Стамбола!“
Пакъ му рече Змай-Обрчић’-Раде:
„Господаре Деспотовићъ Ђуро!
Пушти мое пребіеле руке!
Да я узмемъ одъ боя оруже,
Немой мое изгубит’ юнаштво,
А даемъ ти божу вѣру тврду,
Самъ ђу съ тобомъ у Стамбола пођи.“
Тад’ га пушти Деспотовићъ Ђуро,
Раде пође свом’ біелу двору,
Предъ дворе є вранца одяхао,
Вѣрна му га прифатила слуга,
Онъ изиде на танахну кулу,
Обукуе дивно одіело,
По тіелу одъ свиле кошулю,
По кошульи люте панціере,
Да му сабля наудит’ неможе,
Па по врх’ ньи дибу и кадифу,
А на главу самуръ капу ставя,
И за капу тридестъ челенакахъ,
Кое трепте ко драго-каменѣ;
Паше саблю сподби топузину,
Сиде брже низъ біелу кулу,
Обѣси ѥ о ункашу вранцу,
Пакъ пояха вранца одъ мейдана,
Устуріо коплѣ на рамена,

Оде двору Деспотовићъ Ђура,
Ђуро готовъ коня пояхао,
Отидоше друмомъ зеленіемъ,
А кад' цару были у Стамболу,
Подъ Диванъ су конѣ разяхали,
На ункаше узде устурили,
Пуштише ихъ у Дишер-авлю,
Терсе коньи са ми проваћаю.
Ђуро пође цару на Дивана,
За ньимъ иде Змай-Обрчић'-Раде,
И царусе смѣрно поклонише,
Па предъ цара у Диванъ стадоше,
Царъ тад' рече Деспотовић' Ђуру:
„Камо Ђуро Змай-Обрчићъ'-Раде!?"
Ђуро рече: „Ево, царе, Раде!"
А царъ таде Ђуру бесѣдіо:
„Хайд' нелажи Деспотовићъ Ђуро!
Ово ніе Змай-Обрчић'-Раде."
Раде рече цару честитоме:
„Дай ми царе стотину Туракахъ,
Да идемо у полѣ широко,
Дасе мало шъ ньима поиграмо,
Да ты познашъ Змай-Обрчић-Рада!"
Али цару друга быт' неможе,
Но истури стотину Туракахъ,
Раде яше вранца одъ мейдана,
Одъ оружя ништа неузима,
Теке бойно копѣ на рамена,
Па изиде у полѣ широко,
А съ Турцима кавгу заметнуо,
Покрай себе копѣ положіо,
У бойна ихъ седла прибадаше,
А мртве ихъ земльи обараше,
Докъ разагна стотину Туракахъ;
Ал' то царе гледа са Дивана,
И Радесе къ нѣму поврнуо,
Предъ цара є Диванъ учиніо,
Па є Ђуро цару бесѣдіо:
„Ево царе Змай-Обрчић'-Рада!"
Царъ є Ђуру опет' бесѣдіо;
„Хайд' нелажи Деспотовић' Ђуро,
Ніе ово Змай-Обрчић'-Раде!"
Ал' є цару Раде говоріо:
„Пошльи царе двестотин' Туракахъ,
Дас' у полю са мномъ огледаю,
Па ћешъ познат' Змай-Обрчић'-Рада!
Царе пушти у Стамболъ телара,
Те искупи двѣ стотин' Турака,
Изидоше у полѣ широко,
И за ньима Змай-Обрчић'-Раде;
Одъ оружя ништа неузео,
Тек' у руку топузину тешку,
Ћера Турке тамо и овамо,
Све ихъ гађа тешкомъ топузиномъ,
Млогіи мртвы по земльи падоше,
А осталіи грдны утекоше;
И то гледа царе са Дивана,
Опет' Раде на диванъ изиде,
Царе Ђура гледа попріеко:
„Копиляне Деспотовићъ ђуро!
Ніе ово Змай- Обрчић'-Раде,
Сад' ћу твою окинути главу!"
Налютисе Змай-Обрчић'-Раде,
За oструсе саблю дофатіо,
И цару є люће бесѣдіо:
„Немой карат' господара мога,
Єръ можемо кавгу извадити,
Но избери пестотин' Туракахъ,
Ђегођъ знадешъ у Стамболъ юнака,
Дасе са мномъ полѣмъ поћераю,
А да познашъ Змай Обрчић'-Рада."
Царе пушта у Стамболъ телала,
Те покупи петъ стотин' Туракахъ,
Ђегођъ знадде коня и юнака,
Изидоше у полѣ пространо;
Раде яше вранца одъ мейдана,
Све понесе одъ боя оруже,
Па изиде у полѣ широко,
Колико л'се Раде налютіо,
У Турке є юришъ учиніо,
Стотину є на копѣ набіо,
А стотину топузомъ побіо,
А стотину сабіомъ изгубіо,
А стотину вранцемъ погазіо,
И стотину савезао живе,
Пакъ ихъ води цару по Дивану,
Пушти вранца иде на дивана,
Непотура свіетла оружя:
Но коликсе Раде наѣдіо,
За рамо є брке затуріо,
Саставіо самуръ са веђама,
Десну руку на саблю туріо.

Пріе цара ріечъ бесѣдіо:
„Позна л' царе Змай-Обрчић'-Рада?!"
Царъ є таде Раду бесѣдіо:
„Валахъ єси за кога те кажу!
Но неђ' лисе потурчити Раде?
Везиромъ быхъ тебе учиніо,
Дао быхъ ти неброено благо,
У Стамболъ ти дворе начиніо,
Покрай двора цара честитога."
Ал' є Раде цару бесѣдіо:
„Небыхъ тисе царе потурчіо,
Да ми дадешъ твое цpraванѣ."
Царъ Ацемски виче на целата,
Да Радову посіече главу,
И одиста изгубит'-га шћаху,
Зашто Раде Ацемски незнаше,
Да-злу свомe надас' испріека,
Ал' ту бѣше ускокъ Радоица,
Те бесѣди Змай-Обрчевићу:
„Потурчисе Змай-Обрчић-Раде!
И менесу скоро потурчили,
Име дали Дели-Радоица,
Друго име Ђаур-Папаз-паша,
Треће брате обрнисе за се!"
Кадсе Раде на трагъ обрнуо,
Примаклисе дванаесъ целатахъ,
Голе носе палле у рукама,
Тад' и Раде свою саблю трже,
Те изгуби дванаесъ целатахъ,
И до цара дванаесъ везирахъ,
Іошъ хоћаше цара изгубити,
Ал' утече у кафезъ цакленый,
Султаніе затворише врата;
Раде Ђура за руку прифати,
Изиђоше долѣ у авлію,
А на добре конѣ посѣдоше,
За ньим' иде ускокъ Радоица,
Богомъ куми: „Неостав' ме Раде!"
И нѣг' Раде за руку дофати,
За Ђуромъ га на коня бачіо,
Пакъ є остру саблю повадіо,
Крозъ сокаке юришъ учиніо,
Кога стиже и главу му диже,
Докъ изиде у полѣ широко,
А изведе оба друга здраво,
Отидоше Смедереву граду;
Кад' дођоше предъ Ђурове дворе,
Тад' є Ђуро Раду бесѣдіо:
„Слуго моя Змай-Обрчић-Раде!
Мы одъ цара сиђет' несміемо,
Да бѣжимо граду Дубровнику,
У Млечића у море дебело."
Ал' є Раде Ђуру бесѣдіо:
„Иди бѣжи Бранково колѣно,
А да бысе изъ насъ истребило!
А я нећу браћу оставяти,
Ни цвіелят' мою стару майку,
Но ћу овђе крвцу просипати,
Ко' сва браћа моя на Косову."
Оста Раде оста Радоица,
Самъ побѣже Деспотовићъ Ђуро,
Са Єриномъ име іой погибло,
Утекоше мору Латинскоме;
Затрлосе име Бранковића,
А и шъ ньиме сва Србска несрећа,
Тек' Србинсе мучи на мейдану,
Да поврати славу некаданю,
Па да сте нам' здраво витезовы,
Све войводе, баны, и кнезовы!
Ахъ безъ кньиге свуђ' є вазда руге,
То да игда, већ' познаймо сада,
Пакъ и болѣм' дас' надамо када —.

159.

Царъ и Секула.

(Одъ истога Игумна Мойсія.)

Кньигу пише Отмановић' царе,
Те є шалѣ одъ Сибиня Янку,
У пространу землю Унгаррію:
„Ясамъ чуо, и кажу ми люди,
Ты да имашъ сестрића Секула,
Лѣпоте му у весъ свіетъ нейма,
Но пошльи га мене у Стамбола,
Да га види Стамболска господа,
Да га виде паше и везиры,
И осталіи Турцы Яньичары,
Іошъ и мое младе Султаніе,
Єрсу мене молбе доядиле,
Да добавимъ Бановићъ Секула,

Да нЂгово сагледаю лице;
А даемъ ти божу вЂру тврду,
Да му хилле учинити неђу,
Но ђу ти га добро даривати,
И опет' га здраво повратити."
Каде Янку ситна кньига дође,
Кньигу гледа сузе проліева,
А двори га Бановиђ' Секуле,
Па уяку своме бесЂдіо:
„Мой уяче Сибинянинъ Янко!
Каква кньига да є богъ убіе,
Те є ютросъ тебе заплакала?
Ако ти є кньига одъ мейдана,
Я самъ готовъ поћи на мейдана,
Но немойсе препадати Даіо."
Іанко рече сестриђу своему:
„О Секуле лудано діете!
Лоша кньига да є Богъ убіе,
Одъ Стамбола одъ цара Турскога,
Да те шилЂмъ у Стамболу билу,
Да те виде и гледаю Турцы,
И погане буле Султаніе,
И дае ми божу вЂру тврду,
Да ти хилле учиниги неће,
Него ће те добро даривати,
И здраво те мене оправити;
У Турчина и у зміе люте,
Ришћанину пріятеля ніе,
Богъ ме ће те сыне преварити,
Потурчити оли погубити."
Ал' Секуле нЂму проговара:
„Небой мисе мой уяче Янко!
Я ђу цару поћи у Стамбола,
А даемъ ти бужу вЂру тврду,
Заистосе потурчити неђу,
Може быти да ђу погинути,
Али ћесе на далеко чути,
Кад' Бановићъ погибе Секула."
И то Янку млого мило было,
Па дава му коня и оружe,
Ођедесе Бановићъ Секуле,
Обукуе люте панціере,
Што му сабля наудит' неморе,
А по ньима свилу и кадифу,
И на главу самур-капу тура,
По самуру тридестъ челенака,
Кое пиште како зміе люте,
Око себе саблю опасао,
О дорату топузъ обЂсіо,
Пакъ пояха дора дебелога,
Тури бойно копЂ на рамена,
И отиде друмомъ зеленіемъ,
Далеко га Янко испратіо,
Па сестрића грли и целива,
Топле сузе рони и пролива:
„О Секуле лудано діете!
Хайде пођи, а Богъ съ тобомъ будди,
Али ћу те сЂтовати сыне,
Кад' ћешъ быти полю Стамболскоме
Сретнуће те хиляду Туракахъ,
То те быти цареве деліе,
Искате ти коня и оружe,
Недай сыне коня ни оружe;
Па ћешъ мало понапріедъ поћи,
Опетъ срести хиляду Туракахъ,
То те быти Турцы Яньичары,
Искате ти коня и оружЂ,
Недай сыне коня ни оружe;
Кад' Стамболу на капію дођешъ,
Сресте тебе паше и везиры,
Колико су страшно ођевены,
Ты ћешъ мыслит' да су то царевы,
Искате ти коня и оружe,
Но немойсе сыне препанути,
Немой пуштит' коня и оружe,
Ћерай коня цару на капію,
Ђе му стое младе Султаніе,
Ту ћешъ наћи доброга юнака,
На капію ноге прекрстіо,
Па изъ чабра піе руйно вино,
Неопране брке обЂсіо,
По земльицы пали су му брцы,
Покрай себе саблю потуріо,
О капіи топузъ обЂсіо,
Ту ћешъ сыне коня одяхати;
Узми капу у ліеву руку,
Полюби га у скутъ и у руку,
Па ћешъ сыне нЂга поздравити,
И аманетъ нЂму учинити,
Да те води цару на дивана."
Отле оде Бановићъ Секула,
Докле полю Стамболскоме дође,

Сретоше га цареве деліе,
Ишту нѣму коня и оруже,
Неда момче тога ни єднога,
Но разгони цареве деліе,
И отиде полѣмъ широкіемъ,
Сретоше га Турцы Яньичары,
Ишту нѣму коня и оруже,
Неда соко коня и оружя,
Но разгони Турке Яньичаре,
Докъ Стамболу на капію дође,
Сретоше га паше и везиры,
Те му ишту коня и оруже,
Неда юнакъ оруже и коня,
Но Дората ражлютіо свога,
Стамболу га утна у сокаке,
Изъ калдрме избія каменѣ,
У дућане біе базрђане,
По кахвама кахвеціе младе,
Докле прође Бановић' Секуле,
Свака сусе затворила врата,
А кад' цару на капію дође,
Ђе му младе стое Султаніе,
И кад' виђе доброга юнака,
Како га є уіо научіо,
Колико є страшнога погледа,
Препадесе Бановић' Секуле,
Готово є на трагъ побѣгнуо,
Одъ страхасе нисъ коня скинуо,
Узе капу у ліеву руку,
Полюби га у скутъ и у руку,
Па є нѣму стидно бесѣдіо;
„Мойсе Даіо тебе поздравіо,
И аманетъ тебе учиніо,
Одъ Сибиня Сибинанинъ Янко,
Да ме водишъ цару на диване,
За мене є царе оправіо,
Я ніесамъ пріе долазіо,
На диванъ му изић' неуміемъ,
А боимсе хилле одъ Туракахъ.“
Ал' є юнакъ нѣму бесѣдіо:
„О Бога ти лудане Секуле!
Кадсе Янко мене поздравіо,
Єл' ти мое име споменуо?“
Секулъ рече: „Ніе споменуо!
Но у жалосъ то є наручіо.“
Али юнакъ таде бесѣдіо:
„Я самъ, сынакъ: Марко Кралѣвићу,
И побратимъ одъ Сибиня Янка,
Сѣди сыне да піемо вино,
Немой мисе ништа препадати,
Ласно ћемо диванъ учинити.“
Па кадасе понапише вина,
Рече Марко Бановићъ Секули:
„Єси л' сыне коня научіо,
Да л'се коме другом' пояхати,
Самъ хоће ли шетат' по авліи?“
Секулъ рече Кралѣвићу Марку:
„Самће мисе Доро провађати,
А небы га другій узяхао,
Таманъ да бы главу изгубіо,
И' ако да є одъ Сибина Янко.“
Скочи Марко са землѣ на ноге,
Те изведе изъ подрума Шарца,
О ункашъ му топузъ обѣсіо,
И бритку є саблю опасао,
Па на добре конѣ посѣдоше,
Отидоше цару по Диване,
И ту добре конѣ разяхаше,
Прифатитсе никомъ недадоше,
Но самисе воде и проводе;
Юнацысе по руке узеше,
И пођоше цару на Диване,
Рече Марко Бановићъ Секули:
„Срестите не слуге и дворяны,
Да ни остре саблѣ прифатаю,
Немой сыне сабѣ одпасати,
Сад' те нама сабѣ требовати.“
Кад' дођоше цару на Дивана,
Секулесе цару поклоніо,
Паксе мало на трагъ измакнуо,
Иза себе саблю заклоніо,
Низа себе руке опружіо,
Предъ царемъ є диванъ учиніо,
Царъ га пита за Янково здравѣ,
Онсе цару опетъ поклоніо,
Миръ и здравѣ на то одговара.
Єднакъ царе нѣму бесѣдіо:
„Хоћешъ лисе сыне потурчити?
Даћу тебе мою Султанію,
Чинићу те велика везира,
Стимаће те паше и рицали,
Сва господа цара честитога,

Неће быти у цара болѣга.“
Налютисе Бановићъ Секуле,
На крепостъ є руке подигнуо,
Предасе є саблю окренуо,
Па састави самуръ са веђама,
Диже брке а писну на зубе,
А царусе примакао близу,
Те є цару люто говоріо:
„Зле прилике збора царевога!
Не ка цара но ка говедара!
А камо ти божа вѣра тврда,
Што си Даю моме задавао,
Да ми хилле учинити нећешъ,
Но да ћешъ ме здраво повратити?
А тако ми Риста Спасителя,
Небыхъ тисе царе потурчіо,
Башъ да быхсе Султанъ учиніо,
Твоимъ градомъ и царствомъ владао!
Али ћу ти поврнут' поштенѣ,
Ако ћешсе царе покрстити,
Џенеранъ ћешъ кодъ уя ми быти,
Свою ће ти ћерцу поклонити,
Стимаће те Унгарска господа,
Служиће те триста Угричићахъ
Небесно ћешъ наслѣдити царство.
Царъ Харапски вика на џелата,
Єръ Секуле Харапски незнаде,
Хоћаху му изгубити главу;
Но му рече Марко Кралѣвићу,
Пословички како царъ незнаде:
„Садъ погибе обрнисе за се!“
Кад' Секуле упази џелате,
Остромъ сабльомъ иза себе махну,
Посіече цареве џелате,
Пакъ на пріедъ по Дивану махну,
Посіече цареве везире,
И царусе примакнуо близу,
Хоћаше му окинути главу,
Недаде му Кралѣвићу Марко,
Уфати га за біелу руку:
„Немой сыне поочима мога!
Хайд' идемо имаћемо кога!“
Отле пође Бановићъ Секуле,
А царе є Марку бесѣдіо:
„Удри Марко усахла ти рука!“
А цару є Марко бесѣдіо;
Муччи царе каменомъ ти стале!
Ако чуе Бановићъ Секуле,
Тесе опетъ на Диванъ поврне,
Изгубиће и мене и тебе;
Већ' я пођохъ испратит' Секула.“
А кад' Марко до Шарійна дође,
Ал' Секуле Дора пояхао,
Разагони Турке Яньичаре,
И русе имъ одсіеца главе,
Тадсе Марко Шарца дофатіо,
А остру є саблю извадіо,
Па загони Турке у сокаке,
За ньимъ иде Бановићъ Секуле,
Да ког' стигне и главу му дигне,
Изъ Стамбола полѣмъ изидоше;
А кад' полѣмъ далек' одмакнули,
Тад' сретоше Ћуприліићъ везира,
И шъ ньиме є силовита войска,
Опколише два добра юнака,
Стаде писка Бановићъ Секула:
„Авай мени до Бога милога!
Десна мисе уморила рука,
Сад' не хоте изгубити Турцы!“
Ал' Секулу Марко бесѣдіо:
„А моясе іошъ неугріяла,
Нити мисе Шарацъ налютіо,
Самћу ядне рашћерати Турке.“
Па у Турке юришъ учиніо,
А за ньиме Бановићъ Секула,
Млоге мртве земльи оборише,
На алае друге рашћераше,
Па одоше здраво и весело,
Ка Прилипу на Маркове дворе:
Пише вино за неђелю данахъ,
Докъ одъ пута трудны починуше,
Секулъ пође ка уяку своме,
По нѣмусе Марко поздравіо:
„Поздрависе побратиму моме!
Како самъ му аманетъ свршіо,
И на Диванъ съ тобомъ излазіо
Нека мисе неналюти побро.“
Како пође Бановићъ Секуле,
Али Марку ситанъ ферманъ дође,
И одъ цара четиры Татара:
„О невѣрный мой посынче Марко!
Ходи брже мене у Стамбола,

Да ми платишъ паше и везире,
Што изгуби по Стамболу моме,
Кад' изведе душманина мога."
А кад' Марко ферманъ сагледао,
Тры царева посѢче Татара,
Четвртоме очи извадіо,
И тако га цару оправіо,
По нѢмусе цару поздравіо:
„Ако си се на ме налютіо,
Я ћу поћи одъ Сибиня Янку,
Па ћу отуд' тебис' налютити."
А кадъ царе разуміо гласе,
Два Татара брже оправіо,
И по ньима тры товара блага,
Іошъ и ферманъ КралѢвићу Марку:
„Мой посынче КралѢвићу Марко!
Да си брже у Стамболу моме,
Да ми чувашъ одъ Стамбола врата,
На поклонъ ти што си учиніо;
Докле има у Стамболъ Туради,
Бы ће доста пашахъ и везирахъ,
Но ми нейма КралѢвића Марка,
И ето ти тры товара блага,
Подай майцы дасе хлѢбомъ храни."
Кад' то виђе КралѢвићу Марко,
Даде парре остаралой майцы,
Яше Шарца у Стамбола pође,
Па несврће цару на Дивана,
Но отиде цару на капію
У подруме Шарца савезао,
О капіи топузъ обѢсіо,
Покрай себе саблю потуріо,
Па изъ чабра піе вино руйно,
А нека га у драгога Бога!
Валяло му на суду страшному.

160.

Царска ріечъ.

(Одъ попа Рада Кнежевића, изъ Мартинића.)

Кньигу пише царица Милица
Изъ Крушева града біелога,
А шилѢ є у Турску Єдрену;
А на име Тодору везиру,
У кньигу му она бесѢдила:
„Чуешъ ли ме Тодоре везире!
Мошъ ли знати єс' ли запазіо,
Кадъ 'згибоше цары на Косово,
Царъ Лазаре, и царе Мурате,
Ондай сте ми заробили сына,
Сына мога Неманьића Вука?
Пошльите му Вука Неманьића,
Дасе шъ ньиме ядна разговарамъ!"
Кадъ везиру ситна кньига дође,
Онъ окупи сву Турску господу,
Пакъ є ньима кньигу проучіо,
А кад' Турцы кньигу разумѢше,
Сва господа тако говораше:
„Да пошлѢмо Неманьића Вука!"
Али вели Бранковићу Вуче:
„Чуете л' ме паше и везиры!
Непошльите колѢно проклето,
Е ће быти вама за каянѢ,
По изгубте Неманьића Вука."
Кад' то чуо Тодоре везире,
Онъ ми зове Вука Неманьића,
Па овако нѢму говораше:
„Чуешъ ли ме Неманьића Вуче!
Айд' улѢзи у мою одаю,
Па ты узми стотину цекинахъ,
А отиди низъ сокаке честе,
Те ти хайде долѢ у златара
Те направи о злата ябуку,
У ябуку біо ферманъ пиши,
Те га шильи остаралой майцы:
„Сви те Турцы ћаху одправити,
Ал' недаде Бранковићъ проклетый."
Тако га є Вуче послушао,
Онъ узео стотину цекинахъ,
Па отиде Вуче у златара,
Те направи о злата ябуку,
У ябуку біо ферманъ пише:
„Стара майко кнѢгиня Милице!
Сви ме Турцы ћаху оправити,
До недаде нашъ зетъ Бранковићу,
Но ти пиши листъ кньиге біеле,
Те є шальи у Моску Стефану,
Да ти доће Стеванъ на дворове,
Да те брани одъ коняхъ Турскіехъ,

Ево иду Турцы на богазе,
Да те ньихни коньи непогазе.“
Па отиде узъ сокаке Вуче,
Аво иду тры млады целата,
Да изгубе Вука Лазарева:
А диванъ є яды га убили,
Онъ є лѣпшій одъ ябуке златне,
А вышій є одъ копя бойнога!
Но целаты изгубише Вука,
А послаше одъ злата ябуку,
Ка Крушеву кнѣгиньи Милицы;
А кад’ ньойзи на рукама дође,
Саде виђе ферманъ у ябуку,
И разумѣ да іой нейма сына,
Она другу брже накитила,
Неппише ѐ чимсе кньиге пишу,
Но є крвлю одъ образа пише,
А шилѣ ѐ у Моску пространу,
А на руке Ђакону Стефану,
У кньигу му говорила майка:
„Да мой сынко высокій Стефане!
Ал’ нечуешъ, ал’ небринешъ за то?
Брата Вука стопише ти Турцы,
Изгуби га Бранковићъ проклетый;
Но ты ходи брже на дворове,
Да ме браннишъ одъ коняхъ Турскіехъ,
Єръ свуђ’ иду Турцы на богазе,
Да ме ньихни хати непогазе.“
Оде кньига у Моску пространу,
Докъ Стефану на рукама дође,
А кад’ виђе што му ситна пише,
Жарке су га сузе пропануле,
Одъ яда га заболѣла глава,
Па ми сѣтно невесело шета,
А срете га царе Алесандре,
Па говори ђакону Стефану:
„Што ты сѣтно невесело шеташъ?
Коя ти є одъ Бога неволя?“
Онъ му што є и како є каже,
А вели му царе Александро:
„Хайде узми свіетло оруже!
Па узяши хата четвртака,
Па ты хайде на єзеро мутно,
Ако тебе Богъ и срећа даде,
И нафака Неманьића стара,
Те изгубишъ неситу аждаю;
Даћу тебе войску и захиру,
Да ти шъ ньоме идешъ на Косово.“
Отоленсе Стефанъ подигнуо,
Те узео коня и оруже,
Па отиде земльомъ и свіетомъ,
Докле дође на мутно єзеро,
Тако му є Богъ и срећа дала,
И нафака Неманьића стара,
Аждаю є санакъ преваріо,
Те є копѣмъ отровніемъ гађа,
У главу є бѣше погодіо,
Пропрца ѐ долѣ на вилицу,
Па ѐ тако у Моску поведе;
Кад’ то виђе царе Алесандро,
Онъ ми скупи войске сто хилядахъ,
И даде му свой войсцы захиру,
Шъ ньомъ отиде Стефанъ по свіету,
Докъ наступи преко Грчке землѣ,
Пакъ онъ дође у Грчкога краля,
У нѣга су конакъ учинѣли,
Али виче высокій Стефане;
„Грчкій кралю вечеру ми даи!“
Грчкій кралю нѣму одговара:
„Ол’ ми хата пуштат’ на хаткиню?...
Даћу теби свой войсцы вечеру!...“
А вели му высокій Стефане:
„Пушта ћу ти хата на хаткиню!“
Сигураше господцку вечеру,
Сва є войска была вечерала,
А дижесе высокій Стефане,
Онъ отиде у горнѣ камаре,
Донесоше и нѣму вечеру;
Пошто бѣше Стефанъ вечерао,
Али воде танехну Гркиню,
Они воде и попа и кума,
Те крстише танехну Гркиню,
А кад’ виђе высокій Стефане,
Царевасе веђ’ непоговара,
Него шъ ньоме вѣнчаше Стефана;
Тры є ноћи шъ ньоме боравіо,
А четврто ютро обрташе,
Ал’ му вели танехна Гркиня:
„Господаре высокій Стефане:
На чему си мене оставіо?
Ако почемъ какво чадо буде,

Свакъ ће рећи одъ курве і' копиле."
Ал' іой вели высокій Стефане,
А даде іой Лазарев' ханџара,
И даде іой бурме Лазареве:
„Ако б' чедо почемъ было мушко,
Дати нѣму Лазаревъ ханџара,
Ако л' буде чедо ђевоячко,
Дати ньойзи бурме Лазареве."
Оде Стефанъ отле у Косово,
И за ньиме войска сваколика,
На Косово таборъ учиніо,
Отле пише листъ кньиге біеле,
А шилѣ є Бранковићу Вуку,
У кньигу му Стефанъ говоріо:
„А мой зете Бранковићу Вуче!
Ходи дођи къ мене на Косово,
Да л' те ніе желя поніела,
Да ме сретешъ и дасе видимо?"
А кад' Вуку ситна кньига дође,
И кад' виђе да му Стефанъ пише,
Онъ покупи стотину Туракахъ,
Све добріе агахъ и беговахъ,
Па онъ шъ ньима на Косово пође,
И Стефану дође у тамборе;
Скочи Стефанъ одъ землѣ на ноге,
Руке шире у лицасе любе,
А за дуго здравѣ упитую,
Посѣдаше єданъ до другога,
Свакогасе збора дофатили,
По веляше высокій Стефане:
А мой зете Бранковићу Вуче!
Што те питамъ валя да ми кажешъ,
Кадъ чобанче добро храни пашче,
Онъ му дае, пасъ га непознае,
Што є право нѣму учинити?"
Одговара Бранковићу Вуче:
„Право га є топузомъ у главу!"
То кад' чуо высокій Стефане,
Иза себе топузъ дофатіо,
Те удари Бранковића Вука,
Докъ му пасю саломіо главу,
Посѣче му свуколику дружбу;
Оно доба стаде неколико,
Аво иду нѣму муштулуцы:
„Муштулукъ ти высокій Стефане!
Е є тебе Лазаръ настануо."
Одговара высокій Стефане:
„Доста му є да є воевода!"
Нађели му воевода Янко,
А сестри му Яна нађедоше;
Яна роди Бановићъ Секулу,
Те є съ Янкомъ Турке разбіяо,
На штоно є наміенѣнъ быо.

161.

Соперникъ Бушатліе.

(Незнамъ ким' є спѣвана.)

Одкадасу Турцы настанули,
Потлѣ смрти одъ Епира кнеза,
Скендербега силнога витеза,
У сву равну землю Арбанію,
Ніе было болѣга юнака
Одъ Махмута сына Мехмедова,
По мѣстусе зове Бушатлія,
А по роду право Бегайлія,
Одъ старине рода господцкога,
Одъ Ивана Црноевићъ Бана,
Господара одъ обие Зетте,
Обѣ Зетте и Приморя равна,
Одъ Станише сына Иванова,
Коиносе бѣше потурчіе,
И назвосе другій Скендер-бего.
Но како є силанъ Бушатлія,
Нечинисе маный одъ Султана,
Самъ є себе пашомъ учиніо,
И везиромъ одъ све Арбаніе,
Безъ царева зная и фермана;
Колико є нѣгове државе,
Ће допире сабльомъ и конопомъ,
Ту за цара ни спомена нейма,
И другога цара непознаю,
До Махмута сына Мехмедова,
А везира одъ Скадра бѣла,
Нѣму харачъ и поклоне даю,
Небоисе цара ни Ћесара,
Ни Принципа Дужда Млетачкога,
Роби, пали села и вароше,
До Призрена и око Призрена,
До Косова и мимо Косово,

До Приштине и до Вучитрна,
И до близу мѣста Сараева,
Све є Махмутъ везиръ освоио,
И до Круѣ, и около Круѣ,
Али Крую освоит' неможе,
Єръ є она силновито яка,
На высоку гору ограђена,
Наоколо водомъ околѣна,
Ту столица бѣше Скендербегу.
Да могаше Крою освоити,
Ту хоћаше престолъ учинити,
Другій престолъ према Цариграда,
И силнога Отмановић' цара.
Сву є Турску землю поплашіо
До біела града Солунића,
И до воде студене Дунава,
Куд' обраћа и подиза войску,
Нико мусе противит' несмѣде,
Но несрећа наніела была,
Пармаковић' пашу Абдулаха,
Тесе нѣму юнакъ непокори,
Већ' сакупи неколико войске,
Да дочека силу Бушатлійну,
На Долянс више Подгорице;
Ал' какође тужна дочекати
Кукавица сивога сокола,
Оли врана орла великога,
Кадсе войске близу саставише,
Живіемсе огнѣмъ оборише,
Пармакова плећи обрнула,
И побѣже главомъ безъ обзира,
Абдулаха уватише жива,
И нѣгову окинуше главу,
Самъ остаде Бего Зотовића,
А на Вранца коня великога
Међу войскомъ на сред' поля равна,
Одъ пояса двіе пушке жеже
У два брата у два Арбанаса,
Пакь є бритку саблю повадіо,
Те дофати коня Махмутова,
На побѣже Спужу крвавоме,
Но кога є предъ собомъ стигнуо,
Одъ раменахъ главу му дигнуо,
Ево мыслимъ утећи хоћаше,
Да му ранне коня недопаше;
Кодъ самога моста везирова,
Ту пристиже братанића свога,
Ибрахима Хаџ' Ахметовића,
Съ Ибрахимомъ петнаесъ Спужанахъ,
У кулусе на мостъ затворише,
Паксе бране огнѣмъ исъ пушакахъ,
И ту мыслимъ погинут' нећаше;
Но Скадрани сламу донієше,
Око куле огань запалише,
Кад' то виђе Зотовића Бего,
Ђе одъ огня изгорѣти хоће,
Онъ одъ куле врата отворіо,
И съ дружиномъ юришъ учиніо,
Зъ голомъ сабльомъ у руцы юначкой,
Али му є лоша срећа была,
У чело га пушка ударила,
Паде юнакъ на край моста мртавъ,
Утекоше осталіи Спужани,
И злосретнѣ унієше главе,
У дворове паше Абдулаха,
И витеза Зотовића Бега;
Штосе нађе одъ рода ньихова,
Старо, младо, мало и велико,
То све плаче и сузе пролѣва,
А проклиня Махмута везира,
Побѣгоше зъ дома и огньишта,
Побѣгоше у Херцеговину,
А у Спужу нико неостаде
Одъ ньихова кола и собора,
Како тада етако и сада.

162.

Брђани.

(Одъ попа Іована Кнежевића Войводе у Бѣлопав.)

Кньигу пише силанъ Бушатлія
По имену Махмуте везире,
Те є шилѣ у Бѣлопавлиће,
А на име войводи Ђукану,
И соколу попу Бошковићу,
Другу пише у ломне Пипере,
А на име Шушовић' Пауну,
И Войводи Пеіовъ Радовану,
У кньигу ихъ паша поздравіо:

,,Ходте къ мене мое вѣрне слуге!
Што хоћете слуге у владыке?
У єднога празна калуђера?
Я ћу дат' ви слуге што хоћете!
У владыке ништа до камена,
А у мене што є вама драго,
И штоно є за добре юнаке —.“
Кад' Брђанма кньиге допануше,
На договоръ тесе окупише,
Па овако паши одпишую:
,,Што ни пишешъ силанъ Бушатлія,
Да владыку Петра оставимо,
Да идемо къ тебе на дарове,
Нигда у насъ издайника нейма,
Радіи 'смо свога господара,
Него твое и царево благо!
Што л' пріетишъ све насъ похарати,
Споменисе силанъ Бушатлія,
Да є сила у Бога єднога,
Богъ ће нама помоћ' на неволю;
Молимо те и Богомъ кумимо,
Немой амо на насъ ударати!
Изъ насъ ништа поніети нећешъ,
Мы имамо добра господара
На Цетинѣ Петровића бана,
Кои наске нигда пуштат' неће,
И даће ни праха и олова;
Ако л' ћешъ ни пашо ударити,
Немой пашо удрити крію̂ђи.“
Тако паши они одписаше;
А кад' паши кньига допанула,
Узмучисе што може найвише,
Ма є крію̂ћ' войску покупіо,
Шъ ньоме паша иде на Доляне,
Ту є Туре мало починуло,
Одъ Брђанахъ нико незнаваше,
Е ће на ньихъ паша ударити;
Зоромъ паша удри на Пипере,
На найпрво село на Рогаме,
Другомъ войскомъ удри на Завалу,
У Дрезгусе Турцы окупише
Сва имъ войска удри на стіену,
И Стіену село опалише;
Тусе бране Пиперы крвавыи,
Онис' бію ал' имъ непомаже,
Е є сила Турска надснажила,
На Стіену паша чини таборъ,
Ту су Турцы трудны починули,
Воду пію, авдесъ узимаю,
А Пипере ядне рашћераше.
То гласъ дође у Бѣлопавлиће,
Трчи сватко у ломне Пипере,
Да забране бѣла Манастыра,
У ћелію светога Стефана,
Да му мошти непонесу Турцы;
Предъ ньима 'су тры добра юнака,
Єдно Зрно ньиховъ баряктаре,
А друго 'су до два Кнежевића,
Єдно Бего, а друго Буксане,
Мимо Црнце прођоше Брђани,
Ту сретоше Шушовић' Пауна,
Ђе съ Пиперма бѣжи усъ планину,
Нѣму вика Кнежевић' Вуксане:
,,А Пауне женска страмльивице!
Небѣж' тамо црнъ ти образъ быо!
А камо ти робѣ одъ Пиперахъ?“
Но говори Шушовићъ Пауне:
,,Не напріедъ Кнежевићъ Вуксане!
Велика є сила у Турчина!
Данасъ ће ни траге ископати.“
Неслушаю тры добры юнака,
Но рекоше Шушовић' Пауну:
,,Айд' Пауне бѣжи у планину!
И поведи Пипере фалѣне,
Коиносте куће оставили
Па бѣжійте данасъ усъ планину,
Оставили куће и робове,
А чу ли не Шушовић' Пауне!
Мы 'ћемо имъ сами ударити:
Па што Богъ да и срећа юначка.“
Ту Пауна ижѣде срамота,
Е на пашу Бѣлопавлићъ удри,
Пасе врну Паунъ и Пиперы,
Ту Брђани Бога поменуше,
На Стіену Турцима удрише,
По єдномъ 'су пушке избачили,
Па пламене ноже извадили,
А погледа юнакъ на юнака,
Сви у Турке юришъ учинише,
Низъ Клобуке ту сломише Турке,
Затекоше путе свеколике,
А ну лете Турцы низъ Клобуке,

Живы летну а мртвы слієћу!
Ту є одъ ньихъ млого яда-было;
Іошъ недаше паши ка табору,
Займише га варошъ Подгорицы,
ПосѢкоше неколико главахъ,
Кидаю имъ уши и носове,
Све ихъ носе своме господару,
На ЦетинѢ Петровићъ владицы;
Владыка ихъ добро дочекуѢ,
ДочекуѢ, благослове даѢ,
И дарове што є за коѢга.
Ха! етако Брђани юнацы,
Богъ помаже, кад' и чоекъ хоће —.

163.

Бѣлопавлићи.
(Одъ Мирчете Алексина у БѢлоп.)

ЗацмилѢше два сокола сивы,
Цмиле тице и неволя имъ є,
ГуѢ су имъ досадиле тешко,
Изъ крвавихъ кршахъ Брђанскіехъ;
Е виђоше да имъ є неволя,
Пакс' одонле быле подигнуле,
Подгорицу варошъ прелећеле,
И зелено блато над' Бояну,
Докъ дођоше Скадру біеломе;
Віялесе па су попадале
На сараѢ Махмута везира,
То небѢху двіе тице сиве,
Но одъ Спужа два Мећикукића,
Осман-бего и Хусеин-аго,
Иду Турцы на плачъ у везира:
,,Ахъ помагай драгій господаре!
Єс' ли чуо, єл' ти ко кажива'?
Какосусе Брда узхасила,
Недаю ни паре ни динара,
Нит' ни даю царева харача;
И те бысмо яде опростили,
Робе Буле а сіѢку Турке,
Одкуд' бію Пиперы юнацы,
Ал' агина затворена врата,
Отуд' гину хоџе и кадіе;
Одкуд' біе брдо БѢлопавлићъ,
Отуд' градска врата затворена,
Отуд' гину Аго и Бегови;
Одкуд' біе ломна гора црна,
Отуд' хатска затворена врата,
Туда гину твое пашайліе,
Ял' ни ліекъ, ял' не посіецы!
Ял' ни подай войску и цепхану,
Ял' не макни изъ біела Спужа,
Већ' овако живѢт' неморемо.“
Кад' то чуо Скадарскій везире,
Махмутъ везиръ силній Бушатлія,
Танку кньигу хитро направіо,
И посла є прико Горе-црне,
На ЦетинѢ на брегъ мора слана,
У владыке Црногорска краля:
,,О владыко Црногорска главо!
Єс' ли чуо, єл' ти ко кажива',
Како мисе Рая узхасила,
Узхасила Брда сваколика,
Недаю ми паре ни динара,
Нит' ми даю царева харача,
И те бысмо яде опростили;
Но поклаше Турке витезове,
Поробише мало и велико,
До чуешъ ме Црногорскій кралю,
Немой дати помоћъ Брђанима!
А даћу ти землю Скендерію
Одъ Жабяка до Хотскога Хума,
Да пошеташъ землвомъ Скендеріомъ,
Да поновишъ млоге Намастыре,
Да накупишъ блага-неколико.“
Кад' владыцы ситна кньига дође,
Ону гледа другу ситну пише,
ПошилѢ є одъ Скадра везиру:
,,Ой везире силанъ Бушатлія!
Нусе прођи люте сиротинѢ,
Да те одъ нѢ неудари гуя;
Што л' ми землю Скендерію кажешъ,
То є моя земля одъ старинахъ,
То є была Иван'-Беговина,
И моя ће быти акобогда! —.“
Кад' Махмуту таква кньига дође,
Небыла му мила николико,
Ма окупи аге и бегове,
Па велику силу подигнуо,
Шъ ньоме Хотску гору прелазіо,

И пространу шехеръ Подгорицу,
Докле Спужу на краину дође,
На дворове на Меһикукиһе,
Махмутъ вика гласомъ и авазомъ,
Осман-бега и Усеин' агу:
„Чуѣте л' ме мое двіе слуге!
Да куд' һемо съ войскомъ обртати?
Али һемо селу Мартиниһу,
Али һемо малом' Һуріоцу?“
Вели Турчинъ аго Хусеине:
„Волянъ да 'си драгій господаре!
У гиздаво село Мартиниһе,
Ту 'су бѣле одъ камена куле,
Да изъ кулахъ изнесемо благо,
И Брђани брзо те прискочит',
Оте нашу нагрдити войску;
Но идемо селу Һуриловцу,
Ту су куле одъ лѣскова пруһа,
Ма су кажу препунахне блага,
Одъ біеле куле Һуровиһа,
До біеле куле Драговиһа
Има кажу тры хиляде кравахъ,
Наша бысе заязила войска:
Ма су хендекъ малій ископали,
Насредъ друма коловоза пута,
У нь' све шѣде шездесетъ пандурахъ,
Мало те ни учинити смеһе.“
Ал' є Махмутъ подигао войску,
Осман-бегу даде пестотинахъ,
Те є зашо иза луга шъ ньима,
А онъ оде коловозомъ путемъ,
Па кад' бyо лугу Косовоме,
Зове вила съ врхъ Мальта главице,
А дозива вила на хендека,
По имену Драговиһ' Дамяна:
„О Дамяне! зло ти ютро было!
Ето силна на Һурилацъ войска!“
Оно нечу Драговиһ' Дамяне,
Но зачуо Станковиһу Вуіо:
„Муччи вило, грло ти замукло!
Небоимсе войске ни Туракахъ,
Докле ми є шездесетъ юнакахъ,
Ђегођъ има доброга юнака,
Одъ Загорка са дно Пѣшивацахъ,
Све ихъ єво у хендеку вило!“
Опет' му є вила бесѣдила:
„Зао т' хендекъ, а горіи пандуры!
Ето на васъ силновита войска,
И самъ главомъ Скадранинъ везире.“
У то доба ударише Турцы,
Дочекаше шездесетъ пандурахъ,
Упалише шездесетъ пушакахъ,
Свака ужди и згоди Турчина,
Турска войска на трагъ узбѣгнула,
До везира доходише Турцы,
На ньихъ везиръ хуцумъ учиніо:
„Арбаніо моя тевабіо!
Ха на хендекъ и влашке пандуре!
Ко узмакне данасъ одъ хендека,
Онъ одъ мое утеһ' неһе руке!“
Харбанія опет' кидисала,
И удари Аго исъ пріекэ,
На біелу кулу Һуровиһа;
Кад' виђоше шездесетъ пандурахъ,
Ускочише лугу Косовоме,
Докле везиръ на Һурилацъ дође,
Осман-ага Грлиһъ опаліо,
Докле пашо у Грлиһъ дошао,
Осман-ага у главицу доню,
Оно виђе одъ Гарчиһа вила,
Зове вила узъ Бѣлопавлиһе,
Дозивала селу Орльой-Луцы,
По имену попа Бошковиһа:
„Протопопе Бошковиһу Раде!
Ако піешъ у механи вино,
На мечне ти ранне излазило,
Ето Турска на Һурилацъ войска,
До Суһескле до біеле цркве,
Ен' и цркву саломише Турцы!“
Кад' то зачу попе Бошковиһу,
Хитро попе пушку доватіо,
А кликуѣ побратима свога,
По имену Пешиһа Раича:
„Ха Раичу ђе 'си побратиме!?
Ево Турска на куһе ни войска!
Хаберъ чини узъ Брда камена!“
Одъ Брдахъ є поточъ прискочила,
Предъ црквусе хитро сустигнула,
А истину Богус' помолила,
Па у Турке юришъ учинила;
До подне є Турска рука была,
А одъ подне обрну нерука,

Пак' да ти є погледати друже,
Како Брдске сабѣ сіеваху,
А Турачке главе зіеваху!
Но є Туре младо излазило,
По имену хоџа одъ Гусиня,
Предъ везиромъ ка' се зафаліо,
Е ће доћи на Сућеклу цркву,
И Сућеклу цркву саломити;
Па обрну широка Дорійна,
А къ цркви є уришъ учиніо,
Но намѣръ га наніела была
На сокола Перка Ћиповића,
Танку пушку одъ образа пали,
А погоди хоџу одъ Гусиня,
Одъ коня га свога одвоио,
Хоџа паде, а Перко припаде,
Уграби му главу и оруже;
Отле гнаше на трагове Турке,
Ту да видишъ велѣ ньине муке!
Погнаше ихъ огнѣмъ жестокіемъ
Одъ главице и Сућекле цркве,
До Сушице кодъ біела Спужа
Осамдесетъ посѣкоше главахъ,
Све беговахъ, агахъ и спахіяхъ,
А осталимъ ни броясе незна;
Іошъ да ти є погледати друже!
Како Махмутъ низъ Порранѣ струже!
Уминуо варошъ Подгорицу,
Право бѣжи свом' тврдоме Скадру;
А то было, кад'се и чинило.

164.

Колашинцы.
(Одъ попа Іована Кнежевића Войв. Бѣлоп.)

Дигошесе Хаге Колашинске
У Морачу да купе хараче,
Предъ ньима є силанъ Хасанага;
У Морачу скупише хараче,
У Манастыръ конакъ учинише,
Они мучче старе калуђере,
Те имъ даю неброено благо;
Люто куне старый Проигумне,
А проклине Агу Хасанагу.
Отолесе Турцы подигоше,
Отидоше у велѣ Дубоко
Но говори старый Проигумне:
„Хайде тамо силанъ Хасанага!
Хайде тамо да те Богъ убіе!
Већ' те мое очи невиђеле!
Но да Богъ да тамо погинуо!
Одъ сокола Трипка Гулишића.“
У Дубоко кад' Турцы дођоше
На дворове Трипка Гулишића,
Ал' у дворе Трипка небіяше,
У планину бѣше кодъ овацахъ,
Но му бѣше майка и любовца;
Зулумъ чине Колашинскіи Турцы
Утече имъ Трипкова любовца,
Пође право Трипку на планину,
Све му каже што є и како є,
Отолесе Трипко подигнуо,
Съ собомъ узе двадесетъ чобанахъ,
Шъ ньима оде двору біеломе,
Ту онъ нађе силна Хасанагу,
И шъ ньимъ двадестъ агахъ Колашинскихъ,
Но говори Аго Хасанаго:
„Копиляне Трипко Гулишићу!
Сигурай намъ госпоску вечеру,
Вари овце, а пецы яганьце,
И свакоме другу по ђевойку,
Ал' ђевойку ал' невѣсту младу,
Коено су скоро доведене,
Хасанаги твою вѣрну любу,
Да ѥ любимъ до зоре біеле.“
Кад' то зачу Трипко Гулишићу,
Колѣ овце, те пече яганьце,
На конаке разредіо Турке,
Хасанагу себе оставіо;
А кад' было доба о вечеры,
Трипко свою дозвао дружину,
Па є ньима річъ говоріо:
„Чуѣте ли браћо Дубочани!
Кои хагу свога неизгуби,
Кунемъ висе а вѣру ви даѣмъ,
Одъ моѣ' ће руке погинути!
Дайте ньима вина и ракіе,
И пянахне шербет-медовине,

Немойте ихъ быти исъ пушакахъ,
Но скупите глъѣта и сѣкире,
Те вы шъ ньима потуците Турке.“
Оно рече оде къ Асанаги,
Па є дивно преобука любу,
И сѣла є паши на скутове,
Оно гледа Трипко Гулишићу,
Што то чини силанъ Хасан-пашо,
Иза себе доватіо сѣку,
Те є Туре ньоме ударіо,
Удари га међу очи црне,
Прште глава ка біело яѣ,
И узе му коня и оруже,
Па ижлѣзе предъ біелу кулу,
Те онъ вика на ноге овчаре;
Свакій овчаръ свога изгубіо,
Свакій Трипку носи Турску главу,
Одъ Туракахъ нико неутече,
До Хасана црна Циганина,
Злога гласа и срамног' образа,
Да кажуѣ яде кадунама,
Како Турцы любляху Влахинѣ,
И како су харачъ покупили,
Па мы побре дасе веселимо,
Нек' су здраво Ровчани витези,
Ньи никада Турчинъ незавлада.

165.

Морскій бой Руссахъ съ Турцима.

(Одъ Гаша Ришнянина сліепца у Котору.)

Войску купи царе Солимане
У Стамболу на Дивану своме,
Све нѣгове паше и везире,
И велике аге и спахіе,
И остале Турке витезове;
Када ихъ є царе сакупіо,
Овако є ріечъ бесѣдіо:
„Витезови Турцы и господо!
Є ли була родила юнака,
Ко ће поћи предъ моіомъ армадомъ,
Да уфати Орла Ђеренала
Одъ Руссіе землѣ православне?
Кад' бы нѣму Богъ и срећа дала,
Да бы Орла жива уфатіо,
И довео на Дивану моме,
Я быхъ нѣга дивно даровао,
Дао быхъ му велико везирство
Узъ колѣно дванаестъ годинахъ.“
Колико є ордіе царевe,
Ко чуяше, сваксе глухъ чиняше,
Ко виђаше очи одвраћаше,
До сокола паше капетана,
Адмиранта одъ войске цареве,
Овако ми цару бесѣђаше:
„Силный царе наше ярко сунце!
Я ћу поћи пре твоіомъ ордіомъ,
Неће проћи ни петнаесъ данахъ;
Я ћу Орла жива уфатити,
Довести га на Дивану твоме,
И безъ ранне и безъ мртве главе.“
Кадъ га силанъ царе разуміо,
Па весело на ноге скочіо,
Алайбарякъ зеленъ износіо,
На коме є царево зламенѣ,
На врхъ нѣга мѣсецъ и звіезде,
У средъ нѣга Отмановићъ царе,
А до цара два веля везира,
На дно нѣга тешка топузина;
На ђеміе барякъ поставише,
Осамъ данахъ шенукъ учинише,
А послієнъ єдра отворише,
Заѣдрише моремъ дебеліемъ,
Тражи наша Турскога душмана,
Орла тражи, нађ' га немогаше,
Орле боя подъ Моріомъ біе,
Подъ Модуномъ и подъ Наварином,
Ал' га кньиге танке допадоше
Одъ некаква добра пріятеля:
„Ето на те све силе цареве!
Да ты имашъ крило соколово,
Не бы перя меса уніѣла,
Бѣжи мудро а негини лудо!“
А кад' Орла кньига допанула,
Кньигу штіо, паксе маскаріо,
Овако є собомъ говоріо:
„Фала Богу страшива каура!
Што ми пише у кньизи біелой,

Да я бѣжимъ низъ море царево.“
Пакъ є Орле войску окренуо,
Узъ царево море заѣдріо,
Иште паша Орла ђенерала,
А ђенералъ пашу капетана,
Кад' су были кодъ Іедрена града,
Ђенералу страже говорили:
„Наша круно Орле ђенералу!
Што є мора исподъ Іедри-школя,
Дасе мора видѣти неморе,
Но све Ѣдра, весло и лантина,
Велика 'є войска у Турчина.“
Кад' є Орле ріечъ разуміо,
Тры баряка съ крстомъ износіо:
Єданъ барякъ господъ Исусъ Ристосъ,
Што і' Татару цару одузео,
Кад' є пріе боя шъ ньиме біо,
Другій съ крстомъ светога Андріе,
Трећій Орле барякъ износіо,
На обѣду сабиро господу,
На обѣду и на договору,
Пакъ ихъ мећe за софромъ свіетломъ,
Ліепо ихъ Орле разредіо:
„Съ десне стране Іевистона бана!
А до бана Драганъ ђенерала,
А съ ліеве каваліеръ Леса,
Паликућу одъ Новога града,
Кога роди Словинска краина,
Словинскога рода и племена;
Іошъ до Леса ђенералъ Тодора,
Пакъ овако Орле говораше:
„Іевистоне вѣрна вѣро моя!
Ты си мене вазда вѣранъ быо,
Ако Богъ да и светый Андрія,
Данасъ ћемо быти боя съ Туркомъ,
И пріесмо шъ ньимсе огледали,
Съ Татариномъ, съ проклетіемъ царемъ,
Што є вишій одъ Отмановића,
Али смо га съ Богомъ предобили;
Ето тебе бойне Нави двіе,
И узъ тебе Драганъ ђенерала,
Имашъ снажно удрити на Турке,
А ты Лесо мой сивій соколе,
Родила те Словинска краина,
Словинскога рода и племена,
На тебе су тры царска зламеня,
Крстъ, медаля, и златна колайна,
Ніе ти ихъ бабо оставіо,
Ни ти си ихъ за паре купіо,
Но ихъ єси юначки добіо,
Узимлюћи цареве градове;
Садъ ето ти бойне Нави двіе,
И узъ тебе ђенералъ Тодоре,
Имашъ снажно удрити на Турке;
Я ћу удрит' съ моіомъ бойномъ Навомъ
На Турчина пашу капетана,
На нѣгове силне Султаніе;
Но васъ молимъ браћо и господо!
Кад' бы коме до неволѣ было,
Живіемсе огнѣмъ изгорите,
Турчинусе живы непредайте;
Поштеніе намъ є погинути,
Но срамотно у Руссію поћи
Преко мора и землѣ Латинске.“
Кад' є Орле войску разредіо,
Тада силній паша ударіо,
Кадсе, брате, близу састадоше,
Немилосе они поздравише,
А живіемъ огнѣмъ ударише,
Двіе уре пуне небыяше,
А сланосе море невићаше
Одъ тѣлесахъ Турскихъ и Ришћанскихъ,
По хиляда на єдно пливаше,
Єданъ другомъ яде задаваше,
А светасе гора одзиваше
Одъ велика грома и яука:
Ал' Турчину боля срећа бѣше,
Жарко сунце зађе за планине,
Бунаца є море уфатила,
Такалесе Фуште и Галіе,
И Русинске Наве и фрегаде,
Подъ цареве силне Каравелѣ,
А бео ихъ данакъ оставіо,
Тавна ихъ є ноћца уфатила,
Паша пођe подъ Чизмомъ біеломъ,
А ђенералъ подъ Іедреномъ градомъ,
Па каде є по зорицы было,
Ђенерала кньиге допануше,
Одъ некога Грчкога момчета,

Намѣсника одъ войске цареве:
„На знанѣ ти Русскій ђеренале!
Е те чека паша капетане,
Башъ подъ Чизмомъ дасе ударите.“
А кад' Орле кньигу прогледао,
Пакъ є свою войску подигао,
Заран' Орле Чизми долазіо,
Нећѐ быти цареве ђеміе,
Него чекка докъ му даннакъ прође,
Даннакъ прође тавна ноћца дође,
Кад' ли ноћи неко доба было,
Подъ Турскомсе войскомъ примакао,
Тры бурлота съ огнѣмъ учиніо,
Сву пашину флоту запаліо;
Фала тебе нашъ єдиній Боже!
Ђе ни Орле предоби аждера,
Ондай было, ваздасе пѣвало.

166.

О узећу Озіе.
(Одъ истога Гаша сліеп. у Кот.)

Царъ честитій біо ферманъ пише,
Па га посла преко Цариграда,
У ферману царе говораше:
„Є ли каква већ' има царева
Господара ял' господичића,
Да онъ дигне четиры санџака,
Босну славну и Херцеговину,
Скендерію и сву Руменлію,
Да онъ пође Озіи біелой,
Да Озію брани одъ Москова?“
Млого ферманъ прође царевине,
Седамдесетъ и седамъ градовахъ,
И сувише Паланку біелу,
Докле дође на Херцеговину,
У рукама Ченгић-Бећир-паше;
Кад' є паша ферманъ разгледао,
Пакъ одъ землѣ на ноге скочіо,
Припасао до деветъ сабаляхъ,
Десету є у руке узео,
Питаю га Турцы Османліе;
„Што су пашо до деветъ сабаля?“
Ченгић-паша ньима одговара:
„Нека знате Турцы браћо драга!
Деветъ братахъ, до деветъ Ченгійћахъ!
Имамъ паша два неяка сына,
И ньимаћу дат' у руке саблѣ,
Да послуже цара честитога;
А Мустафу ожениђу сына
Удовицомъ Московскомъ царицомъ.“
Ма невели паша, ажобогда,
Но се Турчинъ коня приватіо,
Па подигну четиры санџака,
Право иде Озіи біелой,
Предъ ньим' иде млада пашиница,
Пред' коня му на колѣна паде,
Сузе рони овако говори:
„Аманъ паша за здравѣ царево!
Да напола ђецу діелимо;
Е кад' пашо на Москова пође,
Ясе боимъ више ми недође,
Погинуће господско колѣно.“
Тосе паши тешко дожалило,
Оставіо Џаферагу сына,
А Мустафу предъ собомъ поведе,
Да га жени Руссинскомъ царицомъ;
А кад' дође у полѣ Озійнско,
Сретоше га до два ђеренала,
До два брата два Владиславића
Живіемсе огнѣмъ ударише,
Кадсе крвца проліеват' стаде,
Од' тры оке каменъ заносаше,
У Озію Турке ућераше,
Одъ Озіе врата затворише;
Кньигу пише Владиславић' Іово,
Пакъ є посла у паше Ченгійћа:
„Ходи пашо вѣру уфатимо!“
Састаласе оба господара,
Уфатише вѣру за неђелю,
А кад' светый Василѣвданъ дође,
У найгрђе доба одъ године,
По Божићу кад' находи сніегъ,
Сташе Русси служит' Летурђію,
А Татарске паше ижлѣтоше,
Па Ченгійћа пашу прекорише:
„Ченгійћ' пашо цару издаице!
Што гледамо Москова крвника?
Него ходи да му ударимо!“
Ово паши тежко жао было,

Одъ Озіе врата отворіо,
На Москова снажно ударише,
А Руссисе бранити нешћеше,
Докъ одслуже свету летурђію,
Изгубише шестъ хилядахъ войске,
И сувише седамъ ђереналахъ;
А кадсе є божя одслужила,
И то виђе Владиславић' Іово,
Мало далѢ тамборъ измакао,
Гађа Іово біѢлу Озію,
Тако нѢму Богъ и срећа даде,
Запали му седамъ џебеханахъ,
Сву Озію у лагумъ дигоше;
Тадаръ уста юнакъ на юнака,
Владиславићъ на пашу Ченгійћа,
Докле га є жива уфатіо,
Овако му Іово говоріо:
„Знашъ ли пашо єс' ли запазіо!?
Кадсмо были на Іерцеговину,
Кад' ти носахъ масло и яганьце,
Ты веляше, да ти доста ніе!"
Махну сабльомъ посече му главу,
И бабу му Хаџи-капетану,
А Мустафу зароби му сына,
Седамдесетъ и седамъ Ченгійћахъ,
И сувише робя осталога.
То є было кадсе учинило,
А срцесе наше веселило.

167.

Иво Подгорица.
(Одъ истога Гаша слієпца — .)

Подигнусе Мемедъ Арапине,
Иде Харапъ одъ града до града,
Те юнаке на мейданъ позивлѢ,
Юнакасе наћи немогаше,
Докле дође Московіи славной
Подъ стойніемъ Петробургомъ градомъ;
Ни у нѢмсе ненађе юнака,
Да Харапу на мейданъ изађе,
А кад' виђе Мехмедъ Арапине,
Ту є Арапъ шаторъ разапео,
Пакъ є тежкій арачъ пресѢкао,
Колико є у Руссію кућахъ,
На юнака тридесетъ дукатахъ,
На ђевойку по седамъ дукатахъ,
А свакъ оброкъ по ягнѢ печено,
И баріо вина црнѢлога,
А тры оке лѢба біелога;
Кад' то виђе Руссинска царица,
Пак' є ситну кньигу направила,
У Земунъ є граду оправила
На рукама Ива Подгорице,
Овако му говори царица:
„Драгій сынко Подгорица Иво!
Да си спрешно Бечу біѢломе."
Кад' є Ива кньига допанула,
Мегданусе Србаль домысліо,
Пакс' обуче што може найлѢпше,
А свогасе коня прифатіо,
ВѢрена му люби говорила:
„А Иване драгій господаре!
Ал' є тебе кньига допанула
Одъ ліепа мѢста Подгорице!
Одъ Перише одъ брата твоѢга,
Али ти є Перо преминуо?"
Иво мучи ништа неговори,
Него пође Бечу біеломе,
Када круни цесаревой дође,
Дивно мусе Србалъ поклоніо,
А люби му руке и колѢна;
НѢга Ћесаръ дивно дочекао,
Па му даде юначко оружѢ,
Оправи га у Руссію славну,
А кад' Иво у Руссію дође,
Предъ колѢно Русинске царице,
Дивнос' Иво ньойзи поклоніо,
А люби є у біеле руке,
Па царица нѢму говораше,
„Добро дошо Иво капетане!
Кажи право такко быо здраво,
Є ли какво мѢсто Подгорица,
Є ли дивна Зетта земля славна?
Є ли каква црква на цетинѢ?"
Ал' царицы Иво одговара:
„Дивно бѢше мѢсто Подгорица!
А іошъ лѢпша Зетта земля равна,
Но є клстыи Турцы подузеше,

Дивна бѣше црква на Цетинѣ,
Ал' ѥ скоро Турцы опалише."
Тадай вели Руссинска царица:
,,Ай Иване Пбдгоричанине!
От' ли поћи на мейданъ Харапу?
Ако бы ти Богъ и срећа дала,
Да Арапа добишъ на мейдану,
Я ћу тебе дивно даровати,
Быћће тебе дійка и пофала,
Предъ господомъ Турскомъ и каур-
скомъ."
Тадаръ вели Иво капетане:
,,Хоћу поћи госпођо царице!
Хоћу поћи ако нећу доћи!"
Паксе Иво на ноге скочіо,
Витезасе коня прифатіо,
Пакъ отиде полѣмъ широкіемъ,
А кад' Иво до Арапа дође,
Кад' ли сѣди Мехмедъ Арапине,
Око нѣга Руссинске ђевойке,
Те му црно измиваю лице,
Тадай Иво вели Подгорица:
,,Айд' на ноге Турска жабо црна!
Неймашъ каде умивати лице,
Него валя мегданъ діелити."
Одговара Мехмедъ Арапине:
,,Младо момче жалосна ти майка!
Коя і' тебе на мейданъ справила,
Неймамъ на што гріешити руке,
Неймамъ о што ћорду мрцинити!
Него сѣди попій чашу вина."
А кад' чуо Подгорица Иво,
Удрій коня плетеномъ канціомъ,
На чадоръ му коня нагоніо,
Рашћера му Московке ђевойке,
А пролій му седамъ чашахъ вина,
Окиде му конопъ одъ чадора.
А кад' виђе Мехмед' Арапине,
Па срдито на ноге скочіо,
И ћиписе коню на рамена,
Двасе добра састала юнака,
На бриткесе саблѣ удариле,
Махну пріе Мехмедъ Арапине,
Те удари Подгорицу Ива,
На образъ му ранну задавао,
Али рече Подгорица Иво:
,,Сабльо моя пуста останула!
Я іошъ мыслимъ да си у юнака!"
Па срдито бриткомъ сабльомъ махну,
Тер' Арапа удри иза врата,
Иванъ му ѥ главу осѣкао,
Пакъ ѥ носи Руссинской царицы,
А Царица дава му колайну,
Колаину одъ сувога злата,
Што юнацы носе око врата,
Одъ срца му благословъ подала:
,,Драгій сынко Иво Подгорица!
Богъ ти дао и Богородица,
Његођъ сынко на мейданъ ходіо,
Свуђъ юначкій мегданъ задобіо."
Тако, брате, вѣрныи люди кажу,
Іошъ ѥ седамъ мейданахъ добіо,
Покойна му и душа и рука!

168.

Бой у Мартинићe,
Црногорацахъ съ Кара-Махму-
томъ Бушатліомъ.
(Одъ попа Рада Кнежевића изъ
Бѣлопав.)

На тисућу и седме стотине,
Деведесетъ и шесте године,
Махмутъ Везиръ совѣтъ учиніо,
У біелу Скадру на Бояну,
Сву господу Турску изабрану
На Диванъ ѥ быо сакупіо,
Па имъ вако Махмутъ говоріо:
,,Ево згода мои витезови!
Да мы силну войску сакупимо,
И да Црнугору освоимо,
Црнугору и Приморѣ равно,
Каконо смо жуђели одавно,
До біела града Дубровника,
То ѥ моя желя превелика!
А сад' нейма у Боки Которской
Принципова брода никаквога,
Ни голема у Приморѣ момка,
Но све пође у Талію равну,
Да чуваю Млетке одъ французахъ,

Коизи су наши пріятельи,
Оніħе намъ у помоħи доħи,
Како су ми скоро обеħали,
На договоръ штосмо свіеħали.
Црнагора ніе у единство,
Съ нама боя учинѢти неħе,
Еръ я имамъ неке пріятелѢ,
Коизи су лакоми на благо,
Учиниħу што е мене драго;
Али ево мое ранне люте,
Брђани ми затворише путе,
Те немогу саставити войску
Одъ све равне землѢ Арбаніе,
Арбаніе и Херцеговине,
Но ħу пређе войску сакупити,
И огнѢне вѢтре обратити
На Пипере и БѢлопавлиħе,
Поробиħу мало и велико,
А сажеħи огнѢмъ свеколико,
На Никшиħе таборъ учинити,
Ту на трое войску діелити;
Едну слаħу путъ Новске државе,
Друга войска валя дасе врати,
И да иде преко Горе црне,
Да удари на ПриморѢ жупно,
То да буде и Принципу ядно;
Треħа войска по мору бродови,
Нека возе бумбе и топове,
Прахъ, олово, и другу захиру,
Нек' о бою ради, а не миру.
Поставиħу брата Ибрахима
У Новоме граду біѢломе,
Нека, рече, и Латини знаду,
Колик' значи сабля Махмутова,
А сыновца младога Мехмеда
У Дубровникъ, нека господуѢ,
Дасе ово на далеко чуѢ."
Па е ситну кньигу накитіо,
И шалѢ е преко Горе црне,
На ЦетинѢ на средъ Горецрне,
А на име у Петра владыке,
У кньигу е везиръ бесѢдіо,
И владыку мило поздравіо:
,,Пріятелю Петре Петровиħу!
Мошъ ли знати, ес' ли запазіо,
Одкада су Брда настанула,
То е Рая баба мога была,
А садъ има доба неколико,
Ка су мисе Брда похаесила,
Недаю ми паре ни доходке,
И никаква царева харача,
Но ми чине зулумъ по краинахъ,
Провалюю дворе и стоборе,
А ħераю конѢ и волове,
Буле робе а сіеку Турке,
И ħераю овце и яганьце;
Но евосамъ войску сакупіо,
И огнѢне вѢтре обрнуо
На Пипере и БѢлопавлиħе,
Но ако ħешъ да смо пріятельи,
Немой ньима быти у помоħи,
Немой ньихно робѢ прифатати,
Да утече у средъ Горецрне,
Ты ако ħешъ дасе несвадимо."
Кад' владыцы така кньига дође,
Те онъ виђе што му она пише,
Топле су га сузе пропануле,
Па е тиште у шпагъ одъ доламе,
А свое е слуге окупіо,
Те ихъ посла преко Горецрне,
Црнугору на зборъ сакупіо,
Међу ньима совѢтъ учиніо,
И овако ньима говоріо:
,,Црногорцы моя браħо драга!
Нуто нама ненаднога врага!
Ево ме е кньига допанула
Одъ Махмута паше Бушатліе,
Коино е пређе долазіо,
И прозъ Црну гору пролазіо,
И неслогу нашу опазіо,
Іошъ е позно наше кошħелице,
Ньима трза наше утробице;
Кад' самъ быо у землю Руссинску,
Тад' е мою цркву опаліо,
Нашъ Манастыръ на полѢ Цетинско,
Разоріо, землѢомъ поравніо,
Па опета войску ево диже,
На Пипере и БѢлопавлиħе;
Ема ніе Махмутъ обсиліо,
Теке штосе мало посиліо,
Но сад' браħо, ако Бога знате!
Да идемо у БѢлопавлиħе,

Да чекамо Махмута везира.“
Црногорцы кад'-га разумѣше,
Ту владыцы тврду вѣру даше,
Да Брђане никадъ неиздаю,
То владыка єдва и чекаше;
Виђе слогу паксе веселяше,
И овако паши одговара:
„Што ми пишешъ Махмуте везире!
Да недадемъ помоћъ Брђанима,
То ми немой опстъ' спoменути,
То ми неда законъ учинѣти;
Може л' жнати, єс ли запажіо,
Кад' си Црнугору прелазіо,
Преко вѣре, а на пріевару,
Кад' си мою опаліо цркву,
И манастырь на полѣ Цетиньско,
То си тешке ранне ударіо
Свакоѣму редомъ Црногорцу;
Но проћисе Брдске сиротинѣ,
Неврісђай ранне Црногорске,
Да те змія неудари люта.“
За то Махмутъ необрће главу,
Но сакупи, и подиже войску,
На Доляне выше Подгорице,
Ту разапе біеле чаторе,
И ту силанъ тамбор учиніо;
Ма владыка топе ужижаше
На высоку гору Вртіельку,
И главарма кньиге оправляше,
Да кликую браћу Црногорце,
Самъ покличе найближнѣ юнаке
Цетиняне и Баице рабре,
Па отиде у Бѣлопавлиће,
Су стотину и педесетъ другахъ;
То кад' чуше млады Црногорцы,
Да є коме стати погледати,
Како хитро на ноге скочише,
А шарене пушке докопаше,
Оставише майке и любовце,
И чобани у планине овце,
Свакій хита за владыку пита,
Докле су га пристигнули были.
Преко Зетте воде прегазише,
На Слатину тамборъ учинише.
Махмутъ везиръ диже чадорове,
Спроћу Спужа више Дердемеза
Подъ зелену гору Высочицу,
У Везира двадесъ хиляд' войске,
Код' владыке тры хиляде другахъ,
Ема што є владычина войска,
То су мркіи одъ планинахъ вуцы,
Што предъ войскомъ єсу человође,
То су побро крилатыи орлови,
Што л' у войску єсу барякtaры,
То біяху сивыи соколови.
Вика теларъ Махмута везира;
„Ко ће жива уфатит' владыку,
Ево нѣму Зетта земля равна,
И у Зетти тры бѣла града,
И сувише тры товара блага!“
Вели Якупъ Сердаревићъ Ага,
И делія Мехмедъ Кокотліа:
„Мы ћемо га жива уфатити!“
Но невеле Турцы акобогда,
Те имъ Боже ни помоћи неће.
А владыка окупи главаре,
Те су они обрнули войску
Предъ біелу Аранђелску цркву,
Ту имъ наукъ и благословъ дае:
„Црногорцы моя браћо драга!
Сви будите срца Кралѣвића,
А деснице одъ Сибиня Янка,
Єднокупно ноже повадите,
А часнимсе крстомъ прекрстите,
И вышнѣмсе Богу препоручте,
Па у Турке юришъ учините,
Богъ ће нама у помоћи быти,
Махмута ће помоћ' придобити.“
Па є дивно разредіо войску,
Онъ све меће племе до племена,
А предъ войску добре началнике,
Кои желе съ Туркомъ воевати,
И начиномъ шъ ньима боя быти;
У четвртакъ разредіо войску,
А у Петакъ ударише Турцы,
На Юлія данъ єданаестый,
Башъ на празникъ свете Єфиміе
У малехно село Мартиниће;
Надъ ньимасе тмина уфатила,
А у тмину пушке сіеваю,
Небы река, міо побратиме,
Да є оно боякъ огнѣвитый,

Него судный данакъ страховитый;
Шестъ сахатахъ боя жестокога,
Немилосе крвца пролѣваше
По мейдану и око мейдана,
А кад' было дневи око подне,
Тада Турцим' обрну нерука,
То виђеше младыи Црногорцы,
Халакнуше Бога поменуше,
А часнимсе крстомъ прикрстише,
Єднокупно пушке опалише,
Пакъ пламене ноже повадише,
И у Турке юришъ учинише,
Ћераюћи, Турке сіѣкући
Низъ крваве млине Мартиниѣске
Ту є Турска погибіо была;
Ту и Сердаръ Бошковићъ Міяйло
Ударіо Туркомъ исъ пріека,
Ту и срећа єсте наніѣла,
Башъ юнака и господичића
По имену Петровића Сава,
А млађега брата владичина,
На делію Мехмедъ Кокотлію,
За грласе бѣла уфатише,
Носишесе тако неколико,
Докле Саву Богъ и срећа даде,
Турчинъ предъ ньимъ на колѣна паде
И Саво му посіѣче главу;
Но да видишъ войводића Бега!
Шта є Турак' погубіо тада,
Брояс' незна, но є весъ у крвы;
Іошъ му срећа наніела была
Те Іакупа Сердаревић' Агу,
Десну руку Махмута везира,
Убишесе какосе зглеаше,
Мртавъ паде Якупъ Сердаревићъ,
А Бего му посіече главу;
Ту погибе войске одъ Туракахъ,
Колик' ніе погинуло нигда
На Брђане и на Црногорце,
А погибе владычине войске
Свега на брой ос.мнаесъ другахъ,
Но међ' ньима тры добры витеза,
Крцуњ Савовъ одъ мѣста Бѣлицахъ,
И баряктаръ Станко съ Люботина,
А одъ Брдахъ войводића Бего;
Но имъ име нигда неумира,
Кадъ разбише Махмута везира,
Своіой браћи дійку оставише,
Што у томе бою задобише,
Богъ имъ дао у раю населѣ,
А живіемъ здравѣ и веселѣ,
Петру свѣта образъ на краину,
Ка' и лѣтнѣ сунце на планину! —.

169.

Предрато є прескупо.
(Одъ Горчина Лѣшнянина.)

Пію вино тридесетъ сердарахъ,
Изъ Краине крвавихъ Котарахъ,
На дворове Янковић' Стояна,
О свачему зборили сердары,
Па Стояну тако бесѣдили:
„Сивъ Соколе Янковићъ сердаре!
Одка си се сердаръ учиніо,
У Котаре настануо главомъ,
Краину си рахатъ учиніо,
Те ни Турцы несіечу главе,
Ни ти воде роблѣ исъ Краине;
Врсницысе твои поженише,
А врснице твое поудаше,
Тысе брате оженити нешће,
Идешъ брате на путове страшне,
Страхъ є наске, хоћешъ погинути,
Па ископат' юначко колѣно;
На дворъ неймашъ никога млађега,
Ни ти хоћешъ роба ни робинѣ,
А твоя є остарала майка,
Неможе ти опахати дворе,
А тол' другій хизметъ учинити,
То є жао свой нашой краини,
Имашъ твое тридесетъ сердарахъ,
И шездесетъ горских арамбашахъ,
И четиры лахка баряктара,
И осталу све Србску господу,
Сви договоръ єсмо учинили,
У свакога има по ђевойка,
У ког' єдна, у кога и двіе,
У ког' сека, у ког' мила шћерка,
На поклонъ ти коя ти є драго,
Те юначко одржи колѣно."

То Стояну врло мучно было,
Одъ мукесе юнакъ застидіо,
Стыдна га є вода попанула,
Па господи тіо проговара:
,,Фала вама мила браћо моя!
Фала Србской осталой краини,
Коистесе за ме побрижили,
А я быхсе давно ожeніо,
Но самъ чуо Хайкуну ђевойку
У крваву Лійку на краину,
Сестру милу силна Мустай-бега,
Да є̑ таке ніе настаяло,
Ни у гору пребіеле виле;
Проси му є сва Турска господа,
Прво просе паше и везиры,
Па є̑ просе бези и спахіе,
А беже є̑ неда ни єдноме,
Но є другій кафезъ начиніо,
Ка' у Стамболъ што є у Султана,
У кафезъ є Хайку затворіо,
Да іой нитко несагледа лице,
И сунашце неприпланe ярко,
А и роса нескваси га лѣтна,
Но ђулсіомъ да га окропива.
Тосе чудо надалеко чуло,
На четиры стране одъ свіета,
И самъ царе за Хайкуну чуо,
Како збори сва Турска краина,
Да є̑ лѣпше на свіету ніе,
За цара бы Султанія была,
Бы му Довлетъ честит' учинила;
Царъ є златанъ ферманъ оправіо,
У краину Лійчкомъ Мустайбегу;
,,,,Вѣрна слуго Лійчићъ Мустайбего!
Поклони ми Хайкуну ђевойку,
Иштi слуго, што є тебе драго!''''
Бего купи сву Турску господу,
Предъ господу ферманъ проучіо,
Па є мудре Турке запитао:
,,Шта ћу цару искатъ' за Хайкуну?''
А нѣга су Турцы сѣтовали,
Да онъ иште на Босну везирство,
И у цара извади фермане,
Да подигне одъ Стамбола войску,
Да похара сву нашу краину,
Далмацію до синѣга мора,
Славонію и сву Унгарію;
Хоћу Стоянъ узети Туркиню,
Исту сестру Лійчког' Мустайбега,
Оли мою изгубити главу.''
То изрече а скочи на ноге,
Те истрча на біелу кулу,
Онъ отвара сахтіанъ сепете,
Паксе свлачи тесе преоблачи,
По тіелу бурунџукъ кошулю,
Сврхъ кошулѣ челик-панціера,
На панціеръ румену доламу,
Златна пуца съ обадвіе стране,
На пуцама чудастый мосяжи,
Сврхъ доламе све о злата токе,
Напунѣне свіетла камена
Колик' сяю прси у юнака,
Мучно га є окомъ погледати,
Ка' и лѣтно у прозорѣ сунце;
Іошъ опаса мукадемъ пояса,
А зађеде двіе пушке мале,
Međу ньима лютога ханџара,
Па припаса саблю окoвану
Коюмy є Дужде поклоніо,
Кад' є Стоянъ Сердаръ постануо,
Да Краину брани одъ Турака;
Неузтаче калпакъ и челенке,
Смета тє̑ му горомъ и планиномъ,
Но хайдучку капу натакнуо,
Оде спремат' што є за хайдука,
Обрамницу на плеђи юначке,
У ню тури лѣба біелога,
И рамена одъ претила брава,
Два мѣшчета пива веселога,
Єданъ вина, а другій ракіе,
Оку соли, да є у невольи;
Па притеже хайдучке опанке,
А дофати сяйна џефердана,
Кои прійма литру паліера,
И дванаесъ одъ олова зрнахъ,
Свако зрно одъ двадесетъ драмахъ,
А найгорнѣ зрно одъ челика,
Кое ломи люте панціере,
Хайдучкомсе струкомъ пригрнуо,
Па отиде своіой старой майцы,
Бѣлу іой полюбіо руку:
Зъ богомъ остай моя мила майко!''

По Стояну майка говораше:
,,Ђе ћешъ сыне мой очиный виде!?“
,,Хоћу майко высокой планини,
Да уходимъ страже и стражаре,
Да ми Турцы зіянъ неучине.“
Писну майка како змія люта:
,,Та приправа ніе за стражаре!
Но ты хоћешъ у Турску краину,
И остави самохрану майку.“
Ал’ то Стоянъ ништа неслушаше,
Но онъ пође прек’ біела двора,
Ђе сѣђаху тридесетъ сердарахъ,
Сердарима Стоянъ бесѣдіо:
,,Браћо моя зъ Богомъ останите!
Аманетъ ви стара майка моя!
Докле дођемъ изъ Турске краине.“
То имъ рече усъ планину пође,
За ньимъ трче тридесетъ сердарахъ,
Па Стояна куме и братиме:
,,Стан’ за Бога Янковић’ сердаре!
Самъ неиди у Турску краину,
Сама ће те изгубити Турцы;
Но краину сву да сакупимо,
Да удримо на крваву Лійку,
Да отмемо Хайкуну ђевойку,
Али съ тобомъ сви да погинемо;
Мы волимо съ тобомъ погинути,
Но безъ тебе остат’ у краини.“
Ал’ неслуша Янковићъ сердаре,
Но отрча юнакъ усъ планину,
Небы нѣга пушка достигнула,
Акамоли на ноге сердары;
То виђело тридесетъ сердарахъ,
Ђе Стояна вратит’ немогоше,
Скупишесе на Стояна дворе,
Међусе су они говорили:
,,Кад’ Стояна вратит’ немогосмо,
Да куппимо сву нашу краину,
Да идемо на крваву Лійку,
Да будемо у помоћъ Стояну,
Али шъ ньиме сви да погинемо.“
Брже ситну кньигу написали
Стару Кланцу сивоме соколу,
Све му кажу куда Стоянъ пође,
Іошъ сердары старца упитую;
,,Хоћемо ли куппити краине,
Небы ли му одъ неволѣ были.“
А кад’ Кланцу ситна кньига дође,
Коликосе старацъ налютіо,
Изъ очій му крвца покапала,
Ударисе рукомъ по колѣну:
,,Авай мени до Бога самога!
На когасе есамъ поуздао,
Да оставимъ сву нашу краину,
Тай ми хоће данасъ погинути,
И краина подъ Турке запасти.“
Па є брже кньигу одписао:
,,О сердары жалосне вамъ майке!
Жалосне вамъ майке и любовце,
Што пустисте самога Стояна?
А тако ми свашта на свіету!
Ако мене Янковић’ погине,
Свіехъ ћу ве тридесть изгубити,
Него брже куппите краине.“
И старъ Кланацъ поскочи на ноге,
Самъ упали топе хабердаре,
Громскій тутань оде низъ Котаре,
Сватко позна Кланчеве топове,
Виде, да є чудо изненада,
Єръ є Кланацъ быо престаріо,
Одъ краине рати оставіо
На сокола Янковић’ сердара;
А сад’ пучу Кланчеве лубарде,
А непучу Янковић’ Стояна,
Стояна су Турцы уфатили,
Уфатили али погубили;
Сватко Кланцу трчи на топове,
Али Кланца дома ненаходе,
Но развіо орлаша крстата,
Припасао свіетло оруже,
Пояхао суру бедевію,
Одхитао Стоянову двору,
За ньимъ иде остала краина.
За то Стоянъ ништа нечуяше,
Хитро прешо у Лійчку краину,
Одъ Котара до воде студенца,
Штосе вода Несретница зваше,
Когођъ піо, злосретанъ є быо,
Добаръ юнакъ на коню доброме,
Небы дошо за тридесть сахатахъ,
Стоянъ дође за седамъ сахатахъ,
Код’ воде є витезъ починуо,

Скидс съ плећійхъ торбу обравницу,
Пива піе, бѣла лѣба ие,
А присмаче меса печенога,
Но Стоянсе тврдо угрияо,
Пивомъ жеђу утулит' неможе,
До напійсе воде Несретнице,
Ко і' гођъ піо, злосретанъ є быо,
Пакс' одмаче подъ єлу зелену,
Подъ єлу га саннакъ превароіо;
Ђе є срећа, ту є и несрећа,
Тесе Турска чета подигнула
Одъ крваве Лійке на краину,
Мала чета шездесетъ Туракахъ,
И предъ четомъ сила Мустайбеже,
Дође чета на воду студену,
Кодъ воде є трудна починула,
Лѣба ию, ладне воде пію,
Па кадсусе одморили Турцы,
Рече дружби силанъ Мустайбеже:
„Чуѣте л' ме любезна дружино!
Тасе вода зове Несретница,
Когођъ піо, несретанъ є быо,
Ясе боимъ Янковић' Стояна,
Десићесе шъ четомъ у краину
Дође Стоянъ на воду студену,
А знате ли браћо моя Турцы,
Ево има петнаесъ годинахъ,
Касе Стоянъ сердаръ учиніо,
Сваку ни є чету изгубіо,
Ніе л' майка родила юнака,
Да обиде по гори зеленой,
Є ли ђегођъ трага одъ хайдука?!"
Сва дружина у ноге гледаю,
Те опуте брос на опанке,
До юнака Ибра барякгара,
Онъ поскочи на ноге лагахне,
Сподби танку пушку по срієды,
Те отиде одъ єле до єле,
Докле нађе Янковићъ Стояна,
Ђе спаваше у дебелу хладу;
Но Стоянсе тешко угрияо,
И на прси токе распучіо,
А кадъ нѣга Туре сагледало,
Одъ страха га уфати грозница,
Изъ руке му пушка испанула,
Ту остаде у зелену траву,
Онъ побѣже къ води у дружину;
Када г' виђе сила Мустайбеже,
Онъ мышляше неко ћераше га,
Те поскочи на ноге лагахне,
За танкусе пушку прифатіо,
Ал' за Ибромъ невиди никога,
Іошсе Ибро уставит' несміе,
Но промаче низъ гору зелену,
За руку га Беже уфатіо:
„Бе хайролла Ибро баряктаре!
Од' шта сисе тако препануо?
Камо теби пушка убойница?"
Ал' є Ибро бегу бесѣдіо;
„Виђохъ змая подъ єлу зелену!
На прси му црна овца лежи,
А у зубе врано янѣ држи,
По прсима сяю мусе очи,
Ка' звіезде по небу ведроме;
Прислоніо узъ єлу лубарду."
Тад' му рече сила Мустайбеже:
„Црнъ ти образъ Ибро баряктаре!
То є главомъ Янковићъ Стояне,
Ніе црна овца на прсима,
Но є власатъ Каурин' Стояне,
Ніе врано ягнѣ у зубима,
Но брковы Янковић' Стояна,
То ніесу очи по прсима,
Но каменѣ драго по токама,
Ни ти му є узъ єлу лубарда,
Но цевердапъ Янковић' Стояна."
Тадсе Туре Ибро уставіо,
А дружини бего бесѣдіо:
„Ха на ноге браћо и дружино!
Небы 'смо л' га како уфатили;
Но сви танке пушке оставите,
Єръ му пушке наудит' немогу,
Нит' га може сабля погубити,
Вазда носи панцыръ гвожђе люто,
Тек' ако є у дружину друга,
Да украде цефердаръ Стояну,
Кои ломи люте панціере,
Ако нѣга свладат' немогнемо,
Даг' нѣговомъ пушкомъ убіемо."
Ево яда и неволѣ люте,
Нико пушку дофатит' несміе,
Него курвићъ Лійчићъ Мустайбеже;

Онъ дофати пушку Стоянову,
У чело є обрну Стояну,
А сви Турцы нЂга притискоше,
И Стояну руке савезаше,
Ал' то Стоянъ ништа нечуяше,
Смртный га є саннакъ оборіо;
Кад' то виђе Лійчићъ Мустайбего
Удари га одъ пушке грлійћемъ;
„Устай курво Янковић' Стояне!
Да те водимъ у крваву Лійку,
Све да платишъ што 'си учиніо!"
Скочи Стоянъ ко' дасе помами,
На ноге имъ побЂћи хоћаше,
Ако 'су му руке савезане,
Но му вели Лійчкій Мустайбеже:
Немой бЂжат' Янковић' Стояне!
Твоя ми є пушка у рукама,
Хоћу тебе осмртити ньоме."
Тад' Стояна поведоше Турцы,
Преко Лійчког' поля крвавога,
Коликосе Туре посилило,
Ђе уфати змая каурскога,
Нескида му рухо ни оружЂ,
Да га Турцы виде подъ оружемъ;
На средъ поля починули Турцы,
Запалили у луле духана,
Сехиръ чине Янковић' Стояна,
Па говори Лійчићъ Мустайбего:
„Ахъ мой брате Ибро баряктаре!
Айде пођи у крваву Лійку,
На муштулукъ у наше господе,
И у мое остарале майке;
Запалите Крня и Зеленка,
Хаберъ дайте у Турску краину,
Дасе скупи мало и велико,
Сви да виде Янковић' Стояна,
Млозини є яде учиніо,
Оставіо самохране майке,
Удовице у родъ повратіо,
Безъ заклетве сестре разкукао."
Скочи Ибро на ноге юначке,
Оде брже у крваву Лійку,
На дворове Лійчићъ Мустайбега,
Те запали Крня и Зеленка,
Хаберъ пуче низъ Турску краину,
Окуписе мало и велико,
Да сретаю Лійчићъ Мустайбега,
И да виде Турскога крвника,
И да бакшишъ даю четницима;
Носе паше саблЂ оковане,
Алай-бези хате оседлане,
А спахіе црвене биньише,
А кадіе ћурке поставлЂне,
А деліе златне перянице,
Младе Каде свилне бошчалуке,
Да газіе Турске дариваю;
У то стиже Лійчкій Мустайбего,
Турцы нЂму шенлукъ учинише,
Паде тама по полю широку:
„Бунбарећи Турска газибашо!
То є дова цара честитога,
Што 'смо шћели то си учиніо,
Сад' ћешъ ласно похарат' краину,
Царъ ће дати што ћешъ поискати."
УлЂгоше у Турске сокаке,
Одъ народа проћи немогаху:
Сватко хоће да види Стояна,
Старе Каде, ко' и буле младе,
Ал' рекоше хоџе и кадіе:
„Да мы Влаха лице покріемо!
Неда ћитапъ и светацъ Мухамедъ
Буле влашко да гледаю лице,
Ни лошіем' а не оваkоме,
Што болЂга ніе настаяло,
Ни деліе Ђерзелез-Аліе,
Ни Каура Марка КралЂвића,
Булећесе хашикъ учинити,
Пакъ ће нашемъ зіанъ быти дину,
Нашем' дину, и нашему хрзу."
Па узеше свилену туламу
Те покрише Стояново лице,
Да неломи буле низъ чардаке,
Ма Стояну добра срећа была,
Угледа га Хайкуна ђевойка
Прозъ нЂнога срчали дурбина,
Изъ кафеза са высоке куле,
Іошъ на полЂ ђе 'су почннули,
Све га гледа, а сузе пролива,
Са собомъ є млада бесЂдила:
„Фала Богу, фала єдиноме!
Ліепъ ли є Янковићъ Стояне!
Одкако самъ ядна настанула,

Я ніесамъ такога виђела,
Волѣла бы Янковић' Стоана,
Но у Стамболъ цара честитога "
Па кад' виђе Хайкуна ђевойка,
Да му Турцы туламу вргоше,
Бачи дурбинъ низъ біелу кулу,
У кафезу паде на душеке,
Охъ да тисе нагледати побре!
Како булче по кафезу скаче,
Жестока ѥ мука уфатила,
Учинисе безъ болести бона;
Доведоше Янковић' Стояна,
Пре тавницу силна Мустайбега,
Скидоше му рухо и оружѣ,
Уведоше г' студеной тавницы,
А то ніе ледена тавница,
Но некака яма безданица,
Ту на чекркъ спуштише Стояна,
Па тавницы заключаше врата,
Кључе узе бего у џепове,
Па дозива Ћелалію слугу:
,,Хайде слуго къ остаралой майцы,
Донеси ми хеђбета дукатахъ!"
Оде слуга къ остаралой майцы,
Донесе му хегбета дукатахъ,
Даде бего на шездесетъ другахъ,
По шездесетъ жутіехъ дукатахъ,
Онъ ођело узе Стояново,
Іошъ говори силанъ Мустайбего:
,,Браћо Турцы садъ ме послушайте!
Сви хайдете двору біеломе,
Докле ноћца кара-акшамъ дође,
Скупитесе у кахву велику,
Я ћу доћи на мушаферъ къ вама."
Па Бегъ узе рухо Стояново,
Стояново рухо и оруже,
Па отиде у кафезъ Хайкуни,
Ал' Хайкуна лежи на душеку,
Нитсе диже ни ти проговара,
А бего іой Турскій селамъ дава;
Єдва му га Хайка одговара,
Вели бего Хайкуни ђевойцы:
,,Богъ ми съ тобомъ моя мила сестро!
Што несретешъ милог' брата твога?
Да га питашъ што є учиніо?
Да оставишъ рухо Стояново,
И да видишъ влашке џевахире."
А Хайкуна брату бесѣдила:
,,Проћи месе брате Мустайбеже!
Невріеђай мое ране люте,
Срдечна ме болестъ ударила,
Я немогу съ тобомъ говорити,
Акамо ли на ноге стаяти,
Али гледат' влашке џеваире,
Но ихъ тури на прозоръ одъ куле,
Па ми сѣди на миндеръ до мене,
Прифати ми на кріоце главу,
Небы ли ме мука уминула."
Сѣде беже до сестрице свое,
Па Хайкуну диже у наруче,
А извади свилену мараму,
Те утире Хайкунино лице
Мртва ю ѥ вода попанула;
Тадсе кадка мало разабрала,
Свога брата грли и целива,
Ка' зміясе око нѣг' увія,
Украде му о тавнице кључе.
У то дође остарала майка,
Носи бегу пійво и єдиво,
За госпоску совру засѣдоше,
Тежкій бега ћеифъ уфатіо,
Тесе напій вина црвенога,
Па говори майки и Хайкуни:
,,Хоћу поћи на зелену лонџу,
Кодъ господе віећъ да чинимо,
За курвића Стоян' Янковића,
Каквомъ ћу га мукомъ уморити,
Но вы сѣдте тесе веселите,
Испіяйте шербетъ медовину,
А затворте од' авліе врата,
И на кулу гвожђене мандале,
Е се Влахахъ боимъ Котарскіехъ,
Да ми каковъ зіянъ неучине."
Хайка хукну, па є бесѣдила:
,,Ками, брате, да имъ є у зубе!"
Па є за ньимъ затворила врата,
А старойсе поврнула майцы,
Приноси іой шербетъ медовину,
У ню сипа жежену ракію,
Докъ є стару опоила майку,
Па простире душекъ по душеку,
А на душекъ остаралу майку,

На ню тура іорганъ по іоргану,
Тако стару ушикала майку,
Па запали у фенѢръ свіећу,
А наточи у кондіеръ вина,
Стрча бр̂же низъ біѢлу кулу,
Те отвори о тавнице врата,
Па довати куке и чекрке,
На чекркъ му спусти вино хладно,
Зачудисе Янковић' Стояне,
Тко му даде у тавницу хино,
Зачудисе па є наздравіо:
„Здравъ да си ми тко ми даде вино!
А да Богъ да, те му добромъ вратимъ."
Хайка віе куке и чекрке,
А Стоян' се за куке фатіо,
Докъ Стояна близу примакнула,
Хрло булче па му бесѢдило:
„О Стояне ядна твоя майка!
А ра шта си овђе запануо?
Съ ютра хоћешъ изгубити главу,
А видимъ те лица госпоскога,
Мило ми є севапъ учинити,
Ако ћешсе потурчит' Стояне,
Я ћу молит' брата Мустайбега,
Те ће тебе животъ поклонити,
А біеле дворе начинити,
Кодъ нѢговихъ, а башъ ка' нѢгови,
Половину блага поклонити,
И я ћу ти вѢрна люба быти."
Куша булче Янковић' Стояна,
Є ли юнакъ, што л' ће говорити.
Налютисе Янковићъ Стояне,
Глейну Хайку мрко попріеко,
Па є Стоянъ ньойзи говоріо;
„О Хайкуна да те Богъ убіе!
Я 'самъ съ тебе овђе запануо,
А садъ хоћешъ и да ме потурчишъ,
А небысе Хайко потурчіо,
Да бы Турскимъ царемъ постануо,
Но я волимъ часно погинути,
Нег' срамотно живит' на свіету."
Тай махъ рече Хайкуна ђевойка:
„О Бога ти Янковић' Стояне!
Бы ли мене божу вѢру дао,
И юначку ріечъ одъ поштеня,
Да те пуштимъ новђасъ исъ тавнице,
И да съ тобомъ бѢжимъ у Котаре,
Да небудемъ тебе робиньица,
Но слободна люба вѢреница?"
Стоянъ Хайки божу вѢру дава,
И юначку ріечъ одъ поштеня:
„Хоћешъ быти вѢрна моя люба!
Таманъ да бы за то погинуо."
Тад' се Хайка ближе примакнула,
Изъ тавнице г' ледне извадила,
Узешесе за біеле руке,
Отидоше на високу кулу,
Узе Стоянъ рухо и оруже,
А кадасе довати оружа,
Стаде играт' по беговой кули,
Заньихасе ихъ темеля кула,
Запуцаше цами и ћошкови,
А Хайка га за руку дофата:
„Не Стояне драгій господаре!
Да нечуѢ моя стара майка."
Стоянъ сѢде за софру госпоску,
Вино піе ђаконію ие,
Хайка оде коньма у ахаре,
Те опреми два коня витеза,
Себи Ђога, а Стояну Дора,
Єръ є больій о Дората Ђого,
Хрло булче, ядъ га задесіо,
Дасе небы Стоянъ препануо,
И Хайкуну како оставіо;
Па узима Турске џевахире,
Хабахію Лійчићъ Мустайбега,
Кою му є царе оправіо,
Кад' є нѢму Хайку заискао,
Она валя царевога града,
На се тура ђузелъ-одіело,
Кое іой є царе оправіо,
И напуни хеђбета дукатахъ,
Па ихъ тура на дебела ђога;
У то стаса Янковићъ Стояне,
На два добра коня засѢдоше,
ПобѢгоше полѢмъ широкіемъ,
Докле самну полѢ пріеђоше,
Машишесе высоке планине,
Но Хайкуну жеђа уфатила,
Па Стояну млада говорила:
„Има л' овђе воде ђегођъ ладне?"

Стоянъ: „Има вода Несретница!
Когођъ піо, несретанъ є быо,
На ньой су ме Турцы уфатили.“
Хайка рече: „Я ніссамъ жедна!
Бѣж' Стояне за бога милога,
Докъ ніесу пристигнули Турцы.“
Планину су брзо пребѣжали,
Навалише полю Котарскоме,
Вели Хайка Янковић' Стояну:
„Штасе оно бѣли у краину,
Ал' є сніегъ, ал' біеле овце?“
Стоянъ вели Хайкуни Туркиньи:
„Нит' є сніегъ ни біѣле овце!
Него куле нашіехъ сердарахъ.“
Хайка нѣму опет' бесѣдила:
„О Стояне драгій господаре!
Кое і' наша пребіѣла кула?“
Стоянъ рече Хайкуни Туркиньи:
„Гледай Хайко у врхъ одъ Котара!
Штосе види понайвиша кула,
А на кули о злата ябука,
Око нѣ є камена авлія,
То є наша пребіѣла кула.“
Хайка диже свое обѣ руке
Одъ срца є Богу зафалила,
Кад' іой даде добра господара;
У то сишли на полѣ Котарско,
На ливаде конѣ разяхали,
Па сѣдоше тесе одморише,
Стоянъ Хайки паде на кріоце,
А Хайка му косу претурава,
Докъ Стояна саннакъ уфатіо,
Хайка брка солуфе и брке,
Заміѣра хоће л' прилицати,
Па погледа на трагъ усъ планину,
Виђе хрта Лійчићъ Мустайбега,
Ђе пропада высокомъ планиномъ,
Види да су Турцы и поћера,
Но Стояна разбудит' несміє,
Єръ му ніе ћуди обикнула,
Поче сузе ронит' низъ образе,
Докъ Стояна сузе покапаше,
Вруће быше те га опржише,
Скочи Стоянъ ка' дасе помами:
„Што є Хайко, да те Богъ убіе?!
Али сисе млада покаяла,
Што 'си са мномъ дошла у Котаре?“
„Не, Стояне, негріеши душу!
А да видишъ стигоше не Турцы!
Изгуби те и тебе и мене.“
Стоянъ подби ђога дебелога,
Бачи шъ нѣга ћечу и хеђбета,
„Богъ т' убіо Хайкуна ђевойко!
Што ти хоте хеђбе и дукати?
Заръ є мало у мене дукатахъ?
Те си добра утрудила ђога,
Те ми неће моћи на мейдану.“
Па пояха ђога дебелога,
Хайка узе Дора и дукате,
Завучесе у гору зелену,
Стоянъ оде Турке пресретати,
Нешће стати друму на планину,
Но онъ сврну у зелено єлѣ,
Докъ прођоше шездесетъ Туракахъ,
И Ћор-муса на халата куса,
За ньимъ Стоянъ виче на ђогата:
„Юрунъ кардашъ, утече кауринъ!“
Стиже Мусу посѣче му главу,
Па све трчи а юрунузъ виче,
Кога стиже сваком' главу диже,
Докъ изгуби шездесетъ Туракахъ,
Самъ остаде Лійчкій Мустайбего,
Нешће Стоянъ бега изгубити
Рад' хайтара Хайкуне ђевойке,
Но удри га шакомъ и балчакомъ,
Паде Турчинъ, а Стоянъ припаде,
Савеза му наопако руке,
Поведе га полю Котарскоме,
Кад' погледа у росне ливаде,
Ђе і' остала Хайкуна ђевойка,
Ал' є силна войска притиснула,
Све баряцы ка' морскій облацы,
Препадесе Янковићъ Стояне,
Мысли Стоянъ да є Турска войска,
Па разгледа войску и баряке,
Таманъ ћаше бега изгубити,
А у Турке юришъ учинити;
Позна Стоянъ Кланчева Орлаша,
Па крсташа Цмиляниħ' Иліе,
Свиленъ барякъ Сенянинъ Ивана,
А чу хуку Мочивуне Вука,
Виђе Стоянъ да су Котарани,

Оде къ ньима низъ росне ливаде;
Угледа га Кланацъ изъ дружине,
Па онъ пушти суру бедевію,
А за ньиме остала краина,
Те сретоше Янковић' Стояна,
Шире руке у лицасе любе,
Ал'се Кланацъ полюбит' нехоће,
Но га гледа мрко напріеко:
,,О Стояне курвино копиле!
Самъ што пође у Турску краину,
Те ме старца незапита Кланца?
Кунемъ тисе свачим' на свіету,
Прегинѣмъ те за грло уфатит',
И подъ ноге ка' ягнѣ распрштит'.“
,,Нелютисе мой драгій уяче!
Я акосомъ бьо у Турћію,
Ніесамъ ти срамоту доніо.“
Али Кланацъ неда говорити:
,,Ніеси ми срамоту доніо!?
Нег' довео Туре гологузо,
А камо ти Хайкуна ђевойка?“
Ал' испаде Хайкуна ђевойка
Край ливаде изъ горе зелене,
Води Хайка дора дебелога,
Рече Стоянъ: ,,Ено ти Хайкуна!“
Хайка Кланцу полюбила руку,
И осталой свой господи редомъ,
Тад' му старый Кланацъ говоріо:
,,Фала тебе мой сыне Стояне,
Имао си за чемъ погинути!“
Па послаше неколико другахъ,
Пофаташе конѣ по планини,
Покупише главе и оруже,
Отидоше Стоянову двору;
Силній шенлукъ пуче низъ Котаре,
Сву краину огань обузео,
Одъ пушакахъ и одъ лубарадахъ,
Води Стоянъ Лійчић' Мустайбега
У нѣгову студену тавницу,
У коіойсу шездесетъ Турака,
А кад' бега Турцы сагледаше,
Запишћеше како зміе люте:
,,Авай нама до бога милога!
Кои бы не робства избавіо,
И тай ни є робства допануо!“
Тай ма Стоянъ врата затворіо,
Свадбоваше за неђелю данахъ,
Покрстисе Хайкуна ђевойка,
Сама себе име изабрала,
Любосава Янковић' Стояна,
Па є Стоянъ вѣнча за любовцу;
Любосава скуте савіяше,
А Стояну руку целиваше:
,,Молимъ тисе драгій господаре!
Зарад' среће и мое и твое,
И за любавь и за вѣру нашу,
Дай ты мене о тавнице ключе,
Да я пустимъ брата Мустайбега,
Да ми стара утѣшисе майка.“
Стоянъ тура у џепове руке,
Те іой даде о тавнице ключе:
,,На ти Любе о тавнице ключе,
Па непуштай сама Мустайбега,
Но све пушти сужнѣ изъ тавнице.“
Оде Хайка тавницы на врата,
Те изведе шездесетъ Туракахъ,
И своега брата Мустайбега,
Па довика лагахне бербере,
Сужнѣвима косу обриваше,
И съ руку имъ нокте сарезаше,
Па имъ даде рухо и оруже
Одъ Турака што су изгинули,
Нек' су бегу сва на брой дружина;
Да неиде стидно у краину;
Іоште Стоянъ узе бедевію,
Те є суру дае Мустайбегу,
Стоянусе Турцы поклонише,
Біелу му руку полюбише,
И фалу му и дову дадоше,
Па весело полѣмъ обрнуше,
Невесело Лійчићъ Мустайбего,
Низъ кобилу обѣсіо брке,
Са Стояномъ ништа неговори,
Но му вели Янковић' Стояне:
,,Што 'си мисе шуро налютіо?
Ако самъ ти Хайкуну узео,
Даосамъ ти суру бедевію,
Па є яши, те освећуй Хайку!...“
Отидоше Турцы узъ планину,
Међу собомъ єсу говорили:
,,Да мы ђегођъ друму запанемо,
Небы 'смо ли роба поробили,

Ал' каурске главе задобили."
А кад' мало понапріедъ были,
Ал' безъ главахъ шездесетъ Туракахъ,
Кое бѣше Стоянъ изгубіо;
Па кад' Турцы мртве сагледаше,
ТролѢтна ихъ уфати грозница,
ПобѢгоше Лійки безъ обзира,
И Стояну сватис' разтурише,
Оста Стоянъ съ Хайкуномъ на кулу,
Па да си ми Србин' брате здраво!—?
Е таквы су наши были старыи.

170.

На Круссе
Бой Црногорскій другій года истог' 1796ª съ Кара-Махмутомъ.

Одкада є войску изгубіо
Махмутъ везиръ одъ Скадра біела
Ратуюћи и боя біюћи
Съ Брђанима и съ Црногорцима,
Ни ти спава нитсе разговара,
Ни ти кланя ни авдесъ узима,
Но срдисе на Петра владыку,
Єре има жалостъ превелику
На юнаке младе Црногорце,
Кои съ Петромъ у Брда ходише,
Тесе боя юначкога бише
У гиздаво село Мартиниће,
Выше Спужа у БѢлопавлиће,
Ђе є Махмутъ срећу изгубіо,
И юнаке млоге оставіо,
Међу ньима хаге и бегове,
Кулугліе и свое деліе.
Седмый данакъ єдва проговара,
Шетаюћсе Махмутъ разговара,
А ударис' рукомъ усъ колѢно:
„Алахъ! рече, што 'самъ учиніо,
Одъ когасе єсамъ препануо,
Ко ће мою силу задобити,
Докле имамъ у ћесу новацахъ,
А у црну Гору трговацахъ,
Коизи су лакомы на благо,
Учинићу што є мене драго,
Они ће ми продат' Црногорце;
Похараћу редомъ и Приморце
До біела града Дубровника,
Што ће мене учинѢт' владыка?!"
Па одправи Махмутъ посланнике,
Ето войску купи и сабира,
Арбанасе право до Епира,
Херцеговце до Босне поносне;
ПріятелѢ зове на помойцу,
Ахмет-пашу Махмут-беговића
Одъ Рассіе и одъ Дукађина,
И сестрића бега одъ Кавае,
А Тоскама мито обећае:
Свакій даннакъ када быо боякъ,
По таліеръ свакоѢму другу,
А кад' ніе плаћа половину,
Сувише є храна и дарови,
А што стеку, али што украду
Да никоме діела недаду.
Сакупіо пѢшца и коньика,
Тридесть хилядъ по изборъ войника.
Изванъ войске што є оставіо
По границе на четиры стране,
Супротъ Брђан' и горице Црне,
Дасе небы могли саставити,
И у єдно пашу дочекати;
Па подиже и окупи войску,
На Доляне выше Подгорице,
Ту є везиръ танборъ учиніо,
И зеленный шаторъ разапео,
По кад' виђе близу према себе
Два тамбора Црногорске войске,
Єданъ тамборъ бѢше подъ Саћавацъ
На ливаде, на вучій студенацъ,
Друга стои на Крусску главицу,
Оба туркомъ задаю грожницу;
То є паши тврдо мучно было,
И нѢгову войску забунило.
Да є коме стати погледати
Соколовце младе Црногорце,
Како чине хиску и веселѢ,
Играюсе игре свакояке,
Међу собомъ зборе и говоре,
Да ударе паши на тамборе;
Іошъ да ти є видіети побре,
Како иду младе Црногорке,

Веселећсе и пѣсме појући,
Јунацима таинъ доносећи,
Небы река да су женске главе,
Ни женскога срца ни погледа,
Него срца Огнѣннога Вука,
А погледа одъ горе хайдука;
Мало небы пушке прифатиле,
И съ Турцима кавгу начиниле.
Ту стояше за петнаестъ данахъ,
Црногорцы наспрема Туракахъ,
Али ево гласи допадоше,
Дасе хоће везиръ подигнути,
И на село Круссе ударити,
Кад' владыка гласе разуміо,
Главарима совѣтъ учиніо,
Па на трое войску разредіо,
А предъ войскомъ редомъ поставіо,
По избору биране юнаке,
Кои знаду войскомъ управляти,
А съ Турцима желе воевати.
Ту владыка међу войскомъ стаде,
И свіѣма благослове даде,
Бога моли овако говори:
,,Црногорцы моя браћо драга!
Ево триста и тридесетъ лѣтахъ,
Одкадъ наши старыи воеваше,
Боя бише и крвь проливаше,
Порад' вѣре и слободе драге,
Да у робство Турско неупану,
И слободу неизгубе драгу:
Чуѣте ли што Турцы говоре,
Како они вазда Срблѣ коре,
А несрећомъ боя Косовога,
Кад' смо наше царство изгубили,
Одъ издае Бранковића Вука,
Нѣму за то вѣчна была мука;
Емасе є Махмутъ посиліо,
Што є гору црну прегазіо,
Кад' є пређе прозъ ню пролазіо,
А неслогу нашу опазіо,
Небы Турцы знали кошћелице,
Ни трзали наше утробице,
Нит' бы везиръ садсе зафаліо,
Да ће коня на море поити,
А похробит' мало и велико
Проза Црну гору свеколико,
Іошъ насъ кори, овако говори:
,,Да ће дати неколико мита,
И све ставит' коню подъ копита!"
Быт' може ли ранне жесточіе,
Но стріела кад' срце удріе?
А ни она ніе тако яка,
Да разбіе срце у юнака,
Ни остала икаква работа,
Ка' и таквій укоръ и срамота!
Црнагора отачество наше
Гніездосе соколово зваше,
Ђе соколи у слободу живе,
Кои лове зміе грабежљиве...
Споментесе ко ве є родіо,
Кога ли 'сте рода и племена,
Словинскога одисконъ имена,
Сви будите срца Краљић' Марка,
И деснице Бан-войводе Янка,
Вышнѣмусе Богу помолите,
Часніемсе крстомъ прекрстите,
Да ви' браћо, у помоћи буде,
И юначке да ви плати труде;
А нећу ви редомъ споминяти,
Што є было у стара времена,
На различна мѣста неброена,
Тек' ђеди ви у Жупу крваву
Кад' разбише пашу Серашћера,
Опоштише сву краину нашу,
Ка' и потлѣ у село Трньине
Међу Кругомъ и међу Ровине
У два пута кад' разбише Турке,
Єдномъ живе триста уфатише,
За вепрове на одкупе даше,
А другій путъ када уфатише
Седамдесетъ хагахъ и беговахъ,
На крваво Кчево доведоше,
И свіема главе осѣкоше;
Іошъ васъ молимъ дасе споменете,
Што є было у ваша времена,
Одъ Ђехае, па о два везира
Босанскога и Руменлійскога,
И Мехмеда паше Бушатліе,
Съ ким' 'сте скоро браћо боя били,
И юначку славу задобили,
Богъ ће дати за нѣгово име,
Да юнаштво ваше поновите,

И Махмута пашу разбіете,
Нека позна што 'су Црногорцы."
Црногорцы када разумѢше,
Коизисе онденъ намѢрише,
У свакога срце узиграло,
Одъ юначке желѢ и радости
Барякторы развише баряке,
Человоѣе войску поставише
Све по реду племе до племена,
Па кад' съ ютра зора забіелѢ,
Пріе но є огріяло сунце
Подижесе Махмуте везире,
И постави у ширину войску
Одъ зелене горе Высочице
До Команахъ и д' Ораховице,
То ће быти хода два сахата,
Тридестъ хиляд' на шестъ удариіне,
Живіемсе огнѢмъ погониіне,
По мейдану тамо и овамо,
А кад' было дневи око подне,
Црногорцы Бога поменуше,
Єднокупно пушке опалише,
А єданакъ уришъ учиниіне,
Ћераюћи Турке сіекући,
А другъ друга често клукуюћи,
Да освете зулумъ и срамоту
Одъ Махмута паше учинѢну:
Сад' да ти є видіети побре,
Витезове младе Црногорце!
Они єсу срца Кральића Марка,
И деснице воеводе Янка,
Како муте и разгоне Турке,
Како вуцы у планину овце;
Милій Боже на свему ти фала!
Камо сила Махмута везира?
Ютросъ бѢше силанъ и біесанъ
На ђогата коня големога,
Зъ голомъ сабльомъ у руцы юначкой,
Остру сабю бѢше повадіо,
Да сіече Црногорске главе,
Нагоняше своє на юнаштво,
Да пороби мало и велико,
И опали огнѢмъ свеколико;
А сад' виђохъ Црногорско момче,
Кое носи главу Махмутову,
Друго капу, а треће доламу,
И четврто саблю оковану,
Пето велю пушку Срмайлію,
Шесто мале пушке позлаћене,
Седмо якше коня Махмутова,
А осталіи витези юнацы
Свакій носу бѢлегъ одъ Турчина,
Крвавіехъ рукахъ до лакатахъ,
Некій єдну некій двіе главе;
Нетко и тры, нетко и четиры,
Некіи носе зелене баряке,
Млогіи пушке сабѢ и гадаре,
Вишій діо сребромъ оковане;
Некіи носе чалме и доламе,
Некіи воде конѢ седленике,
Ето побре сад' юначке дике,
Па нек' свакій вазда Бога фали,
И велико име Боже слави!!
Ту погибе цвіетъ одъ Туракахъ,
А господа старіехъ оџакахъ,
Одъ Призрена и одъ Вучитрна,
Отъ Косова и одъ Пріеполя,
Митровице и одъ Ђаковице,
И одъ Пећи, Хасса и Гусиня,
Одъ Бихора и одъ Колашина,
Одъ равнога мѢста БѢлополя,
И пространа шехеръ Воскополя,
Одъ Тиранна и одъ Албасана,
Одъ КаваѢ ЛѢша и Мокрина,
Одъ Валоне и одъ Дибре донѢ,
Одъ Водена и одъ Тепелена,
И Улциня біелога града,
Іошъ одъ тврдог' Скадра на Бояну,
И крвава Спужа на краину,
И гиздаве варошъ Подгорице;
Ал' утече паша Ибрахиме,
Ево ни онъ утећи нећаше,
Но 'га срећа наніела бяше,
На Лазара попа Кнежевића
Одъ равнога мѢста ЛѢшкополя,
Изнесе га на плећи юначке.
То є было, кадсе и чинило,
Богу фала и свим' угодницма,
А за здравѢ светога владыке
Што поднесе тад' найвише муке
Сузе роцећ', те свом' Богус' молећ'.

171.

Пиперы.

(Одъ Вука Ђурова Радоньића.)

Ђіела є дозивала вила
Одъ Журима са средъ Лукавицахъ,
По имену Люццу Мушовића;
,,Зло ти ютро пандуроват' было!
Ал' невидишъ очи ти испале?
Ђесе на те силна войска дигла,
Силна войска све седмеро Брдахъ,
А предъ войскомъ тры добра юнака,
И сва тры су одъ лютихъ Пиперахъ!
Єдно ти є Шушовићъ Павуне,
А друго є Станковъ Радоване,
И треће є Савићъ Радоевићъ;
Удариће у долу Штирноме,
Узеће ти Оногошке овце.“
Силно Туре вили одговара:
,,Нестраш' мене одъ планине вило!
Неће они на ме ударити,
Док' су мени стотину пандурахъ,
И чобанахъ триста кодъ овацахъ,
А торинам' ни броясе незна.“
У ріечи кою имадоше,
Удри Саввићъ на торине Турске,
И рашћера буле и ђевойке,
Пакъ одяви свеколико благо.
А да тисе нагледати побре!
Како Турске босе буле скачу,
И съ ногухъ имъ папуче оскачу,
А за гору гаће закучую,
А Пиперска ђеца прискачую,
Тер' имъ зъ грла скидую ђердане,
А са рукахъ бурме и прстене;
Ту одгнаше шестъ стотин' овацахъ,
Но удари юнакъ на юнака,
Ударіо Станковъ Радоване
На Мушовић' булюбашу Турску,
Посѣче му четрнаестъ главахъ,
Пакъ Пауна и овце сустиже
До узъ Лолу высоку планину,
И дођоше здраво у Пипере,
Но и шићаръ чуданъ догонише,
На свимъ тріемъ старѣшинство даю,
Главе Турске носе на Цетинѣ
Преко Брдахъ и Горице црне,
На Цетинѣ у Петра владыке,
Дивно ихъ є владыка причека',
Іошъ ихъ више грли и целива,
Дарова имъ шарене баряке,
Те весело домасе вратише.
То є лійка што юначка дика!

---

172. *

Бѣлице.

Подижесе Кузманъ одъ Бѣлицахъ:
И за ньимъ су тры четиры друга,
А отиде преко Горе црне,
Докленъ дође наихи Црмничкой,
У малахно село Болѣвиће;
Отоленъ є кньигу написао,
А шилѣ є у Баръ на Краину,
Башъ на руке Барском' Мехмедаги:
,,Мехмедага! слушай што ти пишемъ,
Ако зулумъ нећешъ оставити,
Што га чинишъ Барской сиротиньи,
Кунемъ тисе вѣромъ и закономъ,
Ал' ћу мою изгубити главу,
Али твою пріед' окинути!“
Кад' Мехмета кньига допанула,
И кад' виђе што му Кузманъ пише,
Подругасе кньиги Кузмановой,
И овако ріечъ бесѣдіо:
,,Чудна Влаха, ядъ га задесіо!
Кои мене предае законе,
Како имамъ заповѣдат' Раи;
Садъ онъ каже у кньизи овойзи,
Ако нѣга послушати нећу,
Да ми хоће главу окинути,
Ка' да самъ му свезанъ у край пута,
Башъ за грмѣнъ одъ єле зелене.“
Пакъ є Вуку кньигу отписао:
,,Чуѣшъ ли ме Кузмановићъ Вуче?!
Што ми пишешъ одъ горе хайдуче,
Да непрштимъ Лашку сиротиню,
Я везира за то необадамъ,
Кад' я имамъ одъ цара фермана,
А Рая є Турчину нафака.“

Кад' Кузману така кньига дође,
И кад' быо кньигу разуміо,
Причекао за неђелю данахъ,
Па є малу чету сакупіо,
И отиде Сутормань планиномъ,
Докле дође Шары поноситой,
Ту су єданъ данакъ преданили,
И біеле куле разгледали
По краини и по Бару граду,
А кад' была нойца долазила,
Отидоше Бару прозъ вароша,
Докле бегу до двороваxъ доше,
Па дружини Вуче бесѣдіо:
,,Я отидохъ у бiѣлу кулу,
Да одъ куле я отворимъ врата,
А вы станте предъ врата одъ куле.“
То имъ река па Вукъ ускочіо,
Ал' га клетыи опазише Турцы,
Недаше му отворити врата,
Веħ' у кулу Вука затворили,
А четиры пушке опалише,
Тек' олово непріону Вуку;
Па Вукъ ужди двіе пушке мале,
Те погоди Агу Мехметагу,
И Османа брата хагинога,
Іошъ Вукъ Аги токе уграбіо,
И четиры пушке Срмайліе:
Па изиде предъ бiѣлу кулу,
Ал' пре кулу ненађе дружину,
Онъ помышли да су му утекла,
Те овако ньима бесѣдіо:
,,О хрђава браħо и дружино!
Да грдно ли мене издадосте,
А да бысте кодъ Вога платили!...“
Кад' лелекну нешто на врхъ куле:
,,Яохъ Вуче срамотно л' погибе!
Мы ал' ħемо изгубити главе,
Али ħемо тебе осветити!“
А Вукъ имъ є быо завикао:
,,Непогибохъ, но слазите амо!“ —
То дружина нѣга разумѣла,
Брж' сидоше са біеле куле,
И съ Вукомсе онди састадоше,
У Црмницу отлесе вратише,
Изъ Црмнице здраво у Бѣлице.

---

173. *

Кавайка.

Одъ Кавађ кньигу була пише,
А шилђ є̂ Мехмед' Кокотліи:
,,Чуй Турчине Мемет' Кокотлія!
Ако мога неосветишъ сына,
Башъ моега лудог' Асанагу,
Коино є лѣтосъ погинуо
Боякъ біюħ' съ младим' Црногорцма,
Да заробишъ неке Црногорце,
И све мене да живе доведешъ,
А найпрвог' брата владычина,
По имену Сава Петровиħа,
И войводу Мійħу Вукотиħа,
И Андрію Сердара Пламенца,
Іошъ Сердара Бошковиħ' Міайла,
И сокола Паіовиħа Іова
Одъ крвавихъ Брдахъ на краину.
Ако ли ми ово неучинишъ,
Кунемъ тисе на ħитапу моме,
Чиниħу те на колацъ набити
У мог' брата Скадарског' везира.“
Кад' Мехмета кньига допанула,
Кньигу гледа сузе пролиева,
Затворисе у свою одаю,
Изъ одае ситну кньигу пише,
Па є̂ шалђ були одъ Кавае:
,,Чуй ме добро була одъ Кавае!
Чудимъ тисе што у кньигу пишешъ,
И у нойзи бирашъ Црногорце,
За Хасана да ти ихъ доведемъ,
А незнадешъ Було изъ Кавае,
Ніе лашно робит' Црногорце,
Црногорце ни младе Брђане;
Я 'самъ єдномъ шъ ньима ратовао,
И да ніе Доро ме уніо,
Небы мене куħа видіела,
Я да имамъ и цареву войску
Мучно быхсе на ньихъ уканіо,
Недадусе робити юнацы,
А камоли живы пофатати;
Но те молимъ кано госпођицу,
За то немой везиру писати,
Да ми мою неодкине главу,
На поклонъ ти стотина дукатахъ,

И тры хата подъ златна пусата,
Іошъ бых' дао, да бы веђъ имао."
А кад' Булу кньига допанула,
Кньигу гледа а прійма дарове,
Кньизи мусе само посмѣхуѣ,
Па Мехмету опет' написуѣ:
,,Чуй Мехмеде добро Кокотлія!
Проста тебе на рамени глава,
Кад' ми пошлѣшъ златнога сокола,
И товара четиры дукатахъ;
Кад' аждаю убіешъ єзерску
Одъ Кавае те прождире Турке,
Тадер' ђу ти опростити главу;
Бре кауре и ђафирскій сыне!"
Кад' Мехмета кньига допанула,
Кньигу гледа овако говори:
О Каваіо небіелиласе!
Што ми хођешъ изгубити главу."
Челомъ паде на землыицу црну,
Па є свое повикао слуге:
,,Све четиры коня оседлайте,
Да бѣжимо путъ Горице црне,
Ере ђемо изгубити главе,
Теке Була напише везиру."
Брзо нѣга послушаше слуге,
Оседлаше конѣ седленнике,
А кад' свану и сунце ограну,
Гласъ допаде Мехмедъ Кокотліи,
,,Одъ ядасе и жалости тежке,
У Каваи була преставила!"
И тако є Мехмедъ остануо,
На свом' дому и у своме двору.

174.

Ускоцы.

(Одъ Леке Мастиловића ускока изъ Гацка.)

Танахна є кликовала вила
Са Яворя высоке планине:
Виче вила у село Лѣвишта,
У Лѣвишта у Морачу горню,
Виче вила Бошка Харамбашу:
,,Ай чуѣшъ ме Бошко четовођа!
Ако піешъ, зло попіо вино,
Ако любишъ на душеку любу,
Шарена те гуя полюбила,
Ал' нечуѣшъ, ал' хабера неймашъ,
Ето на те силе и Туракахъ
Одъ Никшиђахъ и одъ Колашина;
Одъ Никшиђахъ су тры стране войск
Ето войска низъ Чуке камене,
Булюбаша Париповић' Зуко,
Калаузи Хрньковић' Пауне,
Те Турцима распутице каже,
Ето войска єдна низъ Хрзачу,
А предъ ньима два брата Лекића,
Ето єдне низъ Лѣвишке стране,
А предъ ньоме Юсса и Хавдія."
Ма Бошкосе съ виломъ разговара:
,,Луда ти си одъ планине вило!
Чимъ я имамъ стотину хайдукахъ,
Све ускока силнога юнака,
А іошъ имамъ добру узданицу,
Узданицу пестотин' Ровчанахъ,
А предъ ньима Рецца и Тапушко,
И докъ ми є сва Морача доня,
А предъ ньима Рашко и Радуле,
И ту имамъ добру узданицу.
И докъ ми є сва Морача горня,
А предъ ньима Міятъ и Радое,
Туракахсе я небоимъ вило."
Бошку вила опет' бесѣдила:
,,А ядна ти Божко узданица!
Издао те Рецца и Тапушко,
Издаде те Рашко и Радуле,
Издаде те Міятъ и Радое."
Опет' Божко вили одговара:
,,Я 'самъ мртве поставіо страже,
Ето, рече, на Лѣвишке стране,
Два Мандића и два Вуячића."
,,А ядна ти Бошко узданица,
Заспала є на странама стража!"
Али Бошко вили говоріо:
,,И другу 'самъ стражу поставіо,
На Хрзачи Іокановић' Марко."
У ріечи у коіой біяху,
Докъ пукоше пушке на Хрзачи,
А завика Іокановићъ Марко:
,,Бѣжи Бошко жалосна ти майка!

Ето на те силе одъ Туракахъ.“
Побишесе Турцы и Ускоцы
Одъ све Босне и Херцеговине,
И Лѣвишта село упалише,
А да видишъ Париповић’ Зука,
На питомо ударіо Старче,
Посіече Хрньковић’ Радоя,
И на Ратню воду ударіо,
И добра є роба зародіо,
Вѣрну любу Драговић’ Томаша,
Отео іой изъ наручя сына,
Баціо га у воду Морачу,
Морача га вода поніела,
Цикну писну Томашева Плана:
„А да ђе си Драговић’ Томашу?!
Ђе є твоя свіетла Латинка?
Што те дичи по Морачи горньой,
Ђе премећешъ по горы зверынѣ,
А знаду те кићены юнацы,
Мене младу заробише Турцы!
Увати ме Париповићъ Зуко,
Оте мени сына изъ наручя,
А баци га у воду Морачу,
Морача га вода однѣла,
Младу, ядну уцвіели майку.“
А то Томашъ и слуша и гледа,
Предъ очима пушку заратіо,
И мртву є пушку посестріо:
„Немой мене ватромъ преварити,
За очи те ни молити нећу.“
Па є Зука съ пушкомъ саставіо,
Лоше гледа, ма добро стріеля,
Устріели ког’ є погледао,
Све му срце одніела живо;
Зуко паде, а Плана припаде,
Те му скиде свіетло оруже,
А другійсе Турчинъ залетіо,
По имену Хацайлића Муіо,
Ал’ дочека Плана Томашева,
Зуковомъ га пушкомъ дочекала,
Мртвог’ Мую земля прифатила;
Ма трећійсе Турчинъ залетіо,
Дочека га Плана Томашева
Маломъ пушкомъ Хацайлића Муя,
Те му сломи до рамена руку,
Кад’ осталіи навалише Турцы,
Тадс Плана у воду скочила,
Прешла воду здраво и весело,
И унесе свіетло оружѣ;
У то пушка пуче одъ Туракахъ,
Те обрани Драговић’ Томаша,
Алсе отле повратише Турцы,
Божко викну ко да лѣлѣнъ рикну:
„Морачани, црнъ ви образъ быо!
Овђе боя ни юнаштва нейма,
Већ’ погнаймо узъ Морачу Турке,
У Лѣвишта на огорѣлишта;
Погледайте єдну женску главу,
Ево дости боя и юнаштва,
А біюсе Турцы и ускоцы!“
Па єднако пушке оборише,
А сви сложно Бога поменуше,
Иза Зука удари нерука,
Иза Муя спали Турке муня,
Побѣгоше Турцы узъ Морачу
Одъ жестока праха и олова,
Пріймишесе узъ Лѣвишке стране,
Но ихъ стиже Малиша сердаре,
Съ друге стране Бошко харамбаша,
По сріеди Пеіовића Драго,
По сріеди соко Бучић’ Лука,
Обѣсу ихъ заболѣле руке
Ужъ Лѣвишта сіекући Турке;
Тридестъ и петъ осѣкоше главахъ,
А погибе Драго Пеіовића,
И у томсе разметнула кавга.
Кньигу Бошко харамбаша пише
У Никшиће Осман’ капетану,
И двадесетъ и четирымъ Агам’:
„Ходте Турцы дасе састанемо!
Ніе много ни зіяна было,
Но да тврду вѣру уфатимо,
Да мы наше робѣ міенямо,
Двадестъ робахъ намсте заробили,
А ев’ у насъ дванаесъ Туракахъ,
И за мртве ласно ћемо свое.“
Така кньига дође у Никшиће,
И ту кньигу Турцы послушаше,
Изиђоше на Лолу планину,
А одовуд’ стотина ускокахъ,
И предъ ньима Божко четовођа,
Па Турцима Бошко бесѣдіо:

,,О Турчине Осман' капетане!
Хоћемо ли уфатити вѣру?"
Здраво збори Осман' капетане:
,,Млого си ми яда начиніо!"
А вели му Божко харамбаша:
,,Я ніесамъ на те ударіо,
Већ' на себи дочекао Турке,
Пребићемо едног' за другога,
Два Лекића за Косту Мандића,
Было му є стотину годинахъ;
Пребићемо Париповић' Зука
За нашега Хрньковић' Радоя,
Пребићемо Драга Псіовића
За Турчина Хаџайлина Муя;
Ал' іошъ ваше оста тридестъ главахъ,
Но хиляду оћерасте бравахъ,
Тридестъ главахъ за хиляду бравахъ.
Недаде имъ више говорити,
Већ' упута робѣ міеняше,
Уфатише вѣру за годину,
Іошсе клели Турцы на погачу,
Да невойште више на Морачу.

Прим. Истыйсе Бошко посліе у Руссію одселіо са своимъ браствомъ и племеномъ, недомакъ Одессе накућіосе, и познанъ є тамо подъ именомъ Богданъ Лазаревићъ. Единствена є то херачина, и колико юначина, товише є мударчина, природна безъ буквице и пера цртке.

175.

Злосретностъ.

(Одъ Риста Пелевића изъ с. Велете у Бѣлоп.)

Вино піе Бошковићу Раде,
Кадсе руйна напоио вина,
Таде Раде ріечъ бесѣдіо:
,,Ахъ да бы ме нееродила майка!
Е я чету покупити нећу,
Чету малу седам-осамъ другахъ,
А водићу чету на Пиперс,
Небы л' брата мога осветіо,
Брата мога Лакку Вуланова,
На божу га вѣру посѣкоше."
Оно рече одъ землѣ скочіо,
Ево другахъ купи седам-осамъ,
А све ћу ти по имену казат':
Одъ Дола є Павићевић' Янка,
И сокола Радуловић' Вука;
Одъ біела фрутка на краини
Отле зове Николића Крея,
Одъ Велета села питомога
И Стояна зовіяу кнеза,
А одъ малог' села Буюрића
Отле зову Буюрића Станка.
Па кад' Раде чету окупіо
Оде шъ четомъ низъ Бѣлопавлиће,
У Пиперску гору улѣгоше,
Но є њима срећа лоша была,
Есе Турцы стаю и Пиперы
На Брестицу на воду студену,
Ево друмомъ Пиперы пролазе
Око сабѣ-Шиша Петровића!
На ту войску ударит' несміяху,
Но имъ єданъ бѣше заостао,
Добаръ юнакъ Макочевићъ Боіо,
Неко вели: ,,Да му ударимо!"
Неко вели: ,,Да му неудримо!
Е є Боіо рода сиротнога,
А юнакъ є добаръ на краини."
Но невели Буюрићу Станко,
Одъ образа пали цевердана,
Погодіо Макочевић' Боя;
Утекоше преко Студенога
Ал' то чуше Турцы и Пиперы,
Пристигоше ону чету малу,
Убишесе прахомъ и оловомъ;
Пуче една пушка одъ Туракахъ,
Одъ Туракахъ оли одъ Пиперахъ,
И удари Бошковића Рада,
Низъ пушку му лишанъ понесао,
А съ нишаномъ око на затилякъ,
Паде Раде у зелену траву,
Но узе га Николићу Креіо,
На юначка плећа г' унесао.
Пакъ є друга пукла одъ Пиперахъ,
Одъ Пиперахъ оли одъ Туракахъ,
И погоди Крея Николића,

Ал' упіе Николићу Креіо:
,,А Стояне Милутиновићу!
Немой мене оставити ође,
Да ми Турцы посіеку главу,
Али Турцы, али-ти Пиперы."
Паксе Стоянъ къ нѣму поврнуо,
На плећи є Крея доватіо,
Али пуче пушка одъ Туракахъ,
Одъ Туракахъ али одъ Пиперахъ,
Те Стояна кнеза погодила,
Паде юнакъ єданъ ко другога;
Ма се бію тры-четиры друга,
А упію бойне Мартинићe,
Докле поточъ была прискочила,
Око сабѣ Гавриловић' Рада,
Убишесе прахомъ и оловомъ,
Убишесе болѣ немогаху,
Докъ тры младе задобише главе,
Двие Турске а трећу Пиперску,
Па на томе боя раздвойше,
А ког' ніе да винца непіе.

Конацъ истовê Пѣванніе.

Придатцы мои.

Та.?! немогу т' іошъ укопат' Сербе,
Докъ на твое неставишъ се мѣсто!.

Спѣвъ
Славено-Сербальству
Сѣверномъ.

Чамуняо, кои не пѣвао!
А тко пѣво Богъ веселіо га!!
Тко л' ћ' о чему, я ћу сад' о свому,
Тек' прамъ косê дай сестримко війло,
Да подапнемъ давно-мукле гусле,
Мое л' веће на гудало ево,
Па ты глайдеръ какос' разліеже,
Гудня л' колик'.узиграва срца,
Како л' роса проницава зрнца,
Одъ былькесе подижу грмине,
Вѣковмасе отимлю схурвине.
Та ту ніе срца ни душице,
А камоли духа и крвчице,
Ткосе не бы собомъ забавіо,
Баремъ онда, кадно му є доба,
И кад' истог' своятъ жели скоба,
А куд' ли є болѣ и пречніе,
Што ли лѣпше, и што ли дичніе,
Но и ближнѣ сматрат' како себе,
Тко л' є игда ком' пріятель быо,
Коигодъ є себе. негледіо...?
Свакъ є ближный тко помоћи треба,
А свакъ себе, тко немоћь, помаже,
Свем' є верлость основъ и поутка,
Чему і' мудрость, вѣрна руководка—.
,,Престависе Вѣнко Стратимире,
И погребенъ, и Богъ да га прости...!?"
Ал' поклемъ є доживѣти моро
Свог' при краю тродѣлія вѣка,
Што недала предцим' столѣтія,
Видѣт' сынке, Сербства наслѣднике,
Радъ повторит' іошъ є имо' цигло:
,,Садъ господе свог' одпуштай раба
По нареку там' у лоно вѣчно!
Серб-исраиль видѣ спасеніе,
Тобомъ себи давно досниваймо,
А дас' храни, дас' ода зла брани,
Своіомъ главомъ, тобомъ помазаном'
А предъ свіемъ людствомъ и свіетомъ —."
У настатку л' свог' живота Вѣнко
Себ' равнога єдва і' имо' кога
Međ' духовним' и мірским' Сербима,
А сад' свершивъ нам' є оставіо
Тысућама управъ просвештенихъ
Свог' стараня плодним' послѣдствима,
Па чем' нѣму и одъ мене фала,
Збильска фала послѣ Доситія—.
Ал' Вѣнково сад' заступит' мѣсто,
Тко ће другій, нег' одъ свіе больій,
Та ст' онай што угодит' може,
Самъ найпріе одъ осталй свіе,
Богу, цару, и свеобштем' людству,
Како и свом' самцатоме Сербству,
Колик' треба, и како є право.
,,Но тко ћ' наћи, тко л' га погодити,
Башъ истога небомъ одређнога?...?"
Рудый лафъ є своим' верлинама
(Rudolph v. Habsburg.)
Стеко' славу, саздо и Державу

И самсеби, а и свом' потомству;
Нит' у ичіой Порфире читульи
Веħи више има дивотнійка,
Нег' у нѣга дому и породу.
Юче і' умро царе презаслужный,
Што га отцемъ подайницы зваше,
Сви усердно нѣга оплакаше,
Докъ ал' ютросъ васкрсо' є истый,
Тек' у новом' свог' сына облику,
Са добриномъ на сву мѣру свакомъ;
Оправдаħе све надежде благе,
Утѣшиħе Сербе расп.акане,
Сад' о єдномъ уцвѣлѣне двойно,
Наметат' имъ неħе наемника,
Код' ньихова домаħин'-пастыра!
Измеђ' Сербства и ħесарска тронства
Подзирканѣ одавносе дигло,
Споеность му мѣсто заступила,
А заямность свуд' є необходность,
Па тек' Сербску царь докъ чуйне желю,
Разгрмнуħе царски повелявно:
„Я Мушицког' предизбирамъ истог'(!?)
Моим' Серблѣмъ за Митрополита,
Когно цѣло и Славенство цѣни;
Безъ лести є, пакъ є и безъ штрба,
Гибакъ ніе, ал' све къ болѣмс' віе,
Помазаникъ воли достойника,
Што і' нѣгова и општинска дійка."
Тад' ħе Сербы а изъ єдни уста:
„Све царово' нам' Ћесаре верлый
До божіе и до свое волѣ!
Свисе годи славили Ћесаромъ,
Ал' евовай нѣг' вѣчіо даромъ!
Крвь за цара лит' маримо свога,
Ко' за дѣде и прадѣде тога,
О больини онсе нашой стара;
Царь тек' влада, ђе і' правица свагда,
Ту све расте и у свему истый,
Тог' су знацы, ко' сунчанныи зрацы,
Ура вѣчно цару праведнику!
Како личном' Бога намѣстнику!!!
Та Остріо сад' имадешъ цара, (Osterland.)
Каквогно си іошъ имала игда,
Фердинанда Францишкова сына,
Онъ є верлим' надежда єдина,

Царь є збильскій, а царевиħъ свойскій;
Тек' ньирканю носъ обори у тле,
Нека нюха, и нек' низъ носъ духа,
Лакше му є, што му приличніе,
Но потлачат', него л' изопачат',
Давну слюбность, и витежку свѣрность.
Створъ на земльи срца поштенноga
И у Бога і' пріймлѣнъ истинного,
Отца изборъ и сынъ освеħава,
Таквог' само слава прославява.
Хай, тко і' Сербинъ, о добру є радинъ,
Пакъ онъ пѣва на нь' да безднa зѣва!
Тако брате до суднѣга данка,
Нек' ти цвѣта образъ безъ престанка!!
Громъ кад' грми тко є злобанъ мрви,
Ал' честитость свагда і' брезосудность,
И свеслюбня што є свесугодня;
Безсмертали а Серб-витезови,
Пак' славили васке війлослови! —.

Д у х ъ
Сверадостнога усклійка
сверху
„Ne acerbetur natio Serbica."

Цара и краля Аустрійске Имперіе
Фердинанда первога
свеблагодѣйске ріечи къ новой
Сербской Матицы.

О божество, та о свемогуħство!
Тко і' за чега, ты му даришъ свега,
Дайно и свом' исконашнѣмъ любцу,
Ко' л' садашнѣмъ тако и свагдашнѣмъ,
Дай штос' хоħе и промуклу пѣвцу,
Да га итко доначуйне овда
Баръ одъ Славског' рода и єзыка!!
Та и ніемъ да є родіосе,
Сад' одисто пропѣво бы чисто!!..?
„Матица є васкрснула Сербска!
Ура нѣму воскресавателю!..!
Васкрсла є и оживѣла є,

Да оталя све каконо валя,
Некс' упути све какосе слути...?
Да Сербинство ступи у больинство."
Одъ Аваче до иза Мораче,
Одъ Блатика до Іадріатика,
Рой Славенства разастросе свойскій,
Оном' славі і' кой га наспоріо!!!...?
Славъ сѣвера у свіету леда
Благовкусне налази ягодке,
Ко' масть Юга изъ царскога цвѣтка,
Ко л' медъ піе Савроматска поля,
И данштину кано и воштину
Што изъ кора смолнатога бора,
Ол' изъ хелде збира и картофле;
Све л' Матица радо исчекива,
Да општини саћа наоснива —.
Скит-ветеранъ Сербъ є одъ зачетка!
Съ тог' напредаръ, а нигда назадаръ;
Чех-рођаче Слав-древности ямче,
Данъ куй (!..?) собомъ своим' и свакима,
Учи правой да б' и глухце вѣры,
Свѣтъ свышньости свуда напрестоляй,
Нитко т' смести, нитко т' превазисти,
Хусса, Жижку родила і' Поемка!...!
Сербу пружай део иструђеня,
Онъ ће теби брастромъ ... одзаймити —.
Дальный Руссе къ свомсе примкни ближе,
Болѣ да те чуе и разбира,
Како зукте боріе сѣвера,
Чим' ли струи Нева и Онега,
Шта л' питоми Сибиръ и Кавказа,
Како л' съ плачемъ срца драговольна
Свештеникъ ти Севышнѣга моли,
Да му цара, ко' небесног' дара,
Богъ поживи дуго и свеславно;
Скоро прошлый данъ и праздникъ свѣтлый
Мур-Ликійскихъ светог' чудотворца,
У Бечу є о томъ увѣріо,
Ни быт' валя, дасе необявля,
Сѣћавъ га се топис' у мен' срце
Одъ усладе и одъ сучастія,
Одъ верлине истинита чуйства.
Но и Полякъ небуд' вѣчный болнякъ!!
Постепенно безкрилъ к' верху лази,
Оро крузма пенѣс' у высине,
Крайна л' вольность сяйна є разхорность,
Општой вольи частна і' жудня жертва,
Кано и гнявъ што і' разума тунявъ,!
Нит' є мачуръ кад' надхрво лава,
Самъ Пожарскій тексе наспоминяй!..!
Туђа помоћь по готову і' немоћь,
Надъ є у се и у свое клюсе,
Ол' є свое измѣрити слое,
Па ни гудит', ни гудала вадит,'
Зло горшиномъ іошъ товеће быва...!
Орфей сликомъ и жельи приликомъ
Адъ є самій смилостіо негда,
То л' братъ братаб' у брату ненашо,
Ал' братинствомъ да га і' потражіо...!
Шта л' ползова иком' Понятовскій?...?
Нам' тек' суза умложіо горки!..:
Нит' ђыс' игда за ньим' утѣшіо,
Да ми ніе, а нехотно єдва...
Славян' врага самъ сломнуо рога,
Замамивъ га Польскомъ до у Москву,
Па... крозъ Елстру, кано му предтеча,
Те кад'... іошъ бы Галл-маршаломъ вальо;
Ал' Перуну за показат' мниму
Куд' одъ Русса морас' избавляти,
Тко врагъ мусе напне обявляти —.
Съ тог' нек' туђству а туђинство быва,
Сваком' свое, па што ком' є Богъ до;
Себе имашъ, себ' у себе сключай,
Нетрамплявай себе ни за кога,
Паштис' теке превазић' болѣга,
Ал' болѣга озбильским' дѣлима,
Так' ћешъ само надиграт' душмане;
Свештетъ застранъ будди краткоумцу,
Нрави л' развратъ нека і' лахкоумцу,
Вѣромъ слѣдуй спаса истинскога!..!?
Свемогућствомъ вѣчно єдинога.
Друговнути како руковнути
Узъ гредъ можешъ съ кимсе гођ сукобнешъ,
Ал' са своимъ сродним и сукућнимъ

Необходно дужанъ си свакада,
Тко л' мож' коме више но свой своме!?
Што л' бы пловке и безъмлакке зимнѣ,
И ледъ умну валя у по лѣта,
У пол' зиме за то прибира га;
Па тек' онда сва і' Славенству згода,
Каква і' за нѣг' одъ совѣта вышнѣгъ
Намѣнѣна, давно л' одређена,
Духомъ само свес'-пригрляй амо,
Слюбца дѣло Боговца є пѣло!..!!—?
Збыля... іоште чуй и почуй рођо!
Слав-утроба славнимъ духомъ дише,
Гдѣ л' азбука одъ Славенске боля,
Та своимъ згодомъ кам' іой и споредна?...?
Кои л' єзыкъ ньомсе писат' неда,
Съ єдва л' чега придаткомъ новога?
Ал' никада іота репатога,
Што репове све надмложа репомъ,
Ко' ни еля... то ли еня... твога!...?
Старыи наши себ' су болѣ знали,
Скрозно ствары сваке прозирали,
Тупогледацъ, што и тупоумацъ,
Съ манѣ і' ползе, ал' съ одвише штете
И различна себ' и ближнѣм' квара.
У цѣломе свеважна і' частица,
Свака л' о себ' тек' є несретница,
Но у ято мой голубе сивый,
Па да ми те ястребъ веђ' нелови,
За когно су пипладъ и зечадца!
А никада люди витежеви,
Ни то не тек' витези деснице,
До ни быстре душевне зенице—.
Хай!!? И Ђесаръ цвѣлит' Сербе брани,
Неда цвѣлят', неда ій огорчат',
Све довѣрѣ себ' у ньима храни;
Право има, у томсе невара,
Нити ђесе игда преварати,
Ка' и нигда за тосе каяти!...!
Фала нѣму одъ свег' Сербства за то,
Свагдашня му и слава и фала!!
Серб-матицу нам' є оживіо!!!
Богъ му свако добро поклоніо,
Царовао, те све правдовао,
Пакъ и жійђе Серба одлакшао!...?
Дас' чим' има солит' и смочити
У Баната и Срієма польма;
Крушацъ соли да неплађа главомъ,
Ил' плеђима, та свим' людскимъ здравѣмъ,
Єфтинію л' што б' неимо' дома?...?
Што л' бы явно братску... некупово?...!?
Брезсолъ неђе Сербе смађарати,
А ни хазну цара напунити,
Веђ'се слути . . . .
Та сѣмъ соли ни крава неводи,
То л' юнака да нам' жена роди...!
За крвь свою л' дасе ни то нейма?
Нит'се мож' веђ' купит' ни платити..!
Докъ тим' и свим' царійђи ій гняве,
Противъ Бога и Ђесара волѣ!...!
Сербъ є Шпартацъ, а не Иллотъ робе,
Сербъ животус'... ал' за животъ жанѣ.
Све л' што како, Мат-матицо вако:
Тко є являцъ, онай є и галацъ,
Па чеса ти Богъ недао самый,
Нетреба ти, а ни прилега ти,
Што л' ђе теби стршеля оружѣ?
Онъ отима, но не иструђуе,
До крайности пчеле т' носе жалце!
На што л' теби ядъ самртный шпурка?
На мѣсто му медъ и восакъ збирай,
Справляй чувай, па га и раздарай,
Како ти є свыше одвѣђено—.
Пази добро, а іошъ мотри болѣ,
Да честивна зуца и царица,
Веђ' небыва смрадна нюхалица,
А томанѣ злобна завистница;
Іошъ у крилца недиркай летирка,
Тек' помышляй шта б' ты безъ твоіе,
А ни боди тернъ у здраву ногу,
Єръ врагъ и теб' іошъ подковат' може,
Гдилно єданъ, ту су свиколицы...
Те ђешъ познат', што знат' нехотѣла,
Колик' валя зрнце благоумя,
По што л' Мусса одерао ярца,
Пакъ и тад' бы... нођъ ти засвакада,
А и сама безъ тог' ближа і' нама;
Но тек' пчеле рађай и подизай,

Па нек' оне свудсе разлиеђу
За социма по разномъ цвиеђу,
Напрђене, трудомъ осређене,
Свраћатиђее къ теби опетена,
Ты тек' чувкай дворка саплетена.
Іошъ крвь ничю водомъ непретварай,
Знай да и медъ може прокиснути,
Ка' воштину... буба подгризнути,
Кромъ и Матацъ... мож' быт' Юго-
Славацъ —.
Юнацима дійка и пофала
Одсвуђ' овда, ка' одъ правде вазда,
А мудрацим' світъ и паштенѣ,
Па пѣвунма, у верту лимунма,
Ка сличарма и ка' ображарма
Та красарма свакоячи стварма,
Богъ помаго везда и занаго;
И Сербима, ка свим' одбранима
Уза свадбу дай Богъ наћ' и брадву...!
Хай, тко л' свога, Творца прославляо!
Ближнѣ свое тіемъ забавляо!...?
Та и стѣнѣ кликъ му ословляо! —.

Іошъ ев' одъ мене и ово, а о:
1813оме годишту.

До тры цара на колѣнма клече;
,,Миръ Европи!" Богъ да съ неба
рече;
Овъ часъ носи Черногоръ витеже
Гласъ побѣде: ,,Душманъ у прахъ
леже!"
Нигда болѣ молба услишана,
Кромъ садъ ова слогомъ оживляна.

(Заръ ово на колону великога Пол-
ководца те одъ Сербства?
,,Та баремъ на идеалну —.")

Пакъ ев' и ово:

Послато ми недавно у Лайпцигъ одъ Г. Д. П. Тирола Сербына у Београду живећега мнѣніе нѣгово, напечатано тамо, сверху страдателне частице (се) приставлямъ евовди овомъ удобномъ приликомъ, а да већа мложина учевніе Сербова предъ очма га и попріе имати могне, те о томе озбильски пространо и дубоко поразмозгавъ заключи што зрело и добро, ако најбуду да безъ икакве шале у томе што болѣга и зреліега быти може одъ старогъ и доякошнѣга Сербскости и Славенскости умозрѣнія и употребленія. Онъ є ово сочиніо и подніо Г. Лазару Зубану на одобренѣ, и предуводъ я изоставлямъ, а само прештампавамъ оно цигло, штосе исте ствары тиче, о коіой є зборъ и говоръ нѣговъ евоваковый:

,,Како гођъ што сви народи, кои писмо на своме єзыку имаю, речи єзыка свога етимологически раздѣлюю и раставлѣно ій пишу, изузимаюћи само сложене речи, као: лудоглавъ, совокупитель*), правописанѣ, завладати, уклонити, одломити, одказати, предузети, и. т. д. тако и мы и Славяни у сматраню овога точно правило ово наблюдавајући чинимо и пишемо сваку речь, као што валя, раставлѣно, нити пазимо, што Руси у гдикоимъ оваковимъ речма после предлога безгласно слово (ъ) умеђу, као н. пр. объявленіє. Но Вы мыслите, да є састати се єдна речь, будући да безъ своє частице ништа не значи, па зато да се мора са своіомъ частицомъ и саставити, као н. пр. састаосе, састалисмосе, састалисусе, и. т. д. него само валя знати, велите Вы, гди се ова частица (се) мећe. Я пакъ судимъ о томъ сасвимъ другчіє, и велимъ, да мы имамо само дѣйствителны, средньи, и повраћателны глагола; а страдателны глагола, као ни Славяни, немамо

---

*) Совокупитель є сложена речь одъ Сово (Сова, die Eule) и купитель (der Sammler), и значи der Eulensammler; а скупитель значи der Sammler, Collectant.

никаквы, него оваковe глаголе, кадъ є нужно, допунянамо само описиванѣмъ, као н. пр. бывамъ люблѣнъ, быо си біенъ, быћу хвалѣнъ; и ово є правило синтактическо, како годъ што є и то, гди се винителный падежъ поврађателногъ местоименія се (себе) међе. Поврађателни глаголи, кое су Славянски Грамматицы безпутно страдателныма нарекли, есу двояки:

а.) Онакови, кои су првообразни, т. є. кои су одъ природе поврађателни, па зато се и зову тако, и кои безъ страдателне частице никаквогъ значеня немаю; као н. пр. састати (се); ругати (се); мешати (се), и. т. д. съ тымъ примѣчаніемъ само, да се ова страдателна частица као и у Немаца неопредѣлено местоименіе man, кое се са своимъ глаголомъ не саставля употребити мора, као н. пр. man sagt, говори се, man bringt, доноси се; man schreibt, пише се, и т. д. и треба знати, гди се, у Србскомъ єзыку, по правилу синтактическомъ међе, нити се ово поврађателно усечено местоименіе се, као што Вы судите, съ Немачкимъ одѣляемымъ частицама; ab, an, auf, aus, bey, vor, durch, ein, fort, für, weg, hin, zu, mit, um, voll, и т. д. сравнити може; єръ су ове частице сами предлози, кои се по свойству Немачкога єзыка у спрезаню одъ свои глагола раставити могу; а у насъ оваки предлози одъ свои глагола нипошто се не раставляю.

б.) И такови, готово сви дѣйствителни глаголи, кои приставленіемъ винителнога поврађателногъ усеченогъ местоименія постаю, као н. пр. бріяти се (себе), изменути се, (себе), изломити се (себе), облагати се, (себе) и т. д. ово су као и Немачкіи поврађателни глаголи (Recíproca) съ винителнымъ падежомъ поврађателногъ местоименія и. пр. sich rühmen, sich gewöhnen, sich freuen, freue dich, и т. д. Изъ овога се ясно види, да неваля винителный падежъ поврађателногъ местоименія съ глаголомъ саставити, єръ какогодъ што се неможе написати заєдно бріятите, бріятига, него бріяти те (тебе), бріяти га (нѣга), тако исто и бріяти се (себе). Дакле ако поврађателни глаголи второга вида съ винителномъ частицомъ саставити се немогу, то исто тако ни другога вида глаголе поврађателне съ частицомъ страдателномъ саставити неваля.

Као што самъ Вамъ устмено казывао, тако Вамъ садъ и опетъ кажемъ, да нисамъ мнѣнія тога, да то тако быти мора, и да ме нико опровргнути неће моћи, већъ само да я тако мыслимъ, и да ће ми мило быти, ако ми Вы, или другій кои, кои сте о овакимъ стварима судити кадри, у сматраню употребленія ове страдателне частице докажете, да право немамъ, и да само кваримъ правило правописанія Србскогъ, кое іошъ и несуществує. (:?:) * Єръ ћу Васъ тако само послушати, и страдателну частицу (се) опетъ као што самъ и пре чиніо, докъ самъ мысліо, да штогодъ знамъ, са своимъ глаголомъ саставляти.

За садъ оволико само, а другій путъ, мож' быти, да ћу Вамъ и выше што казати; међу тымъ желимъ, да съ овымъ задовольни будете, и да у чемунибудъ не замерите

Вашему

У Београду 3. Априла 1837.

искренному пріятелю,

Димитрію П. Тиролу.

*) Єзыкъ гди є, и правило ту є!

Одъ
Милоша Светића
Ода.

„Laurea donandus Apollinari.“

Horatius.

И Ты намъ паде, велика подпоро,
Надеждо сяйна! Ледена рука Ти,
Дизана любве жаромъ къ роду,
Престаде управлят' Србскимъ плектромъ,

И цркве жезломъ. Горка є судбина:
У обштой бѣди бурѣ погибелне,
Громъ када рази, прети волна,
Даску спасенія топи грозно.

Шта лепа душа може у душама
Са чистымъ огнѣмъ любве ко народу,
Мушицкій, спутникъ Муза вѣрный,
Остави вѣчитый споменъ зрачный.

У борби тужной лютым' са стрелама
Ахъ! кивне злобе, подобно иройма
Доброте, правде древна вѣка,
Многу є испіо горку чашу.

Юнакъ ал' нравный, духомъ и наукомъ
Высокомъ силанъ, кормиломъ управля,
И ратне сече страсти, къ благу
Обштему тежећи крѣпкомъ вольомъ,

Да умность сине тежкимъ надъ бременомъ
Єстества земна; гди є величія
Людска скрывена мета: ту онъ
Достиже славе и свѣтломъ зраку,

И рода Србскогъ любови ватреной,
Кою ни Силногъ лице намрштено,
Сковъ нити лажны ляга, сѣтій,
Може угасити игда. Та Му

Тріумфъ на вѣки съ побѣдомъ взнесеномъ.
Самъ собомъ сіянъ, презире подлости
Онъ срдца, душе, даюћ' свѣтлости
Заслуги истинной, сладкимъ трудомъ.

Већь столпи свѣтле, выси се Пантеонъ
За хвалне душе; племе се разноси,
Гди с' Хумболдъ зной. Нѣмци умни,
Огнѣни Галли, дубоки Англи;

Потомцы Рима, леденъ и Петровъ градъ
Познаю Тобомъ Србльина цѣну, моћь.
Там' съ Шишатовцемъ Фрушк блиста,
Карловацъ казуе подвигъ силный

За вѣру, цркву, школе и науку.
Источникъ живый юности отворащи
За ревность свету къ чести рода,
Красна художества златнымъ ключемъ.

Садъ къ прагу црномъ вѣчности ступаюћ',
Последнѣ взоре народу обраћашъ,
И вѣнацъ славе Тобомъ сплетенъ
Генію рода Ти пружашъ на честь.

Чека Те Раићь, равне ахъ! судбине,
Терлаићь умный другу се радуе,
Доситей нѣжный пружа руку,
Предсрета любвомъ, и сладкомъ дружбомъ.

О! Ступай срећанъ къ покою небесномъ;
У срдцамъ живећ', завѣтъ намъ оставлашъ
Потомству вѣчный, како валя
Любити, красити цркву и роду

Посвештенѣ!

О младежи Србска,
Даръ ти ово будди,
Честитость є збильска,
Ньомъ испуняй груди!
Па ти млога лѣта
Одъ вилахъ собета!

Све и себе прієкословъ вара,
Кои вели, и то одъ укора,
Да є Србаль на Косово полѣ
У све грђе подпузо неволѣ;
Єсть онъ царство изгубіо свое,
Єсть и цркве прецаміо млоге,
Ал' є опет' іошъ одржо трое:
Усердіе!... Самъ велій духъ слоге,
Вѣромъ!..? живомъ посрнуо ніе,
На мейдану л' онъ све винце піе!
Четованѣмъ... и прокушаваньма...
За сусѣде честимъ ратованьма
Свою крвцу нигда нештедіо,
А што бѣше. да бы съ нова быо;
Честитость є, слава и слобода,
Понайпаче Славенскога рода,
Койно себе брани и подиже
А бранећи къ себ' народе ближе,
Оли баремъ трпи пѣваюћи,
Вилахъ клиц'ма животъ являюћи
Свой душману и свимъ пораштайма,
А настоећ' нуждним' одмаштайма,
Тайно, явно, мал' и млого і' было,
Тек' некасе вратит' угодило,
Дас' одлюду дужно неостае
Онъ тер ако и на звѣзде лае —.
Бѣла вила Германкиня... млада,
И туђинка... но є вѣчно рада
О Србскоме правдоват' народу,
Колик' значи любећій слободу;
У Турчина и у Кафурина...
Робъ и царъ є Сербъ доселе быво,
Туђостъ чуво, а свое осниво...!
Србъ витежтвомъ да є вазда знатанъ,
Єстъ безъ хрвнѣ и данаске сѣтанъ;
Нѣг' и Турство выше тек' уздиже,
Мнивъ безочно да га тиштє ниже;
Па одъ Срба небоявсе ништа,
Докъ ал' найзадъ шъ нѣга и пропишта —.
Ђе є умностъ ту є разбиранѣ,
А ђе врлость ту є и пѣванѣ,
Духъ врлости вѣра, та божество,
Све надоляцъ природно мужество;
Баръ Катони..., докъ и Долгорукіи...
Вѣков' ступцы у Србской 'су дійки,
Гусле иста одпечаћу свуде,
И сліепцы яснотворе труде;
Срца Србског' уши с' напуняю,
Больиннама уме упражняю,
Спаса моћу да бы се утегли,
И временска за вѣчность присегли.
Пѣсне Срба читаће ни сватко,
Познанѣ ихъ примѣрно є слатко,
Явля садржъ нравне діаманте,
Свимъ дивотам' Србе обилате;
Я л' найволимъ да ихъ чати Србче,
Нек' одзнае игда быти смртче,
Пакъ ђедима нашим' Булатима
Светим' Отцим' ... Србства владетима
Вѣчна паметъ! блаженъ покой души!
Ньима текаръ душменъ насъ незгуши,
Жене л' Србке ка' нечіи су люди,
По дѣлима знаду с' ка' по ћуди,
А мужеви листомъ витежеви,
Црнагора тог' є свѣдочиште,
Ка' имена и духа спасиште —.
„Па чуй Сербе, што ти збори Сербство:
Право і' трудъ си окусит' найпріе,
Ал' сѣмъ Серба тко є мене чуо,
Понайпріе гућет' и пѣвати,
Мене чуо, мене разуміо
Чакъ на Югу, и подъ варвар' ногу...
А Туђеродъ, одъ сѣвера хладна,
Нѣм' я и ты поднесимо исту
Старонову Серба пѣваннію,
Даръ є призоръ заслужіо больій
Ал' заовда сва і' толка ми згода."
О Сербинство, мое животинство!
Я самъ ти га сѣћаосе, давно,

Тражіо га, докъ му гробъ нашао,
Ту га звао, ту га кликовао,
Што икада, то изъ свега мозга;
Ал' ми отуд' ни ява ни гласа,
До тек' што ми війла посестрима
Са истока, те изсредъ сунашца
Ясно кличе, докле ме докличе:
„Хай ме побро слушат' и разбрати!
Одовудсе за гребъ недозива,
Безконачна і' тамо просторія,
Ка' ни отуд' амос' неодзива,
Слађа і' тамо райска пѣснарія,
Она врле упитава душе,
Да све друго при ньой небрижаю,
То имъ вѣчна Слада... и Милина—.
Нег' онъ има іощъ ам' у свіету,
Сына родног', духомъ истоветногъ,
Што дробине гора̑ и планина̑
Разадире, у нутаръ имъ слази
Ту онъ благо свакакво налази,
Износи га на видикъ свіету,
Па ньим' оре ньиве и баштине,
Ньиме коси што є за кошеня,
Па ньим' злати што є за златеня,
Чим' и Серба ћ' обрадоват' брзо;
До нѣм' исту поднес' пѣваннію,
Чести ради свису дійке скнади,
Све мы секе війле одъ свіета
О томе смо віетъ учиниле,
И то желе, и то мени веле,
Што ти кажемъ и што ти налажемъ
Драго ти є, послушати ни є̑."
Ха етако! другчіе никако!
Вѣра т' Божя, и та ни помогла!
Сад' я виђу, што є права війла,
Што л' є вѣрна побри посестрима;
Най ме дакле Бароне Хердере,
Свег' у пѣсне сатоплѣна Серба
Теб' на жертву теб' на фалу саму
Ты поживи, те ми родъ проживи,
Чим' оживляшъ Анте и Урале—..?
Люде учишъ велѣ ка' и мале—.

Примѣчаніе. Одъ Пѣванніе стотину є пѣсана Г. Вилхелмъ Герхардъ зимусъ превео са мномъ на Тайтонскій єзыкъ.

Пренумеранти:

Его Высокопреосвященство Г. Митроп. Црногор.
Петаръ II. Петровичь Негошъ. . . . . 10 Ек.

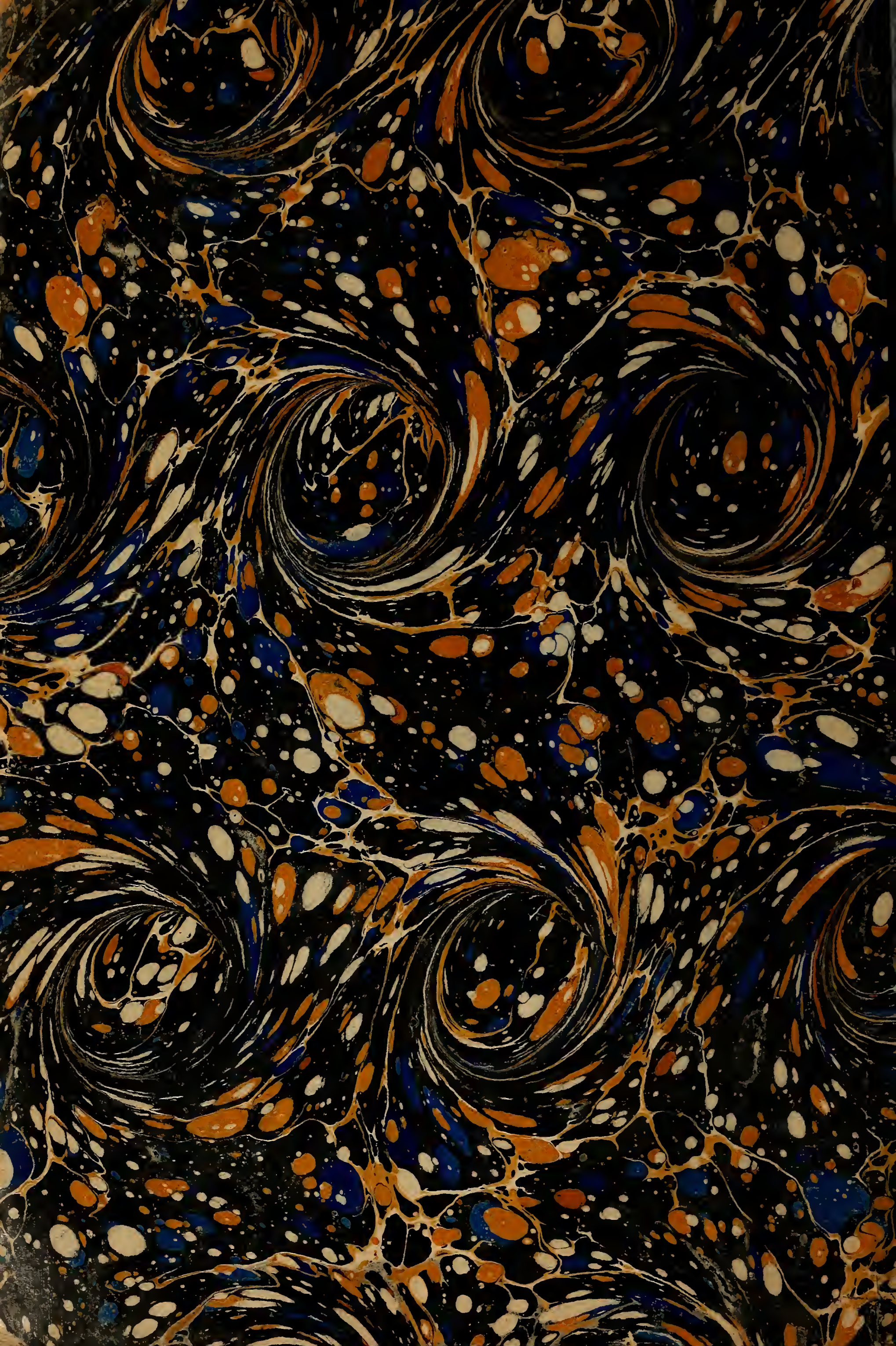
Его Высокоблагородіе Г. Єремія Гагичь россій: вицек. и кав. у
Дубровнику. . . . . 10 —

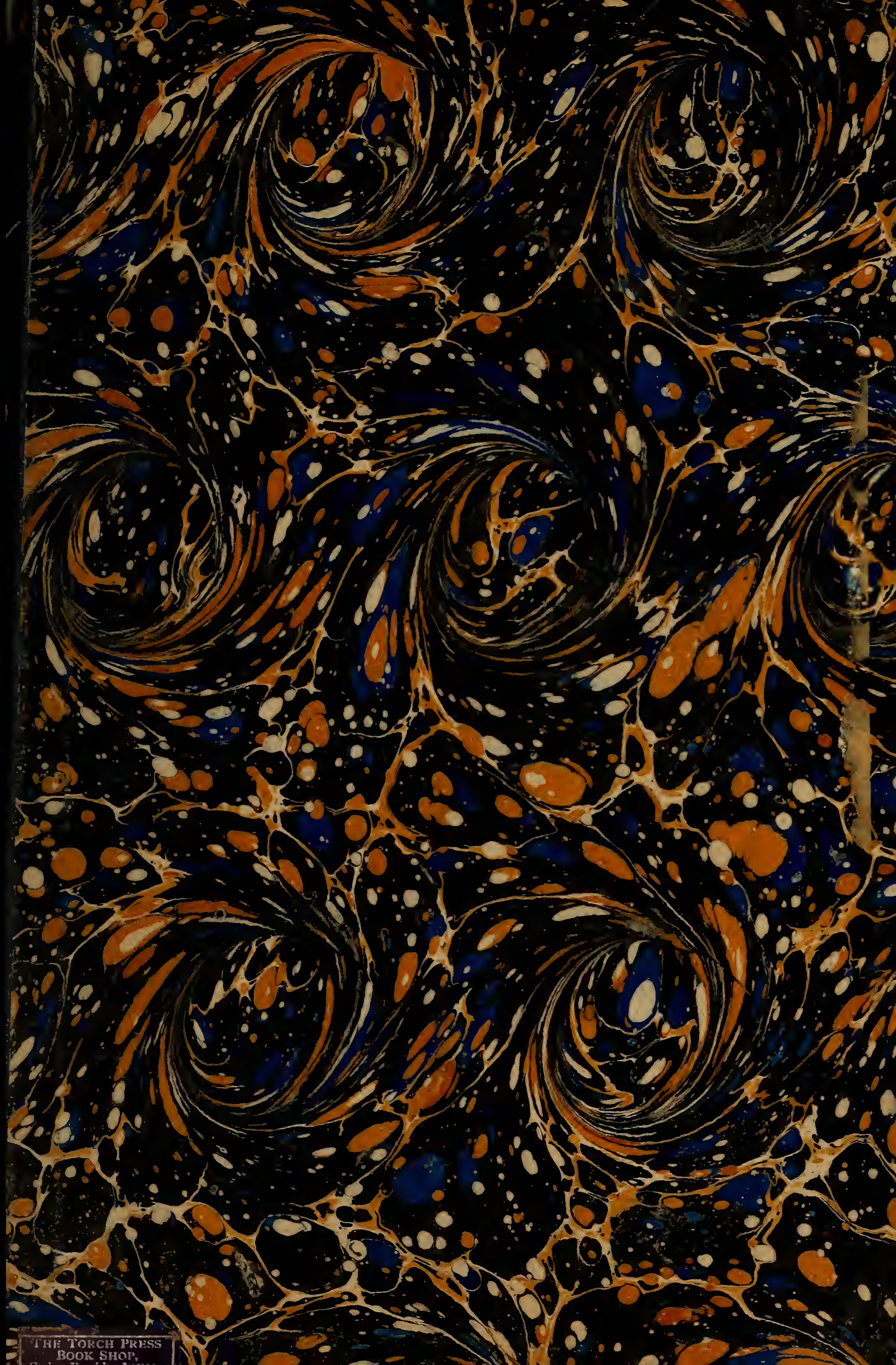
Высокоуч. Г. Димитріе Фрушичь Докт. варош. у Тріесту. . . . 10 —

„ „ „ Платонъ Симоновичь Проф. при Одес. Лиц. . . . 10 —

„ „ „ Исидоръ Стояновићъ Проф. Поезіе у Серб-Крагоев. 6 —

Благонад. младићъ Іованъ Георгіевићъ Сараевче. . . . . 4 —




THE TORCH PRESS
BOOK SHOP,

LIBRARY OF CONGRESS
00026302766